

х с

СБОРНИКЪ ПРАВОВѢДѢНІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.

Т Р У Д Ы
ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, И ЕГО СТАТИСТИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

8
ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

—❁—

МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.
1898

JUL 18 1992

JUL 18 1992

ОГЛАВЛЕНИЕ VIII ТОМА.

	СТРАН.
I. Специальное назначеніе судей и судебная грамота въ древнемъ русскомъ процессѣ. П. И. Бѣляева	1
II. Историко-экономическіе очерки Новороссіи. I. Десятищники въ Херсонской губерніи. К. В. Свирскаго	17
III. Финляндія и Россія. Д. В. Философова	61
IV. Къ исторіи межеваго дѣла. С. Н. Полякова	87
V. Природа умысла. Г. С. Фельдштейна	104
VI. Слѣдователь, полиція и прокуратура въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. В. С. Малченко	126
VII. Судебно-административныя учрежденія Тверской губерніи за пятилѣтіе 1892—97 гг. С. А. Михайловскаго	155
VIII. Германская и кельтская формы разселенія въ Германіи. В. Э. Дена	172
IX. Гражданская свобода какъ понятіе государственнаго права. Ѳ. Ѳ. Кokoшкiна	228
X. Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній. А. А. Кауфмана	247
XI. Хроника:	
Московское Юридическое Общество въ 1896—97 г.	1—78
По поводу дѣла де-Кацманъ. А. М. Краевскаго	79—88
Памяти С. А. Бершадскаго. С. А. Шумакова	89—94
О конкурсѣ на премію	95—96

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Московское Юридическое Общество, озабочиваясь печатаніемъ своихъ протоколовъ и другихъ работъ Общества, его Статистическаго Отдѣленія и Коммиссій и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что Общество призвано, въ предѣлахъ доступныхъ ему средствъ, содѣйствовать печатанію работъ своихъ членовъ, въ годовомъ засѣданіи своемъ 18 февраля 1893 года постановило издавать, начиная съ 1893 года, Сборникъ, подъ заглавіемъ: „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“. Сборникъ этотъ выходитъ въ свѣтъ отдѣльными томами по мѣрѣ накопленія матеріала, одинъ или два раза въ годъ. Въ Сборникѣ помѣщаются какъ работы членовъ Московскаго Юридическаго Общества по предметамъ, входящимъ въ кругъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, такъ и труды самого Общества, выражающіеся въ протоколахъ засѣданій Общества, его Отдѣленія и Коммиссій, въ составляемыхъ имъ по разнымъ предметамъ проектахъ и заключеніяхъ и т. п.

Въ настоящее время, во исполненіе изложеннаго постановленія, выпускается въ свѣтъ восьмой томъ Сборника.

СПЕЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕЙ И СУДЕБНАЯ ГРАМОТА ВЪ ДРЕВНЕМЪ РУССКОМЪ ПРОЦЕССѢ *).

(Сравнительный очеркъ).

Большинство дошедшихъ до насъ процессовъ отъ 15 до 17 в. отмѣчаютъ тотъ фактъ, что судья или судьи (имя рекъ) судили по вел. князя слову ¹⁾, по грамотѣ вел. князя Ивана Васильевича ²⁾, по приказу государя ³⁾, по цареву и в. князя слову и по наказному списку ⁴⁾, по государеву указу ⁵⁾. Тѣ же выраженія сопровождаютъ текстъ постановленія судьи, которому дѣло шло въ докладъ: „и по великаго князя слову Ивана Васильевича всея Руси князь Данило Александровичъ (которому дѣло было внесено на докладъ) велѣлъ судьямъ и т. д.“ ⁶⁾, а также текстъ приговора судьи первой инстанціи ⁷⁾. Для объясненія

*) Читано въ засѣданіи М. Ю. Общества 27 января 1897 г.

1) Акты до юр. б. Калачева № 52, 4, 7, Федотовъ-Чеховской, Акты, относящіяся до гражданской расправы, I, №№ 16, 19, 24, 25, 31, 63, Собрание историческ. актовъ И. Д. Бѣляева - Лебедева, № 15, по великаго князя слову Ивана Васильевича всея Руси, сии судѣ судилъ князь Иванъ Юрьевичъ и мног. друг.

2) Мейчикъ, грамоты 14 и 15 в., Приложенія III, А. до юр. б. № 52п, по гсдари своего грамотѣ великаго княз Ивана Васильевича сии судѣ судилъ Иванъ Харламовъ, Фед. Чех. I, №№ 33, 65, Лихачевъ. Сборникъ актовъ 1895 г., вып. II, правыя грамоты №№ 2, 3, 4, 7, 8, 9 по государевымъ грамотамъ и друг.

3) Сборн. Лихач., II, № 6.

4) Фед. Чех. I, № 70, стр. 151, срв. *ibid.* № 64 по наказу.

5) Русск. историч. библіот., томъ 14, Акты Холмогорской и Устюжской епархіи, томъ II, стр. 919.

6) Фед. Чех. I, № 7, срв. *ibid.* №№ 13, 21, 22, 26, 41, 53 etc., А. Юрид. №№ 5, 6, 11; по имянному Нашему указу Фед. Чех. II, № 134, р. 346.

7) Фед. Чех. I, №№ 7, 13, 19, 21—26, 41, 45, 49 etc., Ак. Юрид. №№ 4—7, 9, 11, 13, 14, Фед. Чех. II, № 55, стр. 85: по В. князя слову... и по докладу

означенныхъ выраженій приведемъ слѣдующіе тексты: били намъ (царю) челомъ... Шубины... на Григорья да на Ѳедора... да на ихъ людей... и сказываютъ: что деи пашутъ они у нихъ сильно... двѣ обжи: и мы (царь)... о томъ писали къ боярину своему и намѣстнику ко князю... Курлятеву и къ дьякамъ, и по нашей деи грамотѣ князь Д. Курлятевъ, и діяки въ томъ дѣлѣ ихъ съ ними судили ⁸⁾, и тотъ... дьяконъ Иванъ билъ челомъ... архіепископу Пимену и тебѣ, боярину и намѣстнику нашему на ту старицу Е... въ томъ своемъ убыткѣ о управѣ, и вы деи ему безъ нашия грамоты управы на нихъ не дали ⁹⁾. Повидимому производство суда въ древней Руси сопровождалось посланіемъ какой-то грамоты къ судѣ по данному процессу со стороны представителей высшей власти; иногда отсутствіе такой грамоты препятствовало даванію суда по данному дѣлу, и къ ней-то относятся нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ выраженій: грамота, наказной списокъ. Для объясненія другихъ вышеприведенныхъ выраженій приведемъ нѣсколько мѣстъ, указывающихъ на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ князь не судилъ лично самъ, а приказывалъ дать судъ какому-либо другому лицу, чаще всего зависимому отъ него официальному лицу. Такихъ мѣстъ множество, и онѣ восходятъ ко времени болѣе раннему, чѣмъ до насъ дошли процессы. Такъ мы читаемъ: и царь... велѣлъ про тотъ бой и грабежъ и про землю... обыскати князю... Ростовскому... да подъячему Макарову: на чьей землѣ починокъ П. стоялъ и хто зжегъ; и дву Никитѣ да Федоровы люди монастырскихъ слугъ и крестьянъ бивали ль и граблывали ль и людей ихъ къ себѣ сваживали ль? да хто что про все то скажетъ и Царь... велѣлъ то все на списокъ писати да велѣлъ тотъ списокъ и чертежъ передъ собою положить. И лѣта 7063-го передъ Царемъ... князь... Ростовской да подъячей... Макаровъ положили суда своего судной и обыскной списокъ... и въ списку пишеть... по Цареву... слову и по наказному списку, ставъ передъ судьями... тягалися.... Троицкіе Сергіева монастыря

боярина Кубенскаго, писцы Бѣлозерскіе... оправили и т. д., № 75, стр. 215: и по цареву наказу... и по приговору боярина... Яковлева Нижегородскіе писцы... оправили, № 104, стр. 356: и по нашему указу, Ак. Юрид. № 25: и по государеву указу, Фед. Чех. I, № 67, стр. 142, по цареву приказу, срв. А. Ю. № 3, стр. 6.

⁸⁾ Дополн. къ Акт. Историч., I, № 51₃.

⁹⁾ Ibid., № 51₁₂; срв. и я И. билъ челомъ твоимъ государевымъ воеводамъ... о сыску, чтобы пожаловали государя моего крестьянину сыскавъ зипуны велѣли отдать. И князю О... съ товарищи приказали сыскать про государя моего крестьянина грабежъ сотнику стрѣльцкому В. Арх. Эксп., I, № 142, 1609.

слуги... съ Кудашомъ ¹⁰⁾, се били челомъ царю... дѣти боярскіе (имя реки)... на околыничаго Квашнина. Приказалъ казначеямъ своимъ... Головину да Сукину, а велѣлъ ихъ съ Квашнинымъ судить, да себѣ сказать ¹¹⁾ билъ челомъ Царю... слуга монастырской... Купеевъ на... княжъ Семеновыхъ людей... и Царь... меня архимандрита з братіею пожаловалъ далъ намъ грамоту ко Якову... Наумова и велѣлъ нашего слугу въ ихъ грабежу... съ княжъ Семеновыми людьми... судити ¹²⁾, — цитаты относятся къ XVI в. ¹³⁾. Подобныя указанія находятся въ Судебникѣ и Уложениі: а государю и боярамъ и всѣмъ приказнымъ людямъ по ищениу челобитью суди на землю не посылати ¹⁴⁾, а судити ихъ (стороны) иному судѣ, кому Государь укажетъ ¹⁵⁾. Такое приказаніе высшей власти произвести судъ и расправу иногда называется даваніемъ судьи: что князь Борисъ Васильевичъ присылалъ къ Вел. кн. Ивану Вас. да и суда просилъ и князь Велики и судью далъ ¹⁶⁾; соотвѣтственно этому говорится, что стороны взяли себѣ судей, напр. Игуменъ І. билъ челомъ государю... на М. о земляхъ... да и судьи... у великаго князя взялъ В. Кайсарова да В. Выповскаго ¹⁷⁾, откуда терминъ данные судьи: и мы

¹⁰⁾ Фед. Чех., I, № 70, стр. 151.

¹¹⁾ Ibid., № 74, стр. 201.

¹²⁾ Ibid., № 78, стр. 220.

¹³⁾ Срв. А до Юр. 6. Калачева, № 52—4, стр. 178: и князь велики... меня приказалъ разслушати князю Палецкому, Акты Бѣляева, № 116, Историко-Юридич. матерьялы Москов. архива, указная книга помѣстного приказа, VI, 72, стр. 88: и по государеву указу то дѣло—идеть рѣчь о судебномъ производствѣ—велено вѣдать боярину князю... Мезетцкому да дьяку... Переносову, Фед. Чех. I, № 94, стр. 264: и... святѣйшій Филаретъ Патріархъ Московскій... выслушавъ челобитные указалъ крайчему своему... Биркину да діаку Шипулину... судить и сыски всякими сыскать, № 97, стр. 298: патріархъ указалъ въ тѣхъ рыбныхъ ловляхъ дати на Троицкихъ властей судъ, № 99, стр. 315, Фед. Чех. II, № 134, стр. 315—316, № 139, стр. 372—373, доп. къ Ак. Ист. I, № 157, стр. 275.

¹⁴⁾ Суд., II, ст. 84, срв. ст. 100, срв. собраніе Госуд. грам. и догов., I, № 33: а ударить ми челомъ Москвитинъ на Москвитина... а послати ми къ своимъ Намѣстникомъ, ини исправу учинять, договоръ 1388 г.

¹⁵⁾ Улож. Xз, срв. XX, 80.

¹⁶⁾ Собр. Госуд. Гр. и Д., I, № 117, 1483 г., межевое производство, Ак. Бѣляева, V, 3, межевой процессъ 1467 — 1474 г., срв. мѣста въ А до Юр... 6. № 53п, 1507 г., Фед. Чех. I, №№ 33, 44, цитованныя ниже, также Фед. Чех. I, 37, 55, стр. 78, №№ 56, 67, стр. 134—135, № 71, стр. 165, Акты Юрид. №№ 155, 269, Акты Лихачева, II, № 9, стр. 183, 186, № 12, стр. 230.

¹⁷⁾ А до Юр. 6. № 70 г. 1498 — 1499, срв. Ак. Юрид. № 154, Ак. Лихач. II, № 12, стр. 229, Мейчикъ, IV, 5; доп. къ Ак. Истор. I, № 51, I, 15, А. Арх. эксп. I, № 209; срв. Псков. суды грам. ст. 10 по хрестоматіи Влад. Буланова: а исца оба возмутъ межниковъ.

били челомъ тебѣ о судьяхъ и пожаловалъ еси Государь далъ намъ судей... Языкова да Жукова... были же у насъ судьи даные... Языковъ... да Жуковъ ¹⁸⁾. Приведенные мѣста не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что значатъ вышеуказанные термины: по слову, по приказу, по наказу, по указу; термины эти показываютъ, что въ означенныхъ случаяхъ судъ низшаго судьи возбуждался волею высшей власти ¹⁹⁾. Вышеприведенныя цитаты указываютъ также на процедуру, сопровождавшую даваніе таковыхъ приказовъ о судѣ и назначеніе судей. Стороны являются передъ носителемъ высшей власти, словесно излагаютъ ему свои жалобы или же приносятъ письменныя челобитныя, просятъ его о судѣ и о даваніи судей, въ отвѣтъ на что и получаютъ судью ²⁰⁾; даваніе судьи сопровождается даваніемъ грамоты къ этому судѣ, о которой стороны также бьютъ челомъ высшему судѣ ²¹⁾. Прося себѣ судью, стороны часто указывали на опредѣленныхъ лицъ, коихъ они желали взять себѣ въ судьи: билъ мнѣ (т. е. царю) челомъ... Тененевъ о судьяхъ... на тѣ земли... о Козлове да о тобе о Шемяте (имена судей); и язъ къ вамъ и грамоту велѣлъ послати ²²⁾, при чемъ на каждую сторону дается по одному или по нѣскольку судей ²³⁾. Тотъ и другой порядокъ, именно множественность судей и назначеніе ихъ по указанію сторонъ, придающій судьямъ третейскій характеръ, отмѣняется

¹⁸⁾ Фед. Чех. I, № 67, стр. 134—135, Ак. Юрид. № 155, Ак. Лихачева II, № 12, стр. 230.

¹⁹⁾ Особенно это видно въ вышецитованныхъ Фед. Чех. I, № 70, стр. 151, № 94, стр. 264, см. выше текстъ, который продолжается такъ: и по указу... Филарета... крайчей Иванъ Васильевичъ, да дякъ Шипулинъ велѣли и т. д., Указн. книга Помѣстн. прак. VI, 72, текстъ приведенъ выше.

²⁰⁾ Срв. вышецитованное С. Госуд. Гр. и Д., I, № 117, А до Юр. б. №№ 53п, 70, Фед. Чех. I, № 67, Судебн. 2 ст. 84.

²¹⁾ Фед. Чех. I, 78, 70, Акты Лихачева II, № 12, стр. 228: и мы на нихъ били челомъ... государю и грамоту судимую и обыскную на нихъ свезли тебѣ Василью Петровичу т. е. судѣ, какъ въ цитованной выше А до юр. б. № 53п, сторона проситъ у высшей власти судью на своего противника, срв. Ак. Холмогор. II, № 75, стр. 144: Корельского монастыря старцы ѣздили къ Москвѣ бити челомъ государю о грамотѣ на меня ко государеву воеводѣ... Вяземскому, Сборн. Лихачева II, № 9, стр. 186: мы Облязу т. е. отвѣтчику о томъ починкѣ не молчали, какъ... учялъ у насъ пахать сильно, и мы... били челомъ государю и государь насъ пожаловалъ: далъ намъ грамоты къ вамъ судьямъ, *ibid.* духовн., стр. 93 внизу, Фед. Чех. I, № 86, стр. 145.

²²⁾ Фед. Чех. I, № 62, обиженные взявшею ихъ стороною судьи говорятъ: а они жъ... о насъ били челомъ государю и судьями насъ взяли, Ак. Лихачева, № 12, стр. 229.

²³⁾ Срв. вышецитованную А до Юр. б. № 53п, Фед. Чех. I, №№ 61, 62.

вторымъ Судебникомъ ²⁴⁾. Въ одномъ процессѣ высшій судья обращается къ сторонѣ съ вопросомъ: и судья вамъ на ту землю надобѣ ли?, при чемъ получаетъ въ отвѣтъ: а на землю, Г-рь, дай намъ судью ²⁵⁾. Въ процессѣ 1529 г. правитель даетъ обѣщаніе бьющей челомъ сторонѣ дать судью: и государь... ялся намъ судей дати и далъ намъ... на ту землю васъ судей ²⁶⁾. Даваніе судей и грамоты сопровождается иногда длиннымъ производствомъ въ формѣ состязательнаго производства. Такого рода предварительное производство мы имѣемъ въ слѣдующемъ случаѣ. Зависимые люди нѣкихъ Чулковыхъ обвиняють Троицкихъ слугъ и крестьянъ въ насильственномъ завладѣніи землей и въ грабежѣ и предъявляютъ на нихъ жалобницу Царю. Послѣдній формально призываетъ къ отвѣту Троицкихъ слугъ и крестьянъ („отвѣчай“) ²⁷⁾ и по разясненіи вопроса, кто за кого отвѣчаетъ, требуетъ доказательствъ у истцовъ („чѣмъ ты ихъ въ томъ уличаешь?“) и когда послѣдніе указали на свои доказательства и процессуальныя средства, спрашиваетъ отвѣтчиковъ, принимаютъ ли они предложенныя противной стороной доказательства, на что отвѣтчики даютъ отчасти утвердительный отвѣтъ, отчасти предъявляютъ отводы. Послѣ этого отвѣтчики предъявляютъ встрѣчный искъ въ грабежѣ и насилии, и Царь повторяетъ процедуру, пройденную по поводу перваго иска. И только послѣ этого Царь даетъ судей и наказъ судьямъ обыскать это дѣло, при чемъ наказъ предлагается въ видѣ ряда пунктовъ (цитованныхъ выше) ²⁸⁾. Въ другомъ случаѣ наказная грамота посылается послѣ обоюднаго челобитья сторонъ, послѣ сыска, вызваннаго челобитьемъ, и послѣ того, какъ уже были отправлены къ разнымъ судьямъ наказы по тому же дѣлу ²⁹⁾. Тѣмъ не менѣе придавать означенной предварительной процедурѣ ³⁰⁾ значеніе установленія процессуальнаго отношенія, видѣть въ ней *litiscontestatio* было бы рискованно, ибо, какъ мы видимъ въ томъ же процессѣ, судьи, назначенные царемъ для разсмотрѣнія предъявленныхъ исковъ, вновь, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, повторяють всю процедуру (призывъ къ

²⁴⁾ Ст. 84. ²⁵⁾ Фед. Чех. I, № 70, стр. 149, 151.

²⁶⁾ Акты Лихачева, II, № 7, стр. 165.

²⁷⁾ Срв. объ этомъ Сборникъ Правовѣдѣнія, томъ V, стр. 7—8.

²⁸⁾ Фед. Чех. I, № 70, стр. 147—151, № 37, 44 цитовано ниже; срв. Фед. Чех. I, № 79: и данную... на деревню передъ нами старецъ Н. т. е. истецъ клалъ; подобное производство находится у Фед. Чех. I, № 107, стр. 373—374.

²⁹⁾ Ак. Арх. Эксп. III, № 144, 1613 г.

³⁰⁾ Фед. Чех. I, № 70, Ак. Арх. Эксп., III, № 144 и другія вышеприведенныя мѣста.

отвѣту, спрось о доказательствахъ и т. д.) ³¹⁾. Скорѣе всего вся эта процедура, гдѣ стороны въ формѣ состязательнаго производства предъявляютъ свои жалобы и возраженія, приводятъ доказательства и отводы противъ послѣднихъ, просятъ суда, судей и судебной грамоты, является подготовительной стадіей съ административнымъ характеромъ (о чемъ ниже) и служить къ тому, чтобы дать князю матерьялъ для составленія судебной грамоты. За подготовительный характеръ этого производства говоритъ то, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ даваніе судьи и грамоты прямо безъ всякаго судоговоренія происходило въ отвѣтъ на челобитную одной стороны ³²⁾, что назначенные для даннаго процесса судьи всегда начинаютъ производство съ призванія къ отвѣту обвиняемаго, съ призванія, съ котораго и начинался собственный процессъ. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ призваніи къ отвѣту. Древнерусскій процессъ XV, XVI и до XVII в., происходитъ ли онъ передъ даннымъ судьей или передъ всякимъ другимъ (въ тѣхъ случаяхъ когда все производство проходило въ одной инстанціи, безъ участія высшей власти), начинается съ призванія отвѣтчика къ отвѣту и съ опроверженія отвѣтчикомъ пунктовъ, выставленныхъ противъ него истцомъ. Иллюстрируемъ эту процедуру процессомъ половины XVI в. Передъ воеводою Васильемъ Головинымъ ищетъ старецъ Дудина монастыря Митрофанъ на Арбузовыхъ и ихъ людяхъ. Пункты обвиненія слѣдующіе: 1) „приѣхали, господине, на ту деревню (на монастырскую деревню Семиху) Ильины дѣти“ и т. д. 2) „и приѣхав, господине, на монастырской дворъ, да меня Митрофана... били и грабили... и дьяка монастырскаго и слуг и крестьян и крестьянок били и грабили“ (какъ и другихъ лицъ, бывшихъ при этомъ) 3) „да из тое, господине, деревни приѣхали въ другую деревню манастырскую, да крестьянъ, господине, манастырских и крестьянок били и грабили, а иныхъ крестьянок соромотили и силу надъ ними чинили“. Слѣдуетъ призывъ къ отвѣту „и Василей (судья) спросилъ Шелехмета и его товарищевъ (отвѣтчиковъ): отвечайте“. Слѣдуетъ отвѣтъ и опроверженіе истцовыхъ пунктовъ, одного за другимъ, „и Шелехмет и его товарищи тако ркли: *отвѣчаем* господине за себя... 1) (опроверженіе перваго пункта истцовой жалобы) въ манастырские, господине, деревни... мы не приѣжживали силно 2) (опроверженіе втораго

³¹⁾ Ibid., стр. 151—160.

³²⁾ Срв. Фед. Чех. I, №№ 38, 60, 94, стр. 264, дополн. къ Ак. Истор. I, № 51, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, № 51, 9, 10 etc.

пункта) и на монастырском дворѣ старцев Митрофана... и дьяка монастырскаго и слуг и крестьян и крестьянокъ... не бивали не граблывали 3) (опроверженіе третьяго пункта) и крестьянок не соромачивали и силы над ними не чинивали, 4) (опроверженіе всей истцовой жалобы) ни знаем, ни вѣдаем, тѣм нас клепятъ". Между отвѣтомъ и жалобой замѣчается параллелизмъ, формула нападенія и формула защиты соотвѣтствуютъ другъ другу не только въ чередованіи пунктовъ, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, которыя почти тѣ же въ жалобѣ и въ отвѣтѣ, „слово противу слова“ Русской Правды ³²⁾). Этотъ моментъ древне-русскаго процесса, символически изображающій борьбу сторонъ, соотвѣтствуетъ древнегерманскому моменту, обозначающемуся выраженіемъ *Klage* и *Antwort* и также отличающемуся строгимъ формализмомъ и параллелизмомъ, а также имѣетъ аналогіи въ древне-римскомъ производствѣ *in iure* (напр. древнія виндикціонныя формулы); и съ него то, вѣроятно, начинались въдревнерусскомъ процессѣ матерьяльныя и процессуальныя послѣдствія для иска, какъ въ римскомъ процессѣ послѣ *litis-contestatio*. Судебная грамота часто вручалась высшимъ судьей сторонамъ въ руки, и они уже доставляли ее низшему судѣ ³³⁾. но нерѣдко она непосредственно пересылалась высшимъ судьей судѣ, компетентному по данному процессу ³⁴⁾. Иногда низшій судья получалъ нѣсколько такихъ наказовъ по одному и тому же дѣлу отъ стоящихъ надъ нимъ инстанцій, какъ, напр., Новгородскій владыка Геннадій получилъ въ процессѣ о еретикахъ одну грамоту отъ великаго князя, а другую отъ митрополита, послѣ того, какъ процессъ уже прошелъ нѣсколько стадій ³⁵⁾. По назначеніи высшей властью судьи, стороны являются къ послѣд-

³²⁾ Ак. Лихач., II, № 12, стр. 225—227, другіе примѣры таковой процедуры *ibid.* II, № 6, стр. 139—141, № 10, стр. 198, № 11, стр. 212, доп. къ А. И., I, № 157, Фед. Чех. I, № 45, стр. 49, А. Ю. №№ 17, 22, срв. также Ак. Лихач., II, №№ 1, 2, 4, 7 и мног. друг.

³³⁾ Срв. вышецитованную грам. въ Акты Лихач., II, № 12, стр. 228, Акты Холмогор. II, стр. 817, 832, А. до Юрид. быта № 155и: что на насъ билъ челомъ государю... старецъ С... и грамоту государеву судную и межевую свезъ въ Нижней Новгородъ къ воеводѣ Оксакову; иногда указъ высшей власти о судѣ по данному дѣлу надписывался на исковой челобитной, срв. Фед. Чех. I, № 97, стр. 298, № 98, стр. 308, Ак. холмог. II, № 301, стр. 674, Акты до Юрид. быта, № 370у.

³⁴⁾ Срв. вышецитован. допол. къ Ак. истор. I, № 51v, Фед. Чех. I, № 62, Ак. Холм. II, № 32, стр. 921: и по твоему, государь, указу прислана твоя государева грамота на Устюгъ.

³⁵⁾ Арх. Эксп., I, № 380, 1490 г.

нему и на основаніи даннаго выше приказа просить его учинить судъ, причемъ слова сторонъ имѣютъ характеръ формулы подобно древне-салической формулѣ *tanganu*, обращенной къ судящей общинѣ ³⁶⁾: ставъ передъ судьями... архангельской протопопъ Михайло да попъ Иванъ... а ркучи... били есмя, господине, (обращаясь къ судѣ) челомъ великому князю, а просили у него судьи язъ, господине, протопопъ М. да попъ И... на анхимарита Ѡ. и князь велики, господине, намъ далъ на ту землю судью тебя Юрья Безобразова (противная сторона повторяетъ тѣ же слова къ своему судѣ) ³⁶⁾, ставъ передъ Матфеемъ... тако рекъ Облязь: билъ есми челомъ... князю Андрею Ив. на того... Л... вступается у насъ въ землю И... а называетъ... ту землю своею землею... и Г-рь Князь Андрей Ивановичъ далъ намъ на ту землю тебя Матфея судьей и розѣщика ³⁸⁾, ставъ передъ судьями... тако ркли... Кокора да Митинъ (т. е. стороны) что г-не, судьи, государи наши били челомъ... В. князю о судьяхъ на спорную землю и... князь. В. далъ судьей г-рю моему Володимеру тебя... Копытова, а... Ѡдку Дмитрееву... тебя Руготина ³⁹⁾.

Наиболѣе ранніе случаи такого отряженія судей мы находимъ въ столь распространенныхъ въ древнѣйшее время межевыхъ процессахъ, имѣющихъ однако всѣ признаки гражданского процесса: такъ уже въ Псков. грамотѣ мы встрѣчаемъ въ земельныхъ процессахъ межниковъ, коихъ берутъ стороны для размежеванія: а исца оба возмутъ межниковъ ⁴⁰⁾. Можетъ быть уже въ Русской Правдѣ мы имѣемъ такое отряженіе судьи на процессъ съ дивизорнымъ характеромъ въ ст. 117 (по Карамз. см.): аще братиа растяжоутся предъ княземъ о задници, то который дѣтський идетъ ихъ дѣлити, тому взяти гривна кунъ. И въ послѣдующее время мы находимъ массу отряженій судей на межевые процессы ⁴¹⁾. Назначеніе судей на производство

³⁶⁾ Brunner Deutsche Rechtsgeschichte, II, § 101, стр. 355.

³⁷⁾ А. до Юр. 6., № 53п.

³⁸⁾ Фед. Чех., I, № 33.

³⁹⁾ Ibid., № 44, стр. 45; о формализмѣ и о судебныхъ формулахъ въ древнерусскомъ процессѣ см. мою статью въ Сборн. Правовѣд., томъ V, стр. 1—12.

⁴⁰⁾ Хрестомат. Владимір. Буданова, вып. I, ст. 10, срв. для XV вѣка, Мейчикъ приложенія IV_{1,3}, V₃: се билъ челомъ князе Андрею Васильевичъ старецъ... П... а ркучи: дай намъ гне своего дозорщика и розѣщика, чтобы г-не розѣхалъ твои земли отъ нашихъ земель, Новгород. Судн. грам.: а кой посадникъ, межника давъ, у Влад. Будан., ст. 28; Ак. Юрид. №№ 140, 141 etc., А. до Юр. 6. № 3071, Мейч. IV₁, съ докладомъ.

⁴¹⁾ Для XVI в. см. Ак. Юрид. №№ 151, 152, А. до Юрид. 6. № 307, IV, V, VII, Ѡ. Чех. I, №№ 50, 76 etc.

суммарнаго свойства съ исполнительнымъ или инымъ характеромъ также перѣдко встрѣчаются въ нашихъ памятникахъ ⁴²⁾ и восходить къ 13 в. ⁴³⁾. Что же касается до даванія судей въ спорномъ производствѣ несуммарнаго характера (о межевыхъ процессахъ мы говорили выше), то свѣдѣнія о немъ восходятъ къ 15 в. ⁴⁴⁾ и можетъ быть уже заключаются въ Псков. судн. грам.: а которому псковитину имать грамота оу князя и оу по... о своемъ дѣлѣ за рубежъ; и отъ той грамотѣ князюму писцу взять денга; а печатная деньга ⁴⁵⁾. Мы уже не говоримъ о назначеніяхъ разныхъ лицъ на производства охранительнаго порядка или же на какія-либо дѣйствія, составляющія часть процесса, напр., на исполненіе приговора, представленіе отвѣтчика въ судъ, отдѣльные обыски и досмотры; такихъ назначеній компетентныхъ для этого лицъ, также сопровождающихся даваніемъ грамотъ (обыскныхъ, отказныхъ etc.), встрѣчается множество въ нашемъ древнемъ процессѣ. Вообще же мы въ данномъ очеркѣ разсматривали и будемъ разсматривать назначеніе судей и даваніе судебной грамоты только тогда, когда то и другое относится къ состязательному процессу, полному или сокращенному въ его цѣломъ, а не къ части процесса. Отмѣтимъ только одинъ любопытный случай назначенія судьи не на процессъ въ его цѣломъ. Такъ иногда высшій судья приказывалъ низшему, до сихъ поръ неимѣвшему никакого отношенія къ данному процессу, произнести приговоръ; такъ въ одномъ процессѣ XVI в., послѣ того какъ судьи стали къ докладу передъ Царемъ „и Царь и В. Князь сего списку и обыску слушалъ и чертежу смотрилъ и приказалъ Околничему... Салтыкову (судьями же собственно были писцы Лодыгинъ и Гиреевъ съ товарищами) ищю... оправити а отвѣтчиковъ... обвинити. И по Царя... приказу Околничей .. Салтыковъ... велѣлъ писцомъ... Лодыгину... съ товарищы... ищю... оправити, а отвѣтчиковъ... обвинити ⁴⁶⁾.

Среди назначенныхъ ad hoc судей выделяются въ земель-

⁴²⁾ Для XV в. см. Мейчикъ III, для XVI—Оед. Чех. I, № 79, доп. къ Ак. Историч. I, № 51₂, 3.

⁴³⁾ Срв. догов. Смолен. кн. съ Ригой 1229 г., ст. 21, текстъ подтверждательнаго договора: аже боудѣтъ Смольняниноу Немьчичъ дѣльнѣ въ Ризѣ... правити емоу, поемъши дѣтскыи оу соудье, Владимір. Будан., вып. I-й, стр. 104, прим. 28, просити дѣтского оу тиоуна... а не исправить за 8 днии товара etc, ст. 21 Смолен. договора.

⁴⁴⁾ Мейчикъ, III₂, 3, Акт. до Юрид. 6. № 52п, Ак. Юрид. №№ 5, 6, Акты Бѣляева, № 15.

⁴⁵⁾ Ст. 83 по Владимір. Будан.

⁴⁶⁾ Оед. Чех., I, № 67, стр. 142, № 75, стр. 215.

ныхъ процессахъ, какъ мы говорили выше, судьи съ третейскимъ характеромъ. Это судьи, даваемые высшей инстанціей для земельныхъ процессовъ по одному или по нѣсколько на каждую сторону, по выбору послѣдней, судьи, которые имѣютъ себѣ предшественниковъ въ межникахъ Псковской грамоты ⁴⁷⁾ и которые отмѣняются вторымъ Судебникомъ ⁴⁸⁾.

Изображаемый нами порядокъ битья челомъ великому князю или Царю о даваніи судей и слѣдующаго за этимъ отряженія судей и посланія судебной грамоты оставилъ послѣ себя слѣды въ разнаго рода формальностяхъ, уже давно переставши существовать реально. Истцы продолжаютъ подавать челобитныя на имя Государя, хотя и прямо въ руки низшимъ судьямъ, судьи продолжаютъ приговаривать по указу Государя, хотя о реальномъ вмѣшательствѣ въ процессъ нѣтъ и помину: такъ еще „лѣта 7143 г. авг... билъ челомъ государю царю... Михайло Оеод... крестьянинъ... М. и челобитную онъ подалъ... земскому судейкѣ Васильеву, а въ челобитной его пишетъ (слѣдуетъ текстъ челобитной)“. Затѣмъ у земскаго судейкѣ слѣдуетъ судоговореніе, въ которомъ о какомъ-либо участіи Царя нѣтъ и рѣчи, и произносится приговоръ, гласящій такъ: „лѣта 7144 г. окт... по государеву... указу земской судейка Васильевъ... съ цѣловальники... оправилъ“ ⁴⁹⁾. Черезъ весь 18 вѣкъ и вплоть до новыхъ Судебныхъ Уставовъ прошенія пишутся на имя Государя, при чемъ употребляются такія выраженія, какъ: и дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было... а въ окончаніи: Всемилоствѣйшій Государь, прошу Вашего Импер. Вел. о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить ⁵⁰⁾, а судебные приговоры и до нашихъ дней пишутся отъ имени Императорскаго Величества ⁵¹⁾, „по указу Его Императорскаго Величества“. Подобную привычку судей ссылаться на имя Государево имѣеть, вѣроятно, въ виду указъ сент. 26, 1663 г.,

⁴⁷⁾ Ст. 10.

⁴⁸⁾ Ст. 84, срв. Оед. Чех., I, № 107 къ половинѣ XVII в., стр. 374—375, гдѣ *излюбленные* сторонами *люди, излюбленные изъ третьи* исполняютъ въ процессѣ функціи старыхъ межниковъ—къ половинѣ XVII в.

⁴⁹⁾ А. до Юр. 6., № 277, срв. подобные же процессы въ А. до Юр. 6., № 104, стр. 643, 1646 г., № 155, 1694 г., Арх. Эксп., III, № 78, 1616 г., Ак. Холмог., II, № 10, стр. 837, 1615 — 1616 г., № 24, стр. 874, для XVI в. Ак. Юрид. № 24.

⁵⁰⁾ Михайловъ, Русск. Граждан. Судопроизвод. отъ Улож., стр. 94—95, Малышевъ, Курсъ Гражд. Судопроизв., I, стр. 261.

⁵¹⁾ Уст. Уголовн. Судопроизвод. ст. 796, срв. Линовскій, Опытъ историч. изысканій о слѣдствен. судопроизвод., стр. 212—214.

гдѣ губной староста и губной дьякъ подвергаются сильнымъ наказаніямъ за то, что первый „въ отпискѣ своей Великаго Государя именованье прописаль“, а второй за то, что „ту отписку читаль передъ Разбойнымъ приказомъ“ ⁵²⁾. Формальность составленія прошеній на имя Государя и приговоровъ отъ имени Государя (по указу etc.) есть по нашему мнѣнію явленіе позднѣйшее, переживаніе раньше существовавшего порядка даванія судей высшей власти и посыланія указовъ къ этимъ послѣднимъ. По крайней мѣрѣ въ болѣе раннія времена подобныя ссылки на имя Государя, какъ мы думаемъ, были въ связи съ реальнымъ вмѣшательствомъ высшей власти въ процессъ ⁵³⁾ и поэтому встрѣчаются далеко не во всѣхъ процессахъ ⁵⁴⁾.

То обстоятельство, что большинство изъ дошедшихъ до насъ процессовъ проводятся судьями, назначенными ad hoc носителемъ верховной власти, объясняется прежде всего тѣмъ фактомъ, что княжескій непосредственный судъ былъ переполненъ дѣлами и требовалъ по необходимости передачи хотя бы части дѣлъ въ руки зависимыхъ лицъ. Такое переполненіе, вызвавшее при Иванѣ IV учрежденіе Челобитеннаго приказа, необходимо должно было получиться въ такомъ центральномъ мѣстѣ, какъ княжескій судъ, тѣмъ болѣе, что на послѣдній подданные смотрѣли какъ на наиболѣе гарантирующій справедливость и безпристрастіе судъ, что послѣднему было подчинено множество лицъ и учреждений въ силу изъятія ихъ изъ мѣстной подсудности разнаго рода льготами ⁵⁵⁾. Любопытно, что развитіе франкской королевской юрисдикціи и королевскаго спеціальнаго назначе-

⁵²⁾ II. С. З. № 351, срв. Линовскій *ibid.*, стр. 212—214.

⁵³⁾ Срв. цитован. выше доп. къ Ак. Ист., I, № 51^б, 12, Оед. Чех., I, № 70, № 94, стр. 264, № 67, Указн. кн. помѣстн. прик. № 72, стр. 88 и др.

⁵⁴⁾ Такой ссылки на указъ высшей власти нѣтъ, напр., въ жалобахъ и приговорахъ въ Ак. Юрид. № 8, 1498 — 1505 г., № 18, 1530 г., Ак. Бѣляева, № 16, XV в., Ак. Холмогор., II, № 17, стр. 20: сей судъ судилъ Двинского намѣстника.... О. тіунъ Н. Никоновъ... ставъ передъ судіями.. тегался Оедко Кузминъ... съ Л... Тако рекъ Оедко Кузминъ... — начинается челобитная — жалоба ми, господине, на того на Л.... живетъ.... тотъ Л... на владѣнны... отца моего.... силно.... И по тому тіунъ.... Н. Никоновъ отвѣтчиковъ Л. оправилъ, а ищею.... Кузмина.... обинилъ, жалобы въ Ак. Юрид., № 4 и 6, —о вмѣшательствѣ высшей инстанціи въ процессъ ни слова.

⁵⁵⁾ Дмитріевъ, Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 120, § 99, срв. цитаты на стр. 144—147, Владимір. Будановъ. Обзоръ исторіи русск. прав., стр. 196—199, объ изъятіяхъ посредствомъ жалованныхъ грамотъ, Ак. Арх. Эксп., I, № 15, срв. приведенныя ниже цитаты, гдѣ судъ княжескій выговаривается рядомъ съ судомъ его боярина введеннаго, дворецкаго etc.

нія судей также, какъ и у насъ, стояло въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что королевскій трибуналъ считался наиболѣе справедливымъ и гуманнымъ судомъ сравнительно съ народными судами (Volksgericht)⁵⁶). Это въ свою очередь дѣлаетъ понятнымъ, почему дошедшія до насъ грамоты, заключающія въ себѣ процессы, по большей части содержатъ въ себѣ производства съ специально назначенными судьями, ибо эти грамоты въ большинствѣ случаевъ происходятъ изъ монастырскихъ архивовъ (напр. изъ архива Троице-Сергіевской лавры), т. е. изъ архивовъ такихъ учреждений, которыя, главнымъ образомъ, и выговаривали себѣ подобныя привилегіи. Такое даваніе судей было вызываемо еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что по техническимъ особенностямъ древне - русскаго земельного процесса земельные иски рѣшались на мѣстѣ спорныхъ территорій, слѣдовательно не тамъ, гдѣ находилась высшая инстанція, и что, слѣдовательно, послѣдней далеко не было удобно принимать личное участіе во всѣхъ таковыхъ процессахъ: „и тѣ, господине, Кириловскіе хрестьяне..., говоритъ истецъ къ судѣ... лѣсъ посекали сильне нашего монастыря С. а даи съ немъ (съ отвѣтчикомъ) судъ и передъ тобою лѣсъ сѣченъ ново и не посохлъ, а на томъ, господине, пенье стоишь“; отсюда видно, насколько присутствіе на спорной землѣ помогало судѣ ориентироваться въ дѣлѣ⁵⁷). Но цѣнился и искался какъ привилегія не одинъ только судъ высшей власти, а также и судъ того, кому высшая власть прикажетъ: кому будетъ дѣло до Троицкихъ старцевъ.... ино ихъ изъ самъ сужу царь... или кому прикажу⁵⁸). Это выраженіе „кому прикажетъ“ легко объясняется изъ всего предыдущаго, какъ указывающее на такихъ специально даваемыхъ для отдѣльныхъ процессовъ судей⁵⁹). Давая судью на какой-либо процессъ, правитель этимъ самымъ только удовлетворялъ праву сторонъ, облеченныхъ привилегіями. Такъ нѣкто Ѳедко жалуется Ивану IV, что тиунъ, превышая свою власть, заставилъ передъ собою отвѣчать крестьянина Бутака, принадле-

⁵⁶) Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte II, § 77.

⁵⁷) Ѳед. Чех., I, № 20, А. Ю. № 3: ставъ на пустошахъ на М. да на П... (на спорныхъ пустошахъ) тако рекъ старецъ Кирило т. е. истецъ, — № 11: ставъ передъ писци... на сѣчѣ, Новгород. Судн. грам. у Владимір. Буданова, ст. 28, Акты Археограф. эксп., I, № 183, срв. Мейчикъ, грамоты XIV и XV в., стр. 29.

⁵⁸) Арх. Стар. дѣлъ П. Иванова, стр. 230, кому прикажемъ стр. 234 — цитаты относятся къ XVI в., Ак. Арх. Эксп., I, № 135.

⁵⁹) Срв. цитованные выше Ак. Лихачева, II, № 6, Ѳед. Чех., I, №№ 70, 74, А. до Юр. б., № 52iv, Указ. Кн. помѣст. прик. VI, 72.

жавшаго господину этого Өедки, Шатилову: а у государя его у Ивана Шатилова, говорится въ грамотѣ Ивана IV, моя царева и великаго князя грамота жаловалная, что людей его и крестьянъ судити вамъ, дьякомъ нашимъ, во всякихъ дѣлѣхъ. Поэтому царь приказываетъ дьякамъ судить этого крестьянина Бутака и посылаетъ имъ наказъ ⁶⁰⁾. Въ другихъ случаяхъ жалованными грамотами выговаривался судъ князя или его введеннаго боярина ⁶¹⁾, сокольничаго ⁶²⁾, дворецкаго ⁶³⁾. Помимо другихъ гарантій правосудія, связанныхъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ князя шла инициатива процесса, выражающаяся въ даваніи судей, цѣнность подобныхъ процессовъ съ назначенными на нихъ судьями заключалась еще и въ томъ, что князь не ограничивался даваніемъ судьи, но продолжалъ оказывать вліяніе на процессъ посредствомъ данной имъ судебной грамоты. Княжеское вліяніе и связанные съ этимъ гарантіи были присущи, стало быть, не только процессамъ съ назначенными *ad hoc* судьями, но всѣмъ вообще, которые только сопровождались посланіемъ судебной грамоты. Явленія, аналогичныя древне-русскому даванію судей для процесса, весьма распространены въ исторіи гражданского процесса: мы встрѣчаемъ ихъ въ позднѣйшемъ римскомъ, въ византійскомъ, въ древне-германскомъ и въ обще-германскомъ процессахъ, въ древне-англійскомъ, норманскомъ, въ древне-французскомъ судопроизводствѣ. Въ означенныхъ процессахъ мы также находимъ какъ бы двѣ стадіи процесса, первую подготовительную, гдѣ правитель или высшій судья даетъ по выбору сторонъ или по своему выбору судью на отдѣльный процессъ. Аналогія съ древне-русскимъ процессомъ еще болѣе увеличивается вслѣдствіе того, что въ римскомъ и средневѣковомъ процессѣ даваніе судьи также сопровождается посланіемъ этому судѣ грамоты, наказа, таковы: римскій *rescriptum*, являющійся прототипомъ всѣхъ позднѣйшихъ судебныхъ наказовъ, въ рескриптномъ процессѣ ⁶⁴⁾, *indiculi regales* въ меровингскомъ и королінгскомъ процессахъ ⁶⁵⁾, *commissorium* въ общегерманскомъ процессѣ ⁶⁶⁾, *breve* и *writ* въ норманскомъ и древне-англійскомъ процессахъ ⁶⁷⁾. И съ древнѣйшими формами римскаго

⁶⁰⁾ Доп. къ Ак. Истоп., I, № 51₂₄.

⁶¹⁾ Ак. Арх. Эксп., I, №№ 44, 46, 51, 60, 75, 88 etc.

⁶²⁾ Ак. Арх. Эксп., I, № 147 для сокольниковъ.

⁶³⁾ Ак. Арх. Эксп., I, №№ 159, 171.

⁶⁴⁾ Bethmann Hollweg, der Römische Civilproz. III, § 164.

⁶⁵⁾ Brunner, Entstehung der Schwurgerichte, стр. 76—83.

⁶⁶⁾ Wetzell, System des ordentlichen Civilproz. § 35, стр. 408, и слѣд.

⁶⁷⁾ Brunner, Entstehung der Schwurg., стр. 293, 399, 404 и слѣд.; о рескриптѣ

процесса, съ *legis actio* и съ формулярнымъ процессомъ представляетъ нѣсколько аналогій техническаго свойства нашъ древній процессъ. И тамъ, какъ и у насъ, мы встрѣчаемъ двѣ стадіи. Въ первой стадіи *in jure* магистратъ давалъ сторонамъ судью и формулу (*edere actionem*), которая доминировала въ формулярномъ процессѣ и въ зачаточномъ видѣ, вѣроятно, была уже въ легисакціонномъ; то же самое и у насъ дѣлаетъ высшій судья въ подготовительной стадіи процесса. Разница, впрочемъ, та, что въ то время, какъ римскому истцу достаточно было указать уже готовую въ *album*’ѣ формулу, и изложеніе обстоятельствъ дѣла сравнительно занимала немного мѣста; у насъ, наоборотъ, истецъ обычно излагаетъ обстоятельства дѣла въ формѣ челобитной и затѣмъ происходитъ нѣкоторое судоговореніе (какъ, впрочемъ, и въ производствѣ *in jure*), на основаніи чего и составляется каждый разъ вновь судебная грамота; приведеніе истцомъ доказательствъ существуетъ въ производствѣ *in jure*, какъ и у насъ въ вышеуказанномъ приготовительномъ производствѣ⁶⁸⁾. Далѣе и въ древнемъ римскомъ процессѣ замѣчается дифференціація судейскаго персонала на *judices* и *arbitri*, какъ и у насъ (вышеуказанные судьи съ третейскимъ характеромъ), при чемъ *arbitri* являются по нѣскольку на одинъ процессъ и завѣдуютъ нѣкоторыми исками дивизорнаго характера (*jurgia*); у насъ также процессы, гдѣ функционируютъ судьи съ третейскимъ характеромъ, представляются въ значительной степени тѣми же дивизорными процессами⁶⁹⁾. Общи нашему древнему и римскому процессу просьбы сторонъ, обращенныя къ правителю дать имъ опредѣленныхъ лицъ въ судьи и выраженія: давать судью, *judicis datio*, *взять себѣ судей*, *sumere judicem*⁷⁰⁾. Еще болѣе аналогій съ назначаемыми у насъ специально для извѣстнаго процесса судьями представляетъ болѣе поздній въ римскомъ процессѣ институтъ *judices pedanei*. Первая стадія, гдѣ назначались компетентной властью эти судьи, и вторая — самый процессъ передъ этими судьями соотвѣтствуютъ въ юридическомъ отношеніи стадіямъ нашего процесса съ назначенными судьями, подготовительной и собственно судебной, каковыя соотвѣтствія, какъ увидимъ ниже, нельзя подыскать въ древнемъ римскомъ процессѣ⁷¹⁾.

въ византийскомъ процессѣ срв. Zachariä von Lingenthal, *Gesch. des Griech. Römischen Rechts*, стр. 356—358.

⁶⁸⁾ Keller, *der Römische Civilproz.*, 6-e Ausgabe, § 50.

⁶⁹⁾ Keller, *ibid.* §§ 5, 7, 17, *Cuq. Institut. jurid. des Romains*, pp. 415—422.

⁷⁰⁾ Keller, *ibid.* § 9, *Cuq.*, *ibid.* стр. 418, № 4.

⁷¹⁾ Bethm. Hollw., *der röm. Civilproz.*, III, § 140, стр. 126—129.

Дифференціація *judices pedanei* на *judices* и *arbitri*, вліяніе сторони на назначеніе именно извѣстныхъ *judices pedanei*, назначеніе *judices pedanei* на однородныя съ нашими межевыми процессами *actiones finium regundorum*, неудобныя по техническимъ условіямъ для высшихъ судей, сближаютъ означенный институтъ *judices pedanei* съ нашими даваемыми для отдѣльныхъ процессовъ судьями ⁷²⁾. Но, замѣтимъ, аналогіи между нашимъ древнимъ и древне-римскимъ процессомъ болѣе технического, чѣмъ юридическаго свойства. Юридическое отношеніе между стадіями процесса совершенно иное въ древне-римскомъ процессѣ, чѣмъ у насъ и чѣмъ въ сходномъ въ этомъ пунктѣ съ нами институтѣ *judices pedanei* (о чемъ выше). Въ то время, какъ въ римскомъ процессѣ производство *in jure* есть начало процесса, устанавливаетъ процессуальное отношеніе (послѣдствіе древней *litiscontestatio*), а производство *in judicio* есть такимъ образомъ продолженіе процесса, у насъ, какъ мы уже говорили выше, существенныя въ юридическомъ отношеніи моменты процесса, начиная съ *litiscontestatio*, протекаютъ во второй стадіи, а первая имѣетъ лишь подготовительное для процесса значеніе. Равнымъ образомъ трудно усмотрѣть сходство въ юридическомъ отношеніи между магистратомъ и *judex*омъ съ одной стороны, и между правителемъ и низшимъ судьей у насъ. Тамъ *judex* независимый отъ магистрата челоѣкъ, зависимый развѣ только на время процесса, у насъ низшій судья обыкновенно слуга или чиновникъ, подчиненный князю (за исключеніемъ, конечно, третейскихъ судовъ). Прохожденіе черезъ двѣ стадіи необходимо для римскаго процесса, для нашего—только возможно и часто практикуемо. Съ другой стороны мы не имѣемъ никакихъ указаній въ терминологіи нашего процесса и въ текстѣ нашихъ судебныхныхъ грамотъ, которыя позволили бы предполагать, что юридическое основаніе для дѣятельности низшаго судьи въ нашемъ древнемъ процессѣ то же, что и въ вышеуказанныхъ западныхъ судопроизводствахъ ⁷³⁾. Тамъ господствуютъ понятія—*mandatum*’а и делегации, заимствовавшей много чертъ отъ *mandatum*’а ⁷⁴⁾. Въ основаніи судебной дѣятельности низшаго судьи у насъ лежитъ понятіе приказа, указа (судьи судили по приказу, по государеву указу, по цареву наказу, по слову, по грамотѣ etc. см.

⁷²⁾ Bethm. Hollw., *ibid.* § 140, № 47.

⁷³⁾ Срв., напр., Дмитриева, *Истор. судебн. инс.*, стр. 151, по мнѣнію коего данныя судьи „это *judices delegati*“.

⁷⁴⁾ Wetzell, *System*, стр. 411—412; Mommsen, *Abriss des römisch. Staatsrechts*, стр. 142—147, 150—152.

выше), т. е. простого акта управленія (Verfügungsact), являющагося въ формѣ указа, односторонняго волеизъявленія, принадлежащаго представителю высшей власти, дѣлающаго обязательнымъ для подчиненнаго послѣднему лица исполненіе этой воли⁷⁵⁾. Судебная грамота, воплощающая этотъ приказъ, по формѣ не отличается отъ другихъ указовъ высшей власти. Въ одномъ вышеприведенномъ случаѣ царскій приказъ обращенъ къ судьямъ, и безъ того компетентнымъ для того дѣла, по поводу коего послана грамота⁷⁶⁾; стало быть нѣтъ и рѣчи о какомъ либо перенесеніи судебныхъ функцій на лицо, до сихъ поръ ими не обладавшее, о перенесеніи, заключающемся въ понятіи *jurisdictio delegata* и *jurisdictio mandata*⁷⁷⁾, а только о возбужденіи путемъ акта управленія дѣятельности лицъ, уже компетентныхъ въ данномъ процессѣ⁷⁸⁾. Такимъ образомъ древнерусскій судъ съ специально назначенными судьями распадается на двѣ стадіи, на *преимущественно-административную* и *судебную*. Первая стадія, имѣющая подготовительное значеніе для послѣдующаго процесса, направленная къ тому, чтобы дать матеріалъ для составленія судебной грамоты и завершающаяся специальнымъ назначеніемъ судьи на данный процессъ (указомъ) и посланіемъ къ нему судебной грамоты, есть, главнымъ образомъ, *актъ внутренняго управленія*, процедура административнаго характера. Вторая стадія — *судебная*, процессъ въ собственномъ смыслѣ, начиная съ призванія къ отвѣту и кончая приговоромъ. Сходства между нашимъ древнимъ даваніемъ судей и таковыми же явленіями въ исторіи западнаго процесса болѣе техническаго, реальнаго характера; различія же касаются юридическихъ идей, проникающихъ разсматриваемыя нами явленія въ нашемъ и въ западномъ процессѣ.

П. Бѣляевъ,

дѣйствительный членъ

Московского Юридическаго Общества.

⁷⁵⁾ Срв. возраженія Ваха противъ понятія *Auftrag* въ аналогичныхъ разсматриваемому нами случаяхъ *Ad. Wach, Handb. des deutsch. Civilprozessrechts, § 26, II.*

⁷⁶⁾ Доп. къ А. И., I, № 51.

⁷⁷⁾ *Wetzell, System, стр. 402 -- 403; Bethm. Hollw., Röm. Civilproz. III, § 140.*

⁷⁸⁾ Срв. *Арх. Эксп. I, № 380, 1490 г.*

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ НОВОРОССІИ.

I.

Десятинщики въ Херсонской губерніи.

Трудно, мнѣ кажется, найти мѣстность, которая могла бы дать изслѣдователю народной жизни и хозяйства столько живого, цѣннаго и интереснаго матеріала, сколько даетъ Херсонская губ. и вообще вся Новороссія. Но рѣдко, въ то же время, всестороннее изслѣдованіе края сопряжено бываетъ съ такими трудностями, какія приходится встрѣчать на каждомъ шагу здѣсь.

Научное изслѣдованіе Новороссіи еще, собственно говоря, только зарождается. До сихъ поръ нѣтъ сколько-нибудь связанной и исчерпывающей исторіи ея заселенія; не собраны и не изданы переполняющія архивы свѣдѣнія о первыхъ шагахъ земледѣлія, промышленности и торговли, однимъ словомъ, нѣтъ данныхъ, доступныхъ для всякаго читателя, на основаніи которыхъ можно было бы составить опредѣленное понятіе о культурномъ и экономическомъ развитіи края. Особенно страдаетъ въ этомъ отношеніи область свѣдѣній о древности черноморскихъ степей. Данныя объ этой эпохѣ разбросаны отрывками въ многочисленныхъ замѣткахъ путешественниковъ, большей частью иностранцевъ, смотрѣвшихъ на все удивленными, недоумѣвающими глазами. Этимъ объясняется та масса противорѣчій, какую встрѣчаетъ современный читатель при сличеніи двухъ авторовъ, наблюдавшихъ край въ одно и то же время. Разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ, не имѣя сколько-нибудь опредѣленнаго критерія истины, крайне трудно, а иногда и прямо невозможно. Приходится сравнивать описанія одного и того же событія у нѣсколькихъ авторовъ и пестрить текстъ

многими выписками и отступленіями, утомительными для читателя.

Поэтому я рѣшилъ историческую часть своей работы свести до возможнаго минимума и ограничиться самыми общими и безусловно достовѣрными свѣдѣніями.

Здѣсь же я считаю еще необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что руководило мною при выборѣ такой, второй-степенной, на первый взглядъ, темы для первой работы по исторіи и экономической статистикѣ Новороссіи. Главными мотивами, заставившими меня остановиться именно на этомъ вопросѣ, были слѣдующіе: во-первыхъ, экономическое положеніе десятичниковъ, подъ вліяніемъ условій, о которыхъ я буду говорить ниже, прогрессивно и очень быстро ухудшается; для улучшения же его до сихъ поръ еще ничего не предпринято, а очень скоро наступитъ время, когда и предпринимать что-либо будетъ уже поздно; во-вторыхъ, образованіе группы десятичниковъ и ея современное положеніе тѣсно связаны со всей исторіей Новороссіи и являются какъ бы результатомъ всѣхъ пережитыхъ ею бѣдъ и неурядицъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, насколько мнѣ извѣстно, кромѣ небольшой замѣтки г. Воропонова („В. Е.“ 84 г., 3), въ періодической печати никогда не подымался вопросъ объ этомъ забытомъ и обиженномъ во всѣхъ отношеніяхъ словіи. Думаю, что мотивы эти вполне оправдываютъ мой выборъ.

1.

Заселеніе черноморскихъ степей славянскими и, въ частности, русскими народностями началось задолго до оффиціального присоединенія ихъ къ Россіи ¹⁾. Гнетъ польской шляхты и евреевъ въ Украинѣ и правительственныя преслѣдованія религіозныхъ сектантовъ въ Россіи были главными стимулами, вы-

¹⁾ При составленіи исторической части своей работы я пользовался слѣдующими матеріалами: Скалковскій, „Хронологическое обозрѣніе Новороссійскаго края“; *ею же*, „Исторія Новой Сѣчи“; *ею же*, „Опытъ хозяйственной статистики Херс. губ.“; Попко, „Черноморскіе казаки въ ихъ военномъ и гражданскомъ быту“; пр. Багалый, „Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры“; пр. Антоновичъ, „Исслѣдованіе о крестьянахъ Ю.-З. Россіи“; Эварницкій, „Архивные матеріалы для исторіи Запорожья“; *ею же*, „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“; *ею же*, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ казаковъ“; Путевыя замѣтки Эриха Ласоты, множество замѣтокъ, разбросанныхъ въ „Зап. Одесск. общ. исторіи и древностей“, „Кіевской Старинѣ“ и др., и, наконецъ, Полное Собраніе Законовъ.

зававшими еще въ XIV вѣкѣ движеніе на Югъ недовольныхъ протестующихъ элементовъ, создавшихъ главный контингентъ знаменитаго запорожскаго войска и давшихъ Югу первыхъ колонизаторовъ-земледѣльцевъ. Въ то время, какъ запорожцы основывали на берегахъ рѣкъ Днѣпра и Буга и на островахъ, вплоть до лимановъ, множество куреней, населенныхъ боевымъ людомъ, подъ ихъ прикрытіемъ и защитой шло заселеніе бассейновъ этихъ рѣкъ земледѣльцами. Эрихъ Ласота, посолъ австрійскаго императора Рудольфа II-го, посѣтившій запорожцевъ на островѣ Базавлукѣ еще въ 1594 г., въ дневникѣ своемъ отмѣчаетъ уже существованіе степныхъ хуторовъ на границѣ съ Украиной, жители которыхъ въ мирное время занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, а въ случаѣ надобности должны были становиться въ ряды запорожскаго войска. Разумѣется, сколько-нибудь устойчивая сельскохозяйственная жизнь не могла сложиться здѣсь въ то время, такъ какъ частые набѣги татаръ разрушали все созданное трудами мирныхъ колонизаторовъ, а слабая еще запорожская община не могла бороться съ ними. Она только въ XVII вѣкѣ дѣлается серьезной защитой отъ вторженія кочевниковъ.

Первыми земледѣльцами были здѣсь выслужившіеся запорожцы. Они обыкновенно устраивались зимовниками неподалеку отъ запорожскихъ куреней, жили съ челядью (рабочими) и занимались, главнымъ образомъ, скотоводствомъ, какъ промысломъ, менѣе связывающимъ ихъ съ мѣстомъ жительства и болѣе доходнымъ въ то время, чѣмъ земледѣліе. Къ выслужившимся казакамъ стали постепенно присоединяться выходцы изъ центральныхъ областей, селившіеся тоже подъ защитой запорожскаго войска. Но широкіе размѣры эта народная колонизація приняла только въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда жизнь въ центральныхъ малорусскихъ областяхъ сдѣлалась для крестьянства положительно невыносимой и гнала въ далекія, дикія и безъизвѣстныя степи не только одинокихъ людей и молодежь, которыхъ привлекала на свое лоно Запорожская Сѣчь, но и настоящихъ хозяевъ, уходившихъ цѣлыми семьями съ единственной цѣлью—отдаться въ просторныхъ вольныхъ степяхъ самостоятельному хозяйству. Только съ усиленіемъ этого семейно-бурлацкаго движенія черноморскія степи стали пріобрѣтать болѣе жилой, болѣе хозяйственный видъ. Оживлявшіе ихъ до этого времени, кой-какъ сколоченные, одинокіе зимовники да громадные стада скота стали постепенно замѣняться настоящими селеніями, окруженными пашнями, огородами и садами. Пер-

выми по времени такой колонизаці подверглись оба берега Днѣпра въ мѣстности, занимаемой теперь уѣздами Херсонскимъ и Александрійскимъ (Херс. губ.), Павлоградскимъ и Новомосковскимъ (Екатеринославской). Особенно сильный наплывъ семейныхъ пришельцевъ начался въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда сами запорожцы должны были принять мѣры для урегулированія колонизаціи своего „посполства“.

Установить точно характеръ отношеній, существовавшихъ между фактическими хозяевами края—запорожцами и посполствомъ, очень трудно, такъ какъ ни одинъ изъ дошедшихъ къ намъ документовъ не даетъ по этому вопросу точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что, хотя земля, находившаяся въ пользованіи казаковъ и посполства, была юридически собственностью всей запорожской общины, но на самомъ дѣлѣ принципъ общиннаго пользованія, въ его чистомъ видѣ, примѣнялся только къ рѣчнымъ рыбнымъ ловлямъ. Общинное же пользованіе землей имѣло мѣсто только въ самую раннюю пору казачества, и то только по отношенію къ новымъ поселенцамъ „посполитымъ“. Старшина же и заслуженные казаки владѣли землей безконтрольно, какъ своею собственностью. Знаемъ также, что посполство несло въ пользу казацкой общины подати, которыя раздѣлялись на постоянныя и временныя, денежныя и натуральныя. Размѣры тѣхъ и другихъ почти ежегодно колебались и потому не поддаются точному опредѣленію.

Характеръ и размѣры хозяйствъ семейнаго посполства находились въ прямой зависимости отъ мѣстныхъ условій и главнымъ образомъ отъ степени безопасности отъ вторженія татаръ. Въ мѣстахъ болѣе безопасныхъ развивалось земледѣліе, менѣе безопасныхъ—скотоводство.

Но далеко не всѣ выходцы изъ сѣверныхъ провинцій селились въ предѣлахъ запорожскихъ владѣній. Много ихъ направлялось въ глубь степей и селилось на земляхъ татаръ. Положеніе этихъ поселенцевъ было ужасно. Платежныя отношенія ихъ къ татарамъ, хотя и опредѣлялись десятой долей „всякаго прибытка“, но на самомъ дѣлѣ дикіе хозяева брали столько, сколько имъ заблагоразсудится. Не была даже гарантирована личная свобода поселенца. Слишкомъ тяжелы, значитъ, были условія жизни на родинѣ, подъ сѣнью писанныхъ законовъ, когда изъ года въ годъ изъ подъ этой сѣни убѣгали тысячи измученныхъ, озлобленныхъ людей, селившихся въ дикихъ степяхъ, гдѣ не было ни законовъ, ни какой бы то ни было юридической защиты, а господствовалъ дикій произволъ дикихъ хозяевъ.

Русское правительство до 1760 года, т.-е. до времени присоединенія сѣверо-восточныхъ окраинъ Новороссіи, очень мало интересовалось судьбою своихъ выходцевъ. Съ этого же времени начинается рядъ правительственныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью вернуть выходцевъ на родину. Но мѣропріятія эти не имѣли существенныхъ послѣдствій.

Въ 1791 году вся нынѣшняя Херсонская губ. была присоединена къ Россіи. вмѣстѣ съ этимъ народная колонизація, достигшая въ то время своего апогея, вдругъ оборвалась, заглохла. Богатый, оживавшій уже край опустѣлъ. Земли, добытыя кровью запорожскаго войска, вспаханныя и оживленные трудами его мирныхъ потомковъ, привыкшихъ смотрѣть на нихъ какъ на свою собственность, очутились вдругъ въ рукахъ невѣдомо откуда нахлынувшихъ помѣщиковъ, а коренное населеніе изъ самостоятельныхъ хозяевъ почти все превратилось въ безземельныхъ, бездомныхъ бродягъ.

Помѣщикамъ раздавались земли крупными участками отъ 1500 до 25—30 тысячъ десятинъ,—раздавались почти безъ всякаго разбору. Всѣ штабъ- и оберъ-офицеры земли русской, всѣ чиновники, начиная регистраторами и оканчивая дѣйствительными статскими и тайными совѣтниками, могли вдругъ сдѣлаться крупными владѣльцами. Новые помѣщики въ теченіе десяти лѣтъ освобождались отъ всякихъ повинностей, но должны были въ теченіе этого срока поселить по 13 дворовъ крѣпостныхъ на каждыя 1500 д. жалованной имъ земли. Но и это ничтожное обязательство не было выполнимо для тогдашнихъ помѣщиковъ, отчасти потому, что большинство ихъ не имѣло вовсе крѣпостныхъ, отчасти потому, что даже и имѣвшіе боялись переводить ихъ сюда въ виду почти поголовныхъ побѣговъ въ устья южныхъ рѣкъ, почти недоступныя для властей.

Впрочемъ, многіе болѣе предприимчивые помѣщики скоро нашли выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Они всякими способами, всякими заманчивыми обѣщаніями стали привлекать на свои земли бродягъ, переполнявшихъ тогдашнюю Новороссію. Этими-то бродягами и было заложено основаніе того класса безземельныхъ пахарей-десятильщиковъ, изученію котораго посвящена настоящая работа.

Изданіемъ указа о временно-обязанныхъ поселянахъ правительство невольнио пришло на помощь помѣщикамъ. Указомъ этимъ разрѣшалось всѣмъ бродягамъ селиться на частновладѣльческихъ земляхъ и обрабатывать ихъ издольно. Но жадныя притязанія помѣщиковъ, смотрѣвшихъ на поселянъ какъ на своихъ крѣ-

постныхъ, сдѣлали то, что до 1796 года все почти населеніе Новороссіи находилось въ постоянномъ броженіи, переходя ежегодно съ мѣста на мѣсто. Въ этомъ году былъ изданъ указъ ²⁾, который запрещалъ обязаннымъ поселянамъ переходъ съ мѣста на мѣсто. Указъ этотъ, несмотря на всю свою суровость, не могъ прикрѣпить къ землѣ узнавшее прелестъ свободной жизни населеніе. Въ 1804 г. онъ былъ повторенъ еще разъ и продленъ закономъ до 1829 г., и только съ этого времени поселянамъ были разрѣшены переходы и съемка земель по добровольному соглашенію съ владѣльцами. Всѣ перечисленные выше указы значительно повліяли на бытъ и правовое положеніе только той части бродячаго населенія, которая успѣла къ этому времени обзавестись кое-какимъ хозяйствомъ и приписаться къ городамъ въ мѣщане. Положеніе этого класса было въ то время болѣе, чѣмъ сносно. Помѣщики дорожили имъ и если повторяли свои попытки закрѣпощенія, то только по отношенію къ безхозяйственной и безправной голытьбѣ. Къ этому послѣднему классу и правительство относилось очень строго. Съ 1828 г. начались преслѣдованія и ловля безпаспортныхъ, продолжавшіяся вплоть до паденія крѣпостного права. Несмотря на это, притокъ бродягъ изъ центральной Россіи не только не прекращался, но росъ съ каждымъ годомъ.

Начало 40-хъ годовъ ознаменовалось на Югѣ быстрымъ подъемомъ сельскаго хозяйства. Экспортъ хлѣба за границу черезъ черноморскіе порты достигъ въ нѣсколько лѣтъ громадныхъ размѣровъ. Явился спросъ на рабочія руки, и изъ центральныхъ губерній хлынулъ впервые на Югъ потокъ рабочихъ. Рядомъ съ вольными крестьянами и помѣщичьими оброчными двинулись и массы бѣглыхъ, шедшихъ съ тѣмъ, чтобы больше не вернуться на постылую родину.

Такимъ образомъ росъ и увеличивался контингентъ безземельнаго бродячаго люда въ Новороссіи. Въ концѣ 50-хъ годовъ, руководимые той же призрачной надеждой, которая загнала сюда тысячи настоящихъ бродягъ,—надеждой найти землю, довольство и волю, хлынули въ большомъ количествѣ актовые крестьяне, отпущенные помѣщиками до реформы. Надежды ихъ, разумѣется, не сбылись, и имъ пришлось стать въ ряды бродягъ-десятинщиковъ или простыхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, у насъ положительно нѣтъ точныхъ данныхъ относительно количества безземельныхъ на территоріи Херсонской

²⁾ П. С. З., XXIV, № 17638, стр. 233—279, 339.

губ. въ послѣдніе годы дореформенной эпохи, но результаты реформы, съ которыми мы ознакомимся ниже, показали, что число ихъ было очень и очень велико.

2.

Ко времени крестьянской реформы земледѣльческое населеніе Херсонской губ. состояло изъ значительнаго количества казенныхъ поселенъ, государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ и, наконецъ, десятичниковъ. Первая двѣ категоріи владѣли землей въ количествѣ 8—9 десятинъ на душу мужского пола, вторыя землей еще не были обезпечены и обрабатывали помѣщичьи земли. Въ распоряженіи первыхъ двухъ группъ, состоявшихъ изъ 371,594 душъ об. пола, было 1.563,398 дес. Помѣщичьихъ крестьянъ было 321,250 душъ об. пола, а земли у нихъ въ пользованіи 642,102 дес. Что же касается десятичниковъ, то количество ихъ передъ реформой нельзя опредѣлить по той причинѣ, что большинство ихъ принадлежало къ мѣщанскому сословію и числилось городскими жителями. Выдѣлить десятичниковъ изъ всей массы этого сословія можно только путемъ специальныхъ подворныхъ переписей. Это было сдѣлано мѣстными земскими статистическими изслѣдованіями въ 1886—87 годахъ, и только благодаря имъ были опредѣлены отношенія къ землѣ и земледѣлію громаднаго класса мѣщанъ.

Обращаясь непосредственно къ результатамъ крестьянской реформы въ Херсонской губ., мы не можемъ не остановить своего вниманія на томъ странномъ фактѣ, что изъ всей массы помѣщичьихъ крестьянъ получило надѣлы сравнительно небольшое количество. Причина этого ненормальнаго явленія лежитъ въ быстромъ и ничѣмъ необъяснимомъ увеличеніи числа дворовыхъ людей въ послѣдніе предреформенные годы. Сравнивая между собой результаты IX-й ревизіи, произведенной въ 1850 г., и X-й, произведенной въ 1858 г., мы замѣчаемъ рѣзкую разницу въ распредѣленіи крѣпостныхъ: % дворовыхъ за эти восемь лѣтъ поднялся отъ 4,8 % до 19,5 % всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Объяснить это явленіе чисто мѣстными хозяйственно-экономическими условіями невозможно. Мы знаемъ, что нужда въ крестьянинѣ-земледѣльцѣ не только не уменьшилась, но наоборотъ, достигла самыхъ большихъ размѣровъ подъ вліяніемъ того быстрого подъема и расширенія сельскаго хозяйства на Югѣ, о которомъ упоминалось выше. Слѣдовательно, основываясь на мѣстныхъ условіяхъ, можно было бы пред-

положить совершенно противное тому, что случилось на самомъ дѣлѣ.

Самое вѣроятное объясненіе этого явленія даетъ г. Тройницкій ³⁾, который предполагаетъ, „что поводомъ къ этому послужили слухи при производствѣ послѣдней (IX-й) переписи, что при предстоящемъ преобразованіи положенія крѣпостного сословія дворовые люди будутъ выкуплены правительствомъ, или по крайней мѣрѣ изъяты изъ поземельнаго надѣла“. Естественно, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ распространились эти слухи, помѣщики пожелали заблаговременно отдѣлаться отъ надѣленія своихъ крестьянъ.

Реформа оставила всѣхъ дворовыхъ безъ земли, и такимъ образомъ изъ 160,673 ревизскихъ помѣщичьихъ душъ — 31,076 душъ попало въ число безземельныхъ. Къ нимъ присоединилось еще значительное количество крестьянъ, отпущенныхъ помѣщиками на волю до реформы и отказавшихся отъ надѣловъ на основаніи 8-й ст. Положенія о выкупѣ. Такимъ образомъ, послѣ реформы всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне разбились на три группы:

Первая, въ колич. 116,182 ревизск. душъ, т.-е. 72,3% всѣхъ пом. крестьянъ, получила надѣлы указные, половинные или дарственные; *вторая*, въ количествѣ 31,076 душъ, т.-е. 19,3% всѣхъ пом. кр., не получила надѣловъ вовсе, и *третья*, 13,415 душъ, или 8,6%, отказалась отъ нихъ.

Слѣдовательно, крестьянская реформа увеличила число безземельныхъ на территоріи Херсонской губ. на 44,591 ревизскую душу, создала значительный контингентъ десятинщиковъ и, расширивши эту группу въ количественномъ отношеніи, измѣнила ее и качественно, вводя въ нее новые элементы и новыя измѣненія въ бытовомъ и хозяйственно-экономическомъ складѣ ея жизни.

Лишившись и того незначительнаго количества крѣпостныхъ, которое имъ удалось удержать до реформы, помѣщики новороссійскіе очутились послѣ нея въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Мѣстные, надѣленные землей крестьяне приложили всѣ силы къ устройству своего хозяйства, отказывались работать въ частныхъ имѣніяхъ и даже первое время почти не прибѣгали къ арендѣ земель. Въ то же время значительно сократился и наплывъ рабочихъ изъ центральныхъ губерній, такъ какъ

³⁾ Тройницкій, „Крѣпостное населеніе Россіи по X-й народной переписи“, стр. 26—27.

гораздо большее число ихъ могло найти работу въ мѣстныхъ экономіяхъ. А между тѣмъ спросъ на продукты земледѣлія и цѣны на нихъ росли съ поразительной быстротой. Вотъ тутъ-то десятинщики и, отчасти, бѣдно надѣленные группы бывш. пом. крестьянъ спасли землевладѣльцевъ отъ разоренія.

Конечно, притакихъ условіяхъ помѣщики не могли не дорожить десятинщиками и не стараться удержать ихъ на своихъ земляхъ. Десятинщики, въ свою очередь, были, повидимому, довольны своимъ положеніемъ, и имъ, вѣроятно, и въ мысль не приходила неизбѣжность тѣхъ тягостныхъ условій, въ которыхъ имъ пришлось очутиться впоследствии. Коренное крестьянское населеніе Новороссіи, привыкшее къ широкимъ земельнымъ просторамъ, привыкшее пользоваться землей почти безъ всякихъ ограниченій, вообще очень легко относилось къ своей будущности и положительно не вѣрило въ замѣну земельныхъ просторовъ земельной тѣснотой. Этимъ только и можно объяснить, почему крестьяне съ легкимъ сердцемъ отказывались отъ полныхъ надѣловъ, удовлетворяясь дарственными и уменьшенными. Имъ въ то время представлялось болѣе выгоднымъ платить натуральныя повинности помѣщику, чѣмъ денежныя—казнѣ. Какъ ни ошибочно было такое поведеніе крестьянъ, но оно находило полное оправданіе въ опытѣ ихъ прошлой жизни и съ этой точки зрѣнія было вполне естественно и законно.

Вообще надо сказать, что реформа не измѣнила кореннымъ образомъ жизнь десятинщика и только, улучшивши временно его положеніе, отдалила его отъ мысли о печальной будущности. Десятинщики попрежнему продолжали кочевать со всѣмъ своимъ скорбомъ отъ одного помѣщика къ другому, ища лучшей и болѣе обезпеченной жизни.

Платежныя отношенія ихъ къ помѣщикамъ сводились тогда къ слѣдующему. За землю десятинщикъ вносилъ, обыкновенно, часть урожая; разумѣется, и тогда уже отъ десятой доли оставалось лишь одно сладкое воспоминаніе, но все-таки условія съемки были еще довольно выгодны, и доля въ пользу владѣльца рѣдко превышала $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{6}$ часть урожая. За хаты и усадьбы отрабатывали, причемъ обязанность эта лежала почти исключительно на женщинахъ. Онѣ работали дней двадцать въ году и, кромѣ этого, должны были поставить ежегодно извѣстное количество домашней птицы и яицъ. Скотъ десятинщиковъ пасся въ стадѣ помѣщика, но пастуховъ они должны были давать своихъ. За выпасъ отрабатывали возкой сноповъ съ поля или хлѣба на рынки. Кромѣ всего этого, существовалъ

еще обычай „послухать“, т.-е. выйти нѣсколько разъ въ годъ на работу бесплатно или за незначительное вознагражденіе по первому зову помѣщика. Вообще размѣръ и характеръ натуральныхъ повинностей были крайне разнообразны и опредѣлялись какъ мѣстными условіями, такъ и личными качествами владѣльца.

Такое, все-таки завидное во многихъ отношеніяхъ, положеніе десятинщиковъ не было продолжительнымъ. Уже въ началѣ 70-хъ годовъ въ судьбѣ ихъ наступилъ поворотъ къ худшему. Громадную роль въ этомъ сыграли не только измѣнившіяся экономическія условія и естественный переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному, но и такой, на первый взглядъ второстепенный факторъ, какъ расширеніе нѣмецкаго землевладѣнія и нѣмецкихъ арендъ. Нѣмцы, представляя изъ себя множество дружныхъ и сплоченныхъ въ хозяйственномъ отношеніи группъ, обладая большими знаніями и большими матеріальными средствами, чѣмъ туземное населеніе, сдѣлались почти непобѣдимыми соперниками не только крестьянъ и десятинщиковъ, но даже и крупныхъ владѣльцевъ. Они внесли въ новороссійское хозяйство совершенно новую струю, поставили его на чисто коммерческую почву и на этой почвѣ начали побѣдоносную борьбу со своими носильными и недружными соперниками.

Извѣстно, что приливъ нѣмецкихъ колонистовъ не прекратился съ окончательной приостановкой отвода имъ казенныхъ земель. Онъ продолжался еще очень долго, и пришлые элементы должны были покупать землю въ личную собственность или прибѣгать къ арендамъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ они дѣйствовали во вредъ десятинщикамъ. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ они поддерживались и поощрялись своими соотечественниками, пользовались ихъ опытомъ, вліяніемъ и матеріальной помощью. Съ другой стороны, и помѣщики, если только имъ представлялся выборъ между десятинщиками мѣстнаго происхожденія и арендаторами-нѣмцами, всегда предпочитали послѣднихъ. Для помѣщика арендаторы-нѣмцы представляютъ много выгодъ. Во-первыхъ, они снимаютъ землю товариществами, занимаютъ сразу большіе участки и правильный взносъ платежей обезпечиваютъ круговой порукой; во-вторыхъ, какъ болѣе зажиточные и обладающіе лучшими средствами производства, они не только лучше, чѣмъ мѣстные десятинщики, обрабатываютъ землю, но и бываютъ всегда болѣе исправными плательщиками.

Вредно отразилось на бытѣ десятичниковъ расширеніе нѣмецкихъ арендъ еще и въ томъ отношеніи, что нѣмцы первые замѣнили отработки денежными платами. Они очень высоко цѣнятъ свой трудъ и свою независимость, никогда не допускаютъ, чтобы члены ихъ семей работали на сторонѣ. Поэтому замѣна натуральныхъ платъ денежными была для нихъ очень выгодна. Для десятищика же совсѣмъ иное: свой личный трудъ, какъ и трудъ cadaго изъ членовъ своей семьи, онъ цѣнитъ очень низко. Постоянная необезпеченность, постоянная погоня за лишнимъ грошемъ научили его дорожить отработками, тѣмъ болѣе такими, вся тяжесть которыхъ лежала на женщинѣ, въ силу особыхъ условій десятищичкаго хозяйства свободной большую часть года отъ работы подлѣ своего скуднаго добра. Раньше плата за хату была почти незамѣтной и не отражалась особенно на убогомъ бюджетѣ десятищика; теперь же съ ней приходится считаться: 15—20 р. слишкомъ большія деньги для десятищика, и добыть ихъ ему нелегко. Замѣнились также денежной платой и отработки за выпасъ скота. Такимъ образомъ, хозяйственная дѣятельность десятичниковъ значительно осложнилась, и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшилось и ихъ матеріальное положеніе. Отъ прежнихъ натуральныхъ повинностей осталась только скопщина, да и она встрѣчается лишь въ большихъ „отсталыхъ“ имѣніяхъ; тамъ же, гдѣ хозяйство ведется „образцово“, на „коммерческую ногу“, десятищичики, если и не вытѣснены нѣмцами, то влачатъ жалкое существованіе.

Такова, въ общихъ чертахъ, историческая судьба интересующей насъ группы. Изъ этого краткаго очерка читатель могъ замѣтить, что нѣтъ никакого основанія ожидать измѣненія этой судьбы къ лучшему безъ посторонняго вмѣшательства. Посмотримъ теперь, какое участіе принимало правительство и земство въ судьбѣ десятичниковъ. Для безземельныхъ хозяевъ участіе это, разумѣется, прежде всего должно было выразиться надѣленіемъ свободными казенными землями, помощью въ приобрѣтеніи земель въ собственность и, наконецъ, урегулированіемъ и облегченіемъ арендованія казенныхъ и частновладѣльческихъ земель.

Поселеніе безземельныхъ на казенныхъ земляхъ началось еще въ 1868 г. и было предпринято, какъ говоритъ земскій изслѣдователь Херсонскаго уѣзда ⁴⁾, „для окончательнаго ликви-

⁴⁾ Матеріалы для оцѣнки земель Херс. губ., т. VI, 164 - 5 стр.

рованія грѣховъ крѣпостного права, которое въ наслѣдіе оставило много безземельныхъ дворовыхъ и отпущенныхъ людей, а также для земельного устройства отставныхъ и безсрочно отпусковыхъ солдатъ старой службы, которые не находили мѣста и надѣловъ въ своихъ прежнихъ обществахъ⁴. Право на полученіе надѣла имѣли только завѣдомо безземельные крестьяне. Больше всего свободныхъ казенныхъ земель оказалось при бывшихъ военно - поселенческихъ селахъ въ предѣлахъ Херсонскаго и южной части Елисаветградскаго уѣздовъ, а потому здѣсь и былъ сосредоточенъ отводъ земель для новыхъ поселенцевъ. Заселеніе казенныхъ земель, законченное только въ 1892 году, распадается на два періода, значительно разнящіеся между собой какъ по результатамъ, такъ и по характеру. Въ первый періодъ, по закону 1869 года, на полученіе надѣловъ имѣли право главнымъ образомъ отставные солдаты, безземельные крестьяне и однодворцы изъ сосѣднихъ губерній. Въ періодъ этотъ возникло 66 новыхъ обществъ съ 67 поселками, изъ которыхъ многіе были очень велики. Впрочемъ, результаты этого періода не представляютъ для насъ существеннаго интереса, такъ какъ въ немъ почти не принимали участія десятинщики.

Гораздо интереснѣе для насъ второй періодъ, когда законами 1881 и 1887 годовъ были внесены въ дѣло заселенія казенныхъ земель нѣкоторыя измѣненія. Земля отводилась поселенцамъ этого періода на правахъ 12-ти-лѣтней аренды, причемъ арендный оброкъ долженъ былъ уплачиваться въ сроки взноса крестьянскихъ платежей, т.-е. 1-го мая и 1-го ноября (2-й пунктъ условія⁵), и

⁵) Подробный текстъ условія „дачи казенныхъ земель безземельнымъ людямъ, водворяемымъ въ видѣ сельскихъ обществъ на земляхъ Херсонской губ.“, таковъ:

1) Отведенною намъ землею мы обязаны пользоваться въ границахъ, означенныхъ на приложенномъ къ сему контракту чертежѣ и указанныхъ намъ въ натурѣ. Объ указаніи намъ границъ отведенной земли въ натурѣ мы должны дать особую подписку.

2) За пользованіе означенною выше землею мы обязываемся уплачивать въ Херсонское казначейство оброкъ ежегодно по 000 руб. и 00 коп. въ тѣ сроки, какіе установлены закономъ для взноса поземельныхъ крестьянскихъ платежей, а именно: 1 мая и 1 ноября, причемъ за своевременный платежъ оброка мы отвѣствуемъ круговою нашею другъ за друга порукою.

3) Отведенную намъ землю мы обязываемся, по указанію чиновника Управленія Государственными Имуществами, разбить на три равныя поля, съ проведеніемъ межъ, и засѣвать ежегодно не болѣе двухъ полей, а третье оставлять въ пару; причемъ одно и то же поле не должно быть подъ посѣвами болѣе двухъ лѣтъ къ ряду. За нарушеніе сего порядка пользованія отведенною

своевременность его гарантировалась круговой порукой. По истеченіи срока аренды поселенцы обязаны были принять землю въ надѣлъ, если только „Правительство признаетъ нужнымъ учинить таковой, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ земля эта предоставлена намъ нынѣ во временное пользованіе...“ (пунктъ 6 условія). Характернымъ отличіемъ между первымъ періодомъ поселенія и вторымъ являлось то обстоятельство, что въ первый періодъ имѣли право на надѣленіе лишь безземельные, принадлежащіе къ крестьянскому сословію; во второй же могли селиться *всѣ земледѣльцы*, живущіе въ предѣлахъ Херсонской губ. и ничѣмъ не разнящіеся по образу жизни отъ крестьянъ. Такимъ образомъ, только во второй періодъ десятинщики, большинство которыхъ принадлежало къ мѣщанскому сословію, получили возможность превратиться въ

намъ землею мы подвергаемся взысканію штрафа за каждую излишне или неправильно застянную десятину вчетверо больше арендной платы.

4) На предоставленной намъ въ арендное пользованіе землѣ мы обязываемся водвориться съ возведеніемъ необходимыхъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ непремѣнно въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ со времени отвода намъ сей земли.

5) Если во время содержанія кто-либо станетъ оспаривать владѣніе части или всей земли, то защита правъ нашихъ въ семъ случаѣ лежитъ на обязанности Управленія Государственными Имуществами. Если же какая-нибудь часть оброчной земли выйдетъ изъ нашего пользованія, то плата за нее, соразмѣрно отошедшему числу десятинъ, отъ насъ не требуется впредь до возвращенія намъ отнятой земли.

6) Мы обязываемся означенную выше землю принять въ надѣлъ, если Правительство найдетъ нужнымъ учинить таковой, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на коихъ земля эта предоставлена намъ нынѣ во временное пользованіе, и не имѣемъ права въ періодъ временнаго пользованія отдавать оную въ аренду постороннимъ лицамъ.

7) За несоблюденіе какихъ-либо изъ указанныхъ выше условій Управленіе Государственными Имуществами отведенную намъ, согласно настоящему контракту, землю въ правѣ отобрать у насъ во всякое время со взысканіемъ съ насъ могущихъ произойти отъ такой нашей неисправности казенныхъ убытковъ.

8) Арендаторы казенныхъ оброчныхъ статей, сверхъ платежа арендныхъ денегъ, обязаны исполнять существующія натуральныя повинности, или которыя будутъ установлены въ теченіе аренднаго срока Правительствомъ и земскими учрежденіями по истребленію на арендуемой землѣ вредныхъ животныхъ и наѣдомыхъ, подвергаясь за неисполненіе сихъ постановленій установленному взысканію.

9) Въ заключеніе контрактъ сей съ обѣихъ сторонъ соблюдать свято и ненарушимо; подлинный съ ручательнымъ мірскимъ приговоромъ хранить при дѣлахъ Управленія, а намъ получить засвидѣтельствованную копію сего контракта вмѣстѣ съ чертежомъ на отведенную землю.

осѣдлыхъ сельскихъ хозяевъ. Въ этотъ періодъ, т.-е. до 1892 г., устроено было 36,931 надѣльн. душ. Но подробныя свѣдѣнія о сословномъ составѣ поселенцевъ мы имѣемъ лишь относительно $\frac{1}{8}$ всего ихъ числа, т.-е. относительно 7,709 душъ. Свѣдѣнія эти извлечены г. Осадчимъ *) изъ дѣлъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ вѣдѣніи котораго находится поселенческій вопросъ. Всѣ зарегистрированные такимъ путемъ поселенцы по сословіямъ и мѣстамъ выхода распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Сословіе.	‰ ко всему чис. посел.	Число душъ.	Мѣста выхода.				
			Херс. губ.	Кіев. губ.	Подол. губ.	Полт. губ.	Бесс. губ.
Крестьяне	51,8	3997	3575	391	17	14	—
Мѣщане	43,2	3333	2647	60	62	—	564
Казаки и друг. сосл. .	5	379	—	—	—	—	—
Всего . .	100‰	7709	6222(80,7‰)	451	79	14	564

Слѣдовательно, изъ числа поселенцевъ завѣдомо принадлежить къ жителямъ Херсонской губ. 6222 души, или 80,7‰. Если предположить, что такое же отношеніе сохранится и для остальной массы поселенцевъ, что весьма вѣроятно, такъ какъ свѣдѣнія извлечены безъ выбора и относятся къ первымъ годамъ поселенія, когда десятинщики мѣстнаго происхожденія встрѣчались среди поселенцевъ гораздо рѣже, чѣмъ въ послѣдніе годы, то ясно увидимъ, что главная масса поселенцевъ принадлежала къ жителямъ Херсонской губ. и что главный контингентъ ея составляли десятинщики.

Величина отводимыхъ надѣловъ не была одинакова въ теченіе всего періода. Въ первые годы, когда среди поселенцевъ преобладали крестьяне, и когда никто не предполагалъ, что число желающихъ поселиться на казенной землѣ достигнетъ тѣхъ громадныхъ размѣровъ, какіе имѣли мѣсто въ послѣдніе годы отвода земли, — поселенцамъ нарѣзывали земли въ размѣрѣ указныхъ надѣловъ бывш. помѣщичьихъ крестьянъ, т.-е. по 4, — 5, дес. на наличную душу мужск. пола. Но съ 1887 года, послѣ разъясненія министра о правѣ на землю не только крестьянъ, но и вообще всѣхъ земледѣльцевъ †), мѣщане-десятинщики хлынули на землю въ такомъ громадномъ коли-

*) Осадчий, „Крестьянское надѣльное землевладѣніе въ Херс. губ.“, стр. 41.

†) Хотя въ законахъ 1881 и 1887 годовъ ясно сказано о правѣ на землю мѣщанъ-земледѣльцевъ, но мѣстная администрація слишкомъ осторожно обращалась съ этимъ правомъ, до разъясненія министра.

чествѣ, что явилась необходимость сократить размѣръ надѣла до 3-хъ десятинъ, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1890 году, и вовсе прекратить отводъ казенныхъ земель. Въ прекращеніи отвода министръ государственныхъ имуществъ руководствовался тѣмъ, что отсутствіе среди крестьянскихъ владѣній свободныхъ для аренды казенныхъ земель можетъ слишкомъ вредно отразиться на благосостояніи коренного земледѣльческаго населенія. Въ силу этихъ же причинъ отводъ казенныхъ земель жителямъ другихъ губерній былъ прекращенъ значительно раньше. Въ 1890 году всѣмъ безземельнымъ, уже подавшимъ ходатайства (2412 душъ) о надѣленіи, предложено было переселиться въ Самарскую губ., гдѣ надѣлъ былъ увеличенъ до 6—8 дес. Но бѣдность поселенцевъ и отдаленность земель не позволили имъ воспользоваться этимъ предложеніемъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе второго періода поселено было на казенныхъ земляхъ 37117 душъ, изъ которыхъ 7840—получили указные надѣлы отъ 3,5 до 5,5 дес., смотря по мѣстности; всѣ же остальные, за недостаткомъ земли,—всего лишь по 3 дес. на душу. Сравнивая между собой результаты двухъ періодовъ заселенія, мы видимъ, что второй періодъ далъ гораздо больше поселенцевъ, чѣмъ первый, и что число ихъ увеличили главнымъ образомъ десятинщики; мы видимъ также, что по земельному обезпеченію и въ платежномъ отношеніи поселенцы перваго періода были поставлены въ болѣе благоприятныя условія; но если мы примемъ во вниманіе, что во второй періодъ земель воспользовались наиболѣе нуждающіеся слои населенія и что періодъ этотъ значительно прорѣдилъ ряды десятинщиковъ, то придемъ къ тому заключенію, что второй періодъ заселенія достигъ болѣе серьезныхъ результатовъ и больше приблизился къ цѣли, чѣмъ первый.

Конечные результаты заселенія казенныхъ земель приведены въ слѣдующей таблицѣ.

	Образовалось общество.		Всѣхъ дворовъ.		Надѣловъ.		Налич. нас. об. пола.		Земли.	
	‰	Число.	‰	Число.	‰	Число.	‰	Число.	‰	Число.
1-й періодъ.	30,7	66	27,5	4833	24,2	11812	27,6	27975	35,4	65836,3
2-й " .	69,3	149	72,5	12831	75,8	36931	72,4	73231	64,6	120103,5
Всего . .	100	215	100	17665	100	48743	100	111206	100	185939,8

За все время, значить, пристроено къ землѣ 17665 дворовъ съ 111,206 душами об. пола и отведено имъ земли 185,939,8 десят., что составляетъ на дворъ 10,3 дес., а на душу об. пола 1,3 д. Вопросъ о надѣленности въ различные періоды требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Полное представленіе объ этомъ даетъ слѣдующая таблица, въ которой всѣ поселенцы распределены на группы по величинѣ надѣловъ ^{а)}).

Размѣръ надѣла.	Александр. уѣздъ.		Елисаветгр. уѣздъ.		Ананьевскій уѣздъ.		Одесскій уѣздъ.		Херсонскій уѣздъ.		По губерніи.		Всего.	%
	1-й пе- ріодъ.	2-й пе- ріодъ.	1-й пе- ріодъ.	2-й пе- ріодъ.	1-й пе- ріодъ.	2-й пе- ріодъ.	1-й пе- ріодъ.	2-й пе- ріодъ.	1-й пе- ріодъ.	2-й пе- ріодъ.	1-й пе- ріодъ.	2-й пе- ріодъ.		
3 десятины.	—	5899	—	12193	—	1161	—	168	—	10175	—	29596	29596	60,7
3,5 "	—	579	271	2089	—	—	—	—	—	—	271	2668	2939	6,0
4 "	—	—	—	—	241	330	—	—	—	210	241	540	781	1,6
4,5 "	717	1221	1820	1244	—	—	—	—	—	—	2537	2465	5002	10,3
5,5 "	—	—	—	—	185	—	—	956	6000	706	6185	1662	7847	16,1
6—8 "	—	—	—	—	978	—	—	—	1600	—	2578	—	2578	5,3
Итого .	717	7699	2091	15526	1404	1491	—	1124	7600	11091	11812	36931	48743	99,9

Слѣдовательно, изъ всей массы поселенцевъ 60,7%, т.-е. большинство, получило въ надѣлъ по 3 дес. на душу, 17,9%—отъ 3,5 до 4,5, 16,1%—по 5,5 и 5,5—отъ 6 до 8 дес. на душу. Земельная же площадь распределяется такъ: на долю первой категоріи (съ над. въ 3 дес.) придется 47,5% всей земли, на долю второй (3,5—4,5)—19,8%, на долю третьей—23,3%, на долю 4-й—9,3%.

Таковы итоги надѣленія безземельныхъ казенной землей. Какъ ни скудны они въ количественномъ отношеніи, но вліяніе ихъ на хозяйственно-экономическую жизнь (Новороссіи) Херс. губ. все-таки очень значительно. Надѣленіе безземельныхъ вырвало громадную площадь казенныхъ земель изъ рукъ эксплуататоровъ-пересдатчиковъ, вытягивавшихъ всѣ соки изъ нуждающагося въ землѣ населенія, и передало ее въ руки тѣхъ, кто дѣйствительно въ ней нуждается; оно дало пристанище нѣсколькимъ тысячамъ десятинщиковъ и облегчило этимъ не только участь тѣхъ, кто получилъ землю, но также и тѣхъ, кто остался попрежнему жить и хозяйничать на чужой землѣ,

^{а)} Т. И. Осадчий, „Кр. над. землевл. въ Херс. губ.“, стр. 71.

такъ какъ отыскать свободный клочъ земли для аренды стало значительно легче. Въ виду всего этого, въ нашихъ глазахъ, отводъ казенныхъ земель безземельному населенію дѣйствительно является единственной разумной попыткой исправить грѣхи крестьянской реформы, особенно тяжело отразившіеся на жизни населенія Херсонской губ.

До сихъ поръ мы говорили объ отводѣ десятинщикамъ казенной земли въ предѣлахъ Херсонской губ. Здѣсь же, конечно, долженъ явиться вопросъ,—насколько сильно среди десятинщиковъ стремленіе къ переселенію въ мѣстности болѣе отдаленныя, и въ какой формѣ выразилось это стремленіе. Такъ какъ десятинщики преимущественно народъ бродячій, не связанный ничѣмъ съ опредѣленнымъ мѣстомъ жительства и, вдобавокъ ко всему этому, мечтающій о собственномъ клочкѣ земли и всѣми силами стремящійся осуществить свои мечтанія, то естественно предположить, что переселенческое движеніе среди нихъ можетъ задерживаться только отсутствіемъ средствъ. На самомъ дѣлѣ такъ и есть. Немногочисленные и очень печально окончившіяся попытки переселенія въ Самарскую губернію,—окончившіяся печально именно въ силу бѣдности переселявшихся,—надолго отбили у десятинщиковъ охоту двигаться за предѣлы Херсонской и Таврической губ.

Перейдемъ теперь къ покупкамъ десятинщиками земли съ помощью Крестьянскаго банка и на свои собственные средства. Десятинщики только сравнительно недавно уравнились настолько, что образовали группу, болѣе или менѣе однородную по имущественному обезпеченію. Теперь нѣтъ уже среди десятинщиковъ хозяевъ, обладающихъ десятками головъ скота и распахивающихъ своими силами сотни десятинъ земли, а когда-то такихъ хозяевъ было очень много. Послѣ реформы почти всѣ они превратились въ собственниковъ и значительно расширили группу мѣщанъ-землевладѣльцевъ. Теперь, разумѣется, ничего подобнаго произойти не можетъ, теперь десятинщикъ не только не можетъ дѣлать въ банки тысячные вклады, но едва-едва прокармливаетъ себя и свою семью. Слѣдовательно, хотя покупки земли на собственные средства и совершались членами группы десятинщиковъ, но явленіе это отошло уже въ область преданій, и повторенія его ждать очень трудно. Гораздо интереснѣе для насъ товарищескія покупки десятинщиковъ съ помощью Крестьянскаго банка. На нихъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе. Какъ извѣстно, вопросъ о необходимости земельного кредита для крестьянъ и мелкихъ

земледѣльцевъ былъ поднять впервые земствами и нѣкоторыми сельско-хозяйственными обществами. Въ 1879 году херсонская губернская управа, по просьбѣ московскаго общества сельскаго хозяйства, принимала участіе въ разработкѣ устава „Земской кассы поземельнаго кредита“. Въ своемъ докладѣ собранію она ясно и категорически выразила мысль о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, о необходимости такъ или иначе устроить массу безземельныхъ, оставленныхъ реформой въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ, о крайне тяжелыхъ условіяхъ арендованія земель, которыя крестьянамъ почти повсюду приходится снимать изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, отдавая трудовые гроши всевозможнымъ предпринимателямъ-пересдатчикамъ. Съ цѣлью окончательнаго выясненія этихъ вопросовъ, въ слѣдующемъ году предприняты были работы по изслѣдованію крестьянскаго землевладѣнія. Изслѣдованія эти выяснили, что земли у крестьянъ дѣйствительно мало, что свободныхъ частновладѣльческихъ земель, не приносящихъ ихъ владѣльцамъ почти никакого дохода, очень много и что всѣ онѣ, при посторонней помощи, могли бы перейти въ руки нуждающагося въ нихъ населенія. И вотъ собраніе, для цѣлей расширенія крестьянскаго землевладѣнія, ассигнуетъ довольно ничтожную сумму—13 тыс. руб. Но и она произвела на крестьянъ магическое дѣйствіе. Лишь только разнесся слухъ, что земство помогаетъ крестьянамъ покупать земли, ходатайства полились безъ конца. Управа, разумѣется, могла удовлетворить только очень немногихъ, но все-таки при ея помощи нѣсколько крестьянскихъ обществъ приобрѣли прилегающіе къ ихъ надѣламъ и очень нужные имъ клочки частновладѣльческой земли. Этимъ и закончилась непосредственная дѣятельность херсонскаго земства по расширенію крестьянскаго землевладѣнія.

18 мая 1882 г. былъ Высочайше утвержденъ уставъ Крестьянскаго банка, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года отдѣленіе его появилось въ Херсонѣ. Разумѣется, при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью въ уставѣ банка обнаружились многіе пробѣлы и погрѣшности. Первымъ и главнымъ недостаткомъ новаго учрежденія было слишкомъ строгое ограниченіе предѣловъ его дѣятельности. Банкъ выдавалъ ссуды только крестьянамъ, а между тѣмъ мы знаемъ, что на нихъ точно такое же право имѣли мѣщане-десятинщики, такіе же исконные земледѣльцы, какъ и крестьяне, ничѣмъ не отличающіеся отъ нихъ ни по занятіямъ, ни по образу жизни. Вторымъ, и тоже очень крупнымъ недостаткомъ въ дѣятельности банка была

слишкомъ низкая оцѣнка земель. Такъ, въ сѣверной части губерніи земля была оцѣнена банкомъ въ 40—45 р. и только какъ исключеніе—въ 60, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности покупали ее не дешевле 80—90 р. На Югѣ разница была еще болѣе чувствительной; земля здѣсь была оцѣнена всего лишь въ 25—30 р., а покупали ее крестьяне почти по такой же цѣнѣ, какъ и на Сѣверѣ губерніи,—въ виду того, что здѣсь сильными конкурентами крестьянъ при покупкѣ земель были нѣмцы, покупавшіе земли въ громадномъ количествѣ и платившіе за нихъ сравнительно дорого. Всѣ недостатки банка ярко обнаружались въ томъ фактѣ, что онъ не только не расширяетъ своей дѣятельности, но, наоборотъ, постепенно и неуклонно сокращаетъ. Такъ, до 1893 г. включительно, т.-е. за десять лѣтъ существованія банка, совершенно было всего 111 покупокъ, въ которыхъ принимало участіе 6,316 хозяйствъ съ 18,907 душами мужского пола. Земли было приобрѣтено 41,325 дес. Вся земля по размѣрамъ ежегодныхъ покупокъ распредѣлилась въ десятилѣтіе такъ ⁹⁾).

Купленная въ теченіе года земля составляетъ всей площади:

Въ 1883 г.	13,4 ⁰ / ₀	Въ 1889 г.	3,3 ⁰ / ₀
„ 1884 „	34,3	„ 1890 „	5,5
„ 1885 „	17,8	„ 1891 „	1,2
„ 1886 „	8,9	„ 1892 „	0
„ 1887 „	9,6	„ 1893 „	1,8
„ 1888 „	4,2		

Вся скудость дѣятельности банка выразится особенно рѣзко, если мы сопоставимъ съ банковскими покупками: а) общую площадь Херсонской губерніи, б) площадь частнаго землевладѣнія, с) площадь надѣльнаго землевладѣнія:

Вся площадь губерніи равна 6,376,912 дес., покупка 41,325 . . .	0,65 ⁰ / ₀
„ „ частнаго землевл. 3,516,560.	1,18
„ „ надѣльнаго „ 2,012,511	2,05

Единственную причину такого печальнаго положенія дѣлъ можно видѣть только въ томъ, что разница между банковской оцѣнкой земель и ихъ дѣйствительной стоимостью растетъ очень быстро, въ силу этого размѣры доплаты растутъ, устраняя отъ покупокъ болѣе бѣдное населеніе. Такимъ образомъ,

⁹⁾ Осадчий, „Крестьянскія земельныя приобрѣтенія въ Херс. губ.“. Зап. И. Ю.-Р. Общ. С. Х., 7—8, 94 г., 29 стр.

Крестьянский банкъ очутился между двухъ стульевъ; съ одной стороны бѣдное крестьянство съ ростомъ доплатъ теряетъ возможность пользоваться его помощью, а съ другой—богатое и зажиточное крестьянство не особенно дорожить этой помощью, такъ какъ предѣльная ссуда 500 р. на хозяйство для него слишкомъ незначительна. Съ увѣренностью можно сказать, что если бы не постоянный обходъ банковскихъ правилъ — искусственное увеличеніе числа семей, приглашеніе въ товарищество фиктивныхъ членовъ и проч., то банкъ давно бы уже превратился въ безжизненное и бездѣтельное учрежденіе.

Съ 1885 года, благодаря, главнымъ образомъ, ходатайству земства, вопросъ о разрѣшеніи ссудъ десятинщикамъ некрестьянскаго происхожденія былъ разрѣшенъ утвердительно. Закономъ 19 іюня 1885 г. десятинщикамъ Одесскаго, Тираспольскаго и Анапьевскаго уѣздовъ предоставлено право пользоваться банковскими ссудами наравнѣ съ крестьянами. Но къ этому времени доплаты возросли настолько, что покупка земель стала для десятинщиковъ почти невозможной. Это вполнѣ ясно видно изъ того, что съ 1886 г., когда десятинщики получили право обращаться въ банкъ за помощью, количество покупокъ не только не возросло, но даже понизилось. Отсюда было бы, разумѣется, ошибочно заключить, что Крестьянский банкъ ничего не сдѣлалъ для десятинщиковъ. Онъ косвенно повліялъ на ихъ участь въ томъ же направленіи, какъ и заселеніе казенныхъ земель. Кромѣ того, надо замѣтить, что помощью банка десятинщики сумѣли воспользоваться еще задолго до обнародованія закона 19 іюня. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ почти товариществахъ, покупавшихъ землю съ помощью банка, въ первые годы жизни на новомъ мѣстѣ происходили неурядицы и ссоры, вслѣдствіе которыхъ многіе члены оставляли товарищество, бросая свою землю на произволъ судьбы, или, рѣже, продавая ее постороннему лицу. Взамѣнъ выбывшихъ членовъ товарищество приглашало на свободныя земли новыхъ. Этими-то новыми членами и являлись въ большинствѣ случаевъ десятинщики, такъ какъ изъ всѣхъ земледѣльческихъ сословій только они одни ничѣмъ не рисковали, вступая въ ненадежное и непрочное товарищество. Они привыкли ко всякаго рода лишеніямъ, и жизнь въ новомъ поселеніи для нихъ не была такъ страшна, какъ для крестьянъ-собственниковъ; тѣмъ болѣе, что въ перспективѣ все-таки была надежда навсегда разстаться съ неприглядной кочевой жизнью. Такимъ образомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ десятинщики являлись подставными,

такъ сказать, членами товариществъ, и потому уже опредѣлить точно число успѣвшихъ пристроиться къ землѣ очень трудно. Кромѣ того, неполность и необстоятельность нашихъ свѣдѣній о земельныхъ приобрѣтеніяхъ десятинщиковъ усугубляется еще и тѣмъ, что десятинщики-крестьяне при покупкѣ земли товариществами не выдѣлялись, а прямо причислялись къ безземельнымъ. Съ другой стороны, невозможно опредѣлить число покупателей изъ мѣщанъ-десятинщиковъ, такъ какъ и здѣсь банкъ не отдѣлялъ ихъ отъ всего сословія мѣщанъ, значительная доля котораго принадлежала къ числу пригородныхъ земледѣльцевъ, хозяйничавшихъ на городскихъ земляхъ. Такимъ образомъ, мы положительно не имѣемъ возможности опредѣлить точно количество десятинщиковъ, приобрѣвшихъ земли при помощи Крестьянскаго банка. Да это, собственно говоря, и не имѣетъ для насъ существеннаго значенія. Намъ прежде всего важно узнать, — насколько вообще доступны для десятинщиковъ земельныя покупки, и можетъ ли нормальная банковская ссуда поставить на ноги десятинщика и сдѣлать его вполне самостоятельнымъ хозяиномъ-собственникомъ. Общее число безземельныхъ, устроившихся при помощи Крестьянскаго банка, количество купленной ими земли, размѣры банковской ссуды и личныхъ доплатъ сведены въ слѣдующей таблицѣ ¹⁰⁾.

Всего дворовъ безземельныхъ Херс. губ.	Въ % къ общ. числу покупателей	Куплено земли всего.	Земли.		Покуп. стоим.		Ссуда.		Доплаты.	
			На хоз.	На душу.	На хоз.	На душу.	На хоз.	На душу.	На хоз.	На душу.
482	11,1	3229,4	6,7	2,4	490,8	177,6	373,4	135,1	117,4	42,5

Изъ этой таблицы мы видимъ, что размѣры покупокъ безземельныхъ довольно высоки, значительно выше указныхъ надѣловъ бывш. помѣщ. крестьянъ, принятыхъ за норму земельной обеспеченности земледѣльческаго населенія Херс. губ.; но и они не освобождаютъ десятинщика отъ необходимости искать для аренды земли на сторонѣ. Изъ этой же таблицы намъ становится яснымъ — сколькихъ усилій стоитъ обыкновенно десятинщику покупка земли даже и при помощи банка. Мы видимъ, что въ среднемъ каждый дворъ доплачивалъ къ покупной стоимости помимо ссуды еще своихъ 117,4 р. Сумма эта для десятинщика

¹⁰⁾ *Осадчий*, тамъ же, 9—12, 94 г.

очень велика. Чтобы добыть ее, ему необходимо продать по крайней мѣрѣ половину своего добра. Кромѣ того, на новомъ мѣстѣ ему необходимо скотить хоть какое-нибудь жилище; все это въ громадномъ большинствѣ случаевъ или заставляетъ десятичника идти въ кабалу къ деревенскимъ кулакамъ, или распродавать все свое имущество, идти на нѣсколько лѣтъ въ рабочіе, а купленную землю сдавать въ аренду и льстить себя надеждой—жить въ будущемъ человѣческой жизнью. Ясно, что на такой шагъ рѣшаются немногіе десятичники, немногіе рѣшаются жертвовать всѣмъ въ виду будущихъ благъ. Отсюда выводъ одинъ: Крестьянскій банкъ, если только хотятъ, чтобы онъ былъ дѣйствительно полезнымъ учрежденіемъ и чтобы онъ хоть немного улучшилъ бытъ десятичниковъ, долженъ примѣнять при выдачѣ имъ ссуды правила, которыя уравнили бы шансы десятичниковъ съ шансами крестьянскихъ надѣленныхъ сословій. Крестьянинъ, покупая землю въ товариществѣ, или остается попрежнему жить въ своей деревнѣ, если купленная земля расположена недалеко, или переѣзжаетъ на купленный участокъ и тамъ устраивается жильемъ. Въ первомъ случаѣ онъ не дѣлаетъ затратъ на устройство новаго жилья, во второмъ—онъ продаетъ старую усадьбу и на эти деньги строитъ новую. Однимъ словомъ, при покупкѣ земли съ помощью Крестьянскаго банка члены надѣленныхъ крестьянскихъ группъ имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, полную возможность сразу устроиться болѣе или менѣе прочно и избѣжать тѣхъ ужасовъ нищеты и голодовокъ, какіе приходится переживать безземельнымъ и десятищикамъ, остающимся обыкновенно послѣ покупки безъ гроша и вдобавокъ съ значительнымъ долгомъ на шеѣ.

Такимъ образомъ, однѣ изъ причинъ, тормозящихъ дѣло земельного обезпеченія десятичниковъ, лежатъ въ условіяхъ дѣятельности Крестьянскаго банка, другія—въ бытовыхъ условіяхъ жизни самихъ десятичниковъ.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ о томъ, что всѣ вообще десятичники, и въ особенности мѣщане, представляютъ изъ себя вполнѣ разрозненное и лишенное всякой внутренней связи сословіе. Живя въ селахъ и деревняхъ среди крестьянъ, десятичники не могутъ сблизиться съ ними уже потому, что не принимаютъ участія въ ихъ самоуправленіи и всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Живя отдѣльными хуторами, десятичники сблизаются другъ съ другомъ только временно, такъ какъ населеніе хутора постоянно мѣняется—одни приходятъ, другіе уходятъ. Кромѣ того, и въ отношеніяхъ къ владѣльцу деся-

тинщики всегда дѣйствуютъ каждый за себя; каждый самостоятельно снимаетъ землю и самостоятельно несетъ всѣ свои повинности. Этотъ же принципъ единоличности десятинщики переносятъ и на земельныя пріобрѣтенія. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они группируются для покупки земли въ товарищества, общность интересовъ и нѣкоторая солидарность имѣютъ мѣсто только въ отношеніяхъ къ банку и въ земельныхъ распорядкахъ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ десятинщики, въ качествѣ собственниковъ, сохраняютъ всѣ свойства и привычки, выработанныя въ нихъ долгими годами бродячей жизни. Въ этомъ отношеніи они глубоко отличаются отъ нѣмцевъ, которые не только при покупкѣ земли, но и при арендѣ селятся поселками и создаютъ свое самоуправленіе, свой судъ и свои земельные порядки. Въ жизненной борьбѣ эта склонность къ общинному быту даетъ нѣмцамъ много лишнихъ шансовъ, и, главнымъ образомъ, благодаря ей они такъ прочно и хорошо устроились на Югѣ, что даже конкуренція Крестьянскаго банка для нихъ не страшна и не мѣшаетъ имъ покупать на свои личныя средства все новыя и новыя земельныя просторы въ то время, какъ десятинщики даже и при помощи Крестьянскаго банка покупаютъ землю очень рѣдко и, купивши, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ведутъ самую упорную борьбу съ бѣдностью и съ внутренними разладами и безпорядками. На слабую распространенность десятинщицкихъ покупокъ вліяло еще и то обстоятельство, что въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ преимущественно сосредоточилось это сословіе, земли съ помощью Крестьянскаго банка покупались въ очень незначительномъ количествѣ, во-первыхъ—вслѣдствіе слишкомъ низкой оцѣнки земель, сравнительно съ ихъ покупной стоимостью, и во-вторыхъ—благодаря все тѣмъ же нѣмцамъ, повысившимъ своими покупками цѣны. Земли съ помощью Крестьянскаго банка покупались, главнымъ образомъ, въ сѣверныхъ уѣздахъ—Александрійскомъ, Елисаветградскомъ и Ананьевскомъ. Десятинщики Юга не могли, конечно, принимать дѣятельнаго участія въ этихъ покупкахъ, такъ какъ большинство свободныхъ земель сейчасъ же пріобрѣталось обществами и товариществами мѣстныхъ крестьянъ или товариществами переселенцевъ изъ сосѣднихъ губерній—Кіевской, Подольской и Харьковской.

Слѣдующая таблица, показывающая покупки мѣстнаго населенія поуѣдно, подтверждаетъ только-что сказанное ¹¹⁾).

¹¹⁾ *Осадчий*, тамъ же, 9—12, 94 г.

У в з д ы:	Число товар.	Дворовъ; д. мужск. пол.	Коллч. земли.
Александрійскій	14	<u>751</u> 2431	5051, ₂₁
Елисаветградскій	29	<u>1550</u> 5177	9314, ₁₁
Ананьевскій	15	<u>982</u> 2761	8883, ₃₁
Тираспольскій	15	<u>874</u> 2367	6645, ₄₉
Одесскій	2	<u>24</u> 70	311, ₆₂
Херсонскій	5	<u>161</u> 471	1708, ₂₁
Всего	80	<u>4372</u> 13277	31914, ₆₆

Ясно, такимъ образомъ, что до сихъ поръ Крестьянскій банкъ не оказалъ существеннаго вліянія на бытъ десятичниковъ, и мы, на основаніи всего изложеннаго, съ увѣренностью можемъ сказать, что и не окажетъ до тѣхъ поръ, пока кореннымъ образомъ не измѣнитъ характера своей дѣятельности, не начнетъ примѣнять къ десятищикамъ и безземельнымъ иныхъ правилъ, чѣмъ тѣ, какія практикуются по отношенію къ другимъ группамъ, и не увеличить ссуду до такихъ размѣровъ, чтобы она давала десятищику возможность сразу стать твердо на ноги и не подвергаться ужасамъ нищеты и голодовокъ. До сихъ поръ Крестьянскій банкъ не сдѣлалъ и шагу въ этомъ направленіи.

Мы покончили съ тѣми мѣрами, какія примѣнялись когда-либо для земельного обезпеченія десятичниковъ.

Урегулированіе арендъ никогда не останавливало на себѣ вниманія ни правительства, ни земства. Разумѣется, ждать въ данномъ случаѣ внимательства въ отношенія десятичниковъ къ частнымъ владѣльцамъ было бы неразумно, но зато вполне естественно думать, что сдача казенныхъ земель должна принять характеръ мѣры, косвенно вліяющей на урегулированіе этихъ отношеній. Правда, вопросъ объ этомъ уже нѣсколько разъ поднимался въ правящихъ сферахъ, и не дальше какъ весною этого года газеты сообщали, что на сдачу казенныхъ земель рѣшено смотрѣть не какъ на статью государственнаго дохода, а какъ на средство расширить крестьянскія аренды и поднять благосостояніе крестьянскихъ массъ. Но примѣненія этого благого принципа въ жизни мы еще не видимъ.

До сихъ поръ не только десятинщики, но и крестьяне къ арендѣ казенныхъ земель прибѣгаютъ только въ случаяхъ крайней земельной тѣсноты, такъ какъ аренда эта сопряжена съ множествомъ ненужныхъ и обременительныхъ формальностей.

3.

Покончивъ съ прошлымъ десятинщиковъ, въ этой послѣдней главѣ я останавлиюсь на ихъ современномъ положеніи и нарисую возможно полную и вѣрную картину ихъ внутренняго и экономического быта.

Въ настоящее время десятинщики являются сословіемъ забытымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и предоставленнымъ самому себѣ. Отводъ казенныхъ земель въ предѣлахъ Херсонской губ. прекращенъ, помощь Крестьянскаго банка недоступна, средствъ для приобрѣтенія земли въ личную собственность и для переселенія нѣтъ—нѣтъ, значить, и надежды сдѣлаться, когда бы то ни было, собственникомъ. Съ другой стороны, постоянное сокращеніе аренднаго фонда, постоянное расширеніе крестьянскихъ и нѣмецкихъ арендъ отрываютъ десятинщиковъ отъ земли, гонять ихъ въ города, и скоро, очень скоро придетъ время, когда всѣ 20 слишкомъ тысячъ исконныхъ хозяевъ принуждены будутъ отказаться отъ своего занятія и искать новаго—имъ непривычнаго и несимпатичнаго. На территории Херсонской губерніи въ настоящее время, по даннымъ земской статистики, насчитывается 20020 дворовъ десятинщиковъ. По уѣздамъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

У ѣ з д ы:	Д в о р о в ѣ:		
	Все земл. нас.	Деся- тинщ.	% ко всему земл. нас.
Ананьевскій	37188	5757	15,40
Одесскій	23258	4640	20,40
Тираспольскій.	27804	4458	16,01
Елисаветградскій.	74006	2378	3,40
Херсонскій	48898	1988	4,10
Александрійскій	54219	799	1,5
Всего	265373	20020	7,5

Больше всего десятинщиковъ и въ количественномъ, и въ процентномъ отношеніи въ западной части губерніи, т.-е. въ той именно мѣстности, гдѣ процентъ не получившихъ надѣловъ послѣ реформы, какъ мы видѣли раньше, особенно высокъ. Это

обстоятельство могло бы дать поводъ думать, что десятинщики—сословіе недвижимое, не любящее часто мѣнять мѣсто жительства и старающееся возможно дольше оставаться на одномъ мѣстѣ. Но въ данномъ случаѣ неподвижность ихъ объясняется иначе: въ западной части Херсонской губ. сосредоточена главная масса частновладѣльческихъ земель, составляющихъ для десятинщиковъ главный источникъ арендъ. Вся земельная площадь *западной части губерніи* распределяется по владѣніямъ слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды.	Общее пространство.	Частная собствен.		Надѣльная собствен.		Остальные земли.	
		Число десятиннѣ.	% къ общ. пр.	Число десятиннѣ.	% къ общ. пр.	Число десятиннѣ.	% къ общ. пр.
Ананьевскій . .	828125,4	578638,7	69,8	183843	22,2	65742,9	8
Одесскій . . .	871551	547061	63,8	110687	12,7	214003	24,5
Тираспольскій.	659076	391282,7	59,4	164108,9	24,9	103685,4	15,7
Всего . .	2358752,4	1516982,4	63,4	458638,9	19,4	383431,3	17,2

а въ *восточной*:

Уѣзды.	Общее пространство	Частная собствен.		Надѣльная собствен.		Остальные земли.	
		Число десятиннѣ.	% къ общ. пр.	Число десятиннѣ.	% къ общ. пр.	Число десятиннѣ.	% къ общ. пр.
Херсонскій . .	1765969,7	867942,9	49,8	538620,7	30,5	359406,1	19,7
Елисаветград .	1428306,8	757941,1	53,1	582330,4	40,8	88035,3	6,1
Александр. . .	885621,7	373693,8	41,3	432397,5	48,8	79530,4	9,9
Всего . .	4079898,2	1999577,8	49,1	1553348,6	37,3	526971,7	13,6

Сравнивая итоги двухъ половинъ губерніи, мы получимъ:

Западная . .	2358752,4	1516982,4	63,4	458638,9	19,4	383431,3	17,2
Восточная. . .	4079898,2	1999577,8	49,1	1553348,6	37,3	526971,7	13,6

Отсюда ясно видно, что десятинщики устроились въ той именно мѣстности, гдѣ они скорѣе всего могутъ надѣяться на удовлетвореніе своей земельной потребности.

Опредѣлить болѣе или менѣе точно площадь ежегодно запахиваемой десятинщиками земли возможно только путемъ помноженія среднихъ подворныхъ запашекъ, размѣры которыхъ установлены изслѣдованіями 1886 и 1887 годовъ, на общее число десятинщиковъ. Сдѣлавъ такого рода подсчетъ, мы получимъ:

У з д ы:	Запашка 1-го хоз. десятин.	Количество хозяйствъ.	Общая площадь запашки.	% къ част- ному земле- владѣнію.
Александрійскій	7,7	799	6152,3	1,7
Елисаветградскій	8,3	2378	19737,4	2,6
Ананьевскій	10,7	5757	61600	10,6
Тираспольскій.	11,1	4458	49483,8	12,7
Одесскій	17,3	4640	80332	14,8
Херсонскій	21,1	1988	51886,8	5,9
По губерніи	13,4	20020	269152,3	6,3

Слѣдовательно, въ пользованіе десятинщиковъ поступаетъ ежегодно 269,152,3 дес. пахотной земли, составляющей 6,3% всѣхъ частновладѣльческихъ земель и 30,1% частновладѣльческой пахоты ¹²⁾. Уже одинъ эти цифры ясно говорятъ, каково значеніе десятинщика въ хозяйственно-экономической жизни Новороссіи, какова его зависимость отъ частныхъ владѣльцевъ и участь въ будущемъ, при расширеніи самостоятельныхъ владѣльческихъ запашекъ. Постараемся теперь на основаніи этихъ данныхъ опредѣлить земельную обезпеченность десятинщиковъ, т.-е., другими словами, постараемся узнать, насколько находящаяся въ ихъ пользованіи земля можетъ удовлетворять ихъ насущныя потребности.

Для этой цѣли мы прежде всего опредѣлимъ, какое количество земли необходимо запахивать ежегодно десятинщику, чтобы удовлетворить ея продуктами въ минимальныхъ размѣрахъ свои насущнѣйшія нужды. При опредѣленіи мы будемъ также принимать во вниманіе количество рабочаго скота десятинщиковъ, такъ какъ объ этомъ есть довольно вѣрныя и подробныя свѣдѣнія. Этими двумя факторами—нуждами и производительными

¹²⁾ Пахотная земля въ частномъ владѣніи составляетъ ежегодно 1,336,292 дес., или 38% всего частнаго землевладѣнія.

силами—можно опредѣлить очень точно размѣры необходимой для десятичника запашки, и затѣмъ, сравнивши полученное теоретически съ тѣмъ, что даетъ жизнь, мы получимъ довольно точное представленіе объ экономической сторонѣ жизни десятичника.

Среди насущнѣйшихъ нуждъ у десятичника, такъ же какъ и у всякаго другого земледѣльца, на первомъ планѣ стоятъ двѣ—пищевая и платежная. Относительно нихъ только мы и будемъ учитывать нашу предполагаемую площадь запашки. Конечно, десятичника одолеваетъ не только эти потребности; ему нужно одѣться, ему нужно затратить значительно больше, чѣмъ собственнику, на такіе продукты, какъ овощи, фрукты и пр., безъ которыхъ нельзя обойтись и которыхъ нѣтъ тоже возможности получать въ своемъ хозяйствѣ. Все это необходимо было бы принимать въ расчетъ еще и потому, что десятичникъ меньше, чѣмъ всякій другой сельскій житель, можетъ прибѣгать къ заработкамъ на сторонѣ—для этого у него нѣтъ ни времени, ни подходящихъ условій. Во-первыхъ, онъ живетъ большей частью вдали отъ большихъ селеній, гдѣ скорѣе всего можно найти работу, и, во-вторыхъ, долженъ слишкомъ много времени посвящать работамъ въ своемъ хозяйствѣ или выполненію всевозможныхъ урочныхъ работъ въ пользу владѣльца. Все говоритъ, однимъ словомъ, что слѣдовало бы при подсчетѣ принять болѣе широкій кругъ потребностей, но сдѣлать это почти невозможно, да и бесполезно въ томъ смыслѣ, что полученная путемъ такого точнаго подсчета норма запашки будетъ настолько призрачна и далека отъ дѣйствительности, что потеряетъ всякое значеніе. Какъ это ни странно, но свѣдѣнія, добытыя въ время подворной переписи въ сѣверныхъ уѣздахъ, показываютъ такіе размѣры десятиническихъ запашекъ, что даже при самомъ скромномъ расчетѣ доходъ съ нихъ едва удовлетворяетъ половину насущнѣйшихъ потребностей десятичника.

Чѣмъ же и какъ живетъ онъ?—спроситъ нетерпѣливый читатель. На этотъ очень естественный вопросъ я дамъ отвѣтъ въ концѣ настоящей работы.

Всѣ изслѣдователи Херсонской губ., разсматривая ее не по административнымъ единицамъ, а какъ одно цѣлое, разбиваютъ ея территорію на двѣ полосы, разнящіяся между собой какъ въ естественномъ почвенно-климатическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Сѣверная полоса захватываетъ уѣзды Александрійскій, Елисаветградскій и сѣверную часть Ананьевскаго; южная—уѣзды Херсонскій, Одесскій и южную часть Ананьевскаго.

Первая полоса характеризуется большимъ плодородіемъ и, въ частности, преобладаніемъ мелкой собственности. Вторая полоса носить чисто степной характеръ, меньше плодородна, чѣмъ первая, слабѣе населена, и крупная земельная собственность въ ней значительно преобладаетъ надъ мелкой.

Для своихъ цѣлей мы тоже должны принять такое дѣленіе. Для насъ оно важно еще и въ томъ отношеніи, что въ сѣверной полосѣ была произведена земствомъ въ 1886 и 1887 гг. подворная перепись, всесторонне освѣтившая жизнь земледѣльческаго населенія. Для южной полосы такихъ точныхъ данныхъ нѣтъ.

Продовольственная норма на душу об. поля и всевозможныхъ возрастовъ равна 18 пуд. хлѣба въ зернѣ¹³⁾, или на семью, состоящую изъ пяти членовъ, 90 пуд.

Платежныя повинности десятинщиковъ сводятся къ слѣдующему:

	Сѣверн. пол.	Южная пол.
Плата за хату	12 р.	10 р.
„ за выпасъ скота .	25,50 „	30 „
Подати мірскія ¹⁴⁾ . . .	3 „	1,50 „
„ мѣщанскія	7 „	7 „
	47,50 р.	48,50 р.

Сюда мы не причислили пока платы за землю, тогда какъ она и натурой, и въ переводѣ на деньги равна $\frac{1}{3}$ валового дохода, другими словами—изъ каждаго трехъ десятинъ засѣянной земли въ пользу владѣльца поступаетъ одна въ видѣ сжатого и свезеннаго на экономическій токъ хлѣба.

Среднимъ урожаемъ на крестьянскихъ земляхъ за цѣлый рядъ лѣтъ можно считать:

	Рожь.	Пшеница.		Ячень.	Овесь.	Кукур.
		яръ.	озим.			
Для сѣверн. полосы . .	24 п.	20 п.	26 п.	27 п.	25 п.	35 п.
„ южной „ . .	20 „	16 „	22 „	21 „	20 „	45 „

¹³⁾ Собственно, нормой для взрослого крестьянина Херс. губ., какъ по показаніямъ самихъ крестьянъ, такъ и по даннымъ, выработаннымъ гигиеной, принято считать 24 пуд., но взрослое населеніе составляетъ $\frac{1}{2}$ всего населенія, для невзрослага пай уменьшается вдвое, отсюда норма—18 пуд.

¹⁴⁾ Десятинщики въ большинствѣ случаевъ и до сихъ поръ уплачивали мірскія подати и несли мірскія повинности, но съ этого года, послѣ разъясненія Правительствующаго Сената о томъ, что въ несеніи денежныхъ и натуральныхъ мірскихъ повинностей должны одинаково участвовать всѣ лица, имѣющія осѣдлость въ селахъ и деревняхъ, повинности сдѣлаются для десятинщиковъ обязательными.

Отношеніе между площадями посѣвовъ различныхъ хлѣбовъ для этихъ полосъ таково: всей пахоты занимаетъ

Пшеница озим.	Яровая.	Рожь.	Ячмень.	Овесъ.	Кукур.	и проч.
15%	30%	20%	15%	10%	10%	

Цѣны на зерновые продукты, какъ среднее за послѣднее десятилѣтіе, таковы: пшеница 60 к., рожь 45 к., ячмень 35 к., овесъ 40 к., кукуруза 30 к.

Вычисливши теперь, соразмѣрно запашкѣ, сборъ различныхъ хлѣбовъ и приведя все къ одному показателю—ячменю, мы получимъ слѣдующее:

	Ржи.	Пшен.	Ячм.	Овса.	Кукур.	Всего.
Въ сѣверн. полосѣ при запашкѣ въ 9,7 дес. получ. . . .	46,5	95	39	24	33,9	238,4
Въ южной полосѣ при запашкѣ въ 16,4 дес. получ.	65,6	147,6	51,7	32,8	73,8	271,5

Переведа всѣ хлѣба въ ячмень и вычтя изъ валового сбора третью долю въ пользу владѣльца, получимъ:

Сѣверн. полоса, собрано . . .	309,7,	уплачено владѣльцу	103,2,	остат.	206,5
южная „ „ . . .	476,3,	„ „	158,7,	„	317,6

Переведемъ теперь всѣ потребности десятинщика, выраженные нами раньше въ рубляхъ, въ пуды ячменя.

	Сѣверн.	Южная.
Плата за хату	34,2 п.	28,8 п.
„ „ выпасъ	72,8 „	85,8 „
подати мірекія	8,6 „	4,2 „
„ мѣщанскія	20 „	20 „
Пища	90 „	90 „
Всего	225,6 п.	228,8 п.

Сравнивъ количество полученнаго десятинщикомъ хлѣба съ количествомъ нужнаго, увидимъ, что:

въ сѣверн. полосѣ . . .	206,5—225,6=—19,1—хлѣба не хватаетъ.
„ южной „ . . .	317,6—228,8=+88,6—хлѣба излишекъ.

Отсюда мы ясно видимъ, что у десятинщика сѣверной полосы хлѣба не хватаетъ даже для удовлетворенія такихъ потребностей, какъ пищевая и платежная. Въ южной полосѣ хотя и есть нѣкоторый излишекъ, но онъ существеннаго вліянія на хозяйство и благосостояніе десятинщика не оказываетъ, такъ какъ съ увеличеніемъ запашки увеличиваются и расходы,

и то, что десятичникъ южной полосы получаетъ хлѣба больше, чѣмъ десятичникъ сѣверной, еще не значитъ, что онъ живетъ лучше его.

Если мы захотимъ выразить недостатокъ и излишекъ хлѣба у всей группы десятичниковъ по-полосно, то увидимъ, что для десятичниковъ сѣверной полосы весь недостатокъ хлѣба выразится въ 170,639 пудахъ (ячменя), или въ переводѣ на деньги въ 60,133_{,85} р., для десятичниковъ южной полосы излишекъ выразится въ 981,219_{,6} пуд., или въ переводѣ на деньги въ 343,426_{,76} р. Сдѣлавши такого рода вычисленіе для всей губерніи, мы получимъ слѣдующую весьма интересную картину:

	Всего дворовъ.	Запашка.	Общій сборъ въ пудахъ.	Расходы въ пудахъ.	Остатокъ.	На семью.
Въ сѣверной полосѣ	8934	87389,7	2766859	2937498	—170639	—19,1
„ южной „	11086	181762,6	5280261	4294042	+981219,5	+88,6
По губерніи . . .	20020	269152,3	8047120	7231540	805580	40,2

т.-е. значитъ, въ среднемъ по губерніи на каждый дворъ (семью) десятичниковъ остается послѣ удовлетворенія пищевыхъ и платежныхъ потребностей 40,2 пуд. хлѣба, или въ переводѣ на деньги 14 р. 7 к. Насколько ничтожна эта цифра, мы увидимъ ясно, когда сравнимъ средства къ жизни десятичника со средствами представителя другой группы земледѣльческаго населенія—государственного крестьянина, положеніе котораго признано вполнѣ удовлетворительнымъ—потому, главнымъ образомъ, что онъ можетъ хозяйничать вполнѣ самостоятельно, сводя концы съ концами, не разоряясь, хотя, разумѣется, и не богатыя.

При вычисленіи бюджета государственнаго крестьянина мы будемъ также принимать во вниманіе только двѣ потребности—пищевую и платежную.

Всѣхъ государственныхъ крестьянъ (безъ ново-поселенцевъ, надѣлы которыхъ далеко не удовлетворяютъ потребностямъ группы, и которыхъ скорѣе можно причислить по земельному обезпеченію къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ)—32800 дворовъ. Слѣдующая таблица подробно показываетъ ихъ численность и земельное обезпеченіе.

	Дворовъ.	Душъ об. п.	Земли всего.	Пахоты.	На дворъ всего.	Пахоты на дворъ.	Пахоты на душу.
Сѣверная полоса	8895	42169	75332,3	47302,4	8,4	5,4	1,1
Южная полоса	23905	139590	332499,3	220125	13,9	9,2	1,6
По губерніи . .	32800	171759	407831,6	267427,4	12,4	8,1	2,7

Общій сборъ хлѣба этой группы, выраженный въ пудахъ ячменя, равенъ:

	Всего.	На дворъ.	На душу об. п.
для сѣверной полосы. . .	1394420	157,8	33,3
„ южной „ . .	6163500	257,9	44

Платежныя и продовольственныя нужды государственныхъ крестьянъ по вычислениямъ г. Осадчаго ¹⁵⁾ сводятся къ слѣдующему:

	Сѣверная полоса:		Южная полоса:		По губерніи:	
	на дворъ.	на душ. об. п.	на дворъ.	на душ. об. п.	на дворъ.	на душ. об. п.
Платежная потреб-						
ность	26,0	5,3	29,1	5,3	27,1	5,2
Продовольствен. по-						
требность ¹⁶⁾ . .	94,6	21,9	97,6	18	95,4	18
Всего . . .	120,6	27,2	126,7	23,3	122,5	23,2

Для всей же группы по губерніи потребности эти выра-
зятся въ слѣдующихъ цифрахъ:

продовольственная потребность. . .	3,207,546 пуд.
платежная „ . .	902,107 „
	4,109,653 пуд.

Весь же сборъ по губерніи равенъ 7,557,920 п., въ остаткѣ, значитъ, будетъ 3,448,267 пуд., что составитъ на дворъ 105,1 п. Въ общемъ сравнительная картина обезпеченія десятинщиковъ и государственныхъ крестьянъ видна изъ слѣдующей таблицы:

	На дворъ среднее по губерніи.			
	Сборъ		Расходы. Остатокъ.	
	Запашки.	хлѣба на дворъ.		
Государственный крестьянинъ	7,8	230,4	122,5	107,9
Десятинщикъ	13,4	401	360,6	40,4
У десятинщика сравнит. съ госуд. кр.	+5,6	+170,1	+233,1	-67,5

Табличка эта довольно краснорѣчиво говоритъ о той про-
пасти, которая отдѣляетъ жизнь госуд. крестьянина отъ жизни
десятинщика. Но чтобы не оставлять въ читателѣ никакихъ
сомнѣній, я останавлиюсь болѣе подробно на отличительныхъ

¹⁵⁾ Осадчий, „Крест. над. землевл. Херс. губ. и платежи крестьянъ“, 112—113 стр.

¹⁶⁾ Потребности выражены въ пудахъ ячменя.

чертахъ этихъ двухъ сословій. Госуд. крестьянинъ и десятичникъ—это первая и послѣдняя ступень новороссійскаго крестьянства ¹⁷⁾. Коренной государственнй крестьянинъ, не знавшій ни гнета крѣпостной зависимости, ни режима военныхъ поселеній, окончательно устроенный на землѣ за много лѣтъ до крестьянской реформы и пользовавшійся правами свободного челоуѣка, когда вокругъ него царилъ произволъ рабовладѣльцевъ и тяжелая дисциплина начальниковъ военныхъ поселеній, когда всюду еще свистѣли кнутъ и палка,—естественно являлся наиболѣе здоровымъ элементомъ среди мѣстнаго крестьянства и занялъ среди него первое, во всѣхъ отношеніяхъ, мѣсто. Государственный крестьянинъ занимаетъ самое лучшее экономическое положеніе, и среди этой группы процентъ безземельныхъ и безлошадныхъ болѣе низокъ, чѣмъ среди другихъ группъ. Сносное экономическое положеніе позволяетъ ему обратить вниманіе на умственно-нравственную сторону жизни, и мы видимъ, что эта группа даетъ наибольшій процентъ грамотныхъ. Однимъ словомъ, всѣ условія сложились такъ, что выдвинули госуд. крестьянина на первый планъ и сдѣлали изъ него наиболѣе стойкаго и сильнаго хозяина, и нашъ не только не избалованный, но прямо измученный судьбою десятичникъ кажется предъ нимъ какимъ-то паріемъ, карликомъ. Присмотримся внимательнѣе къ приведенной выше таблицѣ, чтобы окончательно выяснить разницу между этими двумя представителями новороссійской деревни. Мы видимъ, что запашка десятичника на цѣлыхъ 5,6 десятинъ больше запашки госуд. крестьянина; мы видимъ, что у перваго хлѣба получается на 170 п. больше, чѣмъ у втораго, и, наконецъ, видимъ, что за вычетомъ самыхъ неизбѣжныхъ расходовъ у перваго остается свободного хлѣба значительно меньше, чѣмъ у втораго, т. е., другими словами, десятичникъ работаетъ почти вдвое больше государственнаго крестьянина, а получаетъ вдвое меньше (107,9—40,4). Такое отношеніе было бы тогда, если бы госуд. крестьянинъ удовлетворялся только обработкой своего надѣла; но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Подворная перепись, произведенная въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ, очень точно опредѣлила количество арендуемой отдѣльными крестьянскими группами земли. Изъ добытыхъ ею данныхъ видно, что госуд. крестьянинъ прибѣгаетъ

¹⁷⁾ Хотя десятичники въ юридическомъ отношеніи и не принадлежатъ къ крестьянскому сословію, но по ихъ роду жизни и занятіямъ мы можемъ ихъ свободно причислить къ массѣ русскаго крестьянства.

къ арендѣ земель въ такой же мѣрѣ, какъ и другія, болѣе бѣдно надѣленные группы. Уже по одному этому можно заключить, что государственный крестьянинъ пользуется очень завидной, сравнительно съ другими группами, долей, и потому противопоставленіе ему десятинщика, представителя того же труда, но труда связаннаго съ необеспеченностью, граничащей нерѣдко съ нищетой, вполне естественно.

Такимъ образомъ, при сравненіи мы беремъ десятинщика какъ образецъ бѣдности и обездоленности, а государ. крестьянина—какъ образецъ благоденствія. Но можно ли на самомъ дѣлѣ безотносительно сказать, что государств. крестьянинъ благоденствуетъ? Конечно, нѣтъ. Въдѣ все благоденствіе его сводится къ тому, что онъ болѣе независимъ, чѣмъ представители другихъ группъ, немного полнѣе, чѣмъ они, можетъ удовлетворять своимъ минимальнымъ и примитивнымъ потребностямъ и въ дѣятельности своей болѣе или менѣе независимъ отъ гнета нужды. Вотъ и всѣ его преимущества передъ десятинщикомъ. Ясно, что образцомъ благоденствія онъ можетъ считаться лишь по сравненію съ этимъ послѣднимъ; на самомъ же дѣлѣ онъ далекъ отъ того уровня хозяйственной обеспеченности, который позволяетъ жить вполне человѣческой жизнью, позволяетъ трудиться, расширять свое хозяйство и не думать о завтрашней голодовкѣ.

Мы могли бы здѣсь съ большей полнотой сравнить обеспеченность десятинщика съ обеспеченностью другихъ группъ, ближе стоящихъ къ нему, чѣмъ крестьянинъ, но это вышло бы слишкомъ длинно и въ результатѣ только еще болѣе сгустило бы тѣ сѣрыя краски, которыми я окрасилъ, не по моей, конечно, винѣ, жизнь десятинщика.

Выяснивши, насколько позволили имѣющіеся по этому вопросу матеріалы, экономическую сторону жизни десятинщиковъ, я обращаюсь теперь къ бытовой, такъ какъ безъ раскрытія всѣхъ подробностей оригинальнаго быта этого сословія невозможно полное, всестороннее представленіе о его жизни. Къ наиболѣе рѣзко бросающимся въ глаза особенностямъ жизни десятинщика надо отнести его бродяжничество и всегдашнее отсутствіе своего собственнаго угла. Эти условія кладутъ очень сильный отпечатокъ на его жизнь. Живетъ ли онъ на особомъ хуторѣ, среди такихъ же, какъ и онъ, бездомныхъ хозяевъ, живетъ ли онъ въ деревнѣ вмѣстѣ съ другими сословіями, характернымъ отличіемъ его является отсутствіе собственнаго жилья. На хуторѣ десятинщикъ живетъ въ избѣ владѣльца, платя

ему за это ежегодно рублей 10—15, а въ деревнѣ селится или подлѣ помѣщичьей усадьбы, тоже въ избѣ помѣщика, или нанимаетъ хату у крестьянина. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ временное обладаніе жильемъ лишаетъ его возможности окружить себя даже самыми примитивными удобствами. Онъ даже не всегда рѣшается дѣлать хлѣвы и загоны, такъ что по внѣшнему виду дворъ десятичника трудно признать жилищемъ земледѣльца; въ немъ все запущено, безпорядочно и убого. Впечатлѣніе, производимое хуторами, населенными исключительно десятищиками, положительно удручающее. Представьте себѣ два, три десятка низкихъ, словно выросшихъ въ землю, землянокъ, брошенныхъ среди пустынной, безводной степи. Землянки стоятъ, вытянувшись въ нѣсколько рядовъ по сторонамъ пыльной дороги, и каждый дворъ въ отдѣльности представляетъ самое жалкое зрѣлище. Чтобы читатель получилъ возможно полное представленіе объ этомъ оригинальномъ жилищѣ, получившемъ права гражданства только, кажется, у насъ на Югѣ, я расскажу вкратцѣ процессъ его возведенія. На томъ мѣстѣ, гдѣ предполагается землянка, роютъ яму въ 10—15 аршинъ длиною, 6—8 шириною и аршинъ—полтора глубиною; землю изъ этой ямы выбрасываютъ тутъ же на края, поливаютъ водой, перемѣшиваютъ съ половой (мякиной) или прѣлой мелкой соломой и, превративши эту смѣсь въ густую липкую массу, лѣпятъ изъ нея землянку. Изъ массы этой возводятся стѣны, подымающіяся не выше $1\frac{1}{2}$ —2 аршинъ надъ землею и служащія прямымъ продолженіемъ стѣнокъ ямы, и коньки, на которыхъ примачивается длинная жердь (по-здѣшнему — сволоко), а поперекъ укладываются скатами на двѣ стороны болѣе тонкія жерди, однимъ своимъ концомъ лежащія на „сволокъ“, другимъ на стѣнахъ. Поверхъ этихъ жердей настилаютъ лознякъ, камышъ или стебли кукурузы, затѣмъ слой соломы и, наконецъ, все это присыпаютъ вершка на 3—4 землей, и жилище вечернѣ готово; остается только отдѣлать внутренность: примазать глиной торчащія изъ потолка (и крыши вмѣстѣ съ тѣмъ) стебли или прутья, выравнивать и выбѣлить стѣны, вставить маленькія оконца и привѣсить дверь, возвести, наконецъ, изъ той же массы печь самаго первобытнаго устройства, съ прямой выводной трубой—и жилище готово. Хотя, конечно, и этому обиталищу золотыя руки русской женщины сумѣютъ придать жилой и даже уютный видъ, но въ гигиеническомъ отношеніи землянка такъ и останется чѣмъ-то поистинѣ ужаснымъ. Лѣтомъ въ ней душно, а въ остальное время года или сыро, или и сыро и холодно. Поч-

венная вода просачивается внутрь землянки и иногда положительно заливает полъ. Потолокъ тоже всегда сырой, такъ какъ влага, падающая на земляную и очень покатую крышу, не стекаетъ съ нея, а просачивается вглубь и выступаетъ каплями на потолкѣ. Если прибавить ко всему этому удобство печи съ прямой выводной трубой, въ которую свободно проникаетъ вѣтеръ и гонитъ дымъ обратно въ землянку, если прибавить еще и то, что жилое помѣщеніе въ землянкѣ только одно, т. к. другая половина лишена оконъ и играетъ роль кладовой, и потому въ пространствѣ четырехъ-пяти кубическихъ сажень должно ютиться пять, шесть человекъ, а зимой, во время сильныхъ морозовъ, еще и телята, поросята и проч.,—то получимъ такую картину *нормальной* жизни десятичника, отъ которой брезгливо отвернется всякій, даже и не особенно впечатлительный интеллигентъ. А между тѣмъ такая жизнь для десятичника, дѣйствительно, можетъ считаться нормальной. Истинныя пытки и страданія начинаются только тогда, когда онъ въ силу тѣхъ или иныхъ условій, между которыми пустой, не основанный даже на расчетѣ, произволъ помѣщиковъ играетъ немаловажную роль, долженъ покидать насиженное мѣсто и искать новаго. При этихъ обстоятельствахъ жизнь на крестьянскомъ задворкѣ, въ амбарѣ или клѣти еще лучшій исходъ.

Можетъ ли быть при такихъ условіяхъ рѣчь о сколько-нибудь устойчивой сельско-хозяйственной дѣятельности? Десятичникъ не можетъ держать хорошаго скота, т. к. для этого онъ не обезпеченъ ни помѣщеніемъ, ни даже кормомъ. Скотъ у него стоитъ зимой на открытомъ воздухѣ, въ лучшемъ случаѣ защищенный отъ вѣтра скирдомъ соломы; о какихъ бы то ни было хлѣвахъ, сараяхъ и загонахъ нѣтъ и помину, т. к. возведеніе ихъ для десятичника, не знающаго, будетъ ли онъ завтра ими пользоваться, слишкомъ большая и непроизводительная затрата времени, силъ и средствъ. Не имѣетъ десятичникъ хорошаго скота, не имѣетъ и не можетъ имѣть сносныхъ орудій обработки, и хотя въ количественномъ отношеніи рабочимъ скотомъ и орудіями они обезпечены почти такъ же, какъ и другія земледѣльческія группы, какъ это видно изъ приведенной здѣсь таблицы, но въ качественномъ отношеніи у него все значительно хуже, чѣмъ у другихъ. Уже изъ этого одного видно, что при изученіи жизни десятичника нельзя руководствоваться одними экономическими признаками. Для читателя, незнакомаго близко съ условіями этой оригинальной жизни, приведенная выше табличка не будетъ такъ понятна, какъ мнѣ, много разъ

наблюдавшему жизнь десятичника на мѣстахъ. Читатель изъ приведенныхъ выше данныхъ можетъ даже вывести то, невѣрное, конечно, заключеніе, что десятичникъ въ хозяйственномъ отношеніи стоитъ не ниже другихъ группъ земледѣльческаго населенія.

На дворъ по губерніи приходится:

Группы.	Рабочаго скота.			Орудій обработки.					Орудій уборки.				Орудій транспорта.		
	Воловь.	Лошадей.	Всего.	Плуговъ.	Борошь.	Ралъ.	Буковъ.	Всего.	Жатокъ.	Вѣялокъ и сортир.	Молотилокъ.	Всего.	Возовъ.	Фуговъ.	Всего.
Б. военн. посел.	1,40	0,65	2,05	0,50	1,20	0,31	0,005	2,015	0,0015	0,024	0,0012	0,0267	1,11	0,29	1,40
Б. госуд. крест.	1,17	1,20	2,37	0,48	1,02	0,26	0,06	1,82	0,017	0,045	0,00201	0,0401	0,94	0,24	1,18
Б. пом. крест. .	1,45	0,64	1,09	0,49	1,14	0,40	0,001	1,031	0,0005	0,026	0,0018	0,0283	1,03	0,08	1,11
Десятиниц. . . .	1,21	0,96	2,17	0,45	1,03	0,26	0,05	1,79	0,002	0,025	0,0009	0,0279	0,95	0,22	1,17

Другой очень важной особенностью десятинищикаго быта является его прямая и непосредственная зависимость отъ совершенно частнаго лица—землевладѣльца. Десятинщикъ живетъ въ чужой избѣ, воздѣлываетъ чужую землю, на чужой землѣ пасетъ не только свой скотъ, но и свою домашнюю птицу. Все это налагаетъ на него такую массу обязанностей, опутываетъ его такими густыми сѣтями зависимости, что свободная земледѣльческая дѣятельность замѣняется чуть ли не барщиннымъ трудомъ, въ болѣе смягченной, конечно, и облагороженной формѣ.

Десятинщики селятся на землѣ помѣщиковъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ письменныхъ договоровъ, не опредѣляя даже числа лѣтъ аренды. Обѣ стороны прекрасно знаютъ, что такія многосложныя отношенія, какія имѣютъ обыкновенно мѣсто между десятищикомъ и помѣщикомъ, не поддаются даже приблизительному учету и не могутъ быть выражены цифрами. Кромѣ того, знаютъ они также и то, что никакой контрактъ не въ состояніи удержать десятищика на землѣ, если только общія условія хозяйничанья окажутся слишкомъ тяжелыми, и предпочитаютъ полагаться во всемъ на временное добровольное соглашеніе. Однако, въ послѣдніе годы, особенно въ имѣніяхъ, гдѣ отработки и взносы натурой сведены до минимума и замѣнены денежными платами, стали появляться писанные договоры, которые вмѣняютъ обѣимъ сторонамъ въ обязан-

ность все то, что раньше дѣлалось по добровольному соглашенію. Приведу здѣсь одинъ изъ такихъ договоровъ, чтобы внутренняя сторона отношеній между помѣщиками и десятинщиками не оставалась для читателя загадкой.

„1888 года сентября 3-го дня мы, нижеподписавшіеся, заключили настоящее условіе съ Н. И. М. въ нижеслѣдующемъ:

1) М. долженъ дать намъ каждому хозяину отдѣльную хату, въ которыя мы имѣемъ право перейти только весной къ Пасхѣ будущаго 1885 г.; въ хаты окна и двери мы должны вставить сами; по окончаніи жизни нашей въ оныхъ хатахъ мы имѣемъ право забрать наши окна и двери; въ случаѣ поправки этихъ хатъ, какъ каменной, такъ и деревянной, то М. долженъ исправить на свой счетъ. Цѣна за каждую хату въ годъ 12 рублей.

2) Каждый изъ насъ имѣетъ право занимать землю по 5 руб. десятину, или за оторъ, считая, что за каждыя три десятины мы должны оторать одну десятину, которую мы должны засѣять своими сѣменами, скосить въ снопы, или копицы по желанію М. и свезти на мѣсто, указанное г. М. Глубина оранки должна быть 3 вершка; оторъ мы должны сами засѣять и волочить (боронить) столько разъ, сколько г. М. найдетъ нужнымъ. Оторъ мы должны обсѣменить своими сѣменами, и сѣмена эти должны въ сентябрѣ cadaго года сдать въ магазинъ; при сѣвѣ М. сѣмена долженъ вывозить своими подводами и по первому требованію его мы должны посѣять и заволочить, тоже давая количество боронъ по указанію г. М. Возовицу мы должны начать по первому требованію г. М.; но до окончанія жнивъ г. М. не имѣетъ права заставить насъ возить его хлѣбъ.

3) Скотъ какъ гулевой, такъ и рабочій мы должны выпасать на степи г. М. съ условіемъ, что мы имѣемъ право выпасать на выпасѣ, который намъ г. М. долженъ отвести; при отводѣ выпаса г. М. долженъ считать три штуки взрослого скота или лошадей на десятину, полтораки и двухъ-лѣтки—пять штукъ на десятину, а подъ свиньи и телята особый выпасъ не отводится. По окончаніи жнивъ скотъ нашъ имѣетъ право ходить вездѣ, гдѣ ходитъ скотъ г. М.; исключая, гдѣ выпасаются волы г. М. Плата за скотъ и лошадей взрослыхъ по три руб. за штуку, а за полтораки лошадей и скотъ по 2 р. Свиньи и телята взрослые по 50 к. отъ штуки, а овцы по 75 отъ штуки; до выхода на выпасъ мы должны представить счетъ правильный безъ утайки; въ противномъ случаѣ за каждую лишнюю штуку мы должны уплатить 10 р. штрафу.

4) Деньги, слѣдующія г. М. за хаты, землю, скотъ, лошади,

свиньи, телята и овцы мы должны уплатить разъ въ годъ двѣнадцатаго сентября. Въ случаѣ намъ нужно перемѣнить поля, то г. М. по осмотрѣ ихъ долженъ перемѣнить таковыя.

5) Согласно условію между нами г. М. не можетъ удалить насъ раньше срока его посессіи (исключая случаевъ неисполненія сего условія по всѣмъ пунктамъ); набавка цѣны на землю и скотъ можетъ быть сдѣлана только по желанію г. М.; а М. можетъ увеличить цѣну на все только въ томъ случаѣ, если цѣны въ окрестности повысятся; въ чемъ и подписываемся...

Въ этомъ очень характерномъ условіи недостаетъ еще одного пункта, который имѣетъ мѣсто почти во всѣхъ договорахъ. Этотъ пунктъ я возьму изъ другого аналогичнаго договора:

... „3) Мы обязываемся, подъ страхомъ уничтоженія силы настоящаго договора и немедленнаго выселенія изъ усадебъ, —нигдѣ не нанимать земли для посѣва, не брать земли за скопщину и не отдавать скота на выпасъ, а какъ снять хлѣбъ, такъ и выпасать скотъ мы должны только въ Бешбоерацкомъ имѣніи“.

Другой интересный пунктъ, встрѣчающійся въ большинствѣ контрактовъ, гласитъ:

... „4) Свободное отъ домашнихъ занятій время, а также въ случаѣ экстренной необходимости въ работникахъ въ управленіи мы должны по мѣрѣ силъ нашихъ работать за поденную плату, какая будетъ практиковаться въ данное время для рабочихъ въ имѣніи“.

Бываютъ еще и такіе пункты:

... „24) Въ случаѣ невыполненія кѣмъ-либо изъ насъ—поселянъ какого-либо пункта сего контракта, (то) владѣлецъ имѣнія Кошарки или его уполномоченный имѣетъ право немедленно удалить изъ имѣнія неисправнаго плательщика или нарушившаго другой пунктъ сего контракта и отдать его землю другому, причемъ всѣ сдѣланныя имъ постройки остаются въ пользу имѣнія и его владѣльца бесплатно и удаленный не вправе протестовать какія-либо претензіи или жалобы на это распоряженіе“.

Уже по этимъ немногочисленнымъ выдержкамъ можно судить о дѣйствительномъ характерѣ отношеній десятинщика къ своему помѣщику. Прежде всего бросается въ глаза полное безправіе десятинщика. Просмотрите всѣ контракты и ни въ одномъ изъ нихъ вы не найдете пункта, который бы защищалъ безусловно интересы десятинщиковъ. И послѣ внимательнаго изученія текстовъ договоровъ и провѣрки ихъ въ дѣйствительной жизни

ясно видишь, что всё они пишутся для помѣщика, десятинщику же нѣтъ отъ нихъ положительно никакой выгоды. Какъ при существованіи письменнаго договора, такъ и при отсутствіи его помѣщикъ всегда можетъ согнать съ земли не поправившагося ему, почему-либо, десятинщика, забрать у него, безъ всякаго вознагражденія, воздвигнутыя имъ строенія и пустить по міру съ голыми руками. Слѣдовательно, придавать особое значеніе письменнымъ договорамъ неосновательно. Въ этомъ случаѣ на основаніи наблюденій дѣйствительныхъ условій жизни можно придти къ совершенно противоположному выводу—что десятинщику и живется во всѣхъ отношеніяхъ плохо тамъ, именно, гдѣ онъ связанъ по рукамъ и ногамъ договоромъ. Заключение письменныхъ условій уже говоритъ о томъ, что между сдатчикомъ земли и сѣмщикомъ нѣтъ взаимнаго довѣрія, а безъ него невозможны нормальныя отношенія даже при существованіи самыхъ строгихъ и все предусматривающихъ договоровъ. Правда, наружная, по крайней мѣрѣ, будетъ всегда на сторонѣ болѣе сильнаго, т.-е. въ данномъ случаѣ на сторонѣ сдатчика, сѣмщикъ же всегда почти будетъ оказываться виновнымъ. Десятинщикъ прекрасно понимаетъ это и очень неохотно идетъ на земли, сдаваемые по контрактамъ и всякаго рода письменнымъ договорамъ.

Письменные условія и договоры имѣли бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы они вполнѣ точно опредѣляли платежныя отношенія десятинщиковъ къ помѣщикамъ; но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, такъ какъ наряду съ чисто денежными платами и нѣкоторыми натуральными, напр. скопщина, оторъ и др., поддающимися точному учету, существуетъ, какъ я уже упоминалъ, множество мелкихъ натуральныхъ платъ и повинностей, большинство которыхъ не только не поддается учету, но даже прямо не можетъ быть опредѣлено болѣе или менѣе точно. Для примѣра приведу здѣсь нѣсколько образцовъ натуральныхъ повинностей этого рода.

Владѣлецъ дер. *Ново-Выжна*, Тираспольск. уѣзда, Малаештской вол., при отдачѣ земли за скопщину сверхъ $\frac{1}{4}$ урожая требуетъ отъ десятинщиковъ доставить своимъ скотомъ молотилку для молотбы и доставить на вокзалъ все зерно. Кромѣ того, десятинщики обязаны вымолотить весь хлѣбъ владѣльца по существующимъ цѣнамъ, бесплатно набить ледникъ зимою, поправлять плотины, заравнивать рытвины на поляхъ ¹³⁾.

¹³⁾ „Мат. для оцѣнки зем. Херс. губ.“, т. IV, приложенія, стр. 2.

Въ дер. *Хорошей*, Тирасп. уѣзда, Діордіештской волости, десятинщики, кромѣ платъ за землю, хаты и выпасъ скота, несутъ еще слѣдующія повинности: 1) 4 дня возить навозъ на плотину; 2) во время жатвы работать одинъ день парой (косарь и вязальникъ); 3) съ каждой пары рабочаго скота отвезти на вокзалъ (5 верстъ) пять четвертей хлѣба, и 4) бабы должны „*драть перья*“ ¹⁹⁾.

Въ дер. *Водяной*, Бервинцевской вол., Херс. уѣзда, съ каждой десятины, кромѣ доли урожая ($\frac{1}{3}$) взимается 50 к. деньгами и 10 овражковъ, или вмѣсто 50 к. выкопать 5 сажень рва. На хуторѣ *г. Волохиной* (той же волости) за каждыя десять десятинъ снятой земли десятинщикъ долженъ вспахать, засеять сѣменами владѣльца и убрать одну десятину ²⁰⁾. Владѣлецъ деревни *Екатериновки* (Ульяновской вол., Херс. уѣзда) за землю подъ огороды, кромѣ очень высокой денежной платы (20—35 р. съ десятины), можетъ выбрать любую грядку капусты и, кромѣ того, получаетъ 300 бураковъ, 500 помидоръ и 500 огурцовъ. Въ сел. *Ульяновкѣ* десятинщики, кромѣ всѣхъ издольныхъ и денежныхъ платъ, должны вносить ежегодно владѣльцу пару куръ, десять яицъ, работать одинъ пѣшій день и одинъ съ подводой и выходить каждую ночь на сторожу по 2 человека ²¹⁾. Въ деревнѣ *Шмидтовкѣ* (Вавиловской вол., Херс. уѣзда) за каждыя 10 дес. снятой земли десятинщики обязаны, кромѣ доли ($\frac{1}{3}$), свезти въ гор. Николаевъ (40 в.) 50 пуд. хлѣба. Доля владѣльца указывается на полѣ еще до уборки (скопщина за отръзъ); кромѣ всего этого, десятинщики обязаны „*послухать*“ т. е. по первому зову помѣщика возить лѣсъ изъ Херсона, перевозить солому, убирать дворъ и т. п. ²²⁾.

Уже изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, насколько разнообразны натуральныя повинности десятинщиковъ и какъ трудно поддаются онѣ учету.

Эти же примѣры говорятъ еще объ одномъ, глубоко важномъ обстоятельстве: они указываютъ ясно, что десятинщикъ зависитъ не только отъ чисто экономическихъ условій той мѣстности, гдѣ онъ живетъ, но и отъ такой непостоянной причины, какъ личныя качества владѣльца занимаемой имъ земли.

Чтобы закончить настоящій очеркъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ административномъ и общественномъ

¹⁹⁾ Ibidem, стр. 14.

²⁰⁾ „М. для оц. зем. Херс. губ.“, т. VI, прилож., стр. 11.

²¹⁾ Ibid., 12—13.

²²⁾ Ibid., 15.

положеніи десятильщиковъ, о распространенности среди нихъ грамоты и, наконецъ, объ ихъ возможной будущности и тѣхъ мѣрахъ, какія могутъ смягчить ея несомнѣнные бѣды.

Административное и общественное положеніе десятильщиковъ-крестьянъ ничѣмъ, разумѣется, не отличается отъ положенія всей массы крестьянства, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они живутъ слишкомъ далеко отъ своей волости. Тогда въ положеніи ихъ замѣчаются нѣкоторая двойственность; состоя юридически членами того крестьянскаго общества, откуда они вышли, они не могутъ принимать въ его дѣлахъ никакого участія, такъ какъ интересы ихъ положительно не соприкасаются съ интересами остальныхъ сообщинниковъ. Членами же того общества, вблизи котораго они живутъ, десятильники не могутъ быть въ силу чисто административно-юридическихъ причинъ. Такимъ образомъ, неся повинности въ два общества,—государственные, земскія и мірскія—въ свое родное, постоянное, и всѣ натуральныя и часть мірскихъ—во временное, по мѣсту жительства,—десятильники фактически не принадлежатъ ни къ одному изъ нихъ.

Еще болѣе неопредѣленно и тягостно положеніе десятильщиковъ-мѣщанъ. Всѣ они юридически принадлежатъ къ городскому сословію, несутъ значительную часть городскихъ податей и повинностей, несмотря на то, что не имѣютъ ничего общаго съ городомъ. Къ несенію повинностей сводятся отношенія десятильщиковъ-мѣщанъ и къ деревенскому міру. Въ силу этихъ условій они очутились въ положеніи „овецъ безъ стада“, въ полномъ смыслѣ этого выраженія; они подвергаются „неукоснительной“ стрижкѣ съ двухъ сторонъ и положительно не имѣютъ возможности защищать свою шерсть отъ слишкомъ притязательныхъ ножницъ. Эта административная неопредѣленность особенно тяжело отражается на десятильникахъ въ неурожайные года, когда своего хлѣба не хватаетъ, и приходится прибѣгать къ ссудамъ. Объ этомъ мы находимъ небезынтересныя свѣдѣнія въ отчетахъ членовъ губернской земской управы, командированныхъ для обезпеченія населенія хлѣбомъ для продовольствія и обмѣненія полей въ неурожай 1882 года. Составитель отчета говоритъ: „Особенно нуждаются десятильники; требованіе отъ нихъ представленія поручительства породило въ Горьевской волости (Тирасп. уѣзда) новый видъ самой безсовѣстной эксплуатаціи ихъ. Такъ, владѣлецъ 17 десятинъ, получившій самъ ссуду отъ земства, началъ ручаться за живущихъ съ нимъ въ сосѣдствѣ десятильщиковъ, требуя за свое поручи-

тельство отъ cadaго хозяина уборку одной десятины хлѣба. Крайняя нужда заставила многихъ согласиться на эти тяжкія условія. Такимъ образомъ, земская безпроцентная ссуда обходится десятинщику около 50%. Поэтому Тираспольской управѣ, какъ и Одесской, разрѣшено въ крайнихъ случаяхъ выдавать десятинщикамъ ссуды на продовольствіе, не стѣсняясь представлениемъ поручительства, а взявъ только подписку, что они обязываются возратить полученную ссуду 1 октября. Другой составитель, посѣтившій Анапьевскій уѣздъ, говоритъ слѣдующее: „Десятинщики во многихъ мѣстахъ затрудняются въ пріисканіи поручителей, почему нами признано необходимымъ разрѣшать имъ ссуду безъ установленнаго поручительства, тѣмъ болѣе, что люди эти, поставленные особнякомъ, внѣ того покровительства и тѣхъ попеченій, какими пользуются крестьяне, нерѣдко нуждаются гораздо болѣе послѣднихъ“²³⁾. Очевидно, что случай, замѣченный въ Горьевской волости, не представлялъ собою единичнаго явленія, иначе гг. члены управы не приняли бы такихъ общихъ мѣръ. Въ данномъ случаѣ отрадно то, что дѣломъ завѣдывали люди, сумѣвшіе проникнуться бѣдствіемъ десятинщиковъ и выступившіе имъ на помощь. Но что было бы, если бы на ихъ мѣстѣ были бюрократы, ставящіе выше всего „предписаніе“, „постановленіе“ и пр. прелести канцелярщины?

Хотя до сихъ поръ положительно нѣтъ цифровыхъ данныхъ о распространенности грамотности среди десятинщиковъ, но мы, зная, приблизительно, условія ихъ жизни, а priori можемъ придти къ тому заключенію, что процентъ грамотныхъ среди десятинщиковъ очень низокъ, значительно ниже, чѣмъ у другихъ земледѣльческихъ группъ.

Обучать дѣтей грамотѣ десятинщикъ можетъ только въ томъ случаѣ, когда онъ живетъ въ большой деревнѣ или селѣ. Но вѣдь въ такихъ условіяхъ находится меньшинство. Большинство обитаетъ небольшими поселками, въ 10—20 избъ, и не имѣетъ возможности ни пользоваться чужой школой, ни строить свою собственную. Владѣльцы почти никогда не приходятъ имъ на помощь въ такихъ случаяхъ, и намъ извѣстенъ только одинъ случай существованія въ десятинщицкомъ хуторѣ школы, содержимой на средства владѣльца и обучающей десятинщицкихъ дѣтей бесплатно (хуторъ *Николенка*, Херс. уѣзда, Бѣлозерской вол.).

Послѣ всего изложеннаго уже въ настоящей работѣ гово-

²³⁾ „Сборникъ Херс. Земства“ 1883 г., № 2, стр. 5 и 9.

рить о будущности десятильщиков я считаю лишнимъ, такъ какъ всякому прочитавшему внимательно мою работу это будетъ понятно и безъ особыхъ поясненій.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ мѣрахъ, какія должны быть приняты для того, чтобы смягчить слишкомъ суровую будущность десятильщиковъ и дать имъ возможность переходомъ въ разрядъ земельныхъ собственниковъ гарантировать себѣ сносную жизнь. Мѣры эти таковы:

1) Надѣленіе казенной землей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это возможно.

2) Если казенныя земли, отводимыя въ надѣль, расположены слишкомъ далеко отъ настоящаго мѣста жительства десятильщиковъ, то—матеріальная поддержка при переселеніи.

3) Болѣе раціональная постановка дѣятельности Крестьянскаго банка.

4) Переводъ всѣхъ десятильщиковъ въ крестьянское сословіе, съ припиской къ крестьянскимъ обществамъ безъ права на надѣль ²⁴⁾.

К. Свирскій,

Членъ-Корреспондентъ

Московского Юридическаго Общества.

²⁴⁾ Желающихъ ближе ознакомиться съ мѣропріятіями по улучшенію быта десятильщиковъ отсылаю къ прекрасной замѣткѣ г. Воропонова („В. Е.“ 84 г., 3), гдѣ они сгруппированы съ такой полнотой, что мнѣ пришлось бы только повторить все сказанное г. Воропоновымъ.

ФИНЛЯНДІЯ И РОССІЯ.

По поводу статьи профессора Георга Йеллинека „О государственных
фрагментахъ“ (Гейдельбергъ, 1896).

I.

Осенью 1896 года, ко дню 70-лѣтія великаго герцога Баденскаго, члены юридическаго факультета Гейдельбергскаго университета издали особый сборникъ статей и посвятили его великому герцогу, какъ ректору университета. Сборникъ этотъ представляетъ изъ себя рядъ статей самаго разнообразнаго содержанія, подписанныхъ такими именами, какъ Г. Мейеръ, Гейнце, Е. Беккеръ и др. Особенный интересъ для русскаго юриста представляетъ статья профессора Георга Йеллинека, озаглавленная „Ueber Staatsfragmente“. Кромѣ того, что она написана такимъ выдающимся ученымъ, она имѣетъ для насъ особое значеніе въ томъ отношеніи, что въ ней Йеллинекъ удѣляетъ вниманіе опредѣленію государственно-правоваго положенія великаго княжества Финляндскаго.

Вопросъ объ отношеніи великаго княжества Финляндскаго къ Россійской имперіи—одинъ изъ щекотливыхъ и крайне сложныхъ вопросовъ государственнаго права. Съ одной стороны, онъ связанъ съ такими спорными отдѣлами государственной науки, какъ опредѣленіе государства и отличіе его отъ общины, опредѣленіе суверенитета, ученіе о соединеніи государствъ и т. д., съ другой стороны, это—вопросъ настолько животрепещущій и такъ близко соприкасающійся съ внутренней политикой Россіи, что не всегда легко при его обсужденіи сохранить должное безпристрастіе и хладнокровіе.

Литература предмета довольно обширна, но по характеру своему не всегда удовлетворительна. Въ большинствѣ случаевъ—это

произведенія чисто полемическаго характера, обладающія всѣми недостатками политических памфлетовъ. Русская партія стремится во что бы то ни стало доказать, что Финляндія не имѣетъ права притязать на сохраненіе своей политической обособленности, а финляндскіе публицисты съ энергіей отстаиваютъ свою самостоятельность; въ пылу полемики обѣ стороны не стѣсняются средствами для достиженія своей цѣли.

Г. Ординъ въ своей книгѣ „Покореніе Финляндіи“ не щадитъ красокъ для того, чтобы выставить финляндскихъ дѣятелей въ самомъ дурномъ свѣтѣ: смѣется надъ незнаніемъ сеймовымъ маршаломъ дворянскаго сословія де-Гееромъ французскаго языка ¹⁾, обвиняетъ перваго генераль губернатора Финляндіи Спренгтпортена въ воровствѣ ²⁾ и даже обвиняетъ статсъ-секретаря Ребиндера въ подлогѣ ³⁾.

Съ своей стороны, гельсингфорскій профессоръ Рихардъ Даніельсонъ въ своихъ возраженіяхъ на книгу Ордина указываетъ на непочтительное отношеніе послѣдняго къ памяти Императора Александра I и удивляется, какъ русская академія наукъ могла наградить сочиненіе Ордина преміей ⁴⁾.

Г. Еленевъ, въ одномъ изъ своихъ трудовъ, въ доказательство лицемерія финляндцевъ, приводитъ „разсказъ“ русскихъ, служившихъ въ Гельсингфорсѣ, о томъ, „что дѣвицы и дамы тамошняго высшаго круга подобострастно цѣлуютъ руки у женъ русскихъ высокопоставленныхъ лицъ“ ⁵⁾.

Эти примѣры могутъ дать извѣстное понятіе о характерѣ полемики. Нечего говорить объ ежедневной прессѣ, гдѣ приемы полемики являются еще болѣе развязными ⁶⁾...

Въ финляндскомъ вопросѣ очень оригинальная роль выпала на долю Георга Йеллинека. Въ 1882 году онъ издалъ, будучи еще мало извѣстнымъ приватъ-доцентомъ Вѣнскаго университета, книгу подъ заглавіемъ: „Die Lehre von den Staatenverbindungen“. Книга эта, сразу доставившая автору солидное положеніе въ наукѣ, является драгоценнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ изслѣдованіемъ о соединеніяхъ государствъ. Въ ней посвящено, между прочимъ, и тридцать шесть строкъ Финляндіи. Основываясь на крайне недостаточномъ матеріалѣ, Йел-

¹⁾ „Покореніе Финляндіи“, т. II, стр. 318, прим. 2.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 242—245.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 338—340.

⁴⁾ Даніельсонъ, „Соедин. Финляндіи съ Россіей. Державою“, 1890, стр. 132 (I).

⁵⁾ Еленевъ, „Совр. финл. вопр.“, стр. 176 (I).

⁶⁾ „Финляндская окраина Россіи“. Москва, 2 т., 1891 и 1894 г.

линекъ отрицаетъ государственность Финляндіи. Само собою разумѣется, что ему и въ голову не приходило, что изъ его маленькой замѣтки о Финляндіи сдѣлають орудіе партійной борьбы. Русская партія постоянно, въ доказательство вѣрности своихъ доводовъ, ссылается на безпристрастное мнѣніе „извѣстнаго вѣнскаго профессора Іеллинека“. Этотъ авторитетъ Іеллинека принимаетъ иногда даже комическій оттѣнокъ и доказываетъ скорѣе малую его извѣстность въ Россіи. Такъ Еленевъ, считающій Іеллинека „извѣстнымъ профессоромъ“ ⁷⁾, въ одной изъ своихъ многочисленныхъ брошюръ по финляндскому вопросу, полемизируя съ Даніельсономъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Г-нъ Даніельсонъ сперва подтверждаетъ ученіе о реальной уніи Финляндіи съ Россіей ссылками на какихъ-то, по его мнѣнію (?), весьма авторитетныхъ профессоровъ, въ родѣ Нордстрема, Бри, Гефкена, но потомъ вдругъ заявляетъ..., что онъ выработалъ себѣ особый взглядъ, на основаніи сочиненія профессора Лабанда. Что же это за новый взглядъ, вычитанный г-мъ Даніельсономъ у *какого-то* Лабанда?“ ⁸⁾—воскликаетъ г-нъ Еленевъ.

Итакъ, одинъ изъ столповъ современной юридической науки въ Германіи, курсъ государственнаго права котораго уже былъ изданъ въ 1876 году, т.-е. за шесть лѣтъ до книги Іеллинека, оказывается „какимъ-то Лабандомъ“!

Узнавъ о томъ, какое впечатлѣніе произвела въ Россіи его незначительная замѣтка о Финляндіи, Іеллинекъ отнесся къ этому вопросу болѣе внимательно и сдѣлалъ соединеніе Финляндіи съ Россіей однимъ изъ предметовъ изслѣдованія въ своей вышеприведенной статьѣ.

II.

Характеръ присоединенія Финляндіи къ Россіи опредѣляется Фридрихсгамскимъ мирнымъ трактатомъ 5/17 сентября 1809 г. ⁹⁾. Изъ разсмотрѣнія этого трактата необходимо вытекаетъ, что завоеванная русскимъ оружіемъ Финляндія была инкорпорирована Россіей, а, слѣдовательно, изъ характера этого присоединенія никакъ нельзя вывести какихъ-либо договорныхъ отношеній между Россіей и великимъ княжествомъ.

⁷⁾ Еленевъ, I, 72.

⁸⁾ Еленевъ, Ученіе о финл. гос., 28 (II).

⁹⁾ I, II. С. 3. № 23883. Договоръ этотъ приведенъ in extenso у Орлина, т. II, прил. № 125.

Статья 4-я мирнаго договора гласить: „Его величество король шведскій какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства Шведскаго отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской... Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“. Такимъ образомъ, шведскій король уступилъ часть своей территоріи русскому императору, передавъ ее, такъ сказать, изъ рукъ въ руки. При этомъ не надо забывать, что довольно большая часть теперешняго великаго княжества была уже присоединена къ Россіи раньше, по мирнымъ трактатамъ 1721 г. и 1743 г., и только манифестомъ 11/23 декабря 1811 года, не безъ затрудненій, эта прежде завоеванная часть была присоединена къ великому княжеству ¹⁰⁾.

Финляндія, какъ таковая, въ мирныхъ переговорахъ никакого участія не принимала. Правда, со стороны сословій была подана императору петиція о допущеніи ихъ къ переговорамъ, но она была отклонена ¹¹⁾.

Фридрихсгамскій мирный договоръ былъ заключенъ въ сентябрѣ 1809 года, а уже за полтора года до этого Александръ I-й извѣстилъ иностранныя державы о присоединеніи Финляндіи деклараціей 16 марта 1808 года, затѣмъ русское населеніе—манифестомъ 20 марта и, наконецъ, финляндскихъ жителей—манифестомъ 5 іюня 1808 года.

Такая поспѣшность зависѣла отъ убѣжденія императора въ неминувомъ завоеваніи страны, а также отъ того, что онъ войнѣ этой не придавалъ серьезнаго значенія ¹²⁾. Судьба Финляндіи была собственно уже рѣшена на тильзитскомъ свиданіи его съ

¹⁰⁾ См. объ этомъ Schybergson, *Gesch. Finnlands*, 1896. 442—453, 561, 615. Ср. П. С. З. 1811, дек. 11 (24907) и дек. 31 (24934).

¹¹⁾ Петиція эта приведена у Ордина, т. II, прил. 74; ср. также прил. №№ 75 и 111.

¹²⁾ См. по этому поводу интересный разговоръ французскаго посла Коленкура съ Александромъ I, приведенный у Вандаля—*„Napoléon I et Alexandre I“* (Paris 1891, 1-er volume), стр. 319. Французскій посолъ сказалъ Александру I: „L'Empereur désire bien que Votre Majesté soit en possession de la Finlande et

Наполеономъ I ¹³⁾, почему Александръ и полагалъ, что покореніе Финляндіи есть вопросъ времени. Слѣдствіемъ этого явилось то нѣсколько странное обстоятельство, что, несмотря на оффиціальное объявленіе о присоединеніи Финляндіи, русскія войска потерпѣли черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого серьезныя пораженія: 15 апрѣля—при Револакскѣ, а 20—при Пулькилло. Съ весны начались возстанія крестьянъ, которыя сильно затрудняли движенія русскихъ войскъ. Только въ ноябрѣ мѣсяцѣ (перемиріе въ Олькіоки) великое княжество было очищено отъ шведскихъ войскъ и театръ войны перенесенъ въ Швецію ¹⁴⁾. Послѣ нѣсколькихъ экспедицій русскихъ войскъ въ Швецію, послѣ того какъ король шведскій Густавъ IV былъ свергнутъ съ престола, начались, наконецъ, мирные переговоры, окончившіеся Фридрихсгамскимъ договоромъ.

Съ одной стороны, убѣжденный въ скоромъ окончаніи войны, а съ другой — желая расположить къ себѣ населеніе края, императоръ Александръ еще задолго до окончанія войны предпринялъ цѣлый рядъ дѣйствій по устроенію великаго княжества. Въ іюнѣ 1808 года былъ отданъ приказъ ¹⁵⁾ о производствѣ выборовъ членовъ депутаціи, которая должна была явиться въ Петербургъ для обсужденія правительственныхъ мѣропріятій. Выборы произошли только въ августѣ, и депутація собралась осенью 1808 года въ Петербургѣ. 18 или 19 ноября депутація представила императору докладную записку, въ которой депутаты изыясняли, что они не считаютъ себя въ правѣ участвовать въ обсужденіи плановъ организаціи вновь присоединенной Финляндіи, такъ какъ они не являются законно избранными представителями великаго княжества, и въ заключеніе просятъ о созывѣ сословій на сеймъ, сообразно съ закономъ страны ¹⁶⁾. Непосредственно послѣ этого императоръ подписалъ ¹⁷⁾ поло-

pour l'avantage personnel de Votre Majesté et pour que les belles de Pétersbourg n'en entendent plus le canon",—на что императоръ отвѣтилъ: „Je remercie et pour moi et pour les belles de Pétersbourg; il est toujours aimable pour moi.“ Рѣчь шла о завоєваніи обширнаго края, но по тону разговора можно подумывать, что дѣло идетъ о какомъ-то незначительномъ подаркѣ. Переписка Наполеона съ Александромъ I о присоединеніи Финляндіи приведена у Ордина, II, 92 и прил. №№ 127 и 128.

¹³⁾ См. Vandal, I, 501, и Тильзитскій договоръ.

¹⁴⁾ См. Schybergson, 476—508; Ординъ, I, гл. X.

¹⁵⁾ Ординъ, II, 165.

¹⁶⁾ Меморія депутація приведена у Ордина, т. II, прил. № 132.

¹⁷⁾ Полемику по вопросу о томъ, было ли это сдѣлано подъ вліяніемъ меморіи депутатовъ, см. Ординъ, II, 219; Danielson, I, 91—92; Schybergson, 528; Mechelin, Staatsrecht 247.

женіе объ учрежденіи главнаго правленія въ новой Финляндіи ¹⁸⁾, въ ст. 15-й котораго объявлялось о созывѣ сейма въ январѣ 1809 года.

Во исполненіе этого обѣщанія состоялось Высочайшее повелѣніе 20 января (1 февраля) 1809 года ¹⁹⁾ о созваніи сейма въ Борго. Сеймъ былъ торжественно открытъ 13/25 марта въ присутствіи императора, и занятія его длились до іюля мѣсяца.

Здѣсь, конечно, не мѣсто входить въ подробное описаніе боргоскихъ событій. Самымъ интереснымъ изъ нихъ является принесеніе сословіями присяги, послѣ чего, согласно церемоніалу, составленному Сперанскимъ и утвержденному государемъ, генераль-губернаторъ долженъ былъ объявить, что: „*Sa Majesté Impériale a daigné confirmer solennellement la constitution de la Finlande en la sanctionnant de sa signature; il lira à haute voix l'acte de confirmation et le remettra au Maréchal de la noblesse*“ ²⁰⁾.

Такъ какъ это „утвержденіе“ императора Александра I имѣетъ большое значеніе, то я привожу его здѣсь цѣликомъ ²¹⁾. „Произволеніемъ Всевышняго, вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствиіи; во удостовѣреніе чего и сію грамоту собственноручно подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили“.

Толкованіе этой грамоты въ литературѣ самое различное. Одни полагаютъ, что ею подтверждены только гражданскія, не политическія права финляндцевъ ²²⁾. Другіе, наоборотъ, видятъ въ ней какой-то сепаратный договоръ двухъ государствъ ²³⁾. И то и другое утвержденіе — крайность. Если съ формальной стороны инкорпорация Финляндіи состоялась лишь два мѣсяца спустя послѣ перваго сейма въ Борго, то фактически она совершилась гораздо раньше. Какъ сказано выше, еще весною 1808 года Александръ I-й объявилъ о присоединеніи Финляндіи,

¹⁸⁾ Это положеніе приведено у Ордина, II, 240 и слѣд.

¹⁹⁾ См. Бореніусъ, Акты, стр. 1—2.

²⁰⁾ Этотъ любопытный церемоніалъ приведенъ у Ордина, т. II, прил. № 70.

²¹⁾ Бореніусъ, стр. 3.

²²⁾ Ординъ, Еленевъ.

²³⁾ Mechelin.

а съ осени того же года онъ вступилъ въ полное владѣніе этой страной. Съ этого времени заключеніе мира было своего рода формальностью, которая могла только констатировать положеніе вещей. Поэтому на всѣ мѣропріятія Александра относительно Финляндіи, предпринятія имъ до заключенія мира, надо смотрѣть какъ на реформы, проводимыя завоевателемъ въ завоеванной странѣ. Ни въ одномъ актѣ и ни въ одной рѣчи императора нельзя усмотрѣть, чтобы въ эту эпоху онъ считалъ Финляндію страной, еще не инкорпорированной. Но, съ другой стороны, изъ факта инкорпорации Финляндіи, происшедшей девяносто лѣтъ тому назадъ, никакъ нельзя выводить какихъ-либо слѣдствій по отношенію къ современному ея положенію ²⁴⁾. Для того, чтобы опредѣлить, что такое представляетъ изъ себя Финляндія съ государственно-правовой точки зрѣнія, возможенъ только одинъ путь. Сперва надо дать ясное опредѣленіе юридическаго понятія государства и его отличіе отъ общины и затѣмъ посмотреть, къ которой изъ этихъ двухъ публично-правовыхъ формъ подходитъ Финляндія.

III.

Какъ извѣстно, Геллинекъ придерживается теоріи Гербера-Лабанда и видитъ отличительный признакъ юридическаго понятія государства въ исключительно ему принадлежащемъ правѣ самостоятельнаго принудительнаго властвованія ²⁵⁾.

Государство есть общественный союзъ (Gemeinwesen),—говоритъ онъ,—съ собственной территоріей и собственной властью, которая или совершенно независима отъ всякой внѣшней силы, т.-е. суверенна, или въ различныхъ отношеніяхъ ограничена властью высшаго, сувереннаго государства, т.-е. несуверенна ²⁶⁾.

Но наблюденіе надъ различными формами политическихъ союзовъ показываетъ, что существуютъ такія образованія, которыя, хотя и не государства, но имѣютъ зачатки (Rudimente) его. Это—государственные фрагменты, которые и не государства и не провинціи. Ихъ можно обозначить общимъ техническимъ терми-

²⁴⁾ Ср. Германсовъ, „Госуд.-правовое положеніе Финляндіи“, II, 125.

²⁵⁾ Ср. „Gesetz und Verordnung“, стр. 189—205; „System d. subj. Rechte“, 12—39, 262. Этой же теоріи придерживается въ русской литературѣ и проф. Н. М. Коркуновъ, но въ то время, какъ Геллинекъ считаетъ признаніе государства публично-правовымъ субъектомъ краеугольнымъ камнемъ государственнаго права, проф. Коркуновъ пытается его опредѣлить какъ юридическое отношеніе государственнаго властвованія („Русск. гос. право“, т. I, § 2).

²⁶⁾ „Ueber Staatsfr.“, стр. 266.

номъ „край“ (Land), подразумѣвая подъ этимъ терминомъ „ту промежуточную форму, которая находится между государствомъ и провинціальнымъ союзомъ“. Какъ примѣръ такихъ фрагментовъ Йеллинекъ приводитъ цѣлый рядъ гибридныхъ формъ современной государственной жизни. Такъ, сюда онъ относитъ колоніи Германской имперіи, которыя, съ одной стороны, имѣютъ собственную территорію и собственныхъ подданныхъ, но, съ другой стороны, совершенно не имѣютъ характера государственной личности; онѣ—не субъекты, а объекты государственной дѣятельности²⁷⁾, а потому ихъ и нельзя признать государствомъ. Далѣе, государственными фрагментами являются англійскія колоніи вообще, и въ частности Канада. Хотя у этой послѣдней есть собственная территорія, государственные органы, но нѣтъ собственного высшаго органа государственной власти, мѣсто котораго занимаетъ англійскій парламентъ, а потому колонію эту нельзя назвать государствомъ²⁸⁾. Подъ это понятіе государственнаго фрагмента подойдутъ и Исландія²⁹⁾, и земли Австрійской короны³⁰⁾, и Сѣверо-Американскія территоріи³¹⁾, и Эльзась-Лотарингія, и герцогство Саксенъ-Кобургъ-Готское³²⁾, и наконецъ, главнымъ образомъ, Кроація-Славонія и Финляндія,— двѣ области, которымъ Йеллинекъ удѣляетъ и наибольшее вниманіе. Подробное выясненіе взглядовъ Йеллинека на отношеніе Кроаціи-Славоніи къ Венгріи завело бы слишкомъ далеко, и я перейду прямо къ интересующему насъ вопросу о Финляндіи.

Во-первыхъ, Йеллинекъ признаетъ инкорпорацию. Финляндіи со стороны Россіи, но послѣ инкорпорации Финляндія получила, по его мнѣнію, такую организацію, которая не позволяетъ причислить ее къ провинціальнымъ союзамъ. У нея есть собственная территорія, собственные подданные, которые не суть въ то же время русскіе подданные, и собственное управленіе, за исключеніемъ дѣлъ иностранныхъ и военныхъ, которыя у нея общія съ Россіей. Такимъ образомъ, „Финляндія была бы, несомнѣнно, государствомъ, если бы Александръ I отдѣлилъ свою сферу дѣятельности въ качествѣ Императора отъ таковой же въ качествѣ Великаго Князя“³³⁾. Но это правовое раздѣленіе личности

²⁷⁾ Тамъ же, стр. 271—273.

²⁸⁾ Тамъ же, стр. 275—279.

²⁹⁾ Тамъ же, стр. 279—280.

³⁰⁾ Тамъ же, стр. 281—284.

³¹⁾ Тамъ же, стр. 284—285.

³²⁾ Тамъ же, стр. 285—289.

³³⁾ Тамъ же, стр. 295.

русскаго монарха могло бы имѣть мѣсто лишь при посредствѣ спеціального законодательнаго акта, такъ какъ иначе объявленная императоромъ инкорпорация Финляндіи остается въ своей силѣ. Сообразно съ симъ, соединенная, по 4-й статьѣ Основныхъ Законовъ, съ Россійскимъ престоломъ Финляндія не имѣетъ отдѣльнаго закона о престолонаслѣдіи, — въ ней дѣйствуетъ русскій законъ, который можетъ быть измѣненъ безъ всякаго участія Финляндіи.

Для того, чтобы стать государствомъ, „Финляндіи недостаетъ собственной самостоятельной монархической власти“.

Но тѣмъ не менѣе изъ наблюденія надъ правоотношеніемъ Финляндіи къ Россіи слѣдуетъ, что правовое положеніе Финляндіи не можетъ быть измѣнено безъ ея согласія, несмотря на то, что она не государство, а только государственный фрагментъ. „Кто же утверждаетъ, что суверенное государство можетъ нарушить эти границы своихъ правомочій по отношенію къ подчиненному ему „краю“, тотъ становится на ту точку зрѣнія, которая отождествляетъ суверенитетъ съ неограниченностью, отрицаетъ возможность самоограниченія и смѣшиваетъ силу съ правомъ“ ³⁴⁾.

Такова въ краткихъ чертахъ новая теорія, проводимая Іеллинекомъ со свойственнымъ ему остроуміемъ и талантомъ. Когда читаешь его статью, то начинаешь съ нимъ соглашаться, но затѣмъ цѣлый рядъ соображеній заставляеть отказаться отъ возможности принять предлагаемое имъ новое понятіе „края“. Во-первыхъ, противъ этого говорятъ уже соображенія чисто практическія. Надо принципиально остерегаться излишняго расчлененія политическихъ формъ и образованій. Іеллинекъ вставляетъ между общиной и государствомъ новое понятіе „края“, поэтому приходится признать, что цѣпь политическихъ образованій идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) община, 2) край, 3) несuverенное государство, 4) суверенное государство. Но такая длинная цѣпь понятій того же порядка неизбѣжно должна вести къ ихъ полной неопредѣленности. Специфическіе признаки, свойственные каждому понятію, становятся все менѣе и менѣе характерными, все болѣе и болѣе случайными, и, наконецъ, контуры сливаются. Но, кромѣ этого принципиальнаго соображенія, заставляющаго относиться съ нѣкоторой опаской къ этой новой конструкціи, кажется, что и по существу едва ли съ нею можно согласиться. Такъ, прежде всего возникаетъ вопросъ: въ чемъ же заключается тотъ твердо опредѣленный признакъ, по которому Іеллинекъ группируетъ въ одно цѣлое всѣ тѣ разно-

³⁴⁾ Тамъ же, стр. 298—300.

родныя образованія, о которыхъ мы говорили выше. „Государство, — говоритъ Йеллинекъ, — есть общественное цѣлое, имѣющее собственную территорію, собственныхъ подданныхъ и собственную власть, которая или совершенно независима отъ всякой внѣшней силы, т.-е. суверенна, или ограничена въ различныхъ отношеніяхъ властью высшаго сувереннаго государства, т.-е. несуверенна. Но всѣ эти три части (власть, территорія и подданные) необходимы для существованія государства. Если одна изъ этихъ частей отсутствуетъ, то нѣтъ государства, а есть только подчиненное ему образованіе“ ³⁵⁾. Важнѣйшій изъ этихъ трехъ элементовъ есть, конечно, самостоятельная государственная власть. „Первый признакъ самостоятельной власти состоитъ въ томъ, что она обосновывается на собственныхъ, не чужихъ законахъ. Второй, вытекающій изъ перваго признакъ состоитъ въ томъ, что обладающее самостоятельною властью политическое образованіе обладаетъ всѣми существенными органами и функціями государства. Поэтому государство должно имѣть какъ органы законодательства, управленія и суда, такъ и отправлять функціи законодательства, управленія и суда. Общественный союзъ безъ собственныхъ законовъ, правительства и судовъ не есть государство. Если ему чего-нибудь изъ этого недостаетъ, то онъ не подпадаетъ подъ понятіе государства. Государство можетъ быть ограничено въ объемѣ этихъ функцій, въ компетенціи своихъ органовъ, но онѣ всѣ должны быть налицо, чтобы сохранить ему его государственный характеръ“.

„...Всѣ современные несuverенныя государства проявляютъ самостоятельный кругъ дѣятельности во всѣхъ значительныхъ областяхъ государственной жизни ³⁶⁾“.

„...На основаніи вышеизложеннаго вытекаетъ критерій для опредѣленія несuverеннаго государства, которое отличаетъ его отъ негосударственныхъ образованій вообще. Несuverенное государство при отпаденіи властвующаго надъ нимъ государства пріобрѣтаетъ этимъ самымъ характеръ сувереннаго государства. Ему остается только расширить при посредствѣ своихъ наличныхъ органовъ власти свою компетенцію... Другими словами, ему нужно только измѣнить свою конституцію для того, чтобы стать сувереннымъ государствомъ, тогда какъ часть государства для того, чтобы, фактически освободившись изъ-подъ власти сувереннаго государства, встать въ положеніе незави-

³⁵⁾ Тамъ же, стр. 266.

³⁶⁾ Тамъ же, стр. 269—270.

симаго государства, должна себя прежде организовать, иначе она будетъ представлять изъ себя анархію“ ³⁷⁾.

Всѣ эти разсужденія недостаточно обоснованы и не даютъ никакого признака различія.

Хотя государственная власть, территорія и населеніе — суть три необходимыхъ элемента для понятія государства, но элементъ государственной власти есть первѣйшій и необходимѣйшій. Государственная власть обнимаетъ и подданныхъ и территорію. Территорія есть граница властвованія; отношеніе же подданства есть специфически государственно-правовое отношеніе, возможное лишь въ государствѣ. Другими словами, понятіе государственной власти уже содержитъ въ себѣ объектъ этой власти — подданство и границы этой власти — территорію. Йеллинекъ самъ это отчасти признаетъ, говоря, что властвованіе есть важнѣйшій элементъ, — но тогда какъ же можно признавать германскія колоніи государственнымъ фрагментомъ потому, что, хотя у нихъ и есть собственная территорія и подданные, но нѣтъ собственной государственной власти? Здѣсь кроется непримиримое противорѣчіе.

Анализируя понятіе государственной власти, Йеллинекъ приходитъ къ тому выводу, что политическіе союзы безъ собственныхъ законовъ, управленія и суда не суть государства; дальше же онъ поясняетъ, что несuverенныя государства проявляютъ самостоятельную дѣятельность „въ значительныхъ областяхъ государственной жизни“. Не говоря уже о томъ, что Йеллинекъ вдается здѣсь въ чисто фактическія обстоятельства объема компетенціи даннаго государства, мнѣ кажется, и самое утвержденіе его едва ли правильно. Достаточно обратить вниманіе на какое-нибудь маленькое государство Германской имперіи, вродѣ Вальдека, въ которомъ чуть не всѣ органы управленія находятся въ вѣдѣніи Пруссіи, чтобы видѣть, что точно опредѣлить минимальный объемъ компетенціи, необходимой для несuverеннаго государства — невозможно.

Выставляемый авторомъ попутно критерій для отличія несuverеннаго государства отъ подчиненныхъ ему союзовъ (т.-е. провинціи и фрагментовъ) именно въ возможности правомѣрнаго возстановленія его суверенитета при распаденіи государственнаго соединенія — также неубѣдителенъ. Если община или „край“ должны пережить въ противоположность несuverенному государству извѣстный періодъ анархіи до обрѣ-

³⁷⁾ Тамъ же, стр. 271.

тенія суверенитета, то, вѣдь, это можно, сказать и о суверенномъ государствѣ, входившемъ, напр., въ унію и послѣ ея распада становащемся простымъ государствомъ. Едва ли, Норвегія послѣ отпаденія отъ Швеціи можетъ правомѣрно, только посредствомъ измѣненія своей конституціи, избѣгнуть періода анархіи, періода фактическихъ отношеній. Первое, что ей надо будетъ сдѣлать, это—измѣнить параграфъ конституціи, гласящій, что Норвегія соединена со Швеціей подъ властью единого монарха. Но для правомѣрнаго измѣненія этой статьи необходимо или согласіе короля, котораго нѣтъ, или одобреніе трехъ послѣдовательныхъ стортинговъ (§ 79)—условія, которыя едва ли осуществимы³⁸⁾.

Предположимъ однако, что между „краемъ“ и несувереннымъ государствомъ есть твердый признакъ различія; но тогда въ чемъ же различіе между общиной и „краемъ“? Изъ статьи Іеллинека его вывести нельзя. Опредѣленіе, даваемое имъ, чисто отрицательнаго характера. „Край“ есть то политическое образованіе, которое обладаетъ нѣкоторыми, но не всѣми признаками государства³⁹⁾.

Въ изслѣдованіи каждаго отдѣльнаго случая Іеллинекъ сначала констатируетъ наличные государственные элементы, чѣмъ „край“ отличается отъ общины, а затѣмъ и недостающіе, благодаря чему „край“ приближается къ общинѣ, и изъ этихъ посылокъ выводитъ заключеніе, что данное образованіе есть государственный фрагментъ. Казалось бы, путь совершенно логичный, но дѣло въ томъ, что констатированіе наличныхъ государственныхъ элементовъ есть вопросъ крайне спорный. Я уже говорилъ выше о тѣсной связи всѣхъ государственныхъ элементовъ и о первенствѣ между ними государственной власти. Отсюда слѣдуетъ, что если государственная власть будетъ констатирована въ данномъ союзѣ, то она есть государство, если нѣтъ, то она—община. Понятіе же государственнаго фрагмента, которое дается Іеллинекомъ, получается, въ сущности, въ тѣхъ случаяхъ, когда констатированіе съ полной очевидностью искомаго признака—затруднительно. Другими словами, объединяющимъ признакомъ всѣхъ анализируемыхъ Іеллинекомъ образованій является неправильность этихъ образованій. Всѣ политическіе союзы, о характерѣ которыхъ существуетъ разногласіе въ литературѣ, Іеллинекъ

³⁸⁾ Ср. Iellinek, „Staaten-Verbindungen“, стр. 217. Brie, „Theorie der Staatenverb.“, 71.

³⁹⁾ „Ueber Staatsfragmente“, 271.

старательно соединилъ въ одно цѣлое и представилъ въ видѣ новаго понятія „края“, т.-е., въ сущности, онъ оставилъ вопросъ совершенно неразрѣшеннымъ. Въ краткихъ словахъ его отвѣтъ гласить: изслѣдуемые объекты имѣютъ съ одной стороны признаки общины, а съ другой—признаки государства. Другого вывода изъ его разсужденій сдѣлать нельзя.

IV.

Итакъ, всѣ разбираемые Йеллинекомъ случаи надо распределить на двѣ группы: одни изъ нихъ подвести подъ понятіе государства, другіе—подъ понятіе общины. Для отвѣта на вопросъ—куда отнести великое княжество Финляндское, надо начать съ разсмотрѣнія современной организаціи верховной власти въ Финляндіи и ея отношенія къ таковой же въ имперіи. Въ этомъ лежитъ корень вопроса. Вѣдь если Финляндія обладаетъ такимъ правительствомъ, право принудительнаго властвованія котораго самостоятельно и основано на ея собственныхъ финляндскихъ законахъ, то, съ точки зрѣнія Йеллинека, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Финляндія есть государство, и обратно—если великій князь не есть отдѣльный отъ императора публично-правовой субъектъ, если вся организація верховной власти въ Финляндіи основана на русскомъ законѣ, то приходится причислить Финляндію къ провинціямъ. Вопросъ о томъ, имѣетъ ли Финляндія своихъ подданныхъ и свою территорію, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Если верховная власть Финляндіи имѣетъ всѣ признаки власти государственной, то очевидно, что *объектомъ* ея явятся подданные, а *границей*—государственная территорія.

Организація финляндскаго правительства представляется въ слѣдующемъ видѣ: великимъ княжествомъ управляетъ монархъ ⁴⁰⁾ при посредствѣ сейма—органа народнаго представительства. Представительство это основано на старыхъ шведскихъ конституціонныхъ законахъ ⁴¹⁾, конечно, съ тѣми измѣненіями, которыя повлекло за собой присоединеніе княжества къ Россіи, и затѣмъ на новѣйшемъ законѣ 1869 года ⁴²⁾. Вопросъ о томъ,

⁴⁰⁾ Пока оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, есть ли это императоръ или великій князь.

⁴¹⁾ Regeringsform 21 авг. 1772 г. и Förenings-och Säkerhets-akt 21 февр. и 3 апр. 1789 г.

⁴²⁾ Сеймовый уставъ (Landtagsordning) 3—15 апр. 1869 г.

Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе вопроса о томъ, каковъ былъ характеръ монархической власти въ Швеціи по законамъ 1772 и 1789 гг., но

были ли признаны Александромъ I-мъ основные шведскіе законы, является въ литературѣ спорнымъ ⁴³⁾. Дѣйствительно, всѣ законодательные акты относительно Финляндіи, принадлежащіе къ эпохѣ Александра I-го, страдаютъ нѣкоторой неопредѣленностью ⁴⁴⁾, но самый фактъ подтвержденія Александромъ I-мъ шведскихъ законовъ и ихъ дѣйствіе въ Финляндіи съ извѣстными измѣненіями не можетъ быть отрицаемъ на основаніи какихъ-либо точныхъ доказательствъ.

Но если даже мы и допустимъ, что Александръ I-й сохранилъ финляндцамъ, по толкованію Еленева ⁴⁵⁾, только ихъ гражданскія права, выраженный въ „уложеніи Швеціи, принятомъ въ сеймѣ 1734 года и Е. И. В. утвержденномъ для Финляндіи“ ⁴⁶⁾, то, во всякомъ случаѣ, въ послѣдствіи эти основные шведскіе законы были признаны русскими императорами въ такой формѣ, толкованіе которой не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Такъ, сеймовый уставъ 1869 года былъ утвержденъ императоромъ Александромъ II-мъ съ спеціальной оговоркой о сохраненіи за собою всѣхъ правъ, предоставленныхъ монарху формой правленія 1772 года и актомъ соединенія и охраненія 1789 года, поскольку они не отмѣнены уставомъ 1869 г. ⁴⁷⁾. Кромѣ

если эти законы и свидѣтельствуютъ о постепенномъ расширеніи власти монарха, то сопоставленіе §§ 9, 5 и 6 акта 1789 г. съ § 40 и слѣд. закона 1772 г. приводитъ къ тому несомнѣнному заключенію, что власть эта была ограничена. Ср. Германсонъ, I, 55—65; Aschehoug, Marquardsen's Handbuch, стр. 8.

Любопытно, что въ 1790 г. Густавъ III въ бесѣдахъ съ Адлербетомъ высказалъ ту мысль, что онъ хотѣлъ въ сущности сдѣлать изъ риксдага совѣщательную камеру, подъ предсѣдательствомъ короля; но этотъ планъ не осуществился, такъ какъ представители трехъ недворянскихъ сословій на это не соглашались ни въ какомъ случаѣ. Nordenpflicht, „Die schwedische Staatsverfassung“, стр. 327—328.

⁴³⁾ Ординъ, „Покор. Финляндіи“, II, 335—341, 386; Еленевъ, I, 74—120, II, 30 и сл., III, „Prétentions“ 7—23 и сл., IV, Уставъ о воинск. повин., 21—31.

⁴⁴⁾ Неопредѣленность дѣйствующихъ основныхъ законовъ Финляндіи продолжается и до сихъ поръ; это было признано даже съ высоты престола—въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя финл. ген.-губ. отъ 28 февр. 1891 г. (см. Сборн. постановл. в. кн. Финляндскаго, 1891 г., № 13). Въ этомъ рескриптѣ говорится, что „несогласованность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственными узаконеніями и недостаточная опредѣлительность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи, подають, къ сожалѣнію, поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ достиженія цѣлей, общихъ всѣмъ частямъ государства Россійскаго“.

⁴⁵⁾ См. выше, прим. 43.

⁴⁶⁾ Еленевъ, I, 99.

⁴⁷⁾ Борениусъ, стр. 50—51. „Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право

этого, манифестомъ 1886 года ⁴⁸⁾ право законодательной инициативы было предоставлено финляндскому сейму въ формѣ отмѣны пункта 6-го акта 1789 года, который гласилъ: „Государственные чины въ теченіе сейма должны только заниматься тѣми предметами, кои предлагаются королемъ“.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе организаціи и функціи народнаго представительства Финляндіи ⁴⁹⁾. Скажемъ только, что, сообразно второму параграфу устава, сеймъ долженъ созываться, по крайней мѣрѣ, каждыя пять лѣтъ. Затѣмъ, по параграфу 83-му весь сеймовый уставъ признанъ основнымъ закономъ и, согласно параграфу 71-му того же устава, можетъ быть измѣненъ, какъ законъ основной, только по инициативѣ великаго князя съ согласія всѣхъ сословій ⁵⁰⁾.

Что финляндскіе основные законы несовершенны, съ этимъ едва ли кто-либо будетъ спорить. По вѣрному замѣчанію Н. М. Коркунова, вся организація сейма „проникнута строгимъ сословнымъ духомъ“. „Въ основу его дѣятельности положено начало полной сословной разобщенности“ ⁵¹⁾. По его мнѣнію, финскій народъ „продѣлываетъ заднимъ числомъ то, что продѣлала уже страна, когда-то владѣвшая Финляндіей“ ⁵²⁾; что „финляндскія

въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ формѣ правленія отъ 21 авг. 1772 г. и въ актѣ соединенія и охраненія отъ 21 февраля и 3-го апрѣля 1789 г. и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ“. Ср. Daresté, „Les const. modernes“, II, 186; Еленевъ (I, 136—139, и II, 38) объявляетъ эту форму утвержденія „ошибкой“, на которую натолкнули верховную власть „финляндскіе патриоты“, и, по его мнѣнію, надлежитъ какъ можно скорѣе исправить эту ошибку.

⁴⁸⁾ Сборн. постановл. в. к. Финляндскаго, 1886 г., № 22. „Высочайшій Е. И. В. Манифестъ объ измѣненіи §§-овъ 51 и 52 сеймоваго устава в. к-ва Финляндскаго отъ 15 (3) апрѣля 1869 года, заключающемъ въ себѣ дополненіе касательно предоставленія земскимъ чинамъ края права предложенія. Данъ въ Петергофѣ, 25 (13) іюня 1886 г.“ „Мы Александръ III..., объявляемъ чрезъ сіе, что, соотвѣтственно выраженнымъ по § 71 сеймоваго устава отъ 15 (3) апр. 1869 года одобренію и согласію земскихъ чиновъ Финляндіи, Мы признали за благо, съ отмѣною 6 п. акта соединенія и охраненія отъ 21 февр. и 3 апр. 1789 г., Высочайше постановить и повелѣть, чтобы §§ 51 и 52 сказаннаго сеймоваго устава, въ виду дополненія къ оному о предоставленіи земскимъ чинамъ права предложенія, получили слѣдующее измѣненное содержаніе“.

⁴⁹⁾ Mehelin, „Staatsrecht“, 284—305; Коркуновъ, „Гос. право“, II, 150—158.

⁵⁰⁾ Ср. Герм., II, 240—247, объ измѣненіи государственнаго правового положенія Финляндіи.

⁵¹⁾ Русск. гос. пр., II, 158.

⁵²⁾ Русск. гос. пр., II, 151.

учрежденія суть учрежденія совершенно отжившія, давно исчезнувшія въ другихъ странахъ“⁵³⁾).

Съ этимъ положеніемъ нельзя не согласиться⁵⁴⁾, но въдь это вопросы de lege ferenda, и какъ бы ни былъ матеріально несовершененъ законъ, онъ формально все-таки остается закономъ, не взирая ни на какіе вопросы цѣлесообразности⁵⁵⁾).

Если же въ Финляндіи существуетъ верховная власть вышеуказаннаго характера, то отсюда уже логически вытекаетъ то слѣдствіе, что великій князь финляндскій есть нѣчто отличное отъ императора всероссійскаго, и что въ лицѣ русскаго монарха соединяются два различныхъ публично-правовыхъ субъекта. Мы видѣли выше, что только отсутствіе собственной монархической власти въ Финляндіи, только неясно выраженное раздѣленіе субъектовъ—великаго князя и императора заставляютъ Іеллинека отнять у Финляндіи государственный характеръ. Дѣйствительно, это самая трудная сторона дѣла, но разъ мы признаемъ эти двѣ личности совершенно ясно и опредѣленно разграниченными между собою, то для Іеллинека уже не будетъ никакихъ препятствій признать Финляндію государствомъ.

Если Финляндія есть только „русская окраина“⁵⁶⁾, и, слѣдовательно, положеніе объ ея управленіи могло бы найти свое мѣсто въ II томѣ Свода Законовъ, то всѣ признаки самодержавной власти русскаго императора необходимо должны были быть присущи этой власти и при проявленіи ея въ предѣлахъ финляндской окраины. Но этого нѣтъ, и признание тождества власти великаго князя и императора неминуемо приводитъ къ противорѣчіямъ. Инициатива законовъ, принадлежащая въ Россіи исключительно монарху⁵⁷⁾, принадлежитъ въ Финляндіи также и сословіямъ⁵⁸⁾. Отмѣна закона, которая, согласно ст. 73 Зак. Оsn.,

⁵³⁾ Русск. гос. пр., II, 158.

⁵⁴⁾ Германсовъ (I, 66 и слѣд.) дѣлаетъ попытку доказать, что было бы совершенно неправильно считать шведскій общественный строй средневѣковымъ сословнымъ строемъ; но его доводы малоубѣдительны.

⁵⁵⁾ В. М. Грибовскій считаетъ тѣхъ лицъ, которые признаютъ полную законность дѣйствій, основанныхъ (хотя бы и на дурномъ) законѣ, „пѣснопѣвцами насилія“ (Ж. Ю. О. 1896 г. № 9, отдѣл. библ., стр. 32).

⁵⁶⁾ Сборн. статей о Финляндіи, изданный „Московск. Вѣдом.“, называется „Финляндская окраина Россіи“.

⁵⁷⁾ Н. М. Коркуновъ признаетъ право законодательной инициативы и за нѣкоторыми органами подчиненнаго управленія (II, 62—68). Но и при такомъ взглядѣ на дѣло все-таки инициатива принадлежитъ въ Россіи исключительно правительству.

⁵⁸⁾ § 51 сейм. устава.

„происходитъ порядкомъ, означеннымъ..... для составленія законовъ“, то-есть зависить исключительно отъ самодержавной воли монарха,—по отношенію къ финляндскимъ основнымъ законамъ можетъ быть произведена только при согласіи всѣхъ сословій ⁵⁹⁾). Существованіе въ Финляндіи такихъ правовыхъ нормъ съ очевидностью доказываетъ, что характеръ верховной власти въ Финляндіи отличенъ отъ таковой же въ имперіи.

Это противорѣчіе вполне понималъ Ординъ, но, вопреки очевидности, онъ выводилъ отсюда то слѣдствіе, что Александръ I не ввелъ въ Финляндіи шведскихъ конституціонныхъ законовъ ⁶⁰⁾). Не входя въ полемику съ Ординымъ, замѣчу, что, можетъ быть императоромъ оттого не было удѣлено должнаго вниманія на уясненіе этихъ противорѣчій, что онъ считалъ ихъ затрудненіями чисто временнаго характера, возможными лишь впродъ до осуществленія въ Россіи различныхъ проектированныхъ имъ реформъ. Но проектъ реформъ былъ вскорѣ оставленъ, и раздвоеніе юридической личности монарха явилось необходимымъ слѣдствіемъ такого положенія вещей.

Казалось бы, исходъ изъ указанныхъ противорѣчій можетъ быть найденъ въ признаніи юридической раздѣльности между императоромъ и великимъ княземъ. Иеллинекъ говоритъ, что это разграниченіе не можетъ быть допущено на томъ основаніи, что оно не выражено ни въ одномъ юридическомъ актѣ, вслѣдствіе чего порядокъ замѣщенія финляндскаго престола опредѣленъ не финляндскими законами, а закономъ имперскимъ, который можетъ быть и въ дѣйствительности былъ измѣненъ безъ всякаго участія Финляндіи ⁶¹⁾). Слѣдовательно, нѣтъ великаго князя финляндскаго, а есть только императоръ всероссійскій.

Но отсутствіе формальнаго акта, опредѣляющаго раздѣльность верховной власти финляндской и имперской, не можетъ быть признано имѣющимъ рѣшающее значеніе; иначе неминуемо приходится считаться съ противорѣчіями. Что же касается до того обстоятельства, что въ великомъ княжествѣ дѣйствуетъ русскій законъ о престолонаслѣдіи, то этому обстоятельству также не слѣдуетъ приписывать преувеличеннаго значенія. Вѣдь если существуетъ ст. 4 Зак. Осн., гласящая: „Съ Импе-

⁵⁹⁾ § 71 сейм. устава.

⁶⁰⁾ Ординъ, II, 337.

⁶¹⁾ Iellinek, „Staatsfragm.“, 297. Проектъ кодификаціи Финл. Осн. Зак., составленный комиссіей Вейссенберга, признаетъ русскій законъ о престолонаслѣдіи единственнымъ имперскимъ закономъ, примѣнимымъ въ Финляндіи (см. Еленевъ, „Prétentions“, III, стр. 155).

раторскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“, то изъ нея необходимо слѣдуетъ, что лицо, имѣющее право, по русскимъ законамъ, на имперскій престолъ, есть этимъ самымъ великій князь финляндскій. Здѣсь существуетъ аналогія съ ст. 11-ю германской конституціи, опредѣляющей, что „das Präsidium des Bundes steht dem Könige von Preussen zu, welcher den Namen Deutscher Kaiser führt“. Отсюда выводится всѣми признаваемое слѣдствіе, что измѣненіе прусскаго закона о порядкѣ престолонаслѣдія обязательно для имперіи ⁶²⁾. Если прусскій законъ обязателенъ для суверенной Германской имперіи, то отчего же не можетъ быть обратнаго явленія въ Россіи по отношенію къ Финляндіи? На это можно возразить, что если изъ ст. 4 Зак. Осн. вытекаетъ необходимость примѣненія русскаго закона въ Финляндіи, то вѣдь, съ другой стороны, и сама ст. 4 Зак. Осн. есть слѣдствіе законодательнаго акта Русской имперіи, а не Финляндіи. Посмотримъ же, на какихъ источникахъ построена ст. 4. Изъ десяти цитатъ, подведенныхъ подъ этой статьей, спеціально до Финляндіи относятся только три: 1808 года марта 20, 1811 года декабря 11 и 31. Цитаты 1815 и 1832 годовъ имѣютъ отношеніе къ Царству Польскому, а остальные пять цитатъ суть манифесты о восшествіи на престолъ и назначеніи опеки и попечительства на случай кончины императора до совершеннолѣтія наслѣдника. Изъ источниковъ, спеціально относящихся до Финляндіи, главное значеніе имѣетъ манифестъ, объявлявшій русскому населенію о присоединеніи Финляндіи: „Страну сію“. читаемъ мы въ манифестѣ, „оружіемъ Нашимъ, такимъ образомъ, покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи и, вслѣдствіе того, повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство“. Марта 20 (22911). Манифестъ этотъ въ Финляндіи, кажется, опубликованъ не былъ ⁶³⁾, но тамъ былъ изданъ манифестъ отъ 5 (17) іюня, сходный по содержанію съ манифестомъ 20 марта. Въ немъ объявлялось, что „въ чредѣ народовъ скипетру Россіи подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели Финляндіи съ сего времени вос-

⁶²⁾ Ср. G. Meyer, „Deutsches Staatsrecht“, стр. 385.

⁶³⁾ Германсонъ, I, 36, и II, 213 прим., утверждаетъ, что манифестъ 20 марта въ Финляндіи опубликованъ не былъ, у Ордина же (II, 95—96) рассказывается исторія перевода его на шведскій и финляндскій языки для обнародованія въ Финляндіи.

пріяли навсегда свое мѣсто“. Этотъ манифестъ въ Полномъ Собраніи Законовъ напечатанъ не былъ.

Законы 1811 г. о присоединеніи Выборгской губерніи къ Финляндіи и объ ея устройствѣ суть также не только русскіе, но и финляндскіе законодательные акты. О манифестахъ относительно вступленія на престолъ это само-собою разумѣется. Итакъ, ст. 4. Осн. Зак., скомпилированная впервые въ 1832 г., т.-е. черезъ 23 года послѣ заключенія мира, основана на однородныхъ законодательныхъ актахъ финляндскихъ и русскихъ, и, слѣдовательно, выраженное въ ней положеніе есть не только русскій, но и финляндскій законъ, съ той только разницей, что въ Россіи онъ принялъ форму кодификаціонной статьи, въ Финляндіи же онъ скрытъ въ тѣхъ источникахъ, которые подведены подъ ст. 4 и, главнымъ образомъ, въ манифестъ 5 (17) іюня 1808 года⁶⁴⁾.

Все вышеизложенное заставляетъ придти къ тому выводу, что верховная власть въ Финляндіи основывается на финляндскомъ законѣ, и что юридически она отдѣлена отъ имперской верховной власти. Мы видѣли выше, что главной причиной, заставляющей Іеллинека отрицать государственный характеръ Финляндіи, является отсутствіе самостоятельной, отдѣльной отъ имперской, финляндской верховной власти⁶⁵⁾.

Но если вышеприведенныя соображенія правильны, то сомнѣнія Іеллинека должны отпасть, и, слѣдовательно, съ его точки зрѣнія необходимо признать великое княжество государствомъ, но не „краемъ“.

V.

Если Финляндія—государство, то какого же рода соединеніе государствъ представляетъ собою Россійская имперія?

Всѣ сложныя государства можно разбить на три группы:

1) Соединенія на основаніи полного равенства (напр., реальная унія). Члены этого соединенія находятся въ равноправномъ

⁶⁴⁾ Юридическое значеніе Свода законовъ спорно. Коркуновъ („Теорія права“, 332) не считаетъ Сводъ новымъ закономъ. Таганцевъ (Лекціи, § 152) считаетъ Сводъ „единственнымъ непосредственнымъ источникомъ права“. Въ практикѣ, повидимому, 1-му изд. Свода придается значеніе закона, поскольку онъ не отмѣненъ позднѣйшими законодательными актами. Послѣдующія же изданія Свода признаются обязательными лишь настолько, насколько они дѣйствительно воспроизводятъ содержаніе узаконеній, на которыхъ основаны.

⁶⁵⁾ См. выше, стр. 68.

положеніи и не подчинены ни оба вмѣстѣ, ни каждое порознь, никакой высшей, внѣ ихъ стоящей власти.

2) Соединенія на началахъ неравенства. Одно государство имѣетъ въ своемъ подчиненіи другія (напр., Оттоманская имперія).

3) Соединенія, представляющія изъ себя нѣчто среднее между двумя вышепоименованными. Съ одной стороны, члены государственнаго соединенія этого типа находятся по отношенію другъ къ другу въ положеніи равенства (координаціи), но съ другой стороны они соподчинены высшей центральной власти, въ образованіи коей участвуютъ всѣ члены государственнаго соединенія. Примѣромъ можетъ служить союзное государство ⁶⁶⁾.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что соединеніе Финляндіи съ Россіей никоимъ образомъ нельзя подвести подъ соединенія третьей группы, такъ какъ очевидно, что онѣ не соподчинены на равныхъ правахъ никакой высшей власти. Поэтому намъ надо обратить вниманіе только на первыя двѣ группы и подвести подъ одну изъ нихъ изслѣдуемое нами государственно-правовое отношеніе.

Большинство писателей, отстаивающихъ за Финляндіей характеръ государства, опредѣляютъ соединеніе ея съ имперіей какъ реальную унію, т. е. относятъ его къ первой группѣ соединеній. Но это опредѣленіе отношеній Финляндіи къ Россіи должно быть безусловно отвергнуто. Реальная унія есть основанное на договорѣ соединеніе двухъ независимыхъ другъ отъ друга государствъ, въ лицѣ общаго монарха. Правососнованіемъ уніи является договоръ. Бри утверждаетъ, что возможны также случаи образованія уніи на основаніи обычая или даже закона высшаго сувереннаго государства ⁶⁷⁾. Но это утвержденіе неубѣдительно. Во-первыхъ, онъ самъ признаетъ, что всѣ современные уніи основаны на договорѣ ⁶⁸⁾, въ томъ числѣ и унія Финляндіи съ Россіей. Далѣе, что касается утвержденія, что въ XVII и XVIII вѣкахъ возможны были неза-

⁶⁶⁾ Brie, Grünh. 109—111 „Theorie der Staatenverb.“, 24—26. Ср. G. Meyer, „Staatsrecht“, § 12. Теллинекъ („Staatenverb.“, 58) разбиваетъ госуд. соединенія на двѣ группы: Verbindungen mit Ueber- und Unterordnung der Glieder, m. a. W. völkerrechtliche und staatsrechtliche Verbindungen, но при этой группировкѣ не получаетъ надлежащаго мѣста „союзное государство“, стоящее на рубежѣ между этими двумя группами (ср. Brie Grünh. 109).

⁶⁷⁾ Brie, „Theorie“, 70—71. Grünh, 136—137. G. Meyer, § 12

⁶⁸⁾ Тамъ же, стр. 71, прим. 2.

мѣтные переходы изъ личной уніи въ реальную ⁶⁹⁾, то этотъ примѣръ изъ эпохи феодально-патримоніальнаго государства едва ли можетъ имѣть значеніе въ концѣ XIX вѣка. Наконецъ, что касается утвержденія, что унія можетъ основываться на законѣ верховнаго государства, которому подчинены оба государства, входящія въ унію, то этотъ случай относится къ области вымысла. Дѣло въ томъ, что Бри совершенно правильно вноситъ въ опредѣленіе уніи примѣнимость ея только къ монархіямъ ⁷⁰⁾. Въ такомъ случаѣ основаніе уніи на законѣ высшей, стоящей надъ соединенными государствами воли, возможно только въ союзномъ государствѣ, членами котораго являются и монархіи, т.-е. изъ извѣстныхъ намъ союзныхъ государствъ только въ Германской имперіи. Но въ компетенцію имперіи ⁷¹⁾ на основаніи конституціи, которая построена на томъ принципѣ, что все не предоставленное специально вѣдомству имперіи находится въ вѣдѣніи отдѣльныхъ государствъ, вовсе не входитъ правомочіе соединять два государства, даже вопреки ихъ волѣ ⁷²⁾.

По этимъ соображеніямъ, а также на томъ основаніи, что если кто и утверждаетъ, что Финляндія находится въ уніи съ Россіей, то, главнымъ образомъ, потому, что событіямъ въ Борго весною 1809 года придается договорный характеръ, мнѣ кажется, нѣтъ никакой надобности считаться съ мнѣніями Бри при выясненіи русско-финляндскихъ отношеній ⁷³⁾.

Еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ возникла полемика между финляндскими юристами относительно того, была ли присоединена Финляндія къ Россіи какъ шведская провинція или она заключила въ Борго въ качествѣ государства сепаратный договоръ съ Россіей ⁷⁴⁾. На этой почвѣ вращается споръ и до нынѣшняго времени. Всѣ защитники существованія уніи усматриваютъ договорные элементы въ боргоскихъ событіяхъ и доказываютъ, что Финляндія перестала быть шведской провинціей и преобразилась въ государство еще до Фридрихсгамскаго мира.

⁶⁹⁾ Grünh, стр. 136, № 124.

⁷⁰⁾ „Theorie“, 69—70.

⁷¹⁾ G. Meyer, 209.

⁷²⁾ Ср. по этому поводу Iellinek, „System“, 294, и Laband, Staatsrecht. I, § 13.

⁷³⁾ Поэтому упреки Даниэльсона (II, 7 — 10) и Германсона (II, 235) по адресу Н. М. Коркунова въ томъ, что онъ не опровергаетъ положеній, высказанныхъ Зигфридомъ Бри,—едва ли основательны.

⁷⁴⁾ См. Абовъ, Изъ исторіи ученій финляндскаго государственнаго права. Ж. М. Ю., 1895 г. № 8.

Не отрицая юридическаго значенія за актами въ Борго ⁷⁵⁾ для послѣдующей судьбы великаго княжества, я все-таки не могу признать, чтобы Финляндія находилась въ эпоху перваго сейма въ равноправныхъ отношеніяхъ съ Россіей,—отношеніяхъ, которыя служили бы доказательствомъ самой возможности какихъ-либо договорныхъ соглашеній. Финляндія формально инкорпорирована, какъ часть Шведскаго государства, Фридрихсгамскимъ договоромъ, въ составленіи котораго она не участвовала. Фактически же эта инкорпорация совершилась еще за годъ до заключенія мира. Положимъ, и Норвегія была уступлена Швеціи по Кильскому договору 14 января 1814 года, заключенному между Швеціей и Даніей, но Норвегія этому воспротивилась и даже взялась за оружіе для защиты своей самостоятельности. Такимъ образомъ, тотъ основной законъ 6-го августа 1815 года, на которомъ покоится реальная унія обоихъ государствъ, является по своей формѣ договоромъ, заключеннымъ между двумя воюющими державами ⁷⁶⁾.

Центръ тяжести лежитъ, въ сущности, не здѣсь; унія между Россіей и Финляндіей невозможна не только потому, что великое княжество было присоединено къ Россіи какъ шведская провинція, но, главнымъ образомъ, потому, что между двумя государствами, изъ которыхъ одно суверенно, а другое нѣтъ, уніи быть не можетъ ⁷⁷⁾.

Когда одно изъ государствъ подчинено другому, то нѣтъ соединенія, основаннаго на координаціи, а есть соединеніе, основанное на субординаціи, т.-е. нѣтъ уніи, а есть одностороннее подчиненіе несuverеннаго государства государству суверенному ⁷⁸⁾.

Здѣсь мы соприкасаемся съ понятіемъ суверенитета. Если суверенитетъ и не есть ⁷⁹⁾ необходимый признакъ понятія государства ⁸⁰⁾, то во всякомъ случаѣ онъ получаетъ значеніе въ ученіи о соединеніяхъ государствъ ⁸¹⁾. Я не буду входить въ обсужденіе различныхъ контраверсъ, возникшихъ въ литературѣ относительно этого понятія; скажу только, что суверен-

⁷⁵⁾ Германсонъ, I, 45, II, 126—128.

⁷⁶⁾ Iellinek, „Staatsverb.“, 223; Dareste, II, 102; Aschehoug.

⁷⁷⁾ Ср. Iellinek, „Staatsverb.“, 204, 205. „System“, 295.

⁷⁸⁾ Ср. Германсонъ, II, 101—108.

⁷⁹⁾ Вопреки мнѣнію Seydel'я, Zorn'a, Borel'я и др.

⁸⁰⁾ Это признается: Лабандомъ, Иеллинекомъ, Г. Мейеромъ, Бри, Розинномъ и др.

⁸¹⁾ Iellinek, „Staatsverb.“, 58; Розинъ, „Souveränität“ etc., 38; Liebe, „Studien“, I, 6—7, 48. Brie („Theorie“, 10) признаетъ, что основаніемъ для группировки

ное государство находится въ обладаніи высшей властью, т.-е. оно не только не подчинено никакой другой власти, но и само обладаетъ болѣе высокой властью, чѣмъ всѣ входящіе въ него союзы. Слѣдовательно, понятіе суверенитета есть въ сущности понятіе отрицательнаго характера; оно не опредѣляетъ положительныхъ правомочій, присущихъ суверенной власти⁸²⁾, а выдвигаетъ только отрицательный моментъ, а именно—что суверенная власть не имѣетъ надъ собою никакой другой власти, которая имѣла бы право связывать ее своими нормами⁸³⁾. Суверенное государство можетъ быть юридически связано только по собственной волѣ⁸⁴⁾.

Если, исходя изъ этихъ соображеній, мы взглянемъ на соединеніе Финляндіи и Россіи, то съ очевидностью выступаетъ тотъ фактъ, что Финляндія находится въ отношеніи подчиненія къ суверенной имперіи, что есть цѣлая область государственныхъ функцій, изъятая изъ компетенціи Финляндіи,—область, въ которой интересы несuverенной Финляндіи должны безусловно быть подчинены интересамъ имперіи⁸⁵⁾. Послѣдствіемъ инкорпораціи великаго княжества является не только то обстоятельство, что международные интересы Финляндіи находятся въ рукахъ Россіи, но и вообще Финляндія не есть субъектъ международнаго права. По отношенію къ иностраннымъ державамъ Россія есть единое государство⁸⁶⁾.

Если Норвегія и Венгерія фактически и не обладаютъ международнымъ представительствомъ, то это основано исключительно на началахъ цѣлесообразности, юридически же онѣ имѣютъ полное право имѣть отдѣльныхъ представителей. Извѣстно даже, что въ Норвегіи партія сепаратистовъ требуетъ учрежденія норвежскихъ консульствъ, отдѣльныхъ отъ Швеціи. Ничего подобнаго нѣтъ въ Финляндіи, она не только не можетъ имѣть собственныхъ представителей, но даже ея существова-

соединеній государствъ суверенитетъ служить не можетъ, но нѣкоторое значеніе для различія отдѣльныхъ группъ суверенитетъ имѣетъ. Laband, I, 52 и сл. G. Meyer (§ 6, № 6) говоритъ: „Gerade für die Bestimmung des Verhältnisses mehrerer Gemeinwesen zu einander besitzt er (der Souveränitäts-Begriff) eine erhebliche Bedeutung.“

⁸²⁾ Laband, I, 67; Iellinek, „Gesetz und Verordn.“, 196—200.

⁸³⁾ Laband, I, 67.

⁸⁴⁾ Iellinek, „Staatsverb.“, 34.

⁸⁵⁾ Тѣ государственные интересы, при выполненіи коихъ Финляндія является частью имперіи, разобраны у Германсона, II, 226—240.

⁸⁶⁾ См. объяснительную записку къ проекту уголовного уложенія, т. I, гл. I (Спб., 1895 г.).

ніе не обезпечено никакими международными актами. Если Россія, въ нарушение правомѣрнаго порядка, уничтожить обособленность Финляндіи, то ей не придется давать по этому поводу никакихъ объясненій иностраннымъ державамъ. Это есть дѣло чисто внутренняго характера, не могущее подлежать международному обсужденію. Это съ такой очевидностью доказываетъ несuverенность Финляндіи и ея зависимость отъ Россіи, что о существованіи реальной уніи между ними не можетъ быть никакой рѣчи. А потому въ детальное обсужденіе тѣхъ доводовъ, которые приводятся въ пользу уніи и которые кроются въ толкованіи спорныхъ по своему юридическому значенію событій въ Борго, до заключенія Фридрихсгамскаго мира,—мы входить не будемъ.

Но если соединеніе Финляндіи не подходитъ ни подъ I, ни подъ III группу, то его мѣсто—во II группѣ соединеній на началахъ неравенства, на началахъ подчиненія.

Дѣйствительно, въ послѣднее время въ литературѣ⁸⁷⁾ встрѣчаются мнѣнія, основывающія соединеніе Финляндіи на началахъ подчиненія и констатирующія черты сходства между отношеніями Финляндіи и Россіи, со одной стороны, и Турціи къ подчиненнымъ ею вассальнымъ княжествамъ—съ другой. Между отношеніями Болгаріи, напр., къ Турціи и Финляндіи къ Россіи есть нѣкоторыя черты сходства⁸⁸⁾.

Какъ Болгарія, такъ и Финляндія суть два несuverенныхъ государства, находящихся въ отношеніи подчиненія къ суверенному государству⁸⁹⁾. Какъ Болгарія, такъ и Финляндія не

⁸⁷⁾ Danielson, П. Германсонъ, „Государственное правовое положеніе Финляндіи, 1892. Bornhak, „Einseitige Abhängigkeits-Verhältnisse“, 1896.

⁸⁸⁾ Еленевъ („Ученіе о финляндскомъ государствѣ“, стр. 30) находитъ „изумительной“ ту теорію, по которой „Александръ III, какъ великій князь финляндскій, есть вассалъ Александра III, какъ Императора Россійскаго“. Напомнимъ, что король прусскій, которому въ то же время принадлежитъ первенство (Präsidium) въ имперіи, находится въ аналогичномъ положеніи. Никого не удивляетъ, что прусскій король, напр., въ отношеніи командованія арміей подчиненъ германскому императору (конст., §§ 63—68), т. е. самому себѣ. V. Stengel („Staatsrecht des Königreichs Preussen“ 1894, стр. 575) говоритъ: „Da der König von Preussen gleichzeitig Deutscher Kaiser ist, so tritt in Preussen die Theilung der Befugnisse zwischen Landesherr und Kaiser äusserlich nicht zu Tage. Trotzdem besteht rechtlich die Sonderung zwischen den beiden Gruppen von Befugnissen und ist sie auch für die Entscheidung von Fragen namentlich auf dem Gebiete der sogenannten Militärverwaltung von massgebender Bedeutung.“

⁸⁹⁾ См. Iellinek, „Staatenverb.“, 147—150; Германсонъ, II, 65—70; Bornhak, I, 52; Brie, „Theorie“, 28—37.

суть субъекты международнаго права⁹⁰⁾. Какъ въ Болгаріи, такъ и въ Финляндіи основныя законы, обусловливающіе ихъ самостоятельность, не могутъ быть измѣнены безъ ихъ согласія⁹¹⁾. Но между ними есть также различіе, имѣющее крупное юридическое и политическое значеніе. А именно, Болгарія имѣетъ собственнаго монарха, тогда какъ великій князь финляндскій соединенъ въ одномъ лицѣ съ русскимъ императоромъ. Если это единство монарховъ, составляя одинъ изъ юридическихъ признаковъ понятія уніи, и наталкиваетъ на неправильное утвержденіе о существованіи уніи между Финляндіей и Россіей, то съ другой стороны, эта же общность монарховъ является препятствіемъ для признанія отношенія Россіи къ Финляндіи аналогичнымъ съ отношеніемъ сюзереннаго государства къ вассальному.

Такъ, Борнгакъ прямо говоритъ⁹²⁾, что „отношеніе Финляндіи къ Россіи было бы совершенно тождественнымъ съ отношеніемъ Болгаріи къ Турціи, если бы султанъ былъ въ то же время княземъ болгарскимъ“. Но такъ какъ этого нѣтъ, то Борнгакъ для опредѣленія изслѣдуемаго явленія воскрешаетъ старое понятіе „неполной инкорпораціи“.

Ходъ разсужденій Борнгака слѣдующій: Финляндія на сеймѣ въ Борго образовала изъ себя государство подъ властью русскаго императора, какъ великаго князя. Только послѣ этихъ событій былъ заключенъ миръ между Швеціей и Россіей, признавшей данное состояніе вещей. Эти событія не даютъ основаній причислять соединеніе имперіи съ великимъ княжествомъ къ уніи (личной или реальной) или считать Финляндію за провинцію. Личную унію исключаетъ постоянное, лишенное случайностей, правовое соединеніе обоихъ государствъ. Для реальной уніи нѣтъ равноправности положенія этихъ политическихъ образований. Но Финляндія не есть также провинція—это скорѣе государство, управляющееся сообразно собственнымъ конституционнымъ законамъ. Но государствомъ Финляндія является только по отношенію къ своимъ подданнымъ и къ имперіи, что и лишаетъ возможности подвести это соединеніе подъ какой-нибудь извѣстный типъ соединеній государствъ, основанныхъ на подчиненіи⁹³⁾, а потому Борнгакъ относитъ это соединеніе къ неполной инкорпораціи.

⁹⁰⁾ Мартенсъ, „Международное право“, т. I, 257.

⁹¹⁾ Самостоятельность Болгаріи гарантирована, кромѣ того, актами Берлинскаго конгресса 1878 г.

⁹²⁾ „Abhäng. Verh.“, 65.

⁹³⁾ Ibid, 63—65.

Не говоря уже о томъ, что это устарѣлое понятіе неполной инкорпорации настолько же противорѣчитъ современной идеѣ государства, какъ и понятіе дѣлимости суверенитета ⁹¹⁾, такое рѣшеніе дѣла все-таки не даетъ отвѣта на вопросъ: что такое не вполне инкорпорированная страна—провинція или государство? Борнгакъ объявляетъ, что Финляндія—государство, но не потому, что она „не совершенно инкорпорирована“, а потому, что она управляется по собственнымъ законамъ ⁹²⁾. Выходитъ, что Финляндія—государство потому, что она не вполне инкорпорирована, но не вполне инкорпорирована потому, что она—государство ⁹³⁾.

Также и Германсонъ ⁹⁴⁾ изъ-за формальнаго признака общности монарховъ не считаетъ возможнымъ отнести Россійскую имперію къ типу вассальнаго государства.

Нельзя отрицать, что эта особенность имѣетъ юридическое, а главнымъ образомъ — политическое значеніе. Но сочинять ради этой характерной особенности разсматриваемаго нами соединенія какую-нибудь новую юридическую фигуру, или во что бы то ни стало настаивать на полной параллели этого соединенія съ отношеніемъ Турціи къ Болгаріи — и бесполезно и неправильно. Достаточно въ общихъ чертахъ отмѣтить его правовыя основанія, а жизнь уже сама дастъ ему болѣе опредѣленную форму въ предѣлахъ, намѣченныхъ правомъ.

Д. В. Философовъ,

Дѣйствительный членъ

С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

⁹¹⁾ Iellinek, „Staatenverb.“, 68—70.

⁹²⁾ Борнгакъ, I, 65.

⁹³⁾ Въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ „Allgemeine Staatslehre“ Bornhak уже не упоминаетъ объ „incorporatio minus plena“ и говоритъ, что отношеніе Финляндіи къ Россіи есть „ein rechtlich der Suzeränität entsprechendes, aber politisch wesentlich abweichendes Verhältniss“ (стр. 219).

⁹⁴⁾ II, 115.

КЪ ИСТОРИИ МЕЖЕВОГО ДѢЛА.

(Замѣтка по поводу слуховъ о реформѣ межевой части).

Въ послѣднее время въ печать проникли слухи о преобразованіи межевой части въ Россіи; газеты сообщали, что при Государственномъ Совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Н. И. Стояновскаго, образована коммиссія для разсмотрѣнія межевого проекта, представленнаго министерствомъ юстиціи. Такимъ образомъ, тридцатилѣтнія надежды межевыхъ на реформу близятся какъ-будто къ осуществленію, и мы, можетъ-быть, вскорѣ увидимъ паденіе обветшалаго, полусгнившаго зданія межевыхъ учрежденій и законовъ. Ихъ ветхость и несоотвѣтствіе современнымъ нуждамъ землевладѣнія и общественной жизни давно чувствовалась и сознавалась; попытки радикальной реформы межевого дѣла уже имѣютъ свою тридцатилѣтнюю исторію и, надо замѣтить, весьма поучительную.

Первая попытка относится къ началу 60-хъ годовъ, когда, съ обновленіемъ государственнаго и общественнаго строя Россіи, особенно рельефно выступили всѣ несообразности и анахронизмы межевыхъ законовъ императрицы Екатерины II. Въ 1863 году была учреждена, подъ предсѣдательствомъ Буткова, коммиссія для выработки новаго межевого устава примѣнительно къ главнымъ началамъ преобразованія судебной части въ имперіи; эта коммиссія, на основаніи матеріала, собраннаго чинами межевого вѣдомства и изданнаго въ пяти частяхъ подъ заглавіемъ „Матеріалы для преобразованія межевой части въ Россіи“, составила проектъ новаго устава, принявъ въ принципѣ переходъ всѣхъ судебно-межевыхъ дѣлъ въ вѣдѣніе общихъ судовъ и подчинивъ межеваніе частной инициативѣ. Въ 1870 году управляющій межевою частью И. М. Гедеоновъ, дѣятельности кото-

раго многимъ обязаны предпринятая работы, оставилъ межевое вѣдомство; къ тому же времени относится окончаніе пересмотра проекта во II отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи; съ этого момента дальнѣйшее движеніе его приостановлено.

Семидесятые года представляются періодомъ какого-то ревниваго обереганія старыхъ межевыхъ порядковъ; общая реформа вѣдомства была позабыта, а частичныя измѣненія въ судебно-межевомъ разбирательствѣ и кое-какія упрощенія въ дѣлопроизводствѣ служили слабымъ отзвукомъ общихъ реформъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ „полная безпринципность межевой практики,—говоритъ С. Д. Рудинъ,—явное несоотвѣтствіе межевыхъ законовъ съ новыми началами судебной реформы и городского и земскаго самоуправления, отсутствіе опредѣленныхъ правилъ для регулированія поземельныхъ отношеній, явившихся какъ слѣдствіе крестьянской реформы, до крайности устарѣлые техническіе приемы,—все это заставило снова взяться за дѣло реформы межевой части“¹⁾. Примѣнительно къ предполагавшемуся введенію ипотечной системы, въ 1882 году при межевомъ управленіи былъ составленъ проектъ новаго устава и разосланъ для обсужденія въ подвѣдомственные учреждения, а также напечатанъ былъ въ „Межевомъ Вѣстникѣ“ (№№ 3 и 4 за 1883 г.). Новый проектъ далеко уступалъ своему предшественнику въ рациональности и обдуманности проектируемыхъ положеній, было сдѣлано отступленіе отъ принципа частной инициативы, а многія статьи страдали неясностью и шаткостью. Въ какой степени проектъ 1863 г. обязанъ неуспѣхомъ внѣшнимъ условіямъ, въ такой же степени новый проектъ носилъ въ себѣ невозможность своего осуществленія.

Въ силу ли непріятнаго впечатлѣнія отъ гласнаго обсужденія проекта въ 1883 г., или по инымъ соображеніямъ, послѣдующія работы были ведены въ кабинетной типѣ канцелярій, и проектъ 1888 года явился продуктомъ дѣятельности комиссій, образованныхъ изъ высшихъ представителей межевого вѣдомства; послѣ негласнаго канцелярскаго обсужденія новый проектъ, наконецъ, былъ напечатанъ и къ нему составлена очень обширная пояснительная записка. Въ главныхъ чертахъ онъ напоминаетъ проектъ 1863 года и нерѣдко вмѣстѣ съ нимъ раздѣляетъ его недостатки; съ другой стороны, въ устройствѣ межевого

¹⁾ „Къ вопросу о реформѣ межевой части“ („Меж. Вѣстн.“ 1883 г. №№ 1, 2, 4, 6).

вѣдомства по проекту 1888 года сказалось вліяніе времени съ его стремленіемъ къ правительственной опекѣ.

Не касаясь детальнаго обзора этихъ проектовъ, я остановлюсь на историческомъ ходѣ межевого дѣла, тѣмъ болѣе, что вышеозначенныя комиссіи не оставили безъ вниманія этой стороны,—въ ихъ трудахъ мы нерѣдко находимъ историческое освѣщеніе проектируемыхъ правилъ. Въ мою задачу войдетъ лишь бѣглый обзоръ основныхъ моментовъ исторіи межеванія съ бытовой точки зрѣнія,—съ той точки зрѣнія, о которой мнѣ приходилось уже говорить по поводу книги Германа ¹⁾. Мнѣ думается, нѣсколько общихъ замѣчаній, на основаніи печатнаго матеріала, съ этой точки зрѣнія, прибавятъ кое-какіе новые штрихи къ характеристикѣ историческаго хода межевыхъ работъ и тѣмъ самымъ представятъ болѣе вѣрное и ясное историческое толкованіе межевыхъ принциповъ и нормъ прежняго законодательства. Большее вниманіе мы обратимъ на цѣли и инициативу межеванія въ различные періоды русской исторіи и отмѣтимъ частно правовой характеръ межеванія въ отличіе отъ кадастровыхъ описаній.

На протяженіи всей многовѣковой исторіи межеванія выступаютъ два рода межевыхъ работъ, опредѣляемыхъ терминологіей Свода Законовъ: 1) государственное межеваніе съ цѣлью „приведенія въ извѣстность количества земель и угодій, какъ всѣхъ вообще, такъ въ частности казнѣ принадлежащихъ“, и 2) „утвержденіе спокойствія владѣльцевъ постановленіемъ правильныхъ и несомнѣнныхъ границъ поземельнаго владѣнія“. Съ нашей точки зрѣнія крайне интересно прослѣдить судьбу и взаимодѣйствіе двухъ основныхъ типовъ межеванія съ ихъ различными цѣлями.

Въ первомъ періодѣ, конецъ котораго можно отнести ко второй половинѣ XV ст., эти двѣ цѣли рѣзко раздѣляются въ межевой практикѣ и преслѣдуются совершенно различными путями. Первая цѣль находитъ выраженіе въ переписяхъ населенія, а вторая, за рѣдкими исключеніями, достигается однѣми законодательными нормами; первая составляетъ одну изъ функцій правительственной власти, вторая вполнѣ зависитъ отъ инициативы землевладѣльцевъ. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно развитія указанныхъ отдѣловъ первичнаго межеванія.

Восточно-европейская равнина, гдѣ поселились наши предки, была покрыта сплошными непроходимыми лѣсами и обладала

¹⁾ Во 2-мъ томѣ „Сборника Правовѣднія“.

множествомъ болотъ, озеръ и рѣкъ. Такой характеръ страны обуславливалъ преобладаніе звѣроловныхъ, пчеловодныхъ и рыбныхъ промысловъ надъ земледѣльческимъ трудомъ. Благодаря рѣдкости населенія и обширности страны, этотъ послѣдній имѣлъ подвижной и хищнической характеръ. „Ежели въ XVI ст. возможно было,—говоритъ И. Д. Бѣляевъ,—бросать расчищенную землю и селиться на другой, конечно въ X, XI и XII ст. это было гораздо удобнѣе, и для тогдашняго хозяйства выжиганіе лѣса и подыманіе цѣлины представляло болѣе выгоду, нежели удобреніе земли, истощенной многократными посѣвами“³⁾. Все вышесказанное свидѣлствуетъ о малоцѣнности земель въ глазахъ древне-русскаго человѣка; первоначальное занятіе земли служило основаніемъ права собственности, а границы опредѣлялись полетомъ птицъ, коровьимъ рыкомъ, поемомъ водъ.

Съ другой стороны, принимая во вниманіе слабое развитіе юридическихъ понятій въ первоначальную эпоху русской исторіи, мы необходимо должны придти къ тому выводу, что собственно межеваніе, какъ разграниченіе поземельной собственности, не имѣло мѣста во времена удѣловъ и монгольскаго ига,—оно ограничивалось частными случаями установленія, а съ развитіемъ письменности и описанія границъ при совершеніи юридическихъ сдѣлокъ въ случаяхъ перехода поземельныхъ владѣній отъ однихъ лицъ къ другимъ. Если имѣлась потребность въ установленіи границъ, то землю отводило одно изъ заинтересованныхъ лицъ въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей, но безъ участія какой-либо общественной власти. Юридическое межеваніе, въ продолженіе всего періода, лежало на доброй волѣ землевладѣльцевъ и скорѣе было необходимымъ придаткомъ, а не самостоятельнымъ правовымъ институтомъ.

Болѣе замѣтное вліяніе оказали событія даннаго періода на видоизмѣненія другого вида межевыхъ работъ, имѣвшаго своимъ основаніемъ финансовыя задачи.

Появленіе княжеской власти среди славянъ и платимая ими дань положили начало переписямъ. Русскіе князья, съ распространеніемъ своихъ владѣній и усложненіемъ отношеній къ подданнымъ, въ началѣ удѣльнаго періода, должны были перейти отъ огульнаго собиранія дани, отъ такъ называемаго полюдья, къ другимъ способамъ, основаннымъ на распредѣленіи ея между всѣми жителями; въ большинствѣ случаевъ это влекло за собой

³⁾ „Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Руси“ (Врем., 22 т.).

перепись населенія и его имущества, о чемъ и свидѣлствуютъ уставныя грамоты нѣкоторыхъ князей. Монгольское владычество увеличило количество и значеніе переписей, которыя первоначально производились самими монголами. Около 1245 г. была сдѣлана перепись жителямъ Кіева и южной Россіи; въ 1257 г. — жителямъ центральной Россіи (Суздальскому краю) и въ 1259 г. — Новгороду; въ 1273 г. была произведена вторичная перепись. О позднѣйшихъ переписяхъ сохранились лишь нѣкоторыя указанія, между тѣмъ самое собраніе дани перешло въ руки князей. Увеличеніе поборовъ съ населенія вслѣдствіе сбора дани въ ханскую казну вынуждало князей распространять финансовыя описанія земель; для этого рода дѣятельности князья имѣли особыхъ чиновниковъ, именовавшихся писцами, описчиками, бѣльщиками. „Главнѣйшимъ дѣломъ писца,—говоритъ К. А. Неволинъ,—было, описавши источникъ дохода каждаго изъ мѣстныхъ жителей, раздѣлить ихъ на сохи и опредѣлить, какого рода и въ какомъ количествѣ они должны платить подати и исправлять повинности“⁴⁾.

Съ возрастаніемъ власти московскихъ князей, съ увеличеніемъ ихъ земельныхъ владѣній, характеръ финансовыхъ описаній постепенно получаетъ оттѣнокъ вмѣшательства княжеской власти въ опредѣленіе границъ поземельной собственности; фискальныя задачи описаній осложняются опредѣленіемъ земельныхъ владѣній князей; раздача же помѣстій постепенно мѣняетъ частно-правовой характеръ установленія поземельныхъ границъ.

Въ слѣдующемъ періодѣ,—періодѣ писцовыхъ межеваній, въ зависимости отъ развитія помѣстной системы, работы по описанію земель окончательно обращаются къ распредѣленію поземельной собственности между служилыми людьми, между помѣщиками и вотчинниками; въ обязанности писцовъ входятъ не только описанія казенныхъ и частныхъ владѣній и опредѣленіе платежной способности ихъ, но и повѣрка поземельныхъ правъ владѣльцевъ, ревизія и редуція земельной собственности. Съ Ивана Грознаго побудительной причиной послышки писцовъ являются не финансовыя соображенія, а потребность въ правильномъ распредѣленіи помѣстныхъ и вотчинныхъ земель между служилымъ сословіемъ. Въ силу общественныхъ условій, частное землевладѣніе приобретаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ государственный характеръ, а два отдѣльные вида межевыхъ работъ сливаются въ писцовыхъ межеваніяхъ и получаютъ обязатель-

⁴⁾ „Объ успѣхахъ государственнаго межеванія“ (Сочин., 6-й т.).

ный характеръ; на-ряду съ этимъ является мысль о валовомъ всеобщемъ размежеваніи Россіи.

Характеръ московскаго государства, его понятія и состояніе общественности обусловили новое движеніе въ сферѣ межевого права. Постепенное образованіе московскаго государства тѣсно связано съ развитіемъ идеи единоцарствія и самодержавія, въ чемъ и находятъ свое объясненіе многія явленія политической жизни того времени. Историческій ходъ событій до-монгольскаго и московскаго періодовъ необходимо вліялъ на сплоченіе государственныхъ силъ Россіи и въ высшей степени способствовалъ распространенію византійскаго ученія о происхожденіи и значеніи царской власти. Власть московскаго государя почти не знала никакихъ ограниченій; по понятіямъ того времени, царь былъ полнымъ хозяиномъ-владыкою какъ государственной территоріи, такъ и лицъ, населяющихъ ее. „Такая власть,—говоритъ В. О. Ключевскій,—была здѣсь не вчерашнимъ явленіемъ: она прямо развилась изъ значенія удѣльнаго князя-хозяина, окруженнаго слугами, холопами“⁵⁾. Московскіе государи усвоили взглядъ своихъ предковъ на отношенія къ своимъ подданнымъ и, главнымъ образомъ, къ служилому сословію. Во взаимодействіи политическихъ понятій и расшатанности экономическаго строя московской Руси и лежитъ основная причина того порядка поземельныхъ отношеній, который извѣстенъ подъ именемъ помѣстнаго права.

Зародыши помѣстной системы можно видѣть еще въ обычаяхъ удѣльныхъ князей жаловать своихъ дружинниковъ землею за службу. Истощеніе государственной казны во времена монголовъ, скопидомство московскихъ князей и большое количество свободныхъ княжескихъ земель способствовали распространенію стараго обычая пожалованій, который, наконецъ, при Иванѣ III получилъ опредѣленную организацію въ помѣстной системѣ. На-ряду съ этимъ развивается мысль о принадлежности всей русской территоріи князьямъ; вотчинники и помѣщики являются лишь владѣльцами земель, а не полными собственниками. „Съ одной стороны,—говоритъ В. П. Мордухай-Болтовскій,—вотчинникъ среди своего владѣнія является самовластнымъ хозяиномъ, и съ этой стороны право его твердо, но у этого права нѣтъ самостоятельности: оно принадлежитъ вотчиннику настолько, насколько онъ служилый человѣкъ и подручникъ княжескій“⁶⁾.

⁵⁾ „Боярская дума въ древней Руси“. М. 1882 г.

⁶⁾ „Межевые законы“. Спб. 1893 г.

Такимъ путемъ поземельная собственность въ понятіяхъ общества стала носить характеръ государственнаго происхожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтаетъ большее значеніе; правительство начинаетъ также нуждаться въ правильномъ распредѣленіи земель между владѣльцами, — силою вещей и межеваніе теряетъ частный характеръ и сливается съ финансовыми описаніями земель, при чемъ фискальныя цѣли постепенно вытѣсняются стремленіемъ установить прочныя границы поземельной собственности въ интересахъ административныхъ. Иванъ III, по завѣщанію отца, посылаетъ писцовъ „для сошнаго письма“ въ присоединенныя и присоединяемыя области и города; его сынъ, Василій IV, слѣдуетъ примѣру отца; но уже при Иванѣ Грозномъ оказываются недостаточными подобныя мѣры, и въ 1556 г. царь повелѣлъ служилыхъ людей „въ помѣстьяхъ землемѣріемъ уверстати, и учинити комуждо что достойно, а излишки раздѣлити неимущимъ“.

Въ началѣ XVII ст. въ обязанность писцовъ вмѣняется не одно опредѣленіе платежной способности податныхъ сословій, но и размежеваніе помѣстныхъ и вотчинныхъ дачъ; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ производится большой поземельный сыскъ; къ концу же этого вѣка, по писцовому наказу 1684 г., писцы вовсе устраняются отъ расписыванія жителей на сохи и выти, да и перепись населенія ведена была особо, что видно изъ ссылки наказа на переписныя книги 1678 и 1679 гг. Такимъ образомъ, главной задачей писцовыхъ описаній постепенно становится установленіе границъ, перепись населенія выступаетъ въ качествѣ провѣрки старыхъ правительственныхъ свѣдѣній. Основой писцовыхъ наказовъ, по которымъ производилось межеваніе, былъ административный интересъ распредѣленія поземельной собственности между „государевыми холопами“, а потому межеваніе по наказамъ носить обязательный характеръ; прежнія установленія границъ частными лицами въ присутствіи свидѣтелей теряютъ всякое значеніе и переходятъ въ руки правительства.

Въ обязанности писцовъ входили повѣрка правъ на владѣніе, разбирательство споровъ о границахъ и о владѣніи, отводъ пожалованныхъ земель и другія работы межевого характера; владѣльцы должны были только находиться при межеваніи или высылать повѣренныхъ и предъявлять крѣпости и прочіе документы на право собственности. Высшее наблюденіе надъ писцовыми межеваніями имѣлъ Помѣстный приказъ, въ дѣятельности котораго соединены были задачи межеванія, ипотеки и

кадастра. Здѣсь вѣдались служебныя передвиженія въ помѣстныхъ и вотчинныхъ дачахъ, и совершались всѣ сдѣлки о переходѣ имѣній изъ рукъ въ руки; владѣльцы обязывались заявлять въ Помѣстномъ приказѣ о всѣхъ долгахъ, лежащихъ на ихъ земляхъ; такимъ образомъ, въ немъ сосредоточивались свѣдѣнія о помѣстьяхъ и ихъ владѣльцахъ. Кромѣ того, Помѣстный приказъ былъ слѣдующей за писцами инстанціей межевого суда; на его же обязанности лежала посылка писцовъ по спорамъ, частнымъ просьбамъ и для валовыхъ межеваній. Въ руководство писцамъ въ Помѣстномъ приказѣ составлялись указы; въ 1556 г. Иванъ Грозный повелѣлъ сочинить указъ, о которомъ не сохранилось свѣдѣній; въ 1627 или 1628 г. былъ составленъ новый указъ для всеобщаго размежеванія; наконецъ, съ 1680 по 1686 г. ежегодно составлялись новые или дополнялись старые указы, изъ которыхъ большаго вниманія заслуживаетъ указъ 1684 г.

Несмотря на то, что постановленія послѣднихъ писцовыхъ указовъ отличались достаточной опредѣленностью, производство межеванія во многомъ еще покоилось на стародавнемъ обычаѣ описанія земель; дачи описывались крайне неопредѣленной мѣрою и съ полнымъ отсутствіемъ геометрическихъ способовъ; вслѣдствіе указанныхъ приѣмовъ, цѣль разграниченія поземельной собственности далеко не могла быть достигнута, а писцовыя межеванія породили большую путаницу въ поземельномъ владѣніи. Посошковъ въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ слѣдующимъ образомъ отзывается о результатахъ писцовыхъ межеваній: „а сіе весьма неправо дѣется: писцы и переписчики и дозорщики пустоши и жилыя деревни, какъ коя слыветъ именно, пишутъ, и колико въ коемъ урочищѣ четвертныя пашни и сѣнные покосы, пишутъ же и пишучи, не тобъ, чтобы ее смѣрять, но и глазами не выдавъ, пишутъ все по крестьянскимъ сказкамъ... И въ такомъ расположеніи только одна смута“. Путаница землевладѣнія и была движущей пружиной попытокъ какъ валовыхъ, такъ и генеральныхъ межеваній. Реформа Петра Великаго прежде всего коснулась техники межеванія; въ 1719 году была сдѣлана первая попытка составить писцовый указъ по правиламъ геометріи; другія государственныя нужды отвлекли вниманіе Петра I, и указъ не былъ оконченъ; при Петрѣ было начато только геометрическое размежеваніе въ Ингерманландіи и другихъ вновь приобрѣтенныхъ губерніяхъ. Такимъ же неуспѣхомъ окончилось составленіе указа при Аннѣ Іоанновнѣ, и только въ 1754 г., при Ели-

саветѣ Петровнѣ, эти работы увѣнчались успѣхомъ. Инструкція 1754 г. установила геометрическое межеваніе, оставивъ въ силѣ юридическія основанія писцовыхъ наказовъ. Въ силу установившагося за время писцовыхъ межеваній обычая, елисаветинскій межевщикъ обязанъ былъ межевать и измѣрять всѣ земли, разсматривая и утверждая права на поземельное владѣніе. Такимъ образомъ была устранена неопредѣленность измѣреній и описаній писцами, но была сдѣлана крупная, генеральная ошибка: составители инструкции не приняли во вниманіе новыхъ условій поземельнаго владѣнія „въ російской имперіи“.

Къ концу XVII в. относится сліяніе вотчинъ съ помѣстьями; въ силу обычая и долговременнаго владѣнія помѣстьями одного и того же служилаго рода различіе вотчинъ и помѣстій теряло свой *raison d'être*. Съ другой стороны, Петръ Великій, при учрежденіи регулярнаго войска, началъ замѣнять старую систему вознагражденія жалованьемъ, а въ 1714 г. уже *de jure* помѣстья сравнены съ вотчинами подъ общимъ именемъ недвижимыхъ имуществъ. Условія поземельнаго владѣнія совершенно измѣнились, а помѣстная система рушилась; характеръ писцовыхъ межеваній, служившихъ основаніемъ этой послѣдней, уже не могъ удовлетворять требованіямъ времени, а потому продолжавшееся на тѣхъ же основаніяхъ генеральное межеваніе должно было произвести еще болѣшую путаницу въ землевладѣніи. Отыскиваніе излишнихъ, такъ называемыхъ примѣрныхъ земель, имѣвшее смыслъ при помѣстной системѣ, съ отмѣною ея теряло свое значеніе; интересы правительства уже не имѣли того мѣста въ распредѣленіи поземельной собственности, получившей частно-правовой характеръ; повѣрка правъ владѣнія могла только осложнять дѣйствія землемѣра, а главное, вредить спокойствію владѣнія; елисаветинская инструкция, положившая въ основаніе юридическіе принципы наказовъ, была анахронизмомъ и возбудила ненависть къ межеванію среди помѣщиковъ. Недовольство было громадно; несмотря на строгость и даже жестокость карательныхъ мѣръ инструкцій, елисаветинское межеваніе сопровождалось упорнымъ сопротивленіемъ и частыми убійствами на междѣ. Если мы къ этому присоединимъ картину грубаго матеріальнаго быта въ помѣстьяхъ, каковою она рисуется, напр., въ „Недорослѣ“ и другихъ произведеніяхъ XVIII ст., намъ понятна будетъ ненависть къ тому межеванію, которое, урѣзывая земли частныя, весьма чувствительно затрогивало матеріальные интересы помѣщиковъ. Значеніе межеванія по елисаветинской инструкціи оказалось крайне ничтож-

нымъ,—за 11 лѣтъ, съ 1754 по 1765 г., обмежевано 359 дачъ съ количествомъ земли около 57 т. десятинъ. Елисаветинская инструкция была заключительнымъ актомъ писцовыхъ порядковъ; новая эра въ межеваніи должна была открыться примѣненіемъ противоположныхъ принциповъ, и, конечно, нетрудно было предугадать оживленіе и восторгъ владѣльцевъ при такомъ предпріятіи.

Сознаніе ошибокъ ея предшественницы и гуманное направленіе первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II создали знаменитый манифестъ 19 сентября 1765 г. и затѣмъ обезпечили успѣхъ предпринятаго межеванія. „Сей славный манифестъ о межеваніи,—говоритъ современникъ его, А. Т. Болотовъ,—произвелъ во всемъ государствѣ великое потрясеніе умовъ и всѣхъ владѣльцевъ деревенскихъ заставилъ много мыслить, хлопотать и заботиться о всѣхъ своихъ земляныхъ дачахъ и владѣніяхъ“. Послѣдовавшая за манифестомъ инструкция 1766 года оставила примѣрныя земли за безспорными владѣльцами, и эта благотворительная мѣра сразу расположила къ себѣ всѣхъ помѣщиковъ; затѣмъ другія практическія мѣропріятія—межеваніе по дачамъ и ослабленіе власти землемѣровъ—ускорили межевыя работы. Совокупность этихъ причинъ и изгнанія началь ревизіи и редукціи земель и создало удивительный успѣхъ екатерининскаго межеванія, хотя оно преслѣдовало въ большой степени чисто-государственные интересы.

Въ самомъ дѣлѣ, генеральное межеваніе по екатерининской инструкціи носитъ отпечатокъ тѣхъ же административныхъ и публично-правовыхъ цѣлей, которыми руководилось прежнее межевое законодательство. Послѣ писцовыхъ описаній еще Петръ В., на-ряду съ составленіемъ наказа въ 1719 г., повелѣлъ-было сочинить поземельныя книги въ финансовыхъ интересахъ, но ограничился затѣмъ одной ревизіей; впослѣдствіи при составленіи инструкцій на первомъ планѣ имѣлось опредѣленіе „количества земель и угодій, какъ всѣхъ вообще, такъ въ частности казнѣ принадлежащихъ“. Государственная власть въ XVIII ст. серьезно нуждалась въ опредѣленіи своихъ силъ и народнаго богатства, такъ какъ основнымъ мотивомъ ея дѣятельности было экономическое и политическое преуспѣяніе Россіи. „Переворотъ, извѣстный подъ именемъ Петровыхъ преобразованій,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—былъ именно тотъ переворотъ, котораго необходимымъ слѣдствіемъ было освобожденіе села черезъ поднятіе города“. Подъемъ экономического быта и регламентація почти всѣхъ сторонъ народной жизни

проникають всѣ реформы Петра В. и дѣятельность его приемниковъ; государственный интересъ является исключительнымъ мѣриломъ всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ предпріятій. Правда, и общественное сознаніе нашихъ предковъ XVIII ст. очень рѣдко восходило выше этихъ понятій: „государевы холопы“ уступили мѣсто классу рабовладѣльцевъ, съ малолѣтства записанныхъ въ тѣ же ряды государственной службы. На такой-то почвѣ создались и дѣйствовали условія екатерининскаго межеванія: законодательницей руководилъ государственный интересъ; нужды и спокойствіе владѣльцевъ были принимаемы въ расчетъ, какъ тормозящія или благоприятствующія условія предпринимавшихся работъ. Передача владѣльцамъ примѣрныхъ земель требовалась для успѣха межеванія, а установленіе границъ безспорныхъ необходимо было въ видахъ внутренняго спокойствія и точнаго опредѣленія экономическихъ силъ государства, которыми послѣ Петровыхъ реформъ замѣняются прежнія платежныя единицы. Нагляднымъ выраженіемъ статистическихъ стремленій Екатерины II были губернскіе атласы съ экономическими и камеральными примѣчаніями. Таковы основныя мотивы межеванія по инструкціи 1766 г.; совпаденіе интересовъ владѣльцевъ и правительства было главною причиною ея успѣха.

При Екатеринѣ II генерально обмежеваны 19 губерній, и въ 5-ти губерніяхъ межеваніе оканчивалось; при Павлѣ I кончено межеваніе въ 4-хъ и начато въ 6-ти губерніяхъ; въ царствованіе Александра I—въ 2-хъ губерніяхъ закончено и въ 3-хъ открыто; въ царствованіе Николая I—въ 7-ми закончено и въ 2-хъ открыто; при Александрѣ II—въ 2-хъ губерніяхъ межеваніе открыто; въ минувшее царствованіе межеваніе въ этихъ губерніяхъ окончено. Мы видимъ изъ сказаннаго, какъ постепенно замирала дѣятельность генеральныхъ землеѣровъ, хотя впереди имъ предстояло немало дѣла. Въ 30-хъ гг. высшими властями, ревизовавшими межевое вѣдомство, констатировано было его плачевное состояніе, а въ 80-хъ гг. дѣятельность пермской комиссіи вызвала нареканія въ своей бесполезности. Мнѣ думается, упадокъ силъ вѣдомства слѣдуетъ именно объяснить замираніемъ генеральнаго межеванія и, кромѣ того, общимъ характеромъ тогдашней администраціи. Въ XVIII ст. исполнителями „мудрыхъ предначертаній императрицы“ были охотники, принадлежавшіе къ различнымъ слоямъ русскаго общества. Къ концу же этого вѣка межевое вѣдомство принимаетъ бюрократическую опредѣленную форму, централизуется

въ Москвѣ, принимаетъ работниковъ, получившихъ спеціальную подготовку, однимъ словомъ—входитъ въ общій правительственный механизмъ и получаетъ его окраску; землемѣръ, органъ исполнительной власти, въ XIX ст. теряетъ характеръ вольнаго техника и обращается въ обыкновеннаго чиновника, глубоко проникнутаго формализмомъ и буквой еще обаятельнаго тогда екатерининскаго закона; плодотворная и успѣшная работа генеральныхъ землемѣровъ смѣняется мелкой канцелярской казуистикой въ исполненіи устарѣлаго закона. Между тѣмъ, назрѣвали новыя задачи, а межевое законодательство не могло ихъ удовлетворить; настоятельно требовалось уничтоженіе чрезполосицы и общаго владѣнія въ дачахъ генеральнаго межеванія ради интересовъ и спокойствія исключительно частныхъ лицъ, а между тѣмъ предлагались мѣры, основанныя на отжившихъ началахъ екатерининской инструкціи. Надо замѣтить, что правительство николаевскаго времени должно было въ особенности сочувствовать генеральнымъ порядкамъ съ ихъ обязательнымъ характеромъ. Замѣчательны слова императора Николая I по поводу переименованія межевыхъ въ военное званіе: посѣщая въ 1849 году Константиновскій межевой институтъ, онъ сказалъ: „Я бы желалъ институтъ поставить на военную ногу,—тѣмъ болѣе, что межевой корпусъ сроденъ съ этимъ; этимъ кончатся мелочные споры на межахъ“ ⁷⁾. По своимъ традиціямъ, правительство видѣло въ межеваніи одно изъ принудительныхъ средствъ къ водворенію спокойствія среди опекаемыхъ имъ владѣльцевъ. Между тѣмъ, сознаніе общества въ XIX ст. было нѣсколько выше и чище грубаго матеріализма своихъ предковъ; нельзя забывать, что это было наканунѣ великихъ реформъ, когда помѣщичья среда насчитывала въ своихъ рядахъ Тургеневыхъ, Аксаковыхъ, Самариныхъ и другихъ убѣжденныхъ противниковъ крѣпостного права. Въ интересахъ владѣльцевъ начинало играть роль не только соблюденіе матеріальныхъ выгодъ, но и сознаніе своего права на землю въ извѣстныхъ опредѣленныхъ границахъ, настоятельно требовавшее уничтоженія общаго владѣнія.

Инструкція 1766 г. позволяла уже спеціально-коштное межеваніе черезъ генеральныхъ землемѣровъ; затѣмъ въ 1806 г. опредѣлены правила спеціальнаго межеванія черезъ уѣздныхъ землемѣровъ; наконецъ, въ 1836 году указомъ отъ 10 февраля

⁷⁾ „Очеркъ исторіи Константиновскаго межевого института“ А. Л. Апухтина.

опубликовано мнѣніе Государственнаго Совѣта о приготовительныхъ мѣрахъ къ спеціальному размежеванію земель въ государствѣ. Этими правилами требовалось собрать вѣрнѣйшія свѣдѣнія о дачахъ общаго и чрезполоснаго владѣнія и въ трехгодовой срокъ согласить владѣльцевъ на полюбовный разводъ. Въ 1839 году учреждены для соглашенія посредническія коммисіи и посредники, а срокъ продленъ еще на два года; по истеченіи назначеннаго срока потребовались новыя отсрочки, и въ 1850 г. срочная мѣра обращена въ безсрочную.

Какъ видно, правительственныя мѣры по жгучему вопросу объ уничтоженіи чрезполосицы не приводили къ желаннымъ результатамъ. Понудительный характеръ въ соединеніи съ канцеляризмомъ и устарѣlostью дѣйствующаго законодательства служилъ главнымъ тормазомъ быстроты и успѣшности работъ; къ тому же, участіе казны въ общемъ владѣніи невыгодно отражалось на ходѣ соглашеній, — представители ея интересовъ имѣли слишкомъ туманное понятіе о государственной собственности. Въ заключеніе всего, въ 1853 г. изданы были правила судебно-межевого разбирательства, въ основаніе которыхъ положена опять-таки инструкція 1766 г. Совокупность всѣхъ указанныхъ условій сильно замедляла спеціальное размежеваніе, а главное—вредно отозвалась на качествѣ его работъ. Результаты спеціальнаго межеванія вопіющимъ образомъ указываютъ на несостоятельность екатерининскихъ законовъ относительно размежеванія общихъ и чрезполосныхъ дачъ; начиная съ приготовительныхъ мѣръ и кончая современными работами въ юго-западныхъ губерніяхъ, постоянно констатируется несоотвѣтствіе сказокъ и плановъ съ натурой, — иными словами, многое совершается лишь на бумагѣ за невозможностью или недобросовѣстностью исполненія. Принудительный характеръ межеванія, несоотвѣтствіе закона современнымъ требованіямъ, косность и формализмъ межевого вѣдомства влекутъ за собой неуспѣхъ межеванія и сомнительное равнодушіе общества къ нему и къ его исполнителямъ. Въ межевой литературѣ за 1883—84 гг. появился спеціальныя журналы, гдѣ нѣсколько статей было посвящено недостаткамъ межевого дѣла; изъ этихъ статей, написанныхъ близко знакомыми съ дѣломъ лицами, явствуетъ полный анахронизмъ нынѣшняго межевого строя, что въ особенностяхъ замѣчается послѣ освободительныхъ реформъ Александра II. Старый межевой судъ, въ главныхъ чертахъ сохранившійся до сего времени, подвергся слабымъ перемѣнамъ, и, понятно, его существованіе ничѣмъ не оправдывается; другія

реформы коснулись чисто земельных интересовъ, сильно качнули старое зданіе помѣщичьяго быта, пробудили русское общество отъ крѣпостного сна къ общественной самодѣятельности, а межевое вѣдомство съ устарѣвшими законами Екатерины II мирно почиваетъ въ своемъ консерватизмѣ и формализмѣ былыхъ временъ; общественная жизнь вокругъ него кипитъ, волнуется и сокрушаетъ его старыхъ товарищей, а его бытіе хочетъ повторить легенду о вѣчномъ жидѣ.

Подводя итоги нашего обзора исторіи межеванія съ точки зрѣнія развитія общественности, необходимо, думается намъ, сдѣлать слѣдующій выводъ изъ уроковъ прошлаго: изученіе всѣхъ періодовъ межеванія указываетъ, что 1) межеваніе составляетъ право, а не обязанность землевладѣльцевъ, оно носитъ частно-правовой характеръ; фискальныя и кадастровыя задачи составляли особый видъ описаній и вторгались въ область межеванія только въ силу политическихъ понятій даннаго періода; что, какъ отсюда слѣдуетъ, 2) успѣхи и направленіе межеваній въ большой мѣрѣ зависятъ отъ состоянія и правосознанія общества. Наконецъ, замѣтной нитью проходитъ черезъ всѣ періоды стремленіе законодательства и землевладѣльцевъ къ полюбовному разводу и мѣстному разбирательству межевыхъ споровъ.

Въ практическомъ приложеніи сказаннаго къ современной дѣйствительности, краеугольными камнями новаго зданія межевой части должны быть: 1) переходъ всѣхъ судебно-межевыхъ дѣлъ въ общія судебныя установленія, вѣдѣнію которыхъ подлежатъ всѣ вообще дѣлки гражданского характера; 2) строгое проведеніе въ жизнь принципа частной инициативы въ межеваніи; 3) наиболѣе интенсивное участіе заинтересованныхъ владѣльцевъ и 4) самостоятельность землебра, какъ техника и первоначальнаго примирителя заинтересованныхъ сторонъ.

Какимъ же образомъ воспользовались уроками исторіи составители прежнихъ проектовъ? Разборъ частныхъ положеній этихъ проектовъ, основанный на детальномъ изученіи современнаго межевого строя, въ нашу задачу не входитъ, и мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями относительно общихъ принциповъ, легшихъ въ основу указанныхъ проектовъ. Комиссія 1863 г., дабы согласовать межевое законодательство съ Судебными Уставами императора Александра II, нашла необходимымъ не только передать всѣ судебно-межевыя дѣла въ вѣдѣніе общихъ судовъ, но и строго провести въ межеваніи принципъ частной инициативы; проектъ по цѣлесообразности и глу-

бинѣ своихъ основныхъ положеній представляетъ прекрасный памятникъ теоретической мысли въ сферѣ межевой литературы; неуспѣхъ его всецѣло слѣдуетъ отнести къ излишней сложной организаціи межевого вѣдомства, требовавшей значительныхъ расходовъ. Кромѣ того, прекрасная мысль объединенія землемѣрныхъ техническихъ работъ мѣшала болѣе рациональному проведенію частной инициативы. Съ другой стороны, было обращено недостаточное вниманіе на самостоятельность землемѣра,—сложность организаціи вѣдомства должна была вредно отразиться на положеніи землемѣра-чиновника.

Мы уже видѣли, что проектъ 1888 г. повторилъ многіе изъ недостатковъ своего предшественника; проектъ 1888 г. есть не что иное, какъ боязливое канцелярское толкованіе межевыхъ идей 1863 г., а поэтому ихъ примѣненіе къ практикѣ по новому проекту находится подъ сильнымъ вліяніемъ современнаго межевого строя. Производство межеванія въ сильной степени подчинено частной инициативѣ, за исключеніемъ очереднаго межеванія, смѣниваемаго генеральное; это послѣднее носитъ обязательный характеръ и должно производиться съ Высочайшаго соизволенія. Остальные виды межевыхъ работъ, различаемые новымъ проектомъ, производятся по инициативѣ землевладѣльцевъ и освобождены отъ сложнаго формализма дѣйствующаго законодательства; въ этой части проекта сказалось въ большей степени вліяніе проекта 1863 г., но въ организаціи межевого вѣдомства новый проектъ съ небольшими варіаціями повторилъ современный строй. Современное центральное учрежденіе, межевая канцелярія, замѣняется межевими палатами, районъ дѣятельности которыхъ совпадаетъ съ округами судебныхъ палатъ; межевыя палаты находятся въ подчиненіи управленія межевой части и служатъ средоточіемъ межевыхъ работъ и землемѣровъ своего района; для очереднаго межеванія учреждаются по надобности межевыя конторы, а для размежеванія дачъ—посредническія комиссіи; кромѣ того, при губернскихъ правленіяхъ имѣются губернскіе землемѣры съ помощниками, обязанности и положеніе которыхъ мало отличаются отъ обязанностей и положенія таковыхъ же современныхъ установленій. Такимъ образомъ, мы видимъ, что проектируемыя учрежденія сильно напоминаютъ современный межевой строй и въ особенности его основные мотивы; здѣсь заключается главный тормазъ къ осуществленію идей 1863 г.

Насколько разсматриваемый проектъ—мертворожденное дитя проекта 1863 г., настолько же проектъ 1882 г.—недоношенный

плодъ мысли своихъ составителей. Проектъ 1882 г., сильно на-поминающій положеніе о закавказскомъ межеваніи, былъ приспособленъ къ предполагавшемуся введенію въ Россіи ипотечной системы, вслѣдствіе чего онъ построенъ на принципѣ обязательности межеванія. Въ межевой литературѣ по этому поводу былъ поднятъ горячій споръ; принципъ частной инициативы нашелъ убѣжденнаго защитника въ лицѣ г. Рудина, статьи котораго представляютъ сводъ дѣльныхъ и вѣрныхъ соображеній въ пользу указаннаго принципа и критику противоположныхъ мнѣній. Такому же обстоятельному обсужденію были подвергнуты и другія мѣры проекта 1882 г.; слабость аргументовъ въ проектѣ, конечно, не могла выдержать дружной критики и, по всей вѣроятности, провалила проектъ.

Нельзя обойти молчаніемъ почтенной и исключительной заслуги проекта 1882 г., а именно идеи института присяжныхъ землемеровъ. Эта симпатичная и разумная мѣра имѣла въ проектѣ шаткія основанія, страдала слабой разработкой, а главное, была проведена не во всей полнотѣ. Принципъ частной инициативы и характеръ самостоятельной технической работы служатъ лучшими оправданіями цѣлесообразности института; но интересы владѣльцевъ и землемеровъ получаютъ только тогда лучшую гарантію, когда институтъ будетъ имѣть прочное основаніе, когда онъ будетъ имѣть плотную и дружную организацію, когда онъ будетъ имѣть характеръ артельного союза землемеровъ съ техническимъ бюро въ интересахъ объединенія работъ. Регулированіе занятій между землемерами, нравственный товарищескій контроль надъ ихъ дѣйствіями и взаимопомощь въ теоретическихъ и практическихъ вопросахъ дѣятельности будутъ лучшими залогами успѣха межевыхъ работъ и благосостоянія землемеровъ. Землевладѣлецъ будетъ имѣть дѣло не съ единичной личностью, но съ цѣлой корпораціей, ручающейся за успѣхъ и правильность работы; землемеръ, членъ корпораціи, необходимо долженъ удовлетворять извѣстному умственному и нравственному цензу, устанавливавшемуся мнѣніемъ общества своихъ собратьевъ по оружію; съ другой стороны, весьма понятно, не исключается и правительственный контроль черезъ ревизоровъ и черезъ отзывы владѣльцевъ. При обсужденіи проекта въ литературѣ были сдѣланы замѣчанія, что врядъ ли получившій образованіе въ высшемъ межевомъ учебномъ заведеніи промѣняетъ какое-нибудь хорошее мѣсто на государственной службѣ на шаткое и необезпеченное положеніе присяжнаго землемера. Мнѣ кажется, что при образо-

ваніи крѣпкаго и плотнаго союза необезпеченность положенія не имѣетъ мѣста,—регулированіе работъ и взаимопомощь совершенно должны устранить возможность этого возраженія; между тѣмъ, при подобной организаціи межевой техники является самостоятельнымъ работникомъ, къ тому же тѣсно связаннымъ съ своей корпораціей, а не бюрократической машиной, заботящейся лишь о скоромъ окончаніи дѣла и формальной его обстановкѣ; здѣсь въ высшей степени возможно живое отношеніе къ дѣлу. Техническое бюро при союзѣ можетъ объединить и урегулировать всѣ землемѣрные работы въ Россіи, чѣмъ дастъ заработокъ всему наличному числу землемѣровъ. Въ настоящее время, во-первыхъ, большая часть межевыхъ техниковъ живутъ частными работами, а во-вторыхъ, и казенной работы такъ много, что чувствуется недостатокъ въ исполнителяхъ. Мнѣ думается, что и сказаннаго вполнѣ достаточно для признанія за идеей института присяжныхъ землемѣровъ цѣлесообразности и полезности. Изъ всего изложеннаго видно, какъ неполно воспользовались уроками исторіи всѣ описанные проекты. Сообразно съ указаніями исторіи и требованіями современной общественности, новой реформѣ предстоитъ осуществить въ жизни принципъ частной инициативы во всей его полнотѣ и идею института присяжныхъ землемѣровъ,—что будетъ залогомъ новаго успѣха межеванія, этого „Богу угоднаго и достохвальнаго предпріятія“ (ук. Прав. Сената 20 янв. 1766 г.).

С. Поляковъ,

дѣйствительный членъ

Московского Юридическаго Общества.

П Р И Р О Д А У М Ы С Л А *).

Безъ вины нѣтъ наказанія! Вотъ положеніе, которое въ наши дни кажется всѣмъ аксіомой. Но иначе думаютъ люди на зарѣ культуры. Древнѣйшія законодательства почти всѣ безъ исключенія знакомы съ принципомъ, такъ называемаго, объективнаго вмѣненія. Для наличности отвѣтственности, съ ихъ точки зрѣнія, вполне достаточно, чтобы лицо вызвало, обусловило результатъ. Случайное убійство, по взглядамъ римскаго права въ сакральный періодъ его исторіи, въ такой же мѣрѣ требуетъ искупленія передъ божествомъ, какъ и убійство умышенное. Древне - германское право въ эпоху „народныхъ правдъ“ знаетъ кровную месть, направляющуюся противъ всего рода обидчика, независимо отъ того, убилъ ли послѣдній случайно или умышенно.

Но, съ теченіемъ времени, начинаютъ наблюдаться слабые проблески иного принципа вмѣненія. Общество перестаетъ довольствоваться одной объективной связью съ правонарушеніемъ для примѣненія отвѣтственности. Открывается эпоха субъективнаго взгляда на преступленіе. Примѣненіе уголовной реакціи къ нарушителю правопорядка начинаютъ ставить въ зависимость отъ его субъективной связи съ результатомъ. Рѣшающее значеніе начинаютъ придавать психическому настроенію лица, нарушившаго правопорядокъ.

Быстрота этого процесса дифференціаціи началъ субъективнаго вмѣненія и хода постепеннаго уясненія внутренней при-

*) Работа эта представляетъ собой лекцію, читанную въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ 9 октября 1897 г. и съ нѣкоторыми добавленіями догматическаго характера доложенную 8 декабря того же года въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества.

роды правонарушенія—прямо пропорціональна прогрессу уголовного права. Ученіе о виновности и его большая или меньшая глубина есть какъ бы барометръ уголовного права. Оно лучшій показатель его культурнаго уровня. Но прогрессъ уголовного права находится въ самой тѣсной зависимости отъ умственного прогресса вообще; онъ неразрывно связанъ съ выходомъ человѣческаго сознанія изъ того младенческаго состоянія, въ которомъ находится, въ отношеніи интеллектуальнаго развитія, первобытное общество. Болѣе полное пониманіе окружающаго міра, болѣе правильное представленіе о взаимной связи явленій и ихъ причинности—вотъ условія, которыя, наряду съ другими, побуждаютъ людей начинающей созрѣвать культуры переходить отъ вмѣненія объективнаго къ субъективному.

Въ числѣ факторовъ, содѣйствовавшихъ, ближайшимъ образомъ, дифференціаціи субъективнаго вмѣненія у народовъ новѣйшихъ, нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія указываютъ на доктрину христіанской церкви. И дѣйствительно, христіанство, какъ извѣстно, уже очень рано выдвинуло на первый планъ грѣховную, злую волю, какъ истинную причину наказанія. Но другіе изслѣдователи смотрятъ на этотъ вопросъ иначе. Они утверждаютъ, что первенствующую роль въ дѣлѣ фактической замѣны порядка объективнаго вмѣненія субъективнымъ у новыхъ народовъ сыграло римское право. Подъ косвеннымъ вліяніемъ греческой нравственной философіи оно впервые, думаютъ эти изслѣдователи, начинаетъ придавать рѣшающее значеніе неправомѣрной волѣ нарушателя правопорядка, начинаетъ конструировать ее, какъ умыселъ—*dolus*, и дѣлаетъ этотъ послѣдній однимъ изъ необходимыхъ признаковъ преступленія въ томъ смыслѣ, что—нѣтъ налицо этой противозаконной воли, нѣтъ и уголовной отвѣтственности. Но вопросъ о томъ, римскому ли праву принадлежитъ пальма первенства въ провозглашеніи этого еще рудиментарнаго принципа субъективнаго вмѣненія, или нѣтъ, на нашъ взглядъ, несущественъ. Важно, какъ намъ кажется, только то, что римское право послужило главнымъ проводникомъ этого принципа въ юридическую жизнь европейскихъ народовъ. Только благодаря римскому праву реакція противъ правонарушенія стала реакціей противъ неправомѣрной воли, только оно опредѣлило собой исторію ученія о виновности у народовъ новѣйшихъ и надолго наложило на него свою печать. Римскій *dolus*, этотъ умыселъ, отождествляемый съ неправомѣрной волей, въ продолженіе многихъ вѣковъ раз-

сматривался какъ единственная форма виновности. Вина неосторожная, такъ называемая *culpa*, дифференцировалась еще не скоро и неосторожные послѣдствія дѣянія обсуждались по тѣмъ же принципамъ, что и случайныя.

Но конструированіе всей области виновности, какъ *dolus*, въ указанномъ нами выше смыслѣ, современемъ перестало удовлетворять все постепенно возрастающее правосознаніе массъ. Жизнь стала выдвигать требованія, чтобы въ нѣкоторыхъ комбинаціяхъ, и не подходящихъ подъ римскій *dolus*, нарушитель признавался подлежащимъ уголовной реакціи. И вотъ, въ отвѣтъ на это требованіе, у теоретиковъ XII вѣка впервые появляется принципъ, по которому: „*versanti in re illicita imputantur omnia, quae sequuntur ex delicto*“ ¹⁾.

Въ переводѣ на практическій языкъ принципъ этотъ, кстати сказать, черезъ мѣру расширавшій область вѣнненія, означалъ, ближайшимъ образомъ, слѣдующее: римская конструкція умысла, какъ неправомѣрной воли, направленной на правонарушеніе, не есть единственная форма связи преступнаго дѣятеля съ правонарушеніемъ,—не есть единственная форма виновности; рядомъ съ ней, между прочимъ, должны быть поставлены и тѣ случаи, когда лицо, совершая запрещенное дѣяніе, только сознаетъ возможность преступныхъ послѣдствій. Съ XII в. анализъ комбинацій, обнимающихъ собою случаи вѣнненія преступнику не только того, что онъ прямо желаетъ, но и того, что онъ только сознаетъ возможнымъ послѣдствіемъ своего недозволеннаго дѣянія, становится излюбленнымъ предметомъ изслѣдованія итальянскихъ средневѣковыхъ юристовъ. Германское общее право заимствуетъ освѣщеніе комбинацій этого рода отъ итальянцевъ и начинаетъ конструировать случаи, сюда относящіеся, какъ, такъ называемый, *dolus indirectus*, какъ умыселъ непрямої. Въ законодательствахъ и позднѣйшей доктринѣ уголовного права форма субъективной связи преступнаго дѣятеля съ наказуемымъ дѣяніемъ, извѣстная подъ именемъ непрямої умысла, подвергается значительной переработкѣ; но о результатахъ этихъ преобразованій и ихъ характерѣ мы будемъ имѣть случай высказаться только нѣсколько ниже.

Изъ нашего краткаго историческаго обзора судебъ субъективнаго вѣнненія могутъ быть сдѣланы слѣдующіе выводы:

¹⁾ *Bernardus Papiensis*, *Summa decretalium* (1191—1198), lib. V, tit. 10 de homicidio voluntario vel casuali, §§ 2, 5, 7 (ed. Laspeyres). *Löffler*. Die Schuldformen des Strafrechts. Leipzig. 1895. S. 139, 140.

во-первыхъ, субъективная связь преступнаго дѣателя съ правонарушеніемъ выступаетъ, прежде всего, подъ формой, такъ называемаго, умысла, а наличность этого послѣдняго характеризуется волей преступника, направленной на правонарушеніе; во-вторыхъ, потребности практической жизни выставляютъ требованіе необходимости уголовной реакціи и въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ лицо, хотя и не желаетъ прямо правонарушенія, но сознаетъ его возможность.

Эти данныя исторіи уголовного права представляютъ собой ту почву, на которой расцвѣла, обильная контроверзами, новѣйшая уголовно-правовая доктрина XIX в. объ умыслѣ. Мы постараемся дать общую характеристику господствующихъ въ ней теченій и попытаемся, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвѣтить на вопросъ о томъ, что такое умыселъ, каковы его составные элементы и каковы его виды.

Все огромное количество разнообразныхъ опредѣленій умысла, встрѣчающееся въ новѣйшей доктринѣ, можетъ быть, по господствующему мнѣнію, распредѣлено безъ остатка между двумя, неравными по числу ихъ защитниковъ и обыкновенно другъ другу противоположаемыми, группами. Большую изъ нихъ образуютъ опредѣленія сторонниковъ, такъ называемой, волевой доктрины (*Willenstheorie*), меньшую — опредѣленія эпигоновъ защитниковъ непрямого умысла; опредѣленія, другими словами, тѣхъ криминалистовъ, у которыхъ общимъ является то, что всѣ они требуютъ для наличности умысла одного только сознанія возможности наступленія правонарушенія (*Vorstellungstheorie*).

Защитниками волевой теоріи, криминалистами, выставляющими волю основнымъ элементомъ умысла, условіемъ *sine qua non* для его бытія, являются, по преимуществу, тѣ ученые, мощными усиліями которыхъ создана въ основныхъ чертахъ наука уголовного права въ ея современномъ состояніи. Мы здѣсь встрѣтимъ и *Фейербаха*, и всѣхъ криминалистовъ гегеліанцевъ, и обильное количество криминалистовъ другихъ направлений. Общая принадлежность ихъ къ волевой теоріи означаетъ, однако, какъ и слѣдовало ожидать, единство ихъ взглядовъ только въ существенномъ, но не тожество въ деталяхъ.

Мы не станемъ останавливаться на разборѣ даже всѣхъ главныхъ оттѣнковъ волевой теоріи умысла. Это потребовало бы значительнаго времени. Еще менѣе цѣлесообразно было бы

заняться подробной критикой тѣхъ погрѣшностей отдѣльныхъ опредѣленій, которыя носятъ непринципiальный характеръ и которыя легко могутъ быть избѣгнутыми безъ того, чтобы явилась необходимость покинуть почву волевой теорiи. Для ознакомленiя съ особенностями послѣдней мы считаемъ вполне достаточнымъ ограничиться приведенiемъ двухъ, трехъ примѣровъ конструированiя умысла на ея почвѣ.

Умыселъ это—воля, направленная на извѣстное правонарушенiе, какъ цѣль, въ связи съ сознаниемъ противозаконности послѣдней, говоритъ знаменитый *Фейербахъ* ²⁾. Умыселъ это—воля, направленная на совершенiе какого-либо сознаваемого и запрещеннаго дѣйствiя, полагаетъ *Луденъ*. Немыслимо, думаетъ при этомъ послѣднiй криминалистъ, чтобы кто-нибудь хотѣлъ чего-либо такого, чего онъ себѣ не представляетъ.

Въ этихъ опредѣленiяхъ, наряду съ моментомъ воли, умыселъ характеризуется еще сознаниемъ совершаемаго. Но, поступая такимъ образомъ, *Фейербахъ* и *Луденъ*, какъ и большинство другихъ криминалистовъ, никогда не стремились проводить строгой демаркационной черты между явленiями сознания и воли, какъ между двумя обособленными классами психическихъ фактовъ. Сознанiе совершаемаго понималось при этомъ огромнымъ большинствомъ сторонниковъ волевой теорiи въ смыслѣ сознания тѣхъ или другихъ условiй запрещенности дѣянiя ³⁾. Мы увидимъ впослѣдствiи, что именно этому элементу сознания не слѣдуетъ придавать существеннаго значенiя и что признакъ этотъ благоразумно опускается большинствомъ новѣйшихъ сторонниковъ волевой теорiи умысла. Такъ или иначе, но особенностью этой послѣдней теорiи является то, что уже и наиболѣе старые представители ея, не говоря о новѣйшихъ, включаютъ въ волю и элементъ сознания. Но если послѣднее обстоятельство выступаетъ въ приведенныхъ нами опредѣленiяхъ, какъ сходное въ различномъ, то нѣтъ недостатка и въ чертахъ различiя въ предѣлахъ самаго сходнаго. Съ точки зрѣнiя *Фейербаха* умыселъ есть воля, направленная на преступленiе, какъ на конечную цѣль. Но такъ ли это? Не лежитъ ли цѣль преступника въ большинствѣ случаевъ внѣ самаго правонарушения? *Кестлинъ*, стоявшiй также на почвѣ волевой теорiи, требовалъ для наличности умысла гармонiи между пред-

²⁾ *Feuerbach*. Revision, II, S. 54, 61. Bibliothek f. peinliche Rechtswis., II, 1. S. 199.

³⁾ Напр., *Heffter*, *Abegg*, *Mittermaier*, *Marezoll* и др. Cp. *Köstlin*. Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts. S. 254, 255.

ставляемымъ и осуществленнымъ ⁴⁾). Но не опасно ли, спрашивается, предъявлять такія требованія по отношенію къ умышленнымъ правонарушеніямъ? Не дается ли этимъ самымъ возможности преступнику избѣгать отвѣтственности за умыселъ, ссылаясь на то, что осуществленное имъ не является точнымъ отраженіемъ преднамѣреннаго?

Подъ волевую теорію подводится обыкновенно и то опредѣленіе умысла, которое встрѣчается у большинства современныхъ криминалистовъ. По формулѣ ихъ, преступленіе признается умышленнымъ не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ субъектъ прямо хочетъ правонарушенія, но и въ тѣхъ, гдѣ онъ только допускаетъ его, относясь къ нему индифферентно. Есть, однако, достаточное основаніе думать, что для субъекта, находящагося въ состояніи вмѣняемости, безразличное отношеніе къ противозаконному послѣдствію является, вообще, совершенно немислимымъ. Гораздо естественнѣе предполагать, что во всѣхъ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ господствующая доктрина принимаетъ индифферентизмъ виновнаго, этотъ послѣдній желаетъ въ дѣйствительности только того, чтобы преступное послѣдствіе, въ виду его невыгодности, было избѣгнуто и. такъ или иначе, не наступало. Но и вообще, какое бы объясненіе мы ни давали индифферентному отношенію преступника къ наступленію преступныхъ послѣдствій или, какъ выражаются нѣкоторые, его „преступному безразличію“, нетрудно видѣть, что въ высшей степени непослѣдовательно подводить эту разнovidность психическаго настроенія виновнаго подъ волевую теорію умысла; съ ея точки зрѣнія, умыселъ квалифицируется, какъ неправомѣрная воля и только; но вѣдь и сами защитники „преступнаго безразличія“ признають, что оно не болѣе, какъ состояніе, характеризующееся пассивностью момента воли.

Такъ или иначе, волевая теорія умысла въ ея прошломъ и настоящемъ, въ ея самыхъ разнообразныхъ построеніяхъ всегда считалась съ необходимостью включенія въ понятіе умысла, наряду съ моментомъ воли, и элемента сознанія совершаемаго. Въ этомъ отношеніи криминалисты далеко превзошли своихъ современниковъ-психологовъ, которые, какъ показываетъ еще недавнее состояніе психологій, ограничивали понятіе воли только предѣлами внѣшнихъ волевыхъ дѣйствій, совершенно игнорируя, притомъ, связь отдѣльныхъ классовъ психическихъ феноменовъ. Психологія, по мнѣнію такихъ авторитетовъ ея,

⁴⁾ *Köstlin*. System des deutschen Strafrechts. S. 158.

какъ *Вундтъ* ⁵⁾, почти до недавняго времени совершенно упускала изъ вниманія тѣ элементы волевого процесса, которые готовятъ внѣшнее дѣйствіе. Въ отношеніи игнорирования даже такихъ элементовъ, наиболѣе часто выступающихъ въ качествѣ мотивовъ внѣшняго проявленія воли, какъ представленія, типично ученіе о безсознательной волѣ *Гартмана* и отчасти *Шопенауэра*. Попытка *Биндинга* примѣнить къ уголовному праву и, въ частности, къ понятію умысла доктрину безсознательной воли окончилась полной неудачей. Ученый этотъ и до сихъ поръ является одиноко стоящимъ защитникомъ своей теоріи.

Обратимся теперь ко второй, меньшей по числу ея защитниковъ, группѣ опредѣленій умысла, — къ группѣ, извѣстной подъ именемъ *Vorstellungstheorie* и противопоставляемой обыкновенно волевой теоріи. *Vorstellungstheorie* изгоняетъ изъ умысла элементъ воли. Она не требуетъ отъ виновнаго воли, направленной на правонарушеніе, и довольствуется однимъ сознаніемъ возможности наступленія правонарушенія.

Для правильнаго пониманія этой теоріи важно выяснитъ ея генезисъ. Мы уже замѣтили выше, что она развилась на почвѣ ученія объ умыслѣ непрямомъ. Ученіе же о *dolus indirectus* сложилось въ томъ видѣ, какъ оно понималось въ до-фейербаховскій періодъ ученія объ умыслѣ, подъ вліяніемъ двухъ условій: отождествленія умысленной вины съ сознаваемой и ученія о презумпціи умысловъ и его элементовъ. Благодаря первому условію, для умысла было достаточно, чтобы виновный сознавалъ наступившее нарушеніе, какъ возможное послѣдствіе его дѣйствій, а благодаря второму—о наличности сознанія заключали по обстановкѣ дѣйствія, какъ, напр., по оружію, къ которому прибѣгъ виновный, по силѣ удара и т. д. Особенно неудовлетворительнымъ въ этой доктринѣ было то, что фактъ наличности сознанія у виновнаго о возможности наступленія правонарушенія презумировался, предполагался на основаніи побочныхъ обстоятельствъ и могъ быть прямо не доказанъ. Если, напр., кто-либо смертоноснымъ оружіемъ наносилъ легкую рану и она случайно осложнялась, то этого было достаточно для того, чтобы онъ былъ признанъ дѣйствовавшимъ *cum dolo indirecto*. Система эта уже потому была обречена на кратковременное существованіе, что игнорировала тотъ

⁵⁾ *В. Вундтъ*. Очеркъ психологін. Русск. пер. подъ редакціей Н. Грота, 1897, стр. 230.

общепринятый гуманный принцип уголовного права новейшей формации, что признание умысла въ каждомъ данномъ случаѣ требуетъ точныхъ доказательствъ. Съ высвобожденіемъ понятія *dolus indirectus* отъ прочно переплетавшейся съ нимъ системы презумпцій, разработка его съ этого момента направляется по двумъ русламъ. Криминалисты, вѣрные римскимъ традиціямъ и волевой природѣ умысла, выдѣляютъ значительную часть случаевъ, относимыхъ къ *dolus indirectus*, въ область вины неосторожной, а частью конструируютъ ихъ, какъ комбинаціи совпаденія умысла и неосторожности (подъ именемъ *culpa dolo determinata*). Но мало этого. На обломкахъ ученія о *dolus indirectus* они строятъ еще ученіе о „преступномъ безразличіи“, о которомъ мы выше уже имѣли случай упомянуть. Но теченіе это было не единственнымъ. Законодательства (отчасти и русское), а въ особенности нѣкоторые криминалисты, открыто выступаютъ на другой путь. Они берутъ подъ свою защиту старый *dolus indirectus*, эманципированный отъ презумпцій, и начинаютъ разсматривать отличительныя его черты, какъ признаки, характеризующіе умыселъ вообще.

Однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей такимъ образомъ возникшей *Vorstellungstheorie* является въ западно-европейской литературѣ извѣстный проф. *Листъ*, а въ русской — проф. *Сергѣевскій*.

Въ наиболѣе рудиментарной и несовершенной формѣ конструируетъ умыселъ на почвѣ *Vorstellungstheorie* проф. *Сергѣевскій*. Уголовная отвѣтственность, говоритъ этотъ ученый, можетъ быть возлагаема лишь на тѣхъ лицъ, которыя способны понимать свойство и значеніе совершаемаго и руководить своими поступками, принимая законъ въ число мотивовъ своей дѣятельности. Область вмѣненія образуется совокупностью всѣхъ тѣхъ дѣяній, при совершеніи которыхъ лицо, обладающее вообще способностью къ вмѣненію, *дѣйствительно* понимало свойство совершаемаго, *дѣйствительно* предусматривало или предвидѣло послѣдствія, *дѣйствительно* сознавало запрещеніе закона и *дѣйствительно* имѣло возможность принять это запрещеніе въ руководство своей дѣятельности. Это-то необходимое для вмѣненія отношеніе познавательной способности человѣка къ его дѣянію, именно *сознаніе совершаемаго, предвидѣніе послѣдствій и сознаніе противозаконности дѣянія*, издавна опредѣляется терминомъ *умыселъ, dolus* *).

*) *Сергѣевскій*. Русское уголовное право. Изд. 3, стр. 262, 263, 265.

Въ этой своей формулировкѣ, Vorstellungstheorie приходится выдерживать большинство тѣхъ упрековъ, которые дѣлаются этой доктринѣ представителями противоположнаго лагеря. „Понятіе вины мыслимо только въ примѣненіи къ субъекту *дѣйствующему*, а не къ субъекту, что-либо себѣ *представляющему*“, говоритъ убѣжденный сторонникъ волевой теоріи проф. Меркель. „Ошибочныя представленія, продолжаетъ онъ, не обосновываютъ еще собой вины; не обосновываютъ ея и представленія правильныя... Винодность поэтому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть тождественна съ отношеніемъ міра представленій преступнаго дѣятеля къ наступившему послѣдствію“ ⁷⁾. И, дѣйствительно, нельзя не согласиться съ убѣдительностью этого возраженія. Релевантнымъ для уголовного права является только такая психическая связь дѣятеля съ преступнымъ дѣяніемъ, которая проявилась вовнѣ въ какомъ-нибудь произвольномъ дѣйствіи. Недостатки разумнія, будутъ ли они зависѣть отъ прирожденных недостатковъ дѣйствующаго, или отъ недостаточности его развитія,—его незнанія,—неспособности напрягать свои умственные силы и т. п., сами по себѣ, не имѣютъ значенія для уголовного права. Велѣнія и запреты послѣдняго относятся только къ дѣятельности лица. Гдѣ нѣтъ волимаго внѣшняго дѣйствія лица, тамъ не можетъ быть и рѣчи о преступленіи.

Несравненно болѣе глубоко обоснованной выступаетъ Vorstellungstheorie въ построеніи проф. Листа. Винодность, говоритъ этотъ послѣдній, можетъ быть опредѣлена, какъ отвѣтственность за наступившія послѣдствія. Видами ея являются умыселъ (Vorsatz), т.-е. *предвидѣніе* послѣдствій, и неосторожность, т.-е. *непредвидѣніе* послѣдствій. Умыселъ, продолжаетъ проф. Листъ, точнѣе можетъ быть опредѣленъ, какъ представленіе о причиняющемъ значеніи даннаго дѣйствія или бездѣйствія, а умышленное дѣйствіе должно быть сведено на такой произвольный или, что то же, волимый актъ, который сопровождается представленіемъ о причиняющемъ значеніи этого акта. При этомъ проф. Листъ оговаривается, что подъ воленіемъ, волей, онъ разумѣетъ только напряженіе мускуловъ и что волимымъ, съ его точки зрѣнія, является только физическое движеніе организма (Körperbewegung), а не самый результатъ ⁸⁾. Еще въ болѣе точныхъ выраженіяхъ свой взглядъ на природу

⁷⁾ Merkel. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. S. 72.

⁸⁾ Fr. v. Liszt. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 5 Aufl. §§ 37, 38 и др.

умысла формулирует проф. *Листъ* въ послѣднемъ, седьмомъ изданіи своего курса уголовного права. Умыселъ, говоритъ онъ, есть *предвидѣніе противозаконнаго послѣдствія, осуществленнаго или невоспрепятствованнаго при помощи реализаціи воли* (Vorsatz ist Voraussicht des durch die Willensbethätigung bewirkten oder nicht gehinderten rechtswidrigen Erfolges ⁹⁾). Въ такой формулировкѣ проф. *Листъ* противопоставляетъ свой взглядъ, какъ примыкающій къ Vorstellungstheorie, взглядамъ защитниковъ волевой теоріи, настаивающихъ на хотѣніи произвольнаго движенія со включеніемъ противозаконнаго результата, какъ на необходимомъ элементѣ умысла.

Въ такомъ построеніи Vorstellungstheorie, очевидно, уже не можетъ быть сдѣланъ тотъ упрекъ, который вполне заслуженно дѣлается ей въ конструкціи проф. *Сергѣевскаго*. Но зато теорія проф. *Листа*, какъ намъ кажется, и, несомнѣнно, болѣе близка къ волевой теоріи. Вѣдь и въ построеніи проф. *Листа* умыселъ слагается изъ *представленія* о возможности наступленія результата—изъ элемента, принимаемого и сторонниками волевой теоріи, и, кромѣ того, изъ элемента *воли*, изъ хотѣнія. Но подъ волей проф. *Листъ* разумѣетъ только тотъ психическій актъ, при помощи котораго двигательные нервы непосредственно приводятся въ дѣйствіе. Онъ считаетъ для субъекта, дѣйствующаго cum dolo, психологически возможнымъ хотѣть только внѣшняго движенія, ведущаго къ представляемому имъ себѣ послѣдствію, и психологически невозможнымъ хотѣть *этого движенія, со включеніемъ всего противозаконнаго результата*, какъ думаютъ сторонники волевой теоріи. Умыселъ, направленный на убійство, слагается, такимъ образомъ, согласно взгляду, защищаемому проф. *Листомъ*, изъ представленія возможности наступленія смерти намѣченнаго субъекта, изъ представленія, далѣе, о причинной связи предпринимаемаго дѣйствія съ представляемымъ результатомъ и изъ хотѣнія этого дѣйствія, которое къ этому представляемому результату ведетъ ¹⁰⁾. Съ точки же зрѣнія защитниковъ волевой теоріи, умышленный убійца хочетъ не только внѣшняго дѣйствія, ведущаго къ смерти жертвы, но хотѣніе его направлено на все данное преступное дѣяніе. Разница между этими двумя воззрѣніями, листовскимъ

⁹⁾ Fr. v. Liszt. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 7 Aufl. § 38, S. 149, 150.

¹⁰⁾ И желаніе, говоритъ проф. *Листъ*, можетъ заключать въ себѣ представленіе объ имѣющихъ наступить измѣненіяхъ, но въ немъ отсутствуетъ представленіе о причинной связи предпринимаемаго умыслившимъ дѣйствія съ имѣющими наступить измѣненіями. Lehrbuch, 7 Aufl., S. 150.

и господствующимъ, сводится, такимъ образомъ, къ различному рѣшенію проблемы чисто психологической. Разница зависитъ единственно отъ діаметрально противоположныхъ отвѣтовъ, даваемыхъ *Листомъ* и господствующей доктриной на вопросъ о томъ, направляется ли воля на весь результатъ, или она способна направляться исключительно на внѣшнее дѣйствіе, ведущее къ результату, а послѣдній можетъ быть только объектомъ представленія. Проф. *Листъ* считаетъ психологически возможнымъ только послѣднее направленіе воли и потому тѣ комбинаціи, въ которыхъ, согласно обычному словоупотребленію, говорятъ о хотѣніи *всего* результата, онъ конструируетъ исключительно, какъ представленіе или (что то же) предвидѣніе результата, въ качествѣ побудительнаго мотива дѣйствія. Этотъ случай является, такимъ образомъ, подведеннымъ подъ общую формулу *Vorstellungstheorie* только потому, что защитникъ ея проф. *Листъ*, какъ мы это уже неоднократно повторяли, ограничиваетъ волевые явленія исключительно тѣми психическими актами, въ силу которыхъ приводятся въ дѣйствіе двигательные нервы, и считаетъ психологически невозможнымъ хотѣть *всего* результата. Вся разница между волевой теоріей и *Vorstellungstheorie* въ построеніи проф. *Листа* сводится, слѣдовательно, главнымъ образомъ, къ спору о границахъ *сознанія* и *воли*, какъ психологическихъ элементовъ, къ различнымъ отвѣтамъ на вопросъ о томъ, гдѣ кончается область сознанія и начинается сфера воли.

Сторонники волевой теоріи умысла, безъ сомнѣнія, нѣсколько черезъ мѣру расширили предѣлы воли на счетъ явленій сознанія. Въ этомъ отноудѣ, однакоже, не заключается чего бы то ни было достойнаго безусловнаго осужденія. Напротивъ, взглядъ этотъ сослужилъ немалую службу въ дѣлѣ выясненія тѣсной связи отдѣльных элементовъ нашей психики и немало содѣйствовалъ обнаруженію, такъ называемой, „внутренней условности“ образованія отдѣльных классовъ психическихъ феноменовъ.

Но новѣйшая психологія обнаруживаетъ въ отношеніи объясненія волевыхъ явленій, послѣ временнаго поворота въ сторону мнѣнія криминалистовъ, тенденцію какъ-разъ противоположную. Она исходитъ прежде всего изъ того, что всякое сознаніе связано съ двигательными процессами, и формулируетъ законъ, по которому „всякое представленіе движенія вызываетъ въ извѣстной степени соотвѣтствующее движеніе, которое всего рѣзче проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда его не

задерживаетъ какое другое представленіе, находящееся одновременно съ первымъ въ сферѣ нашего сознанія“ ¹¹⁾). Современные психологи принимаютъ, что процессъ сознанія, по самой природѣ своей, при достаточной степени интензивности, импульсивенъ, что движеніе не есть нѣкоторый особый динамическій элементъ, который долженъ быть прибавленъ къ возникшему въ нашемъ сознаніи ощущенію или мысли, и что, наконецъ, самое воленіе уже имѣется всегда налицо тамъ, гдѣ есть извѣстное устойчивое состояніе сознанія въ видѣ моторной идеи, достаточно интензивной для произведенія внѣшняго движенія.

Сфера воли въ современной психологіи, такимъ образомъ, сильно суживается и, притомъ, на счетъ области сознанія. На долю волевыхъ феноменовъ выпадаютъ только внѣшнія проявленія приведенія въ дѣйствіе двигательныхъ нервовъ. Мы не сильно ошибемся, если скажемъ, что явленія воли разлагаются въ новѣйшей психологіи почти безъ остатка на явленія сознанія. Трудно, конечно, сказать, правиленъ ли путь, на который вступила въ наши дни экспериментальная психологія; но несомнѣнно то, что съ выводами ея приходится считаться и что на листовскую *Vorstellungstheorie* слѣдуетъ смотрѣть, какъ на уступку новымъ теченіямъ въ области науки о духѣ ¹²⁾).

Самый фактъ принятія *Vorstellungstheorie*, съ извѣстными оговорками относительно границъ феноменовъ сознанія и воли, далеко, такимъ образомъ, не означаетъ еще отреченія отъ тѣхъ составныхъ и, такъ сказать, имманентныхъ элементовъ умысла, которые являются нераздѣльными съ его сущностью. А это обстоятельство, въ свою очередь, позволяетъ намъ примирять *Willens-theorie* и *Vorstellungstheorie*,—сближать тѣ доктрины, которыя, по господствующему взгляду, другъ другу противоположны и другъ друга исключаютъ. Но своеобразное конструированіе явленій воли, позволяющее намъ не исключать изъ умысла элемента хотѣнія и оставаться въ то же время на почвѣ *Vorstellungstheorie*, не должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что измѣненіе взгляда на природу волевыхъ феноменовъ остается уже безъ всякаго замѣтнаго вліянія на ученіе объ умyslѣ. Перемѣнная величина, введенная въ качествѣ множителя, дѣлается переменнымъ и все произведеніе, и нѣсколько ниже,

¹¹⁾ Джемсъ. Психологія. Пер. Лапшина. 1896 г., стр. 353 и вообще гл. XVI.

¹²⁾ Впрочемъ, честь конструирования этого оттънка *Vorstellungstheorie*, рассмотрѣннаго нами съ такой подробностью, принадлежитъ не исключительно проф. *Liszt*’у; еще до него сходные взгляды были высказаны *Bünger*’омъ.

когда мы перейдемъ къ изложенію окончательныхъ выводовъ по вопросу о понятіи уголовно-правового умысла, мы коснемся тѣхъ модификацій, которыя постулируетъ въ области *dolus* новая психологическая доктрина, въ примѣненіи, главнымъ образомъ, къ комбинаціямъ, извѣстнымъ подъ именемъ „преступнаго безразличія“.

Наши замѣчанія на оба оттънка взглядовъ по вопросу о составныхъ элементахъ уголовно-правового умысла опредѣляютъ съ необходимостью наши выводы по этому предмету. Съ нашей точки зрѣнія, для признанія наличности умысла у того или другого субъекта достаточно ограничиться констатированіемъ *предвидѣнія этимъ субъектомъ наказуемаго дѣянія, осуществляемаго или невоспрепятствуемаго имъ при помощи реализаціи воли*. Умыселъ, конструированный такимъ образомъ, обнимаетъ собой два элемента: представленіе и направленіе воли.

Элементъ представленія складывается въ немъ: 1) изъ *представленія* себѣ виновнымъ произвольнаго движенія, ведущаго къ противозаконному дѣянію, и 2) изъ *представленія* самаго наказуемаго дѣянія, поскольку это представленіе необходимо для понятія преступленія. При, такъ называемыхъ, преступныхъ содѣяніяхъ требуется, кромѣ того, еще 3) *представленіе* о томъ, что данное, наступившее дѣяніе стоитъ въ причинной связи съ даннымъ произвольнымъ дѣйствіемъ виновнаго, а при преступныхъ упущеніяхъ—4) *представленіе* о томъ, что при принятіи упущеннаго дѣйствія представлявшееся упущеніе не состоялось бы.

Кромѣ момента представленія, въ умыселъ входитъ еще элементъ *направленія воли*. Для наличности психического настроенія, именуемаго *dolus*, необходима еще воля или активное проявленіе сознанія, выраженное въ формѣ физическаго тѣлеснаго движенія, ведущаго къ реализаціи противозаконнаго дѣянія.

Умыселъ, въ рассмотрѣнномъ выше смыслѣ, можетъ имѣть мѣсто не только въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ предвидѣніе преступнаго дѣянія является побудительнымъ мотивомъ дѣйствія виновнаго, гдѣ оно выступаетъ въ качествѣ главнаго представленія, дающаго толчекъ физическому движенію виновнаго ¹³⁾,

¹³⁾ Комбинаціи, въ которыхъ представители волевой теоріи говорятъ о хотѣніи преступнаго результата или наказуемаго дѣянія вообще.

но и въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ предвидѣніе не является побудительнымъ мотивомъ ¹⁴⁾. Если владѣлецъ дома поджигаетъ принадлежащее ему жилое помѣщеніе съ цѣлью погубить ненавистнаго ему квартиранта, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, становится виновнымъ въ умышенномъ убійствѣ этого послѣдняго. Но владѣлецъ дома будетъ виновенъ въ умышенномъ лишеніи жизни своего квартиранта и въ томъ случаѣ, если онъ поджигаетъ домъ съ единственною цѣлью получить за сгорѣвшее имущество страховую премію. Но при этомъ, само собой разумѣется, точно долженъ быть доказанъ тотъ фактъ, что владѣлецъ дома сознавалъ возможность гибели своего жилья.

Въ тѣхъ комбинаціяхъ, гдѣ предвидѣніе нѣкоторыхъ послѣдствій не является побудительнымъ мотивомъ дѣйствій виновнаго, возможны два оттѣнка. Во-первыхъ, тотъ случай, когда виновный считаетъ преступное послѣдствіе, или, точнѣе, преступное дѣяніе *необходимымъ* послѣдствіемъ своей дѣятельности, и, во-вторыхъ, тотъ случай, когда онъ считаетъ его только послѣдствіемъ *возможнымъ*. Оттѣнковь этихъ, однако, строго различать, въ сущности, не слѣдуетъ, такъ какъ человѣкъ никогда не можетъ съ полной несомнѣнностью разсчитывать на необходимость наступленія послѣдствія. Наступленіе это въ громадномъ большинствѣ случаевъ зависитъ столько же отъ дѣятельности виновнаго, сколько отъ цѣлаго ряда другихъ условий, благопріятствующихъ или противодѣйствующихъ.

Изъ сказаннаго нами выше о конструкціи умысла можно, между прочимъ, заключить, что представленіе послѣдствія дѣйствія виновнаго для того, чтобы оно могло быть сочтено за *dolus*, должно выступать въ формѣ болѣе или менѣе опредѣ-

¹⁴⁾ Изъ этихъ комбинаціяхъ представители волевой теоріи господствующаго оттѣнка говорятъ о *dolus eventualis*, о, такъ назыв., *допущеніи* преступнаго послѣдствія, — „о преступномъ безразличіи“. Правильнѣе, однако, съ ихъ точки зрѣнія, какъ мы выше видѣли, говорить въ этихъ случаяхъ о *нежеланіи* преступнаго послѣдствія. Такъ и поступаютъ наиболѣе послѣдовательные сторонники Willenstheorie, какъ, напр., проф. *Жолокотовъ* (О соучастіи, 1881, стр. 106—108; О покушеніи, 1884, стр. 216 и сл.). Но, при избраніи такого крайняго пути, для случаевъ этихъ приходится создавать особую форму вины неосторожной, — форму, по своей высокой наказуемости *in abstracto*, приближающуюся къ умыслу, что врядъ ли цѣлесообразно. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія Vorstellungstheorie случаи эти безъ затрудненія подводятся подъ общее понятіе умысла. Въ нихъ есть мѣсто представленію возможности наступленія правонарушенія и волѣ, проявленной въ формѣ физическаго движенія, ведущаго къ реализаціи противозаконнаго дѣянія, а слѣдовательно, имѣются и всѣ тѣ элементы, которые въ совокупности даютъ право говорить о наличности умысла.

ленной. Виновный долженъ предвидѣть въ общей формѣ связь звеньевъ въ той цѣпи событій, которую онъ обуславливаетъ своимъ дѣйствиємъ.

Что же касается самыхъ предѣловъ этой опредѣленности представленія, то лишь ученіе объ ошибкѣ призвано указать тотъ рубежъ, съ переходомъ за который неправильность представлений достигаетъ той степени интензивности, что исключаетъ умысленность дѣянія.

Нашъ анализъ элемента представленія при умыслѣ мы закончимъ изслѣдованіемъ спорнаго въ доктринѣ вопроса о томъ, должно ли считать сознаніе противозаконности дѣянія существенной составной частью уголовно-правового умысла, или нѣтъ.

Господствующая доктрина отъ времени *Фейербаха* до недавняго времени, какъ мы имѣли случай замѣтить уже выше, высказывалась за рѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ. Она требовала бы бытія *dolus*'а со стороны виновнаго сознанія того, что онъ дѣйствуетъ противозаконно. Въ томъ же смыслѣ рѣшали этотъ вопросъ лучшіе комментаторы, напр., *Шварце* ¹⁵⁾, *Ольсгаузенъ* ¹⁶⁾ и, въ общемъ, прусская судебная практика. Въ новѣйшее время взглядъ этотъ защищаетъ *Биндинъ* ¹⁷⁾, а изъ русскихъ криминалистовъ проф. *Сергѣевскій* ¹⁸⁾ и *Таганцевъ* ¹⁹⁾ въ курсѣ уг. права. Противъ этого господствующаго мнѣнія выступилъ однимъ изъ первыхъ *Вехтеръ* ²⁰⁾, а въ послѣднее время *Г. Мейеръ* ²¹⁾, *Листъ* ²²⁾, *Меркель* ²³⁾. Съ нашей точки зрѣнія для правильнаго рѣшенія вопроса о томъ, слѣдуетъ ли признавать сознаніе противозаконности необходимымъ элементомъ умысла, должно быть принято во вниманіе слѣдующее: государство въ сферѣ дѣятельности уголовно-правовой вооружается и реагируетъ, по преимуществу, противъ такого образа дѣйствій своихъ отдѣльныхъ членовъ, который почему бы то ни было кажется ему недопустимымъ; но, посту-

¹⁵⁾ *v. Schwarze*. Anm. zu § 59.

¹⁶⁾ *Olshausen*. № 12 zu § 59.

¹⁷⁾ *Binding*. Die Normen und ihre Uebertretung. Leipzig. 1877. B. II, § 64, S. 486 ff.

¹⁸⁾ *Сергѣевскій*. Русское уг. право. Изд. 3, 1896, стр. 265.

¹⁹⁾ *Таганцевъ*. Курсъ. Вып. II, стр. 34.

²⁰⁾ *v. Wächter*. Zur näheren Bestimmung des Dolusbegriffes въ Gerichtsal, XVI, S. 56.

²¹⁾ *Hugo Meyer*. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. S. 209 ff. IV Aufl. 1888.

²²⁾ *Fr. v. Liszt*. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. 7 Aufl. 1895. § 40. S. 158 ff.

²³⁾ *A. Merkel*. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. S. 80 и др.

пая такимъ образомъ, государство соображается исключительно съ свойствами самихъ дѣяній и не справляется съ знаніемъ или незнаніемъ дѣйствующаго объ этихъ особыхъ свойствахъ. Подобно тому, какъ дѣянія, заслуживающія похвалы, являются таковыми въ силу присущихъ имъ свойствъ, а не въ силу того одобренія, которое имъ расточаетъ общественное мнѣніе, и независимо отъ знанія объ этомъ одобреніи лица, поступающаго похвально, точно такъ же и преступныя дѣянія являются таковыми и заслуживающими уголовной реакціи независимо отъ знанія или незнанія объ этой ихъ преступности лицъ, дѣйствующихъ преступно. Если бы для наказуемости какого-нибудь дѣянія требовать сознанія его противозаконности, то этимъ самымъ государство сдѣлало бы свое право на наказаніе зависимымъ отъ колеблющихся воззрѣній на право и отъ большей или меньшей чуткости совѣсти подданныхъ. Но невозможно, чтобы государство, какъ законодатель, хотѣло этого. Невозможно потому, что, какъ нами было уже замѣчено выше, тѣ интересы и блага, которые оно защищаетъ уголовно-правовымъ путемъ, нуждаются въ абсолютной охранѣ. „Государство, говоритъ одинъ изъ убѣжденныхъ противниковъ требованія сознанія противозаконности, которое хотѣло бы вложить въ ножны карающій мечъ правосудія передъ погрѣшностями въ сферѣ чувства права, этимъ самымъ отказалось бы отъ своего права на существованіе“. Но пойдемъ дальше. *Кестлингъ*²⁴⁾ совершенно правильно замѣчаетъ: „Противорѣчитъ здравому смыслу выставлать сознаніе противозаконности правонарушенія положительнымъ признакомъ (*positives Requisit*) умысла и объявлять въ то же время, что знаніе правонарушителя о родѣ и размѣрахъ угрожающаго ему наказанія является излишнимъ“. И дѣйствительно, выставляя существеннымъ моментомъ умысла сознаніе противозаконности и оставаясь послѣдовательнымъ, не должно вмѣнять преступнику за *dolus* тѣхъ дѣйствій, относительно которыхъ ему неизвѣстно, какъ оцѣниваетъ законодатель мѣру ихъ наказуемости. Но такъ поступать, очевидно, нераціонально. Этимъ путемъ преступнику была бы предоставлена прямая возможность избѣгать наказанія, ссылаясь на то, что онъ не зналъ мѣры назначаемого за его дѣяніе взысканія.

²⁴⁾ Ту же мысль выражаетъ проф. *Liszt*, когда замѣчаетъ, что понятіе умысла едино въ сферѣ дѣятельности правомѣрной и неправомѣрной.—едино для дѣятельности релевантной въ уголовно-правовомъ отношеніи и иррелевантной. *Deutsches Reichsstrafrecht*, стр. 109. Ср. по вопросу о сознаніи противозаконности *Liszt*, *Lehrbuch*, Aufl. V, § 39, Anm. 1.

Не подлежитъ, такимъ образомъ, сомнѣнію, что понятіе умысла, какъ одной изъ главныхъ формъ виновности, или, другими словами, того психическаго настроенія, которое придаетъ дѣянію наказуемый характеръ, должно выступать въ этическомъ и юридическомъ отношеніи какъ бы безцвѣтнымъ. Какъ обнаруживается, вдобавокъ, опытъ, понятіе умысла и умышленнаго дѣйствованія можетъ совершенно обходиться безъ сознанія того, что данное дѣяніе противозаконно. Умышленное взиманіе лихвенныхъ процентовъ существовало, очевидно, и въ тѣ времена, когда оно не было запрещено подъ угрозой наказанія ²⁵⁾. Старая доктрина смѣшивала умыселъ съ понятіемъ злого умысла (*dolus malus*) римскаго права, который характеризовался опредѣленной этической и юридической окраской. Но въ этомъ *dolus malus* римскаго права соединялись моменты, которые могутъ быть разъединенными не только въ смыслѣ логическомъ, но диссоціація которыхъ имѣетъ и огромное практическое значеніе для уголовного права вообще. На практикѣ легко можетъ возникнуть потребность поставить подъ угрозу уголовного закона рядъ умышленныхъ дѣяній, независимо отъ того, знаетъ ли дѣйствующій о томъ, что данный образъ дѣйствій запрещенъ. Можетъ быть абсолютно и при всякихъ условіяхъ запрещена, напр., быстрая ѣзда по улицамъ и т. д. Но удовлетвореніе этой потребности значительно затрудняется, если умыселъ обременяется понятіемъ сознанія противозаконности и потому становится непригоднымъ для примѣненія его къ цѣлой области правонарушеній.

Сознаніе противозаконности, однако, не только не входитъ непосредственно въ понятіе умысла, но его нельзя разсматривать и какъ нѣчто самостоятельное, но привходящее въ понятіе умысла. Принятіе послѣдняго требованія, постулируемаго съ точки зрѣнія теоріи психологическаго принужденія, значительно затруднило бы отправленіе правосудія. Даже болѣе, оно дѣлало бы почти невозможнымъ правильное функціонированіе этого послѣдняго, налагая на обвинительные органы бремя доказательства того, что виновникъ зналъ нарушаемую имъ норму.

Единственнымъ исключеніемъ изъ выставленнаго нами общаго правила о несущественности сознанія противозаконности для наличности умысла является только тотъ случай, когда

²⁵⁾ *Köstlin*. Neue Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts. 1845. S. 255. Криминалистъ этотъ отрицаетъ необходимость сознанія противозаконности для наличности умысла вообще, но считаетъ такое сознаніе составной частью *dolus'a* при полицейскихъ нарушеніяхъ. *Ibid.*, S. 258.

самъ законъ требуетъ, въ качествѣ необходимаго элемента состава преступленія, сознанія противозаконности. Въ этихъ комбинаціяхъ сознаніе это должно, конечно, безусловно требоваться на сторонѣ дѣателя, и отсутствіе этого сознанія имѣетъ рѣшающее значеніе.

Намъ остается коснуться еще вопроса о *видахъ* умысла. Въ доктринѣ мы встрѣчаемъ обильное количество всякихъ дѣлений *dolus'a*. По замыслу криминалистовъ, предлагавшихъ тѣ или другія раздѣленія, послѣднія должны были выяснить различные оттѣнки умысленной вины, имѣющіе значеніе при опредѣленіи мѣры наказанія; но нельзя не сознаться, что въ лучшемъ случаѣ предлагавшіяся дѣленія были совершенно бесполезны, а въ подавляющемъ большинствѣ комбинацій оказывались прямо ошибочными, какъ вытекающія изъ той или иной конструкціи умысла, неправильной по существу. Типиченъ въ этомъ отношеніи былъ, напр., *dolus subsequens*, который усматривался въ случаяхъ одобренія преступленія, уже совершившагося. Одной изъ основныхъ причинъ неудачности попытокъ классификаціи видовъ умысла является, несомнѣнно, недостаточное укорененіе того принципа, что удовлетворительное разрѣшеніе этой проблемы возможно только съ перенесеніемъ ея на почву опытной психологіи.

Какъ на дѣленіе, уцѣлѣвшее отъ разрушительной критики науки уголовного права новѣйшаго періода, какъ на дѣленіе, имѣющее значеніе для мѣры наказуемости еще и понынѣ, нѣкоторые ученые, а въ особенности законодательства, указываютъ на, такъ называемое, *предумышленіе* (*dolus praemeditatus*) и умыселъ *внезапный* (*dolus repentinus*). Подъ первымъ видомъ разумѣютъ умыселъ, образовавшійся обдуманно, умыселъ, предполагающій хладнокровіе, спокойствіе, а подъ второй подводятъ умыселъ порывистый, умыселъ, возникшій въ состояніи аффектированномъ. Умыселъ внезапный разсматривается при этомъ, по общему правилу, какъ менѣе наказуемый. Въ такой обрисовкѣ выступаютъ эти виды умысла, когда характеристика ихъ дѣлается по психическому состоянію лица въ *моментъ дѣйствія*. Нѣсколько иная схема получается въ тѣхъ случаяхъ, когда характеристика этихъ видовъ дѣлается по психическому состоянію лица въ *моментъ сформированія умысла*. Въ послѣдней комбинаціи различаютъ обыкновенно три оттѣнка: 1) умыселъ аффектированный—*impetus*; 2) случаи, когда преступная

воля, сложившись въ хладнокровномъ состояніи духа, приводится въ исполненіе немедленно по возникновеніи — *dolus re-
pentinus*; наконецъ, 3) тѣ случаи, когда виновный заранее
обдумалъ всѣ существенные моменты предпринимаемаго имъ
дѣйствія, сдѣлалъ тщательную оцѣнку плана — *dolus praemedi-
tatus* ²⁶⁾).

Но и это дѣленіе не можетъ быть принято безъ нѣкото-
рыхъ существенныхъ оговорокъ и пріобрѣтаетъ второстепен-
ное значеніе, отодвигаясь на задній планъ, по мѣрѣ того, какъ
масштабомъ виновности при вмѣненіи уголовномъ становится
не исключительно свойство преступнаго намѣренія и степень
энергіи, но и качество мотивовъ, вызвавшихъ данное дѣяніе.

Опираясь на детальныя историческія изслѣдованія, еще въ
началѣ 70 гг. проф. *Гольтцендорфъ* указывалъ, что никогда въ
прежнія времена не придавалось такого рѣшительнаго значе-
нія моменту предумышленія, какъ въ современныхъ дѣйстви-
ющихъ законодательствахъ ²⁷⁾. Находя такой порядокъ заслу-
живающимъ безусловнаго осужденія, ученый этотъ высказы-
вался въ томъ смыслѣ, что степененіе наказуемости отдѣльныхъ
видовъ умышленныхъ деликтовъ ²⁸⁾ должно быть поставлено
въ зависимость отнюдь не отъ наличности предумышленія или
внезапнаго умысла, но, главнымъ образомъ, отъ свойства мо-
тивовъ ²⁹⁾. По мнѣнію *Гольтцендорфа*, тѣ же мотивы, которые
наиболѣе часто выступаютъ при предумышленіи, не менѣе часто
имѣютъ мѣсто и при внезапномъ умышленномъ совершеніи пре-
ступленій ³⁰⁾. Моралисты, думаетъ онъ, придаютъ совершенно
неправильное значеніе моменту предумышленія. Нельзя абсо-
лютно утверждать, что предумышленный убійца всегда и без-
нравственнѣе и испорченнѣе убійцы, дѣйствующаго по умыслу
внезапному. Напротивъ, очень часто бываетъ какъ-разъ на-
оборотъ. Между тѣмъ, какъ на сторонѣ убійцы, дѣйствующаго
по умыслу внезапному, мы встрѣчаемся съ ничтожнымъ ува-

²⁶⁾ *Таганцевъ*. Лекціи по русск. уголовн. праву. Вып. II, стр. 676, 677.

²⁷⁾ *Fr. v. Holtzendorff*. Die Psychologie des Mordes. 1875. S. 9 ff.

²⁸⁾ *Holtzendorff* говоритъ собственно объ умышленномъ убійствѣ, но нѣтъ
никакого основанія не распространять его выводовъ и на другіе виды умы-
шленныхъ преступленій.

²⁹⁾ Если честь перваго провозглашенія этого принципа, ставшаго въ наши
дни однимъ изъ прочныхъ устоевъ уголовной политики, и не принадлежитъ
*Holtzendorff*у, то нельзя отказать этому ученому въ томъ, что онъ первый
сдѣлалъ попытку классификаціи мотивовъ убійства. *Fr. v. Holtzendorff*. Die
Psychologie des Mordes. Passim. S. 14—35.

³⁰⁾ *Fr. v. Holtzendorff*. Die Psychologie des Mordes. S. 35.

женіемъ передъ человѣческой жизнью, готовымъ прорваться наружу при самомъ незначительномъ поводѣ, мы можемъ натолкнуться у убійцы предумышленнаго на какъ-разъ противоположную картину душевной жизни. Только, можетъ-быть, послѣ долгой борьбы, ослабившей дѣйствіе нравственныхъ мотивовъ, убійца поддается искушенію совершить свое преступленіе, съ самой мыслью о реализаціи котораго онъ долго напрасно боролся. И дѣйствительно, тотъ промежутокъ, который, по господствующей доктринѣ, является обстоятельствомъ, усиливающимъ наказуемость, есть, можетъ стать, на самомъ дѣлѣ, тотъ моментъ, въ который дѣлаются со стороны будущаго убійцы такіа нравственныя усилія, которыя у лица, дѣйствующаго по умыслу внезапному, никогда и не возникали. Между тѣмъ, послѣднее обстоятельство получаетъ рѣшающее значеніе особенно въ виду того, что наказаніе, въ его примѣненіи, имѣетъ главною цѣлью исправленіе преступника, а, слѣдовательно, и мѣра наказанія должна зависѣть отъ степени испорченности преступника. То обстоятельство, что убійца по умыслу внезапному способенъ на болѣе скорое и глубокое раскаяніе послѣ совершенія преступленія, чѣмъ убійца предумышленный ³¹⁾, *Гольтцендорфъ* считаетъ заблужденіемъ, къ сожалѣнію, широко укоренившимся у юристовъ, но совершенно не подтверждающимся пенитенціарной практикой и статистическими данными о числѣ судебныхъ признаній. Данныя прусской статистики убѣждаютъ, вдобавокъ, *Гольтцендорфа* и въ томъ, что отсутствіе предумышленія выступаетъ не въ качествѣ преимущества, свидѣтельствующаго о той болѣе высокой нравственной ступени, на которой стоитъ преступникъ, но, напротивъ, обнаруживаетъ только притупленіе нравственныхъ понятій и является результатомъ общаго ослабленія ³²⁾.

Намъ кажется, что, несомнѣнно, неправильно подчеркивать во взглядѣ *Гольтцендорфа* то обстоятельство, къ принятію котораго, повидимому, склоняется этотъ ученый, что предумышленіе, хотя бы въ большинствѣ случаевъ, говоритъ о болѣе высокомъ нравственномъ уровнѣ преступника. Если доктрина, господствующая въ законодательствахъ ³³⁾, ошибочна въ томъ

³¹⁾ Ibid., S. 40.

³²⁾ Ibid., S. 41.

³³⁾ Нашъ Проектъ уголовного уложенія редакціонной комиссіи игнорируетъ, какъ извѣстно, дѣленіе умысла на предумышленіе и умыселъ внезапный. Объяснительная записка (объясн. къ ст. 1 ч. особ.) указываетъ въ числѣ прочихъ мотивовъ невнесенія упомянутаго дѣленія въ Проектъ на нѣкоторыя весьма

смыслъ, что презумируетъ при предумышленности болѣшую испорченность, то нужно остерегаться ошибки и въ противоположную сторону. Разъ, однако, приходится признать, что предумышленіе далеко не по общему правилу можетъ являться болѣе наказуемымъ, то, очевидно, что моменту этому не должно придавать и особаго, такъ сказать, діагностическаго значенія. Даже болѣе. Моментъ этотъ долженъ быть отвергнутъ, какъ непригодный для распознаванія тѣхъ свойствъ преступнаго дѣятели, которыя могутъ имѣть большее или меньшее значеніе при опредѣленіи ему цѣлесообразнаго наказанія. Моментъ этотъ долженъ отступить на задній планъ передъ другими, болѣе надежными критеріями. Однимъ изъ такихъ критеріевъ, какъ мы замѣтили выше, является свойство мотивовъ ³⁴).

поучительныя соображенія. Несмотря на кажущееся тожество основного признака дѣленія, замѣчаютъ составители Проекта, въ дѣйствительности въ законодательствахъ усматривается крайнее разнообразіе опредѣленій предумышленія и умысла внезапнаго. Положеніе это ярко иллюстрируется въ объяснительной запискѣ тѣми обильными сомнѣніями, которыя возбуждаетъ на практикѣ подведеніе того или другаго случая убійства подъ Mord или Todschatz германскаго уложенія, assassinat или meurtre французскаго Code pénal и т. д. Но еще существеннѣе другой аргументъ противъ принятія упомянутаго дѣленія, также приводимый редакторами Проекта. Какое бы опредѣленіе предумышленности ни было взято, замѣчаютъ послѣдніе, оно окажется или неохватывающимъ всѣхъ случаевъ убійства, въ которыхъ энергія преступной воли представляется наиболѣе опасной, или же столь широкимъ, что не представляется возможнымъ провести точную границу между умышленнымъ и предумышленнымъ лишеніемъ жизни. Взамѣнъ введенія въ Проектъ послѣдняго дѣленія, редакціонная коммиссія предоставляетъ суду, при назначеніи мѣры наказанія, принимать во вниманіе обдуманность дѣйствій подсудимаго, хладнокровіе, выказанное имъ при совершеніи злодѣянія, и т. п. во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, какъ скоро эти обстоятельства свидѣтельствуютъ: объ укорененіи въ подсудимомъ преступныхъ наклонностей, объ особой энергіи порочныхъ свойствъ его характера и объ особо злобномъ направленіи его воли.— При обсужденіи Проекта особенной части въ его первой редакціи въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ въ 1884—1886 гг. дѣйств. чл. Общества *Дриль* находилъ необходимымъ удержать въ законѣ дѣленіе убійства на предумышленное и умышленное въ виду того, что лицо, совершающее убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, съ значительными приготовленіями, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ болѣе испорченную, порочную организацію, а потому по отношенію къ нему и должны быть приняты болѣе сильныя мѣры исправленія. Но за такую поправку высказалось только 2 голоса изъ числа 24 присутствовавшихъ.

³⁴) Въ пользу этого критерія высказывается, между прочимъ, и голосъ судебной практики. Во Франціи, какъ свидѣтельствуетъ статистика, наибольшее число оправданій падаетъ на убійство изъ родовой мести, убійство изъ ревности мужьями любовниковъ ихъ женъ, убійство женщинами бросившихъ ихъ любовниковъ и т. д.; между тѣмъ, въ большей части случаевъ этого рода,

За приданіе въ дѣлѣ уголовного вѣнненія первенствующаго значенія свойству мотивовъ высказывается въ наши дни большинство лучшихъ представителей современной науки уголовного права ³⁵⁾. Достойное мѣсто мотиву отводить, вмѣстѣ съ другими новѣйшими проектами, и проектъ обще-швейцарскаго уголовного уложенія,—тотъ проектъ, который, будучи принятымъ, составить, по справедливому мнѣнію специалистовъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ уголовного законодательства нашего времени. Въ нашемъ проектѣ уголовного уложенія редакціонной комиссіи мы встрѣчаемся также съ мотивомъ въ качествѣ момента, вліяющаго, болѣе или менѣе широко, на наказуемость ³⁶⁾.

Г. С. Фельдштейнъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

несомнѣнно, существуетъ предумышленность; наоборотъ, при убійствѣ изъ корыстныхъ цѣлей присяжные рѣдко признаютъ даже наличность обстоятельствъ, смягчающихъ вину, а между тѣмъ весьма часто подобные случаи убійства совершаются по внезапнымъ побужденіямъ, безъ предумышленія. Ср. Объясненія къ Проекту редакціонной комиссіи (ч. особ.), in fol., стр. 11.

³⁵⁾ *Liszt, Lamasch, Hugo Meyer* и др. Ср. въ особен. *Fr. v. Liszt*. Die psychologischen Grundlagen der Kriminalpolitik. Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft. B. XVI. H. 4. Разборъ этой статьи у *Stooss'a* въ ст. „Das Motiv im Entwurf zu einem Schweiz. Strafgesetzbuch“ въ *Zeitschr. f. Schweiz. Strafr.* B. IX. H. 3., а также въ ст. *Kraus'a* „Das Motiv. Zur psychologisch-ethischen Grundlegung des Strafrechts“ въ *Zeitschr. f. d. gesam. Strafrechtswis.* B. XVII. H. 4 и 5. *Günther*. Die Idee der Wiedervergeltung. Abth. III. 1 Hälfte. 1895. S. 509. Вопросы о значеніи мотива въ дѣлѣ уголовного вѣнненія посвящены, кромѣ того, работы: *Fuld'a*, Das Motiv im deutschen Strafgsb., G. A. XXXI, отчасти *Durchholz'a*, Betrachtungen über die Strafabmessung nach dem deutschen Stgb., G. A. XXXV, *Wahlberg'a*, Gesammelte kleinere Schriften, II, v. *Holtzendorff'a*, кромѣ упомянутой выше, Das Verbrechen des Mordes und die Todesstrafe. 1875, *Hundhausen'a*, Das Motiv im Strafrecht. 1877 и др.

³⁶⁾ Ср. *В. В. Пржевальскій*. Проектъ уголовного уложенія и современная наука уголовного права. Журналъ Юрид. Общ. 1897 (отд. оттискъ), стр. 31 и слѣд.

СЛѢДОВАТЕЛЬ, ПОЛИЦІЯ И ПРОКУРАТУРА ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

(По поводу тридцатипятилѣтія основныхъ положеній уголовного судопроизводства).

„Низводить органы слѣдственной власти на низшую ступень, это значить не желать усовершенствованія въ этомъ институтѣ и мѣшать приливу способныхъ и опытныхъ дѣателей“.

Вердье *).

Обыкновенно признается межевою гранью между старымъ и новымъ порядкомъ судопроизводства въ Россіи 20-е ноября 1864 года. Дѣйствительно, если считать въ дѣлѣ судопроизводства граничною линіею не начало *примѣненія* новаго закона на практикѣ, а лишь законодательное *объявленіе* о грядущемъ введеніи его, то означенное признаніе имѣетъ за себя полное основаніе. Однако и съ *этой точки зрѣнія* едва ли не будетъ правильнѣе усмотрѣть межевую грань между новымъ и старымъ судомъ въ законодательномъ утвержденіи 29 сентября 1862 года основныхъ положеній судебной реформы.

Провозглашеніе *принципа* новаго судебного строя Императоромъ Александромъ II вѣдь послѣдовало именно 29 сентября 1862 г., а тѣмъ самымъ былъ данъ рѣшительный толчокъ и назначено русло для новаго судебного теченія.

Величайшій актъ этотъ впослѣдствіи какъ-то померкъ въ славѣ дня 20 ноября 1864 года. Если это извинительно еще сколько-нибудь для дѣателей „рѣшающей“ стадіи процесса уголовного, то большимъ грѣхомъ забвеніе „основныхъ положеній уголовного судопроизводства“ было для русской прокуратуры и

*) Юридич. Вѣстн. 1884 г., № 11, стр. 546.

для русскихъ слѣдователей. Грѣхъ этотъ сопровождался важными послѣдствіями, отсложился роковымъ образомъ на нашемъ предварительномъ слѣдствіи. Забвеніе дня 29 сентября 1862 года прокуратурою и слѣдователями можно бы сравнить съ потерю блуждающимъ путникомъ руководящей свѣтлой точки на далекомъ горизонтѣ.

Вотъ отпавшая мысль всего послѣдующаго изложенія ¹⁾.

I.

Впервые институтъ судебныхъ слѣдователей получилъ осуществленіе у насъ 8 іюня 1860 года.

Въ предшествовавшемъ періодѣ, т.-е. до 1860 г., нашъ уголовный процессъ уже зналъ широкое отдѣленіе органовъ преслѣдованія отъ органовъ, постановлявшихъ приговоръ. На этой стадіи процесса судебная власть (въ обширномъ значеніи этого понятія) уже расчленяется обыкновенно на отдѣльные органы, вѣдающіе различныя уголовныя функціи, т.-е. на слѣдственнаго судью, на мирового судью, на общій судъ и т. д.; параллельно и гармонично-связно съ судебною сферою подвизается власть обвинительная (прокурорская) и власть охранная (полицейская). Въ нашемъ же уголовномъ процессѣ до 1860 года не было проведено выдѣленія особой судебно-слѣдственной власти.

По Своду Законовъ 1857 года, производство уголовныхъ дѣлъ состояло „1) въ слѣдствіи или въ изысканіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла или происшествія, составляющаго преступленіе, и въ собраніи доказательствъ къ открытію и обличенію виновнаго; 2) въ судѣ, который состоитъ въ повѣркѣ слѣдствія, въ сужденіи по силѣ доказательствъ и уликъ о винѣ или невинности подсудимаго и въ постановленіи приговора по закону; 3) въ исполненіи приговора“, а „производство слѣдствія и всѣ мѣры, къ оному относящіяся, принадлежали полиціи“ ²⁾.

Несмотря однакоже на соединеніе въ рукахъ полиціи всего слѣдственнаго дѣла, Сводъ Законовъ различалъ слѣдствіе предварительное и слѣдствіе формальное. Подъ первымъ терминомъ разумѣлась совокупность мѣръ, предназначенныхъ для удостовѣренія признаковъ преступленія въ данномъ событіи и для обна-

¹⁾ Было доложено 29 сентября 1897 г. въ Московск. Юридич. Обществѣ.

²⁾ Св. Зак. 1857 г., т. XV, ч. 2, ст. 1 и 2.

руженія виновныхъ, подъ вторымъ—рядъ дѣйствій, которыя должны были предприниматься для установленія доказательствъ къ изобличенію заподозрѣнныхъ и для приведенія всего слѣдственнаго матеріала въ тѣ формы, которыя указаны были закономъ (формальная теорія доказательствъ), и въ которыхъ судъ только и могъ принять дѣло къ постановкѣ приговора.

Процессуальное раздѣленіе это не имѣло на дѣлѣ никакого существеннаго значенія. Слѣдствіе производила вѣдь отъ начала до конца полицейская власть и притомъ одинъ и тотъ же чинъ ея, ибо внѣ городовъ не существовало даже расчлененія земской полиціи на слѣдственную и исполнительную. Само собою разумѣется, что если одно и то же лицо уполномочено и на розыскъ и на слѣдственные дѣйствія, то оно едва ли всегда убежится отъ слитія обѣихъ ступеней слѣдствія, а слитіе (вмѣсто преемственной послѣдовательности) предварительнаго слѣдствія съ формальнымъ въ корнѣ уничтожало всю суть системы, имѣющей за себя нѣкоторыя вѣскія соображенія.

Намѣреніе законодателя на дѣлѣ, такимъ образомъ, не осуществлялось, главнымъ образомъ, благодаря качественному составу тогдашней полиціи, благодаря господствовавшей тогда системѣ формальныхъ доказательствъ и благодаря вообще письменному строю процесса. Но нельзя не усмотрѣть въ раздѣленіи слѣдствія на предварительное и формальное почина (быть-можетъ, совсѣмъ не предполагавшагося, даже не сознававшагося) размежевать предварительную стадію уголовного процесса на (употребляя современные термины) дознаніе, розыскъ и предварительное слѣдствіе; нельзя—съ другой стороны—не пожалѣть, что впослѣдствіи этотъ починъ не получилъ дальнѣйшаго развитія именно въ этомъ направленіи, и что все вниманіе было, наоборотъ, сосредоточено лишь на разработкѣ предварительнаго слѣдствія, а къ „формальному“ не было предъявлено при реформѣ никакихъ запросовъ и не сдѣлано никакихъ позаимствованій для новаго *предварительнаго*.

Хотя въ 1860 г. и послѣдовало впервые повсемѣстное раздѣленіе дѣятельности слѣдственной и дѣятельности полицейской, но сдѣлано это было не въ видахъ необходимости специализировать слѣдственное дѣло, а въ моментъ завершенія крестьянской реформы. Проведеніе этой реформы въ государственную жизнь озабочивало правительство какъ со стороны предстоявшаго усложненія полицейской дѣятельности, такъ и по причинѣ ожидавшихся крестьянскихъ бунтовъ, т.-е. въ моментъ моби-

лизаціи и концентраціи полицейскихъ силъ. Инициативу и разработку отдѣленія власти слѣдственной отъ полицейской тогда взяло на себя Министертво Внутреннихъ Дѣлъ, а не Юстиціи; мотивировался приступъ къ этому преобразованію въ слѣдующихъ выраженіяхъ ³⁾:

„Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что прежде введенія будущаго Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, необходимо дать уѣздной полиціи средства къ успѣшному выполненію всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя будутъ при этомъ на нее возложены; что, при обширности теперешнихъ занятій полиціи, она не можетъ исполнять свои обязанности съ надлежащимъ успѣхомъ, безъ нѣкотораго улучшенія ея состава и круга дѣйствій... извоилиъ приказать... ограничиться въ настоящее время тѣми только улучшеніями и измѣненіями, кои существенно необходимы... Въ числѣ такихъ мѣръ первое мѣсто занимаетъ отдѣленіе теперь же части слѣдственной отъ части полицейской съ учрежденіемъ для сего особыхъ слѣдственныхъ приставовъ или судей. Мѣра сія будетъ чрезвычайно полезна, облегчивъ занятія уѣздной полиціи и давъ ей возможность къ успѣшному исполненію прочихъ затѣмъ обязанностей...“

Такое Высочайшее повелѣніе было объявлено предсѣдателемъ государственнаго совѣта 16 мая 1860 г., а 8 іюня того же года „учрежденіе судебныхъ слѣдователей“, „наказъ“ имъ и „наказъ полиціи“ уже были изготовлены и получили силу закона. Высочайшій указъ отъ 8 іюня 1860 г. начинался такъ: „Желая дать полиціи болѣе средствъ къ успѣшному исполненію ея обязанностей, столь важныхъ для порядка и спокойствія жителей всѣхъ состояній, и опредѣлить точнѣе свойство и кругъ ея дѣйствій, Мы признали за благо отдѣлить отъ полиціи вообще производство слѣдствій по преступленіямъ и проступкамъ, подлежащихъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ...“

По закону 8 іюня 1860 г. ⁴⁾, „къ обязанности полицейскихъ и другихъ, не принадлежащихъ судебному вѣдомству, лицъ относится только первоначальное изысканіе и раскрытіе тѣхъ существенныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ вести къ заключенію, что въ изслѣдуемомъ происшествіи заключается преступленіе или проступокъ. Къ обязанности судебныхъ слѣдователей относятся всѣ дальнѣйшія слѣдственные дѣйствія, необхо-

³⁾ А. А. Соколовъ. Основные принципы предварительнаго производства въ уголовномъ процессѣ, 2-е изд., стр. 204.

⁴⁾ Второе Полное собраніе законовъ, т. XXXV, ст. 35,890.

СБОРНИКЪ ПРАВОВѢДѢНІЯ, Т. УШ.

димыя для того, чтобы изыскать, получить и сохранить вмѣстѣ свѣдѣнія и доказательства, которыя нужны для произнесенія правильного приговора о преступленіи или проступкѣ и о лицахъ, обвиняемыхъ въ совершеніи преступленія или проступка, подлежащаго вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ“ (ст. 9 учр. суд. слѣд.). Въ дополненіе къ этому узаконенію можно привести еще 22 ст. наказа полиціи, которая гласитъ: „Всѣ свѣдѣнія..., поступившія въ полицію послѣ передачи или представленія дознанія по принадлежности, полиція передаетъ..., исполняя собственною властью... дѣйствія, не терпящія отлагательства“⁵⁾.

Вотъ и всѣ пункты закона 1860 года, отмежевывавшіе границу между дѣятельностью полиціи и обязанностями судебныхъ слѣдователей. Они не отличаются рельефностью и точностью ни по существу, ни въ редакціонномъ отношеніи. Кромѣ того, въ законѣ нѣтъ опредѣленія тѣхъ терминовъ, которые встрѣчаются въ текстѣ и заложены въ основу угла предварительнаго уголовного изслѣдованія; нѣтъ въ законѣ даже и описательнаго поясненія относительно содержанія и объема техническихъ выраженій, какъ „первоначальное изысканіе“, „свѣдѣнія, необходимыя для правильнаго приговора“, „дѣйствія, не терпящія отлагательства“, и т. д.

Все это не могло, разумѣется, весьма невыгодно не отразиться на практикѣ. Особенно же диссонантною представляется ст. 18 полицейскаго наказа. Въ первоначальномъ проектѣ коммиссіи, составившей законъ 8 іюня 1860 года, можно было найти указанія на то, что полиціи вмѣнялась обязанность обнаруживать слѣды не только преступленія, но и самого преступника; изъ этой обязанности разумная практика могла бы постепенно привести къ правильному распредѣленію ролей между полиціей и слѣдователемъ, сдѣлать послѣдняго болѣе *судебнымъ* органомъ, нежели розыскнымъ. Статья 18 наказа полиціи отняла возможность придти къ такому результату или хотъ направить слѣдственную часть къ такому болѣе „состязательному“ началу; въ ней сдѣлана уступка даже въ объемѣ свѣдѣній о фактѣ преступленія, которыя должна полиція добыть для возбужденія слѣдствія. Вотъ текстъ этой статьи: „По удостовѣреніи въ томъ, что происшествіе, заключающее въ себѣ, *по всей вѣроятности*, проступокъ или преступленіе, подлежащіе разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, дѣйствительно совершилось, или же по прибытіи на мѣсто судебного слѣдователя, полиція немедленно передаетъ

⁵⁾ Второе Полное собраніе законовъ, т. XXXV, ст. 35.892.

ему произведенное дознаніе, *хотя бы виновный и не былъ обнаруженъ*“.

Нельзя не сказать, что безъ подчеркнутыхъ мною фразъ текстъ 18 ст. много бы выигралъ въ ясности взаимоотношеній полиціи и слѣдователя.

Нетрудно себѣ представить, къ какимъ послѣдствіямъ привелъ означенный законъ 8 іюня 1860 г. „Учрежденіе судебныхъ слѣдователей“ раздѣлило работу по производству слѣдствій, находившуюся прежде въ однѣхъ рукахъ полиціи, между двумя дѣятелями—полицейскимъ чиновникомъ и судебнымъ слѣдователемъ. Трудъ перваго оно назвало дознаніемъ, работу второго—собственно слѣдствіемъ; точной опредѣленной грани—какъ уже выше отмѣчено—между тѣмъ и другимъ оно не положило. Отсюда на практикѣ возникла путаница, возбудились пререканія о томъ, какое участіе каждый изъ этихъ дѣятелей долженъ принимать въ раскрытіи истины ⁶⁾.

„Полиція, — говоритъ Квачевскій ⁷⁾, современникъ и дѣятель преобразованія, —опираясь на различныхъ статьяхъ своего наказа, то оставляла всю работу на долю слѣдователя, то слишкомъ осложняла свой трудъ, переходила за предѣлы правъ, ей предоставленныхъ. Приноравливая дознаніе къ прежней практикѣ своей по навыку считать дознаніе и слѣдствіе цѣльнымъ производствомъ, находящимся въ рукахъ одного лица, полиція считала достаточнымъ принятіе жалобы, объявленія о преступленіи, доноса и собраніе по нимъ какихъ-нибудь свѣдѣній, не обращая вниманія, подтверждають ли они дѣйствительность преступленія или нѣтъ. Предполагая въ судебномъ слѣдователѣ сыщика, полиція мало заботилась о доставленіи пригоднаго ему матеріала, о разъясненіи преступленія, о собраніи признаковъ его по горячимъ слѣдамъ, объ открытіи указаній на виновника, не выполняла дѣйствій, не терпящихъ отлагательства и необходимыхъ для предупрежденія побѣга или сокрытія преступника; всю розыскную часть слѣдствія возлагала на самого слѣдователя, думая, что эта часть, составляя принадлежность изслѣдованія, лежитъ на самомъ слѣдователѣ, какъ прежде лежала на полиціи. Послѣдствіемъ бездѣйствія полиціи была неудача слѣдствій: слѣдователю приходилось дѣлать то, что обязана была дѣлать полиція, добывать свѣдѣнія, когда прошло удобное время, приступать къ слѣдствію, когда еще

⁶⁾ По Квачевскому; Ж. М. Ю., 1864 г., № 4.

⁷⁾ Квачевскій. Объ уголовномъ преслѣдованіи, т. II, стр. 123.

самое преступленіе не удостовѣрено, начинать его безъ достаточнаго основанія и потомъ убѣждаться, что въ слѣдствіи нѣтъ надобности. Съ другой стороны, полиція въ своихъ дѣйствіяхъ по дознанію дѣлала болѣе, чѣмъ требуется отъ нея и на что она имѣетъ право. Ссылаясь на 7 и 8 ст. наказа, предоставляющія ей записывать подробно показанія свидѣтелей и производить слѣдственные дѣйствія, и увлекаясь прежнею своею широкою ролью въ слѣдствіяхъ, полиція превращала дознаніе въ полное слѣдствіе. Излишекъ полицейской дѣятельности сопровождался едва ли не болѣшимъ вредомъ, чѣмъ недостатокъ ея. Юридически неспособная къ формальному слѣдствію, полиція усложненіемъ дознанія свыше дѣйствительной необходимости и производствомъ слѣдственныхъ дѣйствій вмѣсто собиранія свѣдѣній запутывала дѣло, такъ что потомъ нельзя было его распутать самому искусному слѣдователю, замедляла слѣдствіе; формальныя доказательства вины и невинности такъ устанавливались, что слѣдователь не могъ повѣрить ихъ, и судъ становился въ затрудненіе произнести правильный приговоръ“.

Впрочемъ, я остановился нѣсколько подробно на законѣ 8 іюня 1860 г. объ учрежденіи слѣдователей не столько для характеристики тогдашней слѣдственной части, сколько для анализа первыхъ же взаимоотношеній, установившихся на первыхъ порахъ по отдѣленіи власти слѣдственной отъ полицейской, главнымъ же образомъ потому, что свойство этого взаимоотношенія сохраняется и до нашихъ дней. Что касается собственно слѣдственного дѣла той эпохи, то корень зла лежалъ всеконечно въ старой системѣ уголовного судопроизводства съ ея письменностью, келейностью, формализмомъ доказательствъ и т. п.

II.

Едва прошло два года со введенія закона объ учрежденіи слѣдователей, какъ провозглашенъ былъ новый законъ, обѣщавшій уже не частичную поправку въ обветшавшій правительственный механизмъ, а полное его обновленіе. Я говорю о законѣ 29 сентября 1862 г., которому сегодня минуло 35 лѣтъ ровно.

Если въ учрежденіи судебныхъ слѣдователей 8 іюня 1860 г. необходимо признать созданіе новой власти слѣдственной и одновременно *починъ* отдѣленія власти судебной отъ власти исполнительной, то утвержденіе 29 сентября 1862 г. основныхъ положеній судоустройства и судопроизводства явилось вѣнцомъ этого робкаго начала.

Въ 1860 г. произведено въ сущности отдѣленіе отъ полиціи слѣдственныхъ дѣлъ, какъ это было Высочайше повелѣно сдѣлать еще указомъ отъ 25 марта 1859 г., но отдѣленіе не полное и какъ бы случайное; никто и не думалъ при этомъ специально о рациональномъ устройствѣ самостоятельной *судебно-слѣдственной* власти; главная забота была направлена на облегченіе полиціи, и потому „учрежденіе судебныхъ слѣдователей вылилось не изъ началъ судебного права, а изъ началъ права полицейскаго“ ⁸⁾. Совсѣмъ не то и не такъ ощущается въ законѣ 29 сентября 1862 года.

Къ выработкѣ основныхъ положеній судебной реформы приступлено было въ январѣ 1862 г., и авторамъ Высочайше повелѣно было „изложить въ общихъ чертахъ соображенія Государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ, *несомнѣнное* достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи“ ⁹⁾.

Такъ какъ по закону 29 сентября 1862 г. власть судебная вполнѣ и цѣликомъ отдѣлена была отъ исполнительной, административной и законодательной, то и на мѣсто слѣдователей 1860 г., назначавшихся губернаторомъ, намѣчены были судебные слѣдователи, „кои считаются—сказано въ 7 ст. положеній судопроизводства—членами окружнаго суда“, а тѣмъ самымъ предварительное слѣдствіе передано было изъ рукъ губернаторскаго чиновника по слѣдственной части, чѣмъ былъ въ концѣ концовъ слѣдователь по учрежденію 8 іюня 1860 года, въ руки слѣдователя-судьи.

„Основные положенія уголовного судопроизводства“ содержатъ въ главѣ „общія правила“ всего нѣсколько статей специально о предварительномъ слѣдствіи, но въ этихъ немногихъ статьяхъ заключенъ зародышъ всѣхъ основныхъ правилъ. Сюда нужно отнести: *ст. 2.* „Преслѣдованіе виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ начинается и производится учрежденными для сего властями, кромѣ тѣхъ означенныхъ въ законѣ случаевъ, въ которыхъ оно можетъ быть начато не иначе, какъ по жалобѣ частныхъ лицъ“. *Ст. 4.* „Власть обвинительная, т.-е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ, принадлежитъ прокурорамъ“. *Ст. 6.* „Приговоръ постановляется не

⁸⁾ *Сokolovъ.* Основные принципы, стр. 193.

⁹⁾ *Джаншиевъ.* Эпоха великихъ реформъ, стр. 387.

иначе, какъ по повѣркѣ и дополненіи въ засѣданіи суда доказательствъ, обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ". Ст. 8. „Теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется. Правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда“.

Такимъ образомъ, судебный слѣдователь, сопредѣльный по закону 8 іюня 1860 года только съ полицейскою властью, поставленъ по закону 29 сентября 1862 г. впервые лицомъ къ лицу еще и съ прокуратурою.

Какъ же теперь опредѣлились взаимоотношеніе и раздѣленіе труда у слѣдователя, прокуратуры и полиціи?

Приведенными статьями основныхъ положеній угол. суд., помѣщенными въ главѣ подъ заголовкомъ „общія правила“, законодатели явно и рѣшительно склонились къ типу предварительнаго слѣдствія чисто обвинительному. Дѣйствительно, „обнаруженіе и преслѣдованіе преступниковъ“ возложено на прокурора, коему подчинена въ сферѣ уголовныхъ розысковъ полиція, предварительное же слѣдствіе нужно только для „обнаруженія“ доказательствъ, предъявленныхъ обвинителемъ. При такой постановкѣ дѣла и раздѣленіе труда и взаимоотношенія у слѣдователя, прокуратуры и полиціи выходили безусловно цѣлесообразными и гармоничными.

Однако, не только въ 1862 году, но даже и въ наши дни нигдѣ на земномъ шарѣ не было и нѣтъ положительнаго закона, усвоившаго предварительному слѣдствію состязательно-обвинительный типъ, какъ нѣтъ еще и литературно-научнаго одnogласія относительно возможности такого типа предварительнаго слѣдствія. При подобныхъ условіяхъ составители основныхъ положеній судебной реформы и затѣмъ Судебныхъ Уставовъ естественно не могли, въ виду цитированнаго Высочайшаго повелѣнія ¹⁰⁾, игнорировать смѣшанную форму процесса, т.-е. состязательно-слѣдственную. Разъ этотъ вопросъ стоялъ такъ, имъ ничего другого не оставалось, какъ приспособить къ своему кодексу текстъ „наказа слѣдователямъ“. Это могло быть тѣмъ соблазнительнѣе, что законъ 8 іюня 1860 г. существовалъ всего два года и, слѣдовательно, не устарѣлъ, недостатки его ставились цѣликомъ на счетъ только прежней системы уголовного

¹⁰⁾ На стр. 133.

судопроизводства, а дѣла съ созданиемъ Уставовъ было страшно много. Если даже теперь, послѣ 30-лѣтней судебной практики, комиссіи пересмотра Судебныхъ Уставовъ 1864 г. пришлось усиленно сосредоточиться на вопросѣ о судѣ присяжныхъ, то какая же борьба изъ-за этого вопроса или еще изъ-за раздѣленія властей должна была происходить въ 1862 г.!

И сличеніе закона 8 іюня 1860 г. съ отдѣломъ дѣйствующаго устава о предварительномъ слѣдствіи, и отзывы такихъ юристовъ, какъ гг. Квачевскій, Фойницкій и Соколовъ, приводятъ къ несомнѣнному выводу, что наше предварительное слѣдствіе должно быть названо вторымъ, измѣненнымъ и дополненнымъ изданіемъ того самаго порядка, какой установленъ помянутымъ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей 8 іюня 1860 года.

Не удержусь здѣсь подчеркнуть, что если бы законъ 1860 г. былъ подвергнутъ коренному пересмотру, то творцамъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. пришлось бы, несомнѣнно, подробно остановиться на роли прокуратуры въ предварительномъ слѣдствіи, ибо въ законѣ 1860 г. о судебныхъ слѣдователяхъ прокурорскому надзору не посвящено ни одной статьи; пришлось бы разработать и вопросъ о роли полиціи. Это было бы неизбежно, такъ какъ перемѣнилась роль слѣдователя, сдѣланнаго изъ губернаторскаго чиновника судьей, измѣнились и функціи прокуратуры. Однако, участіе полиціи и прокуратуры на предварительномъ слѣдствіи въ Судебныхъ Уставахъ означено самыми поверхностными и несогласованными штрихами, какъ можетъ стать лишь при спѣшномъ исправленіи чужого текста и какъ не повторяется ни въ одномъ изъ другихъ отдѣловъ кодекса.

III.

Когда знаменитый Миттермайеръ ознакомился съ проектомъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., то въ своемъ отзывѣ объ этой работѣ сдѣлалъ такую общую оговорку: „Если въ страну вводятся учрежденія, вполне отличныя отъ существовавшихъ до тѣхъ поръ, если создаются совершенно новыя отношенія, то законъ долженъ непремѣнно содержать довольно много мелочей и подробностей относительно новыхъ установленій. Иначе юристы, свыкшіеся съ старымъ порядкомъ, не могутъ скоро проникнуть въ духъ новыхъ законовъ и узнать особенности новыхъ положеній и при примѣненіи къ данному случаю будутъ находиться въ нерѣшимости, а потому произвольно

будутъ руководствоваться существовавшими до тѣхъ поръ взглядами“ ¹¹⁾).

Со времени этого замѣчанія прошло болѣе 30 лѣтъ, Судебные Уставы 1864 г. вошли въ народное сознаніе и привычки, русскіе юристы съ ними освоились и не затрудняются уже примѣнять „къ данному случаю“ заключающіяся въ Уставахъ правила... Но есть отдѣлъ въ разсмотрѣнномъ Миттермайеромъ уставѣ уголовного судопроизводства,—отдѣлъ о предварительномъ слѣдствіи, относительно котораго слова нѣмецкаго ученаго до сихъ поръ сохраняютъ пророческое значеніе и всю свою силу. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ тѣ изъ русскихъ юристовъ, въ томъ числѣ даже прокуроры и судебные слѣдователи, которые теоретически занимались вопросами предварительнаго слѣдствія, не перестаютъ задавать вопросъ: „что такое слѣдователь по уставу угол. суд. 1864 г.“ ¹²⁾, а даваемые ими отвѣты не сходятся между собою не только въ подробностяхъ, но даже и по существу.

Вотъ нѣсколько цитатъ. „Когда дѣло кончено,—всѣ ошибки, пробѣлы и неправильные шаги видны опытной судейской средѣ, обладающей сотнею глазъ; а тутъ, при предварительномъ слѣдствіи—ихъ только пара; ни помощи, ни совѣта, ни указаній ни откуда... Слѣдователь не сыщикъ,—говорятъ намъ; но и не судья,—добавлю я, а вѣрнѣе—козелъ отпущенія. Слѣдователь выходитъ изъ избы на улицу, а тамъ его ждутъ развѣдки, пробы, ознакомленія съ нравами, жизнью, людьми, необходимость набросать программу работы, взять вѣрный тонъ ея, приготовить свидѣтелей, подлежащихъ допросу, и найти нить работы... Все сторонится; свидѣтель размыскивается въ темнотѣ... До сихъ поръ не установленъ еще взглядъ на самую задачу слѣдователя“... ¹³⁾ — „Чѣмъ ближе и непосредственнѣе стоитъ слѣдователь къ изслѣдуемой средѣ, тѣмъ больше выигрываетъ достоинство слѣдствія. Намъ приходилось знать слѣдователей, которые, принимаясь за дѣло, желали только одного, — чтобы имъ „не мѣшала полиція“,—не изъ опасеній какого-либо „сокрытія слѣдовъ“ или какихъ-либо пристрастныхъ дѣйствій, а просто изъ той любительской ревности, по которой опытный охотникъ избѣгаетъ товарища, способнаго несвоевременнымъ выстрѣломъ спугнуть дичь или „испортить поле“... Живой сти-

¹¹⁾ Ж. М. Ю. 1864 г., № 10, стр. 16—17.

¹²⁾ Напр., г. Скворцовъ въ Ж. М. Ю., 1895 г., № 6, стр. 107.

¹³⁾ Ж. М. Ю., 1895 г., № 6, стр. 120 и 124.

муть—угадать, раскрыть, прочесть таинственную книгу—слабѣть, когда приходится только провѣрять и развивать полицейское дознаніе, чѣмъ зачастую и ограничиваются шаблонныя слѣдствія“... ¹⁴⁾ — „Вмѣсто дѣятелей, обязанность которыхъ должна заключаться въ томъ, чтобы разобрать и привести въ надлежащую ясность и юридическую форму тѣ доказательства и улики, которыхъ количество и качества могутъ быть признаны достаточными для преданія суду лицъ, обвиняемыхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ,—стали дѣйствовать, на основаніи устава уголовного судопроизводства, такіе слѣдователи, которые, руководствуясь 266 ст. этого устава, сочли своею главною задачею собираніе уликъ и доказательствъ во что бы то ни стало, собственными силами и по каждому дѣлу“... ¹⁵⁾

Можно бы привести и много другихъ однородныхъ отвѣтовъ на вопросъ: „что такое судебный слѣдователь по уставу 1864 г.“ Но вся совокупность этихъ отвѣтовъ сведется къ слѣдующимъ двумъ признаніямъ: 1) „Судебная реформа за все время ея существованія мало повліяла даже на развитіе и установленіе взглядовъ на предварительное слѣдствіе, а не только на выработку и признаніе общихъ приемовъ его, соотвѣтствующихъ по своей законности и пригодности практическимъ цѣлямъ правосудія“... ¹⁶⁾ 2) „Въ массѣ дѣлъ... отражается или розыскная сторона дѣятельности слѣдователей съ замѣтною тенденціею къ обвиненію... или же чисто-формальное отношеніе слѣдователей къ дѣлу... *Лучшіе наши слѣдователи, проникшись задачами розыска, чаще идутъ въ первомъ направленіи*“... ¹⁷⁾

Въ большой публикѣ повсемѣстно держится до сихъ поръ одинъ и тотъ же взглядъ на задачу и идеаль судебного слѣдователя. Кромѣ развѣ столицъ, нигдѣ нѣтъ двухъ мнѣній о слѣдовательской дѣятельности. Здѣсь какъ только зайдетъ разговоръ объ уголовщинѣ, о нераскрытомъ убійствѣ, о необнаруженномъ поджигателѣ и т. д.,—здѣсь вся вина неспособности и бездѣйствія переносится на одного судебного слѣдователя, который въ этомъ популярномъ освѣщеніи является единственнымъ козломъ отпущенія за грѣхи всѣхъ и вся, такъ какъ единственно къ *его* обязанности приурочивается покой и безо-

¹⁴⁾ П. Н. Обнинскій. Юридич. Вѣстн. 1891 г., № 1, стр. 81.

¹⁵⁾ Е. А. Пушкинъ. Юридич. Вѣстн. 1882 г., № 3, стр. 495.

¹⁶⁾ Д. Базилевичъ. Причины упадка предварительнаго слѣдствія и мѣры къ его поднятію. Орелъ, 1896 г., стр. 9.

¹⁷⁾ Проф. В. П. Даневскій. Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформа. Москва, 1895 г., стр. 12—13.

пасность населенія въ уголовномъ отношеніи. Популярный взглядъ этотъ, сейчасъ же при упоминаніи о слѣдователѣ, приводитъ въ образецъ и примѣръ „Порфирія Петровича“. Такое отношеніе къ оцѣнкѣ слѣдовательской дѣятельности находитъ себѣ отголосокъ и въ судебномъ вѣдомствѣ. Порфириі Петровичи среди слѣдовательской корпораціи есть, еще больше есть подражателей Порфирія Петровича. Это—цѣлый типъ, продолжающій дѣйствовать и до нашихъ дней. О немъ, какъ о существующемъ фактѣ, съ особою симпатіей отозвался не очень давно Н. В. Муравьевъ¹⁸⁾ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Добросовѣстное увлеченіе ею (многосодержательною профессіей слѣдователя), не чуждое горячности, въ связи съ природною пытливостью и впечатлительностью, создали сравнительно рѣдко встрѣчающійся, но въ высшей степени оригинальный типъ *слѣдователя-художника*; онъ является то тѣмъ своеобразнымъ, глубоко искреннимъ, хотя и нѣсколько болѣзненнымъ, мыслителемъ - психологомъ, котораго Достоевскій очертилъ въ лицѣ Порфирія Петровича (слѣдователя надъ Раскольниковымъ въ „Преступленіи и наказаніи“), то тѣмъ слишкомъ поддающимся воображенію, но все-таки замѣчательнымъ слѣдователемъ по призванію, какихъ порою выдвигала судебная служба съ тѣхъ поръ, какъ слѣдователь сталъ въ ней виднымъ и самостоятельнымъ лицомъ. На канвѣ дѣлъ и фактовъ передъ такимъ субъектомъ рисуются живые образы, воспроизводятся полныя цѣльности и смысла картины преступленія со всею обстановкою его и мотивами, даже съ его социальнымъ общественнымъ значеніемъ. Слѣдователи этой категоріи, всегда талантливые, могутъ одерживать блестящія побѣды надъ преступленіемъ, поражая вѣрностью чутья и мѣткою проницательностью... Малоспособные для ординарныхъ всedневныхъ дѣлъ, они обыкновенно сосредоточиваютъ все свое вниманіе и свои усилія на дѣлахъ выдающихся, на преступленіяхъ загадочныхъ, и въ раскрытіи ихъ полагаютъ съ извѣстною страстностью свою въ служебномъ смыслѣ безкорыстную заслугу“.

Рядомъ съ этимъ типомъ стоитъ, но только гораздо болѣе распространенъ, *слѣдователь - моралистъ*, который тоже увлекается своими обязанностями и одушевленъ самыми благими цѣлями, но въ страстномъ порывѣ отыскать по каждому дѣлу виновнаго переходитъ границу, не имѣетъ столько самообладанія или столько талантивности, чтобы удержаться въ предѣлахъ

¹⁸⁾ Юрилич. Вѣстн. 1886 г., № 9, стр. 258—259.

исканія только истины и не окунуться въ сферу обнаруженія во что бы то ни стало виновности заподозрѣннаго лица. Въ пылу погони за уликами такой слѣдователь обращается въ *сыщика*, т.-е. беретъ на себя лично нѣкоторыя розыскныя полицейскія дѣйствія.

Разница послѣднихъ двухъ разновидностей слѣдователя отъ чистаго вида Порфірія Петровича очевидна. Тогда какъ онъ поглощенъ исканіемъ внутренней правды преступнаго событія, слѣдователь-моралистъ и слѣдователь-сыщикъ увлекаются преимущественно и даже исключительно задачей раскрыть материальную оболочку и обстановку преступленія.

Все это, такъ сказать, активные слѣдователи. Противъ умѣстности ихъ дѣятельности, которую иные обзываютъ только „сыскою способностью“, возстаетъ большинство судейцевъ-практиковъ, а тѣ изъ нихъ, которые симпатизируютъ „Порфіріямъ Петровичамъ“, оговариваются: „ихъ слѣдовательская дѣятельность, превращаемая какъ бы въ служеніе по влеченію особому искусству, нерѣдко представляетъ тяжелую борьбу со всевозможными препятствіями... Она почтенна и полезна, хотя для обезпеченія правосудія и должна быть обставлена надежными внѣшними гарантіями“, ибо такіе слѣдователи, „увлекаемые своей фантазіей и неразлучною съ нею предвзятостью мысли, могутъ впадать и въ самыя прискорбныя ошибки, упорно стремясь по ложнымъ слѣдамъ, на ложномъ пути, къ невѣрной цѣли“ ¹⁹⁾.

Итакъ, даже панегиристы этого популярнаго типа слѣдователей-борцовъ не могутъ скрыть его дефектовъ и опасности для личной свободы обывателей.

Противоположность слѣдователей-борцовъ составляютъ *слѣдователи-формалисты*. „Мы не сыщики, а судьи; ни ухищреній, ни насилій Судебные Уставы не допускаютъ“. Утрируя смыслъ этой формулы, слѣдователь-формалистъ теряетъ всякую самостоятельность, идетъ наугадъ и безъ плана, и все его производство отличается нерѣшительностью и случайностью по существу, хотя всѣ формы безукоризненно соблюдены и дѣло съ внѣшней стороны блеситъ. Нѣмцы называютъ такого слѣдователя „экспедитивнымъ“, по-русски наиболѣе подходящимъ словомъ будетъ „прилизанный“. „Онъ никогда не жалуется на излишекъ работы, у него и въ дѣйствительности нѣтъ никогда слишкомъ большого числа дѣлъ, они у него сплавляются легко

¹⁹⁾ Н. В. Муравьевъ. Юридич. Вѣстн., 1886 г., № 9, стр. 259.

и быстро, онъ даетъ имъ направленіе прежде, чѣмъ они—при условіи, конечно, всесторонняго и тщательнаго разслѣдованія—успѣютъ принять внѣшность многотомнаго труда“²⁰⁾.

Разновидностей этого типа множество. Одну изъ нихъ превосходно очертилъ гр. Толстой въ своемъ Иванѣ Ильичѣ. Помните эту страницу, широкою кистью нарисовавшую портретъ во весь ростъ! „Въ служебныхъ дѣлахъ онъ былъ, несмотря на свою молодость и склонность къ легкому веселью, чрезвычайно сдержанъ и даже строгъ... никогда не злоупотреблялъ своею властью, напротивъ, старался смягчить ея выраженія; но сознаніе этой власти и возможность смягчать ее составляли для него главный интересъ и привлекательность (слѣдовательской) службы. Въ самой же службѣ, именно въ слѣдствіяхъ, Иванъ Ильичъ очень быстро усвоилъ приемъ отстраненія отъ себя всѣхъ обстоятельствъ, не касающихся службы, и облеченія всякаго самаго сложнаго дѣла въ такую форму, при которой бы дѣло только внѣшнимъ образомъ отражалось на бумагѣ, и при которомъ исключалось совершенно его личное воззрѣніе и, главное, соблюдалась бы всякая требуемая формальность“.

Побужденія къ такой пассивности весьма различны: у однихъ (*слѣдователь-баринъ*)—брезгливое предубѣжденіе противъ черной сыскной работы, у другихъ (*слѣдователь-инвалидъ*)—природная вялость или благопріобрѣтенная апатія и усталость; у третьихъ (*слѣдователь-карьеристъ*)—опасеніе рѣшительнымъ шагомъ вызвать неудовольствіе сильныхъ міра сего, у иныхъ (*слѣдователь-жрецъ*)—манія безстрастія и наивная робость принизить себя, переступивъ грань судейской нелицепріятности, понимаемой въ смыслѣ безучастности, и т. д.

Вотъ двѣ противоположныхъ категоріи, два типа нашихъ современныхъ слѣдователей. Между ними, конечно,—масса промежуточныхъ оттѣнковъ и видовъ, а также неожиданныхъ перемѣщеній качествъ.

Я не сталъ бы такъ долго останавливаться на означенныхъ разновидностяхъ слѣдователей, если бы онѣ обусловлены были лишь личными качествами дѣятелей, а не существующими воззрѣніями на задачу дѣятельности; но каждая разновидность вѣдь всегда имѣетъ аргументы въ пользу именно своего способа веденія слѣдствій и цитируетъ статьи устава уголовного судопроизводства, возражая, по ея мнѣнію, иной взглядъ или методъ.

²⁰⁾ Гансъ Гроссъ. Руководство для судебныхъ слѣдователей. Смоленскъ, 1895 г., стр. 66.

Гдѣ же правда и гдѣ тотъ средній типъ, тотъ нашъ идеаль русскаго *слѣдователя-судьи*, котораго задумали наши Судебные Уставы и котораго характеризуетъ „дѣйствіе въ мѣру, во-время, съ соблюденіемъ и пониманіемъ коренныхъ началъ современнаго уголовного правосудія, при неуклонномъ стремленіи чистыми путями къ обдуманной и вѣрной цѣли“? ²¹⁾

Въ литературѣ такого идеальнаго образца я не встрѣчалъ, въ жизни онъ мнѣ не попадался. Хочется вѣрить, что онъ есть, но нельзя закрыть глазъ на то, что такимъ слѣдователемъ быть сверхъестественно-трудно.

По крайней мѣрѣ, Е. А. Пушкинъ, желая представить изъ жизни и наблюденій образецъ такого судебного слѣдователя, пишетъ: „Судебный слѣдователь... обыкновенно находитъ, что въ виду доказаннаго на опытѣ поверхностнаго отношенія полиціи къ поручаемымъ ей дознаніямъ и отсутствія всякой дѣйствительной отвѣтственности ея... обращеніе къ ней за какой-либо помощью составляетъ дѣйствіе исключительно формальное и бесполезное..., онъ въ то же время считаетъ несогласнымъ ни съ закономъ, ни съ чувствомъ собственнаго достоинства принимать на себя добровольно исполненіе обязанностей, возложенныхъ на полицію, вслѣдствіе чего вынужденъ бываетъ ограничиваться въ большей части тщательнымъ и добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ объективной стороны преступленія, предоставляя разъясненіе стороны субъективной лицамъ потерпѣвшимъ, доносчикамъ и случайно приходящимъ на выручку обстоятельствамъ. Хорошо, если при этомъ подобный судебный слѣдователь обладаетъ юридическою опытностью и знаніемъ жизни,—что на практикѣ... встрѣчается весьма рѣдко,—тогда еще есть надежда на то, что изъ случайно добытаго матеріала онъ сумѣетъ извлечь относительно достаточное количество свѣдѣній, необходимыхъ для разъясненія истины: но въ большинствѣ случаевъ единственный удѣлъ слѣдствій, произведенныхъ этимъ способомъ—прекращеніе ихъ, на основаніи 277 ст. уст. угол. суд., за обнаруженіемъ виновныхъ“ ²²⁾.

Добавить что-либо къ этой правдивой характеристикѣ современнаго—средняго между борцомъ и формалистомъ—типа „слѣдственнаго судьи“ едва ли нужно. Но если сверхъестественно-трудно въ наши дни быть слѣдователемъ-судьею, то въ чемъ причина этой трудности, кто ближайшій виновникъ и гдѣ выходъ?

²¹⁾ Н. В. Муравьевъ. Юридич. Вѣстн. 1886 г., № 10, стр. 260.

²²⁾ Юридич. Вѣстн. 1882 г., № 3, стр. 485—486.

IV.

Чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ (гдѣ выходъ?), съ которымъ въ связи стоятъ и разрѣшаются остальные, нужно бы предварительно ориентироваться въ массѣ законодательныхъ новеллъ и руководственныхъ циркуляровъ да указовъ, направившихъ слѣдовательскую работу послѣ 1864 г. Изученіе ихъ, однако, представляетъ столь сложную задачу, что не укладывается въ рамки настоящаго очерка. Несомнѣнно одно,—при сравнительномъ изученіи всѣхъ этихъ „предначертаній“ невольно вспоминается возница, обязавшійся доставить трехъ пассажировъ въ три различныхъ пункта одной мѣстности. Пока у него ясенъ порядокъ послѣдовательныхъ заѣздовъ съ пассажирами, онъ хорошо различаетъ и ту точку, которой нужно достигнуть, чтобы отъ нея начать развозить пассажировъ. Но когда послѣдніе рассорились изъ-за очереди попасть домой, то смутили возницу, который затѣмъ не только перепуталъ строго обдуманый планъ цѣлесообразнѣйшаго исполненія своей задачи, но даже потерялъ и основную путеводную точку изъ глазъ, т.-е. подвергъ себя всѣмъ зигзагообразнымъ случайностямъ брести въ потемкахъ и даже риску направиться назадъ отъ цѣли.

Въ наши дни судебная практика именно и утратила чутье относительно *коренной* путеводной точки для усовершенствованія предварительнаго слѣдствія.

Юридическія явленія подчинены законамъ эволюціи, ихъ нельзя разсматривать съ точки зрѣнія покоя; нельзя и постановку слѣдователя въ законѣ 1864 г. изучать безъ сравненія со слѣдственной частью въ предшествовавшихъ кодексахъ. Когда и предупрежденіе, и пресѣченіе, и разслѣдованіе преступленій было сосредоточено въ рукахъ одной и той же полиціи нераздѣльно, то, конечно, только она и являлась всецѣло виновною въ уголовной безопасности гражданъ, а послѣдніе не могли не признавать „Порфирія Петровича“ идеаломъ слѣдователя. Но... въ большихъ массахъ *досель* цѣль популярный взглядъ на Порфирія Петровича какъ на типъ наилучшаго судебного слѣдователя. Популярное освѣщеніе задачи нашего современнаго судебного слѣдователя до извѣстной степени находить оправданіе въ дѣйствующемъ законѣ, а еще болѣе въ судебной практикѣ.

Дѣйствительно, „учрежденіе судебныхъ слѣдователей“ 8 іюня 1860 г. явилось подъ давленіемъ желанія освободить полицію

отъ слѣдственной части, нашъ первый слѣдователь имѣлъ миссію облегчить полицію; текстъ означеннаго „учрежденія“ списанъ безъ особой переработки въ отдѣлѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. о предварительномъ слѣдствіи, такъ что современный слѣдователь не могъ, разумѣется, не сохранить черты своего предтечи. Но по духу времени онъ не могъ равнымъ образомъ и забыть, что при полицейскихъ по существу обязанностяхъ онъ носить все-же судебный мундиръ. Натура его въ виду этого представляется менѣе цѣльною, чѣмъ могла бы быть.

Въ самомъ дѣлѣ, не является ли въ наши дни судебный слѣдователь какимъ-то триликимъ Янусомъ? вѣдь онъ вынужденъ совмѣщать въ себѣ тройственную дѣятельность. Онъ и *судья*, т.-е. ему приходится оцѣнивать матеріалъ и составлять постановленія о достаточности или недостаточности уликъ, о возможности или невозможности предъявить обвиненіе данному лицу, объ оштрафованіи свидѣтелей, экспертовъ, понятыхъ, о принятіи гражданскаго иска и др. мѣръ; онъ же и *обвинитель*, потому что приводитъ въ извѣстность обстоятельства, уличающія обвиняемаго, собираетъ доказательства бытія преступленія, сохраняетъ слѣды его и т. д.; онъ же и *защитникъ* обвиняемаго, такъ какъ долженъ приводить въ извѣстность обстоятельства, оправдывающія обвиняемаго.

„Смѣшеніе при предварительномъ слѣдствіи въ одномъ лицѣ функций всѣхъ органовъ, входящихъ въ уголовный процессъ, не можетъ не вліять губительно на существо производящагося слѣдствія. Функции эти несовмѣстимы въ одномъ лицѣ. Нѣтъ возможности быть въ одно и то же время и обвинителемъ, и защитникомъ, и судьей. Отъ человѣка, руководившаго розыскомъ, положившаго огромный трудъ на разысканіе обстоятельствъ, уличающихъ обвиняемаго, нельзя требовать безпристрастной оцѣнки, съ одной стороны, своего личнаго труда, а съ другой—доводовъ обвиняемаго, которые въ большинствѣ случаевъ будутъ казаться такому лицу сомнительными. Не безпристрастіе и притомъ полное, какъ требуетъ законъ, будетъ естественнымъ со стороны такого лица, а съ его стороны вполнѣ естественнымъ является пристрастіе и увлеченіе. Еще менѣе и на томъ же основаніи можетъ такое лицо исполнить обязанности судебныя“ ²³⁾.

²³⁾ Матеріалы пересмотра законоположеній о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій. Изд. М. Ю., 1882 г., ч. 2, отзывъ оберъ-прокурорскаго надзора, стр. 64—65.

Психологически фальшивое положеніе слѣдователя создано, впрочемъ, какъ я постараюсь доказать, не столько Судебными Уставами 20 ноября 1864 г. и еще менѣе основными положеніями уголовного судопроизводства 29 сентября 1862 г., сколько судебной *практикой*, на которую, какъ оказалось—ошибочно, творцы Судебныхъ Уставовъ возлагали слишкомъ много упованій, выразившись, что „удовлетворительное отправленіе правосудія зависить болѣе отъ достоинствъ судей, чѣмъ отъ совершенства законовъ“ ²⁴⁾.

На первыхъ порахъ это предположеніе, можетъ-быть, и было вѣрно, но чѣмъ далѣе отходила эпоха великихъ реформъ, тѣмъ болѣе судебное вѣдомство забывало идеи и обстоятельства, руководившія реформой, а къ этому присоединились историческія условія, приведшія къ умаленію престижа судебной власти, вообще, и слѣдовательской, въ частности.

Полиція не забывала, что въ 1860 г. судебные слѣдователи были созданы для ея облегченія, а ежедневная практика ей указывала, что Судебные Уставы, сравнительно съ прежнимъ закономъ, не вооружили судебного слѣдователя никакими новыми и дѣйствительными правами противъ полицейской бездѣятельности. Отсюда было естественно охлажденіе полиціи къ уголовному розыску, отрывавшему ее отъ тѣхъ обязанностей внѣшняго благочинія и фиска, за которыя начальство карало либо награждало безъ вниманія къ успѣху или бездѣйствію по уголовному дѣлу. Slѣдователь, дѣйствуя въ средѣ мало-культурной и неотзывчивой еще къ добровольному и идейному несенію гражданскаго долга и не встрѣчая содѣйствія со стороны полиціи, оказался въ трагическомъ положеніи. Ему оставалось либо самому замѣнить, гдѣ только можно, полицію, и тогда онъ становился „Порфиріемъ Петровичемъ“ или однимъ изъ его подражателей (смотря по степени талантливости и удачливости), либо, памятуя о своемъ судейскомъ званіи, махнуть на все рукою (fiat justitia, pereat mundus) и стать слѣдователемъ-формалистомъ болѣе или менѣе пассивнымъ.

Могъ ли выработаться при такихъ условіяхъ средній типъ слѣдователя-судьи? Да, если бы этому содѣйствовала наша прокуратура.

Сводъ Законовъ 1857 г., какъ извѣстно, зналъ форму процесса чисто-слѣдственной, редакторы Судебныхъ Уставовъ или,

²⁴⁾ Судебные Уставы съ изложеніемъ разсужденій, изд. Госуд. канц., 1866 г., ч. 3, стр. XXXVI.

вѣрнѣе, государственный совѣтъ предпочли систему слѣдственно-обвинительную, то-есть на предварительномъ слѣдствіи сохранили розыскной порядокъ, на судебномъ чисто-состязательный; но всѣ симпатіи ихъ склонялись къ системѣ чисто-обвинительной. Если бы наша судебная практика развивалась въ духѣ тѣхъ разсужденій, которыя легли въ основаніе кодекса и были опубликованы, а не подчинилась вліянію предшествовавшихъ судебныхъ навыковъ, какъ это предсказывалъ Миттермайеръ, то роль слѣдователя было бы, вѣроятно, совсѣмъ иная. Препятствовала развитію и усовершенствованію слѣдственной части, главнымъ образомъ, инертность—вольная или невольная—прокурорскаго надзора.

По основнымъ положеніямъ уголовного судопроизводства „власть обвинительная отдѣляется отъ судебной“, причемъ опредѣлено было содержаніе и объемъ ея: „власть обвинительная, т.-е. *обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ*“. Означенное опредѣленіе вышло не случайно, оно повторено и въ 51 ст. основныхъ положеній судопроизводства: „сущность прокурорской обязанности заключается: 1) въ наблюденіи за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона; 2) въ обнаруженіи и преслѣдованіи предъ судомъ всякаго нарушенія законнаго порядка и въ требованіи распоряженій къ его возстановленію, и 3) въ предложеніи суду предварительныхъ заключеній въ случаяхъ, означенныхъ въ уставахъ гр. и угол. суд.“.

Ни одного штриха въ уставѣ уголовного судопроизводства, гдѣ бы съ прокуратуры прямо снималась или умалялась обязанность обнаруживать преступленія и преслѣдовать преступниковъ, найти нельзя, а опереться въ подтвержденіе этой обязанности можно.

Прежде всего это 253 ст. уст. угол. суд., въ силу которой голословное указаніе на преступленіе должно быть предметомъ только дознанія полицейскаго, и ст. 312, предписывающая, что „прокуроръ и его товарищи не должны требовать начатія слѣдствія безъ достаточныхъ къ тому основаній. Въ сомнительныхъ случаяхъ они обязаны собрать свѣдѣнія посредствомъ негласнаго полицейскаго развѣдыванія“. Затѣмъ опереться можно на 279 ст.: „По производству дознаній о преступныхъ дѣяніяхъ, полицейскіе чины состоятъ въ непосредственной зависимости отъ прокуроровъ и ихъ товарищей“. Наконецъ, 545 ст. очень ясно говоритъ: „По дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, не влекущихъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ

и преимуществъ, къ судебному производству можетъ быть при-
ступлено и безъ предварительнаго слѣдствія, если прокуроръ
по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ и доказательствамъ или по
самому свойству дѣла признаетъ возможнымъ предложить суду
обвинительный актъ и если судъ и съ своей стороны не усмо-
треть надобности въ предварительномъ слѣдствіи²⁵.

Если бы эти статьи устава уголовного судопроизводства по-
лучили надлежащее развитіе со стороны прокуратуры на прак-
тикѣ, то нашъ слѣдователь не былъ бы тѣмъ триликимъ Яну-
сомъ, какимъ онъ поневолѣ сталъ теперь, а прокуратура дѣй-
ствительно стала бы тою *живою* силою, о которой такъ красно-
рѣчиво распространяется авторъ „Прокурорскаго надзора“.

„Правильная государственная жизнь,—учить Штейнъ,—та, въ
которой каждый органъ выполняетъ только свою функцію. Не-
организованною она становится тогда, когда одинъ органъ за-
хватываетъ функцію другого“. Именно такого рода неоргани-
зованность наблюдается на нашемъ предварительномъ слѣдствіи,
участіе въ которомъ полиціи и прокуратуры закономъ твердо
не обозначено. Этотъ пробѣлъ подчеркнул еще проф. Миттер-
майеръ, высказавши: „Желательна была бы большая опредѣ-
ленность отношеній прокурора къ слѣдственному суду“²⁵).

Конечно, въ уголовномъ процессѣ *смѣшаннаго* типа, гдѣ въ
стадіи предварительнаго слѣдствія нѣтъ рѣзкаго раздѣленія
обвинительной и судебной властей, трудно провести конкретно
грань между дѣятельностью слѣдователя и прокурора. Однако,
большая или меньшая путаница стоитъ въ зависимости отъ
modus vivendi и отъ того *направленія*, куда намѣчено итти въ
судебной практикѣ. Если бы *modus vivendi* прочно усвоилъ въ
качествѣ руководственнаго принципа смыслъ 3 и 4 ст. основ-
ныхъ положеній уголовного судопроизводства 1862 г., то, не-
сомнѣнно, въ дѣятельности нашихъ слѣдователей постепенно
возобладалъ бы элементъ судебный, а розыскная склонность
притупилась бы.

При всякомъ планѣ раздѣлить трудъ между двумя работниками
едва ли не самымъ важнымъ является начальный моментъ—при-
ступъ къ работѣ. Когда въ играющемъ оркестрѣ инструментъ
послѣ паузы вступить и поведетъ мелодію своевременно, все
идетъ гладко;—но если вступленіе его мало-мальски опоздаетъ,
либо, наоборотъ, забѣжитъ впередъ, гармонія нарушится, ладу
не выйдетъ. Въ 312 ст. уст. угол. суд. императивно указано:

²⁵) Журн. Мин. Юст., 1864 г., № 10, стр. 18.

„Прокуроръ и его товарищи не должны требовать начатія слѣдствій безъ достаточныхъ къ тому оснований. Въ сомнительныхъ случаяхъ они обязаны собрать свѣдѣнія посредствомъ негласнаго полицейскаго развѣдыванія“. Не менѣе повелительно редактирована и ст. 262 уст. угол. суд.: „Предварительное слѣдствіе не можетъ быть начато судебнымъ слѣдователемъ безъ законнаго къ тому повода и достаточнаго основанія“. Отъ толкованія и пониманія встрѣчающихся здѣсь выражений (достаточное основаніе, законный поводъ, сомнительный случай) зависитъ то или иное раздѣленіе труда прокуратуры и слѣдователя на предварительномъ слѣдствіи.

Если бы судебная практика твердо и устойчиво стремилась, во-первыхъ, къ раздѣленію властей судебной и обвинительной во *всѣхъ* стадіяхъ уголовного процесса, какъ это въ видѣ общаго начала возвыщено въ 3 ст. основныхъ положеній уголовного судопроизводства (29 сентября 1862 г.), и если бы прокуратура памятовала ст. 4 того же закона, опредѣлившую содержаніе и объемъ обвинительной власти, то наша прокуратура очень ревниво оберегала бы свои права по *возбужденію дѣлъ* (тоже основное понятіе!) и не сложила бы на другую власть вытекающія изъ нихъ активныя и симпатичныя обязанности.

Прежде всего выросло бы значеніе 262 ст. уст. угол. суд., той самой, которая теперь какъ-то чуть не атрофирована. По этой статьѣ „предварительное слѣдствіе не можетъ быть начато судебнымъ слѣдователемъ безъ законнаго повода и достаточнаго основанія“. Существуетъ только одинъ законный поводъ къ началу слѣдствія—наличность преступнаго дѣянія или признаковъ преступленія, при условіяхъ подсудности послѣдняго окружному суду (249 ст.), безусловной необходимости предварительнаго слѣдствія (544, 545 ст.), отсутствіи законныхъ причинъ, погашающихъ уголовную отвѣтственность (16 ст.), или другихъ причинъ, указанныхъ въ ст. 27, 1006, 1080, 1089, 12135—и т. д. ²⁶⁾ Если несомнѣнная наличность въ происшествіи факта преступленія еще не доказана, признаки преступленія сомнительны или не соблюдены извѣстныя условія, то не могло бы и рѣчи быть о наличности законнаго повода къ слѣдствію, такъ какъ только такая наличность условій вызываетъ дѣятельность лишь полицейскую (ст. 253) и прокурорскую (ст. 279).

Не трудно было бы вывести и объясненіе другого основ-

²⁶⁾ А. А. Соколовъ. Практ. руководство для судебн. слѣдов., т. I, стр. 136.

ного термина (262 ст.)—*достаточное основаніе*. Задача слѣдствія заключается въ изысканіи виновника преступнаго дѣянія и въ собраніи доказательствъ его вины. Личность преступника по законному дѣлу обнаруживается изъ совокупности всѣхъ обстоятельствъ, коими сопровождалось преступленіе. Вотъ совокупность-то указаній на личность преступника и доказательства его вины и составляютъ достаточное основаніе для слѣдствія ²⁷⁾. Такой выводъ можно сдѣлать, между прочимъ, и изъ текста 310 ст., которая даже по явкѣ съ повинною запрещаетъ слѣдователю начать слѣдствіе, если нѣтъ въ ней доказательствъ вины или если повинная опровергается имѣющимися у слѣдователя свѣдѣніями.

Если бы прокуратура наша желала такъ понять смыслъ 262 ст. у. у. с. или хоть не противилась его пониманію, то въ наши дни коммиссія пересмотра Судебныхъ Уставовъ могла бы, вѣроятно, обсудить вопросъ и о полномъ проведеніи состязательнаго начала, нынѣ принятаго лишь въ судебномъ слѣдствіи, въ сферу предварительнаго слѣдствія.

Но въ дѣйствительности этого не произошло. Судебная практика признала, что въ 297 ст. уст. угол. суд. выраженіе „законный поводъ“ есть юридическій терминъ, тогда какъ въ ней перечисляются въ сущности только способы, форма огласки преступленій ²⁸⁾, а о терминѣ „достаточное основаніе“ мало заботится.

Благодаря благопріятному стеченію служебныхъ отношеній, прокурорскій надзоръ получилъ верховенство надъ судебнымъ слѣдователемъ, вся карьера послѣдняго стала складываться по аттестациямъ прокурорскимъ. Однимъ словомъ, въ концѣ-концовъ 545, 544, 312, 262, 282 ст. уст. угол. суд. атрофировались, а значеніе 281, 311, 512 ст. необыкновенно выросло. Иногда прокуратура стала доходить до узурпированія власти, навязывать слѣдователю производство слѣдствія по всякому своему предложенію, независимо отъ внутренней законности его. По крайней мѣрѣ, въ брошюрѣ г. Базилевича ²⁹⁾ указываются случаи, когда прокуроръ, получивъ по 309 ст. уст. угол. суд. отъ слѣдователя дознаніе, въ которомъ полиціей не обнаружены признаки преступленія, возвращалъ слѣдователю переписку съ такою мотивировкою: „Въ виду того, что полиціею

²⁷⁾ А. А. Соколовъ. Руководство, т. I, стр. 137.

²⁸⁾ А. А. Соколовъ. Основные принципы предварительнаго производства въ уголовномъ процессѣ. 2 изд., стр. 31.

²⁹⁾ Причины упадка предварительнаго слѣдствія. Орелъ, 1896 г., стр. 15.

не обнаружены признаки преступленія, предлагаю вамъ приступить къ производству слѣдствія“. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что 30 ноября 1889 г. за № 3720 разосланъ былъ сенатскій указъ, опредѣлившій порядокъ и право слѣдователя вступать съ прокуратурою въ споръ и пререканіе по вопросу о законности прокурорскихъ предложеній.

Итакъ, наша прокуратура, вмѣсто развитія той обвинительной власти, которая намѣчена ей въ 4 ст. основныхъ положеній уголовного судопроизводства, избрала или обстоятельствами вынуждена была избрать себѣ иной путь дѣятельности. Благодаря этому, а также и стеченію разныхъ политическихъ событій, не окрѣпла и не выяснилась въ должной мѣрѣ равнымъ образомъ роль и цѣль полицейскаго дознанія для предварительнаго слѣдствія, не говоря уже объ уголовномъ розыскѣ.

Обнаруженіе преступленій дѣлается путемъ дознанія, а дознаніе должно руководиться прокуроромъ; на это императивно указываетъ 279 и 252 ст. уст. угол. суд. Преслѣдованіе виновныхъ осуществляется путемъ розыска; объемъ и содержаніе послѣдняго въ уставахъ не опредѣлены, но это случилось, между прочимъ, потому, что редакторы возлагали очень большое упованіе на указы, гдѣ такіа опредѣленія должны были найти себѣ мѣсто. Прокуратурѣ въ лицѣ прокурора судебной палаты и предоставлено полное право руководить полицейскою дѣятельностью путемъ наказовъ. Однако, указы палатской прокуратуры въ этомъ направленіи почти ничего не сдѣлали и даже въ нѣкоторыхъ округахъ не составлены вовсе или, по крайней мѣрѣ, не напечатаны.

А между тѣмъ прокурорскіе указы могли и должны были и прокуратурѣ окружныхъ судовъ уяснить обязанность ея въ сферѣ руководства дознаніемъ и наблюденія за слѣдствіемъ, такъ какъ обязанность эта въ дѣйствующемъ законѣ выражена довольно туманно. Въ самомъ дѣлѣ, прокурорскому надзору „при производствѣ предварительнаго слѣдствія закономъ предназначена спеціально роль наблюдательная какъ надъ производствомъ слѣдствія, такъ и надъ полиціей (ст. 278, 279). Указаніемъ на *активное* участіе лицъ прокурорскаго надзора въ дѣлѣ розыска можетъ служить лишь ст. 279, подчиняющая полицейскихъ чиновъ власти прокурорскаго надзора. Изъ нея можно вывести то заключеніе, что прокурорскій надзоръ, въ качествѣ начальства, можетъ возлагать на чиновъ полиціи собраніе, путемъ дознанія, тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы надзору для правильнаго теченія предварительнаго слѣдствія.

Категорически такого рода активное участіе лицъ прокурорскаго надзора въ розыскѣ закономъ не установлено“³⁰⁾.

На это и ссылается обыкновенно наша прокуратура, приводя кромѣ того еще и 281 ст. уст. угол. суд.; но она совершенно упускаетъ изъ виду, что по 136 ст. учр. суд. уст. ей принадлежитъ право инициативы въ дѣлѣ законодательнаго толкованія дѣйствующихъ порядковъ и судебной практики, и что въ этомъ направленіи ею не сдѣлано ничего даже для разъясненія объема и содержанія термина „наблюденіе“, упоминаемаго въ 278 ст. уст. угол. суд.

Несомнѣнно, тѣмъ или инымъ путемъ терминъ этотъ былъ бы уже разъясненъ, если бы положеніе судебного слѣдователя не принизилось въ дѣйствительности и если бы его судьба была менѣе въ зависимости отъ прокурорской рекомендаціи, т.-е. если бы его связи съ окружнымъ судомъ были посильнѣе и поцѣльнѣе. Въдѣ разъяснено же Сенатомъ (но почти всегда не по почину прокуратуры) въ направленіи усиленія *судебнаго элемента въ слѣдователь* немало процессуальныхъ вопросовъ предварительнаго слѣдствія; и въ томъ числѣ даже вопросъ о *допущеніи адвокатуры* при примѣненіи 303¹ ст. уст. угол. суд.! Но больше, къ сожалѣнію, было противоположныхъ указаній и требованій.

Что же вышло?

Отрекшись отъ попытки принять активное участіе въ уголовномъ розыскѣ и осуществлять *обвинительную* власть на предварительномъ слѣдствіи, прокуратура тѣмъ самымъ умалила для себя возможность быть истинно живою силою. „Нашъ прокурорскій надзоръ скорѣе отличается вялостью, чѣмъ наоборотъ, и главнымъ образомъ занятъ перепискою да отпискою“, — утверждаетъ одинъ изъ высшихъ чиновъ прокурорскаго надзора, г. Закревскій. „Наблюденіе прокурорскаго надзора за слѣдствіемъ во время его производства крайне рѣдко способствуетъ успѣху слѣдствія“, — добавляетъ П. Н. Обнинскій³¹⁾, и т. д. Въ то же время инертность прокуратуры отразилась и на полицейской помощи слѣдователю. „Можно съ увѣренностью сказать, — гласитъ авторитетный отзывъ совѣщанія лицъ оберъ-прокурорскаго надзора при кассационномъ уголовномъ департаментѣ Правительствующаго Сената³²⁾, — что въ настоящее

³⁰⁾ Отзывъ совѣщанія лицъ оберъ-прокурорскаго надзора при уголовномъ кассационномъ департаментѣ Правительствующаго Сената, стр. 62.

³¹⁾ Юрид. Вѣстн., 1891 г., № 1, стр. 65.

³²⁾ Матеріалы для пересмотра законоположеній о предварительномъ слѣдствіи, стр. 63.

время существуетъ не розыскъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, а лишь замедляющая ходъ уголовного дѣла, совершенно излишняя переписка, чисто формальнаго свойства, между органами слѣдствія и полиціи“.

V.

Все это, вмѣстѣ взятое, въ связи съ общеизвѣстнымъ фактомъ приниженія на дѣлѣ слѣдовательской должности привело къ упадку уголовной репрессіи съ одной стороны, къ жалобамъ на безуспѣшность и неосмотрительность слѣдователей—съ другой.

Чтобы точнѣе обрисовать ту работу, которая навязывается слѣдователю, совершенно излишне и напрасно отвращаетъ его вниманіе и энергію отъ настоящаго уголовного матеріала, можно привести вычисленіе А. А. Соколова ³³⁾. Г. Соколовъ взялъ 100 слѣдствій, поступившихъ подъ-рядъ въ окружный судъ, и убѣдился, что нужно изъ нихъ прекратить: 19 за отсутствіемъ признаковъ преступленія, 26 за недоказанностью факта преступленія, 23 за необнаруженіемъ виновныхъ, 15 за состоявшимся примиреніемъ, 1 за смертью обвиняемаго, 13 по недостаточности уликъ; 3 возвращено къ дослѣдованію. Черезъ годъ онъ взялъ еще 100 дѣлъ подъ-рядъ, и изъ нихъ пришлось прекратить: 34 за отсутствіемъ признаковъ преступленія, 32 по бездоказательности факта преступленія, 2 въ виду неправильнаго возбужденія слѣдствія, 32 за необнаруженіемъ виновныхъ. Такимъ образомъ, безъ законнаго повода произведено было въ первомъ учетѣ 53%, во второмъ 66%, т.-е. слѣдователи взялись за дѣло только въ предположеніи, нѣтъ ли въ оглашенныхъ предъ ними происшествіяхъ преступленія. Развѣ это не нарушеніе 253 и 262 ст. у. у. с.?!

Къ такимъ фактамъ и свѣдѣніямъ наша судебная практика относится „сурово - величаво“, „спокойно зрить“ на возможность и неизбѣжность пререканія прокурора со слѣдователемъ въ случаяхъ, подобныхъ указанному г. Базилевичемъ ³⁴⁾.

Но если спокойно зрить и сурово-величаво относится къ возможности пререканій и бездѣйствія прокуратура, не въ состояніи принять на себя роль Пимена судебный слѣдователь, менѣе изолированный отъ біенія жизни, нежели прокуроръ.

³³⁾ Практич. руководство для судебн. слѣдователей, т. II, кн. 3, стр. 22 и 609.

³⁴⁾ См. выше 29-ю выноску.

Слѣдователь нашъ потому—производитъ дознаніе, погружается въ розыскъ, дѣлаетъ развѣдки, лишь бы не упустить моментъ, лишь бы не безвозвратно пропало дѣло, ибо невозможно ему и больно смотрѣть „постыдно-равнодушно“ на горе людей, пострадавшихъ отъ преступленія. Не безызвѣстно слѣдователямъ, конечно, что это не ихъ обязанность, но если обязанность эту никто не беретъ на себя, то приходится и преступить кругъ своихъ профессиональныхъ дѣйствій. Отсюда-то и беретъ свое начало преобладаніе между нашими *лучшими* слѣдователями типа, родственнаго Порфирію Петровичу, типа слѣдователя-фанатика.

Однако... совмѣстимо ли такое направленіе слѣдовательской работы съ тѣмъ понятіемъ, которое соединено со словами „судебная власть“? Не узурпировалъ ли нашъ слѣдователь власть обвинительную? Не является ли онъ *по существу* представителемъ власти обвинительной (а не судебной), синонимомъ прокурора (а не судьи)?

Отвѣтить нужно утвердительно на всѣ вопросы, кромѣ одного. Присвоить можно лишь то, что принадлежит другому; но я старался доказать, что прокурорская власть на предварительномъ слѣдствіи отсутствуетъ. Мало того, она отсутствуетъ по принципу, а не вслѣдствіе, такъ сказать, *личныхъ* пассивныхъ склонностей прокурорскаго надзора; по крайней мѣрѣ одинъ изъ прокуроровъ прямо разъяснилъ: „Прокуроръ не только во время производства предварительнаго слѣдствія, но и на судѣ можетъ быть и долженъ быть *судьею*, но не французскимъ прокуроромъ“ ³⁵⁾.

Мнѣ мало понятно, что собственно хотѣлъ авторъ сказать этими словами. По выраженію Бентама, защита общественнаго блага вызываетъ страсть; страстность и борьба присущи самой природѣ уголовнаго иска; „безпристрастіе, по Іерингу, должно быть выше сторонъ; сторона и безпристрастіе едва ли могутъ быть соединены другъ съ другомъ“; требовать безпристрастія отъ обвинителя—не значить ли исключать необходимость суда? Но увлеченіе и страстность, столь необходимы обвинителю, не должны, разумѣется, заслонять въ немъ самообладанія добросовѣстности, безъ которыхъ, какъ и безъ увлеченія, успѣхъ его сомнителенъ ³⁶⁾. Если подъ выраженіемъ „быть судьею“ г. Хрулевъ рекомендовалъ прокурору добросо-

³⁵⁾ С. Хрулевъ. Юрид. Вѣстн., 1884 г., № 11, стр. 120.

³⁶⁾ А. А. Соколовъ. Руководство, т. III, кн. 4, стр. 32, 146, 152 и др.

вѣстность и самообладаніе, то это только неточное словоупотребленіе; если же онъ разумѣлъ полное безстрастіе судьи, то съ этимъ взглядомъ едва ли многіе согласятся.

Слѣдователь, сказалъ я, становится у насъ синонимомъ „прокурорскаго замѣстителя“ въ первой стадіи уголовнаго процесса,—развѣ это не такъ? Допустите на минуту, что нашъ слѣдователь получилъ право руководить полиціею, согласно 253, 279, 485 и друг. ст. уст. угол. суд.; развѣ тогда не предстанетъ передъ нами слѣдующая картина: прокуроръ и его товарищи представляютъ въ округѣ принципъ легальности и выступаютъ въ судебныхъ засѣданіяхъ окружнаго суда обличителями обвиняемыхъ, а слѣдователи (эпитетъ „судебный“ отбросимъ) несутъ обязанность обвинителей въ предварительномъ уголовномъ процессѣ, т.-е. (какъ сказано въ 4 ст. основн. положеній угол. суд. 1862 г.) обнаруживаютъ, дознаютъ преступленія и преслѣдуютъ, разыскиваютъ преступниковъ.

Отъ такой метаморфозы едва ли произойдетъ существенный ущербъ для правъ и свободы гражданъ, но слѣдователь, переставъ быть судебнымъ и по формѣ (по существу онъ и сейчасъ почти не судебный), будетъ менѣе стѣсненъ формальностями, безъ которыхъ немислимо судейское дѣйствіе,—натура слѣдователя стала бы цѣльнѣе... Да, пожалуй, тогда дождались бы скорѣе и „менѣе важныя“ дѣла (т.-е. подсудныя мировымъ судебнымъ установленіямъ) того вниманія обвинительной власти (слѣдователь вѣдь тогда сталъ бы органомъ послѣдней), которое теперь у насъ совсѣмъ имъ не удѣляется и безъ котораго гложетъ уголовная безопасность.

VI.

Это замѣчаніе, впрочемъ, вырвалось у меня мимоходомъ; не о такой постановкѣ *предварительнаго слѣдствія* я мечтаю.

Мечтать полезно, однако, въ тѣхъ видахъ чтобы создать идеалъ, къ которому нужно стремиться неуклонно и планомерно. Мечтать не вредно, если стремленіе къ лучшему будущему не умаляетъ энергіи и бодрости въ настоящемъ. Идеальное построеніе и размежеваніе дознанія, розыска и предварительнаго слѣдствія не входило въ планъ моего сообщенія; (оно, кстати сказать, и дано уже А. А. Соколовымъ въ его книгѣ „Основные принципы предварительнаго производства въ уголовномъ процессѣ“). Я хотѣлъ только напомнить, что

35 лѣтъ назадъ намѣчался планъ постановки судебного слѣдователя, какъ носителя власти чисто судебной, и что сама жизнь указываетъ *modus vivendi* для нашего предварительнаго слѣдствія.

Сводъ Законовъ 1857 года зналъ чистую слѣдственно-инквизиторіальную форму его; законъ 8 іюня 1860 г. ввелъ слѣдственно-обвинительный порядокъ, въ которомъ Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. произвели перемѣну въ положеніи слѣдователя, а жизнь заставляетъ повернуть уголовное судопроизводство даже въ стадіи предварительной къ обвинительно-состязательной системѣ, зачатки которой указаны императоромъ Александромъ II, утвердившимъ 29 сентября 1862 года основныя положенія уголовного судопроизводства.

В. С. Малченко,
дѣйствительный членъ
Москов. Юридическаго Общества.

СУДЕБНО - АДМИНИСТРАТИВНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ ЗА ПЯТИЛѢТІЕ 1892—1897 ГОДОВЪ.

Съ 1 іюля 1891 года въ Тверской губерніи, взаимнѣ административныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и судебно-мировыхъ установленій, введенъ институтъ земскихъ начальниковъ.

Пятилѣтній періодъ вполне достаточенъ, чтобы судить, въ какой степени новыя учрежденія оправдали возлагавшіяся на нихъ закономъ надежды. Отчеты о дѣятельности судебно-административныхъ учрежденій, ежегодно помѣщаемые въ „Обзорахъ Тверской губерніи“ (приложенія къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ), представляютъ довольно богатый, хотя и не всегда достаточно систематизированный и точный матеріалъ. Къ числу недостатковъ отчетности, кромѣ многихъ погрѣшностей въ подсчетахъ, относятся: случайность помѣщенія свѣдѣній о дѣятельности волостныхъ судовъ (только за одинъ годъ), отсутствіе единства программы въ отчетахъ о дѣятельности губернскаго присутствія и невозможность выдѣлить изъ отчетовъ о дѣятельности уѣздныхъ сѣздовъ свѣдѣнія о числѣ дѣлъ, возникшихъ по жалобамъ на рѣшенія городскихъ судей.

Кромѣ того, свѣдѣнія о дѣятельности новыхъ судебно-административныхъ учрежденій не могутъ быть сравниваемы съ предшествующею дѣятельностью упраздненныхъ крестьянскихъ и судебно-мировыхъ установленій и должны быть разсматриваемы сами по себѣ, главнымъ образомъ потому, что, въ видахъ возможнаго облегченія судебной дѣятельности земскихъ начальниковъ и предоставленія имъ широкой возможности быть дѣйствительно „твердой правительственной властью“ въ сельскихъ мѣстностяхъ, значительно расширена компетенція во-

лостныхъ судовъ и учреждены новыя должности городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружнаго суда, къ которымъ и отошло много дѣлъ, разрѣшавшихся прежде мировыми судьями.

Слѣдуетъ замѣтить, что ранѣе, напр. въ 1890 г., весь институтъ мировыхъ судей губерніи (44 участка) стоилъ земству 78,756 рублей, или въ среднемъ по 1,790 рублей на участокъ, и 42,100 рублей тратилось земствомъ же на содержаніе губернскаго и 12-ти уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій; въ настоящее время замѣнившіе ихъ 63 земскихъ начальника и 12 городскихъ судей, получающихъ по 2,200 рублей въ годъ, обходятся казнѣ въ 165,000 рублей, 12 уѣздныхъ членовъ окружнаго суда стоятъ 39,600 рублей, на содержаніе губернскаго присутствія тратится 10,500 рублей. Въ 1890 году населеніе губерніи на волостные суды (244) расходовало 13,580 рублей, послѣ же реформы—уже 53,980 рублей.

Такимъ образомъ, новыя судебно-административныя учрежденія обходятся населенію въ настоящее время въ 269,080 руб. или на 134,644 рубля въ годъ болѣе, чѣмъ стоили судебно-мировыя учрежденія.

Въ имѣющемся у насъ источникѣ—„Обзоры Тверской губерніи“ за 1892—1896 гг.¹⁾—даны отчеты по губернскому присутствію, по сѣздамъ земскихъ начальниковъ, о дѣятельности земскихъ начальниковъ и, наконецъ, за одинъ годъ—о дѣятельности волостныхъ судовъ губерніи.

Дѣятельность новыхъ учреждений распадается на административную и судебную.

Судебная дѣятельность губернскаго присутствія выражается въ ежегодномъ разсмотрѣніи въ среднемъ 1022 гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Всѣ 1022 дѣла, а въ 1895 году—1200, обыкновенно разрѣшаются въ 11—12 засѣданій. Часто на одно засѣданіе назначается значительно больше 100 дѣлъ; такъ,—какъ видно изъ публикацій въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ,—на 11 января 1897 г. было назначено 119 дѣлъ, на 30 апрѣля—126 и на 30 мая—106 дѣлъ. Предполагаемый закономъ порядокъ засѣданій этого высшаго мѣстнаго судебно-административнаго органа таковъ: послѣ доклада дѣла однимъ изъ непремѣнныхъ членовъ, которыхъ двое ²⁾, выслушиваются объясненія сторонъ, если таковыя налицо, и заключеніе прокурора; послѣ обсужденія дѣла пишется уже то или другое рѣшеніе.

¹⁾ Отчеты за послѣднее полугодіе 1891 г. нами не разсматриваются.

²⁾ Въ завѣдываніи одного находятся судебныя, а другого—административныя дѣла.

Казалось бы, меньше десяти минут на дѣло, въ большинствѣ случаевъ путаное и сложное, прошедшее уже двѣ инстанціи, потратить никоимъ образомъ нельзя, что при 126 дѣлахъ, назначенныхъ на 30 апрѣля 1897 г., потребовало бы 20-ти часовъ непрерывнаго засѣданія; между тѣмъ губернское присутствіе обыкновенно кончаетъ свои занятія къ 5—7 часамъ дня, начавъ ихъ въ 1—2 часа дня.

Число судебныхъ дѣлъ въ губернскомъ присутствіи возрастаетъ, но незначительно: съ 988 дѣлъ въ 1892 г. до 1066 въ 1896 году. Число отмѣненныхъ рѣшеній уѣздныхъ сѣздовъ достигло въ 1896 году значительныхъ размѣровъ—25,3% противъ 18,6% въ 1892 году. Число нерѣшенныхъ дѣлъ къ концу 1896 года равнялось 13,4% всѣхъ дѣлъ.

Число судебныхъ засѣданій въ сѣздахъ въ 1896 году достигло въ среднемъ 27 на сѣздъ (отъ 11 до 38). Число апелляціонныхъ, кассационныхъ и частныхъ жалобъ на рѣшенія и приговоры земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, равно какъ и число жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ ежегодно увеличивается. Число жалобъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей съ 2642 въ 1892 году возросло до 3154 въ 1896 году; число жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ съ 4638 въ 1892 г. возросло до 5781 въ 1895 г. и 5193 въ 1896 г. Здѣсь, какъ своеобразное явленіе, слѣдуетъ отмѣтить полное отсутствіе кассационныхъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ въ тверскомъ и старицкомъ сѣздахъ, въ то время какъ ржевскій сѣздъ представляетъ исключеніе въ обратную сторону, съ преобладаніемъ кассационныхъ жалобъ надъ апелляционными.

Тотъ или другой размѣръ % отмѣненныхъ рѣшеній и приговоровъ въ особенности характеризуетъ судопроизводство. Какъ видно изъ отчетовъ, изъ дѣлъ по жалобамъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей отмѣнены въ 1892 году 20,7%, въ 1893—40,0%, въ 1894—31,4%, въ 1895—25,0%, въ 1896—20,8%, а по отношенію ко всѣмъ рѣшеніямъ и приговорамъ 7,9% за послѣдній годъ.

По жалобамъ на рѣшенія волостныхъ судовъ отмѣняется всегда болѣе половины общаго числа обжалуемыхъ дѣлъ: въ 1892 году отмѣнено 53,4%, въ 1893—52,8%, въ 1894—51,4%, въ 1895—53,3% и въ 1896—58,7%, въ среднемъ—54%, а по отношенію ко всѣмъ дѣламъ волостныхъ судовъ—5,0% за послѣдній годъ.

Число дѣлъ, находившихся въ производствѣ болѣе трехъ

мѣсяцевъ, возросло болѣе чѣмъ въ два раза: съ 408 въ 1893 г. до 924 въ 1896 году. Наибольшею медленностью судопроизводства въ 1896 г. отличались два уѣздныхъ сѣзда: новоторжскій (376) и корчевской (114), съ 53%, всѣхъ дѣлъ этой категоріи по губерніи.

Такимъ образомъ, несмотря на постепенное и значительное, какъ увидимъ ниже, сокращеніе судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ, число жалобъ на рѣшенія ихъ возрастаетъ параллельно съ возрастаніемъ и медленности производства въ уѣздныхъ сѣздахъ.

Число судебныхъ дѣлъ въ производствѣ земскихъ начальниковъ, постепенно сокращаясь, достигло въ 1896 году 12361 (по 196 дѣлъ на одного земскаго начальника) вмѣсто 13411 въ 1892 г., но при этомъ значительно возросло и число жалобъ въ сѣздѣ на рѣшенія ихъ (въ среднемъ по 50 жалобъ изъ 196 на одного земскаго начальника въ 1896 г., на 8 жалобъ болѣе, чѣмъ въ 1892 году). Увеличилось, какъ и въ сѣздѣ, значительно число дѣлъ, находящихся въ производствѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ: вмѣсто 897 дѣлъ въ 1892 году—1208 въ 1895 г. и 1161—въ 1896 году. Особою медлительностью въ 1896 году отличались земскіе начальники уѣздовъ: Зубцовскаго (157), Осташковскаго (197) и Старицкаго (202), съ 48%, всѣхъ дѣлъ этой категоріи въ губерніи.

Число нерѣшенныхъ къ концу отчетнаго года дѣлъ также указываетъ на усиленіе канцелярщины и медлительность въ производствѣ. Несмотря на сокращеніе общаго числа дѣлъ у земскихъ начальниковъ, число нерѣшенныхъ къ концу отчетнаго года дѣлъ абсолютно почти не уменьшилось (1072—1061).

Число нерѣшенныхъ дѣлъ къ концу 1896 г. особенно значительныхъ размѣровъ достигло у земскихъ начальниковъ 4-хъ уѣздовъ: Тверскаго (131), Старицкаго (144), Новоторжскаго (163) и Осташковскаго (188), съ 56,9%, всѣхъ такихъ дѣлъ въ губерніи.

Не говоритъ также въ пользу института земскихъ начальниковъ и уменьшеніе числа дѣлъ, оконченныхъ примиреніемъ (съ 829 до 588), и увеличеніе числа заочныхъ рѣшеній. Послѣднія при вторичномъ разбирательствѣ въ большинствѣ случаевъ оставались въ силѣ: вмѣсто 505 въ 1892 году, въ 1895 году ихъ было 640, причемъ рѣшенія измѣнены только по 43 дѣламъ.

Число дѣлъ, возбуждаемыхъ по усмотрѣнію земскихъ начальниковъ, возросло съ 76 до 147. Число принятыхъ словесныхъ жалобъ съ 1123 въ 1892 году упало до 803 въ 1896 году. По-

слѣднее обстоятельство—сильное сокращеніе числа словесныхъ жалобъ — несомнѣнно является результатомъ усиленія канцелярщины и формализма въ производствѣ земскихъ начальниковъ, которымъ всегда гораздо легче имѣть дѣло съ написанной, даже и малограмотнымъ деревенскимъ ходатаемъ, жалобою, чѣмъ тратить время на записываніе ея со словъ самихъ жалобщиковъ, хотя то или другое рѣшеніе по жалобѣ несомнѣнно находится въ извѣстной зависимости отъ того, насколько ясно и опредѣленно изложены требованія и обстоятельства дѣла въ первоначальномъ заявленіи. Съ другой стороны, не мало претензій, при записываніи жалобъ со словъ, конечно, не дошло бы до разбирательства, и сторона удовлетворилась бы простымъ разъясненіемъ неосновательности ея жалобы. Уменьшеніе числа принятыхъ словесныхъ жалобъ особенно сильно въ уѣздахъ: Зубцовскомъ (22), Вышневолоцкомъ (50), Калязинскомъ (51) и Бѣжецкомъ (61), съ 8,9%, всѣхъ такихъ жалобъ.

Изъ приговоровъ волостныхъ судовъ къ тѣлесному наказанію въ разсмотрѣніи земскихъ начальниковъ было:

1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
879	717	566	390	283

Изъ нихъ замѣнены земскими начальниками другими

наказаніями % 30,7 31,9 43,1 43,6 54,4

Здѣсь нужно порадоваться, главнымъ образомъ, тому, что въ населеніе проникаетъ сознаніе непригодности этого позорнаго наказанія, почему и число приговоровъ къ тѣлесному наказанію годъ отъ года становится все меньше и меньше (въ 1881 году волостными судами губерніи было приговорено къ тѣлесному наказанію 2720 человекъ), и, съ другой стороны, тому, что и земскіе начальники приходятъ къ этому же убѣжденію: если въ 1892 и въ 1893 гг., ими были утверждены $\frac{2}{3}$ приговоровъ къ тѣлесному наказанію, то въ 1896 г. — менѣе $\frac{1}{2}$ послѣднихъ.

Слѣдуетъ оговориться, что въ отчетахъ о дѣятельности земскихъ начальниковъ рѣчь идетъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ по числу приговоровъ, а не о числѣ лицъ приговоренныхъ. По отчету же о дѣятельности волостныхъ судовъ въ 1896 г. всѣхъ приговоренныхъ оказывается 494 человекъ, изъ которыхъ тѣлесное наказаніе замѣнено земскими начальниками и уѣздными сѣздами другими наказаніями только для 165 человекъ.

Отмѣтимъ, что есть уѣзды, въ которыхъ, какъ видно изъ

отчетовъ о дѣятельности волостныхъ судовъ, тѣлесныя наказанія почти не практикуются: это—Ржевскій и Старицкій, гдѣ изъ 6 приговоренныхъ на оба уѣзда наказанъ только одинъ—въ Старицкомъ; Зубцовскій, гдѣ изъ 10 приговоренныхъ наказаны четверо. Но, съ другой стороны, есть такіе уѣзды, какъ Вышневолоцкій, гдѣ изъ 146 лицъ, приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію, подвергнуто ему 98; Бѣжецкій съ 31-мъ наказаннымъ изъ 54-хъ приговоренныхъ; Новоторжскій, въ которомъ изъ 78 приговоренныхъ освобождены были отъ позорнаго наказанія только четверо; Весьегонскій, въ которомъ изъ 68 приговоренныхъ наказано 43 человѣка.

Насколько намъ извѣстно, ранѣе въ Новоторжскомъ уѣздѣ тѣлесныя наказанія не имѣли мѣста.

По отчетамъ о дѣятельности земскихъ начальниковъ картина получается другая, и, если вѣрить имъ, въ Бѣжецкомъ, Весьегонскомъ, Новоторжскомъ и Калязинскомъ уѣздахъ случаи примѣненія тѣлесныхъ наказаній встрѣчаются не часто (2—10 на уѣздъ). Чьи цифры ближе къ истинѣ—земскихъ начальниковъ или волостныхъ судовъ, трудно судить, хотя отчеты о волостныхъ судахъ проходятъ черезъ руки земскихъ начальниковъ, что и должно бы служить гарантіею, если не правильности ихъ, то того, чтобы цифры земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ не противорѣчили другъ другу. Цифрами отчетовъ о волостныхъ судахъ мы пользовались еще съ большею осторожностью, чѣмъ цифрами отчетовъ о дѣятельности самихъ земскихъ начальниковъ. Въ отчетахъ о волостныхъ судахъ встрѣчаются, напр., такіе перлы: по Калязинскому уѣзду показано оставшихся дѣлъ къ 1896 году 223, вновь поступившихъ—2494, изъ нихъ рассмотрѣно уголовныхъ—258, гражданскихъ—388 дѣлъ, по которымъ постановлено приговоровъ и рѣшеній уголовныхъ—842, гражданскихъ—1229, обжаловано—275 (въ сѣздъ поступило—213), неразматрѣнныхъ—255; по Вышневолоцкому уѣзду осталось 271 дѣло, поступило—5318 дѣлъ, изъ нихъ рассмотрѣно 1466 дѣлъ, по которымъ постановлено приговоровъ и рѣшеній—4965, не рѣшенныхъ—324; по Ржевскому уѣзду осталось—798, поступило—5869, рассмотрѣно—8783, не рѣшено—875; по Бѣжецкому рассмотрѣно уголовныхъ дѣлъ—3151, по 1074 дѣламъ обвинено—2260 лицъ, подвергнуто же наказанію—1549 лицъ, кончено примиреніемъ и оправданіемъ—1041 дѣло и т. д.

По этому отчету (нижеприводимыя цифры болѣе или менѣе правдоподобны) общая картина дѣятельности волостныхъ судовъ

губерніи представляется таковою: въ теченіе 1896 года въ 244 волостные суда Тверской губерніи поступило—60985 дѣлъ, по 250 дѣлъ въ среднемъ на волостной судъ и по 10 дѣлъ въ среднемъ на одно засѣданіе суда; изъ общаго числа дѣлъ было— $\frac{1}{3}$ уголовныхъ и $\frac{2}{3}$ гражданскихъ.

Изъ 18254 разсмотрѣнныхъ уголовныхъ дѣлъ 28% окончены примиреніемъ, 26%—оправданіемъ и 46%—обвиненіемъ. По послѣднимъ дѣламъ приговорены къ наказаніямъ: выговорамъ—605 человекъ, денежнымъ взысканіямъ—4296 человекъ (на сумму 7327 рублей), аресту простому—4920 человекъ, строгому—на хлѣбъ и водѣ—1140 и къ тѣлеснымъ наказаніямъ—494 человека, изъ которыхъ для 165 лицъ тѣлесныя наказанія замѣнены другими. Изъ разсмотрѣнныхъ неокончательно 23645 дѣлъ обжалованы въ сѣзды въ апелляціонномъ порядкѣ 17%, изъ 35664 окончательныхъ приговоровъ и рѣшеній обжалованы въ кассационномъ порядкѣ—3%. Изъ разсмотрѣнныхъ 18254 уголовныхъ дѣлъ обжалованы 7,5%, а изъ 41055 гражданскихъ—9%; въ общемъ, обжаловано 8,5% всѣхъ рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ. Число жалобъ въ сѣзды возросло *) съ 4638 въ 1892 г. до 5781 въ 1895 г. и до 5193 въ 1896 г. Число случаевъ отмѣны сѣздами обжалованныхъ рѣшеній и приговоровъ съ 2467 въ 1892 г. возросло до 3046 въ 1896 г. (51—59%), не считая дѣлъ, переданныхъ для новаго разсмотрѣнія въ другіе волостные суды. Отмѣненные сѣздами въ 1896 году рѣшенія и приговоры составляютъ 5% всѣхъ постановленныхъ и 59%—всѣхъ обжалованныхъ приговоровъ и рѣшеній волостныхъ судовъ.

Общее число административныхъ дѣлъ въ губернскомъ присутствіи постепенно сокращается. Такъ, вмѣсто 2362 дѣлъ въ въ 1892 году, въ теченіе 1896 года поступило уже 1635 дѣлъ. Сокращеніе падаетъ, главнымъ образомъ, на дѣла по выкупу надѣльныхъ земель. Обратно, число жалобъ въ порядкѣ надзора на дѣйствія земскихъ начальниковъ и волостныхъ старшинъ постоянно возрастаетъ; такъ, въ 1893 году жалобъ поступило 190, въ 1894 г.—256, въ 1895 г.—458 и въ 1896 г.—476 (29,1 всѣхъ административныхъ дѣлъ въ присутствіи). Изъ 476 поступившихъ въ 1896 г. жалобъ въ порядкѣ надзора, 310 было на непредставленіе земскими начальниками въ уѣздный сѣздъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, 33 на медленность земскихъ начальниковъ, 20 на неправильныя дѣйствія и медленность волостныхъ старшинъ.

*) Изъ отчетовъ о дѣятельности уѣздныхъ сѣздовъ.

О большинствѣ остальныхъ административныхъ дѣлъ свѣдѣнія, кромѣ 1896 г., неполны.

Дѣлъ по поземельному устройству крестьянъ въ производствѣ присутствія въ 1896 г. было—313, дѣлъ о повинностяхъ—83, о выдачѣ видовъ на жительство—33, по семейнымъ раздѣламъ—40, по опекамъ—96, по увольненію и удаленію изъ общества—273, по непринятію въ общество—74, по переселеніямъ въ Сибирь—26. Другія 221 дѣло не поддаются точной и ясной классификаціи.

Непремѣнными членами присутствія обревизовано дѣлопроизводство 3-хъ сѣздовъ и дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ 3½ уѣздовъ. Иныхъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ присутствій у насъ нѣтъ; можно только пожелать, чтобы административныя дѣла рѣшались не съ такою быстротой, какъ судебныя.

Насколько разносторонняя компетенція губернскихъ присутствій по административнымъ дѣламъ, настолько же ограничена компетенція уѣздныхъ сѣздовъ, и то или другое количество дѣлъ въ сѣздахъ находится въ прямой зависимости отъ того, сколько пришлютъ земскіе начальники сельскихъ и волостныхъ приговоровъ для кассациі и уѣздные исправники — описей по продажѣ имуществъ.

Число административныхъ засѣданій въ сѣздахъ достигало въ 1896 году въ среднемъ 13 (9—22). Общее число административныхъ дѣлъ въ сѣздахъ съ 2566 въ 1893 г. уменьшилось до 2264 (по 185 дѣлъ на сѣздъ) въ 1896 году. Уменьшеніе произошло преимущественно за счетъ дѣлъ по порученіямъ, даваемымъ сѣздами земскимъ начальникамъ объ исполненіи приговоровъ сѣздовъ. Число отмѣняемыхъ сельскихъ и волостныхъ приговоровъ также значительно уменьшилось. Въ среднемъ, земскими начальниками въ сѣзды ежегодно представляется волостныхъ и сельскихъ приговоровъ, какъ незаконныхъ или нарушающихъ интересы обществъ и лицъ—1113 (по 18 приговоровъ на одного земскаго начальника и по 93 приговора на одинъ уѣздный сѣздъ), изъ коихъ сѣздами въ среднемъ ежегодно отмѣняется 961 ¹⁾ приговоръ. Наиболѣе осторожно къ отмѣнѣ сельскихъ и волостныхъ приговоровъ относятся сѣзды: Осташковскій (76) и Старицкій (87). Дѣлъ по продажѣ крестьянскихъ имуществъ за недоимки поступаетъ въ

1) Въ отчетахъ о дѣятельности земскихъ начальниковъ свѣдѣнія по этимъ же вопросамъ значительно не совпадаютъ съ только-что приведенными.

сѣзды отъ 500 до 668; жалобъ на земскихъ начальниковъ по дѣламъ опеки—по 14—19 въ годъ, о правонарушеніяхъ, учиненныхъ выборными должностными лицами волостного и сельского управленія, поступаетъ отъ земскихъ начальниковъ ежегодно отъ 150 до 183 дѣлъ, по которымъ предается суду отъ 35 до 57 и увольняется безъ суда отъ 75 до 103 лицъ.

Число административныхъ дѣлъ въ производствѣ земскихъ начальниковъ, постепенно сокращаясь, въ 1896 г. достигло 8826 (по 140 дѣлъ на одного земскаго начальника) вмѣсто 12945 дѣлъ ²⁾ въ 1892 году. Значительно сократилось число ревизій волостныхъ правленій, волостныхъ судовъ, волостныхъ банковъ, ссудосберегательныхъ товариществъ и другихъ сельскихъ учрежденій. Всѣхъ ревизій земскими начальниками было произведено въ 1892 году—3416, въ 1895 г.—1043 и въ 1896 г.—570. Въ одномъ изъ уѣздовъ, Тверскомъ, число ревизій понизилось до 11 въ годъ на 15 волостей. Производится дознаній лично земскими начальниками по разнымъ дѣламъ въ среднемъ ежегодно—1930, въ 1896 году—1854. Особенно мало дознаній за 1896 годъ было произведено въ 3 уѣздахъ: Зубцовскомъ (28), Калязинскомъ (64), Ржевскомъ (68).

Дѣла о растратахъ должностными лицами сельского и волостного управленія прогрессируютъ такимъ образомъ:

всего произведено въ	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
растраты	75	86	120	160	125
на сумму руб.	7549	6491	12609	14198	14778

Смѣна волостныхъ и сельскихъ писарей годъ-отъ-году идетъ слабѣе; такъ было уволено:

въ	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
писарей	59	36	40	29	17

Здѣсь можетъ быть сдѣлано два предположенія: или составъ писарей дѣйствительно улучшается, или же—„новая метла чище мететъ“: въ первые годы у земскихъ начальниковъ было много горячности, усердія, возни и т. п., а послѣ—усталость, менѣе ревностное отношеніе къ дѣлу.

Число уволенныхъ по представленіямъ земскихъ начальни-

²⁾ Въ отчетѣ за 1892 г. число ревизій показано 732, но въ объясненіяхъ къ отчету—по двѣ ревизіи на каждое волостное правленіе и по 12 ревизій на каждый волостной судъ, всего 3416, кромѣ ревизій банковъ, ссудосберегательныхъ товариществъ и проч. Нами взято послѣднее число ревизій и общее число административныхъ дѣлъ вмѣсто 10261—12945.

ковъ и преданныхъ сѣздами суду другихъ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія также, какъ видно по отчетамъ о дѣятельности уѣздныхъ сѣздовъ, нѣсколько сократилось: 128 въ 1896 году, вмѣсто 138 въ 1892 году.

Сокращеніе числа увольняемыхъ должностныхъ лицъ должно бы говорить въ пользу улучшенія состава ихъ; но возрастаніе числа растратъ и растраченныхъ суммъ, увеличеніе, какъ увидимъ ниже, числа жалобъ со стороны частныхъ лицъ и учрежденій на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія и многое другое свидѣлствуютъ о противномъ.

Жалобъ по 28 ст. пол. о земск. нач. на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія къ земскимъ начальникамъ въ 1892 г. поступило 2308, въ 1895 г.—2552 и въ 1896 г.—2350; изъ нихъ получили дальнѣйшее движеніе въ 1892 г.—561 (24,3%, всѣхъ жалобъ) и въ 1896 г.—358 (15,2%); по жалобамъ наложено взысканій въ 1892 г.—546 (23,7%, всѣхъ жалобъ) и въ 1896 г.—611 (26,0%).

Какъ видно, число жалобъ по 28 ст. пол. о земск. нач. нѣсколько возросло, число же подвергнутыхъ наказаніямъ по нимъ увеличилось и абсолютно, и относительно.

Число наказаній, налагаемыхъ по усмотрѣнію самихъ земскихъ начальниковъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, значительно,—и это очень характерно въ сопоставленіи съ увеличеніемъ взысканій по жалобамъ,—уменьшилось: наложено взысканій въ 1892 г.—353, въ 1896 г.—122.

Редакція этой части отчетовъ нѣсколько запутана; статья 28 пол. о земск. нач. даетъ земскому начальнику право разрѣшать жалобы на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія собственною властью, а статья 62-я опредѣляетъ предѣлы власти земскаго начальника въ наложеніи наказаній по этимъ жалобамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отчетахъ со свѣдѣніями о числѣ жалобъ помѣщаются свѣдѣнія о числѣ дѣлъ, получившихъ дальнѣйшее движеніе, и о числѣ наложенныхъ взысканій по жалобамъ. Дѣла, получившія дальнѣйшее движеніе, должны поступить на заключеніе сѣздовъ, но въ отчетахъ сѣздовъ ихъ оказывается ежегодно раза въ три меньше. Въ графахъ отчетовъ о числѣ наложенныхъ взысканій на должностныхъ лицъ по 62 ст. пол. о земск. нач. приводятся цифры также совершенно другія, тогда какъ цифры эти должны представлять несомнѣнно одно и то же: взысканія съ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія за маловажные проступки по должности—замѣчанія, выговоры, штрафы до 5 руб. и аресты до 7 дней.

Особенно велика разни́ца за 1892 годъ. По 62-й ст. пол. о земск. начальн. на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія по жалобамъ и по усмотрѣнію земскихъ начальниковъ за мало-важные проступки по должности наложено взысканій:

1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
1874	1200	1061	992	745

Въ 1896 году сравнительно мало было наказаній по 62 ст. въ уѣздахъ: Зубцовскомъ (13), Тверскомъ (24) и Корчевскомъ (28), на Бѣжецкій же (157), Весьегонскій (84), Вышневолоцкій (115) и Новоторжскій (90) приходится 60,0%, всѣхъ случаевъ взысканій.

За неисполненіе законныхъ распоряженій или требованій земскихъ начальниковъ лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, земскими начальниками, согласно 61 ст. пол. о земск. нач., безъ всякаго формальнаго производста подвергнуто аресту до 3-хъ дней или штрафу до 6 рублей:

въ	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.
лицъ	1701	1861	2135	1195	614

Въ 1896 году болѣе или менѣе рѣдко встрѣчались взысканія по 61 ст. въ шести уѣздахъ: Ржевскомъ (6), Зубцовскомъ (6), Старицкомъ (7), Тверскомъ (13), Корчевскомъ (18), Калязинскомъ (30), на остальные же шесть уѣздовъ падаетъ 87%, всѣхъ случаевъ, причемъ особенно выдѣляются: Осташковскій (161), Бѣжецкій (113) и Весьегонскій (103) уѣзды.

Въ отчетѣ за 1896 годъ по этому поводу говорится: „по 61 ст. пол. о земск. нач. наложено взысканій 614 вмѣсто 1195 въ 1895 г. Обстоятельство это показываетъ, что земскіе начальники правомъ, предоставленнымъ имъ 61 ст., пользуются съ должной осторожностью. Сравнительно большое примѣненіе 61 ст. безъ должныхъ къ тому основаній наблюдалось во 2-мъ участкѣ Старицкаго уѣзда, земскій начальникъ котораго оставляетъ нынѣ службу. Такіе же результаты законнаго воздѣйствія дискреціонной власти представляютъ и случаи примѣненія 62 ст., которыхъ въ 1896 году было 745—на 247 случаевъ менѣе 1894“... *).

Эти объясненія представляются прежде всего неточными: во всемъ-то Старицкомъ уѣздѣ случаевъ примѣненія ст. 61 было только 7; а потомъ, — за что же наказывалось ранѣе,

*) Всеподданнѣйшій отчетъ губернатора по Тверской губ. за 1896 годъ.

сверхъ этихъ 1359 лицъ, болѣе чѣмъ по 2000 ежегодно? Можетъ-быть, слѣдовало бы отнестись къ этому праву съ еще большею осторожностью, и тогда цифра наказанныхъ спустилась бы до десятковъ.

Къ той же категоріи дѣлъ принадлежать и случаи примѣненія земскими начальниками 3 прим. ст. 51 общ. о крест. полож., т. е. случаи наложенія взысканій на участниковъ сельскихъ сходовъ, созванныхъ, по мнѣнію земскаго начальника, или неправильно, или постановившихъ приговоръ по предметамъ, ихъ вѣдѣнію не подлежащимъ. Этихъ взысканій, несомнѣнно, къ удовольствію населенія, теперь также меньше: въ 1892 г. ихъ было 125, въ 1896 г. — и только въ 7 уѣздахъ — 76. Изъ сельскихъ и волостныхъ приговоровъ, составленныхъ, по мнѣнію земскаго начальника, несогласно съ законами, либо клонящихся къ явному ущербу для сельскихъ обществъ и нарушающихъ права отдѣльныхъ лицъ, на заключеніе сѣздовъ, въ среднемъ ежегодно представляется 1065 (отъ 811 до 1286), изъ которыхъ сѣздами отмѣняется въ среднемъ 908 (81,7%) въ годъ (отъ 696 до 1024). Въ 1896 году въ сѣзды было представлено 1009 такихъ приговоровъ, изъ коихъ только по тремъ уѣздамъ: Старицкому (114), Новоторжскому (210) и Бѣжецкому (233) — 55,2%, всѣхъ приговоровъ по губерніи.

Интересно было бы, конечно, знать общее число составленныхъ населеніемъ и утвержденныхъ земскими начальниками приговоровъ.

Сравнительно мало было волостными и сельскими сходами составлено и земскими начальниками представлено въ сѣзды приговоровъ объ измѣненіи порядка взиманія и храненія сборовъ, порядка учета должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и о соединеніи мелкихъ обществъ, хотя подобные приговоры имѣютъ важное значеніе для населенія. Такихъ приговоровъ сѣздами ежегодно утверждается отъ 19 до 24-хъ.

Дѣлъ по опекамъ, учреждаемымъ надъ личностью и имуществомъ сиротъ сельскаго состоянія, надзоръ надъ которыми возложенъ закономъ на земскаго начальника, разсматривается ежегодно, въ среднемъ, по губерніи только 348, въ 1896 г. — 399, причемъ надзоръ этотъ слабъ и такихъ дѣлъ уже очень мало: въ Старицкомъ уѣздѣ (5), Калязинскомъ (9) и Зубцовскомъ (9).

Число дѣлъ по поземельному устройству крестьянъ понизилось съ 1822 въ 1892 г. до 1166 въ 1896 г. Въ Бѣжецкомъ и Старицкомъ уу. этихъ дѣлъ въ 1896 г. совсѣмъ не было.

Число дѣлъ по вводу во владѣніе, что въ особенности мало для цѣлой губерніи, колеблется между 105 въ 1892 г. и 28 въ 1896 г.

Дѣлъ по отводу усадебныхъ мѣстъ въ производствѣ у земскихъ начальниковъ не больше—отъ 53 до 121, въ среднемъ—98 въ годъ, въ 1896—110 и то только въ 9 уѣздахъ, кромѣ Осташковского, Зубцовскаго и Ржевскаго.

По 25 ст. пол. о земск. нач., земскими начальниками губерніи внесено предложеній на обсужденіе волостныхъ сходовъ *) въ 1892 г.—170, въ 1896 г. по 11 уѣздамъ, кромѣ Зубцовскаго,—144.

Резюмируя все сказанное, отмѣтимъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя черты того пути, по которому направлена дѣятельность новыхъ судебно-административныхъ учреждений. Этотъ путь уже теперь, черезъ пять лѣтъ по открытіи учреждений, даетъ возможность опредѣлить ихъ будущность, съ ихъ дѣятельностью, направленною въ разныя стороны, съ ихъ обязанностями съ одной стороны—судебными, съ другой—по попечительству надъ сельскими обывателями, съ желаніемъ охватить и урегулировать всѣ стороны крестьянской жизни, до мельчайшей подробности включительно.

Только двойственностью дѣятельности и можно объяснить всѣ неблагопріятныя стороны новыхъ учреждений.

Судебно-мировыя установленія вошли въ жизнь населенія и, дѣйствуя въ одномъ опредѣленномъ направленіи, заслужили симпатіи его. Въ производствѣ мировыхъ судей въ 1890 г., напр., было 13149 только уголовныхъ дѣлъ, т.-е. на 788 дѣлъ больше, чѣмъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ. У насъ нѣтъ подъ руками свѣдѣній о числѣ гражданскихъ дѣлъ у мировыхъ судей, но ихъ, несомнѣнно, было болѣе, чѣмъ въ настоящее время административныхъ у земскихъ начальниковъ (8826 въ 1896 году). Судебная дѣятельность требуетъ значительно больше вниманія и труда, чѣмъ административная дѣла, въ числѣ которыхъ масса не дѣлъ въ общепринятомъ смыслѣ, а распоряженій на ходу, какъ взысканія по 61 и 62 ст. пол. о земск. нач. etc., и, несмотря на это, никогда мировыя судебныя учрежденія не были въ томъ положеніи, въ какомъ въ настоящее время находится институтъ земскихъ начальниковъ: это—сознаніе непригодности многихъ сторонъ своей дѣятельности. Последнее, какъ показано выше, особенно рельефно выразилось

*) Въ подлинныхъ отчетахъ за всѣ пять лѣтъ ошибочно печатается: „предложеній на обсужденіе волостныхъ судовъ“.

въ сильномъ сокращеніи примѣненія тѣлесныхъ наказаній, взысканій по 61 и 62 ст. пол. о земск. нач. и по 3 примѣч. къ 51 ст. общ. пол. о крест.

Размѣръ %, отмѣненныхъ рѣшеній и приговоровъ въ особенности характеризуетъ судопроизводство и, если судить только по общему %, обжалованныхъ приговоровъ и рѣшеній (8,5% для волостныхъ судовъ и 20% для земскихъ начальниковъ) или по процентному отношенію отмѣненныхъ съѣздами къ общему числу постановленныхъ волостными судами и земскими начальниками приговоровъ и рѣшеній (5% для волостныхъ судовъ и 5,3 (въ 1896 г. — 7,9%) для земскихъ начальниковъ), — земскіе начальники и волостные суды функционируютъ удовлетворительно, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что число отмѣненныхъ съѣздами приговоровъ и рѣшеній составляетъ въ среднемъ для волостныхъ судовъ — 54% (въ 1896 г. — 59%) и для земскихъ начальниковъ — 27%.

Нельзя считать нормальнымъ существующее положеніе вещей, когда при наличности факта отмѣны 53,8% (51,4—58,7%) всѣхъ обжалованныхъ приговоровъ и рѣшеній волостныхъ судовъ и 26,8% (20,7 — 40,0%) всѣхъ обжалованныхъ приговоровъ и рѣшеній земскихъ начальниковъ поступаетъ въ съѣзды жалобъ на рѣшенія и приговоры волостныхъ судовъ 8,5%, а на рѣшенія и приговоры земскихъ начальниковъ — не болѣе 20%¹⁾ (въ 1896 г. — 26%) всѣхъ приговоровъ и рѣшеній: число обжалованныхъ рѣшеній и приговоровъ должно было бы быть выше 8,5 и 20%.

Невѣроятно, чтобы населеніе обжаловало исключительно несправедливые, по его мнѣнію, приговоры и рѣшенія. Нужно имѣть въ виду съ одной стороны, особенно по дѣламъ волостныхъ судовъ, желаніе населенія избѣжать, даже часто въ ущербъ собственнымъ интересамъ, судебной волокиты (поѣздки въ волостной судъ для подачи жалобы и въ городъ — для явки въ съѣздъ и т. д.) и, съ другой стороны, ту нѣкоторую трудность обжалованія рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ, которая очевидна изъ массы жалобъ на земскихъ начальниковъ въ порядкѣ надзора (476 жалобъ, или 9,1% всѣхъ обжалованныхъ рѣшеній) и частью случаевъ возвращенія земскими начальниками подавшимъ апелляціонныхъ и кассационныхъ жалобъ (въ 1896 г. возвращено 64 жалобы —

¹⁾ Въ дѣйствительности менѣе, такъ какъ въ числѣ дѣлъ есть жалобы на рѣшенія городскихъ судовъ.

1,2% обжалованных рѣшеній). Кромѣ того, должна быть на-
лицо и нѣкоторая боязнь населенія оспаривать мнѣнія и со-
вѣты земскихъ начальниковъ, очень часто могущихъ примѣ-
нить къ протестанту не „съ должною осторожностью“ ст. 61
пол. о земск. нач.

Очень скромно по ходу дѣлъ число обжалованныхъ рѣшеній
и приговоровъ волостныхъ судовъ въ Осташковскомъ (5,1%),
Корчевскомъ (7%), Весьегонскомъ (7,1%), Новоторжскомъ (7,3%)
и Старицкомъ (7,0%) уѣздахъ.

Неестественно низокъ по ходу дѣлъ % обжалованія рѣше-
ній и приговоровъ земскихъ начальниковъ въ уѣздахъ: Весье-
гонскомъ (11%), Ржевскомъ (17), Старицкомъ (20) и Кашин-
скомъ (22%).

Число обжалованныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ въ 1896
году достигло 15% въ Тверскомъ, 12% въ Кашинскомъ и 11%
въ Ржевскомъ уѣздѣ.

Очень значителенъ въ 1896 г. % обжалованныхъ рѣшеній
и приговоровъ земскихъ начальниковъ въ уѣздахъ: Тверскомъ
(64%), Корчевскомъ (51), Новоторжскомъ (46) и Зубцовскомъ
(33%) и, наоборотъ, малъ въ Весьегонскомъ (11%), Ржевскомъ
(17) и Старицкомъ (20%).

Число отмѣненныхъ рѣшеній земскихъ начальниковъ до-
стигло въ 1896 г. въ Тверскомъ уѣздѣ 23%, Корчевскомъ 11%,
Кашинскомъ 10 и Калязинскомъ 12.

Такимъ образомъ, положеніе новыхъ учрежденій представ-
ляется намъ въ такомъ видѣ:

Въ производствѣ земскихъ начальниковъ, въ среднемъ, въ
настоящее время по 196 судебныхъ и по 140 административ-
ныхъ, а всего по 336 дѣлъ; число дѣлъ постепенно и значи-
тельно уменьшается, случаи же обжалованія рѣшеній и приго-
воровъ земскихъ начальниковъ, медленность въ производствѣ
судебныхъ дѣлъ и канцелярщина — возрастаютъ; случаи при-
мѣненія тѣлесныхъ наказаній сильно сокращаются; число ре-
визій крестьянскихъ учрежденій сократилось; растутъ растраты
общественныхъ суммъ; случаи увольненій безъ суда и преда-
ній суду должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія и число
взысканій съ нихъ по усмотрѣнію земскихъ начальниковъ за
проступки по должности — сокращаются, но число жалобъ на
должностныхъ лицъ со стороны учреждений и частныхъ лицъ
и наказаній — увеличиваются и, наконецъ, случаи примѣненія
61 и 62 ст. пол. о земск. нач. и 3 примѣч. къ 51 ст. общ. пол. о
крест. сократились очень значительно.

Въ среднемъ, въ производствѣ одного уѣзднаго сѣзда находится 696 судебныхъ и 185 административныхъ, а всего 881 дѣло въ годъ.

Несмотря на сокращеніе числа судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ, число судебныхъ дѣлъ въ сѣздахъ значительно увеличивается; увеличивается и число жалобъ на волостные суды; возрастаетъ значительно и медленность въ производствѣ. За пять лѣтъ сѣздами отмѣнены 53,8% всѣхъ обжалованныхъ рѣшеній и приговоровъ волостныхъ судовъ и 26,8% — всѣхъ обжалованныхъ рѣшеній и приговоровъ земскихъ начальниковъ. Административная дѣятельность сѣздовъ незначительна и въ прямой зависимости отъ дѣятельности земскихъ начальниковъ и частью уѣздныхъ исправниковъ.

Въ производствѣ губернскаго присутствія въ 1896 г. было 1066 судебныхъ и 1635 административныхъ, а всего 2701 дѣло. Число судебныхъ дѣлъ — жалобъ на рѣшенія сѣздовъ, число отмѣняемыхъ рѣшеній и приговоровъ сѣздовъ — возрастаетъ; дѣлопроизводство въ присутствіи отличается такою удивительною быстротой, что можно смѣло еще разъ пожелать ему большей медлительности; число административныхъ дѣлъ вообще сокращается, но сильно увеличивается число дѣлъ въ порядкѣ надзора по жалобамъ на земскихъ начальниковъ.

За пятилѣтіе 1884 — 1888 гг. изъ 2,198,061 гражданскихъ дѣлъ, рѣшенныхъ выборными мировыми судьями Россіи, обжаловано населеніемъ 19% и изъ 1,770,508 уголовныхъ дѣлъ — 15%, изъ которыхъ мировыми сѣздами отмѣнено 25%; кромѣ того, изъ перенесенныхъ въ кассаціонный департаментъ сената 112970 (въ десятилѣтіе съ 1881—1890 г.) отмѣнены 34% *).

Рѣшеніями и приговорами земскихъ начальниковъ населеніе остается недовольно нѣсколько чаще (% обжалованія болѣе 20%), сѣздами земскихъ начальниковъ отмѣняется нѣсколько болѣй % обжалованныхъ приговоровъ и рѣшеній (26,8%), но губернское присутствіе дѣйствуетъ нѣсколько слабѣе, чѣмъ сенатъ. Причины послѣдняго обстоятельства могутъ быть ясны, если мы вспомнимъ ту поразительную быстроту, съ какою рѣшаются дѣла въ присутствіи и обратимъ вниманіе на составъ его: губернаторъ, губернский предводитель дворянства, вице-губернаторъ, прокуроръ окружнаго суда или его товарищъ и два непремѣнныхъ члена; кромѣ нихъ въ засѣданія присутствія приглашаются: въ судебныя — предсѣдатель окружнаго суда, въ

*) Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефронъ.

административныя—управляющіе казенною палатою и государственным имуществом, а также и председатель губернской земской управы. Очевидно, весь состав присутствія — люди очень занятые своими непосредственными обязанностями и не могущіе посвятить много времени и вниманія дѣламъ губернскаго присутствія.

Итакъ, новый институтъ, вѣдающій дѣла, хотя и маловажныя, но захватывающія вполнѣ область повседневной жизни населенія, гдѣ та или иная судебная и административная организація такъ или иначе скажетъ о себѣ, институтъ, стоящій, не считая затратъ населенія на разныя строительныя фантазіи инициаторовъ — земскихъ начальниковъ *), очень не дешево (269,000 р. въ годъ), своею дѣятельностью даетъ много основаній относиться къ нему по меньшей мѣрѣ отрицательно. Такъ какъ новый институтъ есть говорящій и дѣйствующій отголосокъ молчаливаго закона, то нельзя не высказать пожеланія, чтобы наше законодательство въ этой области являлось отголоскомъ здравыхъ требованій общественности.

С. А. Михайловскій.

Членъ-корреспондентъ
Московского Юридич. Общества.

*) Такіе случаи часты и достаточно общезвѣстны, чтобы много говорить о нихъ.

ГЕРМАНСКАЯ И КЕЛЬТСКАЯ ФОРМЫ РАЗСЕЛЕНІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ *).

I.

При всемъ томъ разнообразіи, какое встрѣчается въ крестьянскомъ землевладѣніи Германіи съ точки зрѣнія характера разселенія, мы можемъ отмѣтить двѣ типичныя формы. Первая изъ нихъ носитъ названіе *дворовой системы* (*Hofsystem*), вторая — *деревенской системы* (*Dorfsystem*). Я постараюсь дать краткую характеристику каждой изъ нихъ.

Отличительною чертой первой формы является то обстоятельство, что отдѣльные крестьянскіе дворы разбросаны по всей территоріи данной общины, и что каждый такой дворъ представляетъ изъ себя одно замкнутое цѣлое. Принадлежащія къ нему земли расположены вокругъ него и лежатъ въ одномъ кускѣ; для цѣлей хозяйства онѣ раздѣлены на круглые или квадратныя участки (*Kämpfe*), огороженные заборомъ или окруженные рвомъ или живою изгородью. Лишь какъ исключеніе мы встрѣтимъ группы домовъ, расположенныхъ въ видѣ поселковъ или деревень; но эти группы обыкновенно населены не крестьянами, но главнымъ образомъ мелкими ремесленниками, чиновниками и т. п.

Понятно, что при свойственномъ этой формѣ поселенія расположеніи земель, принадлежащихъ данному двору, каждый хозяинъ вполне самостоятеленъ въ выборѣ той или другой системы хозяйства. Одиночные дворы встрѣчаются главнымъ обра-

*) Пробная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ 12 марта 1898 года.

зомъ въ сѣверозападной Германіи (къ западу отъ р. Везера) и въ гористыхъ мѣстностяхъ южной Германіи.

Совсѣмъ иное представляетъ изъ себя другая форма, яри которой населеніе живетъ не въ одиночныхъ дворахъ, разбросанныхъ по всей территоріи общины, но въ *деревняхъ*.

Деревня представляетъ изъ себя сплошную группу жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, расположенныхъ на близкомъ разстояніи одна отъ другой. Эти постройки размѣщены либо въ безпорядкѣ, либо по опредѣленному плану; онѣ окружены дворами, садами и огородами. За деревенскою чертой тянутся поля, луга, лѣса и другія угодія, принадлежащія деревнѣ. Поля раздѣлены на большое количество мелкихъ участковъ, имѣющихъ форму полосъ, иногда весьма узкихъ и длинныхъ. На каждого землевладѣльца деревни приходится большее или меньшее число такихъ полосъ, разбросанныхъ по всему полю.

Таковы двѣ системы расселенія, встрѣчаемая въ Германіи. Между этими двумя крайними типами встрѣчается рядъ переходныхъ формъ, о которыхъ я буду имѣть случай говорить ниже.

Въ мою задачу не входитъ всесторонняя оцѣнка хозяйственного и соціального значенія того различія, которое представляютъ обѣ эти системы. Поэтому лишь въ видѣ иллюстраціи я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній по этому вопросу.

Представленное мною описаніе деревенской формы поселенія было бы не полно, если бы я не указалъ на одну, и при томъ весьма важную характерную черту, всюду встрѣчавшуюся въ Германіи при этой системѣ и устраненную лишь въ XIX в. такъ наз. законодательствомъ о земельной культурѣ (*Landeskulturgesetzgebung*), къ которому я вернусь ниже. Эта черта—слабое развитіе полевыхъ дорогъ и неудобное положеніе ихъ по отношенію къ отдѣльнымъ полосамъ. Оба эти обстоятельства ведутъ къ тому, что многія полосы вовсе не прилегаютъ ни къ какой дорогѣ. Поэтому къ нимъ хозяинъ можетъ добраться только въ томъ случаѣ, если у него есть право прохода и проѣзда черезъ прилежащія къ дорогѣ участки сосѣдей.

Это ведетъ къ весьма важному въ хозяйственномъ отношеніи послѣдствію, а именно къ такъ наз. *принудительной культурѣ*. Дѣйствительно, пользованіе правомъ прохода и проѣзда черезъ чужіе участки ¹⁾ возможно только въ томъ случаѣ, если

¹⁾ Къ праву прохода и проѣзда слѣдуетъ присоединить также право оборота земледѣльческихъ орудій на чужихъ участкахъ.

какъ обработка, такъ и посѣвъ и жатва на всемъ протяженіи деревенской полевой земли будутъ производиться всѣми хозяевами одновременно. А для этого необходимо, чтобы всѣ хозяева въ каждомъ полѣ воздѣлывали одинъ и тотъ же хлѣбъ, требованіе, которое достижимо только въ томъ случаѣ, если всѣ они подчинятся извѣстному, заранѣе опредѣленному сѣвообороту, обязательному для всѣхъ. Такой обязательный сѣвооборотъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи—главнымъ образомъ въ южныхъ гористыхъ мѣстностяхъ—существуетъ и до настоящаго времени; а въ недавнемъ прошломъ онъ господствовалъ всюду въ Германіи, гдѣ только преобладала деревенская система поселеній.

Форма, въ которой проявляется принудительная культура, достаточно извѣстна: вся пахатная земля деревни дѣлится на извѣстное число равныхъ по своимъ размѣрамъ полей: 2, 3 или болѣе, въ зависимости отъ принятой въ данной мѣстности системы полеводства и безъ вниманія къ распредѣленію земли между отдѣльными собственниками²⁾.

Необходимость принудительной культуры, вытекающая изъ недостатка въ полевыхъ дорогахъ, въ значительной степени усиливается обычаемъ *общей пастбы* деревенскаго стада. Этотъ обычай тѣсно связанъ съ недостаточнымъ количествомъ корма, добываемаго при низкихъ системахъ земледѣльческой культуры. Кромѣ того, онъ представляетъ и ту выгоду, что даетъ возможность всей деревнѣ держать только одного пастуха. *Общей пастбы* подлежатъ какъ паровое поле, такъ и жнивье; и лишь во время роста хлѣбовъ засѣянное поле огораживается деревяннымъ заборомъ для защиты отъ скота; въ постановкѣ этого забора ежегодно участвуетъ каждый владѣлецъ пропорціонально размѣрамъ своего владѣнія. По окончаніи установленнаго для жатвы срока заборъ снимается, и поле превращается въ пастбище для деревенскаго стада; кто не успѣлъ убрать своего хлѣба, тотъ теряетъ его, точно такъ же какъ онъ долженъ отказаться отъ обработки своей земли, какъ только прошелъ срокъ, въ

²⁾ Однако, понятно, что хозяйственная цѣль этого раздѣленія въ то же время требуетъ, чтобы каждый собственникъ въ каждомъ полѣ имѣлъ приблизительно одинаковую площадь. Только этимъ путемъ можетъ быть достигнуто необходимое хозяйственное равновѣсіе и можетъ быть удовлетворено желаніе cadaго хозяина ежегодно получать приблизительно одинаковые урожаи cadaго хлѣба и примѣнять приблизительно одинаковый инвентаръ и одинаковое количество рабочихъ силъ.

теченіе котораго онъ можетъ пользоваться своимъ правомъ прохода и проѣзда черезъ чужіе, сосѣдніе участки.

Принудительная культура и связанная съ нею зависимость одного лица отъ способа хозяйства, принятаго всѣми, на низкихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія оказываетъ полезное вліяніе и даже представляетъ изъ себя явленіе прогрессивное. Она приучаетъ нехозяйственныхъ крестьянъ къ извѣстной дисциплинѣ и заставляетъ ихъ вести свое хозяйство по извѣстной сравнительно высокой системѣ. Однако, съ другой стороны, когда вслѣдствіе роста населенія появляется необходимость перехода къ болѣе интенсивному хозяйству, принудительная культура становится препятствіемъ всякому дальнѣйшему сельскохозяйственному прогрессу и удерживаетъ всѣхъ на уровнѣ извѣстной посредственности.

Кромѣ принудительной культуры, съ деревенской формой поселенія тѣсно связаны и другія условія, весьма вредно отражающіяся на сельскохозяйственномъ прогрессѣ.

Прежде всего уже сама разбросанность полосъ, входящихъ въ составъ одного владѣнія, ведетъ къ децентрализаціи рабочихъ силъ хозяйства и благодаря этому увеличиваетъ издержки производства. Далѣе обработка слишкомъ мелкихъ полосъ представляетъ большія затрудненія, въ особенности, если къ малому размѣру присоединяется неудобная форма.

Между тѣмъ, вслѣдствіе наслѣдственныхъ раздѣловъ, дареній и продажъ парцелляція доходила въ Германіи иногда до ужасающихъ размѣровъ. Такъ, напр., изъ прусскаго округа Кассель (пров. Гессенъ) извѣстны случаи, когда земельное владѣніе въ 10—15 ha. распадалось на 200—300 парцелль.

При сильной чрезполосности, далѣе, большое количество земли теряется вслѣдствіе многочисленныхъ междъ и дорогъ³⁾.

Наконецъ, большое значеніе имѣетъ разстояніе полосъ отъ центра хозяйства; чѣмъ далѣе онѣ отстоятъ отъ двора, тѣмъ выше растутъ издержки производства.

Всѣхъ этихъ неудобствъ нѣтъ при системѣ одиночныхъ дворовъ, которая даетъ возможность каждому владѣльцу вести свое хозяйство вполне самостоятельно и независимо отъ системы хозяйства, принятой его сосѣдами. вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что съ развитіемъ культуры все

³⁾ Такъ, напр., вычислено, что, если парцелляція земли доходитъ до $\frac{1}{4}$ моргена, то на межи теряется 5% площади (*Roscher, Nationalökonomie des Ackerbaues*, 12 Auflage, Stuttgart, 1888, § 76, прим. 2).

болѣе теряютъ значеніе нѣкоторыя преимущества, свойственныя деревенской формѣ расселенія на низкихъ ступеняхъ исторической жизни. Такъ, напр., эта форма въ значительной степени обезпечиваетъ защиту отъ нападенія дикихъ звѣрей, враговъ и разбойниковъ, тѣмъ болѣе что при принудительной культурѣ всѣ полевые работы производятся одновременно и въ одномъ мѣстѣ. При средневѣковой необезпеченности съ этимъ обстоятельствомъ приходится считаться. Въ настоящее время оно, конечно, уже не имѣетъ никакого значенія. Далѣе, деревенская форма облегчаетъ исполненіе нѣкоторыхъ задачъ въ области управленія, посѣщеніе школъ и т. д., и вообще представляетъ всѣ тѣ выгоды, которыя даетъ совмѣстная жизнь людей. Однако, при современномъ развитіи городовъ, усовершенствованіи путей сообщенія, распространеніи газетъ и облегченіи всякаго рода обмѣна мыслей—эти выгоды въ значительной степени начинаютъ терять свою силу. Поэтому, напр., указаніе на вредныя стороны изолированности отдѣльных хозяйствъ при дворовой системѣ, поддерживающей будто бы въ нихъ неподвижность и безъ того уже сильную приверженность крестьянскаго населенія къ установившимся испоконъ вѣка пріемамъ хозяйства,—это указаніе имѣетъ лишь относительное значеніе; и по справедливому замѣчанію *Зеринга* ⁴⁾ самостоятельная энергія и сильная индивидуальность, въ одинаковой мѣрѣ отличающія сѣверо-американскихъ фермеровъ и ихъ родственниковъ въ Германіи, ниже-саксонцевъ, должны быть въ значительной степени приписаны системѣ одиночныхъ дворовъ, повсемѣстно встрѣчающихся какъ въ Сѣв.-Американскихъ Штатахъ, такъ и въ Германіи по лѣвую сторону отъ рѣки Везера.

Неудобства, связанные съ чрезполосностью и принудительною культурой, на извѣстной ступени развитія сдѣлались столь стѣснительными, что для ихъ устраненія потребовалось государственное вмѣшательство.

Въ Германіи этотъ процессъ (*Flurbereinigung*) произошелъ главнымъ образомъ въ теченіе XIX вѣка путемъ такъ наз. разверстанія земель, введеннаго упомянутыми выше законами о земельной культурѣ.

Эти законы можно раздѣлить на двѣ группы.

Болѣе радикальные изъ нихъ ставили себѣ цѣлью соединеніе мелкихъ полосъ въ болѣе крупныя участки (*Zusammenle-*

⁴⁾ *Max Sering*, Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas in Gegenwart und Zukunft. Leipzig, 1887, стр. 109.

gung) и такое проведеніе полевыхъ дорогъ, которое сдѣлало бы каждый участокъ доступнымъ безъ права проѣзда черезъ чужіе участки. Менѣ радикальные задавались только проведеніемъ полевыхъ дорогъ, какъ самостоятельнымъ мѣропріятіемъ, безъ уменьшенія черезполосицы (Flurbereinigung въ тѣсномъ смыслѣ)⁵⁾.

Примѣромъ перваго рода можетъ служить прусское законодательство. Соединеніе полосъ въ болѣе крупныя участки было предусматрѣно здѣсь закономъ 7 іюня 1821 г., который вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалъ раздѣлъ общинныхъ земель и отмѣну полевыхъ и другихъ сервитутовъ⁶⁾.

Идеаль, къ которому стремится соединеніе полосъ, состоитъ въ полномъ округленіи владѣній (Vereinödung, Abbauten), т.-е. въ достиженіи такого состоянія, при которомъ вся принадлежащая къ данному владѣнію земля сосредоточивалась бы въ одномъ участкѣ вокругъ двора. Этотъ путь ведетъ къ замѣнѣ деревенской формы разселенія системою одиночныхъ дворовъ. Однако для такой замѣны требуется не только обмѣнъ полосъ между владѣльцами, но и снесеніе всѣхъ жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ и возведеніе ихъ на новомъ мѣстѣ. Поэтому эта мѣра примѣнима только къ болѣе крупнымъ владѣніямъ и встрѣчается лишь въ видѣ исключенія. Особенною извѣстностью въ этомъ отношеніи пользуется въ Германіи территория, принадлежавшая къ архіепископству Kempten (въ южн. Баваріи), гдѣ полное округленіе земельныхъ владѣній началось уже съ 1540 г.⁷⁾ Въ этой области одиночные дворы наиболѣе соотвѣтствуютъ мѣстнымъ природнымъ условіямъ, и округленіе владѣній было въ ней значительно облегчено преобладаніемъ деревянныхъ построекъ, болѣе легкихъ для переноски съ одного мѣста на другое. Далѣе, полное округленіе было произведено въ теченіе XVIII вѣка въ Шлезвигъ-Гольштиніи, Даніи, Швеціи и въ нѣкоторыхъ южно-германскихъ (напр., вюртембергскихъ) общинахъ, гдѣ его осуществленію способствовало преобладаніе крупныхъ крестьянскихъ владѣній. Наконецъ въ теченіе XIX в. оно было произведено въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ

⁵⁾ Объ этомъ см. А. Постниковъ, Общинное землевладѣніе, Выпускъ II, изд. 2-ое, Одесса, 1878, стр. 91 и слѣд.

⁶⁾ Для тѣхъ частей Пруссіи, которыя были приобрѣтены послѣ 1821 г., были изданы особые законы.

⁷⁾ Первоначально оно производилось по добровольному соглашенію заинтересованныхъ лицъ; съ 1692 начинается и принудительное округленіе.

и въ нѣкоторыхъ частяхъ Пруссіи. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ оно было проведено властью помѣщиковъ.

По общему же правилу законодательство ставитъ себѣ болѣе скромную задачу, а именно, способствовать сединенію полосъ въ одинъ или нѣсколько участковъ, безъ перенесенія построекъ и безъ уничтоженія прежней формы разселенія. Для устраненія главныхъ неудобствъ, вытекающихъ изъ чрезполосности, эта мѣра оказывается вполнѣ достаточною, и на ея проведеніи сосредоточило свое главное вниманіе законодательство какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ сѣверо-германскихъ и средне-германскихъ государствахъ. Размѣры, въ которыхъ реформа была проведена въ Пруссіи, видны изъ того, что здѣсь до 1887 г. включительно она (вмѣстѣ съ раздѣломъ общинныхъ земель и съ отмѣною сервитутовъ) коснулась 2.093.970 *властныхъ* съ площадью въ 20.094.776 *га*!

Вмѣстѣ съ соединеніемъ полосъ была создана новая система полевыхъ дорогъ, благодаря которой каждый участокъ сдѣлался доступнымъ безъ проѣзда черезъ сосѣдніе участки.

Менѣе энергично взялись за дѣло южно-германскія государства, въ которыхъ соотвѣтствующіе законы были изданы только въ серединѣ настоящаго столѣтія и главное вниманіе было направлено не на соединеніе полосъ въ болѣе крупныя участки, но на проведеніе полевыхъ дорогъ, какъ на самостоятельную мѣру. Но и въ этихъ предѣлахъ изданные здѣсь законы въ значительной степени оставались мертвою буквой до послѣдняго времени, когда они были видоизмѣнены новыми законами: въ Баваріи закономъ 29 мая 1886 г., въ Вюртембергѣ закономъ 30 марта 1886 г., въ Баденѣ закономъ 21 мая 1886 г., въ Гессенѣ закономъ 28 сентября 1887 г.⁸⁾

II.

Изъ изложеннаго мы видимъ, что переходъ отъ деревенской системы къ дворовой можетъ совершаться лишь съ большими затрудненіями и лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Съ другой стороны, какъ мы увидимъ ниже, въ тѣхъ случаяхъ, когда

⁸⁾ Недавно появился отчетъ комиссіи, завѣдующей реформою въ Баваріи (Flurbereinigungskommission) за періодъ съ 1887—1896 гг. Пространство земли, на которомъ въ теченіе этого десятилѣтія были соединены полосы или проведены полевые дороги, составляетъ 14.922 га, которые принадлежатъ 13.859 землевладѣльцамъ. Достигнутыя при этомъ выгоды оцѣниваются комиссіею въ 4½ милл. марокъ. (Brentano. Agrarpolitik, I Theil, Stuttgart, 1897, стр. 87).

одиночные дворы постепенно превращаются въ поселки и даже деревни, послѣднія носятъ на себѣ такія черты, которыя ихъ отличаютъ отъ типичной германской деревни. Уже одно это должно навести насъ на мысль о древнемъ происхожденіи обѣихъ формъ разселенія. Мысль эта дѣйствительно и подтверждается данными исторіи, которыя показываютъ, что на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры въ Германіи наряду съ деревенской формой поселенія встрѣчается и дворовая. Уже изъ словъ Тацита, съ сожалѣнію столь краткихъ, можно вывести, что онъ былъ знакомъ съ обѣими формами; хотя видно, что, описывая бытъ Германцевъ, онъ въ особенности имѣлъ въ виду такія области, которыя характеризуются преобладаніемъ дворовой системы ⁹⁾. Далѣе, и другія историческія памятники показываютъ, что преобладаніе одиночныхъ дворовъ въ главныхъ областяхъ ихъ современнаго распространенія существовало уже съ весьма ранняго времени и можетъ быть документально удостоверено начиная со второй половины среднихъ вѣковъ и вплоть до настоящаго времени ¹⁰⁾. Отсюда близко до вывода, что одиночные дворы въ этихъ областяхъ существуютъ уже съ самаго перехода населенія къ осѣдлому образу жизни и къ правильной обработкѣ земли ¹¹⁾. Этотъ выводъ въ сильнѣйшей степени подтверждается трудностью, съ которой сопряженъ переходъ отъ одной системы разселенія къ другой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется вопросъ: чѣмъ объясняется то обстоятельство, что однѣ мѣстности были заселены одиночными дворами, а другія—замкнутыми деревнями?

Обычный отвѣтъ на этотъ вопросъ до послѣдняго времени состоялъ въ томъ, что объясненія слѣдуетъ искать въ хозяйственныхъ моментахъ, связанныхъ съ природными условіями данной мѣстности. Это объясненіе было, напр., предложено извѣстнымъ австрійскимъ статистикомъ и историкомъ германскаго народнаго хозяйства *Инама-Штернегомъ* по отношенію къ *альпійскимъ* одиночнымъ дворамъ.

Существованіе послѣднихъ *Инама-Штернегъ* объясняетъ „внутренними хозяйственными причинами“. Народъ, по мнѣнію этого писателя, заселяя осѣдлымъ образомъ какую-нибудь страну, тѣмъ болѣе принаравливалъ свои хозяйственныя формы

⁹⁾ *K. Th. von Inama-Sternegg. Untersuchungen über das Hofsystem im Mittelalter mit besonderer Beziehung auf deutsches Alpenland. Innsbruck 1872.* стр. 27, 43.

¹⁰⁾ *Ibidem*, стр. 68—70, 87—88, 111, 126—128.

¹¹⁾ *Ibidem*, 99—100, 127.

къ даннымъ условіямъ внѣшней природы, чѣмъ менѣе на низкой ступени своей культурной жизни онъ умѣлъ управлять ею и господствовать надъ нею. Въ Альпахъ эти условія внѣшней природы сводятся главнымъ образомъ къ двумъ обстоятельствамъ: прежде всего здѣсь встрѣчается большое число участковъ, абсолютно неплодородныхъ и не поддающихся никакой обработкѣ, или годныхъ только для опредѣленнаго способа эксплуатаціи (абсолютныя лѣсныя или пастбищныя пространства) или только при болѣе высокой степени культуры. Всѣ подобныя земли, будучи разбросаны по странѣ среди участковъ, удобныхъ для воздѣлыванія — составляютъ первый естественный поводъ къ расселенію населенія по системѣ одиночныхъ дворовъ. Дѣйствительно, вслѣдствіе разбросанности удобныхъ для воздѣлыванія земель, концентрація хозяйства для наилучшаго использованія всѣхъ его силъ становится болѣе необходимою, чѣмъ гдѣ-либо. Невыгоды, связанныя съ чрезполосностью сказались бы здѣсь съ особою силою. Это и заставляетъ населеніе отказаться отъ выгодъ, представляемыхъ совмѣстною жизнью въ деревняхъ ¹²⁾.

Другая причина распространенія одиночныхъ дворовъ въ Альпахъ по мнѣнію Инама-Штернегга лежитъ въ томъ, что эта форма расселенія въ гораздо большей степени, чѣмъ деревенская даетъ возможность каждому хозяину независимо отъ своихъ сосѣдей выбрать систему хозяйства, наиболѣе подходящую къ условіямъ данной мѣстности и къ конъюнктурамъ рынка. Между тѣмъ при указанномъ уже разнообразіи свойствъ альпійской почвы эта возможность приноровляться къ мѣстнымъ условіямъ имѣетъ особенно важное значеніе, что подтверждается хотя бы тѣмъ разнообразіемъ въ системахъ хозяйства, которое можетъ быть наблюдаемо въ области альпійскихъ одиночныхъ дворовъ и теперь ¹³⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что разсужденія Инама-Штернегга заслуживаютъ полнаго вниманія. Однако, они касаются только гористыхъ мѣстностей. Но чѣмъ же объяснить сплошное господство одиночныхъ дворовъ въ сѣверо-западной, низменной части Германіи, а именно: въ Вестфалии, Ганноверѣ, Ольденбургѣ, а также и въ другихъ государствахъ, какъ напр. въ Ирландіи, въ южной и притомъ большей половинѣ Франціи, Бельгіи, Го-

¹²⁾ I. с. стр. 7 и слѣд. На вліяніе этой же причины въ Швеціи и Норвегіи указываетъ Гансенъ (10).

¹³⁾ Ibidem 15 — 17.

ландіи? И здѣсь старались связать преобладаніе одиночныхъ дворовъ съ хозяйственными причинами — но приводимыя при этомъ объясненія носятъ весьма мало доказательный характеръ. Такъ напр., нельзя считать достаточнымъ объясненіемъ часто встрѣчаемое въ литературѣ указаніе на то, что въ Вестфалии на лучшихъ почвахъ преобладаютъ доревни, а на худшихъ, песчаныхъ почвахъ—одиночные дворы ¹⁴⁾. Столь же мало объясняютъ, напр. утвержденіе *Росера*, что наибольшее число деревень встрѣчается въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ при большомъ плодородіи почвы долго продолжалась средневѣковая необеспеченность (въ видѣ примѣра Рощеръ указываетъ на Венгрію, Южную Россію, Испанію, Южную Португалію, Сицилію ¹⁵⁾).

III.

Недавно вышло замѣчательное изслѣдованіе, принадлежащее перу профессора Берлинскаго университета *Августа Мейтцена*, и ставящее себѣ задачею между прочимъ и разрѣшеніе разбираемаго нами вопроса о происхожденіи разныхъ системъ разселенія въ Германіи ¹⁶⁾.

Изслѣдованіе это настолько важно, что, прежде чѣмъ изложить отвѣтъ, который оно дастъ на этотъ вопросъ, слѣдуетъ хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на общемъ характерѣ книги и на личности ея автора.

Проф. Мейтценъ родился въ 1822 г. Въ 1848 г. онъ получилъ степень доктора, но уже съ 1846 г. онъ находился на государственной службѣ въ разныхъ вѣдомствахъ. Въ 1853 г. онъ былъ избранъ городскимъ головой въ гор. Гиршбергъ, а въ 1856 г. снова поступилъ на государственную службу, причемъ былъ назначенъ комисаромъ по регулированію отношеній между помѣщиками и крестьянами. Въ 1861 г. Мейтценъ былъ назначенъ комисаромъ въ Силезіи по производству земельного

¹⁴⁾ *Roscher*, I. c. § 75, прим. 2; *Inama Sternegg*, I. c., стр. 11, прим.

¹⁵⁾ *Roscher*, I. c. § 75. Инама-Штернегъ въ познѣйшемъ своемъ сочиненіи также поднимаетъ вопросъ о происхожденіи одиночныхъ дворовъ въ Сѣверозападной Германіи, но не даетъ ему никакого разрѣшенія (*Deutsche Wirtschaftsgeschichte*, томъ I, Leipzig 1879, стр. 40—52).

¹⁶⁾ *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen. Von August Meitzen*, Berlin 1895. 3 тома. Къ сочиненію приложенъ атласъ, заключающій въ себѣ 125 топографическихъ картъ и рисунковъ.

кадастра для новаго прусскаго поземельнаго налога, только что введеннаго закономъ 1861 г. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже служебныя обязанности давали Мейтцену поводъ близко ознакомиться съ разными формами расселенія и съ связанными съ ними различіями въ распредѣленіи полевой земли между отдѣльными владѣніями. Наряду съ этимъ Мейтценъ занимался архивнымъ изученіемъ аграрной исторіи пров. Силезіи. Плодомъ этого изученія явилось изданное имъ въ 1863 г. сочиненіе изъ этой области, составившее 4-й томъ такъ наз. „Codex diplomaticus Silesiae“. Уже здѣсь онъ проводилъ ту мысль, что первоначальное устройство и состояніе нѣмецкихъ колоній, основанныхъ въ XIII в. въ Силезіи, и въ настоящее время можетъ быть опредѣлено съ большою точностью.

Въ 1865 г. прусскимъ правительствомъ было поручено Мейтцену составленіе большого сочиненія, вышедшаго въ 1868—71 г.г. подъ заглавіемъ „Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse der preussischen Staates nach dem Gebietsumfange von 1866“, которое пользуется заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Въ 1868 г. Мейтценъ былъ назначенъ членомъ прусскаго статистическаго бюро, въ каковой должности онъ состоялъ до 1882 г., а съ 1875 г. онъ состоитъ профессоромъ Берлинскаго университета. Все это время Мейтценъ продолжалъ изученіе аграрной исторіи.

При этомъ онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что все, что сдѣлано пока въ области изученія первоначальнаго расселенія, носитъ еще весьма отрывочный характеръ, и что цѣль этого изученія будетъ достигнута только тогда, когда будетъ найдена общая историческая или національная связь между различными относящимися сюда явленіями. Между тѣмъ Мейтценъ сознавалъ, что средствомъ къ достиженію этой цѣли должно быть, во-первыхъ, всеобъемлющее, систематическое и детальное наблюденіе всѣхъ разнообразныхъ особенностей въ характерѣ расселенія на всемъ протяженіи современныхъ культурныхъ государствъ, наблюденіе, отличающееся почти статистическою полнотою, и, во-вторыхъ, тщательное критическое изученіе полученныхъ путемъ этого наблюденія данныхъ съ помощью всѣхъ имѣющихся у насъ историческихъ свѣдѣній.

Понятно, что такая задача едва ли могла быть подъ силу одному человѣку. Это обстоятельство однако не остановило Мейтцена, и онъ принялся за ея разрѣшеніе и въ теченіе болѣе 25 лѣтъ работалъ надъ нею. Вышедшая въ 1895 году книга представляетъ изъ себя результатъ этихъ долголѣтнихъ изслѣдованій.

Какъ показываетъ ея заглавіе, она ставитъ себѣ цѣлью выяснитъ характеръ первоначальнаго расселенія и аграрнаго быта народовъ, занявшихъ сѣверную половину Европы, т.-е. германцевъ, кельтовъ, римлянъ, финновъ и славянъ, и объяснить тѣ различія, которыя въ этомъ отношеніи встрѣчаются между ними.

Еще до 1895 г. Мейтценъ въ теченіе болѣе 25 лѣтъ печаталъ статьи по этому вопросу. Въ особенности слѣдуетъ указать на двѣ статьи, въ которыхъ онъ изложилъ основныя положенія своей теоріи о происхожденіи различныхъ формъ расселенія у народовъ Европы къ Сѣверу отъ Альпъ, а именно на статьи: „Agrarpolitik im engeren Sinne“ (въ Schönberg's Handbuch der Politischen Oekonomie, t. II) и „Ansiedelung“ (въ Handwörterbuch der Staatwissenschaften). Въ новой работѣ своей Мейтценъ этимъ основнымъ положеніямъ даетъ детальное обоснованіе и всестороннее развитіе. Тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что и теперь та громадная задача, которую онъ себѣ поставилъ, не можетъ считаться вполне разрѣшенной. Какъ онъ самъ говоритъ (хотя и съ преувеличенною скромностію) въ введеніи къ своему труду, — эта цѣль могла быть достигнута имъ въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Однако и такой результатъ, по его мнѣнію, имѣетъ значеніе, такъ какъ здѣсь было важно провести съ извѣстною очевидностію главныя черты общей картины, а уже затѣмъ дальнѣйшему мѣстному изслѣдованію будетъ нетрудно заполнить пробѣлы и поправить ошибки. Мало-того: Мейтценъ даже думаетъ, что эти основныя черты должны были быть проведены рукою именно одного человѣка, безъ чего не могло бы быть сохранено единство картины.

При этомъ онъ сознаетъ, что его выводы не вездѣ одинаково полны и достовѣрны. „И теперь“—говоритъ онъ ¹⁷⁾), „авторъ не безъ извѣстнаго колебанія сводитъ итоги своихъ изслѣдованій. Несомнѣнно, что нѣкоторымъ вопросамъ можно было бы дать дальнѣйшее освѣщеніе и что нѣкоторыя гипотетическія утвержденія можно было бы подвергнуть дальнѣйшей провѣркѣ. Однако число лѣтъ, остающихся въ распоряженіи автора (въ 1895 г., т.-е. въ годъ изданія сочиненія, ему было 73 года!) уже не можетъ быть велико, главные же вопросы могутъ считаться настолько выясненными, что и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ не могли быть достигнуты достовѣрные результаты,

¹⁷⁾ Томъ I, стр. 31.

все же указаны тѣ проблемы, которыя должны быть подвергнуты разсмотрѣнію, и тотъ путь, съ помощью котораго онѣ могутъ быть разрѣшены“.

Работа, произведенная авторомъ, поистинѣ громаднa. Онъ съ научною цѣлью объѣздилъ всѣ государства Германіи, Австро-Венгрію, Россію, Англію, Францію, Швейцарію и Италію, всюду отыскивая кадастровыя и другія карты, снимая копіи съ картъ тѣхъ поселеній, которыя казались ему характерными, и подыскивая въ архивахъ и разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ документы и другіе матеріалы, касающіеся аграрной исторіи этихъ поселеній. По собственному увѣренію Мейтцена (томъ I, стр. 30), число просмотрѣнныхъ имъ картъ значительно превосходитъ 10.000! Къ этому знакомству съ картами присоединяется громадная эрудиція.

Вотъ что говоритъ о Мейтценѣ одинъ французскій писатель: „Мейтценъ—представитель лучшей части нѣмецкихъ профессоровъ, тѣхъ, которые ищутъ истины и только истины, и которые преслѣдуютъ эту цѣль съ неутомимою и безпримѣрною энергіей и терпѣніемъ ¹⁸⁾“.

И дѣйствительно, среди всѣхъ современныхъ ученыхъ въ области первоначальнаго аграрнаго быта, Мейтценъ безспорно занимаетъ первое мѣсто.

Главною, отличительною и наиболѣе оригинальною чертою изслѣдованій Мейтцена является ихъ *методъ*. Правда, что приемы, примѣняемые Мейтценомъ, могутъ быть найдены и у нѣкоторыхъ прежнихъ писателей; однако у нихъ они являются лишь въ видѣ случайнаго вспомогательнаго средства и играютъ лишь второстепенную роль. Книга Мейтцена составляетъ эпоху въ томъ отношеніи, что въ ней впервые эти приемы получаютъ вполне самостоятельное систематическое значеніе и полагаются въ самое основаніе изслѣдованія.

Въ чемъ же состоятъ эти приемы?

Исходною точкою Мейтцена является та мысль, что многія поселенія и въ настоящее время сохранили черты своего древнѣйшаго устройства, и что, поэтому, въ современныхъ кадастровыхъ и т. п. картахъ, поскольку онѣ относятся ко времени, предшествующему проведенію законовъ о земельной культурѣ, въ значительной степени могутъ быть найдены слѣды того

¹⁸⁾ Supplément au nouveau dictionnaire d'Economie Politique de *Léon Say* et *Joseph Chailly-Bert*, Paris 1897. Статья „Colonisation ancienne en villages ou en fermes séparées“. Стр. 87. Авторъ этой статьи, *N. C. Frederiksen*, раздѣляетъ теорію Мейтцена и излагаетъ ея основныя положенія.

первоначальнаго разселенія, которое образовалось при переходѣ населенія къ осѣдлому образу жизни. „Дѣйствительно“, говоритъ Мейтценъ, „каждое современное поселеніе представляетъ изъ себя до извѣстной степени развалины прошедшаго времени, и притомъ развалины, которыя по возрасту далеко оставляютъ за собою романтическіе обломки средневѣковыхъ замковъ и городскихъ стѣнъ. На каждомъ шагу, и въ усадьбѣ, и въ полѣ, мы можемъ встрѣтить слѣды древнѣйшаго осѣданія, и топографическія карты владѣній представляютъ изъ себя своеобразное письмо, которое передаетъ намъ идеи и цѣли основателей, изображенныя какъ бы въ гіероглифахъ“ (томъ I, стр. 28). Такимъ образомъ въ основаніи изученія древняго аграрнаго строя должно быть положено изученіе современныхъ топографическихъ картъ, т.-е. наблюденіе надъ такими фактами, которые могутъ (или могли быть) непосредственно констатированы еще и въ настоящее (или въ весьма недавнее) время.

Понятно, что если мысль Мейтцена справедлива, то изученію древняго аграрнаго быта открываются совершенно новыя перспективы; появляется новый источникъ для него, что особенно важно при скудости всѣхъ остальныхъ матеріаловъ, имѣющихся въ этой области. Но, спрашивается, справедлива ли эта мысль? Мейтценъ подробно разсматриваетъ этотъ вопросъ. Правда, говоритъ онъ ¹⁹⁾, что почти на всемъ протяженіи умѣренного пояса осѣдлое заселеніе произошло въ доисторическое время, а въ теченіе перваго вѣка послѣ начала нашей эры уже вездѣ было въ существенныхъ чертахъ закончено. Однако, со времени конца переселенія народовъ, мы въ общемъ можемъ прослѣдить судьбу существовавшихъ тогда поселеній. Мы знаемъ когда и гдѣ въ нихъ могли произойти измѣненія вслѣдствіе разныхъ потрясеній, какъ-то вторженія славянъ, нѣмецкой колонизаціи востока, проведенія законодательства о земельной культурѣ и т. д. Вездѣ же, гдѣ мы о такихъ потрясеніяхъ не знаемъ, или гдѣ они представляются невѣроятными. могли происходить только тѣ измѣненія, которыя встрѣчаются при обычномъ ходѣ вещей. Сюда относятся измѣненія, вызываемыя переменами въ лицѣ владѣльцевъ, переходомъ къ новымъ системамъ хозяйства, ростомъ потребностей, переменами въ правовомъ строѣ и несчастными случаями.

Однако всѣ эти измѣненія, происходящія при обычномъ ходѣ вещей, могли оказать лишь весьма незначительное вліяніе.

¹⁹⁾ Томъ I, стр. 15 и слѣд.

Къ наиболѣе глубокимъ послѣдствіямъ могло повести возникновеніе крупныхъ хозяйствъ; но и оно не могло окончательно стереть слѣдовъ стараго порядка, который и здѣсь часто можетъ быть реконструированъ. Переѣзны, происходящія вслѣдствіе переходовъ по наслѣдству, выѣздовъ, обмѣновъ, отчужденій, совершаются въ предѣлахъ опредѣленныхъ границъ или межъ, и поэтому почти не измѣняютъ общей картины прежняго устройства. Поэтому, по общему правилу они не могутъ изгладить слѣдовъ стараго поселенія. Нельзя, далѣе, не принять во вниманіе, что переходъ къ осѣдлой жизни всегда связанъ съ большою затратою труда на постройки, на сооруженіе заборовъ, проведеніе рововъ и дорогъ, посадку деревьевъ, копаніе колодезевъ, раздѣленіе полей и т. д. Поэтому всякій преемникъ по владѣнію — будь онъ мирный наслѣдникъ или побѣдоносный врагъ — непремѣнно будетъ стараться воспользоваться всѣми тѣми сооружениями и работами, которыя были созданы его предшественниками. Текущія нужды хозяйства оставляютъ мало времени и охоты ко всякимъ нововведеніямъ. Послѣднія становятся еще менѣе доступными тогда, когда для ихъ проведенія требуется соглашеніе съ сосѣдями. Въ этомъ случаѣ имъ препятствуетъ цѣлый рядъ установившихся правъ и обязанностей.

На основаніи изложеннаго Мейтценъ приходитъ къ тому выводу, что главные черты въ современномъ расположеніи поселеній и распредѣленія земельныхъ участковъ даютъ достаточно вѣрную точку опоры для опредѣленія характера первоначальнаго расселенія. „Каждое поселеніе“, говоритъ онъ, „есть живой организмъ, который, правда, прежде всего долженъ удовлетворять современнымъ требованіямъ, но который, подобно языку, получилъ свои основныя черты при весьма первобытныхъ условіяхъ и сохранилъ въ себѣ важныя слѣды этого происхожденія, которые легко могутъ быть замѣчены опытнымъ глазомъ“²⁹⁾.

Наиболѣе радикальнымъ образомъ слѣды стараго порядка были стерты современнымъ законодательствомъ о земельной культурѣ, примѣры котораго я привелъ выше. Но въ то же время самая необходимость изданія такого законодательства свидѣтельствуетъ о той устойчивости, съ какою сохраняются слѣды первоначальнаго заселенія: когда эти слѣды становятся помѣхою дальнѣйшему развитію сельскохозяйственной культуры, ихъ уничтоженіе становится возможнымъ только съ помощью государственнаго вмѣшательства.

²⁹⁾ Томъ I. стр. 28.

IV.

Итакъ, систематическое и какъ бы статистически полное изученіе современныхъ топографическихъ картъ является у Мейтцена главнымъ приѣмомъ изслѣдованія. Какъ я уже указалъ, этотъ методъ находилъ примѣненіе и у нѣкоторыхъ прежнихъ писателей ²¹⁾. Можно даже сказать, что съ него началось изученіе первобытнаго аграрнаго строя.

Уже *Юстусъ Мёзеръ* во второй половинѣ XVIII вѣка представлялъ требованія о томъ, чтобы составлялись топографическія карты съ подробнымъ нанесеніемъ на нихъ не только всѣхъ владѣній, но и всѣхъ парцеллъ. Мёзеръ жилъ въ Вестфалии, какъ извѣстно, странѣ одиночныхъ дворовъ. Близкое знакомство съ окружавшимъ его поземельнымъ строемъ послужило ему исходной точкой для изслѣдованій по цѣлому ряду вопросовъ аграрной исторіи. Результатомъ этихъ изслѣдованій явилась извѣстная теорія Мёзера, что одиночные дворы представляютъ изъ себя первобытную германскую форму поселенія и что деревни лишь впоследствии развились вслѣдствіе разрастанія или соединенія одиночныхъ дворовъ.

Вскорѣ послѣ Мёзера выступилъ датчанинъ *Олуфсенъ* (1764—1827), бывшій сначала землемѣромъ, а затѣмъ профессоромъ и академикомъ. Также какъ и Мёзеръ онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ исходилъ изъ современныхъ ему формъ разселенія въ одной изъ областей, принадлежавшихъ Даніи. Знакомство съ этими формами было приобрѣтено имъ во время практическихъ межевыхъ и картографическихъ работъ.

Однако въ противоположность Мёзеру, Олуфсенъ въ изслѣдованной имъ мѣстности всюду нашелъ замкнутыя деревни, которыя онъ и выставилъ въ качествѣ первобытной формы разселенія. Эти описываемыя имъ деревни имѣютъ всѣ характерныя черты германскихъ деревень съ раздѣленіемъ полей на коны и полосы. Единственное различіе заключается въ расположеніи усадебъ, которое въ деревняхъ Олуфсена носитъ тотъ же характеръ, какъ у славянскихъ рядовыхъ деревень, на которыхъ я подробнѣе останавлиюсь ниже. Самъ Олуфсенъ не сообщаетъ, въ какихъ частяхъ Даніи были произведены его наблюденія. Однако, на основаніи расположенія усадебъ нужно думать, что это была югозападная часть Шлезвигъ-Гольштиніи

²¹⁾ Томъ I, стр. 19 и слѣд.

(такъ наз. Вагрія) и о. Фэмарнъ, такъ какъ обѣ эти мѣстности лежатъ въ чертѣ славянской колонизаціи.

Между тѣмъ, такъ какъ распредѣленіе полей въ германскихъ и въ славянскихъ деревняхъ одинаково, то изслѣдованія Олуфсена оказали важное вліяніе и на пониманіе германской деревенской формы и разъяснили многія непонятныя до того мѣста въ нѣкоторыхъ старыхъ законодательныхъ памятникахъ XIII вѣка.

Изслѣдованія Олуфсена сдѣлались извѣстными главнымъ образомъ благодаря *Георгу Гансену*, который въ то же время далъ имъ дальнѣйшее развитіе²²⁾. Съ одной стороны онъ привелъ ихъ въ связь съ аграрнымъ бытомъ древнихъ германцевъ, поскольку онъ извѣстенъ изъ описаній Цезаря и Тацита, а съ другой стороны онъ сопоставилъ ихъ съ періодическими жеребьевками земли, сохранившимися въ нѣкоторыхъ деревняхъ прусскаго округа Триръ (въ такъ наз. *Gehöferschaften*). И то, и другое привело его къ убѣжденію, что частная собственность на землю не представляетъ у германцевъ института первоначальнаго, но что она лишь постепенно развилась у нихъ изъ общественной собственности болѣе крупныхъ политическихъ союзовъ, при которой земля распредѣлялась между отдѣльными лицами лишь для временнаго пользованія.

Это ученіе скоро нашло новую поддержку со стороны *А. фонъ Гакстгаузена*, который въ своемъ сочиненіи объ аграрномъ строѣ въ княжествѣ Падерборнъ и Корвей, появившимся въ 1829 г.²³⁾, совершенно независимо отъ Олуфсена, правильно выставилъ основныя черты устройства германскихъ деревень. Кромѣ того Гакстгаузенъ, какъ извѣстно, изучилъ и впервые описалъ аграрное устройство Россіи²⁴⁾: послѣднее какъ по раздѣленію полей на коны и полосы, такъ и по періодическимъ жеребьевкамъ обнаруживало большое сходство съ Трирскими *Gehöferschaften*; между тѣмъ русское аграрное устройство покоилось на общинномъ владѣніи, и считалось даже въ Россіи за первоначальный славянскій институтъ (мнѣніе, которое теперь можно считать окончательно оставленнымъ). Отсюда недалеко было до ученія, что частной собственности на землю въ Германіи предшествовала общественная собственность съ періодическими жеребьевками,

²²⁾ *Georg Hansen*. Agrarhistorische Untersuchungen, 1881.

²³⁾ *A von Haxthausen*. Ueber die Agrarverfassung in dem Fürstenthum Paderborn und Corvey. Berlin, 1829.

²⁴⁾ *Ею же*. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Hannover und Berlin, 1847—1852, 3 тома.

и это учение вскорѣ сдѣлалось господствующимъ, хотя еще въ 1854 г. *Вайтцемъ* было доказано, что оно не находитъ никакого подтвержденія въ дошедшихъ до насъ памятникахъ, которые всегда изображаютъ Германію страной съ частною собственностью на землю. Съ другой стороны *Лампрехтъ* на основаніи тщательнаго изученія историческихъ памятниковъ и кадастровыхъ картъ доказалъ, что происхождение трирскихъ *Gehöferschaften* носить помѣстный характеръ и можетъ быть отнесено не ранѣе, какъ къ XII столѣтію ²⁵).

Затѣмъ слѣдуетъ указать еще на нѣкоторыхъ писателей, и прежде всего на *Виктора Якоби* ²⁶), который, исходя изъ изученія современныхъ кадастровыхъ картъ, впервые указалъ на различныя національныя формы поселенія, а именно на славянскія кругообразныя и рядовыя деревни и на германскія деревни съ распредѣленіемъ полей на коны и полосы и лѣсныя колоніи (*Waldhufen*). Къ этимъ видамъ *Георгъ Ландау* присоединилъ еще особую форму деревень на маршахъ (*Marschhufen*) ²⁷). Наконецъ *Фр. Сибомъ* ²⁸), исходя изъ подробной карты деревни Хитчинъ (*Hitschin*) около Лондона, доказалъ, что замѣчаемая на этой картѣ чрезполосица обнаруживаетъ слѣды того земельного строя, который, судя по памятникамъ, существовалъ уже въ VII столѣтіи; этотъ строй состоялъ въ томъ, что поля дѣлились на коны и полосы, причемъ вся полевая площадь деревни распадалась на извѣстное число равныхъ долей (гуфъ), и на каждую изъ этихъ долей отводилась полоса въ каждомъ полѣ. Кромѣ того Сибомъ, опять таки исходя изъ современныхъ картъ, подробно изучилъ древній аграрный строй кельтовъ въ Ирландіи и Уэльсѣ ²⁹).

V.

Выводъ, къ которому привели Мейтцена его изслѣдованія, состоитъ въ томъ, что различія въ современныхъ формахъ разселенія, замѣчаемыя въ сѣв. половинѣ Европы, въ значитель-

²⁵) *C. Lamprecht*. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. 1885.

²⁶) *V. Jacobi*. Forschungen über das Agrarwesen des altenburgischen Osterlandes. 1845.

²⁷) *G. Landau*. Die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwicklung. 1854.

²⁸) *F. Seebohm*. The english village community. London, 1883. (Нѣмецкій переводъ Бунзена: Heidelberg, 1885).

²⁹) Объ этомъ см. также его сочиненіе. The tribal system in Wales. London, 1895.

ной степени возникли уже при первоначальномъ осѣдломъ заселеніи этой территоріи, и что эти различія носятъ *національный* характеръ. Въ то время какъ *кельтское* племя при переходѣ къ осѣдлому образу жизни основывало одиночные дворы, *германское* племя основывало деревни особаго типа. Соображенія, которыя привели Мейтцена къ этому выводу, и составляютъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

Среди всѣхъ народовъ, занимающихъ ту часть Европы, которая расположена къ сѣверу отъ Альпъ, только германцы обладаютъ территоріею, которая съ самаго начала была заселена ими же и никогда впослѣдствіи не подпадала чужому вліянію, и которая, слѣд., и до настоящаго времени могла сохранить *чисто-національные* слѣды первоначальнаго заселенія³⁰⁾.

Дѣйствительно, весь кельтскій и римскій югъ (Франція, Южная Германія, Швейцарія) во время переселенія народовъ былъ захваченъ восточными и западными германцами, которые, хотя и подверглись римскому вліянію, но все же остались господами въ завоеванной территоріи. Британскіе острова постепенно были завоеваны англо-саксами и датчанами. Россія рано попала въ руки варяговъ, а затѣмъ татаръ. Страна лаландцевъ и финновъ была покорена скандинавами. Страна же, занятая западными славянами, отчасти уже раньше была занята римлянами, отчасти же съ конца среднихъ вѣковъ подверглась широкой германской колонизаціи. Нельзя, конечно, утверждать, чтобы чужое вліяніе во всѣхъ этихъ странахъ совершенно уничтожило слѣды первоначальнаго національнаго заселенія. Однако здѣсь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подлежитъ особому разсмотрѣнію вопросъ, насколько эти слѣды сохранились еще въ чистомъ и нетронутомъ видѣ, и не были ли они стерты вліяніемъ новыхъ условій.

Но не вся территорія, занятая въ настоящее время германскимъ племенемъ, можетъ считаться областью первоначальнаго чисто германскаго расселенія: нѣкоторыя изъ занятыхъ германцами земель до этого уже были населены кельтами; другіе же земли, хотя и были первоначально заселены германцами, впослѣдствіи временно переходили къ другимъ народамъ. Однако и теперь еще въ рукахъ германцевъ есть такіе земли, которыя съ самаго начала были заселены ими и которыя въ теченіе всего дальнѣйшаго хода исторіи не выходили изъ ихъ власти и не подвергались чужеземному вліянію.

³⁰⁾ См. I томъ, отдѣлъ II, стр. 33 и слѣд.

Какія же земли должны быть сюда отнесены?

На *западъ* и *югъ* земли, занятые германцами, граничили съ территорією, первоначально населенной *кельтскими* племенами. Изъ послѣднихъ еще Цезарь знаетъ менапиевъ, жившихъ по правую сторону Рейна по теченію р. Липпе, гельветовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Дуная до Тюрингенскихъ горъ, и боевѣвъ, занимавшихъ современную Богемію. Изслѣдованія Мюлленгофа показали, что земли, населенныя кельтскими племенами, первоначально простирались до р. Везера на сѣверѣ и до Тюрингенскихъ горъ на югѣ. Впослѣдствіи часть Германіи была завоевана римлянами. Однако, хотя римляне въ своихъ походахъ и проникали далеко въ глубь Германіи, прочное вліяніе они оказали на бытъ германцевъ только въ такихъ частяхъ германской территоріи, которыя первоначально были заняты кельтами и которыя поэтому и безъ того уже должны быть исключены нами изъ области чисто-германскаго первоначальнаго заселенія. При императорѣ Тиверіи былъ проведенъ такъ наз. *limes* въ качествѣ границы между Римскою имперіей и германскими народами, жившими по ту сторону отъ него. Послѣдніе были предоставлены самимъ себѣ, и римское вліяніе на аграрный строй германцевъ могло сказаться только въ предѣлахъ *limes* ³¹⁾.

И переселеніе народовъ не измѣнило опредѣленной Мюлленгофомъ и упомянутой выше западной и южной границы области чисто-германскаго заселенія.

Что касается *восточной* границы этой области, то слѣдуетъ замѣтить, что, начиная съ VI вѣка, въ германскія земли все болѣе и болѣе стали проникать славяне. Первоначально они заняли Богемію и Тюрингенъ, а начиная съ 600 г. они въ теченіе короткаго времени заселили все пространство, лежащее къ востоку отъ р. Эльбы. Предѣлъ ихъ распространенію былъ положенъ такъ наз. *limes sorabicus*, проведеннымъ Карломъ Великимъ въ 805 и 808 гг. Черезъ эту границу вліяніе славянъ не перешло.

Такимъ образомъ рассматриваемая нами область чисто германскаго заселенія ограничена на западѣ и югѣ предѣлами первоначальнаго распространенія кельтовъ, а на востокѣ—предѣлами, поставленными славянскому расселенію Карломъ Великимъ. Если мы взглянемъ на карту современной Германіи,

³¹⁾ Изъ территоріи современной Германіи остались по сю сторону *limes* и, слѣд., могли подвергнуться римскому вліянію югозападный уголъ Вел. Герц. Гессенъ, почти весь Баденъ и Вюртембергъ и южная половина Баваріи.

то увидимъ, что эта область образуетъ сплошную полосу, ограниченную на западѣ р. Везеръ, затѣмъ линіей, идущей отъ р. Везеръ до р. Зигъ; на югѣ—линіей, идущей отъ р. Зигъ до Тюрингенскихъ горъ; на востокъ — линіей, идущей приблизительно по теченію р. Залы и Эльбы ³²⁾.

Кромѣ того внѣ предѣловъ Германіи эта полоса заключаетъ въ себѣ всю Данію, южную половину Швеціи и часть Норвегіи.

Каковъ же характеръ поселеній въ этой области?

Исслѣдованія Мейтцена привели къ тому замѣчательному результату, что на всемъ протяженіи этой области—если исключить сравнительно незначительныя группы поселеній, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они возникли лишь въ болѣе позднее время ³³⁾—характеръ расселенія представляется удивительно однообразнымъ. А именно, всѣ поселенія имѣютъ форму деревень съ весьма опредѣленными отличительными свойствами.

Эти деревни состоятъ изъ замкнутого, окруженнаго заборомъ поселенія. Въ размѣщеніи построекъ не обнаруживается опредѣленнаго плана. Усадьбы въ безпорядкѣ разбросаны вдоль кривыхъ и угловатыхъ улицъ и переулковъ, часто тѣсныхъ, иногда тупыхъ. Даже главныя улицы безпорядочно идутъ въ разныя стороны. По положенію усадебъ видно, что первоначально въ деревнѣ состояло извѣстное число дворовъ, изъ которыхъ на каждый приходилось около $\frac{1}{2}$ га, и что съ теченіемъ времени это число вслѣдствіе раздѣловъ увеличилось, отчего площадь усадебъ уменьшилась, и усадебная земля получила новыя неправильныя очертанія.

Принадлежащая къ деревнѣ культурная площадь занимаетъ обыкновенно пространство въ 300—400 га. Вся пахатная земля

³²⁾ Эта полоса заключаетъ въ себѣ часть баварской провинціи Нижней Франконіи, расположенную къ сѣверу отъ р. Майна, большую часть Тюрингенскихъ государствъ (за исключеніемъ незначительной восточной части ихъ), югозападную часть прусской провинціи Саксоніи, герцогство Брауншвейгъ, часть герцогства Ангальтъ, расположенную къ западу отъ р. Залы, оба княжества Липпе, княжество Вальдекъ, прусскую провинцію Гессенъ, за исключеніемъ юго-западнаго угла, сѣверо-восточную часть великаго герцогства Гессенъ, незначительную западную часть прусской провинціи Вестфаленъ, часть прусской провинціи Ганноверъ, расположенную на востокъ отъ р. Везеръ (за исключеніемъ незначительнаго восточнаго угла), и прусскую провинцію Шлезвигъ-Гольштинію, за исключеніемъ восточной ея части, такъ наз. Вагріи.

³³⁾ Сюда относятся лѣсныя колоніи и такъ наз. Marschhufen въ приморскихъ низменностяхъ (о тѣхъ и другихъ см. ниже), а также всѣ поселенія, созданныя позднѣйшимъ хозяйственнымъ развитіемъ, куда относятся фабрики, горныя предпріятія, гостиницы, мельницы, помѣщичьи усадьбы; сюда же относятся города.

раздѣлена на довольно большіе, по возможности четырехугольные участки, коны (Gewanne), границы которыхъ по большей части совпадаютъ съ различіями въ качествахъ почвы. Всѣ эти коны раздѣлены на небольшое число длинныхъ и узкихъ полосъ. Нѣсколько коновъ составляютъ одно поле. На каждого владѣльца приходится извѣстное число полосъ, разбросанныхъ по разнымъ конамъ.

Описанная форма поселенія носить на себѣ явныя слѣды стараго поземельнаго строя, извѣстнаго подъ именемъ Hufenverfassung, и состоявшаго у древнихъ германцевъ въ слѣдующемъ. Каждый членъ племени имѣлъ равныя политическія права и обязанности. Поэтому и при распредѣленіи земли онъ имѣлъ право на полученіе равной со всѣми другими доли земли, какъ по количеству, такъ и по качеству. Для достиженія такого равенства вся земля, предназначенная для обработки подъ пашню, дѣлилась на коны въ зависимости отъ различій въ качествахъ почвы, въ ея конфигураціи, въ разстояніи земли отъ деревни и т. д., какъ это и теперь дѣлается у нашихъ крестьянъ при передѣлахъ. Въ каждомъ конѣ каждое уполномоченное лицо по жребію получало полосу одинаковыхъ размѣровъ, при чемъ коны отмѣривались обыкновенно такой величины, чтобы на каждую полосу пришлось пространство земли, могущее быть вспаханнымъ въ одинъ день, т.-е. размѣромъ въ 1 моргенъ (рѣже въ $\frac{1}{2}$ моргена). Такимъ образомъ, вся земля деревни распадалась на опредѣленное число равныхъ между собою по величинѣ и качеству долей, носившихъ названіе *hufe* (Hufen), числомъ обыкновенно отъ 10 до 30. Эти *hufe* представляютъ собою равныя идеальныя доли участія въ деревенской землѣ, изъ которыхъ каждая предполагалась достаточною для содержанія одной крестьянской семьи и могла быть обработана ея трудомъ.

Въ настоящее время ³⁴⁾ равенство отдѣльныхъ владѣній, конечно, давно нарушено: въ то время, какъ одни владѣнія заключаютъ въ себѣ нѣсколько гуфъ (2, 3 и т. д.), другія заключаютъ въ себѣ только доли гуфы ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и т. д.). Тѣмъ не менѣе слѣды стараго порядка сохранились въ раздѣленіи пахотной земли на коны и въ раздѣленіи коновъ на полосы ³⁵⁾.

³⁴⁾ Мы разумѣемъ время, когда слѣды стараго порядка еще не были разрушены законами о земельной культурѣ.

³⁵⁾ Среди коновъ слѣдуетъ различать тѣ, которые поступили въ обработку съ самаго начала, отъ тѣхъ, которые были взяты въ обработку позднѣе. Первые были расположены на лучшей, а также болѣе ровной и сухой почвѣ.

Во всѣхъ описанныхъ деревняхъ до проведенія законовъ о земельной культурѣ испоконъ вѣка существовала принудительная культура.

Кромѣ пахотной земли на деревенской территоріи расположены другія угодья: выгоны, луга, лѣса. До разверстанія общинныхъ земель выгоны и лѣсъ находились въ общинномъ пользованіи, что вело къ тому, что состояніе ихъ было въ большинствѣ случаевъ плачевное. Даже и луга во многихъ мѣстахъ еще до недавняго времени ежегодно дѣлились по состоянію травъ и распредѣлялись по жребію; или же производилась совмѣстная уборка сѣна, послѣ чего оно дѣлилось соразмѣрно долѣ участія cadaго.

Вотъ эту-то форму поселенія Мейтценъ и считаетъ національно-германскою формою, созданною германцами уже тогда, когда они впервые перешли къ осѣдлому, земледѣльческому образу жизни. Какъ извѣстно, этотъ переходъ произошелъ въ періодъ времени между Цезаремъ и Тацитомъ; и Мейтценъ дѣлаетъ весьма интересную попытку сопоставить показанія этихъ двухъ писателей, къ сожалѣнію столь краткія, съ результатами изученія картъ и другими данными, чтобы этимъ путемъ возстановить тотъ процессъ, посредствомъ котораго этотъ переходъ совершился.

Свидѣнія, приводимыя Тацитомъ о германцахъ, свидѣлствуютъ о томъ, что въ его время Германія была вездѣ уже осѣдло заселена. Но у насъ есть прямыя указанія на то, что такое состояніе наступило въ Германіи весьма незадолго до Тацита. Какъ Цезарь, такъ и Страбонъ описываютъ германцевъ, какъ народъ пастушескій, легко переносящій свои жилища, не обрабатывающій земли или обрабатывающій ее лишь въ незначительныхъ размѣрахъ и питающійся главнымъ образомъ продуктами скотоводства.

Такимъ образомъ, переходъ германцевъ къ осѣдлой жизни произошелъ за періодъ времени между Цезаремъ и Тацитомъ.

Чѣмъ объяснить это обстоятельство?

Уже раньше Германія была настолько сильно населена, что при пастушескомъ образѣ жизни она не могла прокормить все свое населеніе. Отсюда тѣ постоянныя выселенія, исходною точкой

Лишь съ ростомъ населенія и раздѣленіемъ хозяйствъ стали брать худшія, а послѣ надлежащаго осушенія—и болѣе сырыя земли. Такъ какъ новые коны были часто втиснуты въ пространство земли, остававшееся между старыми, то они часто носили неправильную форму. Иногда въ послѣдствіи происходило новое раздѣленіе пахотной земли на коны (Gewannregulirung).

которыхъ служить средняя часть Германіи. Между тѣмъ этимъ выселеніямъ былъ положенъ предѣлъ появленіемъ римлянъ въ Германіи при Августѣ и установленіемъ твердой границы между Римской Имперіей и Германіею при Тиверіи. Это обстоятельство и повлекло за собою необходимость перехода къ осѣдлому образу жизни.

Поэтому этотъ переходъ представляетъ изъ себя результатъ кризиса въ германской народной жизни, быстро развившагося въ теченіе одного столѣтія. Возможно, что переходъ происходилъ не сразу на всемъ протяженіи занятой германцами территории, но постепенно и можетъ быть даже съ большими перерывами распространялся съ одной области на другую. Но все же нужно думать, что въ своихъ главныхъ чертахъ онъ въ предѣлахъ каждой отдѣльной области носилъ общій характеръ, при томъ въ извѣстной степени планомѣрный и сознательный. Такой взглядъ, по мнѣнію Мейтцена, находитъ подтвержденіе въ повѣствованіи Цезаря о германцахъ: *Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt, quantum et quo loco visum est agri attribuant atque anno post alio transire cogunt. Ejus rei multas afferunt causas: ne assidua consuetudine capti studium belli gerendi agricultura commutent; ne latos fines parare studeant, potentioresque humiliores possessionibus expellant; ne accuratius ad frigora atque aestus vitandos aedificent; ne qua oriatur pecuniae cupiditas, qua ex re factiones dissensionesque nascuntur; ut animi aequitate plebem contineant, cum suas quisque opes cum potentissimis aequari videat* (VI, Cap. XXII).

У современныхъ пастушескихъ народовъ на содержаніе каждой семьи требуется извѣстное количество скота, колеблющееся въ тѣсныхъ рамкахъ. Лица, у которыхъ этого количества нѣтъ, впадаютъ въ зависимость отъ владѣльцевъ большихъ стадъ. Одно изъ главныхъ отличій свободнаго господина отъ зависимаго отъ него лица состоитъ въ томъ, что первый возлагаетъ на послѣдняго ту незначительную обработку земли, которая встрѣчается уже при пастушескомъ бытѣ. Свободные же люди рѣшаются взяться за земледѣліе лишь въ крайнемъ случаѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ такомъ переходѣ лежитъ для нихъ единственное средство сохранить свою независимость отъ владѣльцевъ большихъ стадъ. Послѣднимъ, поэтому, такой переходъ невыгоденъ, тѣмъ болѣе, что онъ не только уменьшаетъ контингентъ лицъ зависимыхъ, но сверхъ того ограничиваетъ

количество пастбищныхъ земель, остающихся въ распоряженіи богатыхъ.

Съ помощью этихъ наблюденій надъ бытомъ современныхъ кочевыхъ народовъ Мейтценъ и старается объяснить приведенныя слова Цезаря. Пастбищныхъ земель въ Германіи уже рано оказалось недостаточно для возраставащаго населенія, и этотъ недостатокъ уже рано пришлось заполнять спорадическою обработкой земли. Эта обработка первоначально производилась обѣднѣвшими свободными лицами въ полномъ согласіи съ желаніями богатыхъ лицъ. Однако, постепенно эта обѣднѣвшая масса стала сознавать, сколь неблагоприятна для нея такая временная обработка земли, не дававшая ей тѣхъ выгодъ, которыя связаны съ переходомъ къ осѣдлому быту, и вмѣстѣ съ тѣмъ не ограждавшая личной самостоятельности. Поэтому весьма вѣроятно, что богатые владѣльцы стадъ, т.-е. знать (*principes*), приводили всѣ тѣ доводы, которые перечисляетъ Цезарь, для того, чтобы удержать своихъ бѣдныхъ соплеменниковъ отъ перехода къ осѣдлой земледѣльческой жизни. Что среди этихъ доводовъ мы не видимъ главной причины, упомянутой выше, т.-е. боязни лишиться контингента зависимыхъ лицъ и части свободныхъ пастбищъ—это только говоритъ въ пользу того, что Цезарь дѣйствительно точно передаетъ все то, что слышалъ отъ знатныхъ германцевъ.

Такъ какъ, однако, при демократической организаціи мелкихъ германскихъ племенныхъ государствъ всѣ рѣшенія зависѣли отъ большинства лицъ, способныхъ носить оружіе, то весьма вѣроятно, что знати, наконецъ, пришлось уступить. При этомъ она постаралась сдѣлать предстоявшій переходъ наименѣе невыгоднымъ для своихъ интересовъ, т.-е., сохранить возможно большое пространство пастбищныхъ земель для своего скота. Результатомъ этого компромисса и явилась та система поселеній, которая обнаруживается намъ въ германскихъ деревняхъ и окружающихъ ихъ маркахъ. Главная масса отцовъ семействъ, которые хотѣли осѣсть, была раздѣлена на группы умѣренныхъ размѣровъ; этимъ группамъ были отведены наиболѣе годные, плодородные и до этого уже находившіеся въ временной обработкѣ части территоріи, причемъ каждая группа получала столько земли, сколько казалось достаточнымъ для безбѣднаго содержанія входившихъ въ ея составъ семей и сколько могло быть обработано ихъ силами. Остальная земля по-прежнему оставалась въ хозяйственномъ пользованіи тѣхъ, которые сохранили пастбищный бытъ, причемъ, однако, извѣстныя права

пользования этими землями могли быть даны и тѣмъ, которые перешли къ земледѣлю.

Свободные члены у германскихъ племенъ раздѣлялись на особыя территориальныя группы, носившія названіе *сотенъ* и заключающія въ себѣ 120 отцовъ семействъ. Границы *сотенъ* ясно сохранились въ Шлезвигѣ и въ Даніи, и изъ свѣдѣній о ихъ пространствахъ видно, что на каждую сотню приходится въ среднемъ 5,3 □ миль (30,067 ha) и 37 деревень.

По мнѣнію Мейтцена, это раздѣленіе на сотни коренится въ хозяйственныхъ потребностяхъ пастушескаго быта.

Скотъ у кочевыхъ народовъ не можетъ пастись въ одиночку; онъ долженъ быть соединенъ въ стада, находящіяся подъ наблюденіемъ пастуховъ, достаточно многочисленныхъ и вооруженныхъ, чтобы быть въ состояніи давать отпоръ нападеніямъ враговъ и дикихъ звѣрей. При этомъ величина и составъ каждаго стада опредѣляются цѣлымъ рядомъ условій, въ силу которыхъ каждой группѣ людей приходится образовать изъ своего скота не одно, но нѣсколько стадъ. Благодаря этому увеличивается и число людей, необходимыхъ для защиты скота. Прежде всего величина стада не должна выходить за извѣстные предѣлы, такъ какъ для слишкомъ большого стада пастбище могло бы дать кормъ на слишкомъ короткое время. Далѣе, не всякое пастбище одинаково пригодно для всѣхъ видовъ скота. Кромѣ того, раздѣленіе скота на стада (по роду скота, возрасту и т. д.) необходимо и для лучшаго использованія и безъ того недостаточныхъ пастбищъ. Наконецъ, молочный скотъ долженъ пастись вблизи отъ мѣстопробыванія женъ и дѣтей. Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что для охраны этихъ послѣднихъ часть мужчинъ должна оставаться при нихъ. Кромѣ того, часть времени у мужчинъ уходитъ на охоту и обработку земли. Изъ всего изложеннаго вытекаетъ, что пастушескій бытъ требуетъ соединенія людей въ извѣстныя группы. Для совмѣстнаго веденія хозяйства германская сотня, или 120 семей, можетъ считаться группой, вполне удобною для этой цѣли.

По расчетамъ Мейтцена выходитъ, что для содержанія 120 семействъ требуется 3600 коровъ, для пастбы которыхъ необходима территорія въ 3 □ мили ³⁶⁾ ³⁷⁾.

³⁶⁾ Мейтценъ считаетъ, что на человѣка въ годъ при 50 kg. хлѣба требуется около 200 kg. мяса и 2400 литровъ молока, и что это количество пищи для семьи въ 8 человѣкъ можетъ быть получено съ 30 коровъ. Далѣе, Мейтценъ считаетъ, что на 1 корову нужно въ годъ около 4745 kg. сѣна; въ такомъ случаѣ, считая по 1000 kg. съ гектара, окажется, что для стада въ

Возможно, что сначала въ предѣлахъ каждаго племени сотни занимали пастбищныя земли по очереди. Со временемъ сотни превратились въ территоріальныя дѣленія съ точными границами. Во всякомъ случаѣ, послѣ перехода къ земледѣльческому быту даже у наименѣе крупныхъ сотенъ оказался большой излишекъ незанятой земли, на которой прежніе владѣльцы стадъ могли продолжать вести свое пастушеское хозяйство.

По расчетамъ Мейтцена, описанная Цезаремъ страна суэвовъ, занимавшая среднюю Германію, охватывала пространство въ 2400 □ миль, на которомъ жило около 1 милліона жителей, т.-е. около 1000 сотенъ. Такимъ образомъ на сотню приходилось 2,4 □ мили. Этого могло еще быть достаточно для потребностей пастушеской жизни, но именно какъ разъ только достаточно. Между тѣмъ въ мирное время населеніе легко могло удвоиться въ 40 лѣтъ. Такой быстрый ростъ рано или поздно долженъ былъ повести къ необходимости перехода къ осѣдлой жизни.

Вмѣстѣ съ переходомъ къ осѣдлой жизни возникала потребность въ точномъ отграниченіи новыхъ поселеній и отведенныхъ имъ земель отъ марки: послѣдняя и впредь должна была остаться въ общемъ пользованіи. Безъ такого отграниченія мирная культурная работа обитателей деревни не была бы возможна, и ей всегда угрожали бы вторженія стадъ, пасшихся на маркѣ. Поэтому каждой деревнѣ былъ отведенъ особый участокъ земли (*Dorfmark*, *Gemarkung*, *Flur*). Этотъ участокъ состоялъ какъ изъ воздѣлываемой, такъ и изъ невоздѣлываемой земли. Послѣдняя, однако, не входила въ составъ марки, которая начиналась лишь за ея предѣлами; она находилась въ общемъ пользованіи жителей деревни и подъ именемъ *альменды* (*Almende*) отличалась какъ отъ воздѣлываемой земли деревни, такъ и отъ марки.

Право участія въ пользованіи маркою также требовало точнаго опредѣленія. Отъ такого участія не были исключены и жители деревень, перешедшіе къ земледѣлію.

3600 коровъ требуется около 3 □ миль. Этими цифрами Мейтценъ, конечно, не придаетъ значенія точныхъ данныхъ. Онѣ, по его мнѣнію, должны дать только самую общую точку опоры и служить доказательствомъ лишь того, что весь приведенный у Мейтцена кругъ представленій не заключаетъ въ себѣ ничего несообразнаго.

*) О размѣрѣ *сотенъ* имѣются также свѣдѣнія, касающіяся южной части Швеціи. Здѣсь средняя площадь сотни составляла 12,9 □ миль, но изъ нихъ только 2,48 □ мили представляли изъ себя культурную землю.

Мейтценъ пытается доказать, что какъ техническая, такъ и юридическая сторона всѣхъ этихъ отграниченій и опредѣленій была вполне посильна населенію древней Германіи. Что касается технической стороны, то нигдѣ нельзя найти болѣе тонкаго знанія мѣстности и большей способности проводить на ней точныя границы и запоминать ихъ, чѣмъ у кочевыхъ народовъ. Что же касается правовой стороны, то Мейтценъ думаетъ, что переходъ къ осѣдлой жизни долго служилъ предметомъ обсужденія и борьбы на племенныхъ собраніяхъ, и что онъ совершился при участіи этихъ собраній. Деревни германскаго типа не могли возникнуть тайно и безъ вѣдома всѣхъ членовъ сотни, онѣ не могли возникнуть и по принужденію.

VI.

Таково происхожденіе германскихъ національныхъ деревень. Однако, кромѣ этихъ деревень, въ области чисто-германскаго заселенія встрѣчаются и двѣ другія формы поселеній, которыя, впрочемъ, могутъ быть найдены и въ другихъ частяхъ Германіи.

Сюда относится прежде всего та форма поселенія, которая встрѣчается на такъ наз. *маршахъ*, т.-е. приморскихъ низменностяхъ, по побережью какъ Сѣвернаго, такъ и Прибалтійскаго морей. Эти поселенія носятъ названія *Marschhufen*. Отличительную черту ихъ составляютъ длинныя и прямыя гряды шириною въ сажень, идущія параллельно другъ другу между глубокими рвами и однимъ концомъ упирающіяся въ плотину. Необходимость этихъ грядъ и рововъ, также какъ и плотинъ, объясняется тѣмъ, что уровень маршей вездѣ ниже уровня моря, вслѣдствіе чего требуется ихъ осушеніе. Гряды и рвы идутъ перпендикулярно къ плотинѣ, которая, обладая особою прочностью, служитъ главною улицей деревни. Усадьбы построены длиннымъ рядомъ вдоль этой улицы по внутреннему склону плотины: вслѣдствіе этого онѣ остаются доступными и могутъ служить убѣжищемъ и въ случаѣ разрыва плотины, и при наводненіяхъ.

Описанное раздѣленіе земли объясняется тѣмъ, что уровень земли по мѣрѣ приближенія къ плотинѣ поднимается, вслѣдствіе чего почва становится лучшаго качества: благодаря раздѣленію на полосы, перпендикулярныя къ плотинѣ, всѣ владельцы получаютъ одинаковое участіе какъ въ лучшей, такъ и въ худшей землѣ.

При изученіи древняго заселенія страны описанная форма расселенія значенія не имѣетъ. Она возникла съ развитіемъ помѣстнаго землевладѣнія путемъ раздачи земли со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ. Первые Marschhufen въ Германіи были заложены выходцами изъ Голландіи въ XII вѣкѣ (Vahr около Бремена въ 1106 г.).

Таковъ же характеръ возникновенія и другой формы поселенія, встрѣчаемой въ Германіи, такъ называемыхъ *лѣсныхъ колоній* (*Waldhufen*): и онѣ возникли путемъ раздачи земли крупными землевладѣльцами. Лѣсныя гуфы въ значительномъ количествѣ встрѣчаются въ длинной полосѣ, идущей къ западу отъ Тюрингенскаго лѣса, т.-е. на Рудныхъ горахъ, Лаузицкомъ горномъ хребтѣ и на Судетахъ. Кромѣ того, онѣ встрѣчаются въ горахъ Шварцвальда, Оденвальда, Шпессарта и Рёна. Подобно Marschhufen, усадьбы въ лѣсныхъ гуфахъ расположены по одной линіи: онѣ длиннымъ рядомъ слѣдуютъ одна за другой вдоль тянущейся по долинѣ деревенской улицѣ. Каждая усадьба расположена на принадлежащей къ ней землѣ, которая длинною полосой идетъ въ гору по одну или по обѣ стороны отъ деревенской улицы и приблизительно перпендикулярно къ ней, и доходить до лежащей на высотѣ горыграницы деревенской земли.

И эти поселенія должны быть исключены при изученіи первоначальнаго осѣдлаго занятія края: они стали основываться на невоздѣланной и покрытой лѣсомъ землѣ лишь во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Поэтому обратимся къ тѣмъ формамъ поселеній, которыя встрѣчаются внѣ области чисто-германскаго расселенія.

Прежде всего въ той части Германіи, которая расположена за предѣлами восточной границы этой области, т.-е. за *limes sogabicus*, большинство поселеній было основано еще тогда, когда страна заселялась славянами. Эти *славянскія поселенія* носятъ вполне опредѣленный характеръ и представляютъ двѣ формы: *кругообразныя деревни* (*Runddörfer*) и *рядовыя деревни* (*Strassendörfer*).

Въ *кругообразныхъ деревняхъ* усадьбы въ видѣ широкаго кольца расположены вокругъ круглой или овальной площади. Это кольцо первоначально только въ одномъ мѣстѣ прорывалось дорогой, соединявшей площадь съ лежащими за усадьбами полями. Дворы и находящіеся на нихъ постройки размѣщены клинообразно въ направленіи къ площади. За постройками идутъ засаженные высокими деревьями сады, которые также

имѣють клинообразную форму и заканчиваются заборомъ, окружающимъ всю деревню и имѣющимъ почти форму круга. Такія деревни встрѣчаются по всей линіи къ востоку отъ *limes rhodanicus*, а именно въ юговосточной части прусской провинціи Шлезвигъ-Гольштейнѣ, въ великихъ герцогствахъ Мекленбургъ, въ восточной части провинціи Саксоніи, въ западной части провинціи Бранденбургъ, въ провинціи Силезіи и въ Богеміи.

Вторая форма славянскихъ поселеній, *рядовая деревня*, представляетъ изъ себя прямую, не очень длинную улицу, къ которой по обѣимъ сторонамъ примыкають усадьбы. Усадьбы эти тѣснятся одна подлѣ другой и имѣють прямоугольную форму. Улица въ серединѣ деревни настолько расширяется, что здѣсь образуется какъ бы площадь: на послѣдней нерѣдко стоитъ церковь или помѣщается кладбище, а рядомъ почти всегда виднѣется яма съ водою, образовавшаяся вслѣдствіе вывозки глины и служащая водопоемъ для скота. Усадебныя мѣста тянутся больше въ глубину, чѣмъ въ ширину, и отдѣляются другъ отъ друга заборами. Постройки по большей части потеряли свой прежній славянскій характеръ: почти всюду здѣсь встрѣчается франкскій типъ дома, проникшій сюда вмѣстѣ съ нѣмецкою колонизаціей уже въ XIII и XIV вв. За постройками лежать сады и огороды, которые своею внѣшнею стороною упираются въ заборъ, окружающій всю деревню и придающій ей форму часто довольно правильнаго параллелограмма. Деревенская улица по обѣимъ сторонамъ уходитъ въ поле; иногда она въ серединѣ пересѣкается поперечною улицей. На западъ отъ Одера эта форма встрѣчается лишь рѣдко; въ равнинѣ же, лежащей на востокъ отъ Одера, она всецѣло господствуетъ. Какъ исключеніе обѣ славянскія формы встрѣчаются и въ области чисто-германскаго заселенія (въ Гарцѣ и въ Тюрингіи).—Расположеніе и раздѣленіе полей какъ въ кругообразныхъ, такъ и въ рядовыхъ деревняхъ такое же, какъ и въ деревняхъ германскаго типа ³⁸⁾.

Значительную часть своего изслѣдованія Мейтценъ посвящаетъ изученію происхожденія славянскихъ деревень. Я эту часть его изложенія оставляю совсѣмъ въ сторонѣ и обращусь только къ тѣмъ формамъ поселенія, которыя встрѣчаются за предѣлами западной и южной границы области чисто-германскаго заселенія, и къ теоріи, посредствомъ которой Мейтценъ старается объяснить происхожденіе этихъ формъ.

³⁸⁾ Выше мы уже указали на то, что деревни, описанныя *Олуфсеномъ*, относятся къ типу славянскихъ рядовыхъ деревень.

1. Если мы перейдемъ черезъ южную границу этой области, идущую отъ р. Зигъ до *limes bogabicus*, то на протяженіи южной Германіи, Швейцаріи, Тироля и Австріи мы найдемъ смѣшеніе разныхъ формъ поселеній: здѣсь встрѣчаются мѣстами одиночные дворы, мѣстами—деревни германскаго типа, мѣстами—особый видъ поселковъ.

2. Если мы переправимся черезъ р. Везеръ и такимъ образомъ перейдемъ черезъ западную границу области, то мы немедленно окажемся въ странѣ, покрытой одиночными дворами. Столь же рѣзкій переходъ наблюдается и на всемъ протяженіи западной границы вплоть до р. Зигъ.

Итакъ въ дальнѣйшемъ изложеніи мы должны себѣ поставить два вопроса:

- 1) Чѣмъ объяснить разнообразіе формъ, встрѣчаемыхъ за южною границей области чисто-германскаго заселенія, т.-е. въ южной Германіи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ частяхъ Австріи? и
- 2) Чѣмъ объяснить сплошное распространеніе одиночныхъ дворовъ къ западу отъ этой области?

VII.

Прежде однако, чѣмъ отвѣтить на эти два вопроса, мы должны ознакомиться съ тѣми формами поселенія, которыя основывались *кельтами* при переходѣ ихъ къ осѣдлому образу жизни. Слѣды первобытнаго кельтскаго аграрнаго быта нигдѣ не могутъ быть найдены въ такой чистотѣ, какъ въ *Ирландіи*³⁹⁾.

Ирландія занимаетъ пространство въ 1493 □ мили. Весь островъ покрытъ одиночными дворами, расположенными на умѣренномъ разстояніи одинъ отъ другого. Лишь весьма рѣдко, а именно только тамъ, гдѣ скрещиваются дороги или гдѣ построены церкви, замѣчаются болѣе сплоченныя группы домовъ, образующія поселки. Ясное понятіе о характерѣ и размѣрѣ этихъ поселеній даютъ карты такъ называемаго Ordnance Survey of Ireland, въ особенности болѣе крупныя изъ нихъ (такъ называемая Six inch map, сдѣланная въ масштабѣ $\frac{1}{10.560}$).

Изъ этихъ картъ оказывается, что—за исключеніемъ городовъ—вся страна распадается на участки земли, размѣромъ въ 640 англ. акровъ (= 259,2 га), а въ нѣкоторыхъ графствахъ съ неплодородною почвой—въ 1280 акровъ (= 518,4 га) каждый.

³⁹⁾ Томъ I, отдѣлъ III, стр. 174 и слѣд.

Такой участок называется *townland* или *baile*. Каждый *townland* имѣетъ свое особое названіе и распадается на 4 участка. Последніе въ настоящее время не имѣютъ никакого значенія; часто большое количество ихъ сосредоточено въ рукахъ одного землевладѣльца; въ свою очередь они обыкновенно распадаются на нѣсколько фермъ. И въ коммунальной жизни они не играютъ роли. Тѣмъ не менѣе ихъ границы всюду извѣстны, и они считаются за давнишнее раздѣленіе земли. Каждый участокъ имѣетъ свое особое названіе кельтскаго происхожденія; эти названія часто оканчиваются на *Cartron*, *Carrow* или *Quarter*—окончанія, которыя въ Ирландіи встрѣчаются больше 600 разъ. Эти участки въ прежнее время распадались на 4 (иногда 6) *tates* по 40—80 акровъ въ каждой. Границы *tates* иногда извѣстны и до настоящаго времени, и нерѣдко сами *tates* сохранили особыя названія. Слово *tate* означаетъ на кельтскомъ языкѣ крестьянскій дворъ; и *tates* первоначально были—на подобіе германскихъ гуфъ—самостоятельными крестьянскими хозяйствами, расположенными въ формѣ одиночныхъ дворовъ, окруженныхъ принадлежащими къ нимъ землями и занимавшихъ около 16—32 ha.

Раздѣленіе полей въ предѣлахъ *townland* и его частей весьма характерно: оно образуетъ многочисленные неправильные, четырехугольные, прямоугольные или закругленные участки различной величины, обыкновенно отъ $\frac{1}{2}$ до 4 ha. Эти участки отдѣлены одинъ отъ другого рвами, заборами или стѣнами—не для обозначенія границъ собственности, но для цѣлей хозяйства.

Спрашивается: образовалась ли эта система непосредственно при первоначальномъ осѣдломъ заселеніи острова, или же она является результатомъ коренного и систематическаго регулирования, произведеннаго уже въ болѣе позднее время? На этотъ вопросъ можетъ пролить свѣтъ богатая памятниками исторія Ирландіи, а равно и исторія Уэльса, также населеннаго кельтами.

Изъ этихъ памятниковъ оказывается, что описанное раздѣленіе земли на *townlands* и т. д. весьма древняго происхожденія. Уже одна старинная пѣснь X вѣка говоритъ о томъ, что Ирландія въ VI или VII вѣкѣ была раздѣлена на 184 *Tricha Ceds* или клана, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ 30 *townlands* или *bailes* (итого—5520), что каждый *townland* распадался на 4 *quarters*, изъ которыхъ каждый содержалъ полное стадо въ 75 коровъ, и что *quarter* въ свою очередь распадался на 3 *seisrighs* по 120 ирланд. акровъ (= 160 англ. акровъ). Такимъ образомъ, по этому памятнику выходитъ, что на *quarter*

приходилось 480 англ. акровъ. По всѣмъ другимъ памятникамъ на quarter приходится 160 или 320 англ. акровъ, что соотвѣтствуетъ описанному выше современному дѣленію.

Кланъ состоялъ изъ лицъ, происходившихъ отъ одного родоначальника, носившихъ одно имя и рассматривавшихъ известное пространство земли какъ свою общую семейную собственность. Во главѣ каждого клана стоялъ выборный главарь (Sean Cinneadh, Sean Finne). Кромѣ того, во главѣ каждого изъ 4 округовъ, на которые распадался островъ, стоялъ особый старѣйшина или король; одинъ изъ этихъ старѣйшинъ являлся государемъ или главнымъ королемъ надъ всей Ирландіей.

Организацію клана мы узнаемъ за такое время, когда весь островъ уже былъ осязательно заселенъ и уже существовало описанное выше дѣленіе земли. Однако наслѣдственной собственности на землю первоначально не было, но каждый членъ клана имѣлъ право на достаточное надѣленіе землею; послѣ его смерти эта земля возвращалась въ кланъ. Власть главаря носила патриархальный характеръ; на его обязанности лежало распредѣленіе земли между членами клана; сверхъ того часть земли (Demesneland) находилась въ его полномъ распоряженіи: онъ могъ посадить на нее подчиненныхъ ему полусвободныхъ лицъ. Члены клана обязаны были дѣлать ему известныя взносы натурою.

Существуетъ, однако, рядъ указаній, съ помощью которыхъ мы можемъ себѣ представить жизнь ирландскихъ кельтовъ уже при пастушескомъ бытѣ, а также и тотъ процессъ, путемъ котораго они перешли къ окончательной осязательности.

Въ особенности поучительны въ этомъ отношеніи дошедшія до насъ свѣдѣнія о *домахъ*, въ которыхъ жили древніе ирландцы. Дома эти всѣ были построены по одному образцу. Остовъ дома состоялъ изъ шести крѣпкихъ столбовъ, расположенныхъ въ два параллельныхъ ряда по три столба въ каждомъ. Эти столбы были либо согнуты, либо на каждомъ изъ нихъ оставалась неотрубленная одна вѣтвь: благодаря этому верхніе концы двухъ противоположныхъ столбовъ сходились; въ мѣстахъ скрещиванія они связывались. На этихъ столбахъ помѣщалась крыша дома, которая, однако, съ обѣихъ сторонъ шла дальше столбовъ и такимъ образомъ, кромѣ главной части дома, расположенной въ серединѣ между столбами, образовывала двѣ боковыя части, заключавшіяся между столбами и сдѣланными изъ плетня наружными стѣнами, о которыя опиралась нижняя часть крыши. Каждая изъ этихъ боковыхъ частей дѣлилась поперекъ на двѣ

части; въ каждой изъ послѣднихъ было по 4 ложа (gwely, gwele, wele=лат. lectus). Такимъ образомъ, во всемъ домѣ было всего 16 ложъ, по 8 съ каждой стороны.

Изъ памятниковъ мы узнаемъ, что кругъ жившихъ въ домѣ лицъ, носившій названіе gwellygord, распадался на 4 gavaels, а каждая gavael раздѣлялась на 4 randirs или gwelys. Каждое gwely соотвѣтствовало одной семьѣ. Такимъ образомъ, описанный старый домъ былъ рассчитанъ на 16 семействъ (около 90 человекъ). Это число семействъ, населявшихъ домъ, носило не случайный характеръ: оно коренилось въ кельтскомъ пастушескомъ бытѣ и соотвѣтствовало его своеобразной организаціи.

Дѣйствительно, мы видѣли, что въ VI — VII вѣкѣ каждому клану было отведено пространство земли для пастьбы скота въ размѣрѣ 9000 коровъ. На одно townland или baile приходилось 4 стада, заключающихъ въ себѣ всего 300 коровъ. Между тѣмъ 16 семей могутъ какъ разъ считаться достаточнымъ числомъ людей для ухода за 300 коровами, въ особенности если присоединить сюда и остальные нужды хозяйства (нѣкоторое земледѣліе, орудія и постройки, а также требованія военной, судебной и т. д. службы). Съ другой стороны, продуктъ 300 коровъ можетъ считаться достаточнымъ для содержанія 16 семей ⁴⁰⁾, въ особенности если присоединить къ нему продуктъ, получаемый отъ небольшой запашки.

Однако, пространство въ 259,2 га, которое въ настоящее время обыкновенно заключается въ townland, далеко недостаточно для прокормленія 300 коровъ (=0,8 га на корову). Поэтому нельзя считать, чтобы современный размѣръ townland соотвѣтствовалъ его размѣру при пастушескомъ бытѣ ⁴¹⁾.

Напротивъ того, нужно думать, что въ тѣ времена вся территория страны была болѣе или менѣе равномерно раздѣлена между всѣми кланами.

Дѣйствительно, вся Ирландія занимаетъ пространство въ 1493 □ мили; изъ нихъ $\frac{1}{5}$ представляетъ очень плохую почву. Если исключить эту $\frac{1}{5}$, а остальную землю раздѣлить поровну между 184 кланами, то на долю каждого придется 6,7 □ миль или 38,684 га, и на каждую корову придется нѣсколько больше

⁴⁰⁾ Мейтценъ считаетъ, что на 1 человекъ при такихъ условіяхъ приходилось въ годъ около 2000 литровъ молока (= 162,6 ведра) и 120 килогр. мяса.

⁴¹⁾ Слово townland означаетъ огороженную землю, мѣстожителство для людей и скота, окруженное заборомъ или валомъ. И въ настоящее время на картахъ Ordnance Survey of Ireland можно найти остатки нѣсколькихъ тысячъ такихъ огороженныхъ валомъ мѣстъ.

4 на пастбища. Такъ какъ это пространство нельзя считать большимъ, то нужно думать, что свѣдѣнія, по которымъ число коровъ въ кланѣ составляло 9000, относятся къ такому времени, когда уже близко предстояла необходимость перехода къ осѣдлой жизни. Это подтверждается и словомъ *Tricha Ced* (= кланъ), которое, вѣроятно, означаетъ 30 сотенъ и въ такомъ случаѣ соответствовало 3000 коровъ. Старый кланъ въ такомъ случаѣ заключалъ бы около 900 человекъ и близко подходилъ бы къ германской сотнѣ, которая, какъ мы видѣли, по мнѣнію Мейтцена, была также пастушескаго происхожденія. Число коровъ, приходившихся на одинъ кланъ, съ ростомъ населенія увеличилось. Ростъ населенія заставилъ наконецъ перейти къ осѣдлому земледѣльческому образу жизни, и этотъ переходъ вѣроятно совершился около 600 г.

Нужно думать, что тогда же было произведено то раздѣленіе земли на *townlands*, *quarters* и т. д., слѣды котораго сохранились и донынѣ. Въ пользу этого взгляда говоритъ прежде всего сходство между раздѣленіями стараго кельтскаго дома и дѣленіемъ земли: въ соотвѣтствіи съ 4 *gavaels* возникли 4 *quarters*, въ соотвѣтствіи съ 4 *gwelys* — 4 *tates*. Раздѣленіе дома на 16 семействъ отразилось на раздѣленіи земли на 16 самостоятельныхъ хозяйствъ. Существуетъ, кромѣ того, рядъ другихъ указаній, по большей части косвенныхъ, которыя также подтверждаютъ, что дѣленіе земли на *townlands* и т. д. непосредственно возникло уже при переходѣ населенія Ирландіи къ земледѣльческому быту. вмѣстѣ съ тѣмъ такое однообразное раздѣленіе территоріи представляется вполне возможнымъ, если принять во вниманіе силу той патріархальной власти, которая находилась въ рукахъ лицъ, стоявшихъ во главѣ клановъ—съ одной стороны, и 4 старѣйшинъ и главнаго короля—съ другой.

Послѣ того какъ кланы пришли къ осѣдлому образу жизни, оставались еще значительныя пространства земли, на которыхъ могли основываться новыя *townlands*. И дѣйствительно, въ 1598 г. число *townlands* составляло уже 6814 (вмѣсто 5520 въ VI—VII вѣкѣ).

При раздѣленіи земли главари клановъ сверхъ упомянутыхъ выше земель, находившихся въ ихъ распоряженіи (*Demesneland*), получали вѣроятно также и отдаленныя пастбища и лѣса, которыя они эксплуатировали съ помощью труда людей подчиненныхъ и обѣднѣвшихъ. Главная же масса населенія обратилась къ правильному земледѣлію.

Первоначально каждый отецъ семейства получалъ свою *tate*

пожизненно. Однако постепенно владѣніе землею стали приобретать наследственный характеръ, и такимъ образомъ развилась частная поземельная собственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ наступило распаденіе клановаго устройства. Дѣйствительно, еще до перехода къ земледѣльческому быту въ предѣлахъ клановой жизни развились весьма крупныя сословныя различія между дворянствомъ и просто-свободнымъ классомъ, при чемъ первое обуславливалось не рожденіемъ, но богатствомъ, состоявшимъ въ скотѣ. Однако клановый строй пошатнулся лишь съ переходомъ къ земледѣльческому быту и съ развитіемъ частной поземельной собственности. Нѣкоторые лица сосредоточили въ своихъ рукахъ крупныя пространства земли, и такимъ образомъ развилась поземельная аристократія. Съ другой стороны, вслѣдствіе наследственныхъ раздѣловъ многіе члены клановъ обѣднѣли и изъ свободныхъ превратились въ кліентовъ, зависимыхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Этимъ было подготовлено то состояніе, въ которое впослѣдствіи впалъ ирландскій народъ и которое сдѣлало изъ Ирландіи классическую страну земельного пролетаріата.

VIII.

Итакъ, мы рассмотрѣли двѣ весьма несходныя формы первоначальнаго заселенія: деревни германскаго типа и одиночные дворы, и мы видѣли, что Мейтценъ этимъ двумъ формамъ придаетъ національный характеръ, считая первую изъ нихъ—формою національно-германскою, а вторую—формою національно-кельтскою. Посмотримъ, насколько этотъ выводъ можетъ подтвердиться при объясненіи тѣхъ разнообразныхъ формъ поселенія, которыя мы встрѣчаемъ въ Германіи.

При этомъ мы сначала обратимся къ разрѣшенію перваго изъ поставленныхъ нами выше вопросовъ, а именно вопроса о возникновеніи тѣхъ разнообразныхъ формъ поселеній, которыя встрѣчаются въ земляхъ, расположенныхъ за южною границей области чисто-германскаго заселенія и тянущихся отъ *limes bogabicus* на востокъ до границы съ Галліей на западѣ. Эти земли охватываютъ такъ назыв. Верхнюю Германію, т.-е. южную Германію, Швейцарію и западныя провинціи Австріи ⁴²⁾.

Заселяя эту территорію, германцы занимали мѣста, которыя

⁴²⁾ Томъ I, отдѣлъ V, стр. 378 и сл.

во всѣхъ своихъ доступныхъ частяхъ были уже покрыты осѣдлыми поселеніями. Какъ мы уже знаемъ, на протяженіи всего сѣвера этой территоріи жили кельты, а отчасти сюда проникли римляне. Относительно гористаго юга трудно рѣшить, былъ ли онъ населенъ кельтами или римлянами, или какимъ-нибудь другимъ народомъ. Мало-по-малу вся эта территорія была занята германцами. Но, спрашивается, сохранились ли слѣды старыхъ обитателей и ихъ поселеній? Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только съ помощью топографическихъ картъ.

Вглядываясь же въ послѣднія, мы видимъ, что *деревни германскаго типа* широко распространены по рассматриваемой нами территоріи, въ особенности въ сѣверныхъ и западныхъ частяхъ ея. На востокъ онѣ встрѣчаются вплоть до самой границы славянскихъ поселеній, которые изъ современныхъ частей Германіи захватываютъ сѣв.-восточную часть Баваріи (почти всю пров. Верхнюю Франконію и сѣверную половину провинціи Верхній Пфальцъ). Граница славянскихъ поселеній пересѣкаетъ Дунай у р. Энсъ, такъ что по сю сторону ея, кромѣ остальной Баваріи, остаются Верхняя Австрія, Зальцбургъ и большая часть Тироля.

Другая, менѣе опредѣленная граница германскихъ деревень проходитъ тамъ, гдѣ, приблизительно у подножья горъ, начинается область одиночныхъ дворовъ, которые занимаютъ всѣ болѣе узкія долины Альпъ.

На протяженіи всей описанной области деревни носятъ на себѣ всѣ типичныя черты германскихъ деревень; вездѣ существуетъ или по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени существовала принудительная культура.

Спрашивается, когда эти деревни возникли? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны привести данныя исторіи о томъ, *когда* эта страна была заселена германцами. Изъ этихъ данныхъ въ связи съ данными топографическихъ картъ мы увидимъ, что всюду, куда проникали германцы, они приносили съ собою изъ своей родины и свою національную форму поселенія.

1. Ранѣе всѣхъ другихъ германскихъ племенъ въ верхней Германіи поселились *ваніоны*, *неметы* и *трибоки*: они принадлежали къ войску Аріовиста, и уже до Цезаря имъ была уступлена $\frac{1}{3}$ области секвановъ и медіоматриціевъ на лѣвомъ берегу Рейна между р. Наэ и Мозеромъ (т.-е. главн. образомъ сѣв. часть Эльзаса, баварскій Пфальцъ и южная часть Вел. Герц. Гессенъ). Такъ какъ число ихъ было велико въ сравне-

ни съ уступленною имъ территоріей, то они вынуждены были перейти къ осѣдлому образу жизни. Какъ видно изъ современныхъ топографическихъ картъ, поселенія, которыя они основали, всюду имѣли форму германскихъ деревень.

2. Далѣе, во времена Августа мѣстность, расположенная по среднему теченію Майна, была уступлена *гермундурамъ*, которые и сохранили эту мѣстность окончательно (части баварскихъ провинцій Верхней, Средней и Нижней Франконіи и Верхняго Пфальца). И здѣсь мы видимъ германскія деревни.

3. *Алеманны* при Августѣ получили незначительное пространство земли, около 120 □ миль, между Майномъ и Неккаромъ. Со временъ Марка Аврелія они стали расширять свою территорію и къ времени Карагаллы заняли около 40 □ миль такъ наз. *Agri Decumates*. Впослѣдствіи они значительно расширили свои владѣнія и заняли не только значительныя пространства по правую сторону Рейна до р. Иллера (Бадень, Бюртембергъ и часть Вел. Герц. Гессенъ), но и Эльзасъ и нѣмецкую часть современной Швейцаріи. Всюду они приносили съ собою обычаи селиться деревнями германскаго типа. Такія деревни возникали и на земляхъ, занятыхъ до того римскими виллами. Главнымъ образомъ онѣ встрѣчаются во всѣхъ ровныхъ мѣстностяхъ разсматриваемой области.

4. Пространство между рѣками Дунаемъ, Иллеромъ, Лехомъ и Боденскимъ озеромъ (современную баварскую провинцію Швабенъ) заняли *ютунги*. И они основывали всюду деревни германскаго типа. Если въ настоящее время часть ихъ территоріи, а именно округи Кемптенъ, Имменштадтъ и Брегенцъ, покрыты альпійскими одиночными дворами, то это объясняется тѣмъ округленіемъ земельныхъ владѣній, которое началось здѣсь уже съ XVI в. (1540) и продолжалось до начала XIX вѣка.

5. Наконецъ, *баювары* первоначально занимали незначительную мѣстность, расположенную къ сѣверу отъ Дуная, изъ которой они въ 5 и 6 вв. почти всецѣло были вытѣснены славянами, занявшими части современныхъ баварскихъ провинцій Верхней Франконіи и Верхняго Пфальца. Значительная часть расположенныхъ въ этой мѣстности лѣсовъ въ горахъ Баварскаго и Богемскаго Лѣса были расчищены и заселены лишь въ XI вѣкѣ. Въ остальныхъ частяхъ этой мѣстности (зап. части пров. Верхній Пфальцъ) всюду встрѣчаются деревни германскаго типа. Впослѣдствіи баювары перешли на южный берегъ Дуная и заняли здѣсь пространство къ востоку отъ р. Лехъ (современныя провинціи Верхняя и Нижняя Баварія). Въ до-

линахъ рѣкъ и здѣсь встрѣчаются всюду деревни германскаго типа: на западѣ онѣ прямо граничатъ съ швабскими деревнями этого же типа; на востокѣ онѣ исчезаютъ вскорѣ за Мюнхеномъ.

Такимъ образомъ, всѣ вторгавшіяся въ Верхнюю Германію германскія племена—суэвы Аріовиста, гермундуры, алеманны, ютунги, баювары—при первомъ же бурномъ завладѣніи кельторимскими землями заселяли ихъ по старой своей національной формѣ, принесенной съ родины, т.-е. основывали деревни германскаго типа съ полями, раздѣленными на коны и полосы, предоставляя каждому члену племени равную долю участія въ каждомъ конѣ. Поэтому такія деревни со всѣми ихъ особенностями встрѣчаются во всѣхъ частяхъ Верхней Германіи, съ сѣвера до Альпъ и даже еще въ долинахъ Инна въ Тиролѣ.

Однако, наряду съ деревнями германскаго типа, въ разсматриваемой нами области встрѣчаются и другія формы поселеній.

Прежде всего здѣсь встрѣчаются уже знакомыя намъ лѣсныя гуфы, о происхожденіи которыхъ мы уже говорили выше.

Но затѣмъ мы въ Верхней Германіи находимъ форму поселенія, которой въ области чисто германскаго заселенія почти совсѣмъ нѣтъ, и которая въ Верхней Германіи встрѣчается иногда на небольшихъ пространствахъ, иногда же цѣлыми массами. Это такъ наз. *поселки* (*Weiler*). Поселокъ представляетъ изъ себя небольшую неправильно расположенную группу домовъ, составляющихъ небольшое число дворовъ, обыкновенно отъ 3 до 6. Эта группа окружена принадлежащею къ ней землею, которая состоитъ изъ разбросанныхъ въ беспорядкѣ мелкихъ участковъ разныхъ размѣровъ и разнообразной формы: иногда четырехугольной или закругленной, а по большей части неправильной (*blockartige Vertheilung der Grundstücke*). Отъ деревни германскаго типа поселокъ отличается, такимъ образомъ, какъ меньшимъ числомъ дворовъ, такъ и формой и расположеніемъ участковъ, составляющихъ одно владѣніе. Съ другой стороны здѣсь, какъ и въ германскихъ деревняхъ, замѣтны слѣды *Hufenverfassung*: каждое владѣніе заключаетъ въ себѣ 1, 2, 3 и т. д. или $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и т. д. гуфы. И здѣсь гуфы служили единицею при распредѣленіи какъ общественныхъ, такъ и частныхъ повинностей.

Принципъ распредѣленія земли по отдѣльнымъ владѣніямъ въ поселкахъ совсѣмъ другой, чѣмъ въ германскихъ деревняхъ. Въ послѣднихъ раздѣленіе полей на коны и полосы вело къ достиженію полнаго равенства между участниками: въ силу такого распредѣленія всякій споръ какъ бы вовсе исключался или

легко могъ быть рѣшенъ. Распредѣленіе земли, существующее въ поселкахъ, этому требованію не удовлетворяетъ. Дѣйствительно, раздача столь различныхъ участковъ между равноправными членами по жребію никогда не могла бы привести къ исполнѣнн равномѣрному надѣленію всѣхъ. Поэтому, распредѣленіе земли, существующее въ поселкахъ, не можетъ считаться результатомъ добровольнаго соглашенія; оно могло возникнуть лишь въ силу авторитета высшей власти. Отецъ могъ такъ раздѣлить землю между сыновьями. Но наиболѣе вѣроятнымъ и простымъ представляется предположеніе, что поселки возникли вслѣдствіе раздачи земли крупными землевладѣльцами свободнымъ или зависимымъ отъ нихъ людямъ за извѣстную плату. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, можно было обойтись безъ точнаго уравниенія, а требовалось лишь достиженіе извѣстнаго соотвѣтствія между количествомъ земли и платежами.

Итакъ, за поселками должно быть признано помѣстное происхожденіе. На это, къ тому же, указываютъ и названія поселковъ, такъ какъ слово *Weiler, vilare*, которымъ эти названія весьма часто оканчиваются, происходитъ отъ латинскаго *villa*. Правда, что римскія виллы разрушались вторгавшимися германцами; однако есть свидѣтельства, что германцы (алеманны) сами устраивали виллы на подобіе римскихъ. Первоначально такія виллы заселялись не обществами или союзами лицъ, но отдѣльными лицами. Однако, съ теченіемъ времени онѣ могли превратиться въ поселки, а иногда даже и деревни: но и послѣднія сохраняли слѣды своего помѣстнаго происхожденія въ распредѣленіи полей, которыя состоятъ не изъ коновъ и полосъ, но по большей части изъ квадратныхъ или безформенныхъ участковъ разныхъ размѣровъ, разбросанныхъ безъ всякаго плана. Что касается примѣненія *Hufenverfassung*, то оно объясняется тѣмъ, что помѣщики, раздававшіе свои земли, нуждались въ однообразномъ основаніи для исчисленія повинностей ⁴³⁾.

⁴³⁾ Поселки встрѣчаются въ разныхъ частяхъ Верхней Германіи, но главныя области ихъ распространенія слѣдующія:

1. Часть Вел. Герц. Гессенъ, расположенная между Рейномъ и Майномъ, и сѣв.-восточныя части Бадена и Вюртемберга.
2. Баварская пров. Средняя Франконія.
3. Юго-восточная часть баварской пров. Верхняго Пфальца и сѣв.-вост. часть баварской пров. Нижней Баваріи (до Дуная).
4. Южная и западная части Верхней Баваріи и юго-вост. часть Нижней Баваріи.

Причину распространения поселковъ въ томъ или другомъ мѣстѣ нельзя видѣть въ географическихъ условіяхъ почвы и т. д., хотя обзоръ картъ и оставляетъ впечатлѣніе, что деревни господствуютъ въ ровныхъ, а поселки—въ холмистыхъ мѣстностяхъ. Последнее обстоятельство объясняется тѣмъ, что лучшія земли были уже заняты германскими деревнями, поселкамъ же пришлось располагаться въ мѣстахъ, менѣе благоприятныхъ вслѣдствіе меньшаго плодородія или неровности почвы. Однако, съ другой стороны, въ юго-восточной части корол. Баваріи поселки расположены на прекрасной почвѣ, весьма пригодной для деревень германскаго типа. Краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что населеніе не всегда селилось въ формахъ, соответствующихъ мѣстнымъ географическимъ условіямъ, служитъ округленіе владѣній въ округахъ Кемптенъ, Имменштадтъ и Брегенцъ, начавшееся уже въ 1540 г. и не разъ мною уже упомянутое. Чѣмъ больше однако мы будемъ направляться на югъ въ рассматриваемой нами территоріи, тѣмъ больше мы будемъ проникать въ область, въ которой гористый характеръ мѣстности и разнообразіе почвенныхъ условій оказали важное вліяніе на формы заселенія. Здѣсь мы окажемся въ области распространія *альпійскихъ одиночныхъ дворовъ*, среди которыхъ лишь въ долинахъ встрѣчаются поселки.

Не подлежитъ сомнѣнію, что происхожденіе альпійскихъ одиночныхъ дворовъ должно быть въ значительной степени отнесено ко времени, предшествовавшему германскому заселенію. Но представляется весьма труднымъ опредѣлить, какою національностью они были первоначально основаны.

Во времена Цезаря Noricum, Rhaetia и Vindelicia были заняты кельтами. Эти страны принадлежали къ давнишнимъ владѣніямъ послѣднихъ и въ рассматриваемое время уже были покрыты осѣдлыми поселеніями. Альпы также принадлежатъ къ стариннымъ кельтскимъ землямъ, на что указываетъ кельтское происхожденіе названій всѣхъ притоковъ Дуная, протекающихъ черезъ Альпы.

Одиночные дворы безслѣдно исчезли всюду, куда проникли германцы съ ихъ деревнями. Однако въ расположеніи полей землевладѣльческихъ поселковъ замѣчается извѣстное сходство съ распредѣленіемъ полевыхъ участковъ въ кельтскихъ одиночныхъ дворахъ. Между тѣмъ доказать, что альпійскіе оди-

5. Горы Шварцвальда, а также Альпы въ Форарльбергѣ (до округленія владѣній).

ночные дворы и поселки являются результатом кельтского вліянія, весьма трудно. Такое доказательство должно было бы исходить изъ соображеній обще-историческихъ и филологическихъ, такъ какъ альпійское аграрное устройство лишь въ незначительной степени даетъ возможность какихъ-либо выводовъ о его національномъ происхожденіи.

Причина этого даже и у тѣхъ поселеній, кельтское происхождение которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, заключается въ томъ, что естественныя условія на Альпахъ почти никогда не допускаютъ того правильнаго и равномернаго распредѣленія земли, какое встрѣчается, напр., въ Ирландіи ⁴⁴⁾. Правда, что альпійская природа требуетъ извѣстнаго разъединенія дворовъ; но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ она подчиняетъ разселеніе совершенно другимъ условіямъ, чѣмъ тѣ, которыя обнаруживаются въ ирландскомъ распредѣленіи полей. Земли, годныя къ культурѣ, беспорядочно разбросаны среди неудобныхъ для обработки пространствъ; расположенныя же на горныхъ высотахъ и склонахъ пастбища и лѣса требуютъ общиннаго пользованія. Все это ведетъ къ тому, что національный характеръ поселенія могъ бы быть обнаруженъ только въ тѣхъ альпійскихъ долинахъ, которыя заключаютъ въ себѣ достаточно мѣста для большого числа усадебъ, и которыя въ то же время не подвергались вліянію деревень германскаго типа и землевладѣльческихъ поселковъ. Кромѣ того, здѣсь представляется еще слѣдующая трудность: если бы мы даже и знали, что жители данной мѣстности въ Альпахъ были извѣстны римлянамъ, какъ кельты, то это все же еще не значило бы, что кельты въ этой мѣстности явились первымъ осѣдлымъ населеніемъ. Что германцы не были первыми насельниками въ Альпахъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но уже сравнительно рано послѣ ледниковаго періода Альпы были заняты осѣдлыми поселеніями пришедшихъ съ юга обитателей свайныхъ построекъ. Впослѣдствіи ихъ страна была занята кельтскими, германскими или италійскими пришельцами. Но были ли обитатели свайныхъ построекъ вовсе вытѣснены своими побѣдителями, или смѣшались ли они съ ними, неизвѣстно. Послѣ этого Альпы становятся убѣжищемъ самыхъ разнообразныхъ народностей. Затѣмъ появляются римляне, а за ними—и германцы. Переселеніе народовъ опять привело въ Альпы новыхъ пришельцевъ, вслѣдствіе чего происходитъ новое смѣшеніе народностей. Изъ всѣхъ

⁴⁴⁾ Объ этомъ см. выше, стр. 179, мнѣніе *Инама-Штернена*.

этихъ смѣшавшихся элементовъ, вслѣдствіе преобладанія италійской культуры, возникла *романская* народная масса, считавшая себя за однородное цѣлое и противопоставлявшая себя германцамъ. Хотя эта романская масса и была подчинена нѣмцами, она тѣмъ не менѣе сохранилась и сохранила свою землю. Нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу того, чтобы ея поселенія были кельтскаго происхожденія. Слѣдовъ римской земледѣльческой культуры въ рассматриваемой мѣстности также никакихъ не осталось.

IX.

Такимъ образомъ, мы покончили съ первымъ изъ поставленныхъ нами вопросовъ.

Мы видѣли, какимъ образомъ Мейтценъ съ помощью своей теории выясняетъ происхожденіе тѣхъ различныхъ формъ поселенія, которыя встрѣчаются въ южной Германіи, Швейцаріи и части Австріи. Лишь при изслѣдованіи національнаго происхожденія альпійскихъ одиночныхъ дворовъ представились непреодолимые затрудненія.

Теперь мы обратимся къ разрѣшенію второго вопроса ⁴⁵⁾.

Однако, чтобы отвѣтить на него основательно, мы должны снова выйти за предѣлы Германіи и распространить свое изслѣдованіе и на Галлію.

Мы видѣли выше, что къ полосѣ чисто-германскаго заселенія на западѣ примыкаетъ область одиночныхъ дворовъ, при чемъ границею служить р. Везеръ.

Эта нѣмецкая область одиночныхъ дворовъ заключаетъ въ себя слѣдующія части:

1) самый сѣверный уголъ Франціи, ограниченный на югѣ линіей, идущею отъ Булони черезъ С.-Омеръ, Дуэ и Монсъ;

2) часть Бельгіи, лежащую къ сѣверу отъ линіи Монсъ-Лёвенъ-Маастрихтъ;

3) всю Голландію, за исключеніемъ юго-западнаго уголка ея;

4) часть Германіи, ограниченную линіей, идущею отъ рѣки Мааса (у Маасейка) на востокъ, пересѣкающею Рейнъ у Кайзервѣрта (нѣсколько сѣвернѣе Дюссельдорфа) и затѣмъ идущею вдоль праваго берега Рейна на югъ до р. Видъ. Здѣсь граница поворачивается на сѣверо-востокъ почти прямою линіей черезъ Падерборнъ до колѣна р. Везера, а затѣмъ—какъ мы уже зна-

⁴⁵⁾ Томъ I, отдѣлъ VI, стр. 494 и слѣд. Томъ II, отдѣлъ VII, стр. 1 и слѣд.

емъ—по Везеру до Сѣвернаго моря. Въ предѣлахъ этой линіи находится Ольденбургъ, западная часть прусской провинціи Ганноверъ, прусская провинція Вестфаленъ (за исключеніемъ восточнаго угла) и, узкою полосой, восточная часть Рейнской провинціи.

Къ югу отъ этой области широкою полосой, проходящей черезъ всю Францію вплоть до канала, тянется область, покрытая деревнями. Южная граница этой области идетъ по сѣверному склону горнаго хребта Юра, затѣмъ она идетъ къ западу отъ р. Соны до слиянія Сены и Іонны; отсюда она поворачиваетъ къ Орлеану, и у Байё достигаетъ канала. Такимъ образомъ, французскіе одиночные дворы непосредственно примыкаютъ къ швейцарскимъ: они покрываютъ горы Валлиса и Савойи, горный хребетъ Юра и почти всю южную, среднюю и западную Францію. Кромѣ того, одиночные дворы покрываютъ часть Нормандіи (отъ Кана [Caen] до Діеппа). Въ общемъ они занимаютъ, такимъ образомъ, во всей Франціи $\frac{2}{3}$ ея территоріи. Въ этой части Франціи замкнутыя деревни встрѣчаются лишь въ видѣ небольшихъ острововъ.

Какъ извѣстно, Галлія и все пространство къ западу отъ р. Везера было первоначально занято кельтами.

Прибережье Сѣвернаго моря, расположенное къ сѣверо-востоку отъ Везера, уже въ 320 г. до Р. Х. было занято германцами. Но страна эта была населена уже и до германцевъ. Правда нельзя думать, чтобы предшественниками германцевъ здѣсь были кельты, такъ какъ крайнюю восточную границу послѣднихъ служила р. Везеръ, и нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы они когда-либо занимали и страну расположенную на востокъ отъ этой рѣки. Однако здѣсь, вѣроятно, сначала жили финны, которые затѣмъ были вытѣснены германцами черезъ Датскій полуостровъ въ Скандинавію.

Отношенія германцевъ съ ихъ сосѣдями, кельтами, сначала были, повидимому, мирныя. Между тѣмъ въ теченіе продолжительнаго времени послѣ 320 г. до Р. Х. исторія не сообщаетъ намъ свѣдѣній о какихъ-либо передвиженіяхъ народовъ въ этой мѣстности. Распространеніе населявшихъ ее племенъ, принадлежавшихъ къ союзу ингвеоновъ, могло итти только черезъ Везеръ въ страну кельтовъ или же вверхъ по Эльбѣ. Однако движеніе въ послѣднемъ направленіи началось только послѣ битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу.

Отсюда вытекаетъ, что германцы изъ указанной мѣстности уже рано были вынуждены вторгаться въ расположенную по

лѣвую сторону отъ р. Везера страну кельтовъ. И дѣйствительно уже во времена Цезаря все пространство между р. Везеромъ и устьемъ Шельды (около 1400 кв. миль) было занято германскими племенами, за исключеніемъ незначительной территории (около 50 кв. миль) по правую сторону Рейна, занятой кельтскимъ племенемъ менапійми. Часть этихъ германскихъ племенъ принадлежала къ союзу ингвеоновъ и пришла въ эту область изъ низовьевъ Эльбы; другая же часть состояла изъ племенъ, вышедшихъ изъ сердца Германіи, страны хаттовъ, и съ середины II столѣтія до Р. Х. начавшихъ распространяться по рр. Видъ, Зигъ, Руръ, Липпе, по нижнему теченію Рейна и по Эмсу. Эти народы образовали союзъ иствеоновъ.

Разсмотримъ отдѣльные народы, входившіе въ составъ этихъ союзовъ и обратимся сначала къ ингвеонамъ. Узкая прибрежная полоса отъ устья Везера до устья Рейна была занята *фризами*. За ними по направленію вглубь страны между р. Везеромъ и Эмсомъ, жили *Amteri*; далѣе оба берега Везера и побережье до Эльбы было занято *хавками*. За ними по направленію вглубь страны жили *ангиваріи* и *бруктеры*.

Что касается иствеоновъ, то къ нимъ относились *батавы*, занимавшіе пространство между Рейномъ, Маасомъ и моремъ; далѣе, къ сѣверу отъ нихъ, между р. Исселемъ, Фехте и Эмсомъ — *хоттуары* и *анзивары*; къ югу и востоку отъ бруктеровъ — *хамавы*, а между рѣками Руръ и Зигъ — *сиамбры*. Всѣ эти народы во время Цезаря широкимъ поясомъ окружали послѣднихъ изъ кельтовъ, *менапійевъ*, жившихъ въ тѣ времена у низовьевъ р. Липпе.

Каковъ же былъ древній характеръ разселенія у всѣхъ этихъ народовъ кельтскаго и германскаго происхожденія, населявшихъ Галлію и сѣверо-западную Германію?

По мнѣнію Мейтцена одиночные дворы, занимающіе $\frac{2}{3}$ Франціи и пространство отъ Булони до Везера, — происхожденія *кельтскаго*. Дѣйствительно, принадлежащія къ нимъ земли обнаруживаютъ раздѣленіе полей на такіе же участки, какіе мы видимъ на картахъ ирландской Ordnance Survey. Весьма вѣроятно, что при болѣе тщательныхъ поискахъ, въ обѣихъ областяхъ одиночныхъ дворовъ, и въ французской, и въ нѣмецкой, можно было бы найти слѣды „tates“.

Обратимся сначала къ Галліи. Повѣствуя о разныхъ народахъ Галліи, Цезарь говоритъ о ихъ „oppida, vici et reliqua privata aedificia“. Между тѣмъ сопоставленіе числа oppida и vici, приводимаго Цезаремъ, съ приводимымъ имъ же количе-

ствомъ населенія показываетъ, что, напр., у гелльветовъ половина населенія жила въ „*reliqua privata aedificia*“, и что, слѣдовательно, подъ послѣдними слѣдуетъ понимать одиночные дворы. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія Цезаря эти „*aedificia*“ прямо и опредѣляются, какъ разбросанныя усадьбы. Далѣе, сохранившіеся до настоящаго времени остатки отъ галльскихъ зданій показываютъ, что послѣднія всегда были четырехугольны ⁴⁶⁾, при чемъ нѣкоторыя въ точности соотвѣтствовали по своей формѣ ирландскому дому. На основаніи изложеннаго слѣдуетъ думать, что Галлія, такъ же какъ и Ирландія, была покрыта одиночными дворами.

Между тѣмъ отъ клановаго строя въ Галліи при Цезарѣ и слѣдовъ уже не оставалось. И Цезарь, и Страбонъ застали въ Галліи наряду съ богатымъ классомъ жрецовъ поземельную аристократію, настолько сильную, что въ ея рукахъ сосредоточивалась вся власть въ странѣ. Такая поземельная аристократія могла развиваться только въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній. Кромѣ того какъ промышленность, торговля и судоходство, такъ и сельскохозяйственное крупное производство къ тому времени находились въ Галліи уже на такомъ уровнѣ развитія, на какомъ они могли быть только послѣ многолѣтней осѣдлости. Предположеніе о раннемъ переходѣ населенія Галліи къ осѣдлому быту подтверждается также и сообщеніемъ Ливія, что галлы, проникшіе въ верхнюю Италію около 400 г. до Р. Х., немедленно взялись за земледѣліе и скоро пріобрѣли славу выдающихся сельскихъ хозяевъ.

Что касается германскихъ племенъ, населявшихъ мѣстность отъ Булони до Везера, то, съ тѣхъ поръ какъ они извѣстны исторіи, всѣ они жили въ одиночныхъ дворахъ.

Сопоставленіе всего изложеннаго приводитъ насъ къ двумъ вопросамъ:

а) откуда возникли деревни, занимающія во Франціи широкую полосу между Фландріей и Луарой?

б) откуда возникли одиночные дворы, въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ жили германскія племена въ области между Везеромъ и низовьями Рейна?

Обращаясь къ разрѣшенію перваго изъ нихъ, мы должны прежде всего замѣтить, что нельзя причину различія въ формахъ поселенія видѣть въ мѣстныхъ географическихъ условіяхъ.

Дѣйствительно, если сѣверная граница французскихъ дере-

⁴⁶⁾ Сообщенія Страбона о круглыхъ зданіяхъ касаются лишь южной Галліи.

вень и совпадаетъ съ нѣкоторыми перемѣнами въ географическихъ условіяхъ мѣстности, то такого совпаденія на южной границѣ незамѣтно.

Мейтценъ видитъ причину различія въ національныхъ условіяхъ.

Отъ верхней Германіи Галлія существенно отличалась тѣмъ, что римское управленіе, твердо установленное уже во времена Августа, въ ней получило гораздо болѣе прочную организацію, и что граница Галліи съ германцами была гораздо менѣе доступна. Поэтому германское вліяніе въ Галліи сказалось гораздо слабѣе, чѣмъ въ верхней Германіи; и въ Галліи на большомъ протяженіи и до настоящаго времени сохранились одиночные дворы, тѣмъ болѣе, что и римляне мало вмѣшивались въ условія галльскаго землевладѣнія. Положеніе измѣнилось лишь со времени вторженія восточныхъ германцевъ; съ этого времени массами начинаютъ появляться германскія племена, ищущія земли по Рейну и въ Галліи. Эти племена до известной степени наложили на свои новыя владѣнія печать своихъ родныхъ обычаевъ. Поэтому деревенскія поселенія во Франціи могутъ разсматриваться только какъ вторженіе новой формы, внесенной германцами въ область одиночныхъ дворовъ.

Уже на примѣрѣ верхней Германіи мы видѣли, что германцы приносили съ собою свою національную форму поселенія во всѣ тѣ области, которыя они прочно завоевывали. И въ разсматриваемой нами территоріи мы знаемъ рядъ примѣровъ, гдѣ германскіе выходцы основывали деревни въ занимаемыхъ ими кельтскихъ земляхъ. Такъ поступили, напр., во вновь занятыхъ ими земляхъ пришедшіе около 70 г. до Р. Х. вмѣстѣ съ Аріовистомъ *трибоки*, *неметы* и *вангионы*. Далѣе *убии*, жившіе по правому берегу Рейна, по нижнему теченію р. Лана и Вида, въ 38 г. до Р. Х. были переселены Агриппою на лѣвый берегъ Рейна, и на всемъ протяженіи своей новой территоріи основали германскія деревни; и сѣверная граница ихъ въ точности совпадаетъ съ южною границей одиночныхъ дворовъ.

Предположеніе, что французскія деревни были основаны германцами, находитъ подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что пребываніе германцевъ можетъ быть доказано относительно всѣхъ упомянутыхъ выше острововъ съ деревенскими поселеніями, разбросанныхъ по французской области одиночныхъ дворовъ, и что эти деревенскія поселенія носятъ типичный характеръ національно-германскихъ деревень.

Однако при разрѣшеніи разсматриваемаго вопроса встрѣчаются двѣ трудности.

Прежде всего германское завоеваніе распространилось въ Галліи и на многія такія земли, въ которыхъ тѣмъ не менѣе сохранились одиночные дворы. Сюда относится вся южная Галлія. Почему германскіе насельники не ввели здѣсь своей національной формы разселенія? Это недоумѣніе удовлетворительно разъясняется тѣмъ, что въ южной Галліи, благодаря вмѣшательству римскаго императора, германскіе завоеватели (бургунды и вестготы) примѣнили менѣе радикальный способъ занятія земли, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: земли не были отобраны у провинціаловъ, но каждая германская семья была поселена въ назначенномъ для нея хозяйствѣ одного изъ провинціаловъ, которому было предписано раздѣлить свое владѣніе съ новымъ пришельцемъ; при этомъ вѣроятно каждое поле порознь было подвергнуто натуральному раздѣлу. Такимъ образомъ вполне понятно, что здѣсь сохранились одиночные дворы ⁴⁷⁾.

Но такъ легко разрѣшается вторая трудность, которая состоитъ въ слѣдующемъ. Деревни въ части Франціи, расположенной къ сѣверу отъ Луары, возникли ранѣе упомянутыхъ выше поселеній бургундовъ и вестготовъ, которыя возникли въ V и VI в. Наиболѣе раннія поселенія деревнями были основаны трибоками, неметами и вангіонами (около 70 г. до Р. Х.) и убіями (въ 38 г. до Р. Х.). Далѣе римляне въ сѣверной Галліи въ большомъ числѣ основывали деревни, населенныя рабами и колонами. Кромѣ того въ разныхъ частяхъ разсматриваемой территоріи поселялись такъ называемые *laeti*: и они селились деревнями. Наконецъ, деревнями селились и хатты и алеманны, переходившіе черезъ Рейнъ начиная съ IV вѣка. Слѣды ихъ ясно замѣтны въ области, расположенной между Эльзасомъ и нижнимъ теченіемъ Мааса, т.-е. въ Лотарингіи и въ Пфальцѣ. Всѣ эти поселенія франки уже застали, когда они въ V вѣкѣ проникли въ Галлію.

Но нельзя думать, чтобы сплошная полоса деревень въ сѣ-

⁴⁷⁾ Наряду съ этимъ болѣе мягкимъ способомъ занятія земель провинціаловъ германцы иногда овладѣвали нѣкоторыми мѣстностями путемъ насильственнаго завоеванія; кромѣ того они захватывали незанятые земли. Въ обоихъ случаяхъ короли раздавали земли подданнымъ, которые основывали на нихъ деревни и либо сами брались за ихъ обработку, либо сдавали ихъ колонамъ. Слѣдуетъ принять во вниманіе, что совмѣстное поселеніе было и безопаснѣе въ пустынныхъ мѣстностяхъ. При этомъ вліяло и дѣленіе земли на гуфы. Форма этого дѣленія въ этихъ мѣстахъ еще мало изслѣдована и должна быть изучена путемъ мѣстныхъ изысканій. — Всѣмъ этимъ объясняются упомянутые въ текстѣ острова съ деревенскою формой поселенія, разбросанные по южной половинѣ Франціи.

верной половинѣ Франціи возникла только благодаря этимъ передвиженіямъ; другими словами, нельзя думать, чтобы замѣна одиночныхъ дворовъ деревнями въ полосѣ между Луарой и Фландріей произошла безъ участія самихъ франковъ. Между тѣмъ послѣдніе съ доисторическихъ временъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій жили и хозяйничали въ одиночныхъ дворахъ.

Чѣмъ объяснить, что, занявъ сѣверную часть Франціи, они не только размѣстились по деревнямъ, которые кое-гдѣ встрѣчались уже въ этой мѣстности, но и сами основали въ ней новыя поселенія въ формѣ деревень, такъ что на всемъ протяженіи земель, занятыхъ ими между Фландріей и Луарой, одиночные дворы вовсе исчезли?

Очевидно, что эти деревни не могутъ быть приписаны ихъ обычаямъ. По мнѣнію Мейтцена деревни, основанныя франками во Франціи, съ одной стороны должны быть приписаны тѣмъ новымъ условіямъ, которыя были созданы завоеваніемъ, а съ другой стороны—тому обстоятельству, что германскій способъ расселенія былъ тогда знакомъ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Здѣсь могли оказывать вліяніе слѣдующія обстоятельства. Прежде всего для равноправныхъ членовъ племени расселеніе въ одиночныхъ дворахъ должно было представить большія трудности; для равномернаго распредѣленія полей между участниками легче было послѣдовать примѣру убіевъ и алеманновъ. Далѣе большое вліяніе можно приписать необезпеченности общественнаго порядка въ бурный періодъ перваго завоеванія, которая могла повлечь за собою стремленіе мѣстнаго населенія соединиться въ замкнутыя деревни, болѣе пригодныя для защиты, чѣмъ одиночные дворы. Правда, что въ *lex Salica* мы не найдемъ слѣдовъ такого перехода, но концентрація жилищъ вокругъ господскаго двора могла и не привлечь къ себѣ особаго вниманія, такъ какъ, съ одной стороны, вслѣдствіе легкости жилищъ, она не представляла особенныхъ трудностей, и такъ какъ, съ другой стороны, этотъ переходъ не могъ принести населенію ущерба и, слѣдовательно, не могъ вызвать никакихъ жалобъ.

Наконецъ, по мнѣнію Мейтцена, весь этотъ вопросъ нельзя еще считать достаточно изслѣдованнымъ. Судя по кадастровымъ картамъ *Isle de France* (изслѣдованныхъ *George Hulin*) деревни съ раздѣленіемъ полей на коны не составляютъ большинства, и чаще встрѣчается распредѣленіе полевой земли на безпорядочные и неправильные по формѣ участки. Это ведетъ къ весьма вѣроятной мысли, что эти деревни, также какъ и

поселки въ верхней Германіи, были основаны землевладѣльцами, раздававшими свою землю за извѣстную плату. Здѣсь могло оказать вліяніе и усиленіе королевской власти. Отличіе этихъ деревень отъ поселковъ верхней Германіи заключается лишь въ ихъ размѣрахъ: по своимъ размѣрамъ французскія деревни соотвѣтствуютъ деревнямъ германскаго типа.

Во всякомъ случаѣ требуется дальнѣйшее изученіе еще мало изслѣдованныхъ французскихъ кадастровыхъ картъ.

Покончивъ съ вопросомъ о французскихъ деревняхъ, перейдемъ теперь къ другому и наиболѣе трудному вопросу, а именно о происхожденіи одиночныхъ дворовъ въ области отъ низовьевъ Рейна до р. Везера.

Спрашивается, чѣмъ объяснить, что на всемъ протяженіи области, лежащей между Булонью и Везеромъ, германцы издавна жили въ одиночныхъ дворахъ?

На этотъ вопросъ, по мнѣнію Мейтцена, есть только одинъ отвѣтъ: Германцы, занявшіе эту территорію, не основали въ ней деревень германскаго типа потому, что они тогда этого обычая еще не знали: при ихъ выселеніи переходъ къ осѣдлому образу жизни находился еще въ зачаточномъ состояніи или даже еще и не начинался. Въ тѣ времена существовало еще старое пастбищное хозяйство сотень.

Германцы пришли въ страну кельтовъ еще пастухами съ своими стадами и нашли весьма удобнымъ занять кельтскія жилища. Когда же послѣ одного или нѣсколькихъ поколѣній они вынуждены были приняться за земледѣліе, то они и тогда сохранили усвоенную ими уже кельтскую форму разселенія. Отсюда становится понятною та рѣзкая разница между выходцами изъ колыбели Германіи, которые выселились изъ своей родины *послѣ* перехода къ земледѣльческому быту (напр., убіями), и тѣми, которые выселились изъ нея еще *до* этого перехода. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что во времена Цезаря германцы еще только находились въ процессѣ перехода отъ пастушескаго къ осѣдлому быту. Осѣдлая поселенія вангіоновъ, неметовъ и трибоковъ возникли также весьма незадолго до Цезаря. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ германцы, которые заняли кельтскія земли въ болѣе раннія времена, находились еще на пастушеской стадіи хозяйственнаго развитія.

Возьмемъ, въ видѣ примѣра, фризовъ. Отличительная черта этого племени состоитъ въ томъ, что въ своемъ аграрномъ бытѣ оно сохранило слѣды глубочайшей древности. Все, что мы узнаемъ о фризахъ, говоритъ Мейтценъ, носить явную пе-

чать древнѣйшаго германскаго міровоззрѣнія и древнѣйшихъ германскихъ обычаевъ. При всемъ томъ—характеръ ихъ расселенія и хозяйства носить *чужеземный* отпечатокъ. какъ расположеніе поселеній, такъ и распредѣленіе полевыхъ земель у фризовъ отличается отъ національнаго германскаго обычая и носить ближайшее сходство съ древне-кельтскимъ аграрнымъ строемъ. Лишь изрѣдка у фризовъ встрѣчаются замкнутыя деревни, а иногда, хотя рѣдко, встрѣчается и дѣленіе полей на коны и полосы. Однако, во-первыхъ, и то и другое представляетъ изъ себя исключеніе; далѣе, появленіе этихъ деревень относится къ болѣе позднему времени и по большей части находитъ свое объясненіе въ особенностяхъ низменнаго приморскаго положенія, заставляющихъ людей совмѣстно селиться на болѣе высокихъ мѣстахъ. Древнѣйшею формой поселенія являются одиночные дворы, со всѣми характерными признаками этой формы.

Основные черты этого расселенія фризовъ вполне соответствуютъ общему характеру одиночныхъ дворовъ на Нижнемъ Рейнѣ, которые, въ свою очередь, по своимъ признакамъ вполне сходны съ одиночными дворами юго-западной половины Франціи и Ирландіи; между тѣмъ, кельтское происхожденіе послѣднихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Столь же сходны съ этими ниже-рейнскими, французскими и ирландскими одиночными дворами вестфальскія поселенія по лѣвую сторону отъ рѣки Везера.

Такимъ образомъ Мейтценъ приходитъ къ выводу, что одиночные дворы на всемъ протяженіи отъ Везера до Булони представляютъ изъ себя остатокъ старинной кельтской культуры.

Для того, чтобы придать своему выводу болѣшую силу, Мейтценъ опровергаетъ рядъ возраженій, которыя могли бы быть приведены противъ него.

Прежде всего возможно предположеніе, что въ моментъ вторженія германцевъ сами кельты были еще только пастухами, и что въ этой области одиночные дворы были основаны уже германцами по тѣмъ же причинамъ, по которымъ кельты основывали одиночные дворы въ Галліи и Ирландіи. Другими словами, возможно предположеніе, что одиночные дворы этой области происхожденія не кельтскаго, но германскаго. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: почему же германцы здѣсь, вопреки своему національному обычаю, основали одиночные дворы?

Единственное объясненіе, которое здѣсь обыкновенно при-

водится, состоитъ въ указаніи на мѣстныя географическія условія; однако это указаніе совершенно не выдерживаетъ критики. Несомнѣнно, что расселеніе въ одиночныхъ дворахъ въ высшей степени соотвѣтствуетъ условіямъ почвы на всемъ протяженіи области, расположенной по лѣвую сторону отъ р. Везеръ. Однако область, расположенная по правую сторону отъ р. Везера до самой Ютландіи, находится въ совершенно такомъ же положеніи; между тѣмъ она издавна была покрыта деревнями германскаго типа. Незначительное различіе въ климатѣ, который въ сѣверу становится нѣсколько суровѣе, не могло оказать здѣсь сколько-нибудь значительнаго вліянія. По всему побережью отъ устья Шельды до Ютландіи лѣто отличается одинаковою влажностью, а мягкая зима встрѣчается вплоть до самаго сѣвера Норвегіи. Нѣтъ также различій въ растительности лѣсовъ и луговъ и въ пригодности одинаковыхъ почвъ для однихъ и тѣхъ же злаковъ. Насколько естественныя условія въ обѣихъ мѣстностяхъ сходны, видно хотя бы изъ того, что начиная съ конца прошлаго вѣка округленіе владѣній во всей Шлезвигъ-Гольштиніи создало такую же систему одиночныхъ дворовъ, какую мы видимъ въ Вестфаліи, Ольденбургѣ или Голландіи. Благодаря этой реформѣ расположеніе большинства усадебъ въ Шлезвигъ-Гольштиніи таково, что теперь едва ли можно найти какіе-либо слѣды прежнихъ замкнутыхъ деревень; почти всѣ крупные дворы вполнѣ округлены. И полевые земли теперь распределены совершенно такъ же, какъ при одиночныхъ дворахъ. Онѣ распадаются на отдѣльные участки, окруженные заборами и рвами. Каждый хозяинъ ведетъ самостоятельное хозяйство на своихъ огороженныхъ участкахъ, на которыхъ такъ же, какъ и по лѣвую сторону отъ р. Везеръ, скотъ пастся безъ пастуха. Такимъ образомъ, природа страны ни въ прежнее, ни въ новѣйшее время, не могла обусловить собою различія въ характерѣ поселеній. Поэтому—заключаетъ Мейтценъ—причины этого различія могутъ лежать только въ различіи обычаевъ и потребностей племенъ, населившихъ эти мѣстности.

Изъ этихъ племенъ бруктеры представляютъ собою единственное саксонское племя, которое въ тотъ моментъ, когда мы о немъ узнаемъ, всецѣло жило въ предѣлахъ области одиночныхъ дворовъ. Между тѣмъ въ I или II вв. по Р. Х. бруктеры занимаютъ область по верховьямъ и правому теченію р. Руръ (такъ наз. Hellweg), и съ тѣхъ поръ живутъ въ этой области, но не въ одиночныхъ дворахъ, а въ деревняхъ гер-

манскаго типа, которыя были основаны вѣроятно не ими самими, но марсами.

Что касается, далѣе, хавковъ и ангриваріевъ, то и въ ихъ одиночныхъ дворахъ нельзя видѣть вліянія ихъ племенного обычая, ибо уже въ то время, когда мы о нихъ впервые узнаемъ, они жили по *обтмъ* сторонамъ Везера.

Наконецъ, старые саксы, жившіе по нижнему теченію Эльбы и въ Гольштиніи, до самаго послѣдняго времени никогда не жили въ одиночныхъ дворахъ; они и въ Англію перенесли обычный германскихъ деревень. Между тѣмъ по лѣвую сторону отъ р. Везеръ они такъ же, какъ и хавки и ангриваріи, расселились вопреки своему національному обычаю въ одиночныхъ дворахъ.

Существуетъ взглядъ, что занявшія кельтскую территорію германскія племена первоначально расселились въ деревняхъ, и что лишь впоследствии хозяйственные соображенія побудили ихъ перейти къ системѣ одиночныхъ дворовъ. Въ пользу этого взгляда приводятся два обстоятельства: значительное число небольшихъ городовъ, селъ и деревень, и широкое распространеніе обычая дѣлить поля на коны и полосы.

Несмотря на эти доводы, Мейтценъ считаетъ этотъ взглядъ совершенно недопустимымъ. Что касается деревень, селъ и небольшихъ городовъ, то ихъ позднее происхожденіе можетъ считаться доказаннымъ; а раздѣленіе нѣкоторыхъ полей на коны и полосы есть не что иное, какъ результатъ раздѣловъ земель, входившихъ въ составъ марки, раздѣловъ, которые также должны быть отнесены къ болѣе позднему времени.

Помимо этого слѣдуетъ принять во вниманіе, что переходъ отъ деревень къ одиночнымъ дворамъ, такъ же какъ и современное разверстаніе земель, могъ бы совершиться только сразу для каждой деревни. А такъ какъ такая мѣра со стороны многихъ участниковъ вызвала бы энергичное сопротивленіе, то она могла бы быть проведена только принудительно. Кромѣ того, она должна была бы быть проведена равномерно на протяженіи всей территоріи, на которой мы теперь видимъ одиночные дворы. Между тѣмъ едва ли, по мнѣнію Мейтцена, можно ожидать у свободныхъ членовъ племени того времени достаточной хозяйственной предусмотрительности и достаточно сильной государственной власти для планомѣрнаго проведенія такой мѣры. Кромѣ того, чѣмъ объяснить, что германцы только въ предѣлахъ старой кельтской территоріи предприняли столь трудное дѣло, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ, завоеванныхъ ими въ верхней Германіи и во Франціи, они со

временъ Цезаря безпощадно разрушали одиночные дворы и основывали германскія деревни, которыя сохранились и до сего дня?

Такимъ образомъ, если считать, что одиночные дворы по лѣвую сторону отъ р. Везера основаны германцами, то нужно въ то же время признать, что эти одиночные дворы были основаны ими сразу по завладѣннiи страню. Между тѣмъ такое предположенiе, какъ мы уже видѣли, не представляется вѣроятнымъ.

Но спрашивается далѣе, есть ли основанiе думать, что во время германскаго вторженiя кельты, занимавшiе лѣвый берегъ р. Везера, жили уже въ осѣдлыхъ поселенiяхъ? Вѣдь мы знаемъ, что ирландцы перешли къ земледѣльческому быту только въ VI в. по Р. X.!

Между тѣмъ у насъ есть достаточныя доказательства въ пользу того, что кельты уже во время германскаго вторженiя въ ихъ страну вели въ ней осѣдлый образъ жизни.

Выше мы уже видѣли, что во времена Цезаря и Страбона клановая жизнь въ Галлiи находилась уже въ состоянiи полного упадка. Между тѣмъ мы видѣли также, что въ Ирландiи этотъ переворотъ совершился въ связи съ переходомъ къ земледѣльческому быту и съ развитiемъ частной собственности на землю. Слѣдовательно, нужно думать, что у кельтовъ, населявшихъ Галлiю, земледѣльческiй бытъ начался уже задолго до Цезаря. А въ такомъ случаѣ становится весьма вѣроятнымъ, что и тѣ кельты, которые жили къ сѣверу отъ Галлiи и къ западу отъ р. Везера уже задолго до Цезаря перешли къ осѣдлому образу жизни.

Впрочемъ, существуютъ и другiя указанiя на то, что земледѣлiе у кельтовъ въ IV в. до Р. X. встрѣчалось уже около устья Везера.

Дѣйствительно, по словамъ Плиниа, Pytheas (около 320 г. до Р. X.) сообщалъ, что „у богатаго янтареиъ побережья гуттоновъ солнце лишь рѣдко свѣтитъ, вслѣдствiе чего жители молотятъ свой хлѣбъ въ *большихъ зданiяхъ, въ которыя ввозятъ снопы*: ибо отъ дождя и вслѣдствiе недостатка солнечнаго свѣта токъ подъ открытымъ небомъ очень скоро испортился бы“. Замѣтимъ также, что это описанiе Пиеея вовсе не подходитъ къ типу германскихъ домовъ, какими мы ихъ знаемъ въ первыя времена римлянъ; оно отличается отъ этого типа и по размѣру, и по крѣпости, и по самой цѣли дома. Но за то оно близко подходитъ къ кельтскому типу. Поэтому, если Пиеей дѣйстви-

тельно видѣлъ описанные имъ дома у германцевъ, то это значило бы, что они уже переняли ихъ у кельтовъ.

Далѣе, и Плиній, прошедшій съ конницею Помпонія пространство отъ Рейна до побережья хавковъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ жилища: сѣверные народы, говоритъ онъ, покрываютъ свои дома камышемъ, и ихъ высокія крыши живутъ въ теченіе столѣтій. Такимъ образомъ, онъ видѣлъ на своемъ пути высокія постройки, какія можно видѣть въ этой мѣстности и въ настоящее время. И теперь еще Вестфалія извѣстна своими большими, такъ наз. *саксонскими* домами, въ которыхъ подъ одною высокою камышевою или соломенною крышей помѣщаются и семья, и прислуга, и скоть, и хозяйственные припасы. Сходные типы домовъ встрѣчаются на всемъ протяженіи нѣмецкой области одиночныхъ дворовъ. Они глубоко отличаются отъ типа среднегерманскаго (франкскаго) дома.

Между тѣмъ, болѣе внимательное изслѣдованіе показываетъ, что какъ по своей основной структурѣ, такъ и по своему внутреннему устройству домъ саксонскаго типа соответствуетъ старому ирландскому клановому дому, слѣды котораго, какъ мы видѣли, найдены и въ Галліи ⁴⁸⁾.

Такимъ образомъ и типъ дома подтверждаетъ мнѣніе Мейтцена о кельтскомъ происхожденіи одиночныхъ дворовъ сѣверо-западной Германіи.

Изъ сходства саксонскаго дома съ старымъ ирландскимъ домомъ Мейтценъ заключаетъ, что германскія пастушескія племена, перешедшія черезъ р. Везеръ еще за долго до Цезаря, не разрушили тѣхъ кельтскихъ домовъ, которые они нашли въ занятой ими территоріи, но сами поселились въ нихъ, такъ какъ они могли такимъ образомъ укрыть не только себя, но и свой скоть. А вмѣстѣ съ кельтскими домами сохранились и кельтскіе одиночные дворы.

Х.

Таково ученіе Мейтцена о происхожденіи разныхъ формъ разселенія въ Германіи. Ученіе это отличается замѣчательною

⁴⁸⁾ Кромѣ указанной въ текстѣ области саксонскій домъ встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ. Но здѣсь его основныя черты смѣшались съ посторонними элементами: въ восточной части Ганновера — съ польскими; на сѣверѣ, начиная отъ Гольштиніи — съ скандинавскими (датскій домъ); на югѣ — съ франкскими. Что саксонскій домъ встрѣчается на всемъ протяженіи славянской колонизаціи по правую сторону Эльбы объясняется саксонскою колонизаціей, имѣвшей мѣсто въ этой области въ теченіе XII и XIII вв.

стройностью, а вслѣдствіе той ширины, съ которой въ немъ поставлена и разрѣшена задача, оно несомнѣнно послужить исходною точкою для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этой области. Задача послѣднихъ, несомнѣнно, будетъ состоять въ томъ, чтобы продолжать путь, столь плодотворно начатый Мейтценемъ, и чтобы, посредствомъ мѣстныхъ изысканій и дальнѣйшаго изученія кадастровыхъ картъ, подвергнуть его выводы всесторонней оцѣнкѣ. Мейтценъ самъ признаетъ, что онъ далеко еще не использовалъ всего того матеріала, который можетъ быть разысканъ по разсмотрѣннымъ имъ вопросамъ, и далеко не разрѣшилъ всѣхъ сомнѣній, связанныхъ съ ихъ изученіемъ. Да это было бы и совершенно невозможно одному человеку.

Въ заключеніе нельзя однако не обратить вниманія на то обстоятельство, что даже если дальнѣйшія изслѣдованія подтвердятъ выводы, къ которымъ пришелъ Мейтценъ, то все же въ этихъ выводахъ нельзя видѣть окончательнаго разрѣшенія вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтъ, который Мейтценъ даетъ на вопросъ о происхожденіи разныхъ формъ расселенія, по необходимости вызываетъ новый вопросъ: чѣмъ объяснить тѣ различія, которыя замѣчаются между системами расселенія германцевъ, кельтовъ и славянъ? Удастся ли наукѣ когда-либо отвѣтить на этотъ вопросъ—трудно сказать; но чѣмъ дальше она будетъ удаляться въ глубь временъ, тѣмъ труднѣе будетъ становиться всякое научное изслѣдованіе.

В. Э. Денъ,
дѣйствительный членъ
Московского Юридическаго Общества.

ГРАЖДАНСКАЯ СВОБОДА, КАКЪ ПОНЯТІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА *).

Omnes legum servi sumus, ut liberi esse possimus (Cicero, pro Cluentio, § 53).

„Гражданская свобода, какъ понятіе государственнаго права“. Не заключается ли въ самомъ сочетаніи этихъ выраженій нѣкоторое противорѣчіе? Такой вопросъ можетъ явиться при первомъ взглядѣ на заглавіе настоящей лекціи. Что это противорѣчіе—лишь кажущееся, что то, что называется обыкновенно гражданскою свободою, представляетъ собою институтъ публичнаго, а не частнаго права, это, я надѣюсь, будетъ вполне ясно изъ послѣдующаго содержанія моей лекціи. Пока же замѣчу только, что, хотя слово „гражданская“ невольно вызываетъ въ умѣ юриста представленіе о гражданскомъ правѣ, но это лишь слѣдствіе недостаточной точности и раздѣльности нашей терминологіи. Гражданиномъ мы называемъ человѣка не только, какъ субъекта частныхъ правъ, но также, и даже преимущественно, какъ члена государственнаго общенія. Говоря о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ, мы имѣемъ обыкновенно въ виду публично-правовыя отношенія, связывающія государство съ составляющими его индивидами. Поэтому эпитетъ „гражданскій“ еще не предрѣшаетъ частно-правового характера того отношенія, къ которому онъ прилагается.

*) При составленіи настоящей работы, читанной въ видѣ пробной лекціи въ Московскомъ университетѣ 5 марта 1896 года, главными пособіями служили слѣдующія сочиненія: Gerber. Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts. — Laband. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. — Jellinek. System der öffentlichen subjectiven Rechte. — Дайси. Основы государственнаго права Англій. — Esmein. Elements de droit constitutionnel. — Mansfeld. Der publicistische Reactionsanspruch.

Гражданская свобода есть одно изъ отношеній, существующихъ между государствомъ, какъ цѣлымъ, какъ юридическимъ лицомъ съ одной стороны и его отдѣльными членами—съ другой. Въ основѣ этихъ отношеній лежитъ фактъ *подчиненія гражданъ государственной власти*. Гражданинъ прежде всего выполняетъ по отношенію къ государству извѣстныя обязанности: платить налоги, отбываетъ повинности, воздерживается отъ дѣйствій, запрещаемыхъ уголовными законами. Но общій юридическій принципъ, требующій взаимности правъ и обязанностей, примѣняется и къ государственному праву. Неся обязанности предъ государствомъ, подданные, въ свою очередь, имѣютъ по отношенію къ нему опредѣленные *права*, которыя современная государственно-правовая наука дѣлитъ на три главныхъ категоріи. Предметомъ ихъ можетъ быть, во-первыхъ, самая государственная власть, или точнѣе, извѣстное участіе въ ея осуществленіи. Это право—право быть органомъ государства не принадлежитъ, впрочемъ, нигдѣ всякому гражданину. Въ абсолютной монархіи субъектомъ его является лишь одинъ изъ членовъ политическаго союза, въ аристократіи привилегированное меньшинство населенія, въ демократіи—болѣе широкій кругъ такъ наз. политически-правоспособныхъ гражданъ. Двѣ другія категоріи публичныхъ правъ распространяются, по общему правилу, на всѣхъ безъ исключенія гражданъ. Таково прежде всего право на содѣйствіе или покровительство власти, которому соответствуетъ обязанность государства оказывать подданнымъ извѣстныя положительныя услуги въ видѣ охраны отъ правонарушеній и споспѣшествованія ихъ физическому, экономическому и духовному развитію. Наконецъ, въ отношеніяхъ гражданина къ государству есть еще одна сфера, гдѣ обязанность государства носить чисто-отрицательный характеръ. Государство обязуется не вмѣшиваться въ извѣстныя отношенія, очистить поле для свободной дѣятельности индивида. Эта область, изъятая отъ воздѣйствія государственной власти, и есть область гражданской свободы. Въ нее входятъ всѣ тѣ отношенія, которыя фигурируютъ въ теоріи и положительныхъ законодательствахъ подъ именемъ *правъ свободы* (Freiheitsrechte). Для того, чтобы понять, почему эти права называются *гражданскою* свободой, нужно обратить вниманіе, что терминъ „свобода“ употребляется въ публицистической литературѣ и въ другомъ смыслѣ. Когда мы говоримъ, напримѣръ, о свободѣ Аѳинъ или республиканскаго Рима, то мы подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ не ограниченіе государственнаго вмѣшательства въ

частныя отношенія, а тѣ права участія въ государственной власти, о которыхъ я упоминалъ выше. Такое словоупотребленіе нельзя назвать особенно точнымъ, но освященное временемъ и авторитетомъ древнихъ, оно прочно укоренилось въ литературѣ. Когда же теоріи новаго времени выдвинули иное понятіе свободы, какъ сферы, изъятой отъ дѣйствія государственнаго принужденія, то эту свободу стали называть гражданской, въ отличіе отъ свободы въ старомъ смыслѣ слова или политической.

Научное понятіе гражданской свободы имѣетъ своимъ первоначальнымъ источникомъ доктрину естественнаго права и, въ частности, теорію договорнаго происхожденія государства. Какъ извѣстно, раціоналисты прошлаго вѣка въ своемъ ученіи о государствѣ исходили изъ представленія объ абсолютной независимости индивида въ его естественномъ состояніи. Вступая въ государственный союзъ, создавая надъ собою власть, человекъ, по ихъ воззрѣнію, жертвуетъ частью своей естественной свободы, но жертвуетъ лишь для того, чтобы тѣмъ лучше сохранить остальную часть. Этотъ остатокъ первоначальной свободы неприкосновененъ для государства, такъ какъ составляетъ условіе самаго его существованія. Онъ заключаетъ въ себѣ прирожденные, неотчуждаемые права человека. Какія именно права, — на это различные писатели и составленные подъ ихъ вліяніемъ деклараціи отвѣчаютъ неодинаково. Списокъ правъ свободы съ теченіемъ времени видоизмѣнялся и пополнялся. Наряду съ личною свободой, въ смыслѣ безопасности отъ произвольныхъ арестовъ, въ него вошли: свобода передвиженія, свобода занятій, свобода собственности, неприкосновенность жилищъ, тайна писемъ, свобода слова, свобода печати, свобода собраній и сходокъ, свобода ассоціацій, свобода совѣсти и культовъ.

Ученіе о естественныхъ правахъ индивида надолго приобрѣло господство надъ умами и удержалось даже и послѣ того, какъ потеряла кредитъ теорія общественнаго договора, составляющая его основаніе. Во французской публицистической наукѣ оно не утратило значенія до сихъ поръ, хотя въ послѣднее время и тамъ слышатся авторитетные голоса, высказывающіеся противъ него. Гораздо скорѣе реакція обнаружилась въ Англіи и въ Германіи. Замѣчательно, что юристы этихъ странъ, идя различными путями и не зная о работахъ другъ друга, пришли къ сходнымъ результатамъ. Отрѣшившись отъ идеи естественнаго права, стоящаго надъ государствомъ, они признали, что

всякое положительное право, если не въ матеріальномъ, то въ формальномъ смыслѣ исходить отъ государственной власти, и это положеніе легло въ основу современной государственно-правовой науки. Замѣтимъ съ своей стороны, что оно не опровергается указаніемъ на обычное право, ибо юридическій обычай предполагаетъ существованіе судовъ, его признающихъ и примѣняющихъ, слѣдовательно, зависитъ въ своемъ бытіи опять-таки отъ государственной власти. Являясь, такимъ образомъ, формальнымъ источникомъ права, государство не можетъ подлежать какому-либо абсолютнымъ юридическимъ ограниченіямъ; абсолютное значеніе для него могутъ имѣть лишь природы моральнаго или политическаго, а не юридическаго свойства. Это не значитъ, чтобы государство въ своей дѣятельности не стѣснялось никакими правовыми нормами. Напротивъ, не только вниманіе къ интересамъ подданныхъ, но и собственные выгоды побуждаютъ его ограничивать полномочія своихъ органовъ извѣстными предѣлами, за которыми начинается сфера индивидуальной свободы. Но эти границы, установленныя самимъ государствомъ, могутъ быть во всякое время передвинуты законодателемъ. Онѣ неприкосновенны не для государства вообще, а только для судебныхъ и административныхъ его органовъ.

Изъ сказаннаго ясно, что современная идея юридическаго всемогущества государства не уничтожаетъ понятія гражданской свободы; она только переноситъ его изъ фантастической сферы естественнаго права на твердую почву положительнаго закона. Гражданская свобода, по современному воззрѣнію, есть не остатокъ мнимой первобытной независимости человѣка, а определенное пространство, отмежеванное государственною властью для свободнаго движенія индивида. Короче, это не *свобода естественная, а свобода законная*.

Этотъ выводъ представляетъ собою положительную заслугу и плодотворный результатъ новѣйшаго направленія науки государственнаго права. Но основатели его, Герберъ и Лабандъ, въ своей реакціи противъ естественно-правовой доктрины пошли далѣе и вмѣстѣ съ ошибками отбросили и зерно истины, заключавшееся въ ней. Старые публицисты видѣли въ гражданской свободѣ источникъ *субъективныхъ правъ* для индивида. Герберъ и Лабандъ считаютъ ее лишь *рефлексомъ объективнаго права*. (Ту же мысль, въ сущности, проводитъ и англійскій юристъ Дайси, хотя онъ не выражаетъ ее при помощи названныхъ юридическихъ терминовъ). Это противоположеніе требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій.

Какъ извѣстно, со времени Іеринга право понимается въ современной юриспруденціи, какъ система защиты интересовъ, общественныхъ и индивидуальныхъ: индивидуальные интересы право защищаетъ двоякимъ образомъ. Или законодатель, создавая извѣстную норму, имѣетъ опредѣленное намѣреніе обезпечить тотъ или другой индивидуальный интересъ и съ этою цѣлью не только налагаетъ на государственную власть соотвѣтствующія обязанности, но и даетъ самому заинтересованному лицу возможность требовать отъ органовъ государства выполнения этихъ обязанностей. Или законодательство защищаетъ индивидуальный интересъ лишь *попутно*; юридическая норма имѣетъ въ виду, собственно лишь, общественное благо, но косвенно изъ нея вытекаютъ извѣстныя выгоды и для частнаго лица, выгоды, которыми это послѣднее можетъ *пользоваться*, но которыхъ оно не можетъ *требовать*.

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою субъективное право, во второмъ—рефлективное дѣйствіе объективнаго права. Иллюстрирую это различіе примѣромъ. Законодательство всѣхъ современныхъ культурныхъ странъ предписываетъ, чтобы уголовный процессъ производился въ присутствіи обвиняемаго и при томъ публично, т.-е. съ открытіемъ доступа въ помѣщеніе суда всякому желающему. Въ общепитіи возможность присутствовать при разбирательствѣ называется обыкновенно *правомъ*, безразлично, идетъ ли рѣчь о подсудимомъ или о публикѣ. Но при этомъ упускается изъ виду существенное различіе. Для подсудимаго доступъ въ залу засѣданія составляетъ, дѣйствительно, его субъективное право. Онъ можетъ требовать отъ суда пропуска въ залу и, въ случаѣ отказа, настоять на своемъ притязаніи путемъ кассационной жалобы. Совѣмъ въ иномъ положеніи находится посторонній зритель изъ публики. Государство не запрещаетъ ему входа въ помѣщеніе суда, но и не заботится о томъ, чтобы обезпечить доступъ туда именно ему, а не другому. Если зала уже наполнена, онъ лишается возможности присутствовать при разбирательствѣ, ибо для интересовъ правосудія важно лишь, чтобы присутствовала публика, но не важно, кто именно будетъ присутствовать. Выгоды, истекающія изъ гласности судопроизводства для каждаго изъ постороннихъ лицъ, интересующихся процессомъ, представляютъ собою не субъективное право, а рефлексъ объективнаго права.

Вотъ такимъ же рефлексомъ объективнаго права публицисты упомянутого мною направленія считаютъ и занимающій насъ

институтъ. Такъ называемая гражданская свобода — разсуждаютъ они — есть понятіе чисто отрицательное; она представляетъ собою лишь отсутствіе запрещенія, такъ сказать, пустое пространство, не захваченное сѣтью государственной регламентаціи, а не положительное обезпеченіе какого-либо правомочія. Государство не запрещаетъ гражданину безпрепятственно передвигаться по его территоріи, или выбирать себѣ любое занятіе точно такъ же, какъ оно не запрещаетъ ему ѣсть, пить, спать, гулять, курить, читать газеты. Но какъ нѣтъ особаго права пить или ѣсть, такъ нѣтъ и права свободы передвиженія или занятій. Въ противномъ случаѣ всѣ рѣшительно дозволенныя человѣческія дѣйствія и состоянія пришлось бы возвести на степень субъективныхъ правъ.

Въ изложенной аргументаціи заключаются, собственно, двѣ отдѣльныя мысли, изъ которыхъ только одну можно признать правильною. Вполнѣ справедливо, именно, что общепринятый реестръ правъ свободы не имѣетъ значеніе дѣйствительно научной системы и преслѣдуетъ, въ сущности, невыполнимую задачу. Нѣтъ возможности перечислить всѣ тѣ отношенія, въ которыя государственныя органы не имѣютъ полномочія вмѣшиваться, и нельзя въ каждомъ изъ такихъ отношеній видѣть особое субъективное право. Иначе пришлось бы, въ самомъ дѣлѣ, въ списокъ основныхъ публичныхъ правъ на ряду съ правомъ издавать газеты занести и право читать ихъ.

Но все это относится лишь къ тѣмъ *отдѣльнымъ правамъ свободы*, которыя перечисляются въ теоріяхъ и конструкціяхъ, а не къ *самому понятію гражданской свободы въ ея цѣломъ*.

Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы это понятіе нельзя было подвести подъ категорію права въ субъективномъ смыслѣ.

Отрицательный характеръ юридическаго содержанія гражданской свободы еще не доказываетъ, что она — только рефлексъ объективнаго права. Въдѣ такой же отрицательный характеръ присущъ и нѣкоторымъ уже несомнѣннымъ субъективнымъ правамъ, какъ, напримѣръ, праву собственности. Пока право собственника не нарушено, юридическія отношенія его къ окружающимъ исчерпываются чистоотрицательнымъ требованіемъ не мѣшать ему пользоваться вещью. Но въ случаѣ нарушенія права собственности изъ него вытекаютъ извѣстныя положительныя притязанія: требованіе прекращенія правонарушающихъ дѣйствій, искъ о возвратѣ вещи или о возмѣщеніи ея стоимости. Такъ же обстоитъ дѣло и по отношенію къ гражданской свободѣ. Пока индивидъ спокойно пользуется ею, онъ

требуетъ лишь, чтобы государство не препятствовало этому пользованію. Но разъ свобода нарушена незаконнымъ актомъ какого-либо государственнаго органа, гражданинъ, опираясь на нее, выступаетъ уже съ положительными правомочіями, которыя, какъ и въ собственности, носятъ характеръ реакціи противъ правонарушенія. Онъ требуетъ прекращенія неправомернаго дѣйствія, если оно имѣетъ длящійся характеръ, въ противномъ случаѣ, возстановленія прежняго состоянія, иногда также вознагражденія за нанесенный ему вредъ. И это такъ не только въ теоріи, но и на практикѣ. Хотя субъективное право гражданской свободы, какъ институтъ сравнительно новый, не получило еще полнаго развитія даже въ наиболѣе культурныхъ государствахъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно выступаетъ въ положительномъ законодательствѣ такъ ясно, что можно только удивляться, какъ не замѣчаютъ этого отрицающіе его юристы.

Возьмемъ, на примѣръ, область уголовного права, составляющаго часть государственнаго права въ обширномъ смыслѣ слова. Уголовный законъ налагаетъ на лицо, совершившее извѣстное преступленіе, обязанность понести опредѣленное наказаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ ему и извѣстное право, а именно право быть наказаннымъ лишь за то дѣяніе, которое квалифицировано закономъ, какъ преступное, и не быть наказаннымъ свыше опредѣленной закономъ мѣры. Обезпеченіе такого права и есть главная цѣль общихъ уголовныхъ нормъ, ибо государство для своихъ цѣлей могло бы обойтись и безъ нихъ, карая каждое конкретное дѣяніе, опасное для общества, сообразно его индивидуальнымъ особенностямъ. Листъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся криминалистовъ нашего времени, говоритъ, что „уголовное уложеніе есть magna charta преступника; оно охраняетъ не правовой порядокъ, не общество, а индивида, возстающаго противъ послѣдняго. Оно гарантируетъ отдѣльному человѣку право быть наказываемымъ лишь при наличности законныхъ условій и въ законныхъ предѣлахъ“¹⁾.

Существованіе субъективнаго права гражданской свободы можно прослѣдить и въ другихъ сферахъ проявленія государственнаго воздѣйствія на индивида. Гражданинъ, платя налоги, имѣетъ право требовать, чтобы съ него взымались лишь закон-

¹⁾ В. В. Пржевальскій. Проф. Францъ Листъ и его воззрѣнія. „Сборникъ Правовѣднія“, т. VI, стр. 80.

ные сборы и въ законномъ размѣрѣ, и можетъ взыскивать обратно неправильно взятую сумму. Законы о воинской повинности, привлекая подданныхъ къ обязательной службѣ, въ то же время, при извѣстныхъ условіяхъ, освобождаютъ ихъ отъ нея, и пользующійся закономъ льготой можетъ защищать ее противъ неправильныхъ распоряженій администраціи путемъ административнаго иска. Наконецъ, и полицейская власть государства находитъ себѣ противовѣсъ въ правѣ индивида не подвергаться стѣсненіямъ свободы иначе, какъ при наличности опредѣленныхъ закономъ условій.

Конечно, нельзя утверждать, что субъективное право гражданской свободы возникаетъ вездѣ, гдѣ государственное вмѣшательство сталкивается съ индивидуальными интересами. Государство, въ принципѣ, властвуетъ надъ подданными неограниченно и связано по отношенію къ нимъ лишь въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ дѣйствующее право создало спеціальныя ограниченія въ этомъ смыслѣ. Поэтому для существованія субъективнаго права свободы относительно того или другого проявленія государственной власти требуется: 1) чтобы юридическая норма, на которой основано данное полномочіе власти, ограничивала его извѣстными предѣлами, 2) чтобы границы эти были установлены не только въ видахъ общественнаго блага, но и съ яснымъ намѣреніемъ обезпечить интересы частныхъ лицъ, 3) для практической осуществимости права гражданской свободы нужно, чтобы индивиду даны были организованные средства для защиты его въ видѣ судебного или административнаго иска. (Это послѣднее условіе является вмѣстѣ съ тѣмъ наиболее надежнымъ признакомъ для констатированія субъективнаго права свободы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ). Чѣмъ точнѣе и подробнѣе регламентировано законодательствомъ осуществленіе административной и судебной власти, чѣмъ меньше мѣста оставлено для дискреціоннаго усмотрѣнія ея представителей, чѣмъ шире возможность обращенія къ обыкновеннымъ или административнымъ судамъ при спорахъ съ государственными органами,—тѣмъ обширнѣе въ данной странѣ область гражданской свободы.

Итакъ, въ ученіи старыхъ публицистовъ о гражданской свободѣ, какъ о субъективномъ правѣ индивида, заключалась несомнѣнная доля истины. Они ошибались лишь въ томъ, что, исходя изъ разнообразія человѣческихъ интересовъ, нуждающихся въ охранѣ отъ государственнаго вмѣшательства, признавали *множественность* субъективныхъ правъ свободы. Мы видѣли уже,

что, если развивать эту мысль вполне последовательно, списокъ правъ свободы сдѣлается необозримымъ и сведется къ абсурду. Допускать существованіе отдѣльныхъ правъ свободы личности, передвиженія, занятій и т. д., — это все равно, что разлагать собственность на множество отдѣльныхъ правъ, смотря по тому, что служить ея объектомъ. Подобно тому, какъ едино право собственности, едина, по существу, и гражданская свобода. Хотя она проявляется въ юридической жизни по различнымъ поводамъ, юридическое содержаніе ея вездѣ одно и то же. Оно прекрасно опредѣлено въ ст. 5 французской Декларациі правъ 1789 г.: „*Tout ce qui n'est pas defendu par la loi ne peut être empêché et nul ne peut être contraint de faire ce qu'elle n'ordonne pas*“.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что принципиальное единство гражданской свободы не всегда последовательно осуществляется на практикѣ, а именно, въ тѣхъ постановленіяхъ положительныхъ законодательствъ, которые касаются порядка защиты этого права. Въ однихъ случаяхъ оно защищается общими судами, въ другихъ — особыми трибуналами административной юстиціи, въ третьихъ — органами активной администраціи (т.-е. высшими учрежденіями того самаго вѣдомства, низшіе агенты котораго вызвали необходимость защиты). Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что институтъ гражданской свободы вошелъ въ положительное право современныхъ государствъ не сразу, а постепенно, частями. Чѣмъ менѣе развитъ онъ въ законодательствѣ той или другой страны, тѣмъ большее разнообразіе наблюдается въ средствахъ его охраны. Принимая во вниманіе это разнообразіе, можно различать извѣстныя *виды, или модификаціи гражданской свободы*. Но, во всякомъ случаѣ, нужно имѣть въ виду, что неодинаковое отношеніе положительныхъ законодательствъ къ гражданской свободѣ основано не на различіи тѣхъ интересовъ, которые она обезпечиваетъ, а на различіи *тѣхъ функций власти, противъ которыхъ она реагируетъ*. Такъ, напримѣръ, одинъ и тотъ же, по существу, интересъ личной свободы защищается различнымъ порядкомъ, смотря по тому, нарушенъ ли онъ государствомъ при осуществленіи карательной власти, при привлеченіи гражданина къ отбыванію воинской повинности или при принятіи мѣръ чисто-полицейскаго характера. И, обратно, при незаконномъ нарушеніи свободы отправленіемъ одной и той же функціи государственной власти — положимъ, производствомъ предварительнаго слѣдствія — порядокъ обжалованія бы-

ваетъ, обыкновенно, одинаковъ, затрогиваетъ ли нарушение личную свободу (заключеніемъ подъ стражу), собственность (т. н. выемками) или свободу передвиженія (подпискою о невыѣздѣ). Этому же пути должна слѣдовать и юридическая теорія, такъ какъ назначеніе ея—обобщать и систематизировать нормы дѣйствующаго права. Поэтому на мѣсто ряда: личная свобода, свобода собственности, свобода передвиженія и т. д. юристъ-догматикъ можетъ поставить лишь такой рядъ: свобода по отношенію къ карательной власти государства, свобода по отношенію къ обложенію и реальнымъ повинностямъ, свобода по отношенію къ личнымъ повинностямъ, свобода по отношенію къ полицейскимъ мѣропріятіямъ. Возможны, конечно, и дальнѣйшія подраздѣленія на томъ же основаніи, если они оправдываются особенностями дѣйствующаго законодательства. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о видахъ гражданской свободы, кажется, еще не разсматривался въ теоретической юриспруденціи, но вышеприведенныя соображенія даютъ право думать, что предлагаемое нами раздѣленіе можетъ оказать хорошую услугу для научной обработки положительнаго права, особенно, нашего русскаго, которое въ способахъ защиты гражданской свободы устанавливаетъ много различныхъ градаций.

Какъ же должны мы смотрѣть на старый, знакомый намъ перечень правъ свободы, съ которыми мы встрѣчаемся въ теоретическихъ трудахъ и конституціяхъ? Онъ объясняется прежде всего *чисто-исторически*. Полицейское государство, предшествовавшее современному, почти на каждомъ шагѣ вмѣшивалось въ сферу частной жизни гражданъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ это вмѣшательство ощущалось послѣдними, какъ особенно тяжкій гнетъ. И вотъ, чтобы предупредить на будущее время посягательства государственныхъ органовъ на эти наиболѣе стѣсняемые ранѣе интересы, и появились на свѣтъ теоріи и деклараціи, провозглашающія свободу личности, собственности, совѣсти, печати etc. Это перечисленіе не имѣетъ и не можетъ имѣть исчерпывающаго значенія. Если бы государство полицейскаго типа налагало на гражданъ какія-либо иныя стѣсненія, то въ деклараціяхъ стояли бы, вѣроятно, и иныя права. Напримѣръ, если бы оно дѣятельно вмѣшивалось въ семейныя отношенія, то конструкціи, наряду съ свободой личности и собственности, гарантировали бы свободу семьи и т. п.

Будучи важенъ прежде всего, какъ историческій документъ, ходячій списокъ „правъ свободы“ сохраняетъ извѣстное значеніе и для нашего времени. Обозначая тѣ пункты общественной

жизни, гдѣ столкновѣнія государственныхъ интересовъ съ частными пріобрѣтають наиболѣе острый характеръ, онъ даетъ законодателю руководящую программу для разрѣшенія этихъ конфликтовъ, предъявляетъ ему рядъ политическихъ требованій *de lege ferenda*. Но для задачъ догматической юриспруденціи, т.-е. для систематизаціи дѣйствующаго права, онъ непригоденъ уже по самой неполнотѣ своей. Его мѣсто въ *политикѣ*, а не въ догмѣ права.

Мы установили понятіе гражданской свободы, какъ субъективнаго права индивида. Намъ предстоитъ теперь представить обѣщанное доказательство, что это — право *публичное*, а не частное. Это необходимо не только во избѣжаніе недоразумѣній, могущихъ возникнуть изъ самаго термина „гражданская“, но также и потому, что въ юридической литературѣ, дѣйствительно, можно встрѣтиться съ воззрѣніемъ на гражданскую свободу, какъ на институтъ частнаго права.

Публичное право въ субъективномъ смыслѣ есть юридическое отношеніе между государствомъ, какъ субъектомъ принудительной власти, съ одной стороны, и подданнымъ, подчиненнымъ этой власти—съ другой, въ отличіе отъ частнаго права, какъ отношенія между равными лицами. Я подчеркиваю здѣсь характеръ государства, какъ принудительной власти, ибо государство можетъ быть субъектомъ и частно-правового отношенія, когда оно принимаетъ участіе въ гражданскомъ оборотѣ наравнѣ съ частными лицами, не пользуясь преимуществами, вытекающими изъ его суверенитета. Публичное право возникаетъ лишь тамъ, гдѣ оно выступаетъ во всеоружіи этихъ преимуществъ.

Воззрѣніе, ошибочность котораго я намѣреваюсь показать, опирается, главнымъ образомъ, на афоризмъ римскаго права: *universitas non delinquit*. Сторонники его аргументируютъ, или могутъ аргументировать, слѣдующимъ образомъ. Гражданская свобода проявляетъ свое юридическое содержаніе лишь при нарушеніяхъ ея. Но государство, какъ юридическое лицо, не можетъ совершать правонарушеній, слѣдовательно, не можетъ и войти въ непосредственное юридическое соприкосновеніе съ областью гражданской свободы. Если органы государственной власти, преступая законные предѣлы своей компетенціи, вторгаются въ сферу индивидуальныхъ правъ, они *eo ipso* теряютъ характеръ государственныхъ органовъ и становятся на одинъ уровень съ частными лицами. Поэтому для отраженія ихъ посягательствъ индивидъ можетъ воспользоваться тѣми же сред-

ствами, которыя ему предоставляет частное право для защиты отъ правонарушеній со стороны равныхъ ему лицъ. Такъ, напримѣръ, противъ незаконнаго отягощенія налогами и повинностями реагируетъ не какое-либо особое публичное право, а, просто, частное право собственности. Личная свобода защищена также одинаково отъ всякихъ нарушеній, будутъ ли они исходить отъ частныхъ лицъ или отъ представителей власти.

Она представляетъ собою одно изъ такъ называемыхъ „правъ личности“, которыя, наряду съ правами вещными, обязательственными, семейными и наслѣдственными, включаются нѣкоторыми цивилистами въ составъ гражданского права.

Изложенный взглядъ страдаетъ ошибочностью одной изъ основныхъ своихъ предпосылокъ. Положеніе, что юридическое лицо, какъ таковое, не можетъ совершать правонарушеній, отвергается современною юриспруденціей. Оно не признается вѣрнымъ новѣйшими цивилистами даже по отношенію къ юридическимъ лицамъ гражданского права (см., напр., Regelsberger. Pandecten, стр. 329—330), тѣмъ болѣе непримѣнимо оно къ государству, компетенція котораго не поддается столь точному опредѣленію закономъ. Если бы каждое дѣйствіе должностнаго лица, противное смыслу закона, eo ipso считалось дѣйствіемъ этого лица, а не государства, и было бы дозволено сопротивляться ему такъ же, какъ всякому частному насилію, — государственная дѣятельность дѣлалась бы невозможною. Поэтому и въ теоріи, и на практикѣ распоряженіе государственнаго органа, разъ оно относится, въ общемъ, къ кругу подвѣдомственныхъ ему дѣлъ и издано въ предписанной закономъ формѣ, признается актомъ государственной власти, хотя бы оно и нарушало какую-либо юридическую норму или чье-либо право. Это не значить, чтобы правонарушеніе дѣлалось законнымъ. Оно остается актомъ незаконнымъ, но все же актомъ государственной власти, противъ котораго средства частнаго права являются непригоднымъ оружіемъ. Это обстоятельство и вызвало собою появленіе публичнаго права свободы и соотвѣтствующей ему публично-правовой юстиціи. Гражданское право разсчитано на защиту лица отъ другихъ частныхъ лицъ, а не отъ государства. Не говоря уже о томъ, что есть индивидуальныя интересы, которые могутъ быть нарушены только государственными органами и которыми гражданское право поэтому вовсе не занимается, — и интересы, защищенные гражданскимъ правомъ, сами по себѣ, не являются неприкосновенными для государственной власти, а пріобрѣтаютъ такой ха-

рактѣрь только тамъ, гдѣ государство установило для своихъ органовъ спеціальныя публично-правовыя ограниченія въ этомъ смыслѣ. Право собственности, какъ таковое, не имѣетъ прямого отношенія къ государству. Будучи абсолютно ограждено отъ вмѣшательства постороннихъ частныхъ лицъ, оно тѣмъ самымъ еще не изъято отъ стѣсненій со стороны государственной власти, и, если эта послѣдняя обязана въ извѣстной мѣрѣ пасть имущественные интересы гражданъ, то не въ силу нормъ гражданскаго права, регулирующихъ собственность, а въ силу нормъ публичнаго права, ограничивающихъ полномочія государственной власти въ отношеніи налоговъ и повинностей. Приведу для ясности примѣръ. Положимъ, у меня есть домъ, освобожденный по закону отъ военного постоя, и ко мнѣ тѣмъ не менѣе помѣщаютъ на квартиру солдатъ. Если я подамъ жалобу на учрежденіе, завѣдующее расквартированіемъ войскъ, то споръ мой съ нимъ будетъ итти не о моемъ правѣ собственности (такъ какъ въ данномъ случаѣ для существа дѣла даже безразлично, собственникъ ли я или, можетъ быть, только владѣлецъ), а о правахъ административной власти. Я буду ссылаться въ этомъ спорѣ не на X томъ Свода Законовъ, регулирующий гражданскія права, а на Уставъ о земскихъ повинностяхъ, опредѣляющій отношенія между подданными и государствомъ въ одной изъ сферъ проявленія принудительной власти послѣдняго. Государственная власть вторгается въ сферу моихъ интересовъ, вооруженная публичными правами, для защиты отъ нея мнѣ нужны также публично-правовыя средства, иначе борьба будетъ неравною, будетъ „дуэлью между шпагою и кинжаломъ“, по выраженію брауншвейгскаго юриста Мансфельда.

Изъ сказаннаго ясно, что гражданская свобода есть юридическое отношеніе, однимъ изъ субъектовъ котораго является государство въ качествѣ носителя принудительной власти. Другими словами, это—отношеніе публичнаго права.

Я очертилъ институтъ гражданской свободы со стороны его теоретической конструкціи. Но мой очеркъ былъ бы неполонъ, если бы я не присоединилъ къ нему краткаго обзора тѣхъ стадій, какія этотъ институтъ прошелъ въ своемъ практическомъ осуществленіи въ положительномъ правѣ. Какъ мы увидимъ ниже, эти стадіи находятся въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ разобранными нами теоретическими ученіями, такъ что каждая теорія находитъ себѣ примѣненіе или оправданіе въ извѣстномъ періодѣ исторіи государственнаго права: ученіе, отрицающее

субъективное право свободы—въ политическомъ строѣ античнаго міра, естественно-правовая доктрина—въ революціонныхъ конституціяхъ Франціи, частно-правовая теорія — въ феодальныхъ порядкахъ. Такимъ образомъ, современное понятіе гражданской свободы является продуктомъ не только борьбы теорій, но и историческаго развитія положительнаго права.

Субъективное право гражданской свободы составляетъ всецѣло приобрѣтеніе новаго времени. Античныя государства не знали его, или знали лишь самые слабые его зачатки. Гражданинъ древней Греціи и Рима былъ свободенъ лишь постольку, поскольку онъ участвовалъ въ отправленіи верховной власти въ качествѣ члена народнаго собранія, но, какъ индивидъ, противопоставленный государству, онъ былъ безсиленъ и безпомощенъ передъ нимъ. Законодательство древнихъ народовъ, если и ограничивало полномочія государственныхъ органовъ извѣстными предѣлами, то не по отношенію къ индивиду, а по отношенію къ другимъ органамъ того же государства. Чтобы измѣрить всю глубину пропасти, отдѣляющей въ этомъ отношеніи античное государство отъ современнаго, обратимъ вниманіе на ту область жизни, гдѣ воздѣйствіе государственной власти на индивида носить особенно тяжелый для послѣдняго характеръ,—на область уголовного права. Мы привыкли представлять себѣ республиканскій Римъ, какъ государство съ высоко развитымъ правовымъ строемъ. И вотъ, взявъ въ руки хотя бы „*Römisches Staatsrecht*“ Моммсена, мы не безъ удивленія узнаемъ, что извѣстное правило: *nullum crimen, nulla poena sine lege*,—правило, нынѣ считающееся однимъ изъ основныхъ условій правового государства, въ Римѣ не находило себѣ примѣненія. Карательная власть должностныхъ лицъ (смѣшивавшаяся съ полицейскою подъ общимъ названіемъ *coercitio*) не имѣла точно опредѣленныхъ закономъ границъ; квалификація дѣянія, какъ преступнаго, мѣра, а отчасти и родъ наказанія въ значительной степени зависѣли отъ усмотрѣнія магистрата. Правда, въ извѣстныхъ случаяхъ допускалась провокація, апелляція на приговоръ магистрата къ народному собранію, но она мало имѣла общаго съ апелляціонною или кассационною жалобой нашего времени и, скорѣе, походила на просьбу о помилованіи. Провокантъ не обращался, какъ современный жалобщикъ, къ суду, лишь примѣняющему законъ, а взывалъ къ высшей въ государствѣ власти, облеченной безграничнымъ правомъ карать и миловать.

Рѣзкую противоположность классической древности пред-

ставляетъ эпоха феодальнаго строя. Если тамъ мы видимъ полное торжество государственной идеи, поглощающей индивидуума, то здѣсь, напротивъ, индивидуальное право поднимается на небывалую высоту. Государственная власть раздробляется и изъ *суверенной* дѣлается только *сюзеренною*. Тогда какъ суверенитетъ представляетъ собою потенциальное всемогущество государства, способность его опредѣлять свою собственную компетенцію и, въ случаѣ надобности, расширять ее, сюзеренитетъ является комплексомъ точно-ограниченныхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ правъ (*jura regalia*), которыя въ соответствующихъ правахъ подданнаго или вассала встрѣчаютъ абсолютную преграду. Эта особенность средневѣковаго политическаго строя открываетъ индивидуальной свободѣ широкой просторъ, но въ то же время придаетъ ей частно-правовой характеръ. Современное государство въ принципѣ неограничено и потому для обезпеченія индивидуальной свободы налагаетъ на себя особыя публично-правовыя ограниченія. Феодальное государство, напротивъ, въ принципѣ ограничено; спеціальныя ограниченія власти здѣсь ненужны, ибо они заключаются въ самомъ существѣ ея. Если сюзерень выходитъ за предѣлы правъ, предоставленныхъ ему договоромъ или обычаемъ, онъ тѣмъ самымъ становится на одну доску съ подданнымъ, и этотъ послѣдній для защиты своей свободы прибѣгаетъ къ тѣмъ же средствамъ, какими онъ защищается отъ равныхъ ему лицъ, т.-е., главнымъ образомъ, къ праву частной войны.

Но феодальный политическій строй въ чистомъ его видѣ можно наблюдать лишь въ болѣе ранній періодъ среднихъ вѣковъ. По мѣрѣ того, какъ государственная власть усиливается и приобретаетъ свойства суверенитета, частно-правовыя средства оказываются недостаточными для защиты отъ ея органовъ, и ощущается потребность въ спеціальныхъ, публично-правовыхъ гарантіяхъ свободы. Такъ какъ процессъ паденія феодализма, какъ политическаго учрежденія, ранѣе всего совершается въ Англіи, то здѣсь впервые появляются и права свободы въ современномъ смыслѣ. Первый образчикъ законодательнаго установленія ихъ даетъ „Великая Хартія Вольностей 1215 г.“ Замѣчательно, что этотъ актъ уже настолько возвышается надъ обычными феодальными представленіями, что гарантируетъ извѣстныя права не опредѣленнымъ только сословіямъ, а всѣмъ англійскимъ гражданамъ. „Ни одинъ свободный человѣкъ—гласить одна изъ статей Хартіи—не можетъ быть подвергнутъ аресту, заключенію или вообще какому-либо стѣсненію сво-

боды иначе, какъ по приговору суда равныхъ себѣ по закону страны. Другія статьи гарантируютъ свободу отъ чрезмѣрнаго обложенія, свободу передвиженія по странѣ и выѣзда за границу. Вольности Великой Хартии, впоследствии расширенныя и подтвержденныя многочисленными законодательными актами (*Statutum de tallagio non concedendo* 1297 г., *Petition of Right* 1628 г., *Habeas Corpus Act* 1679 г., *Bill of Right* 1689 г.), легли въ основу англійскаго государственнаго права. Но здѣсь мы должны отмѣтить одну любопытную черту. Какъ это часто наблюдается въ исторіи права, институтъ гражданской свободы, возникнувъ въ Англіи весьма рано, въ силу этого самаго обстоятельства сохранилъ надолго свой первоначальный средне-вѣковый характеръ. Именно потому, что государство современнаго типа развилось въ Англіи непосредственно изъ феодальнаго союза, безъ промежуточной стадіи полицейскаго государства, англійскія вольности до сихъ поръ носятъ слѣды своего феодальнаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, знаменитый *Habeas Corpus* защищаетъ личную свободу одинаково какъ отъ нарушеній со стороны государственной власти, такъ и отъ посягательствъ со стороны частныхъ лицъ. Англичане, вообще относящіеся съ любовью даже къ архаическимъ чертамъ своей конституціи, гордятся этою особенностью, вполне уравнивающей предъ закономъ и судомъ государство и подданнаго. И, дѣйствительно, такая своеобразная организація личной свободы, на своей родинѣ, въ силу особыхъ условій англійской жизни, является институтомъ прочнымъ и плодотворнымъ. Но врядъ ли она можетъ акклиматизироваться со всѣми своими особенностями въ какой-либо иной странѣ, такъ какъ существованіе спеціальнаго порядка защиты свободы отъ органовъ государственной власти, въ общемъ, болѣе согласуется съ принципами современнаго публичнаго права и—при прочихъ равныхъ условіяхъ—лучше удовлетворяетъ своему назначенію, обезпеченію интересовъ индивида.

Континентальная Европа, какъ извѣстно, послѣ феодальнаго періода, пережила эпоху государственнаго абсолютизма. Государственная власть, окрѣпнувъ и сдѣлавшись суверенною, мало-по-малу оккупировала область индивидуальной свободы. Эта послѣдняя, если и сохранилась, то не въ формѣ общаго юридическаго принципа, а въ формѣ лишь особыхъ привилегій, даруемыхъ государствомъ отдѣльнымъ лицамъ и классамъ общества: дворянству, духовенству, горожанамъ. Это были не общегражданскія права свободы, а *сословныя вольности*. Но и

эти остатки индивидуальной свободы были, по большей части, поглощены абсолютизмомъ въ той послѣдней стадіи его развитія, которая носитъ названіе „эпохи просвѣщеннаго деспотизма“. Ко времени великой революціи область гражданской свободы представляетъ собою почти *tabula rasa*. Мы уже знаемъ, что написали на этомъ бѣломъ листѣ дѣятели революціи. Подъ вліяніемъ индивидуалистической философіи XVIII вѣка, а также (какъ доказываетъ недавно вышедшая работа Теллинека: „*Declaration der Menschen - und Bürgerrechte*) и протестантскихъ освободительныхъ идей, проникшихъ во Францію черезъ посредство конституцій отдѣльныхъ штатовъ С. Америки, — Учредительное собраніе 1789 г. обнародовало перечень „вѣчныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человека и гражданина“. По мысли составителей Декларациі, права эти стоятъ выше всякаго положительнаго закона; поэтому Декларациа не включена въ текстъ конституціи, а опубликована въ видѣ особаго акта. Законодатель не считалъ себя въ правѣ *устанавливать* эти нормы, установленныя, по его мнѣнію, самою природою; онъ хотѣлъ только *провозгласить* ихъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ вѣчный образецъ для гражданъ и государственныхъ дѣятелей. Господствовало убѣжденіе, что, если всѣ будутъ знать права человека и гражданина, они никогда не будутъ нарушены. Жизнь обманула однако весьма скоро эту оптимистическую увѣренность. Послѣдующія политическія событія показали, что для государствъ не можетъ быть вѣчнаго, навсегда неизмѣннаго закона и что государственная власть, когда самое существованіе ея находится въ опасности, неизбежно переступаетъ предѣлы своихъ обычныхъ полномочій. Поэтому деклараціи правъ встрѣчаются лишь въ конституціяхъ эпохи первой революціи. Позднѣе онѣ смѣняются такъ называемыми *гарантіями правъ*. Гарантіи основныхъ правъ, въ отличіе отъ декларацій, включаются въ самый текстъ конституцій, и, такимъ образомъ, изъ абстрактныхъ философскихъ принциповъ превращаются въ нормы положительнаго права. Онѣ не ставятъ правъ свободы выше государства вообще, а только выше обыкновеннаго законодательства, подчиняя ихъ однако такъ называемой учредительной власти государства, дѣйствующей при пересмотрѣ конституціи. Такія гарантіи правъ находятся уже въ первыхъ французскихъ конституціяхъ, гдѣ онѣ фигурируютъ наряду съ деклараціями, повторяя и развивая подробнѣе положенія послѣднихъ. Но тогда какъ деклараціи скоро исчезаютъ совершенно, гарантіи правъ получаютъ широкое распростра-

неніе и до сихъ поръ входятъ въ составъ большинства европейскихъ конституцій.

Однако и эта излюбленная форма обезпеченія гражданской свободы въ новѣйшее время подвергается сомнѣнію со стороны ея практическаго значенія. Во-первыхъ, какъ уже было указано выше, перечень вольностей въ конституціи никогда не можетъ исчерпать всѣхъ сферъ проявленія гражданской свободы. Интересный случай изъ судебной практики Швейцаріи, приводимый Теллинекомъ, можетъ послужить къ этому иллюстраціею. Большой совѣтъ кантона Аппенцель-Иннеръ-Роденъ воспретилъ танцы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Граждане обратились въ федеральный судъ съ просьбою признать это постановленіе незаконнымъ. Но судъ оказался вынужденнымъ оставить жалобу безъ послѣдствій на томъ основаніи—говорится въ мотивахъ рѣшенія,—что ни союзная, ни кантональная конституція въ числѣ основныхъ правъ гражданъ не устанавливаетъ „права танцовать“. Отсюда видно, что довольно существенныя стѣсненія свободы не устраняются господствующею системой перечисленія правъ свободы въ конституціи. Другой недостатокъ этой системы заключается въ томъ, что конституціонныя гарантіи, по необходимости, ограничиваются установленіемъ самыхъ общихъ, отвлеченныхъ началъ, которыя для того, чтобы получить дѣйствительное примѣненіе на практикѣ, должны быть развиты и разработаны въ различныхъ отдѣлахъ обыкновеннаго законодательства, при чемъ они неизбѣжно терпятъ извѣстныя ограниченія и изыятія. Наконецъ, нужно еще замѣтить, что хотя отдѣленіе конституціонныхъ законовъ отъ простыхъ и признавалось когда-то весьма важнымъ, въ наше время вѣра въ его пользу въ значительной мѣрѣ ослабѣла. Вполнѣ послѣдовательно оно проведено только въ Америкѣ, гдѣ суды могутъ отказывать въ примѣненіи законамъ, противорѣчащимъ конституціи. Въ Европѣ суды такого права не имѣютъ, и потому конституціонныя гарантіи, если онѣ не повторены и не развиты въ обыкновенныхъ законахъ, приносятъ мало пользы гражданину и фактически остаются не болѣе какъ благими совѣтами, обращенными къ законодателю.

Въ силу указанныхъ недостатковъ конституціонныхъ гарантій, онѣ въ наше время также начинаютъ выходить изъ употребленія. Послѣдній крупный конституціонный актъ въ Европѣ, конституція третьей французской республики, не содержитъ никакой гарантіи правъ. Практика государственной жизни, вслѣдъ за теоріею государственнаго права, въ вопросѣ

объ обезпеченіи гражданской свободы приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить заключительными выводами настоящей лекціи.

Во-первыхъ, гражданская свобода, какъ *юридическій институтъ*, представляетъ собою средство не противъ ошибокъ законодателя, а противъ злоупотребленій судебной и административной власти. Во-вторыхъ, развитіе этого института зависитъ не столько отъ провозглашенія правъ свободы въ конституціяхъ, сколько отъ подробной регламентаціи карательной, полицейской и финансовой власти государства въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ законодательства. Въ-третьихъ, практическая обезпеченность права гражданской свободы обуславливается существованіемъ судовъ, которые могли бы разсматривать споры между гражданами и органами государственной власти о предѣлахъ полномочій, ввѣренныхъ послѣднимъ, — другими словами — широко организованной системой административной юстиціи.

Мы видимъ, что утвержденіе гражданской свободы составляетъ задачу далеко не столь простую, какою казалась она при первой постановкѣ ея, въ концѣ прошлаго вѣка. Дѣло не въ томъ, чтобы только вытѣснить государственное вмѣшательство изъ извѣстныхъ областей жизни, а въ томъ, чтобы тщательно и подробно размежевать сферы интересовъ государственнаго и частнаго. Этого нельзя сдѣлать однимъ почеркомъ пера, однимъ провозглашеніемъ правъ человѣка и гражданина. Тутъ нужна многосложная, подчасъ кропотливая работа законодателя и юристовъ, опирающаяся на живое сочувствіе и дѣятельную поддержку самихъ гражданъ. И это послѣднее условіе является едва ли не самымъ важнымъ. Если я не упоминалъ о немъ до сихъ поръ, то только потому, что въ настоящее время перво-степенное значеніе его сдѣлалось безспорною истиной. Политическій опытъ народа показалъ вполне ясно, что самыя возвышенныя теоретическія представленія о правахъ индивида даже, если они восприняты законодательствомъ, остаются безплодными тамъ, гдѣ въ самомъ обществѣ, въ нравахъ страны, не разлитъ духъ законности, готовность твердо отстаивать свои права и строго уважать права другого.

Ө. Ө. Кокошкинъ,

дѣйствительный членъ

Московского Юридическаго Общества.

КЪ ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХЪ И ВѢРОЯТНОЙ БУДУЩНОСТИ РУССКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ.

Въ переселеніяхъ крестьянъ многіе склонны видѣть одну изъ характернѣйшихъ отличительныхъ особенностей русскаго народнаго быта; одни—оптимисты—видятъ въ нихъ проявленіе особо-присущихъ русскому народу колонизаторскихъ способностей, помогшихъ русскому сѣрому зипуну приобщить къ культурѣ такія разнообразныя мѣстности, какъ архангельскій сѣверъ и кубанскія степи, какъ амурская тайга и предгорья Тянь-Шаня. Другіе—пессимисты—считаютъ переселеніе отрицательнымъ явленіемъ, продуктомъ некультурности и инертности нашей земледѣльческой массы, мало того—даже какихъ-то особенныхъ, характеризующихъ русскаго мужика бродяжескихъ инстинктовъ. И тотъ, и другой взглядъ погрѣшаетъ противъ истины, такъ какъ въ массовыхъ передвиженіяхъ населенія во-все нельзя видѣть какой-то специфически-русской особенности. Мы не располагаемъ точными и полными данными, которыя позволили бы намъ учесть размѣры русскихъ переселеній хотя бы за послѣднія 10 — 15 лѣтъ, такъ какъ переселеніе направляется въ очень разнообразные районы, и для многихъ изъ послѣднихъ не существуетъ никакой, хотя бы приблизительной регистраціи переселенцевъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что главный потокъ переселеній за послѣднія 12—15 лѣтъ направлялся въ Сибирь, а сибирское переселеніе, которому, главнымъ образомъ, и будетъ посвященъ настоящій очеркъ, можетъ быть учтено, если не съ безусловною точностью, то во всякомъ случаѣ съ достаточнымъ приближеніемъ: съ 1880 по 1897 годъ въ Сибирь переселилось немногимъ болѣе милліона человекъ, причемъ до 1890 года годовая цифра переселенцевъ колебалась между 25 и 50 тысячами, а съ 1891 года въ

Сибирь ежегодно переселялось не менѣе 60 тысячъ; въ голодные 1891 и 1892 года число переселенцевъ доходило до 90 тысячъ, въ 1895 г. — до 120 тысячъ, и только въ 1896 г., благодаря особой комбинаціи обстоятельствъ, оно достигло 200 тысячъ. Итакъ, за 18 лѣтъ ушло въ Сибирь всего съ небольшимъ миллионъ переселенцевъ или, въ среднемъ, около 60 тысячъ въ годъ! Переселеніе во всѣ остальные районы, взятые вмѣстѣ, — Новороссію, Предкавказье, оренбургскія степи, Туркестанъ, — дало бы, за тѣ же 18 лѣтъ, гораздо меньшую цифру; но даже если предположить, что во всѣ эти районы ушелъ еще миллионъ переселенцевъ, то все-же средняя годовая цифра послѣднихъ не превыситъ 120,000, т.-е. составитъ около $\frac{1}{3}$ процента въ годъ, за всѣ же 18 лѣтъ переселилось около 2%, сто-милліоннаго населенія Россіи. Между тѣмъ, за 24 года, съ 1871 по 1894, въ одни только Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты переселилось изъ Великобританіи съ Ирландіею 3,272 тыс., изъ Германіи 2.441 тыс., изъ маленькой Швеціи 590 тыс. человекъ, что составляетъ: для первой — около 8%, для второй — около 5%, для третьей — почти 12% всего населенія!

Такимъ образомъ, массовыя передвиженія населенія отнюдь не представляютъ собою чего-либо специфически-русскаго. Но русскія переселенія представляютъ существенное отличіе отъ аналогичныхъ движеній въ Западной Европѣ: колонизація въ Европѣ, какъ было отмѣчено еще кн. Васильчиковымъ ¹⁾, „имѣетъ характеръ *эмиграціи*, т.-е. выхода, которому соотвѣтствуетъ въ Америкѣ и въ Австраліи *иммиграція*, т.-е. водвореніе, поселеніе, а въ Россіи *переселенія были издревле и остаются до сихъ поръ явленіемъ внутренняго народнаго быта*, имѣющимъ значеніе простого перехода изъ однихъ мѣстъ жительства въ другія“; переселенцы изъ Западной Европы направляются либо въ чужестранныя государства, либо въ отдаленныя колоніи, неизбѣжно стремящіяся порвать связь съ метрополіею, — Россія, говоря словами Э. Г. Тернера ²⁾, „обладаетъ въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ свободными землями, на которыя могутъ изливаться избытки сельскаго населенія, не только не разрывая связи со своимъ отечествомъ, но служа, напротивъ того, большому сплоченію этихъ дальнихъ странъ съ Россіею“. Въ Западной Европѣ, другими словами, колопизаціонное движеніе принимаетъ форму *выселенія* изъ государства, въ Россіи — форму *разселенія* по го-

¹⁾ „Землевладѣніе и земледѣліе“, изд. 1, стр. 924.

²⁾ Статья „Переселенческое дѣло“, въ „Вѣстн. Евр.“ 1897 г., мартъ, стр. 76.

сударственной территоріи; западно-европейская эмиграція есть явленіе сравнительно новое,—русское переселеніе есть не что иное, какъ послѣдній, современный намъ актъ того процесса колонизаціи русской государственной территоріи, который составляетъ такую существенную, коренную черту внутренней исторіи Россіи.

Переселеніе изъ Европейской Россіи, въ частности изъ ея средней, гуще всего населенной части, началось въ то время, когда еще не закончилась или только-что завершалась ея собственная колонизація; такъ, В. Н. Григорьевъ, одинъ изъ первыхъ точныхъ изслѣдователей переселенческаго движенія, отмѣчаетъ, что переселенія изъ Рязанской губерніи начались въ то время, когда многія изъ селеній еще не имѣли здѣсь вполнѣ устойчиваго вида, когда вообще крестьяне далеко непрочно осѣли на мѣстахъ своей осѣдлости³⁾; переселенія изъ Курской губерніи, по свидѣтельству земскаго своднаго статистическаго сборника⁴⁾, начались „какъ-разъ съ того времени, когда закончился здѣсь процессъ колонизаціи“. Въ южныхъ, юго-восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи колонизаціонный процессъ въ настоящее время только-что закончился или еще продолжается,—и однако, многія изъ этихъ губерній занимаютъ не послѣднія мѣста въ числѣ мѣстностей, откуда выходятъ переселенцы. Такъ, по официальнымъ даннымъ, новороссійскія губерніи, въ продолженіе 70-хъ годовъ принявшія до 50 тысячъ душъ переселенцевъ, за тѣ же годы отпустили „на новыя мѣста“ до 35 тысячъ душъ; изъ губерній Самарской и Астраханской за то же десятилѣтіе выселилось до 18 тыс., вновь водворилось въ нихъ 14 тысячъ душъ; изъ Уфимской и Оренбургской губерній, которыя въ 70-хъ гг. приняли до 120 тысячъ душъ новыхъ поселенцевъ, выселилось за то же время 36 тысячъ, и т. д. Явленіе это, на первый взглядъ непонятное, объясняется весьма просто, если разобраться въ вопросѣ о причинахъ переселеній.

Ходячій въ обществѣ, а отчасти и въ литературѣ, взглядъ усматриваетъ причину переселеній въ абсолютномъ безземельѣ или малоземельѣ, которое гонитъ крестьянина съ насиженнаго мѣста, съ неизбѣжною, почти физическою необходимостью. „Недостатокъ земли и непрерывно-прогрессирующее развитіе арендныхъ цѣнъ на землю,—говоритъ, напримѣръ, извѣстный

3) *Григорьевъ*, „Переселенія крестьянъ Рязанской губ.“, стр. 7—8.

4) „Курская губернія“, отдѣлъ о переселеніяхъ, стр. 6—10.

мѣстный изслѣдователь переселенческаго дѣла г. Чудновскій ⁵⁾, — вотъ основной мотивъ переселеній. Малоземелье, недостаточность душевого надѣла — всеобщій, повсемѣстный фактъ, и фактъ, прежде всего и главнымъ образомъ вызывающій переселенія“. Какъ сложилось такое представленіе о причинахъ, — это, какъ мнѣ кажется, вполне понятно. Прежде всего, оно должно было возникнуть само собой у всякаго, кто задавался вопросомъ о причинахъ переселеній: если крестьянинъ порываетъ связь съ родиной и идетъ искать счастья въ невѣдомую даль, то ясно, что его гонитъ безысходная нужда; а источникъ нужды крестьянина-земледѣльца естественно было искать въ безземельѣ или недостаточности земельного надѣла. А съ другой стороны, это представленіе, господствующее и въ обществѣ, и въ литературѣ вопроса, является лишь отраженіемъ взгляда на дѣло, преобладающаго, если не въ сознаніи, то во всякомъ случаѣ—въ показаніяхъ самихъ переселенцевъ,—показаніяхъ, которые не могли не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на наблюдателей переселенческаго движенія; если спросить переселенца, откуда бы онъ ни былъ родомъ, отчего онъ пошелъ „на новыя мѣста“, отвѣтъ — конечно съ разнообразными варіаціями—будетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ одинъ: „жить не съ чего было“, „земли мало было“; изъ 3,708 зарегистрированныхъ мною лично въ образовавшихся на казенныхъ земляхъ поселкахъ Томской губерніи переселенческихъ дворовъ, давшихъ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ оставленія родины, болѣе двухъ третей—2,624 семьи—указали, какъ на такія причины, на недостаточность общаго размѣра земельного надѣла, дурное качество почвы, односторонній составъ угодій, дороговизну и трудность арендованія земли; еще 542 семьи указали на „невозможность существованія“ на родинѣ, не входя въ болѣе подробныя объясненія, но очевидно подразумевающая ту же основную причину „невозможности существованія“—безземелье или недостатокъ земли. — И тѣмъ не менѣе, представленіе о безземельѣ и малоземельѣ, какъ объ основной причинѣ переселеній, не выдерживаетъ критики фактовъ,—является невѣрнымъ или во всякомъ случаѣ одностороннимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на цифровыя данныя о распредѣленіи переселенцевъ по мѣстамъ выхода; изъ этихъ данныхъ видно, напримѣръ, что изъ 67 тысячъ семей переселенцевъ, зарегистрированныхъ въ теченіе 1884 —

⁵⁾ Чудновскій. „Переселенческое дѣло на Алтаѣ“, стр. 49, 63.

1893 г., такъ сказать, при самомъ вступленіи въ границы Сибири, болѣе 10¹/₂ тысячъ семей—выходцы изъ Курской губерніи; за нею слѣдуютъ: Тамбовская съ 6¹/₂, Воронежская съ 5¹/₂, Вятская, Самарская и Пермская, давшія отъ 4¹/₂ до 5¹/₂ тысячъ, Полтавская и Рязанская — отъ 3 до 3¹/₂ тыс., Саратовская, Казанская, Пензенская, Харьковская, Черниговская съ 2 — 2¹/₂ тысячами семей каждая; затѣмъ слѣдуютъ 3 губерніи, давшія отъ 1,000 до 2,000, четыре—выпустившія отъ 500 до 1,000, десять — отъ 100 до 500 семей и 14 губерній, представленныхъ менѣе, нежели сотнею семействъ каждая. Если взять аналогичныя данныя изъ регистраціи, произведенной въ Алтайскомъ горномъ округѣ—мѣстности, за послѣднія 12—13 лѣтъ принявшей около 60%, всего сибирскаго переселенія,—то первыя два мѣста удержать за собою тѣ же Курская и Тамбовская губерніи, давшія Алтаю, за время до 1892 г., одна—35 тыс., другая—37 тыс. душъ переселенцевъ; но непосредственно за ними слѣдуетъ Тобольская губернія съ 20 тысячами душъ; рядомъ съ Воронежскою губерніей стоитъ Пермская, за Рязанскою губерніей слѣдуютъ Вятская и Самарская, и т. д. По регистраціи томскаго переселенческаго пункта за десятилѣтіе 1884—1893 гг. первыя девять мѣстъ по числу выпущенныхъ переселенцевъ занимаютъ слѣдующія губерніи: Курская, Тамбовская, Полтавская, Вятская, Пермская, Черниговская, Самарская, Харьковская и Казанская. Всѣ источники единодушно свидѣтельствуютъ, такимъ образомъ, что переселенцевъ выпускаютъ не однѣ только мѣстности, страдающія болѣе или менѣе несомнѣннымъ малоземельемъ или избыткомъ рабочихъ рукъ, но и такія губерніи, какъ Вятская, Пермская, Тобольская, Самарская, Саратовская и т. д.,—губерніи, гдѣ объ избыткѣ рабочихъ рукъ и малоземельѣ, повидимому, не можетъ быть и рѣчи; гдѣ, наоборотъ, значительная часть удобной площади остается еще неразработанною; гдѣ количество земли, казалось бы, далеко превышаетъ потребности и рабочую способность наличнаго населенія, и земледѣліе страдаетъ скорѣе отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ, чѣмъ отъ ихъ избытка.

Если прослѣдить по картѣ мѣстности, отпускающія переселенцевъ, то онѣ сгруппируются въ два крупныхъ района: одинъ изъ нихъ, почти совпадающій съ райономъ выселеній, намѣченнымъ кн. Васильчиковымъ еще въ 1876 г. въ первомъ изданіи его книги „Землевладѣніе и земледѣліе“^{*)}, это — средне-

*) Стр. 977—979.

русскій районъ, сравнительно малоземельный и густо населенный; онъ охватываетъ всю черноземную-нестепную область, протянувшись на сѣверо-востокъ до Симбирской губерніи и захватывая на югѣ губерніи малороссійскія; другой районъ, — въ общемъ богатый землею и рѣдко населенный, — обнимаетъ заволжскія—восточныя и особенно сѣверо-восточныя губерніи Европейской Россіи и прилегающую къ нимъ съ востока Тобольскую губернію. Если для перваго изъ этихъ двухъ районовъ еще можно было говорить о малоземельѣ, о недостаточности земельныхъ надѣловъ, какъ объ основной причинѣ выселеній, то говорить о малоземельѣ Тобольской, Самарской, Уфимской, Вятской губерній было болѣе, нежели рискованно. Вопросъ о причинахъ выселеній для одной изъ этихъ губерній—Вятской—еще въ 1881 году былъ подробно разработанъ мѣстнымъ изслѣдователемъ переселеній, извѣстнымъ земскимъ статистикомъ г. Романовымъ, и всѣ собранныя имъ данныя „не даютъ основанія заключать, что въ Вятской губерніи гдѣ-либо составляетъ причину совершающихся крестьянскихъ переселеній собственно малая величина земельныхъ надѣловъ“, — что, другими словами, „собственно то или другое число десятинъ крестьянскаго надѣла не имѣетъ прямого вліянія на переселенія“... „Величина посѣва на душевой надѣлъ, говоритъ далѣе г. Романовъ, отнюдь не меньше въ мѣстностяхъ выселеній, чѣмъ у старожиловъ (не говоря уже о новыхъ поселенцахъ. А. К.) тѣхъ мѣстностей, въ которыя водворяются переселенцы; въ особенности трудно сказать относительно хотя какой-либо небольшой мѣстности Вятской губерніи, изъ которой крестьяне выселяются, что въ ней у переселенцевъ посѣвы были малы по недостатку земли“⁷⁾. Причины выселеній, по мнѣнію г. Романова, нельзя искать и въ дурномъ качествѣ земли, — напротивъ, „мѣстности водворенія переселенцевъ въ Вятской губерніи представляютъ вообще низшія достоинствомъ почвы, чѣмъ мѣстности выселеній“. Причина эта, говоря словами г. Романова, коренится въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: „покидаемые переселенцами земли болѣе или менѣе хороши, но урожаи съ нихъ стали уже гораздо хуже прежнихъ и часто бываютъ плохи. Земли эти потеряли значительную часть своей цѣнности отъ вѣковой дурной обработки и очень недостаточнаго удобренія; постепенно, введеніемъ улучшенной системы хозяйства или хотя бы только усиленнымъ удобреніемъ, плодородіе ихъ могло

⁷⁾ Романовъ, „Переселенія крестьянъ Вятской губ.“, стр. 179—180.

бы быть возстановлено. Но крестьяне для этого средствъ не имѣютъ и потому выселяются“. Все сказанное въ приведенной цитатѣ въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ другимъ губерніямъ восточной полосы — Самарской, Уфимской, Тобольской и т. д. И здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о маломъ количествѣ, ни о безплодіи надѣльныхъ земель,—все дѣло, несомнѣнно, въ невозможности продолжать вести хозяйство старыми, экстензивными способами, уже успѣвшими проявить свое истощающее вліяніе на почву. И вотъ въ литературѣ вопроса появляются попытки противопоставить, въ отношеніи причинъ переселенія, восточную полосу выселеній среднерусскому переселенческому району. Такую попытку дѣлаетъ, напр., не безызвѣстный нынѣ писатель, г. Гурвичъ, въ своей книгѣ „Переселенія крестьянъ въ Сибирь“^{*)}. Объясняя выселеніе изъ средне-русскихъ губерній „вліяніемъ недостаточности крестьянскаго надѣла“ и его послѣдствіями—преобладаніемъ пашни надъ другими угодьями и въ частности—недостаткомъ покосовъ и выгоновъ, отнимающимъ у крестьянъ возможность правильно удобрять пашню; недостаточною аренднаго фонда и дороговизною аренды; необходимостью для крестьянъ расходовать часть своего труда, на все болѣе и болѣе невыгодныхъ условіяхъ, внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства и т. п. обстоятельствами,—названный авторъ видитъ основную причину выселеній изъ восточнаго района въ совершенно иномъ обстоятельстве—„въ кризисѣ экстензивной земледѣльческой культуры“, — въ невозможности продолжать вести хозяйство усвоенными прежде, при безпредѣльномъ просторѣ, способами и приѣмами: еще недавно крестьянинъ не имѣлъ здѣсь надобности удобрять земли, — онъ пахалъ плодородныя цѣлины или залежи, успѣвшія возстановить свои силы продолжительнымъ отдыхомъ; сократившійся отчасти въ силу естественнаго сгущенія населенія, отчасти—вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ по регулированію землевладѣнія, просторъ дѣлаетъ такое хозяйство невозможнымъ: цѣлины распаханы, залежи отдыхаютъ слишкомъ мало времени и не успѣваютъ возстановить своихъ производительныхъ силъ, урожаи падаютъ,—и земледѣлецъ долженъ либо перейти къ хозяйству съ удобреніемъ, либо искать новыхъ, болѣе привольныхъ мѣстъ. „Для всякой земледѣльческой мѣстности, говоритъ г. Гурвичъ, рано или поздно наступаетъ моментъ, дѣлающій необходимымъ

^{*)} Тамъ же, стр. 186—187.

^{*)} Стр. 11—17, 38—40, 53—59.

переходъ отъ болѣ легкихъ формъ хозяйства къ болѣ сложнымъ и менѣ выгоднымъ. При подобныхъ обстоятельствахъ переселенія составляютъ вполне разумное проявленіе народнаго культурнаго консерватизма, побуждающаго крестьянина, покуда есть возможность, крѣпко держаться привычныхъ способовъ веденія хозяйства. Невозможность удерживать ихъ дольше на старомъ мѣстѣ заставляетъ крестьянина подаваться далѣе въ ширь, на свободныя территоріи, еще не знающія земледѣльческой культуры“. И такимъ образомъ, заключаетъ нашъ авторъ, *„если для російскаго (т.-е. средне-русскаго) крестьянина переселеніе является выходомъ изъ крайне ненормальнаго экономическаго положенія,—въ переселеніяхъ изъ зауральской полосы мы видимъ, напротивъ, проявленіе подмѣченного изслѣдователями закона народнаго разселенія“*¹⁰⁾.

Такое противоположеніе, однако, едва ли можно признать правильнымъ: *послѣднею* причиной культурнаго кризиса въ восточныхъ губерніяхъ является все же, какъ признаетъ и г. Гурвичъ, *сократившійся просторъ*, другими словами — недостатокъ земли; недостатокъ, конечно, относительный, недостатокъ, ощущаемый при данной системѣ хозяйства. Если надѣлъ въ 8, 12, 15 десятинъ и очень великъ по сравненію даже съ высшею нормою надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ среднихъ губерній, то такой надѣлъ представляется уже весьма ограниченнымъ и создаетъ очень чувствительное „утѣсненіе“, если его сравнивать съ тѣмъ, почти безграничнымъ просторомъ, при которомъ складывалось залежное хозяйство юго-восточныхъ и сибирскихъ степей или подсѣчное хозяйство русскаго сѣвера; именно это „утѣсненіе“, это относительное малоземелье запрещаетъ крестьянину оставаться при прежней экстензивной культурѣ, — именно оно заставляетъ его либо переходить къ высшей культурѣ, либо переселяться. — Съ другой стороны, и по отношенію къ выходцамъ изъ средне-русскаго района лишь въ меньшинствѣ случаевъ можно говорить объ *абсолютномъ* безземельѣ или малоземельѣ: абсолютная нужда въ землѣ, дѣйствительно, гонитъ на переселеніе бывшихъ дворовыхъ, освобожденныхъ безъ земли; она гонитъ „на новыя мѣста“ безземельные дворы изъ мѣстностей съ подворнымъ владѣніемъ и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, получившихъ при освобожденіи дарственный, иначе — „нищенскій“ надѣлъ; абсолютный недостатокъ въ землѣ гонитъ съ родины тѣ семьи, которыя

¹⁰⁾ Курсивъ мой. А. К.

уходить изъ-за невозможности добиться передѣла и привести свое землевладѣніе въ соотвѣтствіе со своимъ возросшимъ рабочимъ и потребительнымъ составомъ; объ абсолютной „тѣснотѣ“ можно говорить въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною выселенія является невозможная конфигурація отведеннаго при освобожденіи надѣла, создающая безконечныя потравы, судбища и т. д. Точныхъ и достаточно полныхъ данныхъ относительно численности среди переселенцевъ такихъ абсолютно-безземельныхъ или малоземельныхъ дворовъ мы не имѣемъ; я могу сослаться только на лично собранный мною въ поселкахъ Томской губерніи, путемъ подворной описи, матеріалъ, изъ котораго видно, что безземельные и семьи съ надѣломъ менѣе десятины составляли всего 21,9%, семьи съ надѣломъ отъ 1 до 3 десятинъ—30,6% общаго числа зарегистрированныхъ переселенцевъ; что почти треть послѣднихъ имѣла свыше 5 десятинъ, 13,8% свыше 10 десятинъ земли на семью,—въ среднемъ же на семью переселенцы имѣли на родинѣ почти по 6 десятинъ надѣльной земли ¹¹⁾).

Въ видахъ уясненія вопроса, представляется небезполезнымъ привести на справку нѣсколько цифръ, могущихъ дать понятие о размѣрахъ землевладѣлія на Западѣ. Изъ поземельной статистики извѣстно, что во Франціи 84,7% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 10 гектаровъ, или 9,15 десятинъ каждый, въ среднемъ же у этихъ 84,7% приходится по 2,6 гект., или 2,4 десятины земли на хозяйство; почти половина этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ—38% общаго числа послѣднихъ—имѣетъ не свыше одного гектара, или 0,9 десятины на семью. Въ Баденѣ 72% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 3,6 гект., 17,5%—отъ 3,6 до 7,2 гект. каждый; въ Бельгіи почти двѣ трети—65% всѣхъ землевладѣльцевъ—имѣютъ не болѣе одного гектара, а въ Даніи 64,3% имѣютъ не свыше 0,55 гект. на семью ¹²⁾). Можно ли при такихъ условіяхъ говорить объ абсолютномъ малоземельѣ, какъ объ основномъ мотивѣ, толкающемъ „на новыя мѣста“ средне-русскихъ переселенцевъ? Едва ли! Если мѣстности средней Россіи, выпускающія переселенцевъ, кажутся намъ, особенно по сравненію съ нашими окраинами, малоземельными, то съ точки зрѣнія француз-

¹¹⁾ Итоги этого изслѣдованія см. въ нашей статьѣ „Томскіе переселенцы“ въ VII томѣ „Сборника Правовѣднія и обществ. знаній“.

¹²⁾ См. стат. „Землевладѣніе“ въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Эфрона, т. 23.

скаго, баденскаго или фландрскаго поселянина, ведущаго, при помощи искусственныхъ удобреній, крайне интензивное хозяйство съ плодосмѣннымъ сѣвооборотомъ и стойловымъ содержаніемъ скота, тѣ же среднерусскія губерніи показались бы столь же богатыми землею, какъ богаты землею, на взглядъ нашего переселенца, сибирскія губерніи! И въ средней Россіи, такимъ образомъ, малоземелье, говоря вообще, является только относительнымъ: какъ для тобольскаго или самарскаго крестьянина не было бы рѣчи объ „утѣсненіи“, если бы онъ промѣнялъ свое залежное хозяйство на правильное, даже безнавозное трехполье, или хотя бы началъ чередовать посѣвы съ чернымъ паромъ, такъ и крестьянинъ средней полосы могъ бы безбѣдно существовать на своемъ надѣлѣ, если бы имѣлъ возможность и сумѣлъ перейти отъ пестрополья или отъ трехполья безъ навоза къ навозному трехполью, или если бы тамъ, гдѣ чрезмѣрное расширеніе запашекъ создало недостатокъ въ естественныхъ покосахъ и выгонахъ, обратился къ травосѣянію и стойловому содержанію скота. И здѣсь, такимъ образомъ, дѣло въ назрѣвшей необходимости измѣнить систему хозяйства, уже непригодную при данной степени населенности страны и данной обезпеченности крестьянства землею.

Авторъ одного изъ самыхъ раннихъ и едва ли не самаго лучшаго изъ точныхъ мѣстныхъ изслѣдованій переселенческаго движенія, В. Н. Григорьевъ, разбирая вопросъ о причинахъ выселеній изъ южныхъ, черноземныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, говоритъ: „Непремѣннымъ, почти не имѣющимъ исключенія условіемъ выхода на новыя земли является (въ изслѣдуемомъ районѣ) несоотвѣтствіе количества надѣльной земли съ рабочими силами переселенцевъ“¹³⁾. Формулировка, позволяющая предположить наличность абсолютнаго малоземелья. Но тотъ же авторъ останавливается далѣе передъ тѣмъ противорѣчащимъ приведенному объясненію фактомъ, что переселенческое движеніе, принявшее въ южныхъ уѣздахъ такіе широкіе размѣры, почти не существуетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ той же Рязанской губерніи, которые характеризуются и нѣсколько меньшимъ, чѣмъ въ южныхъ уѣздахъ, количествомъ надѣльной земли, и далеко худшимъ ея качествомъ, — для которыхъ, слѣдовательно, гораздо скорѣе могла бы быть рѣчь о малоземельѣ, нежели для южныхъ, черноземныхъ уѣздовъ. Вотъ какимъ образомъ объясняетъ г. Григорьевъ это явленіе:

¹³⁾ *Григорьевъ*, „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи“, стр. 61.

„Крестьянинъ юга губерніи, говоритъ онъ, почти исключительно земледѣлецъ; поселившись на привольныхъ пространствахъ прекраснаго чернозема,—эти слова, по моему мнѣнію, заслуживаютъ особаго вниманія,—онъ привыкъ видѣть въ землѣ единственный источникъ существованія, всякое сокращеніе въ его земельныхъ владѣніяхъ сильно отражается на его благосостояніи“. На сѣверѣ „незначительное количество земли давно уже выработало для крестьянина иной типъ занятій“, — типъ полупромысловаго крестьянина, занимающагося плотничествомъ и другими заработками на мѣстѣ и на сторонѣ ¹⁴⁾. Еще важнѣе, съ нашей точки зрѣнія, другая сторона дѣла: въ южныхъ уѣздахъ обработка надѣльной земли и самая система полеводства *гораздо ближе стоятъ къ первобытнымъ способамъ веденія хозяйства* (курсивъ мой); тогда какъ въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьянская пашня вездѣ разбита на три поля, на югѣ Раненбургскаго уѣзда до послѣдняго времени много пестрополья, которое въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ занимаетъ значительныя пространства; въ Рязанскомъ уѣздѣ весь навозъ идетъ на поля, въ южныхъ уѣздахъ хотя уже и чувствуется потребность уваживанія, но масса паровыхъ полей остается безъ удобренія... Въ Рязанскомъ уѣздѣ дѣлаютъ двѣ или три вспашки при посѣвѣ овса, три вспашки для озимаго хлѣба и 4—5 разъ перепашиваютъ просо; въ южныхъ уѣздахъ вспашка просяного поля рѣдко производится болѣе трехъ разъ, ржаного и ярового — обыкновенно только два раза, а иногда овесъ разбрасываютъ прямо по ржищу, запахивая его лишь послѣ посѣва“. „Понятно, заключаетъ уважаемый изслѣдователь, что плохая (въ южныхъ уѣздахъ) обработка почвы, плохое удобреніе полей, пестрополье и *переживаемый или только-что пережитый сельско-хозяйственный моментъ замѣны его трехпольемъ*, — все это не можетъ не отразиться на мѣстномъ крестьянинѣ; быстро падающіе урожаи и временное сокращеніе посѣвовъ (при замѣнѣ пестрополья трехпольемъ) должны усиливать переселенческое движеніе въ страну, изобилующую хлѣбородными землями. *Для Рязанскаго и другихъ уѣздовъ сѣвера губерніи пора такого кризиса миновала*“ ¹⁵⁾. (Курсивы мои).

Трудъ г. Григорьева пользуется вполне заслуженною извѣстностью и уваженіемъ; данныя и выводы его многократно цити-

¹⁴⁾ Тамъ же, стр. 103—104.

¹⁵⁾ Стр. 105—106.

ровались и комментировались въ специальной литературѣ; но никто, сколько я знаю, не обратилъ должнаго вниманія на тѣ соображенія, которыя я процитировалъ здѣсь въ краткомъ извлеченіи. Между тѣмъ, именно въ этихъ соображеніяхъ—наиболѣе глубокое рѣшеніе вопроса объ *основной* причинѣ переселеній изъ средне-русскаго района: причина эта — *кризисъ существующей системы хозяйства*; переселеніе — какъ ясно видно, если прослѣдить по картѣ тѣ губерніи, которыя отпускаютъ наибольшее число переселенцевъ — растутъ именно тамъ, гдѣ крестьянство переживаетъ критическій моментъ замѣны пестрополья или безнавознаго парового хозяйства навознымъ трехпольемъ, или гдѣ чрезмѣрное сокращеніе площади покосовъ и выгоновъ требуетъ введенія травосѣянія; оно оставливается по минованіи этого кризиса. Конечно, самый кризисъ есть результатъ перенаселенія и недостатка въ землѣ,—но перенаселенія *не абсолютнаго, а относительнаго*, и относительнаго же, а не абсолютнаго малоземелья. „Излишекъ или недостатокъ населенія данной мѣстности, справедливо замѣтилъ еще г. Романовъ ¹⁶⁾, можно правильно опредѣлять только въ отношеніи со всѣми существующими условіями народнаго хозяйства“.

Такимъ образомъ, противопоставлять другъ-другу въ отношеніи причинъ переселенія средне-русскій и восточный, заволжскій переселенческій районъ нѣтъ достаточнаго основанія. И въ томъ, и въ другомъ районѣ переселеніе—результатъ одной и той же основной причины: *относительнаго, при данной системѣ хозяйства и полеводства, перенаселенія и протекающаго изъ него малоземелья, и кризиса существующей въ той или другой мѣстности системы хозяйства и полеводства*; будетъ ли относительное малоземелье выражаться въ цифрахъ 15, 10, 5 или 2 десятины на душу, будетъ ли переживающая кризисъ система залежною, пестропольною, паровою безъ удобренія или даже навознымъ трехпольемъ,—это уже частности, не измѣняющія *существеннаго* характера указываемой мною основной причины переселеній; данная густота населенія не позволяетъ продолжать вести, въ данной мѣстности, хозяйства на установившихся издавна основаніяхъ; населеніе должно либо перейти къ болѣе интенсивной культурѣ, соотвѣтствующей данной степени густоты населенія, либо искать большаго простора и возможности продолжать вести хозяйство на прежнихъ основа-

¹⁶⁾ Назв. соч., стр. 162.

няхъ. Переселенцы выбираютъ послѣдній исходъ — и, говоря вообще, тотъ „культурный консерватизмъ“, который ихъ къ этому побуждаетъ, представляется вполне естественнымъ и законнымъ: для того, чтобы перейти къ болѣе высокой культурѣ, недостаточно одной *необходимости* въ такомъ переходѣ: нужно еще *сознаніе* этой необходимости, нужна и *возможность* произвести необходимую реформу въ своемъ хозяйствѣ — другими словами, нужны соотвѣтствующія знанія и капиталъ; не обладая ни тѣмъ, ни другимъ, крестьянинъ видитъ передъ собою, въ сущности, одинъ исходъ — переселеніе; а съ другой стороны — какъ частному, такъ и народному хозяйству свойственно стремленіе, прежде, нежели перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ, но за-то требующимъ большихъ затратъ труда и капитала способамъ земледѣльческаго хозяйства, использовать при помощи старыхъ, менѣе интенсивныхъ способовъ культуры всю удобную площадь: въ одномъ случаѣ — площадь имѣнія, въ другомъ — страны ¹⁷⁾.

Установивъ, такимъ образомъ, основную причину переселеній — относительное малоземелье и кризисъ существующей системы земледѣльческаго хозяйства, намъ нетрудно будетъ объяснить себѣ тотъ, на первый взглядъ парадоксальный фактъ, подтверждаемый однако всѣми источниками, что среди переселенцевъ преобладаютъ не наиболѣе обездоленные элементы крестьянства, не бывшіе помѣщичьи, а наоборотъ — сравнительно гораздо болѣе обеспеченные землею бывшіе государственные крестьяне. По даннымъ томскаго переселенческаго пункта за 1884—1893 гг. въ числѣ прошедшихъ черезъ Томскъ переселенцевъ значится бывшихъ государственныхъ 10,078 семей, бывшихъ помѣщичьихъ 5,489, другихъ наименованій — 2,524 семьи; въ изслѣдованныхъ мною поселкахъ Томской губерніи оказалось бывшихъ государственныхъ 2,121 семья, бывшихъ помѣщичьихъ — 1,850, удѣльныхъ — 170 семей. До извѣстной степени это явленіе объясняется значительнымъ участіемъ въ переселеніи сѣверо-восточныхъ губерній, гдѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нѣтъ или очень мало. Но преобладаніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ не исчезаетъ и въ томъ случаѣ, если разсматривать опубликованныя данныя о переселенцахъ изъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Такъ, по даннымъ земскихъ изслѣдованій выселилось:

¹⁷⁾ *Исаевъ*, „Переселенія въ русскомъ народн. хозяйствѣ“, стр. 131.

	Изъ Рязанской губерніи.		Изъ Курской губерніи.	
	Число душъ.	% всего на- селенія данн. разр.	Число семей.	% всего на- селенія данн. разр.
Бывшихъ государств. четвертн.	4569	13%	7702	8,4%
„ „ душевыхъ	11143	7%	3661	4,9%
„ помѣщичьихъ. . .	6726	4%	6819	5,8%

а г. Романовъ указываетъ на то, что среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ Вятской губерніи, имѣющихъ вдвое большіе земельные надѣлы, нежели живущіе въ однихъ съ ними условіяхъ бывшіе удѣльные, переселенія достигаютъ значительнаго развитія, тогда какъ, напротивъ, у бывшихъ удѣльныхъ выселенія были, въ общемъ, очень незначительны.

Преобладаніе среди переселенцевъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ можетъ быть, до извѣстной степени, сведено къ дѣйствию ряда побочныхъ обстоятельствъ, отмѣченныхъ, напр., г. Григорьевымъ и другими изслѣдователями: большаго у бывшихъ государственныхъ крестьянъ прироста населенія, менѣ развитыхъ мѣстныхъ заработковъ и меньшей возможности арендованія внѣнадѣльной земли — слѣдствій отдаленности ихъ селеній отъ частныхъ имѣній, большей ихъ состоятельности, открывающей имъ большую возможность предпринимать переселеніе. Но всѣ эти обстоятельства едва ли могли бы замаскировать дѣйствіе *основной* причины переселеній, если бы эта причина дѣйствительно заключалась въ абсолютно-недостаточномъ размѣрѣ земельныхъ надѣловъ: среди переселенцевъ все-таки должны были бы преобладать не *болѣе*, а *менѣе* обезпеченныя землею группы крестьянъ. — Разсматриваемое явленіе сразу утрачиваетъ однако свой парадоксальный характеръ, если свести, какъ мы это сдѣлали, основную причину переселеній къ *относительному* перенаселенію и къ создаваемому имъ сельскохозяйственному кризису: тогда окажется, что бывшіе помѣщичьи крестьяне менѣе выселяются именно оттого, что они получили меньшіе земельные надѣлы, и что критическая эпоха, благодаря этому, для нихъ наступила ранѣе, нежели для бывшихъ государственныхъ крестьянъ; раньше начавшись, эта эпоха у нихъ уже въ большей или меньшей степени закончилась, и переходъ къ сравнительно болѣе интенсивному хозяйству болѣе или менѣе завершился, — тогда какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ кризисъ начался, благодаря болѣе щедрому надѣленію землею, значительно позже, а потому не пережить и по настоящее время; бывшіе государственные продолжаютъ по-

этому страдать отъ относительнаго перенаселенія въ то время, какъ у ихъ сосѣдей—бывшихъ помѣщичьихъ—хозяйство успѣло уже приспособиться къ данной степени населенности, и, слѣдовательно, относительное перенаселеніе успѣло исчезнуть ¹⁸⁾.

Исходя изъ той же основной причины переселеній — относительнаго перенаселенія и кризиса существующей системы хозяйства, намъ, далѣе, нетрудно будетъ объяснить себѣ и то двойное переселенческое движеніе, которое, какъ я уже упоминалъ, наблюдается въ довольно многихъ мѣстностяхъ Россіи: если переселенцы двигаются изъ губерній Уфимской, Самарской, Тобольской и т. п., гдѣ земли приходится по 8, 12, 15 и болѣе десятинъ на душу,—то это потому, что наступившее въ этихъ мѣстностяхъ относительное малоземелье вызвало кризисъ укоренившагося здѣсь издавна экстензивнаго залежнаго хозяйства; но тѣ же 15, 12, 8 десятинъ на душу—огромный просторъ для бывшаго помѣщичьяго крестьянина среднихъ губерній, для котораго высшій надѣлъ— $2\frac{3}{4}$ десятины на ревизскую душу, и который уже давно приспособилъ свое хозяйство къ этому небольшому размѣру надѣла, — а потому этотъ крестьянинъ охотно водворяется въ такихъ мѣстностяхъ, откуда уже началось выселеніе изъ кореннаго населенія.

Во избѣжаніе недоразумѣнія, я долженъ нѣсколько уклониться здѣсь въ сторону отъ нити моего изложенія и сказать нѣсколько словъ на тему, лишь косвенно относящуюся къ предмету настоящаго очерка. Дѣло въ томъ, что изъ сказаннаго только-что легко можно было бы сдѣлать выводъ, что переселенцы изъ среднихъ, сравнительно малоземельныхъ губерній переносятъ на новыя мѣста усвоенные ими на родинѣ сравнительно интензивные способы хозяйства; въ самомъ дѣлѣ: если крестьянинъ среднихъ губерній переселяется, чтобы имѣть возможность продолжать вести хозяйство издавна-усвоенными способами и приѣмами, чтобы избѣжать тяжелой и непосильной для него ломки хозяйственнаго строя, то естественно было бы предполагать, что онъ и на новомъ мѣстѣ будетъ держаться именно этихъ, привычныхъ ему способовъ и приѣмовъ; и это—тѣмъ болѣе, что на новомъ мѣстѣ переселенецъ нерѣдко во-

¹⁸⁾ На еще переживаемый бывшими государственными крестьянами сельскохозяйственный кризисъ, какъ причину усиленнаго стремленія ихъ къ выселенію, указываетъ и г. Григорьевъ (назв. соч., стр. 83); но онъ упоминаетъ объ этой причинѣ лишь мимоходомъ, въ числѣ ряда другихъ, на нашъ взглядъ второстепенныхъ причинъ, тогда какъ по нашему мнѣнію именно эта причина играетъ въ данномъ вопросѣ первую роль.

очію видитъ если не наступившій уже кризисъ, то симптомы приближающагося кризиса мѣстныхъ, болѣе экстензивныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Подобное предположеніе, дѣйствительно, высказывали многіе изъ числа авторитетнѣйшихъ писателей и изслѣдователей переселенческаго дѣла, — назову только Ядринцева, профессора Исаева, В. Н. Григорьева; всѣ они высказывали увѣренность въ томъ, что переселенцы привьютъ „на новыхъ мѣстахъ“ сравнительно высокую средне-русскую культуру, и видѣли поэтому въ переселеніи важный двигатель культурнаго прогресса тѣхъ многоземельныхъ странъ, куда направляется переселеніе. „Переселенцы въ Сибири,—говоритъ, напр., г. Григорьевъ¹⁹⁾,—являются элементомъ съ нѣсколько вышею земледѣльческою культурой. По утверженію мѣстныхъ жителей, старожилы часто прибѣгаютъ къ опытности и знаніямъ переселенцевъ по сельско-хозяйственнымъ дѣламъ и вопросамъ; неуклюжая сибирская соха съ приходомъ переселенцевъ стала вытѣсняться плугомъ; молотилки и вѣялки получили громадное распространеніе; мѣстами переложное хозяйство стало смѣняться трехпольнымъ, а вольное и захватное пользованіе землею — уравнительными передѣлами по душамъ“. Сами переселенцы, направляясь въ Сибирь, всегда рассчитываютъ примѣнять на „новомъ мѣстѣ“ свои, „россійскіе“ порядки, свои, „россійскія орудія“; они строго осуждаютъ, по началу, экстензивное хозяйство старожилаго населенія многоземельныхъ районовъ и постоянно впадаютъ въ невинное хвастовство, обѣщаясь „выучить“ старожиловъ работать, „показать имъ, какъ надо вести хозяйство“, и т. д. И однако, изложенное предположеніе не выдерживаетъ критики фактовъ: заноса съ собою „на новое мѣсто“ и сохраняя кой-какія хозяйственныя мелочи, входившія на родинѣ въ ихъ хозяйственный обиходъ, переселенцы въ томъ, что составляетъ сущность хозяйственного строя, не учатъ старожиловъ, а наоборотъ, учатся у нихъ; оставивъ родину, чтобы избѣжать, такъ сказать, *прогрессивной* ломки своего хозяйственного строя и своихъ хозяйственныхъ привычекъ, они безъ всякихъ затрудненій совершаютъ на новомъ мѣстѣ *регрессивную* ломку: какъ единодушно свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ для Сибири, мѣстныя изслѣдованія, переселенцы — безразлично, вышли ли они съ сѣверо-востока, изъ Малороссіи или изъ средне-русскихъ

¹⁹⁾ См. статью „Переселенія“ въ Настольн. Энци. Словарѣ Гарбеля-Граната, въ послѣдствіи вошедшую въ книгу „Трудъ“ проф. Н. А. Карышева.

губерній,—почти безъ исключенія усваиваютъ выработавшіеся у старожилago населенія сибирскихъ многоземельныхъ районовъ порядки захватнаго землевладѣнія и залежнаго хозяйства, забывая, до поры—до времени, и о трехпольѣ, и объ уважаніи пашень, и о передѣлахъ полей. „Власть земли“, которая на родинѣ оказалась безсильною одолѣть установившіеся хозяйственные порядки и привычки, „на новомъ мѣстѣ“ легко беретъ верхъ надъ этими порядками и привычками. И это понятно: на родинѣ, чтобы побудить населеніе перейти къ высшей культурѣ,—этой власти нужно было бы опираться на союзниковъ въ лицѣ знанія и капитала; чтобы сдѣлать шагъ *назадъ*, вернуться къ экстензивному, залежному хозяйству, нѣтъ нужды ни въ томъ, ни въ другомъ, а потому *этотъ* шагъ совершается безъ всякаго затрудненія.

Повторяю еще разъ: основною причиною переселенія какъ изъ среднихъ губерній, такъ и съ сѣверо-восточныхъ окраинъ является, вообще говоря, относительное малоземелье и обусловливаемый имъ кризисъ данной системы земледѣльческаго хозяйства. *Рядомъ* съ этою основною причиною, несомнѣнно, играетъ роль, по отношенію къ болѣе или менѣе значительнымъ группамъ переселенцевъ, и абсолютное безземелье или *абсолютная* нужда въ землѣ, причемъ подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть обезпеченность землею въ значительно меньшемъ противъ нормально-необходимаго въ данной мѣстности, при существующей системѣ хозяйства, размѣрѣ; и опять-таки случаи подобнаго абсолютнаго малоземелья встрѣчаются не только среди выходцевъ среднихъ губерній, но, хотя и рѣже, также и среди переселенцевъ изъ богатаго землею восточнаго района. Обыкновенно дѣйствіе этихъ общихъ причинъ—абсолютнаго и относительнаго малоземелья—обостряется и осложняется, затѣмъ, еще тѣми или другими частными обстоятельствами: иногда—одностороннимъ составомъ угодій, именно отсутствіемъ или недостаткомъ естественныхъ покосовъ, выгоновъ, лѣса, или бесплодностью и вообще плохимъ качествомъ почвы, размываніемъ удобной площади надѣла оврагами, занесеніемъ ея песками, недостаточностью водоснабженія; иногда—особенно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—неудобною конфигураціею, растянутостью или чрезполосностью надѣловъ и проистекающими отсюда столкновеніями изъ-за потравъ, затруднительностью уваживанія дальнихъ пашень, трудностью правильной механической обработки почвы; иногда—отсутствіемъ по- близости земель, способныхъ служить для

крестьянъ аренднымъ фондомъ, и вытекающею отсюда дороговизною и вообще стѣснительностью условій арендованія. А на фонѣ, образуемомъ этими причинами, дѣйствуетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ, нерѣдко болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ, иногда дающихъ лишь послѣдній поводъ, толчекъ уже давно назрѣвавшему выселенію. Въ числѣ такихъ обстоятельствъ на первомъ мѣстѣ стоятъ неурожаи; „въ бѣдственные годы неурожаевъ,—писалъ еще 15 лѣтъ тому назадъ г. Григорьевъ ²⁰⁾,—всѣ хроническія неудобства особенно обостряются, сильнѣе ощущаются всѣми, а тѣмъ болѣе—чисто земледѣльческими мѣстностями. Въ такіе годы вѣсти, доходящія изъ хлѣбородной и просторной стороны, особенно привлекательны: всякій, кого подкосило или въ конецъ разорило нахлынувшее несчастье, кто въ силахъ еще устроиться на новомъ мѣстѣ или кому нечего терять, стремится туда. Зажиточный мужикъ, проѣвши въ голодный годъ кой-какія запасенныя средства, продаетъ остальное, надѣясь въ хлѣбородной сторонѣ прочнѣе обставить себя и дѣтей на случай такого несчастья; хозяйство средняго крестьянина сильно распатано неурожаемъ,—онъ также спѣшитъ въ мѣста, гдѣ дешевле хлѣбъ, гдѣ трудъ, прилагаясь къ благородной почвѣ, болѣе производителенъ; замотавшійся бѣднякъ и безысходная нужда идутъ туда же—„хуже не будетъ“,—въ концѣ концовъ каждый неурожай сопровождается рѣзкимъ увеличеніемъ числа переселенцевъ. Затѣмъ, такую же роль играютъ разныя случайныя бѣдствія въ родѣ пожара, наводненія, продажи имущества за недоимки; разныя обстоятельства, ведущія къ сокращенію аренднаго фонда,—напр., появленіе въ какой-либо мѣстности сахарныхъ заводовъ, переходъ помѣщиковъ отъ арендаторскаго хозяйства къ собственной запашкѣ,—или сокращающія подспорные заработки крестьянъ; сильно разросшіяся послѣ ревизіи семьи нерѣдко уходятъ съ родины изъ-за невозможности добиться передѣла и такимъ образомъ привести надѣльное землевладѣніе въ соотвѣтствіе съ возросшимъ потребительнымъ или рабочимъ составомъ семьи,—въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, толчекъ выселенію даетъ отобраніе, при состоявшемся передѣлѣ, части земли, ранѣе состоявшей во владѣніи даннаго домохозяина. Есть среди переселенцевъ и такіе, которые вовсе не испытали никакого недостатка въ землѣ, а оставляютъ родину въ предвидѣніи еще только могущаго наступить „утѣсненія“ или чаще

²⁰⁾ „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи“, стр. 75.

для того, чтобы на просторѣ амурскаго края или киргизскихъ степей полнѣе развернуть рабочія силы своей семьи и найти болѣе выгодное приложеніе для своего капитала. Иногда переселеніе въ извѣстной мѣстности принимаетъ стихійный, почти эпидемическій характеръ, и тогда, вмѣстѣ съ дѣйствительно нуждающимися въ переселеніи, трогаются „на новыя мѣста“ вслѣдъ „за людьми“ сотни и тысячи такихъ семей, для которыхъ переселеніе въ сущности не вызывается никакою разумною необходимостью; сильнѣйшимъ стимуломъ къ переселенію являются въ подобныхъ случаяхъ слухи о выдаваемыхъ переселенцамъ денежныхъ „способіяхъ“ и иныхъ видахъ правительственной помощи,—слухи, передающіе дѣйствительность обыкновенно въ крайне преувеличенномъ и даже совершенно извращенномъ видѣ; такъ, преувеличенными слухами о помощи, оказываемой переселенцамъ на средства Комитета Сибирской желѣзной дороги, и о предоставляемыхъ имъ льготахъ въ значительной мѣрѣ объясняются тѣ сравнительно огромные размѣры (210 тысячъ вмѣсто прежнихъ 60—80 тысячъ въ годъ), которыхъ достигло въ 1896 г. сибирское переселеніе. Здѣсь, впрочемъ, вызвавшіе усиленное переселеніе слухи лишь преувеличивали *дѣйствительные* факты; въ другихъ же случаяхъ поводомъ къ выселенію являлись факты, измышленные или извращенные до неузнаваемости; такъ, переселеніе въ Донскую область, достигшее въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ довольно значительныхъ размѣровъ, было вызвано отобраніемъ земель у донскихъ (Сальскаго округа) калмыковъ въ казачій войсковой запасъ,—мѣрою, которая была понята крестьянами какъ „накликъ“ на переселеніе въ эту мѣстность; въ числѣ сибирскихъ переселенцевъ 80-хъ годовъ многіе, какъ мнѣ приходилось слышать и при личномъ опросѣ, ссылались на выставленную въ волостныхъ правленіяхъ „бумагу“, на какой-то „царскій указъ“, приглашавшій къ переселенію въ Сибирь; по повѣркѣ эта „бумага“ оказалась циркуляромъ, имѣвшимъ цѣлью, напротивъ, удержать крестьянъ отъ переселенія и разъяснить имъ тѣ ограничительныя условія, которыми обставлено послѣднее по закону.

Наконецъ, нельзя не остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ, въ которомъ многіе склонны видѣть чуть ли не основную причину переселеній, — на свойственныхъ, яко-бы, русскому крестьянину бродячихъ инстинктахъ и на отсутствіи у него крѣпкой связи съ землею и деревней. Въ такой общей формулировкѣ, встрѣчающейся преимущественно, какъ кажется,

въ органахъ реакціонной печати, взглядъ этотъ не имѣть за себя никакихъ фактическихъ доказательствъ, и еще покойный Янсонъ справедливо высказалъ, что искать „коренной причины переселеній въ какомъ-то бродяжничествѣ, какъ принадлежности народнаго характера“, значить проявлять полное „непризнаніе естественныхъ законовъ общественнаго развитія“ ²¹⁾. Но если остановиться на одномъ только „вторичномъ“ переселеніи, т. е. на переходѣ на новое мѣстожительство крестьянъ, уже разъ переселившихся со своей родины на „новое мѣсто“, а тѣмъ болѣе переселеніи въ третій, въ четвертый разъ и т. д., то оно въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что крестьянинъ, разъ порвавъ связь съ родиной, не привязывается достаточно крѣпко къ „новоселю“ и потому, при случаѣ, безъ особенныхъ колебаній рѣшается на вторичное переселеніе; а съ другой стороны, въ переселенцѣ, разъ оставившемъ родину, нерѣдко развивается крайняя притязательность, можно сказать даже—прихотливость; угодить переселенцу въ смыслѣ качества отводимого ему участка весьма трудно,—водворившись на хорошемъ мѣстѣ, онъ не перестаетъ мечтать о „мѣстахъ лучше“, въ поискахъ за этимъ лучшимъ переселенецъ нерѣдко оставляетъ хорошее и очень часто только терять.

Въ концѣ настоящаго очерка я буду имѣть случай вкратцѣ высказать мой взглядъ на значеніе переселенія въ русской народной экономіи — взглядъ, нѣсколько отклоняющійся отъ господствующаго въ литературѣ воззрѣнія. Но какъ бы ни смотрѣть на возможные *послѣдствія* переселеній, нельзя не признать всей серьезности тѣхъ *причинъ*, которыми вызывается это явленіе,—нельзя не видѣть, что переселеніе въ общемъ обуславливается не какими-либо случайными обстоятельствами, а всѣмъ складомъ русской хозяйственной жизни, почему и требуетъ къ себѣ самаго серьезнаго вниманія со стороны общества и правительственной власти.

Если мы теперь обратимся къ исторіи дѣйствительной русской переселенческой политики въ теченіе настоящаго столѣтія, то увидимъ, что эта политика характеризуется неоднократными колебаніями. Въ дореформенную эпоху вопросъ о свободномъ переселеніи, по отношенію къ большей части русскаго крестьянства, вовсе не могъ имѣть мѣста: крестьяне крѣпостные и удѣльные не могли *переселяться*, а могли только быть пересе-

²¹⁾ Янсонъ, „Опытъ статистич. изслѣдованія о крест. надѣл. и платежахъ“ (изд. 2-е), приложеніе, стр. 51.

ляемы изъ однихъ имѣній въ другія по усмотрѣнію своихъ владѣльцевъ-помѣщиковъ или удѣла, причемъ законъ (Св. Зак., т. IX, ст. 1107) даже понуждалъ помѣщиковъ переселять крестьянъ изъ густо-заселенныхъ имѣній (гдѣ у крестьянъ было менѣе $4\frac{1}{2}$ десятинъ на душу) на свободныя земли въ другихъ имѣніяхъ, угрожая въ противномъ случаѣ отобраніемъ недостаточно обезпеченныхъ землею крестьянъ въ казенное вѣдомство. За то переселеніе государственныхъ крестьянъ, состоявшихъ подъ попечительствомъ министерства государственныхъ имуществъ, было поставлено широко и разсматривалось какъ мѣра общегосударственнаго значенія; по мысли „Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“ (Св. Зак., т. XII, ч. II), переселенія государственныхъ крестьянъ были, съ одной стороны, средствомъ для поднятія благосостоянія какъ тѣхъ крестьянъ, которымъ становилось тѣсно на надѣльныхъ земляхъ, такъ и тѣхъ, которые выходили „на новыя мѣста“; а съ другой — средствомъ для заселенія многоземельныхъ окраинъ и для болѣе правильнаго разселенія жителей. „Вѣдомство государственныхъ имуществъ,—говоритъ Янсонъ²³⁾,—не только не препятствовало желающимъ переселяться, если они подходили подъ условія достаточно широко поставленныя, но заботилось о томъ, чтобы переселенцы находили и на пути, и на мѣстѣ новаго водворенія всевозможныя облегченія и всякую помощь“. Переселеніе поэтому допускалось изъ каждаго общества, гдѣ на душу (ревизскую) приходилось менѣе 5 дес. полевыхъ и усадебныхъ угодій, и притомъ дозволялось такому числу крестьянъ, чтобы по разсчету на остающееся въ данномъ селеніи число душъ площадь надѣла составляла около 5 десятинъ; для водворенія переселенцевъ назначались такія многоземельныя губерніи и области, гдѣ на душу государственныхъ крестьянъ имѣлось, въ сложности: въ нестепной полосѣ — болѣе 8 дес., въ степной—болѣе 15 дес. казенной земли; здѣсь для переселенцевъ заранее заготавливались особые участки, площадью отъ 4 до 5 тыс. десятинъ каждый; всѣ свѣдѣнія о нихъ сосредоточивались въ палатахъ государственныхъ имуществъ, которыя обязаны были знакомить съ этими свѣдѣніями повѣренныхъ отъ переселенцевъ и облегчать послѣднимъ осмотръ участковъ въ натурѣ. Разрѣшеніе переселенія и назначеніе для переселенцевъ участковъ принадлежало къ компетенціи министра государственныхъ имуществъ, при чемъ законъ предписывалъ

²³⁾ Назв. соч., стр. 34.

заботиться, „чтобы переселенцы не были, сколь возможно, подвержены дальнимъ и затруднительнымъ переходамъ, и чтобы климатъ тѣхъ мѣстъ, куда они должны переселиться, по возможности менѣе отличался отъ климата, къ которому они привыкли на родинѣ“; по полученіи разрѣшенія, крестьянамъ предоставлялось посылать ходоковъ для осмотра назначенныхъ участковъ, при чемъ, если участки имъ не нравились, ходоки могли избирать и другіе участки. Во время слѣдованія переселенцевъ забота о нихъ лежала на обязанности мѣстныхъ органовъ вѣдомства государственныхъ имуществъ — окружныхъ начальниковъ и полиціи, а иногда особыхъ чиновниковъ, назначавшихся для сопровожденія переселенческихъ партій; они должны были доставлять переселенцамъ бесплатный ночлегъ, продовольствіе и врачебную помощь и устранять всякія затрудненія. На мѣстѣ новаго водворенія для переселенцевъ заранѣе заготавливались продовольствіе, сѣно, сѣмена для посѣва, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, лѣсъ для построекъ; засѣивалась на казенный счетъ часть полей, устраивались, при нуждѣ, мельницы и колодцы; по прибытіи на мѣсто переселенцы временно размѣщались по сосѣднимъ селеніямъ, и окружный начальникъ долженъ былъ ознакомить ихъ съ мѣстными способами веденія хозяйства и помочь имъ немедленно приступить къ постройкѣ домовъ и обработкѣ полей. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ видовъ помощи, переселенцы получали безвозвратное денежное пособіе въ размѣрѣ отъ 25 до 50 рублей на семью и пользовались льготами: отъ податей — на 4 года, отъ воинскаго постоя — на 6 лѣтъ, отъ рекрутчины — на 3 набора, и имъ прощались всѣ податныя недоимки прежнихъ лѣтъ.

На изложенныхъ основаніяхъ, выработанныхъ и проведенныхъ въ жизнь знаменитымъ дѣятелемъ николаевской эпохи, гр. Киселевымъ, за время съ 1837 по 1859 годъ было переселено 57½ тыс. семействъ, въ которыхъ числилось до 189 тыс. ревизскихъ душъ, а съ женщинами и дѣтьми — всего до 350 тысячъ душъ обоого пола. Сначала переселенцы направлялись въ нынѣшнія Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую губерніи, затѣмъ — въ Саратовскую и Оренбургскую (съ нынѣшними Уфимскою и Самарскою), въ Астраханскую губернію и на сѣверный Кавказъ; въ 50-хъ годахъ переселеніе направлялось въ сибирскія губерніи — Тобольскую, Томскую и Енисейскую; за одинъ 1854 годъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ было водворено до 19 тысячъ ревизскихъ душъ. „Благодаря всѣмъ этимъ

мѣрамъ, говоритъ покойный Янсонъ²³⁾, переселеніе, по крайней мѣрѣ по закону, не было предоставлено самому себѣ, не было блужданіемъ безъ цѣли и помощи, не сопровождалось разореніемъ переселенцевъ и безплоднымъ исканіемъ новыхъ мѣстъ“. Но намъ хорошо извѣстно, во что нерѣдко вырожда-лась, въ дѣйствительности, система благожелательнаго попечительства надъ государственными крестьянами, установлявшаяся тѣмъ самымъ „Уставомъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“, который регулировалъ и переселенія государственныхъ крестьянъ. Возникаетъ поэтому вопросъ, не оставались ли мертвою буквой и благія начинанія законодателя въ области переселенческаго дѣла, не превращались ли они, въ дѣйствительности, въ безплодную канцелярскую переписку и въ безсистемный произволъ отдѣльных исполнителей. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ достаточно полныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, на этотъ вопросъ едва ли возможно дать исчерпывающій отвѣтъ; но данныя, собранныя уже въ 80-хъ годахъ, при мѣстномъ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства въ Сибири, позволяютъ думать, что дѣло было и въ дѣйствительности, въ общемъ, хорошо поставлено: я лично посѣтилъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ нѣсколько десятковъ селеній, образованныхъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, „Киселевскими“, иначе—„маршрутными“ переселенцами; свѣдѣнія о нѣсколькихъ десяткахъ подобныхъ же селеній имѣются и въ статистическихъ „Матеріалахъ“ по Енисейской губерніи, — и этотъ источникъ положительно констатируетъ, что „попытка организовать болѣе или менѣе правильно переселенія оказалась удачною, чему не мало способствовали: наличность значительнаго запаса удобныхъ земель и ихъ плодородіе; помощь, которую переселенцы получали во время пути или еще на родинѣ, благодаря чему ихъ матеріальныя средства не истощались въ концѣ передвиженіемъ; заботы и матеріальная поддержка правительства по водвореніи на мѣстахъ и наконецъ льготы, предоставлявшіяся переселенцамъ въ первые годы ихъ проживанія въ Сибири“. Отзывъ этотъ въ полной мѣрѣ справедливъ и по отношенію къ поселеніямъ, возникшимъ въ ту эпоху въ западно-сибирскихъ губерніяхъ. По каждой изъ названныхъ трехъ сибирскихъ губерній констатированы, правда, и неудачи—есть селенія бѣдствующія, нѣкоторыя даже совершенно распались, главнымъ образомъ благодаря неудачному выбору мѣста для водворенія;

²³⁾ Тамъ же, стр. 35.

но въ огромномъ большинствѣ случаевъ мѣста для поселенія выбирались удачно (что впрочемъ въ то время, благодаря изобилію свободныхъ земель, было и нетрудно), поселки устраивались очень быстро, достигали высокаго благосостоянія, и старики съ благодарностью вспоминаютъ о той заботливости, которая окружала ихъ во время пути, при выборѣ мѣста для поселенія и при первоначальномъ устройствѣ.

Положенія 19 февраля 1861 г., а за ними—и изданное въ 1866 г. Положеніе о государственныхъ крестьянахъ не заключаютъ въ себѣ „ничего, что намекало бы на переселеніе и на правила, его регулирующія“ (Янсонъ). Обязанность заботиться о правильномъ размѣщеніи населенія слагается съ казны и помѣщиковъ; но, не говоря уже о предоставленіи крестьянамъ абсолютной свободы переселеній — свободы, немислимой при существованіи подушной подати и паспортной системы, — законъ не даетъ даже правительственной власти права разрѣшать переселеніе при какихъ бы то ни было условіяхъ. Положеніе 19 февраля просто игнорируетъ переселеніе; предоставляя крестьянамъ личную свободу, оно устанавливаетъ лишь рядъ правилъ относительно перечисленія крестьянъ изъ однихъ обществъ въ другія; нѣчто похожее на переселеніе допущено было только для безземельныхъ батраковъ, крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и нѣкоторыхъ другихъ поименованныхъ въ различныхъ частныхъ узаконеніяхъ категорій сельскаго населенія, которымъ предоставлено было право водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ. По свидѣтельству г. Тернера, — лица, котораго общественное положеніе вполне гарантируетъ, въ данномъ случаѣ, его полную освѣдомленность, — такое отношеніе законовъ освободительной эпохи къ переселенію далеко не было случайнымъ явленіемъ. Игнорированіе переселенія объясняется, съ одной стороны, господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ, что „крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависимости и надѣленные землею, уже не нуждаясь въ правительственной опекѣ, сами будутъ заботиться о своемъ благосостояніи, и что не вполне обезпеченная землею лица этого сословія всегда будутъ находить достаточное примѣненіе своему труду на помѣщичьихъ земляхъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ“, другими словами, — господствомъ либерально-манчестерскихъ экономическихъ воззрѣній;

²⁴⁾ „Матеріалы для изслѣд. землепольз. и т. д. Иркутск. и Енис. губ., т. IV, вып. 2, стр. 34.

съ другой стороны, отрицательное отношеніе къ переселеніямъ объяснялось отсутствіемъ специальныхъ органовъ, компетентныхъ входить въ это дѣло; наконецъ, оно было результатомъ— и это, можетъ-быть, самое главное — „преобладавшаго въ то время неблагопріятнаго для переселенческаго движенія настроенія землевладѣльческихъ круговъ и высшихъ сферъ общества“. Настроеніе это, по словамъ г. Тернера, „было вызвано отчасти опасеніемъ, что крестьяне, получивъ свободу, массами пойдутъ бродить по всей Россіи“, главнымъ же образомъ— боязнью, что при значительномъ развитіи переселеній ощущавшаяся помѣщиками въ первое время по освобожденіи крестьянъ „трудность добывать рабочихъ еще усилится, а вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльцы потеряютъ и сѣмщиковъ на предлагаемую въ аренду землю и такимъ образомъ лишатся единственной остававшейся еще въ ихъ рукахъ вѣрной статьи дохода. Отдѣльные лица, продолжаетъ г. Тернеръ, могутъ изъ высшихъ побужденій жертвовать своими интересами на пользу общества; но цѣлые классы населенія всегда и вездѣ относятся къ экономическимъ вопросамъ съ эгоистической точки зрѣнія; прежде всего они должны помышлять о сохраненіи собственныхъ интересовъ. Вотъ почему, заключаетъ цитированный мною компетентный авторъ, классъ землевладѣльцевъ смотрѣлъ у насъ въ то время недоброжелательно на переселенческій вопросъ; а такъ какъ это былъ классъ самый вліятельный, то его образъ воззрѣнія отразился и на настроеніи правительства. То, чтó прежде, въ дореформенное время, считалось дѣломъ самымъ естественнымъ и необходимымъ, т.-е. выселеніе избытка населенія на свободныя земли, то, чтó не только дозволялось и поощрялось, но даже прямо предписывалось закономъ,—послѣ 1861 года стало представляться дѣломъ крайне опаснымъ, которое не только не слѣдуетъ поощрять, но которому слѣдуетъ препятствовать всѣми мѣрами, — дѣломъ, о которомъ даже не слѣдуетъ и говорить“²⁵⁾.

Итакъ, крестьянская реформа въ области переселеній явилась не шагомъ впередъ, а шагомъ назадъ; переселеніе, какъ таковое, въ пореформенную эпоху не признается законодательствомъ; послѣднему извѣстны лишь, какъ я уже упоминалъ, „водвореніе на казенныхъ земляхъ“ или—другими словами—надѣленіе казенною землею, обыкновенно связанное съ перемѣною мѣстожителства, крестьянъ нѣкоторыхъ, точно опредѣ-

²⁵⁾ См. статью „Пересел. дѣло“, въ „Вѣстн. Евр.“ 1897 г., мартъ, стр. 110—112.

ленныхъ въ законѣ категорій—безземельныхъ батраковъ, крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, однодворцевъ западныхъ губерній и т. п.,— да перечисленіе отдѣльныхъ домохозяйствъ изъ однихъ обществъ въ другія въ порядкѣ, установленномъ Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ, т. е. по увольнительнымъ приговорамъ старыхъ и приѣмнымъ приговорамъ новыхъ обществъ; производившійся въ Европейской Россіи отводъ подъ заселеніе казенныхъ земель имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, именно тѣ, только-что упомянутыя категоріи крестьянства, которыя „имѣли по закону право на надѣлъ казенною землею“. Переселеніе въ собственномъ смыслѣ слова допущено было, на основаніи особыхъ законовъ, изданныхъ въ 1861 и 1865 гг., лишь въ нѣкоторыя отдѣльныя мѣстности, именно въ только-что присоединенный Приамурскій край, скорѣйшее заселеніе котораго считалось особо желательнымъ по политическимъ цѣлямъ, и въ принадлежащій Кабинету Его Величества, другими словами, — составляющій личную собственность царствующаго Императора Алтайскій горный округъ.

Однако переселеніе послѣ крестьянской реформы не только не ослабѣло, но напротивъ, продолжало расти, охватывало все большее число губерній и направлялось во все болѣе и болѣе разнообразныя мѣстности. Достойно при этомъ замѣчанія, что Сибирь, въ настоящее время привлекающая громадное большинство переселенцевъ, въ первыя два протекшія послѣ реформы десятилѣтія играла въ переселенческомъ дѣлѣ самую ничтожную роль. По даннымъ покойнаго Ядринцева²⁶⁾, годичное число проходившихъ въ Сибирь переселенцевъ до середины 70-хъ годовъ только четыре раза, въ 1863, 1866, 1870 и 1872 гг., достигло цифры въ 500—700 семей; за цѣлое двѣнадцатилѣтіе съ 1862 по 1873 г. въ Сибирь прошло всего около 2,800 семей, въ пятилѣтіе съ 1874 по 1878 г.—всего 8 семей. Авторы, писавшіе о переселеніяхъ въ началѣ и даже срединѣ 80-хъ годовъ,—Янсонъ, кн. Васильчиковъ, Южаковъ, Серповскій и др.,—говорятъ о сибирскомъ переселеніи только вскользь, главное же вниманіе обращаютъ на переселеніе въ южныя и юго-восточныя степи и на Кавказъ. И это понятно: необъятныя дебри Сибири, этой страны ссылки и каторги, самое названіе которой заключало въ себѣ нѣчто устрашающее, при громадности разстояній и плохомъ состояніи путей сообщенія, при отсутствіи о ней не только у крестьянъ, но и въ образованномъ

²⁶⁾ Ядринцевъ, „Сибирь какъ колонія“, 1 изд., таблицы.

обществѣ сколько-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній, не могли привлекать переселенцевъ, которые предпочитали направляться на гораздо менѣе удаленныя и болѣе извѣстныя южныя и юго-восточныя окраины Европейской Россіи. Переселенія въ Сибирь, при такихъ условіяхъ, могли развиваться лишь искусственно, при помощи правительственныхъ „накликовъ“, пособій и льготъ; лишь только прекратились, поэтому, организованныя гр. Киселевымъ правительственныя переселенія въ Сибирь, движеніе переселенцевъ снова принимаетъ естественное направленіе: переселенцы заполняютъ Предкавказье — въ продолженіе 70-хъ гг. въ одной только Кубанской области водворилось свыше 200 тысячъ душъ, — Уфимско-Оренбургскій край, въ теченіе 70-хъ гг. принявшій до 120 тыс. душъ, и т. д. Только съ самаго конца 70-хъ годовъ, когда южныя и восточныя степи начинаютъ обнаруживать признаки переполненія переселенцами, возобновляется движеніе въ Сибирь, которая съ тѣхъ поръ становится главнымъ пріемникомъ русскаго переселенческаго движенія.

За исключеніемъ относительно незначительнаго въ то время движенія на Амуръ и на Алтай — замѣчу мимоходомъ, что громадное большинство переселенцевъ, получавшихъ разрѣшеніе идти на Амуръ, не достигало цѣли и осѣдало по пути, въ Западной Сибири и въ Оренбургскомъ краѣ, — все переселенческое движеніе 60-хъ и 70-хъ гг. было „самовольнымъ“, нелегальнымъ; переселенцы, годичное число которыхъ къ началу 80-хъ гг. превысило, по несомнѣнно неполнымъ оффиціальнымъ даннымъ, 40 тысячъ, осѣдали въ Новороссіи, въ Оренбургскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири; одни изъ нихъ приписывались къ обществамъ старожиловъ и получали право участія въ ихъ землевладѣніи, другіе селились въ качествѣ арендаторовъ на казачьихъ или башкирскихъ земляхъ, третьи покупали или арендовали землю у частныхъ владѣльцевъ; при этомъ огромное большинство переселенцевъ продолжало числиться по мѣсту приписки и проживало по просроченнымъ паспортамъ или безъ всякихъ документовъ, терпя всякія непріятности „за безписьменность“, за невзносъ текущихъ платежей и недоимокъ по мѣсту приписки и т. п.

Правительство, конечно, не могло остаться безучастнымъ свидѣтелемъ этого движенія и создававшейся имъ неурядицы. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ послѣдовалъ рядъ частныхъ узаконеній и распоряженій, которыя легализировали и упорядочивали положеніе переселенцевъ, самовольно осѣвшихъ въ Уфимско-

Оренбургскомъ краѣ, а въ 1876 году изданъ былъ законъ о перечисленіи по мѣсту проживанія всѣхъ переселенцевъ, самовольно водворившихся въ Tobольской и Томской губерніяхъ. Переселеніе, конечно, продолжалось и послѣ того; кромѣ того, за время съ 1876 по 1881 годъ въ министерство государственныхъ имуществъ поступило до тысячи прошеній объ отводѣ переселенцамъ казенной земли, но прошеній этихъ нельзя было удовлетворить „по отсутствію на то законныхъ основаній“. И вотъ, въ виду этихъ обстоятельствъ, сознавая наличность условий, вызывающихъ необходимость переселенія, сознавая неудобства, связанныя съ беспорядочнымъ самовольнымъ переселеніемъ, правительство рѣшается выйти изъ своей пассивной роли и вновь принять активное участіе въ направленіи переселенческаго дѣла. Съ 1881 г. начинаются подготовительныя работы для составленія общаго переселенческаго закона, а впредь до изданія такого закона принимаются нѣкоторые временныя мѣры: послѣдовавшимъ 10 іюля 1881 года положеніемъ комитета министровъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предоставлено было разрѣшать ходатайства о выселеніи лицъ, „хотя и не имѣющихъ на то права по дѣйствующему закону (т.-е. не подходящихъ подъ упомянутыя выше, перечисленныя въ законѣ категоріи сельскаго населенія), но экономическое положеніе коихъ къ тому вынуждаетъ“, съ переводомъ на нихъ недоимокъ и разсрочкою ихъ, соответствующею платежнымъ силамъ переселенцевъ; въ пользованіе переселенцевъ дозволялось отводить казенную землю на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ, въ размѣрѣ не свыше 8 дес. на душу, съ обложеніемъ сообразно дѣйствительной доходности отведенныхъ земель до водворенія на нихъ переселенцевъ; въ то же время создано было первое специальное мѣстное учрежденіе для помощи переселенцамъ въ пути и для содѣйствія имъ въ присканіи земель,—переселенческая контора въ Батракахъ, просуществовавшая до 1889 г., но вслѣдствіе неудачнаго выбора мѣста принеся дѣлу лишь небольшую пользу.

Однако, въ дѣйствіяхъ правительства, по компетентному свидѣтельству того же г. Тернера²⁷⁾, и въ эту эпоху продолжаетъ сказываться нерѣшительность: „подъ вліяніемъ, съ одной стороны, сознанія, что уже невозможно далѣе предоставлять этотъ вопросъ самому себѣ, правительство рѣшалось на оказаніе нѣкотораго пособія переселяющимся, а съ другой сто-

²⁷⁾ Тамъ же, стр. 114—115.

роны, подъ вліяніемъ опасенія, чтобы подобное содѣйствіе не вызвало нежелательное массовое передвиженіе народа, правительство стремилось ограничить воспособленіе переселенію самыми тѣсными предѣлами“; въ концѣ концовъ направленіе правительственной политики „получало характеръ не столько желанія содѣйствовать развитію и организаціи правильнаго переселенческаго движенія, сколько желанія поставить его въ возможно узкія границы“. О такомъ характерѣ отношеній правительства къ переселенію свидѣтельствуетъ, по удостовѣренію г. Тернера ²⁸⁾, и ничтожный размѣръ отпускаящихся на переселенческое дѣло суммъ (въ 1884 г.—40 тысячъ, затѣмъ по 20 тысячъ рублей въ годъ), и самая медленность разработки общаго переселенческаго закона, изданнаго только 13 іюня 1889 г.—черезъ 8 лѣтъ, считая отъ начала подготовительныхъ работъ. То же отношеніе къ переселенію отразилось и на самомъ содержаніи этого закона. Первоначальный проектъ этого послѣдняго былъ предложенъ правительствомъ на разсмотрѣніе созванныхъ въ началѣ царствованія императора Александра III, въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатъева, „свѣдущихъ людей“. Послѣдніе высказались за возможно широкую и свободную постановку переселеній, основанную на признаніи „права cadaго на переходъ на новыя мѣста“, и за привлеченіе къ завѣдыванію переселенческимъ дѣломъ въ мѣстахъ выхода переселенцевъ земскихъ учреждений; государство — такъ полагали свѣдущіе люди — должно считаться съ фактомъ переселеній, не пытаясь подчинять его какимъ-либо нормамъ и своей опека; право cadaго на переселеніе они находили возможнымъ подвергать лишь такимъ ограниченіямъ, которые не мѣшали бы правильному и свободному теченію жизни. Но замѣнившій графа Игнатъева въ должности министра внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой рѣшительно отвергъ эти принципы, и по его представленію въ 1886 г. были утверждены, какъ основа будущаго переселенческаго закона, діаметрально противоположныя начала: полное подчиненіе переселенія направленію правительства и сосредоточеніе всего руководства переселенческимъ дѣломъ въ рукахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ предоставленіемъ администраціи права останавливать переселеніе, когда оно предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли. Эти начала вылились въ законѣ 13 іюня

²⁸⁾ Тамъ же.

1889 г. въ форму нижеслѣдующихъ главнѣйшихъ постановленій: переселеніе допускается лишь съ предварительнаго разрѣшенія правительства, самовольные же переселенцы подлежатъ возвращенію въ мѣста приписки; разрѣшеніе на переселеніе дается только при наличности заслуживающихъ уваженія причинъ (которыхъ однако законъ ближе не опредѣляетъ, оставляя полный просторъ усмотрѣнію администраціи) и при наличности свободныхъ казенныхъ земель. Эти послѣднія отводятся переселенцамъ въ размѣрѣ, соображенномъ съ естественными и хозяйственными условіями каждой данной мѣстности, — въ Европейской Россіи сначала на арендномъ правѣ, на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ, и лишь послѣ того въ надѣльное пользованіе, въ Азіатской Россіи — прямо въ надѣль, но съ запрещеніемъ отчуждать или обременять долгами отведенную землю. Плата за землю въ Европейской Россіи не можетъ превышать существующаго въ данной мѣстности размѣра выкупныхъ платежей, безъ погасительной части; въ Сибири она исчисляется соотвѣтственно оброчной подати старожиловъ. Не выкупленные окончательно надѣлы переселенцевъ остаются за ихъ коренными обществами, на отвѣтственность которыхъ возлагаются за-то и переселенческія недоимки. На мѣстѣ новаго водворенія переселенцы освобождаются отъ поземельной платы: въ Европейской Россіи на 2 года, въ Азіатской — на 3 года въ полномъ, на 3 — въ половинномъ размѣрѣ, а лицамъ, достигшимъ въ годъ переселенія призывнаго возраста, дается на такой же срокъ отсрочка въ исполненіи воинской повинности.

Таковы были предоставлявшіяся переселенцамъ по закону 13 іюня 1889 г. льготы. Что касается до пособій и ссудъ, то о нихъ говорилось въ особомъ, не опубликованномъ отдѣлѣ закона, содержаніе котораго изложено въ неоднократно уже цитированной статьѣ О. Г. Тернера ²⁹⁾: въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано необходимымъ оказать переселенцамъ особое содѣйствіе, министрамъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ предоставлялось, по взаимному согласенію, разрѣшать выдачу путевыхъ пособій, а по прибытіи переселенцевъ на мѣсто — разрѣшать какъ производство имъ денежныхъ ссудъ на домообзаводство, такъ и отпускъ, безвозмездно или за полцѣны, лѣсного матеріала изъ казенныхъ дачъ, — продовольственными же и сѣменными ссудами переселенцы могли пользоваться, на общихъ со старожилами основаніяхъ;

²⁹⁾ Тамъ же, стр. 117.

изъ продовольственныхъ запасовъ этихъ послѣднихъ, не ожидая причисленія по мѣсту новаго проживанія. Наконецъ, на основаніи особаго III отдѣла закона, всѣ лица, самовольно переселившіяся до времени изданія послѣдняго, подлежали перечисленію по мѣстамъ новаго водворенія, но—въ отличіе отъ легальныхъ переселенцевъ—съ переводомъ на нихъ накопленныхъ на родинѣ недоимокъ и съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой отвѣтственности за эти недоимки.

Законъ 13 іюня 1889 года донинѣ остается основнымъ закономъ, регулирующимъ переселеніе крестьянъ, и только для Сибири въ самое послѣднее время дополненъ и частью измѣненъ рядомъ новыхъ законовъ и распоряженій. Что изданіе этого закона также отнюдь не знаменовало еще измѣненія взглядовъ правительства въ благопріятную для переселеній сторону,—это видно уже изъ того факта, что число выданныхъ разрѣшеній на переселеніе съ изданіемъ закона не только не увеличилось, а напротивъ, сократилось: при дѣйствіи этого закона разрѣшено было переселиться: въ 1889 году—2,000, въ 1890 г.—7,600, въ 1891 г.—столькимъ же семьямъ, тогда какъ до изданія закона переселеніе было разрѣшено: въ 1887 г.—9,000, въ 1888 г.—19,000 семей; главную массу переселенцевъ, попрежнему, составляли самовольные, число которыхъ, по свѣдѣніямъ переселенческихъ пунктовъ, составляло отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ общаго числа переселенцевъ,—лица, либо получившія отказъ въ переселеніи, либо не дождавшіяся результатовъ возбужденной по ихъ ходатайствамъ переписки, либо даже вообще не пробовавшія ходатайствовать о разрѣшеніи. Общее же число переселенцевъ въ Сибирь, въ началѣ и срединѣ 80-хъ годовъ не превышавшее 30—35 тысячъ въ годъ, къ 1890 году доходитъ до 50 тысячъ, а въ 1891 и 1892 годахъ, подъ вліяніемъ неурожая и его послѣдствій,—до 90 тысячъ въ годъ.

Условія, въ которыхъ совершалось самое передвиженіе переселенцевъ, были въ высшей степени неблагопріятны: до самаго начала 90-хъ годовъ въ узловыхъ пунктахъ переселенческихъ трактовъ не было почти никакихъ помѣщеній для переселенцевъ; почти не было ни медицинской помощи, ни приспособленныхъ для передвиженія тысячныхъ массъ переселенцевъ перевозочныхъ средствъ; изъ появлявшихся въ печати показаній очевидцевъ — назову покойнаго Ядринцева, проф. Исаева, Гл. Успенскаго, гг. Медвѣдева, Головачева—мы знаемъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя претерпѣвали переселенцы въ пути и во время стоянокъ въ узловыхъ пунктахъ,

гдѣ имѣ, за недостаткомъ вагоновъ и пароходовъ, приходилось иногда проживать по цѣлымъ мѣсяцамъ. Кульминаціоннаго пункта эти бѣдствія достигли въ 1892-мъ голодномъ году; въ май этого года въ Тюмени одновременно скопилось до 18 тыс. переселенцевъ, а смертность въ этомъ году въ одной только Тюмени достигла цифры 938 человѣкъ; умирали переселенцы и на другихъ стоянкахъ, и на пароходахъ, и въ открытомъ полѣ,—наконецъ, добравшись кое-какъ до мѣста, истощенные продолжительною дорогой переселенцы устраивались „на новосельѣ“ въ шалахахъ или сырыхъ землянкахъ, и здѣсь опять болѣли и умирали. По произведенной мною лично регистраціи переселенцевъ въ поселкахъ Томской губерніи смерть унесла во время пути и въ первый годъ по прибытіи на новоселье 6% общаго состава переселенческихъ семей въ моментъ ихъ выхода съ родины; особенно велика была дѣтская смертность, по даннымъ г. Остафьева достигавшая въ изслѣдованныхъ имъ переселенческихъ партіяхъ въ среднемъ 11%, въ отдѣльныхъ же партіяхъ доходившая до 30%! Переселенческіе чиновники, командированные съ 1886 года въ узловыя пункты переселенческаго движенія, работали съ удивительнымъ самоотверженіемъ — имя Архипова въ то время прославилось на всю Россію, — но вслѣдствіе полнаго недостатка средствъ (достаточно сказать, что томскимъ чиновникомъ за 10-лѣтіе съ 1884 по 1893 годъ роздано было въ ссуды переселенцамъ, при общей численности послѣднихъ свыше 50 тысячъ семей, всего 35,018 рублей, а тюменскій чиновникъ могъ расходовать на ссуды не свыше 5 — 6 тысячъ рублей въ годъ) они не могли оказать переселенцамъ серьезной помощи. Въ нѣкоторыхъ изъ узловыхъ пунктовъ — Перми, Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ — возникли частныя переселенческіе комитеты, въ Петербургѣ образовалось общество вспомошествованія переселенцамъ, — но и на тѣ жалкія тысячи рублей, въ которыхъ выразилось общественное сочувствіе переселенцамъ, нельзя было создать, конечно, ничего заслуживающаго вниманія.

На новосельѣ переселенцы либо водворялись въ старыхъ селеніяхъ, либо образовывали новыя поселки. Пока земельный просторъ далеко превышалъ потребности населенія, старожилы охотно принимали въ свою среду переселенцевъ, безъ всякой платы или съ ничтожною платой за пріемный приговоръ; но съ усиленіемъ наплыва переселенцевъ старожилы стали относиться къ нимъ менѣе гостепріимно и либо вовсе отказывали имъ въ пріемѣ, либо принимали ихъ лишь за высокую плату

и вообще на болѣе или менѣе стѣснительныхъ условіяхъ. Новыя поселки образовывались на особыхъ переселенческихъ участкахъ. Для образованія такихъ участковъ изъ свободныхъ казенныхъ пространствъ или изъ излишнихъ земель, захваченныхъ старожилами, въ 1885 году было сформировано особое учрежденіе — отрядъ изъ агрономовъ и межевыхъ техникумовъ; но при небольшомъ составѣ и незначительныхъ средствахъ (бюджетъ отряда равнялся всего 40 тыс. руб. въ годъ) отрядъ за 9 лѣтъ своего существованія могъ образовать всего 174 участка, площадью въ 720 тысячъ десятинъ, — въ нѣсколько разъ менѣе, нежели требовалось бы для надѣленія землею всѣхъ прошедшихъ въ Сибирь переселенцевъ; наплывъ послѣднихъ на казенныя земли Сибири постоянно опережалъ работы по образованію участковъ, и проистекавшіе отсюда безпорядки и недоразумѣнія къ началу 90-хъ годовъ до такой степени обострились, что правительство нашло нужнымъ особымъ циркуляромъ (6 марта 1892 г.) совершенно пріостановить переселеніе въ Сибирь.

Запрещеніе это номинально дѣйствовало до 1895 года; но въ дѣйствительности оказалось возможнымъ пріостановить только выдачу разрѣшеній на переселеніе; самовольное переселеніе продолжалось почти въ прежнихъ размѣрахъ — слишкомъ по 60 тыс. душъ въ годъ — и только поставлено было въ особенно тяжелыя условія: переселенцы, какъ самовольные, не получали правительственной помощи ни во время пути, ни на мѣстахъ водворенія, не имѣли права на надѣленіе казенною землею и по закону 13 іюня 1889 года подлежали возвращенію на родину. Однако до этой крайней мѣры дѣло не дошло: бѣдствія переселенцевъ обратили на себя вниманіе командированнаго въ 1892 году въ Тобольскую губернію, для борьбы съ послѣдствіями неурожая, сенатора князя Голицына; по его ходатайству для помощи переселенцамъ въ пути впервые отпущена была (изъ средствъ особаго комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая 1891 года) сравнительно значительная сумма — 40,000 рублей, а въ апрѣлѣ 1892 года послѣдовало Высочайше соизволеніе на водвореніе въ Сибири всѣхъ прибывшихъ до тѣхъ поръ самовольныхъ переселенцевъ. Въ подобномъ же порядкѣ разрѣшено было позже водвореніе и надѣленіе землей самовольныхъ переселенцевъ, прибывшихъ въ 1893 и 1894 гг.; на деньги же, отпущенныя изъ суммъ особаго комитета, а также на частныя пожертвованія, приливъ которыхъ усилился главнымъ образомъ благодаря стараніямъ покойнаго Ядринцева, впервые устроена

была на переселенческихъ трактахъ система врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, благодаря чему заболѣваемость переселенцевъ, по официальнымъ свидѣтельствамъ, уже въ 1893 г. понизилась вчетверо, смертность среди заболѣвшихъ—въ 2 раза, сравнительно съ заболѣваемостью и смертностью предшествовавшихъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, силою вещей, правительство было вынуждено нѣсколько измѣнить свое отношеніе къ переселенію. Но рѣшительный поворотъ въ области переселенческой политики былъ вызванъ обстоятельствомъ до извѣстной степени случайнаго характера—обстоятельствомъ, не имѣвшимъ прямой связи ни съ тѣми условіями, которыми вызывалось и вызывается самое переселеніе, ни съ тѣми, которыми опредѣлялась до тѣхъ поръ правительственная политика въ переселенческомъ вопросѣ, — именно начавшеюся въ 1892 году постройкой Сибирской желѣзной дороги. Это огромное предпріятіе, поставленное подъ непосредственное покровительство Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора, и поставленное въ число государственныхъ задачъ первостепеннаго значенія, сразу выдвинуло вопросъ о заселеніи Сибири на первую очередь. „Проложеніе черезъ Сибирь магистральной желѣзнодорожной линіи,—говоритъ тотъ же достовѣрный свидѣтель, на котораго я уже не разъ ссылался, *Θ. Г. Тернеръ* *),—которая въ значительномъ своемъ протяженіи должна была проходить по незаселеннымъ и пустопорожнимъ пространствомъ, естественно вызывало мысль о привлеченіи населенія въ эти мѣстности, чтобы создать такимъ образомъ новые производительные центры, которые, оживляемые желѣзною дорогой, въ свою очередь снабжали бы ее грузами“; колонизація Сибири стала поэтому въ рядъ „вспомогательныхъ предпріятій по сооруженію Сибирской желѣзной дороги“, завѣдываніе переселеніемъ въ Сибирь возложено на состоящій подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора комитетъ Сибирской желѣзной дороги, а расходы по организаціи переселеній отнесены на особый 14-милліонный фондъ „вспомогательныхъ по Сибирской дорогѣ предпріятій“.

Комитетъ сразу поставилъ дѣло на широкую ногу; на первый планъ былъ выдвинутъ, конечно, вопросъ объ изысканіи земель, пригодныхъ для водворенія переселенцевъ, и образо-

*) Продолженіе цитированной уже статьи въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстн. Европы“ за 1897 г., стр. 450.

ваніи изъ нихъ участковъ; для этой цѣли былъ сформированъ многочисленный штатъ спеціальныхъ чиновъ, численность которыхъ къ 1897 году дошла до 160 человекъ, а годовая стоимость содержанія—до 240 тыс. рублей; за четыре года (1893—96) ими заготовлено было подъ водвореніе переселенцевъ свыше 4 миллионъ десятинъ, или около 270 тысячъ душевыхъ долей (припомнимъ, что за девять лѣтъ, съ 1885 по 1893 годъ, было заготовлено всего 700 тысячъ десятинъ!), благодаря чему оказалось возможнымъ не только устроить и надѣлить землю всѣхъ ранѣе прибывшихъ самовольныхъ переселенцевъ, но и возобновить, начиная съ 1895 г., выдачу разрѣшеній на переселеніе. Далѣе, организована сѣть врачебно-продовольственныхъ пунктовъ какъ вдоль линіи Сибирской желѣзной дороги, по которой теперь направилось почти все движеніе переселенцевъ, такъ и по важнѣйшимъ отвѣтствующимся отъ нея грунтовымъ дорогамъ и воднымъ путямъ; содержаніе этихъ пунктовъ въ 1897 году обошлось свыше 200 тысячъ рублей. Окончательно урегулированы условія льготной перевозки переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ—именно, установленъ переселенческій тарифъ въ размѣрѣ 0,3 коп. съ версты, а дѣти до 10 лѣтъ перевозятся бесплатно ³¹⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры къ заготовленію въ достаточномъ числѣ нужнаго для перевозки переселенцевъ подвижнаго состава и вообще къ достиженію возможной быстроты и правильности передвиженія переселенческихъ партій и ихъ багажа по желѣзнымъ дорогамъ, а также организовано снабженіе переселенцевъ лошадьми и повозками для слѣдованія по грунтовымъ путямъ. Ассигнованы крупныя суммы на ссуды переселенцамъ, путевыя и домообзаводственныя,—въ 1895 году около 750 тыс., въ 1896 году около 2 миллионъ, въ 1897 свыше миллиона рублей,—при чемъ нормальный размѣръ домообзаводственныхъ ссудъ, прежде не превышавшій 50 руб., въ 1895 и 1896 годахъ доходилъ, по сообщеніямъ мѣстной печати, до 100 руб. на семью; увеличены размѣры бесплатнаго отпуска лѣса на постройки, а въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ казенныхъ лѣсовъ, устроены лѣсные склады, гдѣ переселенцы получаютъ лѣсъ для построекъ по заготовительной цѣнѣ; устроено также нѣсколько складовъ для снабженія переселенцевъ сѣменами, земледѣльческими орудіями и т. п.; наконецъ, организованъ особый благотворительный

³¹⁾ Въ настоящее время для перевозки переселенцевъ установлены новыя основанія.

сборъ для постройки въ переселенческихъ поселкахъ церквей и школъ, давшій уже очень крупные результаты. Принять въ то же время рядъ мѣръ для упрощенія порядка разрѣшенія ходатайствъ о переселеніи, приписки по мѣсту новаго водворенія, разрѣшенія и выдачи ссудъ, — въ частности, во избѣжаніе проволочекъ, связанныхъ съ представленіемъ ходатайствъ о переселеніи на разрѣшеніе центральныхъ учреждений, а разрѣшеніе этихъ ходатайствъ предоставлено власти губернскихъ присутствій. Наконецъ, признаніе государственной важности переселеній выразилось въ учрежденіи съ января 1897 года особаго центрального учрежденія для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ, — переселенческаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Теперь еще нельзя, за недостаткомъ фактическихъ данныхъ, судить о томъ, какъ осуществлялась и осуществляется эта сложная система мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію сибирскаго переселенія. Въ мѣстной печати появлялось не мало отдѣльныхъ сообщеній, указывающихъ на тѣ или другіе недостатки современной постановки переселенческаго дѣла: отмѣчались случаи водворенія переселенцевъ — особенно въ степяхъ юго-западной Сибири и Степного генералъ-губернаторства — на участкахъ съ недостаточнымъ водоснабженіемъ, безъ сѣнокосовъ или съ плохими почвенными условіями; указывалось на несвоевременную выдачу ссудъ и недостаточно правильное и согласное съ потребностями ихъ распределеніе между переселенцами; на неправильную постановку дѣла снабженія переселенцевъ сельско-хозяйственными орудіями и другими предметами домообзаводства, въ рукахъ не въ мѣру рьяныхъ исполнителей переходившаго иногда въ навязываніе переселенцамъ орудій и т. п. предметовъ; въ 1896 г. сообщалось о большихъ скопленіяхъ переселенцевъ въ узловыхъ пунктахъ Сибирской линіи и о недостаточности организаціи какъ самаго передвиженія переселенцевъ, такъ и оказывавшейся имъ врачебно-продовольственной помощи. Но насколько справедливы всѣ эти частныя указанія и особенно — насколько они могутъ быть обобщаемы, — это вопросъ, на который я въ настоящее время затруднился бы дать опредѣленный отвѣтъ.

Меня, однако, интересуютъ въ настоящее время не тѣ или другія частности, а *общее направленіе* русской переселенческой политики. А въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить, что всѣ мѣропріятія комитета Сибирской желѣзной дороги, въ противоположность переселенческой политикѣ предыдущаго тридцати-

лѣтія, имѣли въ виду развитіе переселеніе въ Сибирь до возможно широкихъ размѣровъ. И дѣйствительно, слухи объ этихъ мѣропріятіяхъ, проникавшіе въ народныя массы, по обыкновенію, въ крайне преувеличенномъ и извращенномъ видѣ, вызвали небывалый и, можетъ-быть, до нѣкоторой степени искусственный ростъ переселеній: вмѣсто прежнихъ 60—90 тысячъ въ годъ число переселенцевъ въ 1895 году дошло до 110, въ 1896—до 200 слишкомъ тысячъ человекъ, и въ будущемъ можно было ожидать и дальнѣйшаго возрастанія переселеній. Между тѣмъ, господствовавшій и въ литературѣ, и въ правительственныхъ сферахъ взглядъ, предполагавшій колонизаціонную емкость Сибири почти безпредѣльною, оказался несостоятельнымъ: введенныя съ полною энергіей на средства комитета четырехлѣтнія работы по изысканію земель для водворенія переселенцевъ показали, что запасъ *непосредственно* пригодныхъ — я подчеркиваю слово „непосредственно“—для этой цѣли земель въ Сибири далеко не можетъ удовлетворить всего того спроса, который возникъ бы при дальнѣйшемъ ростѣ переселенческаго движенія. „Недостатокъ наличнаго залога земель для удовлетворенія въ 1897 и ближайшихъ годахъ всѣхъ желающихъ водвориться на новыхъ мѣстахъ“ былъ впервые официально констатированъ въ 1895 году командированнымъ въ Сибирь директоромъ департамента государственныхъ имуществъ И. И. Тихьевымъ, а затѣмъ, въ слѣдующемъ 1896 году, посѣтившимъ Сибирь для ознакомленія съ положеніемъ переселенческаго дѣла управляющимъ дѣлами комитета Сибирской желѣзной дороги, статсъ-секретаремъ А. Н. Куломзиннымъ, который указалъ, между прочимъ, и на затрудненія, ожидающія будущихъ переселенцевъ вслѣдствіе неблагоприятныхъ естественныхъ и хозяйственныхъ условій остающихся еще незанятыми земель,—условій, которыя „дѣлаютъ занятіе и разработку ихъ дѣломъ не легкимъ, требующимъ не малой затраты труда и капитала и доступнымъ не всякому“ ²²⁾. Близкое истощеніе запасовъ пригодныхъ для колонизаціи земель побудило правительство принять, начиная съ 1895 г., рядъ серьезныхъ мѣръ, направленныхъ къ увеличенію этихъ запасовъ: предпринято обслѣдованіе огромныхъ, дотолѣ, можно сказать, совершенно не изучавшихся пустынныхъ лѣсныхъ, такъ называемыхъ таѣжныхъ и урманыхъ пространствъ Сибири, — среди нихъ образовано уже не мало переселенческихъ участковъ, а миллионы десятинъ, гдѣ удобныя

²²⁾ „Русскія Вѣдомости“ 1897 г., № 76.

для культуры земли разбросаны клочками среди болотъ и лѣсныхъ дебрей, открываются для свободного заселенія; въ западно-сибирскія степи снаряжена министерствомъ земледѣлія большая гидротехническая экспедиція, которая въ маловодныхъ мѣстностяхъ юго-западной Сибири и Акмолинской области разыскиваетъ воду, а въ болотистыхъ районахъ Барабы производить осушительныя работы; ради нѣкотораго увеличенія емкости страны вновь допущено приселеніе переселенцевъ къ обществамъ старожиловъ, съ предоставленіемъ имъ права на льготы и ссуды, ранѣе предоставлявшіяся лишь переселенцамъ новыхъ поселковъ; значительно расширенъ самый районъ работъ по изысканію земель для заселенія, ранѣе ограничивавшійся непосредственно прилегающею къ линіи желѣзной дороги полосой, а нынѣ охватившій всю Сибирь, съ киргизскими степными областями. Но возможные результаты всѣхъ этихъ мѣръ, по крайней мѣрѣ на ближайшіе годы, далеко не соотвѣтствуютъ возможному спросу на землю, и притомъ качество вновь обращаемыхъ подъ заселеніе земель представляется, говоря вообще, мало привлекательнымъ: это—частью такъ называемыя урманныя и подтаёжныя земли, страдающія отъ чрезмѣрной влажности и другихъ неблагоприятныхъ климатическихъ условій, къ тому же представляющія большія трудности въ отношеніи расчистки лѣса и обращенія лѣсныхъ площадей подъ культуру; частью — маловодныя и безлѣсныя степи, гдѣ земледѣліе, наоборотъ, страдаетъ отъ излишней сухости климата, обуславливающей частые неурожаи, и гдѣ самыя почвенныя условія лишь на сравнительно незначительныхъ пространствахъ могутъ быть признаны достаточно благоприятными. И вотъ, новому центральному учрежденію, созданному для завѣдыванія широкопоставленнымъ переселеніемъ, пришлось начать свою дѣятельность извѣстнымъ циркуляромъ отъ 20 февраля 1897 года, № 1, направленнымъ къ возможному его сокращенію; нормальный размѣръ ссудъ на домообзаводство пониженъ до 30 рублей, и лишь дополнительно выдаются вторыя ссуды, въ среднемъ не выше 20 руб. на семью; мѣстнымъ учрежденіямъ предписано направлять всѣ усилія „къ опроверженію заманчивыхъ слуховъ, которые безспорно являются одною изъ главнѣйшихъ причинъ къ оставленію родины многими переселенцами“; для той же цѣли командировются, какъ извѣстно изъ газетныхъ сообщеній, особые чиновники, и издается 1¼-копѣчная книжка—„Сибирское переселеніе“; губернскимъ учрежденіямъ рекомендуется при разсмотрѣніи ходатайствъ о переселеніи руководствоваться

мыслью о нежелательности развитія послѣдняго въ размѣрахъ, не оправдываемыхъ хозяйственнымъ положеніемъ каждаго даннаго общества, и наблюдать, чтобы не выселялись тѣ семьи, кои по малочисленности состава или по бѣдности не могутъ разсчитывать на устройство своего быта въ Сибири; предписывается не разрѣшать переселенія въ Сибирь безъ предварительной посылки ходоковъ, при чемъ особо поощряется такъ называемое „семейное ходачество“—отправка ходоками не довѣренныхъ лицъ отъ болѣе или менѣе значительныхъ группъ крестьянъ, а представителей отдѣльныхъ семействъ; наконецъ, подтверждаются строгія мѣры для предупрежденія самовольныхъ переселеній,—самовольные переселенцы лишаются права на полученіе путевыхъ ссудъ, а также на полученіе земли изъ переселенческихъ участковъ, и допускаются лишь въ открытыя для свободнаго водворенія таѣжныя и урманныя пространства. Какъ примѣнялись всѣ эти мѣры на практикѣ, объ этомъ мы не располагаемъ, если не считать нѣсколькихъ отрывочныхъ газетныхъ сообщеній, никакими свѣдѣніями. Но имѣвшійся въ виду результатъ, несомнѣнно, былъ достигнутъ: число переселенцевъ въ 1897 году упало до 63 тыс., не считая, впрочемъ, 14 тысячъ артельныхъ и семейныхъ ходоковъ. На нынѣшній, 1898 годъ, подъ вліяніемъ прошлагодняго плохого урожая, можно, правда, ожидать новаго значительнаго возрастанія числа переселенцевъ, но все-же число послѣднихъ едва ли достигнетъ или даже приблизится къ цифрѣ 1896 года.

Такимъ образомъ, 1897 годъ ознаменовался новымъ поворотомъ правительственной политики въ области переселенческаго дѣла; правительство вновь вступаетъ на путь сдерживанія переселеній, и ограничительныя мѣры, нынѣ принимаемыя, на первый взглядъ представляютъ не мало сходства съ мѣрами, практиковавшимися до 1893 года. Но *мотивы* этихъ мѣръ и этой политики совершенно иные; до 1893 года правительство признавало широкое развитіе переселеній нежелательнымъ и нѣсколько опаснымъ. Въ настоящее время прежнія опасенія, какъ кажется, совершенно забыты; быстрое заселеніе Сибири и въ частности—района Сибирской желѣзной дороги считается, напротивъ, важною государственною задачей,—но правительство убѣдилось въ невыполнимости этой задачи, убѣдилось въ томъ, что ограниченность земельного фонда Сибири допускаетъ и въ будущемъ лишь такое же, если не еще болѣе медленное, постепенное ея заселеніе, какое происходило естественнымъ путемъ до настоящаго времени.

Ограниченность земельного фонда Сибири!... Это понятіе плохо мирится съ тѣмъ необъятнымъ просторомъ, какой мы привыкли представлять себѣ при словѣ „Сибирь“. „Періодъ нашихъ расселеній и колонизаціи Сибири,—писалъ 15 лѣтъ тому назадъ покойный Ядринцевъ,—какъ и задачи ея, не прекратились, но только начинаются“...; „въ Сибири весьма много свободныхъ земель, представляющихъ всѣ удобства для земледѣлія и скотоводства, слѣдовательно, огромный выборъ этихъ земель для переселенца“ ³³⁾. И этотъ взглядъ, горячо отстаиваемый, напр., профессоромъ Исаевымъ, до настоящаго времени можетъ быть признанъ господствующимъ въ нашей, особенно періодической литературѣ. На чемъ же однако основывается подобный взглядъ? Главною, если не единственною опорою его являются разныя ариметическія выкладки, исходящія изъ огромныхъ цифръ пространства тѣхъ частей Сибири, которыя по условіямъ географической широты могутъ предполагаться годными для культуры. „Если, говоритъ Ядринцевъ ³⁴⁾, мы представимъ себѣ хоть часть пространства, занимаемаго Тобольскою и Томскою губерніями, а именно всю среднюю черноземную полосу, безусловно свободную къ заселенію, населенною такъ же, какъ Европа, то мы получимъ, что край этотъ можетъ пропитать не менѣе 51,360,000 жителей; если же населить ее подобно Франціи и Англіи, то гораздо больше“. Десять лѣтъ спустя проф. Исаевъ исчислялъ ёмкость тѣхъ же двухъ сибирскихъ губерній и лежащихъ южнѣ киргизскихъ степныхъ областей съ гораздо большею осторожностью; исходя изъ предположенія, что три четверти ихъ общей площади абсолютно негодны для осѣдлаго жительства; что изъ остальной четверти лишь половина пригодна для правильной культуры; что изъ этой половины только одна третья часть можетъ служить мѣстомъ для поселенія, и что при экстензивной системѣ хозяйства на семью нужно по 50 десятинъ земли,—г. Исаевъ приходитъ къ заключенію, что въ Тобольской и Томской губерніяхъ можетъ размѣститься до 2,080,000 семей, а слѣдовательно, считая наличное населеніе въ 900,000 семей, вновь можетъ поселиться около 1,200,000 семей, или 6—6½ милліоновъ душъ ³⁵⁾; а внутренній обозрѣватель одного изъ нашихъ толстыхъ журналовъ ³⁶⁾ опредѣлялъ колонизаціонную ёмкость Сибири ни

³³⁾ „Сибирь какъ колонія“, I изд., стр. 161.

³⁴⁾ Тамъ же, стр. 159.

³⁵⁾ Исаевъ, „Переселенія въ русск. народн. хозяйствѣ“, стр. 171.

³⁶⁾ „Русская Мысль“, ноябрь 1893 г.

много-ни мало, какъ въ 100 милліоновъ душъ!... Уже крайняя противорѣчивость выводовъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуесть о шаткости оснований и приѣмовъ, при помощи которыхъ созидались эти выводы; и дѣйствительно, мѣстные изслѣдователи еще съ конца 80-хъ годовъ начали предостерегать противъ подобнаго рода ариѳметическихъ упражненій: не беря па себя смѣлости категорически рѣшать, можетъ ли Сибирь принять милліонъ, десять или сто милліоновъ переселенцевъ, они указывали на то, что громадная часть площади Сибири—даже если имѣть въ виду одну только культурную ея полосу—занята необитаемыми горными странами, огромными болотами, обширными безводными степями или непроходимыми дебрями тайги и урмановъ, — вообще пространствами, пригодность которыхъ для заселенія возбуждаетъ весьма и весьма сильныя сомнѣнія; что разбросанные среди этихъ необитаемыхъ пространствъ населенные районы, по большей части лентами протянувшіеся вдоль рѣкъ и большихъ дорогъ, сравнительно очень обширны и далеко не всегда привлекательны въ смыслѣ удобствъ для земледѣльческаго хозяйства; что во многихъ изъ этихъ районовъ замѣчаются уже признаки перенаселенія, — конечно, перенаселенія относительнаго, при данномъ экстензивномъ хозяйствѣ, — признаки, заставляющіе относиться къ вопросу о дальнѣйшей колонизаціи этихъ районовъ съ крайнею осторожностью. Предостереженія эти не произвели сколько-нибудь замѣтнаго впечатлѣнія: и въ литературѣ и въ правительственныхъ сферахъ продолжали вѣрить въ возможность широкаго развитія сибирской колонизаціи; но первый же опытъ болѣе широкой постановки послѣдней показалъ невозможность продолжать вести дѣло въ томъ же направленіи. Какъ ни дико звучить фраза: „въ Сибири мало земли“, — въ Сибири, съ ея 12 милліонами кв. верстъ, — тѣмъ не менѣе пришлось убѣдиться въ томъ, что въ Сибири земли дѣйствительно мало: тѣ 5, 6, можетъ-быть 7 милліоновъ десятинъ, на заселеніе которыхъ можно, въ лучшемъ случаѣ, рассчитывать въ ближайшемъ будущемъ⁸⁷⁾, — это ничего въ сравненіи съ тѣми надеждами, кото-

⁸⁷⁾ Редакція „Сборника“, не находя возможнымъ въ чемъ-либо измѣнять статью почтеннаго А. А. Кауфмана, обстоятельно выясняющую условія переселенія въ Сибирь и богатую фантическимъ матеріаломъ, не беретъ на себя отвѣтственности за проводимую авторомъ основную мысль о невозможности широкой постановки переселенія въ Сибирь и тѣмъ менѣе можетъ раздѣлять эту точку зрѣнія, что не видать оснований, по которымъ авторъ считаетъ доступными для переселенія въ ближайшемъ будущемъ лишь „5, 6, можетъ-быть 7 милліоновъ десятинъ“. *Прим. Редакціи.*

рыя возлагались на Сибирь, ничего въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ земли, какое было бы необходимо для дѣйствительно широкой постановки переселенческаго дѣла,— для того, чтобы отливъ переселенцевъ могъ серьезно отразиться на хозяйственной жизни сельскаго населенія Европейской Россіи. Конечно, никому не приходило и не приходитъ въ голову утверждать, чтобы осталъная площадь Сибири была *абсолютно и навсегда* негодна для заселенія и культуры; напротивъ, многія изъ нынѣшнихъ болотъ несомнѣнно обсохнутъ либо естественнымъ путемъ, либо подъ вліяніемъ искусственныхъ водоотводныхъ сооружений; обширныя пространства, культурѣ которыхъ препятствуетъ нынѣ чрезмѣрная лѣсность и связанныя съ нею неблагопріятныя условія—излишняя влажность, морозы и т. п., мало-по-малу обезлѣсятся, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнятся въ лучшую сторону и климатическія свойства этихъ пространствъ; мало-по-малу естественнымъ путемъ будетъ происходить выщелачиваніе и созрѣваніе для культуры кислыхъ и солонцеватыхъ почвъ. Но все это процессы, могущіе совершаться лишь медленно и постепенно; медленно же и постепенно будетъ идти расчистка лѣсныхъ дебрей руками старожиловъ Сибири, а частью и переселенцевъ—піонеровъ и обращеніе ихъ подъ культуру. Пригодная для обитанія и культуры площадь будетъ, такимъ образомъ, непрерывно расти, и съ каждымъ годомъ, по всей вѣроятности, можно будетъ намѣчать все новыя и новыя районы, созрѣвшіе для колонизаціи; но эти районы будутъ, сравнительно, очень невелики, ростъ колонизаціонной площади будетъ очень медленнымъ и никоимъ образомъ не дастъ права рассчитывать на возможность „широкой“, т. е. быстрой колонизаціи края.

Независимо отъ приведенныхъ апріористическихъ или, вѣрнѣе, ариметическихъ соображеній, приверженцы оптимистическаго взгляда на будущность сибирскаго переселенія исходили также изъ соображеній, такъ сказать, апостеріорнаго характера: возможность и желательность широкаго развитія переселеній въ будущемъ выводились изъ тѣхъ благопріятныхъ, а нерѣдко, можно сказать, блестящихъ результатовъ, какіе давало переселеніе въ прошедшемъ. И дѣйствительно, переселенцы, водворившіеся въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, такъ называемые „староселы“, почти вездѣ, какъ выяснили мѣстныя изслѣдованія, сравнялись, въ смыслѣ благосостоянія и размѣровъ хозяйства, со старожилами, а отдѣльныя группы ихъ даже превзошли этихъ

последнихъ (что объясняется, главнымъ образомъ, ихъ большею бережливостью и меньшею, нежели у старожиловъ, привычкою къ вышнему комфорту). Относительно болѣе новыхъ поселковъ имѣются, къ сожалѣнію, лишь довольно отрывочныя данныя, и притомъ самыя новѣйшія изъ этихъ данныхъ относятся къ 1893—1894 годамъ; изъ этихъ данныхъ видно, напр., что въ семи основанныхъ въ концѣ 70-хъ годовъ поселкахъ Кокчетавскаго уѣзда, Акмолинской области, въ 1891 году въ среднемъ на дворъ было по 8,4 головы крупнаго скота и по 9 дес. посѣва; въ селеніяхъ Алтайскаго горнаго округа, описанныхъ въ концѣ 80-хъ годовъ г. Чудновскимъ, было въ среднемъ по 4,4 лошади, 4,4 рогатыхъ и 5,4 дес. посѣва; по произведенному мною въ 1894 году сплошному учету переселенцевъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи на дворъ приходилось по 2,5 рабочей лошади, 1,9 дойной коровы и 4,9 дес. посѣва; по сплошному же учету переселенцевъ въ Енисейской губерніи — 4,1 рабочей лошади, 2,2 дойной коровы и 6,9 дес. посѣва. Все это — цифры, не уступающія или лишь немного уступающія соотвѣтственнымъ цифрамъ, характеризующимъ благосостояніе сибирскихъ старожиловъ, и, конечно, далеко превышающія среднія цифры скота и посѣвовъ крестьянъ среднерусскихъ губерній. Если принять въ соображеніе, что значительное большинство переселенцевъ является на новоселье безъ копейки денегъ или съ ничтожными средствами — такъ, по моей регистраціи изъ числа водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи переселенцевъ 44% пришли безъ копейки денегъ, 18% принесли не свыше 25 руб., и только 14% принесли съ собою болѣе 100 рублей на семью, — если принять это въ соображеніе, то результаты переселенія придется признать, въ общемъ, вполне благопріятными; при этомъ анализъ статистическихъ данныхъ о благосостояніи переселенцевъ, сгруппированныхъ по годамъ прибытія, показываетъ, что переселенцы весьма быстро становятся на ноги, и уже на четвертый годъ благосостояніе ихъ является, въ среднемъ выводѣ, достаточно упрочившимся. Нельзя, однако, не обратить вниманія на слѣдующее любопытное и, на мой взглядъ, весьма важное обстоятельство: всѣ наблюдатели и большинство изслѣдователей переселенческаго движенія придаютъ рѣшающее значеніе размѣру средствъ, которыми переселенцы располагаютъ для первоначальнаго обзаведенія на новомъ мѣстѣ; литература заключала отсюда о необходимости возможно широкаго кредита переселенцамъ, правительство же пришло къ заключенію о же-

лательности ограничить переселеніе одними только болѣе состоятельными семьями. И дѣйствительно: точное изслѣдованіе вопроса, произведенное мною при помощи комбинаціоннаго подсчета, по отношенію къ переселенцамъ Томской губерніи показало, что состоятельныя семьи, при прочих равныхъ условіяхъ, устраиваются значительно скорѣе бѣдныхъ и достигаютъ болѣе высокаго благосостоянія, хотя вліяніе размѣра принесенныхъ средствъ въ значительной мѣрѣ уравнивается, а съ теченіемъ времени даже перевѣшивается вліяніемъ другого фактора — рабочей силы домохозяйства. Но выводъ получится совершенно иной, если сравнивать не *абсолютные*, а *относительные* результаты переселенія, — если задаться вопросомъ, *что выигрываютъ* переселенцы различныхъ по размѣрамъ благосостоянія группъ? — Среди переселенцевъ, какъ доказано цифрами, преобладаютъ среднесостоятельныя семьи — болѣе состоятельнымъ, вообще говоря, нѣтъ особаго побужденія переселяться, а круглая бѣдность не располагаетъ нужными для того средствами; но значительный процентъ среди переселенцевъ составляютъ все-же вовсе неимущія семьи, идущія въ расчетъ на „Христово имя“ или на казенныя „способія“, а не мало и состоятельныхъ, даже богатыхъ переселенцевъ. И вотъ, профессоромъ Исаевымъ еще въ 1891 году было замѣчено, что „съ деньгами жизнь можетъ быть обставлена съ болѣшими удобствами въ Россіи, нежели въ Сибири“; „кто имѣетъ,—говорить далѣе г. Исаевъ,—въ Курской, Воронежской, Харьковской губерніяхъ 1 — 2 десятины, тотъ чрезвычайно выиграетъ отъ переселенія, кто же имѣетъ 10 десятинъ, тотъ не выиграетъ или не много выиграетъ отъ переселенія въ Сибирь на 15-десятинный надѣлъ“. Это будетъ становиться тѣмъ болѣе очевиднымъ, чѣмъ больше будутъ развиваться переселенія,—и „гдѣ черезъ десятокъ,—думаетъ г. Исаевъ,—крестьяне значительнаго достатка вовсе не будутъ идти въ Сибирь“ ³⁸⁾. На основаніи цифроваго матеріала, добытаго мною въ поселкахъ Томской губерніи, я, со своей стороны, долженъ всецѣло присоединиться къ этой мысли, пользующейся—замѣчу вскользь—полнымъ правомъ гражданства среди осѣвшихъ уже и обжившихся на новосельѣ переселенцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, группируя томскихъ переселенцевъ по размѣрамъ ихъ посѣва на родинѣ и сравнивая для каждой группы данныя о числѣ скота и размѣрахъ посѣвной площади на родинѣ и на новосельѣ, мы видимъ, напр.,

³⁸⁾ Назв. соч., стр. 117.

что дворы, на родинѣ вовсе не сѣявшіе хлѣба, въ Сибири имѣютъ по 1,7 лошади и 2,8 дес. посѣва; дворы, засѣвавшіе отъ 1 до 3-хъ десятинъ, имѣютъ на новосельѣ, въ среднемъ, почти вдвое болѣе рабочаго скота и посѣвовъ, чѣмъ имѣли на родинѣ; напротивъ, уже дворы, засѣвавшіе на родинѣ отъ 5 до 8 десятинъ, почти не показываютъ въ Сибири никакого прироста благосостоянія, а дворы высшей по благосостоянію на родинѣ группы, засѣвавшіе свыше 8 десятинъ, имѣютъ, въ среднемъ, лишь такое же количество рабочаго скота, посѣвовъ же почти на 3 дес. *меньше*, нежели имѣли на родинѣ. Другими словами, переселенцы, говоря вообще, въ тѣмъ большемъ выигрышѣ отъ переселенія, чѣмъ хуже было ихъ положеніе на родинѣ; для тѣхъ же переселенцевъ, которые на родинѣ имѣли сравнительно большое хозяйство, переселеніе, если даже принимать во вниманіе однѣ лишь абсолютныя цифры, оставляя безъ вниманія различное значеніе десятины посѣва въ навозномъ трехпольѣ и въ сибирскомъ залежномъ хозяйствѣ, различное значеніе лошади при „россійской“ одноконной сохѣ и при сибирскомъ пароконномъ сабанѣ,—приносить чистый убытокъ.

Я долженъ былъ нѣсколько отклониться отъ нити моего изложенія. Возвращаясь теперь къ вопросу объ *общихъ* результатахъ переселенія для уже водворившихся въ Сибири переселенцевъ, нельзя не признать ихъ достаточно благопріятными, хотя болѣе детальный анализъ показалъ бы необходимость внести въ это общее заключеніе нѣкоторыя существенныя поправки. Но тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно придти къ благопріятному заключенію относительно положенія уже живущихъ въ Сибири, слѣдовательно, *прибывшихъ ранѣе* переселенцевъ, не даютъ никакого права на подобное же заключеніе относительно *нынешнихъ*, а тѣмъ болѣе — *будущихъ* переселенцевъ. Переселенцы, прибывшіе ранѣе, водворялись въ старожильскихъ ли селеніяхъ или на особыхъ участкахъ,—но во всякомъ случаѣ въ тѣхъ же самыхъ, сравнительно незначительныхъ по площади районахъ, гдѣ расположилось старожилое населеніе Сибири. Но эти районы, это—*лучшія* по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ части края; поселяясь здѣсь, переселенцы имѣли у старожиловъ хорошіе заработки: за три-четыре недѣли страды можно было обезпечить себя хлѣбомъ на цѣлый годъ; они получали въ пользованіе или въ надѣлъ землю, не требовавшую, для обращенія подъ культуру, предварительной расчистки, а для первыхъ посѣвовъ очень часто могли воспользоваться, даромъ или за ничтожную плату, „мягкими“ землями,

ранѣ бывшими подѣ распахками старожиловъ; въ видѣ общаго правила, они пользовались у послѣднихъ и кредитомъ, на сравнительно льготныхъ условіяхъ, что, конечно, также значительно облегчало ихъ обзаведеніе. Въ настоящее время колонизація *этихъ* районовъ, вообще говоря, закончена; переселенцамъ приходится водворяться въ гораздо худшихъ по почвеннымъ и особенно климатическимъ условіямъ мѣстностяхъ, главнымъ образомъ въ маловодныхъ степяхъ или среди таѣжныхъ и урманыхъ пространствъ; въ послѣднемъ случаѣ каждый клочекъ пашни или покоса достается переселенцу лишь цѣною тяжелаго труда, затраченнаго на рубку и корчеваніе лѣса, да и самый подъемъ цѣлины нерѣдко оказывается непосильнымъ для хозяйственно-слабаго переселенца. Имъ приходится водворяться, притомъ, все дальше и дальше отъ центровъ населенности, а потому имъ становится все труднѣе обезпечить себя необходимыми на первое время, до полученія урожая отъ собственнаго посѣва, заработками, становится все труднѣе приобрѣтать предметы, нужные для обзаведенія хозяйствомъ. Поэтому и конечный результатъ переселенія становится все болѣе и болѣе проблематическимъ, — все труднѣе и труднѣе становится обзавестись хозяйствомъ, и это послѣднее все болѣе и болѣе страдаетъ отъ всякихъ неблагопріятныхъ случайностей.

Возрастающая рискованность переселеній доказывается уже отчасти учащеніемъ вторичныхъ переселеній — переходовъ переселенцевъ съ одного мѣста на другое. Переходы эти бывали всегда и въ значительной мѣрѣ объяснялись: отчасти, — какъ было указано выше, — чрезмѣрною притязательностью самихъ переселенцевъ, отчасти — неорганизованностью переселеній, благодаря которой переселенцы очень часто попадали на участки, не соотвѣтствующіе ихъ потребностямъ и вкусамъ, и лишь впоследствии узнавали о существованіи болѣе для нихъ подходящихъ мѣстъ. Но въ послѣднее время переходы уже слишкомъ учащаются: такъ, среди переселенцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ Томской губерніи съ 1880 по 1889 годъ, переселенцы, успѣвшіе разъ или болѣе перемѣнить мѣсто жительства, составляли всего 9,6%; въ 1890 году они составляли 17,8%; въ 1891 г. — 22,2%; въ 1892 г. — 23,6%; 1893 г. — 27,5%; внутри Алтайскаго горнаго округа, этого переселенческаго Эльдорадо, за 1889—1892 гг. перешло съ мѣста на мѣсто 22½ тысячи человекъ. Въ самые послѣдніе годы переходы, повидимому, еще участились, такъ что понадобилось издать особый законъ, въ силу котораго переселенцы, самовольно оставившіе отведенные имъ

участки, лишаются права на надѣленіе другими казенными землями. И такое учащеніе переходовъ несомнѣнно свидѣтельствуешь о томъ, что всѣ лучшія по естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ мѣста уже заняты, и что переселенцамъ все чаще приходится осѣдать на участкахъ, которые оказываются несоотвѣтствующими ихъ ожиданіямъ. — Но еще болѣе неопровержимымъ доказательствомъ возрастающей рискованности переселеній, какъ результата ухудшающихся условій водворенія, является растущее въ ужасающей прогрессіи обратное переселеніе: съ 1885 по 1893 годъ въ Европейскую Россію вернулось изъ Сибири всего 2,302 семьи, или около 13 тысячъ душъ—3,6%, общаго числа прошедшихъ въ Сибирь за тотъ же періодъ переселенцевъ; между тѣмъ, если взять послѣдніе два года, то окажется, что въ одномъ только 1896 году число обратныхъ опредѣлилось уже въ 26 тысячъ душъ, или около 13%, въ 1897 году — приблизительно въ 23 тыс. душъ, что по отношенію къ ненормально-малому размѣру движенія въ Сибирь за тотъ же годъ составляетъ почти 40%! Въ отдѣльныхъ случаяхъ обратное переселеніе, несомнѣнно, объясняется такими причинами, какъ тоска по родинѣ, неумѣніе сразу приспособиться къ новымъ природнымъ и хозяйственнымъ условіямъ, всякими случайными обстоятельствами; но въ *массѣ* случаевъ обратное переселеніе—несомнѣнный показатель возрастающей трудности отысканія подходящаго мѣста для поселенія и необходимыхъ для прочнаго обзаведенія условій. Не нужно быть пророкомъ, чтобы утверждать, что обратное переселеніе будетъ расти и впредь, до тѣхъ поръ, пока наплывъ въ Сибирь переселенцевъ не сократится до размѣра, соотвѣтствующаго *оы-статительный*, очень незначительной и медленно растущей емкости страны. А такое сокращеніе произойдетъ неизбежно, потому что рассказы и самый внѣшній видъ обратныхъ переселенцевъ, большею частію до-тла разоренныхъ, все потерявшихъ на родинѣ и ничего не нашедшихъ на новосельѣ, лучше, нежели какія-нибудь правительственныя мѣры, лучше, нежели всякія книжки, убѣждаютъ переживающее кризисъ крестьянство, что въ переселеніи для него нѣтъ спасенія. Въ частности, не безъ вліянія будетъ здѣсь слѣдующее обстоятельство: при нынѣшнихъ, охарактеризованныхъ уже выше, условіяхъ переселенія—при трудности обращенія дѣвственной земли подъ культуру и невозможности рассчитывать на достаточные сторонніе заработки—гораздо большее, чѣмъ прежде, значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ о степени обезпеченности переселенцевъ денежными сред-

ствами: *прежде* могъ переселяться и дѣйствительно переселялся и круглый бѣднякъ, которому нечего было терять отъ переселенія, но который все могъ выиграть, при удачѣ; *теперь*—и крестьянство скоро это сознаетъ—для круглаго бѣдняка нѣтъ или скоро не будетъ мѣста среди переселенцевъ, — онъ и въ Сибири останется тѣмъ же пролетаріемъ, какимъ былъ на родинѣ; нельзя будетъ переселяться и той средне-состоятельной массѣ, у которой хватало денегъ только на дорогу и которая приходила на новоселье безъ гроша или съ нѣсколькими рублями. Разсчитывать устроиться при *нынешнихъ* условіяхъ можетъ только семья болѣе или менѣе состоятельная; но для такой семьи—повторяю слова проф. Исаева—жизнь можетъ быть обставлена большими удобствами въ Россіи, нежели въ Сибири,—такія семьи поэтому никогда не дадутъ значительнаго контингента переселяющихся.

Конечный выводъ изъ всего изложеннаго таковъ, что думать о широкомъ развитіи переселенія въ Сибирь безусловно нельзя; что переселеніе, силою вещей, осуждено возвратиться къ прежнимъ ничтожнымъ размѣрамъ, а можетъ — быть временно и вовсе прекратиться; и что всякія дальнѣйшія мѣры, направленные къ широкому развитію переселенія, другими словами—къ увеличенію числа переселяющихся, повели бы только къ увеличенію той массы горя и разоренія, которая находитъ себѣ рельефное выраженіе въ обратномъ переселеніи. Но Сибирь въ настоящее время представляется важнѣйшимъ и крупнѣйшимъ изъ доступныхъ еще для переселенческаго движенія районовъ. Колонизація юго-восточныхъ степей, Предкавказья болѣе или менѣе закончена, средне-азиатскія же области, повидимому, лишь на ничтожныхъ протяженіяхъ представляютъ условія, благоприятныя для развитія колонизаціи; притомъ заселеніе ихъ русскими переселенцами въ значительной мѣрѣ затрудняется неумѣніемъ послѣднихъ примѣняться къ своеобразнымъ приемамъ мѣстной земледѣльческой техники. Сказать, что переселеніе *въ Сибирь* не можетъ расчитывать на широкое развитіе, значить, поэтому, сказать то же самое о *всемъ вообще* русскомъ переселенческомъ движеніи.

Возможную роль въ народномъ хозяйствѣ, подобномъ русскому, широко поставленнаго переселенческаго движенія можно представлять себѣ весьма различно: я лично склоненъ думать, что даже въ этомъ случаѣ переселеніе было бы не болѣе, нежели жалкимъ палліативомъ, отвлекающимъ средствомъ, способнымъ только задержать нормальный и неизбѣжный ходъ хо-

зяйственного и культурнаго развитія страны и растянуть на болѣе продолжительное время совершающійся здѣсь кризисъ,— средствомъ, до нѣкоторой степени полезнымъ лишь при одновременномъ примѣненіи къ уврачеванію страданій народнаго хозяйственнаго организма, въ широкомъ масштабѣ, другихъ, болѣе радикальныхъ средствъ; въ литературѣ несомнѣнно господствуетъ иной, болѣе оптимистическій взглядъ. Но при выясненномъ на предыдущихъ страницахъ положеніи дѣлъ, когда размѣры переселенія не могутъ выйти изъ такихъ ничтожныхъ цифръ, какъ 100 или хотя бы 200 тысячъ въ годъ, когда, слѣдовательно, ежегодное выселеніе изъ Европейской Россіи можетъ поглотить лишь небольшую дробь годичнаго прироста ея стомилліоннаго населенія, при *такомъ* положеніи дѣлъ переселеніе, оказывая иногда ощутительное вліяніе на ту или другую общину, волость, изрѣдка, можетъ-быть, на уѣздъ, откуда уходитъ на новыя мѣста замѣтная часть населенія, представляетъ собою *нуль*, *quantité négligeable* съ точки зрѣнія возможнаго вліянія на общій ходъ русскаго народнаго хозяйства. Оно безсильно стать *факторомъ* развитія русскаго народнаго хозяйства, а остается лишь болѣзненнымъ *симптомомъ* его ненормальнаго положенія,—наружнымъ страданіемъ, происходящимъ отъ глубокихъ внутреннихъ причинъ.

А. А. Науфманъ,

дѣйствительный членъ

Московск. Юридическаго Общества.

МОСКОВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

въ 1896—97 году

(ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Засѣданіе 4 марта 1896 г. (годовичное).

Открыто въ 8½ час. веч. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя, почетнаго члена С. А. Муромцева, при секретарѣ М. Н. Соболевѣ, въ присутствіи почетнаго члена А. И. Чупрова и дѣйствительныхъ членовъ: С. Г. Зимарева, Н. В. Троицкаго, В. О. Ильина, И. И. Флоринскаго, В. А. Долячко, Д. Н. Загоскина, В. П. Юргенсонъ, А. К. фонъ-Меккѣ, В. В. Сиротинина, В. В. Пржевальскаго, А. М. Краевскаго, Н. Я. Фрейндъ, Ө. Ө. Кокошкина, В. Н. Вольтманъ, Г. С. Фельдштейнъ, И. Д. Новикъ, Н. А. Зачинскаго, А. В. Горбунова, А. А. Раевскаго, Л. Н. Раевскаго, А. Э. Ворисъ, В. В. Выховскаго, П. М. Вогаевскаго, С. А. Лилина, А. В. Розенблюмъ, Г. Л. Вербловскаго, И. Д. Борженевскаго, Н. А. Карышева, Н. А. Каблукова, С. Е. Сабинина, Л. Е. Мандельштамъ, И. М. Терианъ, С. Ф. Руднева, Л. Д. Синицкаго, Е. Д. Синицкаго, С. Н. Вулгакова, М. И. Врунъ, Т. А. Ясакова, А. Г. Гусакова, П. И. Вѣльева, В. Н. Григорьева, И. П. Боголѣнова, М. С. Гольденвейзеръ, М. Я. Герценштейнъ, Н. А. Вокачъ и В. Н. Сторожева.

I.

Засѣданіе было открыто слѣдующей рѣчью Предсѣдателя:

Мм. Гг.! Мы провожаемъ сегодня 33-й годъ существованія нашего Общества. Въ исторіи его годъ этотъ долженъ быть отмѣченъ во многихъ отношеніяхъ. Это былъ годъ тяжелыхъ потерь; но также это было время оживленной дѣятельности. При самомъ открытіи нашихъ занятій мы внесли въ свои протоколы извѣстіе о кончинѣ почетнаго члена Общества *Дм. Ал. Ровинскаго*, труды и личность котораго

дороги намъ по своему близкому и плодотворному соприкосновенію съ дѣломъ судебной реформы, а научныя заслуги въ области исторіи искусства не могли не вызывать высокаго уваженія къ таланту, столь разностороннему. Въ половинѣ года мы похоронили *А. М. Фальковскаго*, живого носителя старѣйшихъ преданій нашего Общества, личное общеніе котораго съ Обществомъ было прервано лишь его предсмертною болѣзнью. Послѣ Вас. Ник. Лешкова, который всю душу свою положилъ на дѣло Общества, не было среди насъ человѣка, жизнь котораго связывалась бы такъ тѣсно съ жизнью Общества, какъ жизнь Адама Михайловича. Постоянный посѣтитель нашихъ собраний, неизмѣнный участникъ преній, когда-то усердный редакторъ Юридическаго Вѣстника, предоставившій на его изданіе немалыя матеріальныя средства, А. М. являлъ собою почтенный примѣръ человѣка, который до преклонныхъ лѣтъ своей жизни сумѣлъ вносить черты идеализма въ наиболѣе сухія проявленія практической дѣятельности. Со смертью А. М. мы, Мм. Гг., какъ бы порвали послѣднюю личную связь съ древнѣйшимъ періодомъ нашего Общества, который отошелъ всецѣло въ область преданій. На тѣ же мысли невольно навела насъ кончина *А. Ф. Марконета*, когда-то также дѣятельнаго работника въ Обществѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ бывшаго библіотекаремъ Общества. Наконецъ, въ послѣдніе дни, Мм. Гг., мы находимся подъ впечатлѣніемъ той незамѣнимой потери, которую Москва понесла въ лицѣ *Эспера Николаевича Сумбула*. Непосредственныя отношенія покойнаго къ нашему Обществу принадлежать первымъ годамъ его существованія. Э. Н. былъ первымъ секретаремъ и однимъ изъ первыхъ товарищей предсѣдателя Общества. Но независимо отъ этихъ отношеній, Общество не можетъ остаться чуждымъ къ той глубокой скорби, которую при извѣстіи о кончинѣ Э. Н. испытали всѣ, кому дороги интересы русскаго правосудія. Покойный принадлежалъ къ числу рѣдкихъ людей, способныхъ безкорыстно и сердечно отдавать всего себя общественному служенію. Историческая жизнь учрежденій есть не что иное, какъ постоянная смѣна лицъ, которыя приходятъ и уходятъ, не всегда оставляя послѣ себя замѣтный индивидуальный слѣдъ. Но бываютъ въ исторіи учрежденій времена, когда представленіе объ учрежденіи какъ бы сливается съ представленіемъ объ извѣстной личности и въ этой личности какъ бы воплощается въ лучшихъ своихъ чертахъ самая идея учрежденія. Такою благородною личностью въ исторіи Московскаго суда былъ Сумбулъ. Его имя само собою сдѣлалось какъ бы синонимомъ законности, справедливости и безпристрастія и той высшей неподкупности, которая не поддается вліянію постороннихъ соображеній, хотя бы самаго отвлеченнаго свойства. Владѣя

въ высокой степени даромъ юридическаго анализа, Сумбулъ сумѣлъ нестройную массу дѣйствующихъ узаконеній самостоятельно переработать въ своемъ умѣ въ стройную правовую систему, съ высоты судейскаго кресла водворяя такимъ образомъ уваженіе не къ буквѣ, но къ разуму закона. Немало рѣшеній принципиальнаго характера было провозглашено предсѣдателемъ VI отдѣленія Московскаго окружнаго суда и стало потомъ руководящими рѣшеніями всей русской судебной практики. Не сухое юридическое изслѣдованіе, не упражненіе въ юридической логикѣ представляла собою судейская дѣятельность Сумбула. Сердце судьи, чуткое къ нуждамъ гражданской жизни и умѣвшее болѣть при видѣ людской несправедливости, направило и умъ его на соотвѣтствующій путь, на которомъ законъ служилъ живымъ элементомъ правового порядка, источникомъ защиты праваго противъ виноватаго. Въ судейской совѣсти Сумбула законъ не приносился въ жертву свободному пониманію справедливости, но въ то же время съ необыкновеннымъ тактомъ логическая формула закона одухотворялась житейскою правдою, и законъ, не измѣняя самому себѣ, служилъ справедливости; только предъ категорически-формальнымъ требованіемъ законодателя отступала у Сумбула свобода судейскаго убѣжденія. Это былъ формализмъ, но тотъ высшій формализмъ, который, не оскорбляя принципа суда милостиваго, на почвѣ сознательно-продуманнаго и неукоснительнаго подчиненія закону, способствуетъ созданію ореола законности. Съ сказаннымъ вполне согласовалось, что ни законъ, ни справедливость не приносились никогда въ жертву авторитету, какъ бы внушительнѣе этотъ авторитетъ ни казался,—только потому, что это авторитетъ. Для судейскаго мышленія Сумбула и для его судейской совѣсти никакихъ авторитетовъ, способныхъ стѣснить его самостоятельность, не существовало, и вотъ почему онъ самъ сталъ авторитетомъ для другихъ. Каждый чувствовалъ и зналъ, что въ лицѣ Сумбула московскій судебный міръ владѣетъ однимъ изъ благороднѣйшихъ представителей того времени, когда только-что раздался призывъ суда праваго и милостиваго, когда водвореніе правосудія для судьи было не только выполненіемъ гражданского долга, но и требованіемъ его личнаго, идеалистическаго отношенія къ окружающему. Судья-законникъ и въ то же время судья-защитникъ, судья нелицемѣрный, сдержанно-ровный въ обхожденіи съ богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и незнатнымъ, въ высшей степени внимательный и неутомимый, никогда не щадившій себя, всегда спокойный, безпристрастный, самостоятельный и независимый — таковъ былъ *Эсперъ Николаевичъ Сумбулъ* и такимъ останется онъ навсегда въ нашей памяти....

Жизнь беретъ верхъ надъ смертью и печальныя воспоминанія чередуются съ воспоминаніями радостными. Заклячая истекшій годъ, мы имѣемъ основаніе съ удовольствіемъ припомнить, что въ этомъ году дѣятельность Общества получила новый толчекъ и отличалась оживленіемъ, отъ котораго въ послѣднее время мы, можетъ быть, нѣсколько отвыкли. Сказался приливъ новыхъ силъ, отразившихъ въ своихъ работахъ современное состояніе общественныхъ и юридическихъ наукъ, и вновь наше Общество сослужило свою коренную службу, способствуя сближенію начинающихъ работниковъ, съ разныхъ сторонъ сходящихся здѣсь и со всѣмъ одушевленіемъ неопита отдающихъ себя научной дѣятельности. Наблюдается наступленіе третьяго періода въ исторіи нашего Общества: третье по счету поколѣніе заявляетъ о своихъ правахъ и уже призывается къ отвѣтственности за сохраненіе добраго имени Общества, за будущее его успѣхи, за удержаніе въ немъ благородныхъ традицій, основаніе которыхъ заложено въ Обществѣ съ самой эпохи его возникновенія. Примите же, Мм. Гг., поздравленіе съ окончаніемъ года, который былъ проведенъ въ дружной и оживленной работѣ и достаточно засвидѣтельствовалъ о готовности Вашей серьезно послужить нашему общему дѣлу. Особое спасибо скажемъ тѣмъ изъ своей среды, служеніе которыхъ Обществу считается уже многими годами.... Но и тамъ, гдѣ характеръ связи, соединяющей нашихъ сочленовъ съ Обществомъ, не открывалъ возможности для фактической службы ихъ, не безъ основанія дорожили мы идеальной связью, которая, не выражаясь ярко во внѣ, тѣмъ не менѣе расширяетъ кругъ вліянія Общества. Новые приходятъ, а пришедшимъ ранѣе доводится уже время отъ времени оглядываться на пройденный путь и подсчитывать результаты своей прошлой дѣятельности. Въ истекшемъ году мы начали свои занятія привѣтствіемъ, посланнымъ по адресу нашего почетнаго члена *А. Ф. Кони* по случаю исполнившагося 30-тилѣтія его высокоталантливой ученой и судебной дѣятельности, съ пожеланіемъ многіе годы видѣть его среди работниковъ научной мысли и русскаго правосудія. Юбиларъ, который отсутствовалъ въ это время изъ С.-Петербурга, отозвался на привѣтствіе, по своему возвращенію, письмомъ. „Хотя я и не праздновалъ своего юбилея“, писалъ онъ, „тѣмъ не менѣе изъ разныхъ уголковъ Россіи я получалъ привѣтствія и пожеланія, указывающія на то, что между общественною потребностью въ элементарномъ правосудіи и моею слабою дѣятельностью есть маленькая связь. „Излишне говорить“, продолжаетъ онъ, „какъ ободряетъ это сознаніе, какъ награждаетъ оно за пережитыя минуты труда и тревоги. Излишне говорить и о томъ, что откликъ Юридическаго Общества

стоитъ въ ряду этихъ пожеланій на первомъ мѣстѣ. Отъ имени Московскаго Юридическаго Общества въ январѣ текущаго года было принесено поздравленіе почетному члену Общества *Н. И. Стояновскому* съ исполнившимся 75-лѣтіемъ его жизни, протекшей столь плодотворно для родины и ознаменованной постояннымъ и неуклоннымъ служеніемъ началамъ гуманности и законности. Имя *Ник. Ив. Стояновскаго* одинаково связано и съ воспоминаніями о великой судебной реформѣ, и съ надеждой на преуспѣяніе отечественнаго законодательства въ будущемъ.—Въ истекшемъ 1895 году исполнилось 25 лѣтъ общественной службы *В. М. Пржевальскаго*, бывшаго много лѣтъ товарищемъ предсѣдателя Общества и еще болѣе—редакторомъ „Юридическаго Вѣстника“. Дѣятельность *В. М.* въ качествѣ товарища предсѣдателя и участника комиссій оставила по себѣ видимый слѣдъ въ протоколахъ Общества, изъ чтенія которыхъ легко убѣдиться, что *В. М.* въ обсужденіе интересовавшихъ его вопросовъ всегда вносилъ ту живость мысли, которая такъ характеризуетъ его въ его разносторонней общественной дѣятельности. Искусное сочетаніе теоретическихъ свѣдѣній съ опытностью практическаго юриста дѣлало изъ *В. М.*, для редакціи „Юридическаго Вѣстника“, неоцѣннаго сотрудника, въ особенности по тѣмъ отдѣламъ журнала, которые были посвящены практическимъ интересамъ жизни.—Юбилей *А. И. Чупрова*, отпразднованный 5 декабря, былъ настоящимъ праздникомъ Московскаго образованнаго общества. Въ хорѣ привѣтствій, которыя въ этотъ день были высказаны юбиляру отъ имени науки, отъ лица профессоровъ-товарищей и студентовъ-учениковъ, отъ города и земства, мы, отъ имени Московскаго Юридическаго Общества, привѣтствовали *А. И.* какъ ученаго, постоянно вносившаго философскій элементъ въ разработку избранной имъ отрасли общественныхъ знаній, какъ одного изъ учредителей нашего Статистическаго Отдѣленія, подъ руководствомъ котораго это Отдѣленіе сдѣлалось живымъ центромъ русской земской статистики и своею широкою и плодотворною дѣятельностью способствовало возвышенію авторитета и значенія Юридическаго Общества. Мы привѣтствовали, наконецъ, широкую общественную дѣятельность *А. И.*, которая снискала ему въ сердцахъ москвичей рѣдкую любовь и уваженіе и создала популярность, восторженные проявленія которой наблюдали всѣ тѣ, кто присутствовалъ на праздникѣ 5 декабря.

Поздравляя Васъ, *Мм. Гг.*, съ наступленіемъ новаго, 34-го года жизни Общества, имѣю честь просить Васъ перейти къ обсужденію очередныхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ годичномъ засѣданіи.

II.

Секретарь прочелъ нижеслѣдующій отчетъ за 1895—96 годъ.

Милостивые Государи!

Истекшій годъ является 33-мъ годомъ существованія Московскаго Юридическаго Общества. Въ теченіе года было избрано 30 дѣйствительныхъ членовъ и 3 члена-корреспондента. Въ годичномъ засѣданіи 20 февраля 1895 года былъ избранъ въ почетные члены Общества профессоръ университета въ Галле *Іоаннъ Конрадъ*. Въ 1895—96 году Общество понесло потери въ лицѣ скончавшихся почетныхъ членовъ: *Дмитрія Александровича Ровинскаго*, сенатора, *Эспера Николаевича Сумбула*, товарища предсѣдателя Московскаго окружнаго суда, бывшаго секретаремъ и товарищемъ предсѣдателя Юридическаго Общества, и *Адама Михайловича Фальковскаго*, присяжнаго повѣреннаго, бывшаго нѣсколько лѣтъ редакторомъ „Юридическаго Вѣстника“, и дѣйствительныхъ членовъ: *Альберта Любимовича Беренштамъ*, бывшаго члена Московскаго коммерческаго суда, *Александра Ѳеодоровича Марконетъ*, присяжнаго повѣреннаго, который выполнялъ втеченіе 1872—79 гг. обязанности библіотекаря Юридическаго Общества. Къ настоящему дню Общество состоитъ изъ 26 почетныхъ членовъ, изъ 287 дѣйствительныхъ членовъ и 7 членовъ-корреспондентовъ; кромѣ того, членскій списокъ Общества украшенъ именами 22 покойныхъ почетныхъ его членовъ.

Втеченіе отчетнаго года имѣли мѣсто 20 засѣданій, на которыхъ были доложены слѣдующія работы гг. членовъ Общества:

1) *В. В. Пржевальскаго*: «Профессоръ Францъ Листъ и его основныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе».

2) *графа Л. А. Камаровскаго*: «О книгѣ Чичерина: Курсъ государственной науки».

3) *Г. Я. Лопатина*: «О недостаткахъ предварительнаго слѣдствія съ практической точки зрѣнія».

4) *И. Н. Миклашевскаго*: «Водное право и водное законодательство въ Россіи».

5) *В. Н. Сторожева*: «Къ вопросу о гарантіяхъ личной свободы въ Англіи» (по поводу изслѣдованія профессора В. Ф. Дерюжинскаго о Habeas Corpus Act).

6) *графа Л. А. Камаровскаго*: «Вторая конференція по частному международному праву въ Гагѣ 1894 г.».

7) *Г. Л. Вербловскаго*: «Къ пересмотру Судебныхъ уставовъ (уставъ гражданскаго судопроизводства)».

8) *И. Х. Озерова*: «Кустарно-промышленный банкъ Пермскаго губернскаго земства».

9) *С. Н. Бумакова*: «Что такое трудовая цѣнность? (по поводу статьи проф. Зомбарта въ Archiv für Sociale Gesetzgebung)».

10) *П. М. Богоевскаго*: «Памяти Фильда».

11) *графа Л. А. Камаровскаго*: «Международное право, какъ предметъ самообразования».

12) *С. В. Сперанскаго*: «Труды правительственной коммисіи по реформѣ дѣйствующаго законодательства о призрѣніи бѣдныхъ».

13) *А. С. Алексѣева*: «Возникновеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта и его политическая роль въ царствованіе Екатерины».

14) *Н. В. Водовозова*: «Ученіе Мальтуса о народонаселеніи».

15) *И. Н. Миклашевскаго*: «Новый проектъ закона о пользованіи оросительными водами въ Крыму».

16) *Г. С. Фельдштейна*: «Первый выпускъ трудовъ Международнаго Общества сравнительнаго правовѣдѣнія и политической экономіи въ Берлинѣ».

17) *графа Л. А. Камаровскаго*: «Сѣздъ института международного права въ 1895 г.».

18) *В. Э. Дена*: «Прямые налоги въ Пруссіи и Австріи, ихъ взиманіе и взысканіе».

19) *С. А. Муромцева*: «Къ вопросу о возникновеніи юридическаго лица въ примѣненіи къ поземельной общинѣ».

20) *П. Е. Казанскаго*: «Всемирный каталогъ и международный библиографическій союзъ».

Согласно постановленію годичнаго засѣданія 18 февраля 1893 г., Московское Юридическое Общество продолжало издавать «Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній», котораго вышли V-ый и VI-й томы.

Московское Архитектурное Общество обратилось къ Юридическому Обществу съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ разработкѣ вопроса объ авторскомъ правѣ зодчаго на его произведенія. Присяжные засѣдатели октябрьской сессіи 1895 г. Московскаго Окружнаго суда обратились къ Обществу съ просьбой поставить на обсужденіе и, если возможно, возбудить ходатайство о скорѣйшемъ измѣненіи порядка предварительнаго заключенія.

Бюро Московскаго Юридическаго Общества состояло въ истекшемъ году изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя *С. А. Муромцева*, товарищей предсѣдателя *графа Л. А. Камаровскаго* и *Г. Л. Вербловскаго*, секретаря *М. И. Соболева*, товарищей секретаря *В. В. Пржевальскаго* и *Θ. Θ. Кокошкина*, бібліотекаря *А. Э. Вормса* и казначея *В. В. Сиротинина*.

III.

Секретарь Статистическаго Отдѣленія прочелъ нижеслѣдующій отчетъ Статистическаго отдѣленія за 1895 г.

Въ отчетномъ году Статистическое Отдѣленіе имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія:

1) *М. Н. Соболева*: «Къ вопросу объ организаціи статистики отхожихъ земледѣльческихъ промысловъ».

2) *Л. Д. Синицаго* и *Л. Н. Раевскаго*: «Къ вопросу о нищенствѣ въ Москвѣ».

3) *М. Е. Земцова*: «Къ вопросу о передвиженіи переселенцевъ въ Сибирь».

4) *С. Ф. Руднева*: «Переселеніе крестьянъ изъ Остзейскаго края во внутреннія губерніи Россіи».

5) *Н. К. Куша*: «Неурожай 1891 года и его послѣдствія въ южной части Тобольской губерніи».

6) *Л. Л. Гавришева*: «Статистическія данныя по вопросу о вліяніи общаго образованія рабочихъ на продуктивность ихъ труда».

7) *г. Новикова*: «Экономическія условія Вятскаго края».

8) *Н. А. Карышева*: «Расходы губернскихъ земствъ на экономическія мѣропріятія».

9) *А. И. Чупрова*: «О трудахъ и дѣятельности Н. Х. Бунге».

Бюро отдѣленія составляли: предсѣдатель *А. И. Чупровъ*, Тов. Предсѣдателя *Н. А. Каблуковъ*, секретарь *В. А. Косинскій* и тов. секретаря *Л. Н. Марессъ*. Но такъ какъ товарищъ секретаря отсутствовалъ по болѣзни въ теченіе почти всего года, а секретарь со второй половины года выбылъ съ научной цѣлью за границу, то исполненіе обязанностей секретаря любезно принялъ на себя во вторую половину года членъ отдѣленія *С. Ф. Рудневъ*.

Въ годичномъ засѣданіи 4 марта 1896 года избраны: Предсѣдателемъ Отдѣленія *А. И. Чупровъ*, Товарищемъ Предсѣдателя *Н. А. Каблуковъ*, Секретаремъ *С. Н. Булаковъ*, Товарищемъ Секретаря *С. Ф. Рудневъ* и кандидатомъ въ товарищи секретаря *Л. Д. Синицкій*.

IV.

Казначей Общества доложилъ отчетъ о приходѣ и расходѣ денегъ за 1895 г.

П Р И Х О Д Ъ.

	Предполага- лось по бюд- жету.		Въ дѣйстви- тельности.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Остается отъ прошлаго года	19	32	19	32
2. Членскіе взносы	1,500	—	1,610	—
3. % по купонамъ	52	25	52	25
4. За выданные дипломы	—	—	3	—
Итого . . .	1,571	57	1,684	57
За вычетомъ расхода			1,674	40
Имѣется въ остаткѣ къ 1 Января 1896 г. . . .			10	17

Въ кассѣ Общества.

Билетами 5% внутреннего второго съ выигр. займа числомъ одиннадцать, серий съ 19816 по 19823, № 08153. 19814 и № 01799.
 №№ билета 37 42 37 и 11
 на сумму по номинальной цѣнѣ 1100 р.
 (на храненіи въ Моск. Купеч. Банкѣ, квитанція 19 Апрѣля 1888 г., № 36625)

Р А С Х О Д Ъ.

Первая категорія.

	Предполага- лось по бюд- жету.		Въ дѣйстви- тельности.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Жалованье дѣлопроизводителю . .	120	—	120	—
2. " старшему служителю .	108	—	108	—
3. Плата врем. наемн. служителямъ .	20	—	13	50
4. Праздничныя	37	—	38	—
5. Страхование билетовъ	18	—	20	75
6. Храненіе билетовъ	3	—	2	—
7. Хозяйст. расх. Общ., отд. и комисс.	20	—	6	—
8. Почтовые и канцелярскіе	20	—	20	—
9. Объявленія въ газетахъ	120	—	55	—
10. Взносы А. М. Фальковскому . . .	—	—	35	—
11. Перевозка библіотеки	—	—	24	15

Вторая категорія.

1. Библіотека Общества	200	—	25	—
2. Пособіе на изданіе Трудовъ Обще- ства остальное за 1893 г.	637	—	637	—
3. Тоже за 1894 г.	570	—	570	—
Итого . . .	1873	—	1674	40

Капиталъ сѣзда юристовъ составлялъ пятьсотъ рублей съ процентами 1 марта 1892 г. Послѣ конверсіи и причисленія наросшихъ процентовъ къ капиталу, онъ составляетъ шестьсотъ рублей съ процентами съ 1-го марта 1896 г. и остатокъ процентовъ 36 руб. 30 коп.

Отчетъ былъ утвержденъ Обществомъ и отъ имени Общества Г. Предсѣдателемъ была выражена благодарность В. В. Сиротинину за прекрасное веденіе дѣла.

V.

Предсѣдатель Общества доложилъ отчетъ по изданію первыхъ шести томовъ „Сборника Правовѣднія“.

О Т Ч Е Т Ъ

по изданію I, II, III, IV, V и VI томовъ „Сборника Правовѣднія“

	Общая сумма.		Поступило въ 1893 г.		Поступило въ 1894 г.		Поступило въ 1895 г.		Онидается въ 1896 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
А К Т И В Ъ.										
1. Пособіе Общества за 1893 г. (по бюджету 1894 г.)	825	—	—	—	188	—	637	—	—	—
2. Пособіе Общества за 1894 г. (по бюджету 1895 г.)	570	—	—	—	—	—	570	—	—	—
3. Пособіе Общества за 1895 г. (по бюджету 1896 г.)	805	—	—	—	—	—	—	—	805	—
4. Пособіе Общества за 1896 г. (предполагаемое)	(800?)	—	—	—	—	—	—	—	(800?)	—
5. Пособіе одного изъ членовъ Общества	2400	—	600	—	600	—	600	—	600	—
6. Тоже	800	—	200	—	200	—	200	—	200	—
7. Тоже	1200	—	300	—	300	—	300	—	300	—
8. Отъ продажи изданія чрезъ канцелярію Общества	122	25	35	50	23	—	33	75	(30?)	—
9. Отъ продажи изданія чрезъ складъ тип. М. Стасюлевича .	1610	—	402	50	367	50	420	—	(420?)	—
	9132	25	1538	—	1678	50	2760	75	3155	—

	Общая сумма.	Уплачено въ 1893 г.		Уплачено въ 1894 г.		Уплачено въ 1895 г.		Остается къ уплатѣ.	
	Руб. К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
П А С С И В Ъ.									
1. Типографія Стасюлевича за I томъ (24 ³ / ₄ л.)	589 35	—	—	589 35	—	—	—	—	—
2. Тоже за II томъ (25 ¹ / ₈ л.)	607 55	—	—	339 32	268 23	—	—	—	—
3. Тоже » III » (28 ⁵ / ₈ л.)	614 33	—	—	175 —	70 —	—	—	369 33	—
4. Тоже » IV » (30 ³ / ₈ л.)	673 95	—	—	35 —	70 —	—	—	568 95	—
5. Тоже » V » (28 ³ / ₄ л.)	644 23	—	—	—	70 —	—	—	574 23	—
5. Тоже » VI » (30 л.)	(675?)	—	—	—	—	—	—	(675?)	—
7. За бумагу для I тома.	168 —	168 —	—	—	—	—	—	—	—
8. Тоже » II »	102 —	102 —	—	—	—	—	—	—	—
9. Тоже » III »	108 —	—	—	108 —	—	—	—	—	—
10. Тоже » IV »	120 —	—	—	—	120 —	—	—	—	—
11. Тоже » V »	120 —	—	—	—	120 —	—	—	—	—
12. Тоже » VI »	(120?)	—	—	—	—	—	—	(120?)	—
13. Гонораръ за I томъ.	187 50	187 50	—	—	—	—	—	—	—
14. Тоже » II »	680 —	506 —	65 —	109 —	—	—	—	—	—
15. Тоже » III »	758 —	—	—	663 —	95 —	—	—	—	—
16. Тоже » IV »	642 25	—	—	121 50	520 75	—	—	—	—
17. Тоже » V »	928 50	—	—	—	811 —	117 50	—	—	—
18. Тоже » VI »	(900?)	—	—	—	—	(900?)	—	—	—
19. Пересылка изданія и разные другіе расходы.	325 30	144 05	55 23	76 02	50 —	—	—	—	—
20. Корректурѣ	296 —	110 —	86 —	50 —	50 —	—	—	—	—
21. Объявленія	213 69	—	—	31 05	132 64	50 —	—	—	—
Итого.	9473 65	1217 55	2268 45	2512 64	3475 01				

Примѣчаніе: Въ графъ за 1894 г. показаны поступления и расходы по 6 февраля 1895 г.; въ графъ за 1895 г. показаны поступления и расходы по 15 января 1896 г.

При этомъ Предсѣдатель предложилъ Обществу сдѣлать слѣдующія постановленія: 1) вести счетъ по изданію первыхъ 6 томовъ отдѣльно и признать его законченнымъ. 2) Съ VII го тома начать новый счетъ, выпустить этотъ томъ къ 1 января 1897 года и издать его за счетъ поступленій 1897 года. 3) Уполномочить бюро приглашать, для содѣйствія ему въ редакціи «Сборника Правовѣднія», нѣкоторыхъ изъ Членовъ Общества въ качествѣ членовъ редакціи.

Всѣ эти предложенія приняты Обществомъ безъ возраженій.

VI.

Предсѣдатель доложилъ бюджетъ, на 1896 годъ:

П Р И Х О Д Ъ.

	Руб.	Коп.
1. Остатокъ отъ прошлаго года	10	17
2. Членскіе взносы.	1,600	—
3. % по купонамъ 11-ти билетовъ	52	25
4. За дипломы	—	—
Итого . . .	1,662	42
За вычетомъ предполагаемаго расхода	1,471	—
Остатокъ.	191	42

Р А С Х О Д Ъ.

Первая категорія.

	Руб.	Коп.
1. Жалованье дѣлопроизводителю	120	—
2. „ ст. служителю	108	—
3. Плата временно наемнымъ служителямъ	20	—
4. Праздничныя	37	—
5. Страхование билетовъ	18	—
6. Храненіе билетовъ	3	—
7. Хозяйств. расх. Общества, отдѣл. и комис.	20	—
8. Почтовые и канцелярскіе расходы	20	—
9. Объявленія въ газетахъ.	120	—

Вторая категорія.

1. Библіотека Общества.	200	—
2. На изданіе трудовъ Общества въ размѣрѣ по- ловины взносовъ, поступив. въ 1895 г.	805	—
Итого. . .	1,471	

Бюджетъ былъ Обществомъ принятъ.

VII.

Библіотекарь доложилъ отчетъ по состоянію библіотеки Юридическаго Общества:

За истекшій отчетный годъ въ библіотеку Общества поступило и занесено въ инвентарный каталогъ всего 113 названій въ 235

томахъ, изъ нихъ юридическаго содержанія были 30 названій въ 49 томахъ, остальные изданія (83 названія въ 186 томахъ) статистическія. Сверхъ того, за отчетный годъ поступила въ Общество пожертвованная *К. Д. Анциферовымъ* библіотека, содержащая въ себѣ около 1000 томовъ, почти исключительно юридическаго содержанія, на русскомъ языкѣ. Около 100 названій относятся къ сочиненіямъ по обществовѣдѣнію и социологіи. Большая часть библіотеки помѣщена въ особомъ шкапу съ надписью «Библіотека *К. Д. Анциферова*», часть-же книгъ размѣщена въ остальныхъ шкапахъ. Книги занесены въ инвентарный списокъ по *карточной системѣ*, къ которой слѣдуетъ вообще перейти въ виду возрастающаго числа книгъ въ библіотекѣ. Привести въ извѣстность составъ библіотеки и зарегистрировать его въ истекшемъ году не удалось, несмотря на то, что Обществомъ были ассигнованы необходимыя средства, такъ какъ самое помѣщеніе библіотеки фактически не позволяетъ разборки и пересмотра книгъ.

Подробное ознакомленіе съ составомъ библіотеки убѣдило меня однако въ томъ, что бесполезнаго и ненужнаго матеріала въ библіотекѣ весьма мало и что изъ ея состава почти ничего не слѣдуетъ исключать.

При этомъ библіотекарь *А. Э. Вормсъ* возбудилъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли ему удовлетворять просьбы иногороднихъ Членовъ о высылкѣ имъ книгъ изъ библіотеки Юридическаго Общества, или же нѣтъ.

М. Н. Соболевъ полагалъ, что, въ виду неаккуратнаго возвращенія книгъ даже московскими Членами Общества, было бы чрезвычайно опасно устанавливать правило о высылкѣ книгъ за предѣлы Москвы. Тогда библіотека теряла бы еще больше книгъ, чѣмъ теперь.

П. М. Богачевскій находилъ, напротивъ, что слѣдуетъ посылать книги и иногороднимъ членамъ Общества.

М. И. Брунъ указалъ при этомъ на болѣе затруднительное положеніе провинціаловъ, лишенныхъ возможности доставать книги.

А. И. Чупровъ высказалъ, что рѣдкія изданія или тѣ, которыя вышли изъ продажи, не должны быть посылаемы иногороднимъ членамъ. Но тѣ книги, которыя могутъ быть возмѣщены, должны посылаться. Тогда и изъ библіотеки извлекалось бы болѣе пользы и, можетъ быть, разрѣшеніе высылать книги въ провинцію привлекло бы даже изъ провинціи новыхъ членовъ въ Общество.

В. В. Пржевальскій предложилъ предоставить библіотекарю рѣшать, слѣдуетъ ли высылать книгу или нѣтъ.

Предсѣдатель предложилъ на голосованіе слѣдующія предложенія: 1) рѣдкія изданія и книги (опредѣленіе такихъ книгъ предо-

ставляется библіотекарю) должны быть изъяты отъ выдачи Членамъ на домъ; 2) книги, не имѣющія характера рѣдкихъ, допускаются къ высылкѣ по почтѣ иностраннимъ Членамъ.

Оба предложенія были приняты Обществомъ.

VIII.

Товарищъ предсѣдателя, *Г. Л. Вербловскій* высказалъ слѣдующее: цѣль нашего Общества—теоретическая и практическая разработка права. Для этого различные юридическіе вопросы обсуждаются въ засѣданіяхъ. Когда было учреждено Юридическое Общество, новый судъ выдвигалъ цѣлый рядъ юридическихъ вопросовъ практики, которые надлежало выяснить. Но, несмотря на 30-лѣтнее существованіе новаго суда, и теперь постоянно возникаютъ въ судебной практикѣ вопросы, требующіе рѣшенія, такъ какъ на нихъ нѣтъ прямого отвѣта въ законодательствѣ. Таковъ, напр., вопросъ о правѣ родителей на благопріобрѣтенное имущество ихъ бездѣтно умершихъ дѣтей или вопросъ объ обязанностяхъ опекуновъ надъ расточителями и пр. Въ высшей степени желательно вносить такіе вопросы въ засѣданія Юридическаго Общества. Среди насъ есть какъ практики, такъ и теоретики, отъ взаимнаго обмѣна мыслей которыхъ получится большая польза и въ практическихъ цѣляхъ, и для будущаго законодательства. Можетъ быть, слѣдовало бы даже назначить 1 засѣданіе въ мѣсяцъ или въ два для обсужденія такихъ вопросовъ.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ*, отмѣчая желательность такихъ засѣданій, указалъ, что они возстановили бы хорошій старый обычай Общества. Въ прежніе годы, очень часто читались доклады, которые не представляли изъ себя разработанной темы, а скорѣе лишь ставили вопросъ, давая въ то же время и матеріалы для его рѣшенія.

М. С. Гольденвейзеръ полагалъ нужнымъ дополнить предложеніе *Г. Л. Вербловскаго* слѣдующимъ правиломъ: практическіе вопросы должны быть вносимы въ Юридическое Общество лишь послѣ того, какъ дѣла, послужившія имъ основой, рѣшены всѣми инстанціями. Иначе, это можетъ оказаться и скрытой консультаціей, и приѣмомъ воздѣйствія на судъ.

С. А. Муромцевъ указалъ одинъ случай, когда Московское Юридическое Общество рѣшало практическій вопросъ даже до начала процесса. Это—дѣло крестьянъ деревни Негодневки Самарской губ. о сносѣ всѣхъ ея построекъ. Заинтересованныя лица обратились еще до начала процесса во всѣ Юридическія Общества съ просьбой

выяснить дѣло. Обсужденіе его въ Московскомъ Обществѣ не привело ни къ какимъ недоразумѣніямъ и упрекамъ.

В. В. Быховскій не видѣлъ вообще возможности упрека при разсмотрѣніи практическаго вопроса въ Юридическомъ Обществѣ, и потому полагалъ оговорку излишней.

А. Б. Розенблума считалъ предложеніе М. С. Гольденвейзера не-правильнымъ. Почему бы не обсуждать вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь въ текущемъ процесѣ. Ссылаются же присяжные повѣренные на мнѣнія Сената; точно также они могли бы ссылаться на авторитетъ Юридическаго Общества. Референтъ о какомънибудь практическомъ казусѣ вносить его на обсужденіе Общества, Общество выясняетъ вопросъ и лицо можетъ въ такомъ видѣ понести его въ судъ. Поэтому, предложеніе Г. Л. Вербловскаго должно быть принято въ полномъ видѣ, безъ оговорокъ.

В. В. Быховскій указывалъ на то, что Юридическое Общество можетъ рѣшать только теоретическіе вопросы, и это рѣшеніе въ практическомъ отношеніи не имѣетъ никакого значенія.

А. Г. Гусаковъ полагалъ, что симпатичное предложеніе вызвало собственно не относящіяся къ дѣлу пренія. О скрытой консультациі здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Что касается ссылокъ въ судѣ на мнѣніе Юридическаго Общества, то отчего бы на него и не ссылаться? Вообще ограниченій вопросовъ, которые ставятся на обсужденіе Общества, не должно быть. Слѣдуетъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ предложенію Г. Л. Вербловскаго и пожелать лишь его осуществленія.

Г. Л. Вербловскій замѣтилъ, что при постановкѣ вопроса на обсужденіе, конечно, слѣдуетъ выдѣлить принципиальный вопросъ изъ его конкретной обстановки.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* поставилъ на баллотировку слѣдующее предложеніе: Общество высказываетъ пожеланіе, чтобы помимо подробно мотивированныхъ и разработанныхъ докладовъ вносились на обсужденіе также краткіе рефераты, которые ставятъ какой-либо юридическій вопросъ.

Предложеніе принято Обществомъ.

IX.

Товарищъ Предсѣдателя, *г. Л. А. Камаровскій* внесъ слѣдующія предложенія. Недавно возникшее Международное Общество сравнительнаго правовѣдѣнія и политической экономіи прислало свои изданія Московскому Юридическому Обществу, а предсѣдатель этого Общества въ письмѣ своемъ предлагаетъ: 1) обмѣни-

ваться изданіями съ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ и 2) считать членовъ одного Общества, находящихся въ городѣ другого, какъ бы членами мѣстнаго общества, для установленія между обоими обществами болѣе живого обмѣна мыслей въ научной ихъ дѣятельности. Петербургское Юридическое Общество уже вступило въ такое соглашеніе и было бы весьма желательно, чтобы и Московское послѣдовало его примѣру.

Предложенія, внесенныя *гг. Л. А. Камаровскимъ*, были единогласно приняты Обществомъ.

Х.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* доложилъ отношеніе отъ 19 февраля № 4086, полученное имъ отъ Предсѣдателя Всероссийскаго Торгово-промышленнаго Съѣзда 1896 года, слѣдующаго содержанія:

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 12 мин. Января, къ участию во Всероссийскомъ Торгово-промышленномъ Съѣздѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ приглашаются, между прочимъ, частныя общества, ученыя и техническія учрежденія, имѣющія цѣлью разработку вопросовъ, до промышленности или торговли относящихся. Вслѣдствіе сего считаю долгомъ препроводить при семъ къ Вамъ, М. Г., какъ Предсѣдателю Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 10 экземпляровъ означеннаго выше Высочайшаго повелѣнія, Положенія о Съѣздѣ и Перечня вопросовъ, подлежащихъ его обсужденію, и обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою увѣдомить меня (съ присовокупленіемъ требуемыхъ ст. 11 Положенія свѣдѣній): 1) кого угодно будетъ Вамъ назначить представителями Общества, Предсѣдателемъ коего Вы состоите, 2) кто изъ членовъ онаго пожелаетъ быть участникомъ Съѣзда безъ таковыхъ полномочій и 3) не изъяснитъ ли кто-либо (и кто именно) готовность представить на Съѣздъ,—съ соблюденіемъ общихъ правилъ, изложенныхъ въ ст. 13 и 14 Положенія,—свои доклады и по какому изъ указанныхъ Перечнемъ вопросовъ. Примите и *пр. Дмитрій Кобеко*.

По предложенію Предсѣдателя, Общество предоставило Бюро опредѣлить составъ представителей на предстоящемъ Съѣздѣ, списокъ членовъ, которые предполагаютъ отправиться на Съѣздъ, и списокъ рефератовъ, предложенныхъ ими для прочтенія на Съѣздѣ.

XI.

Далѣ, предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* представилъ Обществу записку, составленную Бюро по вопросу объ участіи Московскаго Юридическаго Общества въ союзѣ Московскихъ ученыхъ и художественныхъ обществъ.

Общество единогласно постановило: увѣдомить Императорское Археологическое Общество, что Московское Юридическое Общество не можетъ присоединиться къ сообщенному ему проекту Устава Союза Московскихъ ученыхъ и художественныхъ Обществъ.

XII.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* просилъ г. Библіотекаря дать разъясненія о положеніи принятой Обществомъ библіотеки г. Анцыферова.

А. Э. Вормсъ отвѣтилъ, что библіотека разобрана и размѣщена въ шкафахъ; при ней составлена инвентарная опись, дающая около 1000 названій. До сихъ поръ еще не выполнено окончательной свѣрки и исключенія дубликатовъ, для чего необходимо привлечь нѣсколькихъ сотрудниковъ.

С. А. Муромцевъ высказалъ отъ имени Общества благодарность *А. Э. Вормсу* за выполненіе большой работы по разбору библіотеки.

XIII.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* довелъ до свѣдѣнія Общества, что Секретарь *М. Н. Соболевъ*, вслѣдствіе командировки за границу съ ученой цѣлью, долженъ сложить съ себя обязанности секретаря.

Произведенной баллотировкой избраны въ должностныя лица Общества: Предсѣдателемъ Общества *С. А. Муромцевъ* единогласно; товарищами предсѣдателя *графъ Л. А. Камаровскій* (39 голосами противъ 1) и *Г. Л. Вербловскій* (38 голосами противъ 2); секретаремъ *В. В. Пржевальскій* (34 голосами противъ 6); товарищами секретаря *Ө. Ө. Кокочкинъ* (34 голосами противъ 6) и *В. Н. Вольтманъ* (32 голосами противъ 8); библіотекаремъ *А. Э. Вормсъ* (39 голосами противъ 1); казначеемъ *В. В. Сиротининъ* — единогласно.

Засѣданіе закрыто въ 11¹/₂ час. вечера.

Засѣданіе 11 марта 1896 года.

Открыто въ 8 час. 20 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Г. Л. Вербловскаго при Секретарѣ В. В. Пржевальскомъ, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Г. Гуревича, Н. А. Зачинскаго, І. И. Иллюстрова, С. А. Лилина, Г. Я. Лопатина, В. С. Малченко, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, С. П. Мокринскаго, Е. Д. Свиницкаго, В. В. Сиротинина, Н. В. Троицкаго, Н. М. Тэріана, Г. С. Фельдштейна, И. И. Флоринскаго, Н. Я. Фрейнда и И. И. Янжула, и Члена-Корреспондента А. Л. Рубиновскаго.

І. Предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные Члены Общества *Павелъ Николаевичъ Маламтовичъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго,—С. А. Муромцевымъ и А. Б. Розенблюмомъ.

ІІ. Дѣйствительный Членъ *В. С. Малченко* прочелъ докладъ: „Секретность предварительнаго слѣдствія и нѣкоторые ея результаты“.

Главные положенія доклада сводились къ слѣдующему:

1) Дѣйствующій уставъ уголовного судопроизводства допускаетъ въ періодѣ предварительнаго слѣдствія полную „гласность сторонъ“ (И. Я. Фойницкій, курсъ угол. судопр., изд. 2-е, § 38), но не знаетъ вовсе „гласности общей“ ни непосредственной (т. е. для каждаго гражданина), ни посредственной (т. е. для выборныхъ или представителей общества). Это начало категорически выражено въ 304, 316, 444, 446, 448, 456, 476, 475, 1090, 1157, 1213⁶ ст. уст. угол. суд.; если бы дѣйствительность оправдала надежды создателей Судебныхъ Уставовъ 1864 г. и если бы „гласность сторонъ“ на дѣлѣ осуществлялась въ полной мѣрѣ и постоянно, ничего большого и лучшаго въ этомъ направленіи пока не нужно бы и желать.

2) На практикѣ однако стороны почти вовсе не пользуются своими правами и не присутствуютъ при работѣ нашего судебного слѣдователя. Абсентеизмъ сторонъ зависитъ у насъ: отчасти отъ юридическаго невѣжества даже такъ назыв. образованнаго общества и „привычки безправія“ простонародья; отчасти отъ огромныхъ разстояній и климатическихъ сюрпризовъ; отчасти отъ дороговизны и нецѣлесообразности въ уѣздахъ средствъ передвиженія, посуточного квартированія и питанія; отчасти отъ неизбѣжности для слѣдователя вести каждое дѣло съ значительными перерывами; отчасти отъ воспрещенія сторонамъ имѣть при слѣдователѣ своихъ представителей вмѣсто себя; отчасти отъ иныхъ причинъ (толкованіе 396 ст., отсутствіе при слѣдователяхъ помощниковъ, ихъ замѣняющихъ при выѣздахъ и т. д.). Абсентеизмъ сторонъ теперь наблюдается по-

стоянно и повсемѣстно, а это означаетъ, что слѣдователь работаетъ (вопреки предположенію Устава) наединѣ самъ-другъ съ собою, секретно, келейно.

3) Одиночество и изолированность нашего судебного слѣдователя, вредныя сами по себѣ, у насъ особенно пагубны, такъ какъ у нашего слѣдователя нѣтъ уголовно-спеціальной полиціи, нѣтъ развитаго общественнаго мнѣнія, нѣтъ помощи со стороны прокуратуры, которая однако имѣетъ возможность вліять на ходъ и исходъ предварительнаго слѣдствія (278, 280, 281—286, 277, 354, 512 ст.) и даже на карьеру слѣдователя (407, 413, 419 и особенно 227 ст. учр. суд. уст.).

4) При неумѣлости нашей полиціи и пассивности прокуратуры къ дѣлу розыска, слѣдователю особенно важно и цѣнно содѣйствіе населенія; добровольцы-сыщики часто бываютъ гораздо полезнѣе даже профессиональных сыщиковъ. Но слѣдствіе наше ведется секретно, келейно, публика изгнана, двери закрыты, печать не смѣетъ оглашать слѣдственныхъ актовъ (1038 ст. улож.), а слѣдователь не можетъ никому сообщить свѣдѣній изъ дѣла, даже если бы находилъ это полезнымъ (419—423, 426 ст. улож.),—и населенію нельзя, не откуда, узнать точно и своевременно о нуждахъ слѣдователя, о запросахъ данной минуты. Уставъ сдѣлалъ „гласность сторонъ“ клапаномъ и даже рычагомъ, чрезъ посредство котораго населенія могло бы знать о ходѣ и ближайшихъ задачахъ предварительнаго слѣдствія, а слѣдователь могъ бы получать свѣдѣнія и полезныя для себя указанія извнѣ: но этотъ клапанъ-рычагъ почти совсѣмъ не функціонируетъ на дѣлѣ.

5) Отсутствіе сторонъ, обращающее допросъ свидѣтелей и экспертовъ въ секретно-келейный разговоръ слѣдователя съ каждымъ изъ нихъ наединѣ, отражается на полнотѣ и правдивости ихъ показаній; одному слѣдователю иногда трудно и почти невозможно предложить свидѣтелю или эксперту всѣ рѣшительно вопросы, а допрашиваемый нерѣдко пользуется пробѣломъ въ вопросахъ и даетъ отвѣтъ только на вопросы, если желаетъ умолчать о чемъ-нибудь щекотливомъ,—получается не ложь и не правда, уголовная-же перспектива, конечно, порою отъ сего извращается. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и нѣкоторыя свѣдѣнія (напр. о пожарахъ, о сопротивленіяхъ, особенно о растратахъ сельскихъ сборщиковъ, и т. п.) можно полнѣе и подробнѣе собрать допросомъ сразу цѣлой группы лицъ, чѣмъ допросомъ изъ cadaго порознь (446 ст. уст. угол. суд.).

6) Секретность слѣдственныхъ дѣйствій, порождаемая абсентеизмомъ сторонъ, иногда приводитъ къ преданію суду нѣтѣхъ лицъ, которыя указаны были свидѣтелями, а ихъ однофамильцевъ-двойни-

ковъ, и ошибка открывается тогда только на судебномъ засѣданіи, т. е. когда свидѣтели во-очію имѣютъ дѣло съ уличаемымъ ими субъектомъ.

7) Такъ какъ исторія движенія уголовного процесса даетъ прочное основаніе утверждать, что форма обвинительная возьметъ верхъ надъ слѣдственной, то нуженъ въ наши дни такой *modus vivendi*, который стремился бы къ сокращенію числа противорѣчій слѣдственно-инквизиціонной процедуры съ принципами чисто обвинительнаго типа предварительнаго слѣдствія, и къ развитію начала состязательности и устности. Пока можно пожелать: а) рядомъ съ сохраненіемъ 446 ст. (допросъ порознь) допустить—въ зависимости отъ усмотрѣнія слѣдователя—допросъ группами (т. е. видоизмѣненіе 451 и 452 ст.); б) развитъ понятіе „гласность сторонъ“ до ступени „гласность общая-посредственная“; в) дополнить 496 ст. оговоркою, что послѣ допроса обвиняемаго допускается просмотръ слѣдствія адвокатомъ его и потерпѣвшаго (ср. 475 ст.); г) переработать 476 ст. уст. угол. суд. такъ, чтобы предъявленіе слѣдствія дѣлалось обвиняемому при прокуратурѣ и потерпѣвшихъ, чтобы въ этотъ моментъ допускалась адвокатура и чтобы относительно полноты слѣдствія происходило состязательное между сторонами обсужденіе добытаго слѣдователямъ матеріала. (Докладъ напечатанъ въ Сборникѣ правовѣднія, т. VI, стр. 327—356).

В. В. Пржевальскій находилъ выбранный докладчикомъ терминъ „секретность“ несомнѣмъ удачнымъ. Правильнѣе говорить о „негласности“ предварительнаго слѣдствія, въ противоположность гласности, подъ которою разумѣется въ уголовномъ процессѣ двоякое: 1) гласность предъ сторонами (*Parteienöffentlichkeit*), заключающаяся въ томъ, что судебныя дѣйствія развиваются въ присутствіи сторонъ и 2) гласность передъ обществомъ, публичность, въ силу которой каждый гражданинъ можетъ присутствовать при совершеніи судебныхъ дѣйствій, а органы печати могутъ оглашать ихъ. Гласность сторонъ въ извѣстной мѣрѣ существуетъ и на нашемъ предварительномъ слѣдствіи: участвующія въ дѣлѣ лица могутъ присутствовать при осмотрахъ и освидѣтельствowanіяхъ, производимыхъ слѣдователемъ; слѣдователю закономъ какъ бы рекомендуется допрашивать свидѣтелей въ присутствіи обвиняемаго и потерпѣвшаго (ст. 446 и 448 уст. угол. суд.) и т. д. Конечно, эту гласность на предварительномъ слѣдствіи надо расширить, а для того надо, болѣе послѣдовательно проводя обвинительное начало въ уголовномъ процессѣ, установить равноправность сторонъ и состязательность и въ стадіи предварительнаго слѣдствія. Какъ справедливо выразился Майеръ, начало равноправности въ стадіи судеб-

наго слѣдствія до тѣхъ поръ будетъ „eine innere Unwahrheit“, пока этотъ принципъ не будетъ проведенъ и на предварительномъ слѣдствіи, ибо многія упущенія, учиненныя обвиняемымъ на предварительномъ слѣдствіи благодаря неравноправности его съ обвинительною властью, уже не могутъ быть исправлены въ дальнѣйшемъ теченіи процесса. При слушаніи настоящаго доклада еще лишній разъ приходишь къ сознанію необходимости допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи. Виолнѣ признавая общую полицію за весьма несовершенный органъ дознанія, трудно однако согласиться съ мнѣніемъ докладчика о возможности для наружной полиціи достичь, въ особенности въ уѣздѣ, полной тайны дознанія. Здѣсь мы наталкиваемся на другое нестложное требованіе хорошей организаціи предварительнаго слѣдствія—на необходимость учрежденія особой, подготовленной судебной полиціи. Еслибы въ приведенномъ докладчикомъ случаѣ полиція своевременно стала „разматывать клубочекъ“, какъ это сдѣлалъ позднѣе слѣдователь и какъ это по мнѣнію референта и слѣдовало бы сдѣлать полиціи,—т. е. производить всенародный опросъ, то гдѣ же была бы та тайна дознанія, въ несоблюденіи коей референтъ обвиняетъ полицію? Въ нынѣшнемъ докладѣ еще разъ развертывается передъ Юридическимъ Обществомъ правдиво и талантливо написанная картина тяжелаго, заброшеннаго, обездоленнаго положенія русскаго слѣдователя, въ особенности, въ уѣздѣ. Въ нашей прессѣ и обществѣ всякій промахъ, всякую ошибку, допущенную въ уголовномъ процессѣ судебною властью, обыкновенно, приписываютъ судебному слѣдователю. Во всякомъ неудачномъ процессѣ винятъ слѣдователя, подобно тому какъ во всякой желѣзнодорожной катастрофѣ винятъ злополучнаго стрѣлочника. Когда въ обществѣ возводятъ эти обвиненія на судебного слѣдователя, являющагося съ этой точки зрѣнія своего рода „судебнымъ стрѣлочникомъ“, то обыкновенно упускаютъ изъ виду тѣ неблагопріятныя условія, среди которыхъ приходится русскому слѣдователю работать свою отвѣтственную и тяжелую работу. Допросъ цѣлой группы свидѣтелей одновременно—мѣра вызывающая сомнѣнія. При подобной организаціи допроса нѣтъ гарантіи правдивости показаній, между тѣмъ какъ при индивидуальномъ допросѣ свидѣтель знаетъ, что ему придется отвѣчать за невѣрность показанія, даннаго имъ слѣдователю и записаннаго отъ его имени въ протоколъ. При коллективномъ допросѣ допрашивающему легко спутать, кто что именно показалъ. Если мѣстное населеніе по какимъ-либо соображеніямъ рѣшитъ не выдавать виновнаго властямъ, то его не выдадутъ и при внѣшней формѣ, всенародномъ допросѣ.

Н. А. Зачинскій замѣтилъ, что, по словамъ докладчика, глав-

ный недостатокъ предварительнаго слѣдствія—закрытыя двери, открыть ихъ, и все пойдетъ хорошо. Врядъ ли, однако этотъ гордіевъ узелъ разрушается такъ легко. Оппоненту пришлось допросить въ судахъ тысячъ двадцать свидѣтелей и онъ убѣжденъ, что изъ нихъ 50% показало неправду. Скворцовъ потому дозналъ объ утопленникѣ истину, что онъ обратился къ толпѣ не какъ слѣдователь, а какъ человѣкъ. Причины неправдивости свидѣтельскихъ показаній много. Когда человѣкъ убѣжденъ и обладаетъ гражданскимъ мужествомъ, тогда онъ покажетъ правду вездѣ и всенародно, и непублично.

А. Г. Гуревичъ находилъ, что нельзя останавливаться на полупути въ дѣлѣ введенія защиты на предварительномъ слѣдствіи: или защита желательна, или нѣтъ. Референтъ стоитъ за полумѣру въ виду несовершенства органовъ предварительнаго слѣдствія. Въ судебные слѣдователи надо назначать не молодыхъ людей, а опытныхъ судей. Можно привести изъ практики массу случаевъ въ дѣлахъ, начинающихся по жалобѣ потерпѣвшаго, гдѣ допросъ потерпѣвшаго въ присутствіи обвиняемаго избавилъ бы слѣдственную власть отъ ошибокъ. Недавно одинъ столичный слѣдователь привлекъ двухъ лицъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ грабежѣ на основаніи показанія потерпѣвшей, что эти лица силою отняли у нея заемное письмо, совершенное ею на ихъ имя, а затѣмъ на судѣ потерпѣвшая заявила, что она сама передала это письмо обвиняемымъ. Прокуроръ отказался отъ обвиненія, и обвиняемые были оправданы. Премахи слѣдователей часты не только въ силу причинъ указанныхъ г. Пржевальскимъ.

Г. Я. Лопатинъ полагалъ что все зло зависитъ не отъ секретности, келейности слѣдствія, а отъ формализма нѣкоторыхъ слѣдователей. Одиночный допросъ вредно отзывается на ходѣ слѣдствія и часто обременяетъ слѣдователя бесполезною работою. Slѣдователь, чтобы прокуроръ не возвратилъ ему дѣла къ дослѣдованію, долженъ допросить всѣхъ лицъ, указанныхъ въ дознаніи. Защита на предварительномъ слѣдствіи допустима лишь въ двухъ моментахъ, какъ предлагаетъ докладчикъ. Форма дознанія черезъ околныхъ людей—архаическая, чрезвычайъ сложная. Спрашиваемые даютъ стереотипные отвѣты. Эта форма нежелательна и большинство слѣдователей рѣдко ее практикуетъ.

С. П. Мокринскій замѣтилъ, что можно указать рядъ дѣлъ, гдѣ допросъ толпы—единственный способъ открыть истину. Таковы, напр., дѣла о растратахъ сельскими старостами мірскихъ денегъ. Производство громоздкихъ экспертизъ тутъ не поможетъ.

Г. И. Илюстровъ находилъ докладъ нѣсколько одностороннимъ. Бываютъ такіе случаи, когда желательно, чтобы предварительное

слѣдствіе было безгласно. Иногда надо, чтобы свидѣтель не зналъ, о чемъ его при допросѣ спросать, а иначе онъ склоненъ строить свой отвѣтъ на извѣстныхъ ему обстоятельствахъ дѣла. Во всѣхъ дѣлахъ о лихоимствѣ гласное веденіе слѣдствія врядъ ли желательно. Вопросъ о гласности или безгласности предварительнаго слѣдствія такой заколдованный кругъ, изъ коего выйти трудно.

В. С. Малченко, возражая своимъ оппонентамъ, полагалъ, что гласность или негласность предварительнаго слѣдствія должна быть поставлена въ законѣ въ зависимость отъ особенностей каждаго даннаго случая. Законъ допускаетъ лишь гласность сторонъ, а за стѣнами камеры все должна дѣлать полиція. Еслибы хорошая полиція окружала слѣдователя, то можно было бы примириться съ единственнымъ способомъ производства слѣдствія установленнымъ Судебными Уставами. Почему не давать слѣдователю права выбора метода веденія предварительнаго слѣдствія? Почему не давать ему права допрашивать сразу нѣсколькихъ лицъ? Въ случаяхъ явки съ повинною желательна секретность слѣдствія. Негласность предварительнаго слѣдствія существуетъ по уставу угол. суд., секретность явилась въ жизни. Такимъ образомъ отпадаетъ сдѣланный докладчику упрекъ въ томъ, что будто бы, по его мнѣнію, съ открытіемъ дверей мы устранимъ всѣ недостатки предварительнаго слѣдствія. Дѣла частнаго обвиненія нельзя ставить на-ряду съ официальными. Рѣшеніе по дѣлу Іегера, допустившее защиту потерпѣвшаго на предварительномъ слѣдствіи и не допустившее защиту обвиняемаго проф. Манассеина, нарушаетъ принципъ равноправности сторонъ. Найти сразу защитниковъ по всѣмъ дѣламъ невозможно. Поэтому допущеніе защиты въ теченіе всего предварительнаго слѣдствія создало бы еще большую, чѣмъ теперь, разницу между богатымъ и бѣднымъ. О негласности дознанія въ уставѣ угол. суд. нигдѣ не говорится. Слово „негласное“ употреблено лишь въ ст. 254, но при „наблюденіи“. Полная тайна на дознаніи вредна.

В. В. Пржевальскій замѣтилъ по поводу сообщеннаго А. Г. Гуревичемъ случая изъ московской судебной хроники, что въ этомъ дѣлѣ слѣдователь поступилъ правильно и иначе поступить не могъ. Потерпѣвшая, будучи допрошена судебнымъ слѣдователемъ съ напominаніемъ объ отвѣтственности за ложный доносъ, показала, что два лица силою отняли у нея заемное письмо. Правдоподобность этого показанія была подтверждена цѣлымъ рядомъ косвенныхъ уликъ и слѣдователь обязанъ былъ привлечь означенныхъ лицъ въ качестве обвиняемыхъ. Эти послѣдніе жаловались на постановленіе слѣдователя о привлеченіи въ окружный судъ, который жалобу ихъ оставилъ безъ послѣдствій, а судебная палата предала ихъ суду.

Если затѣмъ, уже въ судебномъ засѣданіи, потерпѣвшая отказалась отъ своего прежняго показанія и заявила, что она сама передала обвиняемому заемное письмо, а подсудимые были оправданы, то можно лишь порадоваться, что не произошло судебной ошибки. Если слѣдователь былъ введенъ въ заблужденіе первоначальнымъ показаніемъ потерпѣвшей, то это заблужденіе, отъ котораго уберечься не было въ данномъ случаѣ никакой возможности, раздѣлили съ нимъ и окружный судъ, и прокурорскій надзоръ, составившій обвинительный актъ, и палата, этотъ актъ утвердившая.

При рѣшеніи вопроса о допустимости гласности на предварительномъ слѣдствіи и ея предѣлахъ, опредѣляющее значеніе имѣютъ два основныхъ и неотложныхъ требованія всякаго организованнаго обществитія. Съ одной стороны, интересъ охраны существующаго правового порядка отъ нарушеній, интересъ успѣшной борьбы съ преступленіемъ очень часто требуетъ полной безгласности слѣдствія. Съ другой стороны, необходимость извѣстныхъ гарантій личной свободы гражданъ требуетъ распространенія начала процессуальной гласности и на стадію предварительнаго слѣдствія. Какъ примирить эти два требованія, какъ лучше комбинировать эти интересы—этотъ трудный вопросъ долженъ быть практически разрѣшаемъ для каждаго даннаго государства различно въ зависимости отъ индивидуальныхъ его особенностей. По отношенію къ Россіи этотъ вопросъ, думается, долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, чтобы, нѣсколько пожертвовавъ интересами удачной борьбы съ преступленіемъ, установить болѣе прочныя гарантіи личной свободы путемъ возможно болѣе широкаго проведенія принципа гласности на предварительномъ слѣдствіи.

Предсѣдательствующій *Г. Л. Вербловскій*, въ заключеніе преній, отмѣтилъ, что собраніе выслушало докладъ съ большимъ интересомъ. Недостатки предварительнаго слѣдствія зависятъ отъ условій дѣятельности слѣдователя и обстановки предварительнаго слѣдствія. Вопросъ о секретности предварительнаго слѣдствія тѣсно связанъ съ вопросомъ о канцелярской тайнѣ. Законъ не долженъ регламентировать этотъ вопросъ, а долженъ предоставить допущеніе или недопущеніе гласности усмотрѣнію самого слѣдователя. Нельзя хорошо допросить объ одномъ фактѣ толпу лицъ сразу. Для оцѣнки показанія лица необходимо разсматривать личность самого свидѣтеля, ибо степень довѣрія, внушаемаго свидѣтелемъ, играетъ большую роль въ процессѣ. Въ моментъ заключенія слѣдствія необходимо допустить защиту. Докладъ заслуживаетъ благодарности Общества.

Засѣданіе закрыто въ 10 час. 30 минутъ.

Засѣданіе 1 апрѣля 1896 года.

Открыто Предсѣдателемъ С. А. Муромцевымъ, при Секретарѣ В. В. Пржевальскомъ въ 8 час. 35 мин. вечера и происходило въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: М. И. Вруна, В. В. Выховскаго, П. И. Вѣльева, И. А. Вокача, В. А. Долячко, Н. А. Зачинскаго, А. М. Краевскаго, А. Р. Ледницкаго, С. А. Лилина, П. Н. Лухманова, П. Н. Малянтовича, Н. Х. Пожерайцева, А. А. Раевскаго, Н. Н. Сахарова, С. В. Сперанскаго, Г. С. Фельдштейна, и Н. Я. Фрейнда, и Члена-Корреспондента А. Л. Рубиновскаго.

I. Читаны и утверждены протоколы засѣданій: 5 и 26 февраля, годичнаго—4 марта и 11 марта.

II. Предсѣдатель С. А. Муромцевъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти недавно скончавшихся Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: М. А. Бѣлина, И. М. Волкова и В. С. Пругавина.

Въ лицѣ *Михаила Андреевича Бѣлина* г. Предсѣдатель помянулъ „извѣстнаго врача практика и судебного, всегда охотно принимавшаго самое дѣятельное участіе въ трудахъ Юридическаго Общества по разработкѣ судебно-медицинскихъ и психіатрическихъ вопросовъ“.

Въ *И. М. Волковѣ* Юридическое Общество потеряло одного изъ своихъ старыхъ членовъ, „старого мирового судью, не только справедливаго, но и гуманнаго въ лучшемъ смыслѣ слова. Всѣ москвичи помнятъ тотъ образъ дѣйствій, котораго онъ твердо держался не смотря на непріятныя для него послѣдствія“.

В. С. Пругавинъ былъ не только членомъ Юридическаго Общества, но и однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Юридическаго Вѣстника“. В. С. съ увлеченіемъ отдавался дѣлу изслѣдованія и изученія условій народной жизни. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи, существовавшей въ Москвѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ для изслѣдованія кустарной промышленности, и по ея порученію изслѣдовалъ кустарные промыслы Владимірской губерніи. Кромѣ кустарной промышленности, В. С. немало сдѣлалъ и для изученія русской земельной общины. Съ 1884 г. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ покойный завѣдывалъ статистическимъ бюро Екатеринбургскаго губернскаго земства.

По предложенію г. Предсѣдателя, Общество почтило память скончавшихся Членовъ вставаніемъ.

III. Предсѣдатель доложилъ Обществу, что на имя Общества получена изъ Ташкента, за подписью Предсѣдателя и Товарища Предсѣдателя Областнаго Суда, телеграмма, въ которой выражается соболѣзнованіе по поводу кончины Почетнаго Члена Общества Э. Н.

Сумбула. Телеграмма эта передана въ VI Отдѣленіе Московскаго Окружнаго Суда.

IV Предсѣдатель представилъ Гг. Членамъ Общества подписной листъ для сбора суммъ на учрежденіе при Московскомъ Университетѣ стипендіи имени Э. Н. Сумбула, присланный Комитетомъ Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Московскаго Университета.

V. Предсѣдателемъ доложено письмо Предсѣдателя Берлинскаго Международнаго Общества сравнительнаго правовѣдѣнія и политической экономіи, съ выраженіемъ благодарности названнаго Общества за сообщенное ему постановленіе годичнаго засѣданія 4 марта 1896 года.

VI. Избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества *Павелъ Николаевичъ Малайтовичъ*.

VII. Предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные Члены Общества *Александръ Ивановичъ Урѣсовъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго,—П. Н. Лухмановымъ и В. В. Пржевальскимъ.

VIII. Дѣйствительный Членъ *Г. Л. Вербловскій* прочелъ докладъ: „Къ пересмотру судебныхъ уставовъ (единоличный судъ, право бѣдности, процессуальные сроки)“ (См. Журналъ Министерства Юстиціи, 1896, № 4).

М. И. Брунъ высказался за расширеніе компетенціи участковыхъ судей, но противъ отнесенія въ ихъ вѣдомство дѣлъ по спорамъ о недвижимости, пока укрѣпленіе правъ на недвижимость такъ плохо нормировано въ нашемъ законодательствѣ. Пока существуетъ институтъ давности, недопустимый въ благоустроенномъ государствѣ, порядокъ укрѣпленія правъ на недвижимость не можетъ быть упорядоченъ. Надо подождать введенія гипотечной системы для того, чтобы уже думать объ отнесеніи споровъ о недвижимости къ компетенціи единоличнаго судьи. Знакомство съ дѣломъ одного лишь члена-докладчика есть нежелательная и устранимая аномалія. Плата за правосудіе вообще должна быть уничтожена, хотя это въ настоящее время еще и неосуществимо. Однако, ограничивать бѣднымъ доступъ къ суду нельзя. Нельзя заранѣе сказать, можно ли или же нѣтъ выиграть данное дѣло. Доводы докладчика по этому вопросу неубѣдительны. Кассационный залогъ для бѣдныхъ надо отмѣнить. Право бѣдности надо прямо въ законѣ распространить на иностранцевъ. Сроки на подачу апелляціи, кассациіи и т. п., если другая сторона не споритъ, могутъ быть и нарушены. Кто въ такомъ случаѣ страдаетъ?

Въ нѣкоторые сроки можно внести диспозитивный характеръ.

Н. А. Зачинскій замѣтилъ, что судъ существуетъ для общества, и потому нельзя согласиться съ докладчикомъ, а надо стать на

сторону М. И. Бруна. Расширеніе компетенціи единоличныхъ судей желательно, но найдутся ли люди, достаточно подготовленные для этого? Я не вижу разницы по существу между миллионнымъ искомъ и искомъ на сотни рублей. Суды теперь очень обременены: работа на нихъ лежитъ непосильная. На основаніи тридцатилѣтняго опыта я рѣшительно протестую противъ того утвержденія докладчика, что въ коллегіальномъ судѣ дѣла, обыкновенно, рѣшаются членомъ-докладчикомъ единолично. Иски по праву бѣдности въ громадномъ большинствѣ основательны; часто преувеличиваютъ лишь цифру иска. Рѣшить вопросъ объ основательности иска сразу, при его предъявленіи невозможно. Опредѣленіе одного суда о правѣ бѣдности должно быть обязательно для другихъ судовъ: солидарность должна существовать между всѣми судебными мѣстами. Хотя сроки, назначаемые судомъ, часто и не соблюдаются, однако же реагировать противъ этого нѣтъ основаній.

В. В. Пржевальскій, присоединяясь къ мысли докладчика о желательности расширенія компетенціи единоличнаго суда по дѣламъ гражданскимъ, находилъ нежелательнымъ относить дѣла объ узаконеніи дѣтей къ вѣдомству единоличнаго суда. Вопросъ о законности рожденія настолько чреватъ послѣдствіями въ гражданско-правовой области, что врядъ ли слѣдуетъ отдавать дѣла, въ коихъ онъ рѣшается, хотя бы и въ порядкѣ охранительнаго производства, въ вѣдомство суда неколлегіальнаго. Это противорѣчило бы и общему духу нашего законодательства, обставляющаго гарантіями коллегіальности веденіе и храненіе метрическихъ книгъ, служащихъ актами состоянія: онѣ ведутся причтомъ и хранятся въ консисторіи. Трудно себѣ объяснить, на чемъ основывается докладчикъ, утверждая, что „рутинные приемы неизбѣжны“ при разсмотрѣніи апелляціонныхъ дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ, а окружный судъ отъ нихъ гарантированъ. Изъ доклада не видно, будутъ ли въ проектируемой имъ системѣ судоустройства мировые судьи выборными или же по назначенію отъ правительства. Во второмъ случаѣ, они будутъ назначаться изъ юристовъ и ничѣмъ не будутъ отличаться отъ членовъ окружныхъ судовъ, если же они будутъ выборные, то въ ихъ средѣ будетъ значительный контингентъ неюристовъ, а слѣдовательно, въ съѣздахъ, мировыхъ судей будетъ гораздо менѣе, чѣмъ въ окружномъ судѣ, мѣста рутинѣ, которою гораздо больше грѣшатъ профессиональные юристы. Нельзя не согласиться съ тѣмъ положеніемъ доклада, что кассационныя функціи должны быть сосредоточены въ одномъ высшемъ въ Имперіи установленіи. За это говоритъ горькій опытъ многочисленныхъ кассационныхъ инстанцій, созданныхъ, въ видѣ губернскихъ присутствій, закономъ 12 іюля 1889 года. Утвержденіе док-

ладчика, что пользующіеся правомъ бѣдности въ громаднѣмъ большинствѣ случаевъ предъявляютъ иски „неправомѣрные“, не достаточно обосновано. Къ чему вводить, какъ это предлагаетъ докладчикъ, какое-то „полуразсмотрѣніе“ или „полурѣшеніе“ дѣла при рѣшеніи вопроса о бѣдности тяжущагося. Дознаніе, производимое въ этихъ случаяхъ мировымъ судьей, гарантируетъ дѣйствительную бѣдность. Конечно, ошибки возможны и здѣсь, но пусть докладчикъ укажетъ такой строй правосудія, который безусловно исключалъ бы возможность ошибокъ. Мало только приблизить судъ къ народу, надо еще сдѣлать его и доступнымъ народу, а то вѣдь, „и близко къ локотъ, да его не укусишь“. Признавая въ принципѣ право всѣхъ гражданъ на безвозмездную судебную помощь по всѣмъ дѣламъ, я не могу сказать того-же по отношенію къ иностранцамъ, на очень короткое время, иногда на нѣсколько недѣль, пріѣзжающихъ въ Россію и не участвующихъ въ платежѣ повинностей государству.

В. В. Быховскій замѣтилъ, что большинство тяжущихся принадлежитъ къ нуждающемуся классу. Для того, чтобы дать суду возможность при самомъ предъявленіи иска убѣдиться въ бѣдности просителя, надо истратиться на гербовыя марки и другіе расходы для полученія бумагъ, удостоверяющихъ бѣдность. При порядкѣ, предлагаемомъ докладчикомъ, возможны будутъ иски на ура. Какъ можно рѣшить, основателенъ ли искъ, при самомъ его предъявленіи, по дѣламъ объ увѣчьяхъ, безъ медицинской экспертизы? Нашъ процессъ, въ концѣ концовъ, дороже французскаго или нѣмецкаго. Надо оставить существующій порядокъ признанія права бѣдности безъ перемѣнъ.

Г. Л. Вербловскій отвѣчалъ, что докладъ имѣлъ въ виду удешевить и ускорить процессъ. Споръ о какой-нибудь десятинѣ земли легко можетъ быть рѣшенъ единоличнымъ судьей. Простой и ясный институтъ давности извѣстенъ и единоличнымъ судьямъ. За это и примѣръ мировыхъ судей на Кавказѣ. За бѣдными надо признавать право бѣдности, но, при признаніи этого права судомъ, онъ долженъ предположить, что искъ достовѣрный и, вѣроятно, будетъ присужденъ. Право бѣдности должно быть признаваемо тѣмъ установленіемъ, въ которомъ производится дѣло. Нельзя сторонамъ предоставлять полную свободу по отношенію къ срокамъ. Здѣсь надо различать матеріальныя гражданскія права, гдѣ преобладаетъ частный интересъ, и процессуальныя, гдѣ преобладаетъ интересъ публичный. Если законъ предоставляетъ суду назначать сроки, то эти сроки должны играть извѣстную роль въ процессѣ, имѣть извѣстныя послѣдствія для сторонъ. Дѣла объ узаконеніи несложны и могутъ быть рѣшаемы судомъ единоличнымъ.

Н. А. Зачинскій настаивалъ на томъ, что въ коллегіи дѣла рѣшаются не единолично. Судъ назначаетъ сторонамъ сроки для того, чтобы гарантировать интересы другой стороны.

С. А. Муромцевъ полагалъ, что всѣ солидарны въ томъ, что надо освобождать бѣдныхъ и отъ кассационнаго залога, и что споръ о подлогѣ долженъ быть рѣшаемъ и единоличнымъ судьей. Въ преніяхъ о расширеніи компетенціи вопросъ былъ поставленъ о преимуществахъ коллегіальнаго и единоличнаго суда. Принципіально коллегіальный судъ совершеннѣе, но фактически единоличный судъ необходимъ для многихъ дѣлъ. Надо рѣшить вопросъ, далъ ли доселѣ опытъ основанія для расширенія компетенціи единоличнаго суда. Коллегіальный судъ такъ дорогъ, что польза общества заставляеть нѣкоторые роды дѣлъ передавать въ вѣдѣніе суда единоличнаго. Съ этой стороны, вопросъ обсужденъ не былъ. Теперь предположено отмѣнить 5-й пунктъ отвода для подданныхъ государствъ, дающихъ намъ взаимность. Относительно процессуальныхъ сроковъ споръ шелъ лишь о томъ, въ чемъ должны для сторонъ заключаться ихъ послѣдствія. Сторона, пропустившая срокъ, можетъ исправить свою ошибку до судебного засѣданія, представивъ, напр., доказательство. Весьма желательно, чтобы былъ единый кассационный судъ, но весь вопросъ въ его устройствѣ. Фактически въ сенатѣ $\frac{3}{4}$ дѣлъ рѣшаются канцелярією. Надо или увеличить составъ кассационнаго суда, или же дать кассационныя функціи нѣсколькимъ судамъ. Нѣтъ большой бѣды, если извѣстный вопросъ будетъ различно рѣшенъ различными палатами. Тутъ долженъ приходить на помощь суду законодатель.

Н. А. Зачинскій находилъ, что единоличный судъ есть лишь необходимое зло. Несправедливо дѣлить дѣла по суммѣ между коллегіальными и единоличными судами.

М. И. Брунъ полагалъ, что идея единаго кассационнаго суда— чисто политическая и возникла во Франціи какъ проявленіе централизаціи. Въ Россіи, гдѣ существуетъ цѣлый рядъ правъ, а государство крѣпко сплочено, можно ввести нѣсколько кассационныхъ судовъ.

В. В. Пржевальскій замѣтилъ, что единовременнымъ дѣйствіемъ въ предѣлахъ Россіи нѣсколькихъ правъ можно еще, пожалуй, доказывать желательность введенія нѣсколькихъ кассационныхъ судовъ, изъ коихъ каждый толковалъ бы одну опредѣленную правовую систему,—но имъ далеко еще не доказывается желательность того явленія, чтобы для толкованія одного и того же X тома свода законовъ учреждено было нѣсколько кассационныхъ судовъ.

Б. А. Долячко указалъ, что въ Черниговской и Полтавской гу-

берніяхъ, гдѣ еще отчасти дѣйствуетъ Литовскій Статутъ, межевыя дѣла вѣдались подкоморскими судами—единоличными, а апелляціонный судъ тоже былъ единоличный. Справедливо рѣшать можетъ и единоличный судья.

По выраженіи Предсѣдателемъ докладчику благодарности Общества, засѣданіе закрыто въ 11 час. 20 минутъ.

Засѣданіе 8 апрѣля 1896 года.

Открыто въ 8½ ч. веч. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя С. А. Муромцева, при Товарищѣ Секретаря В. Н. Вольгемутъ, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: С. Н. Вулгакова, В. В. Выковского, П. И. Вѣлева, Г. Л. Вербловскаго, Н. А. Вокача, А. Э. Вориса, В. А. Долячко, М. В. Духовскаго, І. И. Иллюстрова, С. А. Лилина, П. Н. Лухманова, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, Н. Д. Новика, С. Н. Пурица, А. В. Розенблюма, В. В. Сиротинина, Н. М. Тѣріана, Г. С. Фельдштейна, А. Э. Штейнфинкеля, Н. Е. Эфросъ, Члена-Корреспондента А. Л. Рубиновскаго, и Дѣйствительнаго Члена С.-Петербургскаго Общества С. А. Шинова-Шульца.

І. *Предсѣдатель* сообщилъ, что, по предложенію Предсѣдателя уголовного отдѣленія Петербургскаго Юридическаго Общества, онъ, Предсѣдатель, вмѣстѣ съ Секретаремъ Общества В. В. Пржевальскимъ, присутствовалъ 6 апрѣля на засѣданіи указаннаго отдѣленія, посвященномъ слушанію и обсужденію доклада К. К. Арсеньева „о судѣ присяжныхъ“. Петербургское Юридическое Общество, привѣтствуя Московскихъ гостей, выразило дружескія чувства по адресу Московскаго Юридическаго Общества. Въ отвѣтъ на эти привѣтствія Предсѣдатель сказалъ, что проситъ принять посѣщеніе его и Секретаря Московскаго Юридическаго Общества какъ дань уваженія Петербургскому Юридическому Обществу, и что за этимъ первымъ визитомъ будутъ слѣдовать и другіе. Вопросъ о единеніи обоихъ Обществъ уже разрабатывается въ Совѣтѣ Петербургскаго Юридическаго Общества, и Московскому Юридическому Обществу нужно выжидать теперь болѣе опредѣленныхъ предложеній со стороны Петербургскаго Общества. Въ настоящемъ же засѣданіи Московское Юридическое Общество имѣетъ возможность выразить съ своей стороны чувства уваженія Петербургскому Юридическому Обществу въ лицѣ члена его С. А. Шинова-Шульца, предлагающаго вниманію Московскаго Общества докладъ, читанный имъ ранѣе въ Петербургскомъ Обществѣ.

А. С. *Шиновъ-Шульцъ* благодарилъ за выраженные чувства отъ себя и отъ имени С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

II. Дѣйствительный Членъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества С. А. *Шиповъ-Шульцъ* прочелъ докладъ „О земскомъ судѣ“.

М. В. Духовской выразилъ полное согласіе съ основными положеніями докладчика, но сдѣлалъ замѣчанія по вопросу о дѣятельности земскаго судьи. Съ точки зрѣнія докладчика, земскіе судьи функционируютъ двоякимъ образомъ: 1) разбираютъ маловажныя дѣла и 2) дѣйствуютъ въ качествѣ судебныхъ слѣдователей. Врядъ ли, однако, можно согласиться съ такимъ соединеніемъ въ должностномъ лицѣ этихъ двухъ функцій. Дѣятельность судьи въ этихъ функціяхъ представляется различной. Мировой судья—должностное лицо осѣдлое, судебный слѣдователь—подвижное; да и задачи, пріемы—въ обѣихъ функціяхъ различны; поэтому соединеніе обѣихъ этихъ функцій въ одномъ лицѣ справедливо отвергается другими изслѣдователями. Если смотрѣть на дѣятельность „земскихъ судей“ съ точки зрѣнія англійскаго судоустройства, то эта точка зрѣнія является неприменимою къ русскому процессу. Въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ собирать улики, матеріалы для обвиненія и проч., при томъ устройствѣ земскаго суда, которое предлагается докладчикомъ? Въ Англіи это дѣлается частными лицами, по частной инициативѣ. Между тѣмъ такой роли не исполняютъ частныя лица въ Россіи. Кто же сталъ бы исполнять ее въ Россіи, при вышеупомянутомъ устройствѣ земскаго суда? И въ Англіи эта роль отчасти выполняется полиціей, которая тамъ правильно организована. Въ Россіи же эта роль принадлежала бы исключительно полиціи, что привело бы къ усиленію ея значенія въ судѣ и что врядъ ли является желательнымъ. Оппонентъ, далѣе, выразилъ особое сочувствіе предложенной докладчикомъ системѣ обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ—въ собраніе предсѣдателей волостныхъ судовъ.

II. И. Блассъ имѣлъ въ виду въ своихъ замѣчаніяхъ сдѣлать нѣкоторыя историческія справки. Если привести въ связь судъ присяжныхъ съ судомъ народнымъ, судомъ общины,—то является необходимымъ различать разныя стадіи и формы общиннаго суда. Двѣнадцать мужей Русской Правды и сѣверныхъ народовъ—этотъ судъ задавался нѣсколькими иными цѣлями, нежели позднѣйшій судъ присяжныхъ. Новые изслѣдователи приводятъ судъ присяжныхъ въ связь съ дѣятельностью народныхъ судовъ въ позднѣйшее время. Народные же суды болѣе ранней эпохи представляли, сравнительно съ позднѣйшими, нѣсколько иное распредѣленіе роли предсѣдателя и органовъ, равно какъ задавались и нѣсколькими иными цѣлями. Въ болѣе раннихъ народныхъ судахъ дѣло шло не о констатированіи фактовъ, не о виновности и т. п., а дѣлалась, такъ сказать, справка о нормахъ права: община—указатель нормъ, въ ней дѣйствовавшихъ.

Таковъ судъ древнихъ Германцевъ—судъ общины въ эту Салическую правду, превращающійся потомъ въ судъ шеффеновъ (въ силу отпаденія остальной общины). Здѣсь идетъ рѣчь не о фактѣ, а о тѣхъ нормахъ, которыя должны быть примѣнены въ данномъ случаѣ. Между тѣмъ присяжные рѣшаютъ вопросъ и о фактѣ. Что касается древне-русскаго процесса, то судъ общины дѣйствуетъ въ немъ до сравнительно поздняго времени: „судныя мужи“ участвуютъ вмѣстѣ съ судьей во всѣхъ функціяхъ суда; въ одномъ дѣлѣ XVII в. „судныя мужи“ указываютъ нормы обычнаго права. Съ IX вѣка появляется судъ общины, дающій отвѣтъ уже на другіе вопросы; онъ развивается вмѣстѣ съ усиленіемъ королевской власти, напр. въ каролингскую эпоху. Примѣрами такого участія общины въ судѣ могутъ служить справки о земельной собственности; отъ суда отправляются посланцы или же существуютъ передвижные суды („*missi*“), которые и отбираютъ показанія на мѣстѣ. Здѣсь община указываетъ лишь на фактъ. Таковы суть и суды Англіи. „*Verdictum*“ ихъ есть протоколъ показаній свидѣтелей по извѣстному дѣлу (гражданскому или уголовному). Здѣсь замѣчается раздѣленіе вопросовъ о фактѣ и о правѣ; сюда то и сводится возникновеніе суда присяжныхъ (Нормандія, Англія). Что касается вопроса объ участіи присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ, то нѣкоторые теоретики относятся къ этому участію отрицательно. Исторія древне-русскаго процесса указываетъ намъ, что гражданскій процессъ еще въ XIV—XVII вв. производился съ участіемъ присяжныхъ—„судныхъ мужей“. Оппонентъ, полагаетъ, что губные судьи древне-русскаго процесса трудно поддаются сравненію съ другими, повидимому, родственными учрежденіями на Западѣ.

А. Б. Розенблюмъ высказался противъ соединенія разнородныхъ функцій въ одномъ лицѣ, въ частности противъ соединенія функцій мирового судьи и мирового посредника въ лицѣ земскихъ начальниковъ. Докладчикъ придаетъ слишкомъ большое значеніе названіямъ, отъ коихъ сущность дѣла не измѣняется. Доводы противъ соединенія властей судебной и исполнительной и пр., которые приводились докладчикомъ, есть доводы и противъ института земскихъ начальниковъ. Идея о раздѣленіи властей основывается на глубокомъ пониманіи жизни и человѣческаго сердца, и никакіе приемы и мѣры не могутъ поколебать ея. Кромѣ общихъ доводовъ, противъ института земскихъ начальниковъ нужно сказать еще то, земскіе начальники назначаются изъ дворянъ, многіе изъ нихъ вышли изъ крѣпостниковъ,—порученіе имъ функцій и административныхъ, и судебныхъ является крайне нежелательнымъ. Что касается отдѣленія вопроса о фактѣ отъ вопроса о правѣ, то нельзя ограничивать роль

присяжныхъ, сводя ее только къ рѣшенію вопроса о фактѣ, потому что иначе отъ суда присяжныхъ не останется ничего. По закону, въ русскомъ процессѣ присяжные рѣшаютъ оба вопроса. Споръ теперь идетъ о предоставленіи присяжнымъ рѣшать вопросъ и о правѣ. Если разрѣшать этотъ споръ отрицательно—то къ чему тогда сведется роль присяжныхъ? Разрѣшеніе вопроса о правѣ—очень важная функція суда присяжныхъ, въ частности—для законодательныхъ реформъ.

С. А. Шиповъ-Шульцъ защищалъ выставленныя имъ положенія. По вопросу о судебныхъ слѣдователяхъ—нужно имѣть въ виду, что въ Англіи кромѣ мировыхъ судей (исполняющихъ и функціи судебныхъ слѣдователей) есть судьи, занимающіеся т. н. „мертвыми дѣлами“. Въ этихъ дѣлахъ присяжные постановляютъ рѣшеніе—произошла ли смерть отъ случая, или отъ преступленія; послѣ рѣшенія присяжныхъ въ послѣднемъ смыслѣ—дѣло подвергается разсмотрѣнію великаго жюри. Въ предположеніяхъ своихъ, сдѣланныхъ въ 1862 г. при работахъ по судебной реформѣ, докладчикъ имѣлъ въ виду сохранить судебныхъ слѣдователей,—но полагалъ, что имъ должны быть предоставлены функціи мировыхъ судей по всякому дѣлу, и что, кромѣ того, при недостаточности показаній, данныхъ у мирового судьи, прокуроръ можетъ требовать дополненій. Во всякомъ случаѣ, раздѣленіе функцій мирового судьи и судебного слѣдователя повлекло бы за собой то, что одинъ судья на цѣлый уѣздъ долженъ былъ бы разрѣшать вопросы о задержаніи, судѣ и т. п. Предоставленіе этихъ обязанностей многимъ лицамъ не могло бы повести къ усиленію роли полиціи; роль полиціи, наоборотъ, усиливается теперь, когда на одинъ уѣздъ существуетъ одинъ только слѣдователь. Такихъ должностныхъ лицъ должно быть больше, они должны быть ближе къ населенію,—а это будетъ возможно, когда вся власть съ указаннымъ содержаніемъ принадлежитъ и мировымъ судьямъ, и судебнымъ слѣдователямъ. По вопросу о томъ, годно ли дворянство къ отпращиванію должности земскихъ начальниковъ, докладчикъ полагаетъ, что русское дворянство, проникнутое чувствомъ долга, способно къ исполненію своихъ обязанностей и въ должностяхъ земскихъ начальниковъ, тѣмъ болѣе, что въ Россіи нѣтъ розни между крестьянствомъ и служилымъ классомъ. Русскіе дворяне были хорошими мировыми посредниками, будутъ и хорошими мировыми судьями. Въ институтѣ земскихъ начальниковъ докладчикъ видитъ тотъ недостатокъ, что въ немъ создана спеціальная власть для надзора надъ крестьянскимъ управленіемъ. Нужно желать, чтобы характеръ власти земскаго начальника былъ болѣе судебскимъ, чтобы власть эта была судебной властью надъ всѣми.

Г. Предсѣдатель, резюмируя пренія, высказалъ, что рефератъ *С. А.*

Шипова-Шульца далъ поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, которые, однако, проистекають не отъ различія понятій, а отъ различнаго пониманія терминовъ. Менѣе всего докладчикомъ и оппонентами было сказано о роли присяжныхъ въ гражданскомъ процессѣ. Разрѣшеніе этого вопроса является далеко нелегкимъ. Наблюденія надъ современной жизни—русской и иностранной—показываютъ, что въ области гражданского правосудія коронный судъ болѣе склоненъ къ справедливости и добросовѣстности, нежели въ уголовномъ судѣ; это доказывается практикой французскаго и русскаго гражданского суда. Можно было бы опасаться большаго формализма со стороны гражданского суда, если бы дѣятельность гражданскихъ судей была раздѣлена съ присяжными. Однако, председатель дѣлаетъ лишь простое указаніе на этотъ фактъ, но не высказывается принципиально противъ участія присяжныхъ въ гражданскомъ судѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить за возбужденіе этого вопроса. Мысль докладчика о собраніяхъ председателей волостныхъ судовъ является вѣрной и обоснованной. Когда въ 70-хъ годахъ сенаторъ Любошинскій производилъ изслѣдованіе волостныхъ судовъ, возникла мысль о стѣздахъ очередныхъ выборныхъ волостныхъ судей и председателей волостныхъ судовъ при тогдашнихъ мировыхъ судьяхъ. Что касается до раздѣленія вопросовъ о правѣ и фактѣ, то здѣсь по существу взгляды докладчика и оппонентовъ сходятся. К. К. Арсеньевъ подчеркиваетъ то, что неправильно говорить о правѣ помилованія и о правѣ измѣненія закона у присяжныхъ. Если полномочія эти, повидимому, принадлежатъ присяжнымъ съ житейской точки зрѣнія, то невѣрно утверждать это съ юридической точки зрѣнія. Съ другой стороны, и референтъ полагаетъ, что вопросъ о виновности долженъ быть представленъ присяжнымъ. Наконецъ, вопросъ о соединеніи административныхъ и судебныхъ функцій очень важенъ и интересенъ. Практика жизни показываетъ, что раздѣленіе этихъ функцій никогда и нигдѣ вполнѣ не проводилось. Что касается, въ частности, земскихъ начальниковъ, то и референтъ и оппоненты здѣсь впади въ недоразумѣніе. Земскій судья не есть органъ сословныхъ интересовъ; онъ есть органъ земства, какъ бывший мировой судья; онъ есть органъ всесословный,—и, значитъ, вопросъ о сословности не имѣетъ отношенія къ реферату. Не относится къ реферату и вопросъ о теперешней организаціи земскихъ начальниковъ, т. к. послѣдніе суть органы, зависящіе отъ высшихъ административныхъ учреждений. Но это еще не предрѣшаетъ вопроса о сліяніи административной и судебной власти въ самостоятельномъ органѣ (органѣ земства).

Засѣданіе закрыто въ 11¹/₂ ч. вечера.

Засѣданіе 15 апрѣля 1896 года.

Открыто въ 8 ч. 20 м. вечера Предсѣдателемъ С. А. Муромцевымъ, при Секретарѣ В. В. Пржевальскомъ и происходило въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Е. М. Варанцевича, Д. С. Варшева, Н. В. Васирина, Н. Л. Ворхарта, С. Н. Вулгакова, А. П. Бутягина, В. В. Выховского, В. И. Вятковского, Н. А. Вокча, А. Э. Вормса, А. В. Горбунова, И. Н. Граната, В. А. Долячко, Д. Н. Загоскина, В. О. Ильина, О. О. Кокошкина, Г. Я. Лопатина, П. Н. Лукманова, И. В. Мандельштама, кн. О. В. Мещерскаго, Л. Н. Раевского, В. В. Рождественскаго, В. П. Сербскаго, В. В. Сиротинина, В. Н. Сторожева, Н. В. Троицкаго, Н. М. Тѣриана, Г. С. Фельдштейна, И. И. Флоринскаго, Н. Я. Фрейда и Н. Е. Эфроса, и Члена-Корреспондента А. Л. Рубиновскаго.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 1 апрѣля 1896 года.

II. Г. Предсѣдатель доложилъ письмо Секретаря Статистическаго Отдѣленія, извѣщающее, что Отдѣленіе предлагаетъ назначить делегами Общества на предстоящемъ лѣтомъ 1896 года Всероссийскомъ торговопромышленномъ Сѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ изъ явившихъ на то свое согласіе: Предсѣдателя Отдѣленія и Почетнаго Члена Общества проф. А. И. Чупрова и Дѣйствительныхъ Членовъ проф. К. А. Вернера и Н. Ф. Анненскаго.

По предложенію Предсѣдателя, Общество утвердило означенныхъ лицъ делегатами на предстоящемъ Сѣздѣ.

III. Избраны въ Дѣйствительные Члены Общества: А. И. Урьясовъ и князь П. Д. Урусовъ.

IV. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Гг. Членовъ, что настоящее засѣданіе—последнее въ текущемъ академическомъ году.

V. Членъ-Корреспондентъ А. Л. Рубиновскій прочелъ докладъ: „Недостатки современной организаціи надзора за проституціею“, коего основныя положенія сводились къ слѣдующему:

1. Современная регламентація не устраняетъ возможности внесенія въ списки и малолѣтнихъ.

2. Современная регламентація допускаетъ внесеніе въ списокъ—несовершеннолѣтнихъ безъ вѣдома родителей и опекуновъ, а за мужнихъ—безъ вѣдома мужей.

3. Дѣйствующая система регламентаціи отнимаетъ у женщинъ возможность честнаго заработка.

4. Дѣйствующая система стѣсняетъ свободный выходъ изъ проституціи настолько, что дѣлаетъ его трудно осуществимымъ.

5. Дѣйствующая система санитарнаго надзора за проститутками отличается ненужными стѣсненіями.

6. Организація проституціи въ формѣ публичныхъ домовъ въ

санитарномъ отношеніи опаснѣе неорганизованной, такъ какъ создаетъ искусственные центры зараженія.

7. Организація проституціи въ формѣ домовъ ведетъ къ такому порабощенію женщины, которое противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ современнаго общества.

В. В. Пржевальскій замѣтилъ, что въ Австріи регистрируютъ лишь женщинъ, исключительно живущихъ развратомъ. Благодаря этому, напр., въ Вѣнѣ, насчитывающей $1\frac{1}{2}$ милліона жителей, зарегистрировано около 1700 проститутокъ (*Г. Клозель*, Регламентация проституціи въ Вѣнѣ, „Вѣстникъ обществ. гигиены и т. д.“, 1896, кн. 1-ая). Зарегистрированіе одиночекъ представляетъ громадныя трудности. Утвержденіе докладчика, что чистыя проститутки созданы искусственно, благодаря свободѣ рынка и волчьимъ паспортамъ въ видѣ желтыхъ билетовъ, несостоятельно. Несомнѣнно, существуютъ факторы проституціи, лежащіе въ личности женщины: нѣкоторыя женщины порочной организаціи предпочитаютъ проституцію другимъ занятіямъ какъ болѣе легкое ремесло. У одиночекъ сифилиса не менѣе, чѣмъ среди женщинъ публичныхъ домовъ, но ихъ труднѣе уловить. Вопреки докладчику, большинство врачей стоитъ за публичные дома. Изъ писателей - врачей того же мнѣнія *Martineau*, авторъ книги „Тайная проституція“, и многіе спеціалисты, имъ цитируемые. Тайная проституція опаснѣе явной, концентрированной въ публичныхъ домахъ. Какъ видно изъ статьи *Г. Клозеля*, вѣнскіе врачи высказались за дома терпимости, признавъ ихъ „облегчающими административно-врачебный контроль проститутокъ и нисколько не вредящими общественной нравственности“. Методъ, примѣняемый докладчикомъ, неправиленъ: 1) онъ сравниваетъ одиночекъ съ плохими домами, а выводъ свой распространяетъ и на образцовые дома; 2) одиночекъ зарегистрированъ лишь ничтожный процентъ, а въ публичныхъ домахъ всѣ женщины зарегистрированы; такимъ образомъ, въ докладѣ сравниваются несравнимыя величины: всѣ проститутки публичныхъ домовъ съ немногими, случайно изъ массы выхваченными проститутками-одиночками. Опасность, представляемая сифилисомъ, столь велика, онъ является столь грознымъ агентомъ вырожденія, что необходима энергичная борьба съ нимъ. Необходимы строгія кары за зараженіе, съ одной стороны, и регламентация и медицинскій надзоръ, съ другой стороны. Какъ справедливо сказалъ на конгрессѣ сифилитологовъ знаменитый португальскій врачъ, тираніи сифилиса мы можемъ противопоставить лишь тиранію надзора.

А. Л. Рубиновскій объяснилъ, что принципиально онъ не аболіціонистъ. Въ докладѣ приведены ссылки на статистику многихъ

врачей, которые говорятъ, что у одиночекъ заболѣваемость меньше. Вредъ нынѣшней регламентаціи—созданіе центровъ разврата. При иныхъ условіяхъ, развратомъ могли бы жить лишь наиболѣ красивыя женщины. Надо карать за одинъ фактъ сношенія больного человека со здоровымъ, возложивъ *onus probandi* на обвиняемаго. Полиція должна мѣшать концентраціи разврата: женщина тѣмъ скорѣе заболѣетъ, чѣмъ болѣе она совокупляется.

Е. М. Баранцевичъ находилъ, что совокупающемуся трудно знать въ точности возрастъ женщины. Въ рѣшеніи Сената лежитъ та мысль, что всякій можетъ приблизительно опредѣлить, есть ли дѣвушкѣ 10 лѣтъ. Изъ практики Мясницкой больницы извѣстно, что зарегистрированы дѣвушки 15—16 лѣтъ. Дѣвушка на словахъ всегда себѣ лѣтъ прибавить. Референтъ упрекаетъ полицію въ пособничествѣ сводничеству, но приведенные въ докладѣ факты о полицеймейстерахъ—одиночные, мѣстные злоупотребленія. Нельзя сказать, что всѣ проститутки поступаютъ въ публичные дома благодаря сводничеству. Формальныхъ договоровъ между проституткою и хозяиномъ публичнаго дома не существуетъ. Каждая хозяйка обязана объявить поступающей въ домъ существующія правила. Желтыхъ билетовъ въ Москвѣ нѣтъ; у каждой женщины есть лишь № и фотографическая карточка. Женщина, желающая уйти изъ публичнаго дома, должна лишь придти въ комитетъ и получить немедленно бумаги. Всякая проститутка желаетъ осмотра, и въ Англіи сами проститутки просили о введеніи опять осмотровъ. Въ Москвѣ осмотръ производится вѣжливо, безъ всякихъ оскорбленій.—Хозяйка обязана отпустить проститутку и дать ей необходимое бѣлье и платье. Требуется лишь поручитель, но безъ всякой матеріальной или нравственной отвѣтственности. Былъ случай, что комитетъ освободилъ и безъ поручителя. Откуда взята докладчикомъ статистика о 87% малолѣтнихъ въ публичныхъ домахъ, неизвѣстно. Г. Тарновской этотъ процентъ указанъ лишь относительно аномалій черепа у проститутокъ. Врядъ ли точна статистика и о замужнихъ, занимающихся проституціею. Иныя данныя добыты въ Москвѣ полицейскими дознаніями прошлаго года. Сифилисъ растетъ въ Москвѣ. Въ Англіи, послѣ отмены регламентаціи, въ арміи сифилисъ возросъ на 28%. Можно лишь радоваться локализациі публичныхъ домовъ въ городѣ. При локализациі, легче усмотрѣть и за преступленіями, совершаемыми проститутками.

А. Л. Рубиновскій возразилъ, что, разъ мужчина хочетъ сойтись съ первою встрѣчною, онъ совершаетъ преступленіе, предусмотрѣнное 994 ст. улож. о нак., а потому долженъ спросить женщину, сколько ей лѣтъ. Что полиція весьма часто содѣйствуетъ

разврату,—это подтверждено Генуэзским съѣздомъ abolitionистовъ. Сводницы помогаютъ войти въ проституцію. Договоры существуютъ лишь въ Инструкціи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Желтые билеты существуютъ въ губернскихъ городахъ. Найти поручителя очень трудно. По московской полиціи судить нельзя: она лучшая въ Россіи. Вора въ тюрьмѣ не шельмуютъ, а женщину при медицинскомъ осмотрѣ оскорбляютъ. Статистическія данныя доклада взяты изъ XIII т. свода статист. дан. Россійской Имперіи, цифры точны до $\frac{1}{10}$. Осмотръ полиціи и аресты проститутокъ, по разъясненію Сената (№ 7, 1892 г., Общ. Собрание 1-го и Кассационн. Д-овъ), незаконны. Не надо такой регламентаціи, которая даетъ женщинѣ возможность мѣнять мужчинъ безъ счета. Плохо, что существуютъ публичные дома.

Н. Л. Борхартъ находилъ непонятнымъ, какъ могутъ родители или опекуны удержать ребенка отъ занятія проституціею. Выборъ поприща дѣятельности зависитъ отъ многихъ причинъ. При публичныхъ домахъ надзора все-таки больше, и концентрація здѣсь желательна.

А. Л. Рубиновскій замѣтилъ, что, какъ показываетъ статистика, сиротѣ въ нѣсколько разъ легче попасть въ проституцію: отеческая власть воздерживаетъ дѣтей отъ проституціи. Разъ дѣвушка вѣтъ 21 года, родители обязаны блюсти за ея нравственностью. 993 ст. улож. о нак. караетъ родителей за потворство разврату дѣтей.

Н. В. Басинъ указалъ, что въ дебатахъ забываютъ слово „терпимость“, а вѣдь, не безъ основанія прилагается оно къ публичнымъ домамъ. Причина необходимости регламентаціи—порочность общества. Сифилисъ сталъ побуждать къ регламентаціи почти лишь въ наши дни. Законъ, запрещающій сводничество, допускаетъ дома терпимости, которые суть лишь форма сводничества. Дома терпимости—уступка пороку.

Б. О. Ильинъ отмѣтилъ, что референтъ неправильно подводитъ совокупленіе съ публичною женщиною подъ составъ проступка, предусмотрѣннаго 994 ст. улож. о нак., ибо ст. 994 имѣетъ въ виду продолжительное сожитіе (*vivre maritalement*).

А. Л. Рубиновскій объяснилъ, что, по его мнѣнію, если наказуемо сожительство, то тѣмъ паче должно быть наказуемо непотребство.

В. В. Пржевальскій полагалъ, что сироты потому чаще идутъ въ проституцію, что онѣ менѣе обеспечены матеріально. Уменьшеніе общаго официальнаго числа публичныхъ домовъ вовсе не свѣдѣтельствуешь еще о ихъ вымираніи, какъ это думаетъ докладчикъ. И въ этой области мелкія предпріятія убиваются крупными. Кромѣ

того, существуетъ масса скрытыхъ публичныхъ домовъ. Докладчикомъ въ его разсужденіяхъ совершенно игнорируется законъ большихъ чиселъ, составляющій всю силу статистическаго изслѣдованія.

А. Л. Рубиновскій возразилъ, что послѣднее мнѣніе было бы лишь тогда правильно, еслибы въ домахъ терпимости не было меньше женщинъ, чѣмъ проститутокъ—одиночекъ. Шперкъ и всѣ почти русскіе врачи стоятъ на точкѣ зрѣнія докладчика.

Д. С. Баршевъ находилъ, что изъ объясненій референта не видно, стоитъ ли онъ за регламентацію или же нѣтъ. Удобіе всего безвредить зло проституціи путемъ регистраціи въ большихъ центрахъ. Пожеланія докладчика были бы осуществимы при другомъ складѣ общества и при иныхъ условіяхъ. Когда у насъ организуются санитарныя попечительства, они, быть можетъ, возьмутъ это дѣло на себя. Но для этого надо, чтобы сами женщины шли навстрѣчу предпринятому дѣлу.

Н. Е. Эфросъ замѣтилъ, что абolicіонисты всегда указываютъ на тотъ фактъ, что у идущаго къ одиночкѣ больше страха заразиться, а потому къ одиночкамъ ходятъ рѣже, чѣмъ въ публичные дома. Слѣдовательно, съ закрытіемъ публичныхъ домовъ развратъ будетъ меньше.

А. Л. Рубиновскій возражалъ, что какъ одиночекъ, такъ и женщинъ изъ публичнаго дома осматриваетъ одинъ и тотъ же врачъ, которому все равно, откуда женщина пришла. Санитарный надзоръ одинъ и тотъ же и одинаково легокъ. Самая идеальная регламентація есть палліативъ, пока сифилитики будутъ свободно ходить къ женщинамъ. Сифилитики должны знать, что имъ угрожаетъ наказаніе за простое совокупленіе.

VI. Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* предложилъ Гг. Членамъ намѣтить формы общенія Московскаго Юридическаго Общества съ Петербургскимъ, указавъ на слѣдующія: 1) обмѣнъ изданіями, 2) уступка членамъ съ изданій, 3) членъ одного Общества, находясь въ мѣстѣ пребыванія другого Общества, считается членомъ этого послѣдняго, 4) обмѣнъ рефератами.

И. В. Басинъ находилъ полезнымъ, чтобы одно Общество предлагало на обсужденіе другаго Общества такіе интересные вопросы, которые нуждаются въ большей разработкѣ.

С. А. Муромцевъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Почетный Членъ *К. К. Арсеньевъ* выразилъ желаніе повторить свой докладъ о судѣ присяжныхъ въ одномъ изъ осеннихъ засѣданій Общества.

VII. Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* довелъ до свѣдѣнія Общества, что 31 мая исполняется 30 лѣтъ адвокатской дѣятельности Почетнаго Члена *В. Д. Спасовича*.

По предложенію г. Предсѣдателя, постановлено: поручить Предсѣдателю поздравить Почетнаго Члена В. Д. Спасовича въ день юбилея отъ имени Общества.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ 40 минутъ.

Засѣданіе 16 сентября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ 15 минутъ вечера Предсѣдателемъ С. А. Муромцевымъ при товарищѣ секретаря Ѳ. Ѳ. Ежовкинѣ, въ присутствіи Гг. дѣйствительныхъ членовъ: М. И. Вруна, В. В. Выховскаго, П. И. Вѣльева, Г. Л. Вербловскаго, А. Э. Вормса, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гусакова, Д. Н. Загоскина, І. И. Иллюстрова, И. Д. Корженевскаго, С. А. Лилина, П. Н. Лухманова, И. В. Мандельштама, Л. Е. Мандельштама, А. Я. Перельмана, В. В. Пржевальскаго, В. Н. Сторожева, И. Т. Тарасова, Н. М. Тэриана, Н. В. Троицкаго, А. И. Урьясова, Г. С. Фельдштейна, Н. Я. Фрейнда и членовъ корреспондентовъ: А. Л. Рубиновскаго и В. В. Святловскаго.

І. Открывая засѣданіе, г. Предсѣдатель обратился къ собранію съ слѣдующими словами: „Начиная вновь наши занятія послѣ лѣтняго перерыва, мы должны прежде всего обратиться къ памяти двухъ членовъ нашего Общества. Одинъ изъ нихъ *Н. В. Водовозовъ*, скончавшійся въ Вѣнѣ 25 лѣтъ отъ роду. Еще совсѣмъ молодой человѣкъ, полный ума, энергіи, любви къ наукѣ, онъ рано сошелъ съ жизненной сцены. Недавно еще, за нѣсколько мѣсяцевъ до перерыва нашихъ засѣданій, онъ былъ между нами; его горячее, воодушевленное слово раздавалось въ пользу занимавшихъ его идей. Личность Н. В. Водовозова всего лучше характеризуется слѣдующими строками газетнаго некролога, принадлежащаго перу членовъ, близко знавшаго покойнаго: „будучи экономистомъ, онъ не былъ специалистомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Это былъ разносторонне образованный человѣкъ съ широкими философскими, литературными и художественными интересами. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ выдающейся силой ума, критической мысли, научной проницательности и столь рѣдкой и цѣнной способности къ обобщеніямъ. Невольно приходитъ въ голову: какъ мало могъ онъ успѣть совершить въ короткую пору своей юности, и какъ много навѣкъ унесла съ собой холодная могила... Это былъ человѣкъ aus einem Guss, цѣльная, эстетически законченная въ своей цѣльности натура. Было нѣчто суровое съ виду въ этой незнающей компромиссовъ честности, неуклонной прямотѣ; да у него значило „да“, нѣтъ — „нѣтъ“. Но всякій болѣе внимательный наблюдатель видѣлъ, какое благородное, нѣжное, любящее сердце скрывалось подъ этой суровой внѣшностью.

Преданность его наукъ и общественности была безгранична: только о нихъ говорилъ онъ съ интересомъ и притомъ во всякое время своей жизни. Этого не могла сокрушить въ немъ и желѣзная сила смертельнаго недуга“. Другую потерю Юридическое Общество понесло въ лицѣ стариннаго своего члена *барона* *Θ. А. Бюлера*, который, пока позволяли ему силы, былъ постояннымъ посѣтителемъ нашихъ засѣданій и которому наша библіотека обязана цѣнными пріобрѣтеніями.

По предложенію Предсѣдателя, Общество почтило память *Н. В. Водовозова* и *барона* *Θ. А. Бюлера* вставаньемъ.

II. Предсѣдатель сообщилъ о поздравленіяхъ, принесенныхъ имъ отъ имени Общества двумъ почетнымъ членамъ его, юбилеи которыхъ праздновались въ теченіе лѣтняго сезона, а именно: *В. Д. Спасовичу* по случаю исполнившагося 30-лѣтія его блестящей публицистической и судебной дѣятельности и *К. П. Побѣдоносцеву* по поводу 50-лѣтняго юбилея его государственной службы за научныя заслуги его въ области русской юридической науки. Отъ обоихъ юбиляровъ получены собственноручныя благодарственныя письма.

III. Секретарь доложилъ о поступившихъ за лѣто книгaxъ.

IV. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: *Владиміръ Владиміровичъ Святловскій*, членъ корреспондентъ; *Владиміръ Іезекіилевичъ Круковскій*, *Александръ Александровичъ Переслѣтинъ*, члены Московской Судебной Палаты; *Николай Николаевичъ Таганцевъ*, *Алексій Ѳеодоровичъ Стаалъ*, кандидаты на судебныя должности при Московской Судебной Палатѣ; *Андрей Андреевичъ Блиновъ*, *Василій Григорьевичъ Бѣльскій*, помощники присяжнаго повѣреннаго; *Ѳеодоръ Михайловичъ Часовниковъ*, присяжный повѣренный, и *Сергій Ивановичъ Живаго*, оставленный при Московскомъ Университетѣ по кафедрѣ государственнаго права.

V. Дѣйствительный членъ *В. В. Пржевальскій* приступилъ къ чтенію доклада: „Проектъ уголовного уложенія и современная наука уголовного права“. (См. *Журн. Юрид. Общ. при Спб. Univ.*, декабрь 1896 г. и январь 1897 г.).

Окончаніе доклада и пренія по нему, за позднимъ временемъ, постановлено отложить до слѣдующаго засѣданія.

Засѣданіе закрыто въ 10 часовъ 50 минутъ вечера.

Засѣданіе 23 сентября 1896 года.

Открыто въ 8 ч. 30 м. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя С. А. Муромцева и происходило въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: С. Н. Вулгакова, В. В. Выховскаго, П. И. Вѣллева, А. Э. Вормса, В. Э. Дена, Д. Н. Загоскина, А. Р. Лединскаго, С. А. Лилина, В. С. Малченко, П. Н. Лухманова, И. В. Мандельштама, кн. Ѳ. В. Мещерскаго, Л. Н. Раевского, В. В. Сиротинкина, В. П. Троицкаго, Г. С. Фельдштейна, И. И. Флоринскаго, В. І. Круковского, А. А. Переслѣгина, Ѳ. М. Часовникова, и членовъ-корреспондентовъ: А. Л. Рубиновскаго и В. В. Святловокаго.

I. Согласно предложенію Предсѣдателя, Общество, въ виду отсутствія, по болѣзни, товарища секретаря, поручило исполнять обязанности секретаря въ засѣданіи библіотекару Общества, А. Э. Вормсу.

II. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 15 апрѣля 1896 г.

III. Избраны въ дѣйствительные члены: *Александръ Александровичъ Переслѣтинъ*, членъ Московской Судебной Палаты; *Владиміръ Іезекіилевичъ Круковский*, членъ Московской Судебной Палаты; *Федоръ Михайловичъ Часовниковъ*, присяжный повѣренный; *Сергій Ивановичъ Живаго*, оставленный при Московскомъ университетѣ по кафедрѣ государственнаго права; *Николай Николаевичъ Таганцевъ*, кандидатъ на судебныя должности; *Алексій Федоровичъ Стааль*, кандидатъ на судебныя должности; *Владиміръ Владиміровичъ Святловскій*, членъ - корреспондентъ Юридическаго Общества; *Андрей Андреевичъ Блиновъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго; *Василій Григорьевичъ Бѣльскій*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

IV. Предсѣдатель доложилъ отношенія: Общества любителей изслѣдованія Алтая, съ благодарностью за присылку „Сборника Правовѣдѣнія“, и комитета по разработкѣ устава Приамурскаго Юридическаго Общества, присовокупивъ, что предсѣдателю означеннаго комитета послано 3 экземпляра Устава Общества.

V. Дѣйствительный Членъ *В. В. Пржевальскій*, резюмировалъ въ краткихъ словахъ первую часть доклада, прочитанную имъ въ засѣданіи 16 сентября с. г., продолжалъ свой докладъ: „Проектъ уголовного уложенія и современная наука уголовного права“.

II. *И. Бѣльевъ* указалъ на достоинства доклада и особенно отмѣтилъ послѣдовательное проведеніе въ немъ вполне опредѣленныхъ юридическихъ идеаловъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что докладчикъ—убѣжденный сторонникъ соціально-политическаго направленія въ наукѣ уголовного права. Затѣмъ оппонентъ перешелъ къ

разбору той части доклада, которая была посвящена вопросу объ оцѣнкѣ мотивовъ преступленія. Докладчикъ, по его мнѣнію, правъ, настаивая на выдѣленіи, изъ числа другихъ, тѣхъ преступленій, которыя совершаются по мотивамъ неунизительнымъ. Наказанія за подобныя преступленія должны носить характеръ не позорящихъ чести, въ видѣ напримѣръ, *custodia honesta* и т. п. Выдѣленіе это провести не легко по соображеніямъ юридической техники. Но въ его пользу говоритъ исторія уголовного права. Всѣ древнія правовыя системы руководились, какъ конкретнымъ признакомъ, характеромъ умысла при оцѣнкѣ вредныхъ въ социальномъ отношеніи поступковъ. Характернымъ признакомъ преступления древне-римское право считаетъ „*dolus malus*“, древне-германское, въ частности древне-лангобардское, — „*astus*“, „*insidiae*“, древне-русское — „пакость“ и „хитрость“.

Г. С. Фельдштейнъ, возражая противъ предложеннаго докладчикомъ различенія въ уложеніи уголовныхъ преступленій и полицейскихъ нарушеній, доказывалъ неустойчивость и несостоятельность всѣхъ предложенныхъ критеріевъ этого разграниченія, а также практическую его бесполезность. Противъ господствующей доктрины, опредѣляющей полицейскую неправду какъ простое непослушаніе, оппонентъ, въ частности, привелъ слѣдующіе доводы: 1) что во всякомъ правонарушеніи кроется элементъ непослушанія и 2) къ непослушанію же сводятся формальныя преступленія, также покушеніе, когда оно не сопровождается никакими матеріальными послѣдствіями. Затѣмъ оппонентъ высказался противъ излишней, на его взглядъ, расточительности докладчика при назначеніи ареста, низшимъ срокомъ котораго онъ предлагаетъ признать слишкомъ продолжительный — шестинедѣльный, и указалъ, наконецъ, что, вопреки мнѣнію докладчика, даже усиленная просьба потерпѣвшаго не можетъ устранять противозаконность дѣянія, направленнаго противъ его жизни.

В. В. Быховскій находилъ, что полномочія, предоставленныя проектомъ судѣ при опредѣленіи мѣры наказанія, создадутъ легальный произволъ въ судахъ, такъ какъ проектъ разрѣшаетъ иногда даже переходъ отъ одного вида наказанія къ другому, и въ подтвержденіе своего мнѣнія сослался на брошюру г. Красовскаго.

А. Л. Рубиновскій возражалъ противъ предложенія докладчика значительно усилить репрессію рецидива, на томъ основаніи, что самъ по себѣ рецидивъ еще не свидѣтельствуетъ о высокой степени испорченности преступника. Рецидивъ большею частью объясняется тѣмъ неблагопріятнымъ положеніемъ, которое приходится занимать въ социальной борьбѣ лицу, отбывшему наказаніе. Поэтому

слѣдуетъ ограничиваться исправительными мѣрами, пока не доказана особая испорченность рецидивиста.

В. В. Пржевальскій возражая г. Фельдштейну, доказывалъ, прежде всего, что господствующая нынѣ доктрина, къ числу сторонниковъ которой принадлежать, между прочимъ, Binding, Liszt, Hälschner, Hugo Meyer, Zucker, Gretener, Iellinek, различаетъ уголовную и полицейскую неправду и относитъ къ первой нарушение защищенныхъ благъ и дѣянія, содержащія конкретную опасность такого нарушенія, а вторую характеризуетъ какъ неповиновеніе велѣнію, содержащее въ себѣ опасность in abstracto. Возраженія г. оппонента падаютъ, если принять во вниманіе то, что онъ упустилъ изъ виду, а именно, что указанная теорія относитъ къ уголовной неправдѣ какъ Verletzungs—, такъ и Gefährdungsdelicte, и вмѣстѣ съ послѣдними и формальныя преступленія, какъ, напр., подлогъ.

О расточительности при назначеніи наказаній можетъ зайти рѣчь только тогда, когда наказанія устанавливаются бесполезныя. Безполезно наказывать арестомъ въ нѣсколько дней; между тѣмъ арестъ въ шесть недѣль можетъ служить цѣлесообразнымъ наказаніемъ. Поэтому не его, докладчика, слѣдуетъ обвинять въ расточительности, а проектъ, который во множествѣ случаевъ устанавливаетъ кратковременный арестъ. Далѣе: нѣтъ основаній, въ видѣ исключенія, признавать жизнь благомъ, безусловно неотчуждаемымъ. Къ тому-же ненаказуемость посягательствъ противъ жизни, совершенныхъ по настоянію потерпѣвшаго, должна оправдываться не только этимъ *поводомъ*, но сверхъ того *мотивомъ*—если оно совершенно изъ состраданія.

Г. Быховскому докладчикъ возразилъ, что по проекту не можетъ быть рѣчи о произволѣ при *назначеніи* наказанія, такъ какъ проектъ предоставляетъ только широкія полномочія *смягчать* наказаніе. Это упускаетъ изъ виду и, явно тенденціозное, къ тому же, произведеніе г. Красовскаго. Широкое право смягченія наказанія можно смѣло предоставить русскому судѣ.

По поводу замѣчаній г. Рубиновскаго, докладчикъ напомнилъ, что онъ предлагаетъ усилить репрессію лишь для случаевъ третьяго рецидива. Принимая во вниманіе, что въ этомъ случаѣ преступникъ уже трижды подвергался исправительному наказанію, нельзя не признать, что назначеніе того-же наказанія въ четвертый разъ едва-ли общааетъ какой-либо успѣхъ.

VI. Послѣ преній секретарь общества *В. В. Пржевальскій* предложилъ Обществу, въ связи съ прочитаннымъ имъ докладомъ, принять формулированное имъ постановленіе по поводу заявленія при-

сяжныхъ засѣдателей октябрьской сессіи 1895 года. Предложеніе это было принято и Общество постановило занести въ протоколъ слѣдующую резолюцію: „Московское Юридическое Общество, разсмотрѣвъ, вслѣдствіе ходатайства гг. присяжныхъ засѣдателей октябрьской сессіи Московскаго Окружнаго Суда 1895 года, вопросъ о зачетѣ предварительнаго заключенія въ наказаніе, назначаемое по приговору суда, высказываетъ свое живѣйшее удовольствіе по поводу такого обращенія судей общественной совѣсти къ содѣйствію Юридическаго Общества въ дѣлѣ реформы отечественнаго законодательства, но принимая во вниманіе, что мнѣніе свое объ обязательности зачета предварительнаго слѣдствія въ наказаніе при всѣхъ видахъ срочнаго лишенія свободы Общество уже представило въ 1884 году Г. Министру Юстиціи въ своихъ замѣчаніяхъ на первый проектъ уложенія о наказаніяхъ, составленный Редакціонной Коммиссіей, что это заключеніе Общества, какъ видно изъ „объясненій“ Коммиссіи, имѣлось ею въ виду при дальнѣйшей переработкѣ проекта и будетъ, слѣдовательно, принято во вниманіе Министерствомъ Юстиціи при окончательномъ установленіи текста проекта уголовного уложенія, Общество, въ настоящее время, не усматриваетъ оснований къ возбужденію новаго по сему предмету ходатайства“.

Засѣданіе закрыто въ 11½ часовъ.

Засѣданіе 14 октября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 15 м. вечера Предсѣдателемъ С. А. Муромцевымъ, при Секретарѣ В. В. Пржевальскомъ, въ присутствіи гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: И. А. Ваганова, Д. С. Варшова, С. Н. Вулгакова, П. Н. Вѣлѣва, Г. Л. Вербловскаго, П. Г. Виноградова, В. И. Витковскаго, В. Н. Вольмана, А. Э. Воржса, М. Я. Герценштейна, М. С. Гольденвейзера, А. Я. Гуревича, Н. А. Зачинскаго, В. О. Ильина, Гр. Л. А. Камаровскаго, Г. Н. Кругликова, В. І. Круковскаго, М. А. Лебедева, А. Р. Лединскаго, С. В. Лепешкина, С. А. Лилина, В. С. Малченко, И. В. Мандельштама, Кн. Ѳ. В. Мещерскаго, П. И. Новгородцева, А. А. Переслѣгина, Л. Н. Раевского, В. В. Рождественскаго, И. Н. Сахарова, В. В. Сиротинина, А. Ф. Стаалъ, В. Н. Сторожева, Н. Н. Таганцева, Н. М. Тѣріана, А. И. Урясова, Г. С. Фельдштейна, И. И. Флоринскаго, Н. Я. Фрейнда, В. М. Хвостова, А. Э. Штейнфилкеля, И. И. Янжула и Члена-корреспондента А. Л. Рубиновскаго.

І. Предсѣдатель произнесъ рѣчь, посвященную памяти скончавшагося 10 октября дѣйствительнаго Члена Общества Константина Дмитріевича Анциферова. Во время своей службы по судебному вѣдомству въ Москвѣ, К. Д. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—товарищемъ Предсѣдателя

Общества; покойный состоялъ постояннымъ сотрудникомъ „Юридическаго Вѣстника“, гдѣ перу его принадлежитъ цѣлыхъ рядъ выдающихся работъ по уголовному процессу. Живя послѣдніе годы внѣ Москвы, К. Д. продолжалъ поддерживать свою связь съ Юридическимъ Обществомъ и не далѣе, какъ въ 1895 году, пожертвовалъ Обществу свою цѣнную библіотеку.

По предложенію г. Предсѣдателя, гг. Члены Общества, стоя, выслушали слѣдующую резолюцію: Московское Юридическое Общество, высоко цѣня литературные труды своего Дѣйствительнаго Члена Константина Дмитріевича Анциферова въ области уголовного процесса и его заслуги передъ Юридическимъ Обществомъ, съ чувствомъ глубокаго прискорбія заноситъ въ свой протоколъ извѣстіе о его кончинѣ.

Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что резолюція Общества будетъ сообщена вдовѣ покойнаго Е. П. Анциферовой.

II. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 8 апрѣля 1896 года.

III. Предложены къ избранію въ Дѣйствительные Члены Общества: *Dr. F. Meyer*, Landgerichtsrath, Erster Vorsitzende der Internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre zu Berlin—С. А. Муромцевымъ и В. В. Пржевальскимъ; *Николай Дмитріевичъ Полетаевъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго—кн. Ѳ. В. Мещерскимъ и С. Н. Булгаковымъ; *Василій Ѳедоровичъ Гартунъ*, старшій кандидатъ на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ Судѣ—В. В. Пржевальскимъ и Б. О. Ильинымъ; *Валеріанъ Валеріановичъ Валицкій*, судебный слѣдователь 14 уч. г. Москвы — Б. О. Ильинымъ и В. В. Пржевальскимъ; *Александръ Михайловичъ Александровъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго — И. Н. Сахаровымъ и С. Н. Булгаковымъ; *Василій Григорьевичъ Михайловскій*, земскій статистикъ—Н. А. Каблуковымъ и И. П. Боголѣповымъ.

IV. Дѣйствительный членъ *М. И. Брунъ* прочелъ докладъ: „Гражданское уложеніе для Германской имперіи въ связи съ важнѣйшими направленіями юридической мысли въ современной Германіи“.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ*, указавъ на то, что столь интересный и столь живо исполненный докладъ вводитъ слушателей въ крупный законодательный памятникъ и потому надо ожидать продолжительныхъ преній, предложилъ отложить пренія по докладу до слѣдующаго засѣданія—28 октября. Предложеніе г. Предсѣдателя Обществомъ принято, и засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

Засѣданіе 28 октября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 ч. 15 мин. вечеръ Предсѣдателемъ С. А. Муромцевымъ при Секретарѣ В. В. Пржевальскомъ, въ присутствіи гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: И. А. Вазанова, М. И. Бруна, В. В. Выховскаго, В. Г. Вѣльскаго, П. И. Вѣльева, Г. Л. Вербловскаго, Н. А. Вокача, А. Э. Вормса, М. С. Гольденвейзера, В. О. Ильина, Гр. Л. А. Камаровскаго, А. М. Краевскаго, С. В. Лепешкина, С. А. Дилина, П. Н. Лухманова, П. Н. Малиновича, Н. В. Мандельштама, Кн. Э. В. Мещерскаго, И. Х. Померанцева, А. А. Раевскаго, В. В. Сиротинина, А. Ф. Стаала, В. Н. Сторожева, Н. В. Троицкаго, Н. М. Тэріана, А. И. Урьясова, И. И. Флоринскаго и В. М. Хвостова.

I. Избраны въ Дѣйствительныя Члены Общества: *Dr. F. Meyer*, *Василій Григорьевичъ Михайловскій*, *Александръ Михайловичъ Александровъ*, *Валеріанъ Валеріановичъ Валицкій*, *Николай Дмитріевичъ Полетаевъ* и *Василій Ѳеодоровичъ Гартунъ*.

II. Доложены: отношеніе г. ректора Московскаго университета о доставленіи ему свѣдѣній о дѣятельности Общества за 1896 годъ и отношеніе Бюро съѣздовъ исправительныхъ заведеній, при коемъ препровождены въ Общество „Труды IV-го Съѣзда Русскихъ Исправительныхъ Заведеній“.

III. Предложены къ избранію въ Дѣйствительныя Члены Общества: *Павелъ Емельяновичъ Соколовскій*, ординарный профессоръ Московскаго университета — С. А. Муромцевымъ, А. Э. Вормсомъ и В. В. Пржевальскимъ, и *Леонидъ Андреевичъ Балашовъ*, старшій кандидатъ на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ Судѣ — А. Ф. Стаалемъ и В. В. Пржевальскимъ.

IV. Открылись пренія по поводу доклада Дѣйствительнаго Члена *М. И. Бруна*, прочитаннаго въ засѣданіи 14 октября.

А. Э. Вормсъ отмѣтивъ достоинства доклада, доказывалъ, что пріемъ, къ которому прибѣгъ докладчикъ, не вполне соотвѣтствовалъ поставленной цѣли — охарактеризовать умственные теченія современной Германіи. Докладчикъ ограничился изложеніемъ споровъ, возбужденныхъ отдѣльными статьями Уложенія, изложеніемъ, къ тому же, не вполне безпристрастнымъ. Онъ не обратилъ вниманія на одинъ изъ наиболѣе существенныхъ факторовъ, оказавшихъ рѣшающее вліяніе на характеръ Уложенія — на вліяніе исторической школы въ правовѣдѣніи. Вліяніе этого фактора легче всего опредѣлить путемъ сравненія Уложенія съ *Code civil*. Въ основу обоихъ памятниковъ права положены тѣ же главные принципы — равенства гражданъ, личной свободы ихъ и, въ частности, свободы договоровъ, неприкосновенности и свободнаго обращенія частной собственности и секуляризаціи гражданскаго права. Тождественно также большин-

ство болѣ частныхъ принциповъ обоихъ кодексовъ. Источниками при составленіи ихъ, далѣе, послужили тѣ же римскія начала права и германско-правовыя воззрѣнія, которыя лежали въ основѣ французскихъ кутюмовъ и германскихъ партикулярныхъ правъ. Несмотря на все это, общій характеръ кодексовъ, какъ научно-литературныхъ произведеній, различенъ. Различны они по своему тону, по общей окраскѣ: Германское Уложеніе менѣе рѣшительно, выглядитъ какъ-то блѣдно. Оно боится порвать связь съ прошлымъ и не хочетъ предпрѣшать многихъ вопросовъ, предоставляя рѣшеніе ихъ наукѣ и практикѣ.

Чѣмъ объяснить это? и правъ ли докладчикъ, квалифицируя указанныя свойства, какъ недостатки? Отвѣтъ, который далъ докладчикъ на первый вопросъ и который сводится къ тому, что непоследовательность Уложенія вызвана стремленіемъ третьяго сословія укрѣпить свою позицію, невѣренъ или, во всякомъ случаѣ, недостаточенъ. Указанныя особенности Уложенія, какъ научно-литературнаго произведенія, объясняются торжествомъ исторической школы за тотъ періодъ, который отдѣляетъ Code civil отъ Герм. Уложенія. Въ основѣ своей Code civil созданъ приверженцами школы естественнаго права, и онъ сохранилъ этотъ отпечатокъ, несмотря на Наполеоновскую комиссію, въ составъ которой вошли уже юристы, сторонники историческаго направленія. Германское Уложеніе, напротивъ, произведеніе юристовъ, воспитанныхъ во взглядахъ исторической школы, къ которой одинаково принадлежали какъ авторъ перваго проекта — Виндшейдъ и др., такъ и ихъ противники, добившіеся многихъ измѣненій во второмъ проектѣ, — какъ романисты, такъ германисты (Гирке).

Сопоставивъ затѣмъ основныя воззрѣнія школы естественнаго права, какъ они сказались въ рѣчахъ автора первыхъ проектовъ Code Civil, Камбасереса, съ воззрѣніями исторической школы, какъ ихъ формулировалъ Савиньи, оппонентъ, — мимоходомъ указавъ на несправедливость высказаннаго докладчикомъ обвиненія противъ Зома, будто послѣдній лишь въ Рейхстагѣ, изъ полемическихъ соображеній, возвелъ въ принципъ начало закономѣрнаго и органическаго развитія права, — доказывалъ, что Герм. Уложеніе, какъ литературное произведеніе, дѣтище исторической школы, со всѣми ея недостатками и достоинствами.

Переходя затѣмъ къ отвѣту на второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ, оппонентъ полагалъ, что такими достоинствами слѣдуетъ признать именно тѣ черты, которыя докладчикъ ставитъ въ вину Уложенію. Достоинства эти сводятся, главнымъ образомъ, къ сохраненію связи съ прошлымъ (по возможности не нарушены разно-

образные начала, господствовавшія въ разныхъ частяхъ Герм. Имперіи), въ осторожности и отсутствіи казуистики въ формулировкѣ нормъ и, наконецъ, къ предоставленію судѣ очень широкихъ полномочій. Все это обусловлено, прежде всего, тѣмъ, что благодаря трудамъ исторической школы установлено, что нормальнымъ и наиболѣе совершеннымъ является развитіе права путемъ судебныхъ рѣшеній, въ которыхъ объективируется господствующее въ данную эпоху правосознаніе народа, что работа законодателя не есть послѣдній шагъ въ развитіи права, а только первый, что задача его, съ одной стороны, по возможности сохранять связь съ прошлымъ, не стремиться къ безуспѣшной всегда ломкѣ жизни, а съ другой—создать удобную почву для развитія будущаго права.

Въ заключеніе оппонентъ высказался противъ метода историко-этического направленія въ юриспруденціи (Менгеръ и др.), которое вноситъ чисто-субъективные критеріи въ рѣшеніе вопроса о возникновеніи новыхъ нормъ, и противопоставилъ ему историко-индуктивные приемы проф. Huber'a при составленіи обще-швейцарскаго закона о наслѣдованіи. Излишняя строгость критики съ точки зрѣнія Менгера и его послѣдователей скрывается въ ихъ нападкахъ на Уложеніе, несмотря на то, что оно въ значительной мѣрѣ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ къ праву современные юристы ради охраны общественнаго интереса.

И. А. Базановъ находилъ, что докладъ представляетъ собою популяризацию Уложенія и не имѣетъ строго-юридическаго значенія. Въ докладѣ можно различать три момента: 1) обстоятельный историческій очеркъ объединенія гражданскаго права въ Германіи, 2) картину условий, при которыхъ создавалось Уложеніе, 3) результаты, получившіеся отъ этихъ разнообразныхъ вліяній на Уложеніе. Самая удачная часть — первая, историческій очеркъ, но нельзя за-то согласиться съ очеркомъ условий, повліявшихъ на характеръ и содержаніе Уложенія. Идея, что законодательный памятникъ есть отраженіе своей эпохи, не представляетъ ничего новаго и, въ этомъ видѣ, вѣрна, но чрезчуръ обща, апріорна.

Въ докладѣ развитія этой идеи, поправокъ, дополненій къ ней нѣтъ, равно какъ нѣтъ и связи между общею идеею и отдѣльными примѣрами. Примѣры, приводимые докладчикомъ, могутъ быть объяснены иначе, чѣмъ онъ ихъ объясняетъ. Уложеніе блѣдно, расплывчато, но эти черты не могутъ быть объяснены лишь одною борьбою общественныхъ группъ: всякій законодательный памятникъ носить на себѣ печать преемственности идей, усвоивая существовавшій до него юридическій матеріалъ. Эта идея должна была имѣть особое значеніе въ глазахъ редактора проекта: это первый шагъ объединенія парти-

кулярныхъ правъ. Надо было согласить существенное въ партикулярныхъ правахъ, и редакторы оставляли главнѣйшія партикулярныя системы, стараясь только приспособить ихъ такъ, чтобы изъ нихъ вышло нѣчто единое. Борьба социальныхъ группъ врядъ ли могла сказаться на залоговомъ правѣ, а это право очень блѣдно и расплывчато въ Уложеніи, гдѣ объединена масса разнообразныхъ гипотекъ: акцессорная и на ряду съ нею самостоятельная и т. п. Творцы Уложенія хотѣли, по возможности, съ пощадою отнестись къ прежнему, исторически слагавшемуся праву: самой жизни представили выбрать одну изъ гипотекъ. Такъ же было поступлено и въ Пруссіи въ 1872 году. Право Уложенія переходило лишь въ томъ смыслѣ, что оно представляетъ собою первый шагъ отъ чрезмѣрнаго партикуляризма къ совершенному объединенію. Примѣръ докладчика изъ семейственно-имущественнаго права, какъ нельзя удачнѣе объяснимъ съ этой точки зрѣнія. Тутъ нѣтъ „закрѣпленія позиціи“, а есть уступка всѣхъ позицій новымъ вѣяніямъ (введеніе системы раздѣльности имущества, опекунскій судъ, господство праваго супруга надъ неправымъ и т. п.). Если творцы Уложенія многое не додѣляли въ этомъ направленіи, то лишь изъ уваженія къ предшествующему праву. Примѣръ, взятый докладчикомъ для сравненія Уложенія съ Code civil, неудаченъ: положеніе „en fait de meubles la possession vaut titre“ появилось за 13 вѣковъ до Code Napoléon, а формулировано окончательно за 100 лѣтъ до него. Равнымъ образомъ неудачно сравненіе Уложенія съ нашимъ X томомъ Свода зак. Въ нашемъ гражданскомъ правѣ есть институты очень драгоцѣнные, могущіе служить украшеніемъ для Уложенія любого культурнаго народа. Вопреки докладчику, нельзя говорить противъ того, что въ Уложеніи—одна система имущественныхъ отношеній супруговъ. Это высказано Менгеромъ, но не de lege ferenda.

Г. Л. Вербловскій замѣтилъ, что систематическое объединеніе правового строя во всемъ его объемѣ или даже въ одной его части—задача, чрезвычайно трудная.

По доктринѣ исторической школы Савиньи, совершеннымъ и полнымъ можетъ считаться лишь такой кодексъ, который можетъ въ дѣйствительности замѣнить собою всѣ предшествовавшіе источники права. Онъ долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ содержать въ себѣ хорошо сформулированные общіе принципы и идеи, путемъ логическаго развитія которыхъ судья могъ бы охватить все разнообразіе жизни. Онъ долженъ быть кратокъ, написанъ яснымъ и точнымъ языкомъ и расположенъ по хорошо выработанной системѣ.

Трудность кодификаціи при существованіи въ Германіи цѣлаго ряда партикулярныхъ законодательствъ и при господствѣ общаго

римскаго права была причиною того, что вопросъ о созданіи общегерманскаго гражданскаго Уложенія, возникшій уже давно и съ особенною энергіей возбужденный въ началѣ нынѣшняго вѣка, разрѣшенъ только теперь. Докладчикъ художественно нарисовалъ правдивую картину оживленной борьбы партій въ рейхстагѣ при обсужденіи проекта Уложенія и нѣкоторыми нормами, взятыми изъ Уложенія, иллюстрировалъ то высказанное имъ положеніе, что появленіе новаго кодекса вызвано, между прочимъ, тѣмъ политическимъ соображеніемъ, что въ немъ видѣли оплотъ противъ социализма. Едва ли это такъ. Мысль о систематическомъ объединеніи національнаго гражданскаго права въ Германіи зародилась тогда, когда четвертаго сословія, какъ политической силы, еще не было. Съ особенною настойчивостью эта мысль выражалась послѣ осуществленія идеи политическаго единства Германіи (въ 1874 году учреждена была коммиссія для выработки плана и метода составленія Уложенія). Государственные люди и правительства на Западѣ опытомъ прошлаго могли убѣдиться въ той истинѣ, что идеи и общественныя теченія подчиняются извѣстнымъ законамъ эволюціи, независимо отъ хода законодательной регламентаціи. Въ Уложеніи нѣтъ той политической окраски и тенденціозности, которыя ему приписываются докладчикомъ. Референтъ указываетъ, между прочимъ, на норму (§ 61), ограничивающую свободу ассоціацій; однако, по этому предмету Уложеніе стоитъ на почвѣ дѣйствующаго права и господствующаго его пониманія. Еще въ 1882 году коммиссія рейхстага, обсуждая проектъ Шульце - Делича о частноправовомъ положеніи ассоціацій, рѣшила не признавать правоспособными союзы, преслѣдующіе политическія или религіозныя цѣли, а саксонскій законъ 1868 г. требуетъ для внесенія въ реестръ союзовъ, цѣль которыхъ затрогиваетъ публично-правовые интересы, разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи Уложеніе даже сдѣлало шагъ впередъ въ сравненіи съ проектомъ: по этому послѣднему veto администраціи простиралось и на такіе союзы, которые преслѣдуютъ воспитательныя и учебныя цѣли, правоспособность союзовъ съ идеальными тенденціями обуславливалась регистраціею или концессіею, между тѣмъ какъ Уложеніе остановилось исключительно на системѣ нормативныхъ опредѣленій. Протестъ административной власти подлежитъ обжалованію и, слѣдовательно, можетъ быть отмѣненъ. Многія нормы новаго Уложенія удовлетворяютъ самымъ прогрессивнымъ требованіямъ. Таковы постановленія главы о договорѣ услугъ (Dienstvertrag); въ противоположность прусскому ландрехту и саксонскому праву, Уложеніе признаетъ за матерью родительскую власть; незаконное дитя пользуется, по отношенію къ матери и ея родственникамъ, юри-

дическимъ положеніемъ законныхъ дѣтей (§ 1705); незаконныя дѣти имѣютъ право на алименты отъ отца, хотя бы послѣдній не признавалъ себя ихъ отцомъ (§ 1704), при чемъ эта обязанность отца переходитъ на его наслѣдниковъ; постановленія о бракѣ и разводѣ, основанныя на принципѣ равенства и свободы договора, о равноправности сыновей и дочерей въ правѣ наслѣдованія и о самомъ порядкѣ призыва къ наслѣдованію. Было бы крайностью видѣть въ германскомъ Уложеніи всеобщій писанный разумъ (*ratio scripta*) правового порядка. Соціально-экономическое положеніе Германіи, несомнѣнно, отразилось на нѣкоторыхъ институтахъ Уложенія, въ зависимости отъ исхода борьбы партій въ рейхстагѣ. Воздѣйствіе консервативной партіи и бюрократіи сказалось, напр., въ допускаемомъ Уложеніемъ безконечномъ кругѣ родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, въ ограниченіи отвѣтственности должностныхъ лицъ административнаго и судебнаго вѣдомства за нарушеніе обязанностей службы (§ 839), въ преимуществахъ отца передъ матерью, мужа передъ женою и т. п. Такого воздѣйствія общественныхъ теченій въ ту или другую сторону не можетъ избѣгнуть законодательство въ конституціонномъ государствѣ. Нѣтъ, однако, достаточныхъ основаній говорить, что новое Уложеніе явилось въ Германіи оплотомъ противъ социализма. Оно, въ общемъ, отвѣчаетъ требованіямъ совершеннаго и полнаго гражданскаго кодекса, представляется продуктомъ глубокой юридической мысли и опытности и можетъ во многихъ отношеніяхъ служить образцомъ для нашего будущаго Уложенія.

В. В. Пржевальскій остановился на двухъ послѣднихъ выводахъ доклада: о нелогичности права и о томъ, что юриспруденція не источникъ права. Положеніе „*das Recht ist alogischer Natur*“ правильно лишь съ точки зрѣнія индивидуальной логики, трактующей о законахъ мышленія. Между тѣмъ право, какъ явленіе соціальное, будучи разсматриваемо съ точки зрѣнія логики соціальной, всегда представляется логичнымъ. Вся эволюція права есть сложная операція соціальной логики. Каждый кодексъ, говоритъ Тардъ, можетъ быть разсматриваемъ, какъ *заключеніе*, болѣе или менѣе хорошо выведенное изъ гигантскаго практическаго *силлогизма*, коего большая посылка: состояніе стремленій, страстей, аппетитовъ даннаго общества, а меньшая: состояніе знаній, вѣрованій, идей. Поэтому то всякое изобрѣтеніе, нововведеніе, измѣняющее одну изъ посылокъ, отражается и на правѣ. Говоря, что юриспруденція не источникъ права, ибо судья всегда имѣетъ въ виду данный конкретный случай, а не будущее, забываютъ о возможности случаевъ, когда судья знаетъ, что его рѣшеніе, какъ судебный прецедентъ, будетъ имѣть значе-

ніе обычной нормы для будущихъ дѣлъ. Нельзя разсматривать допущеніе смягчающихъ обстоятельствъ въ уголовномъ правѣ какъ признаніе закономъ системы естественнаго права. Они возникли во Франціи какъ неизбѣжный путь для смягченія чрезмѣрной строгости карательныхъ санкцій Code pénal посредствомъ коррекціонализаціи преступленій, но совершенно непонятны въ новѣйшихъ уголовныхъ законодательствахъ, гдѣ и наказанія гуманны, и усмотрѣнію судьи дается широкій просторъ при назначеніи ихъ. Изъ доклада не видно, какъ относится референтъ къ установленному въ Уложеніи порядку отвѣтственности за недозволенные дѣйствія невмѣняемаго, а между тѣмъ весь 25-ый титулъ VII отдѣла книги „О правѣ долговыхъ отношеній“ (II-й) вообще слабъ и, вопреки мнѣнію г. Вормса, заслуживаетъ упрека въ несоціальности. Онъ построенъ на метафизической основѣ, и на немъ не отразились позитивная, научная мысль современной эпохи: говорится „о состояніи, исключаящемъ свободное опредѣленіе воли“ (§ 827), для гражданско-правовой отвѣтственности малолѣтнихъ отъ 7 до 18 лѣтъ требуется (§ 828) разумѣніе отвѣтственности—„die zur Erkenntniss der Verantwortlichkeit erforderliche Einsicht.“

Для юридической отвѣтственности необходима, значить, свободная воля, а затѣмъ, противорѣча самому себѣ и сознавая, конечно, всю соціальную несправедливость приложенія этого принципа къ конкретнымъ явленіямъ жизни, Уложеніе допускаетъ (§ 829) гражданско-правовую отвѣтственность тѣхъ, кого признаетъ невмѣняемымъ, но лишь прибѣгаетъ здѣсь къ „Billigkeit“, какъ будто бы судья не долженъ руководствоваться справедливостью и во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Уложеніе дѣлаетъ исключеніе для случаевъ безсознательнаго состоянія (Bewusstlosigkeit), гдѣ вовсе не говоритъ объ отсутствіи свободы воли, какъ условіи безотвѣтственности. Съ правильной же точки зрѣнія, въ области гражданского права имѣетъ мѣсто отвѣтственность соціальная, юридическая, а не моральная, и для гражданско-правовой отвѣтственности за недозволенные дѣйствія надо требовать не вины, а одной лишь объективной причинности. Въ высшей степени несправедливымъ является постановленіе § 829, въ силу коего невмѣняемое лицо обязано возмѣстить потерпѣвшему вредъ, причиненный недозволенными дѣйствіями, лишь въ такой мѣрѣ, которая не лишитъ виновнаго возможности продолжать образъ жизни, подобающій его сословному положенію (Standesmäßiger Unterhalt).

Приводимый докладчикомъ примѣръ, тяжелого, по сравненію съ Code Napoléon, слога Уложенія—о владѣльцѣ движимыхъ вещей (§ 1006)—неудаченъ. Опредѣленіе Уложенія просто и понятно для

не-юриста, а во французскомъ правилѣ гражданинъ наталкивается на чисто юридическій, специальный терминъ „титула“ (en fait de meubles la possession vaut titre).

Отвергнувъ предложенную проектомъ широкую безусловную обязательность принудительнаго государственнаго воспитанія дѣтей, въ случаѣ безнравственнаго поведенія отца, рейхстагъ совершилъ, дѣйствительно, крупную соціально-политическую ошибку, которую рано или поздно ему придется исправлять. За принудительное воспитаніе нравственно заброшенныхъ дѣтей высказалась и Германская группа Международнаго Союза уголовного права. Утвержденіе директоровъ германскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ, что государственное воспитаніе плохо, ибо эти заведенія даютъ высокій процентъ рецидива, не принципиально. Примѣръ Англіи и Швейцаріи свидѣтельствуетъ о противномъ. Кромѣ того, надо еще доказать, что, если бы дѣти, совершившія преступленія, оставались, вмѣсто помѣщенія въ исправительные пріюты, у своихъ порочныхъ родителей, то изъ этихъ дѣтей меньше было бы рецидивистовъ, чѣмъ теперь. Наконецъ, принудительное государственное воспитаніе можетъ быть организовано и не въ формѣ казенныхъ или частныхъ заведеній, а въ видѣ отдачи дѣтей порочныхъ родителей на воспитаніе въ хорошія частныя семьи (швейцарская система Песталоцци). Вырывая ребенка изъ опасной для его нравственности среды и давая ему хорошее воспитаніе на свой счетъ, государство тѣмъ самымъ тушитъ одинъ изъ опаснѣйшихъ очаговъ современной преступности и совершаетъ не только высокогуманное, но и въ высшей степени матеріально выгодное дѣло.

М. И. Брунъ находилъ, что одни замѣчанія по поводу реферата—плодъ недоразумѣнія, а другія объясняются различіями во взглядахъ. Докладчикъ не упрекалъ Уложенія въ реакціонныхъ стремленіяхъ, указывая и на прогрессивныя его тенденціи; что въ Уложеніи сказалось стремленіе подтянуть гражданскій порядокъ — это видно изъ протоколовъ. Докладчикъ не сочувствуетъ *Verwaltungsge-meinschaft* и хотѣлъ бы, чтобы изъ Уложенія выкинули 200 статей, относящихся до имущественныхъ отношеній супруговъ. Системы полной раздѣльности имуществъ супруговъ въ Уложеніи нѣтъ. Референтъ вовсе не хотѣлъ сказать что-нибудь новое, говоря, что право создается борьбою интересовъ. Онъ говорилъ въ докладѣ о различныхъ вліяніяхъ на Уложеніе, напр., католической церкви, показать же, почему воспрепятствовала та или иная партія,—не входило въ задачу доклада, но дѣло будущаго историка. Докладчикъ въ своемъ рефератѣ совершенно не сочувствуетъ критикѣ Гирке въ той ея части, гдѣ этотъ писатель высказывается за введеніе въ Уложеніе

національнаго права и соціального права. Слово „соціальность“ понимается въ литературѣ двояко. Соціальная норма выводитъ изъ того абстрактнаго состоянія, въ которомъ право находится благодаря римскому праву, подчеркиваетъ связь индивида съ общественною организаціей. Съ этой точки зрѣнія, нашъ X томъ соціаленъ. Соціальными нормами можно назвать также и тѣ, которыя являются уступкою соціальному движенію, четвертому сословію. Воззрѣніе исторической школы, что надо руководиться въ законодательномъ творествѣ національнымъ духомъ,—заблужденіе, опровергаемое рецепцію чужого права. Выводъ о нелогичности права сдѣланъ изъ изученія Уложенія. Право Уложенія было логично лишь въ проектѣ первой комиссіи, а не тогда, когда прошло черезъ вліяніе партій, имъ переработано. Между Code Napoléon и Уложеніемъ существуетъ такое же отношеніе, какое существуетъ между фресками Д. Беллини и фресками Микель-Анджело. Докладчикъ отнесся къ Уложенію *sine ira et studio*, слѣдуя при этомъ правиламъ импрессионистской критики С. Бѣва, какъ единственно возможной теперь, когда только что появилось Уложеніе.

Г. Предсѣдатель, объявивъ вопросъ о гражданскомъ Уложеніи Германіи открытымъ для преній, закрылъ засѣданіе въ 11 ч. 5 мин. вечера.

Засѣданіе 4 ноября 1896 года.

Открыто въ 8 ч. 25 м. веч. Предсѣдателемъ С. А. Муромцевымъ при Секретарѣ В. В. Пржевальскомъ, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: А. М. Александрова, И. А. Вазанова, Д. С. Варшова, М. И. Вруна, В. Г. Вильскаго, П. И. Вѣляева, Г. Л. Вербловскаго, Н. А. Вокача, А. Э. Вормса, М. С. Гольденвейзера, А. Г. Гусакова, Гр. Л. А. Камаровскаго, В. І. Круковскаго, С. А. Лилина, П. Н. Малянтовича, И. В. Мандельштама, Л. Е. Мандельштама, кн. О. В. Мещерскаго, А. А. Переслѣгина, А. А. Раевского, И. Н. Сахарова, В. В. Сиротинина, Н. В. Троицкаго, А. И. Урьясова, Г. С. Фельдштейна и А. Э. Штейнфинкеля.

I. Читаны и утверждены протоколы засѣданій 16 сентября и 14 октября.

II. Избраны въ дѣйствительные члены общества: П. Е. Соколовскій и Л. А. Балашовъ.

III. Предложено къ избранію въ Дѣйствительные члены Общества Владиміръ Петровичъ Преображенскій, Присяжный Повѣренный, — С. А. Муромцевымъ и И. В. Мандельштамъ.

IV. Секретаремъ доложено о поступившихъ въ Общество книгахъ.

V. Дѣйствительный членъ *М. И. Брунь* прочелъ докладъ: „Дополнительныя замѣчанія къ докладу, прочитанному въ засѣданіи Общества 14 октября 1896 года“.

А. Э. Вормсъ замѣтилъ, что возражавшіе въ прошломъ засѣданіи, не знали точки зрѣнія докладчика. Теперь референтъ ее выяснилъ: онъ былъ критикомъ-импрессионистомъ, кое-что выхватывалъ по своему влеченію. Этотъ методъ, врядъ ли плодотворный въ области искусства, совершенно непригоденъ въ области науки. Плаваніе, о которомъ говорилъ докладчикъ, сопряжено съ большими удовольствіями, но на рѣкѣ встрѣчаются мели и неожиданные повороты, благодаря которымъ можно и не достигнуть цѣли. За неожиданными поворотами скрываются и неожиданныя зрѣлища: теперь оказывается, что въ Уложеніи приводятся многіе прогрессивные принципы.

Докладчикъ привелъ рядъ статей, по поводу коихъ происходили горячія пренія въ комиссіяхъ, въ рейхстагѣ, но всегда ли эти пренія сосредоточивались на самомъ существенномъ? Если взять уложеніе, какъ цѣлое, и посмотрѣть, какъ въ немъ отразилась социальная борьба, то окажется, что уклоненіе отъ принципа равенства чаще всего дѣлалось тогда, когда надо было защитить болѣе слабого. Никакой законъ не можетъ смягчить социальной борьбы; дѣло идетъ лишь объ уменьшеніи тренія, о нѣкоторой смазкѣ социальной машины. Нельзя прослѣдить вліяніе борьбы партій на отдѣльныя постановленія уложенія; оно сказалось лишь на всемъ кодексѣ въ его цѣломъ. Тѣмъ фактомъ, что нѣкоторыя статьи принимались или отвергались парламентомъ въ силу преній, не опровергается положеніе Савиньи, что право растетъ закономѣрно. Закономѣрное развитіе права—есть единственная научно-установленная формула. Она не противорѣчитъ ученію Іеринга о томъ, что права есть продуктъ борьбы: если борьба происходитъ, то это не мѣшаетъ тому, чтобы на ея результатахъ сказывалась закономѣрность развитія. Если законодатель сознаетъ, что право есть результатъ борьбы, то врядъ ли онъ возьметъ на себя, безъ этой борьбы, изъ своей головы создать право, не считаясь съ тѣмъ, каково оно было раньше. Подобныхъ положеній не отстаиваетъ ни Іерингъ, ни Меркель. Законодателю надо искать нормы права въ самой жизни; обычное же право есть лучшее для него пособие, такъ какъ, сложившись подъ вліяніемъ борьбы, оно наиболѣе приспособлено къ жизни.

М. И. Брунь находилъ, что недоразумѣніе, признанное *А. Э. Вормсомъ*, продолжается: оппонентъ защищаетъ историческую школу отъ такихъ нападокъ, какихъ докладчикъ никогда не дѣлалъ. Докладчикъ возражалъ лишь противъ того положенія, что право есть

такой же продуктъ органическаго развитія, какъ и языкъ. Соціальная борьба тоже подчинена законамъ развитія. Представители парламентскихъ партій — представители народа, и координація силъ парламентскихъ соотвѣтствуетъ координаціи общественныхъ силъ. Идея равенства была формулирована естественною школою, а не историческою, принесшею много зла въ началѣ текущаго вѣка. Отступленій отъ идеи равенства въ пользу слабыхъ въ проектѣ уложенія — нѣтъ, а есть подобныя отступленія лишь отъ идеи свободы.

И. А. Базановъ указалъ, что *А. Э. Вормсъ* далъ блестящій отвѣтъ докладчику и правъ, когда утверждалъ, что сегодняшний докладъ далъ новую картину уложенія, какой не было въ предъидущемъ. Что каждому строю общественныхъ отношеній соотвѣтствуетъ свое семейное право, — это впервые высказано Менгеромъ, а не въ протоколахъ комиссіи. Неясно, что именно въ нашемъ законодательствѣ о договорѣ найма докладчикъ считаетъ „капризомъ графа Сперанскаго“.

М. И. Брунъ согласился съ указаніемъ оппонента, что замѣчаніе сдѣлано Менгеромъ, но находилъ, что это не мнѣніе Менгера, а фактъ. Противъ региональной системы возражали, что семейное право есть результатъ не мѣстныхъ, а общественныхъ условий. Принципъ „Kauf bricht Miethe nicht“, во второмъ проектѣ, уступка социалистамъ. Я не знаю, чѣмъ руководился гр. Сперанскій.

И. А. Базановъ объяснилъ, что всякая идея подсказывается фактами. Ни гр. Сперанскій, ни даже проф. Мейеръ (въ учебникѣ) и не подозрѣвали существованія въ нашемъ правѣ нормы „Kauf bricht Miethe nicht“. Этотъ принципъ выдвинула наша судебная практика, а развила его въ литературѣ г. Побѣдоносцевъ.

И. Б. Мандельштамъ отмѣтилъ, что, по мнѣнію докладчика, ограниченіемъ нормативнаго начала при образованіи юридическихъ лицъ умаляется принципъ равенства и личной свободы. Между тѣмъ даже представители крайнихъ партій сознавали, что проведеніе начала регистраціи есть шагъ впередъ. § 138 уложенія не нарушаетъ, а наоборотъ, проводитъ начало равенства, которое, пожалуй, нарушается постановленіемъ (§ 6, п. 3-й), лишающимъ дѣеспособности лицъ, подверженныхъ пьянству.

С. А. Муромцевъ полагалъ, что, хотя Общество еще и не пришло къ концу обсужденія новаго законодательнаго памятника Германіи, но уже требуется частичный итогъ по отдѣльнымъ статьямъ того, что было высказано, ибо это дастъ возможность къ извѣстнымъ статьямъ уже не возвращаться. Появленіе такого произведенія не могло не остановить вниманія любого русскаго юриста, вдумывающагося въ умственную жизнь Европы. При изученіи во-

проса вниманіе, естественно, прежде всего останавливается на вызванной уложеніемъ полемикѣ въ германской литературѣ и въ парламентѣ. Живыя стороны этой борьбы интересно изображены въ докладѣ 14 октября. Противъ доклада выступило иное направленіе. Споръ самъ по себѣ есть такой фактъ въ психологическомъ отношеніи, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе слушателя, но онъ не есть еще показатель важности спорнаго вопроса. Спорнымъ въ жизни и вызывающимъ горячую борьбу нерѣдко бываетъ отношеніе, охватывающее жизнь, лишь потому, что оно ново, не опредѣлилось. Кто не знаетъ, что въ области юридической науки есть много вопросовъ, знаменитыхъ по своей спорности, но не имѣющихъ первенствующаго значенія. То же можно сказать и о парламентскихъ преніяхъ. Кодексъ есть наименѣе приспособленное средство для производства реформъ; онъ по самой природѣ своей, по формѣ, есть подведеніе итоговъ прошедшаго, сложившагося. Количество вновь внесенныхъ институтовъ не есть критерій для оцѣнки годности или негодности кодекса. Совершенно естественно, что по поводу уложенія мы пришли къ вопросу о направленіяхъ въ юриспруденціи. При всей кажущейся разницѣ между Іерингомъ и его предшественниками, дѣло его было лишь прямымъ, естественнымъ продолженіемъ, а отчасти и исправленіемъ идей, высказанныхъ ранѣе его. Здѣсь вновь подвердилось, что старыя ученія входятъ въ новыя тою долею истины, которая была въ нихъ. Идея борьбы даетъ идею закономѣрнаго развитія. Преимство юридическихъ идей есть несомнѣнное явленіе исторіи права, такой фактъ, отъ котораго мы, при всемъ желаніи, не можемъ отрѣшиться. Ученіе исторической школы дало возможность бороться съ идеею о произвольномъ созданіи права. Съ 60-хъ годовъ вопросъ объ обычномъ правѣ и его научномъ, законодательномъ и судебномъ значеніи выросъ самъ собою. Въ идеѣ о значеніи обычного права въ Россіи сложились убѣжденія, которыя надо тщательно обдумать прежде, чѣмъ ихъ отвергнуть. Значеніе обычного права было выдвинуто какъ необходимая поправка къ нашему гражданскому кодексу, въ виду появленія миллионовъ личностей, къ жизни коихъ этотъ кодексъ не былъ приспособленъ. Идти формальнымъ путемъ подчиненія всѣхъ освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости писанному закону было тоже нельзя. Первоначальная идея волостныхъ судовъ и обычного права была здоровая и много общавшаяся для будущаго развитія права. Затѣмъ, разъ обычному праву дана была способность проявленія, оно дало лучшій матеріалъ для законодательнаго творчества, ибо нельзя регулировать жизнь, не зная ея, нельзя творить изъ ничего. Самая идея уваженія къ обычному праву содѣйствовала дорогой для насъ, юристовъ, идеѣ о необходи-

мости широкаго развитія того, что мы называемъ судомъ по совѣсти, рѣшенія коего индивидуализируютъ норму въ примѣненіи къ конкретному случаю. Отсюда развивается творчество судьи. Если, несмотря на свою матеріальную отсталость, римское право насъ привлекаетъ, то именно потому, что оно возникло путемъ судебного творчества, индивидуализированія нормы. Въ жизни русскаго обычнаго права можно было находить то же стремленіе къ суду по совѣсти. Если это стремленіе не развилось, а заглохло, то это вина русскаго общества, а не обычнаго права. Почтенный докладчикъ въ своемъ рефератѣ очень искусно допустилъ сравненіе нѣкоторыхъ институтовъ германскаго уложенія съ русскимъ правомъ и отдавалъ преимущество русскому праву. Съ формальной стороны это такъ, но, вѣдь, каждая норма дѣйствуетъ среди данныхъ соціальныхъ условій. Надо принять во вниманіе среду, гдѣ законъ будетъ дѣйствовать. Отдѣльный нѣмецъ и все тамошнее общество относятся иначе къ авторитету закона, чѣмъ мы, русскіе, менѣе культурные, съ менѣе развитымъ правовымъ чувствомъ. У насъ часто хорошій по буквѣ законъ не исполняется безъ исполнительнаго листа судебного пристава. Съ этимъ надо считаться при разсмотрѣніи постановленій закона.

По предложенію Предсѣдателя и съ согласія докладчика, докладъ М. С. Гольденвейзера отложенъ слушаніемъ до слѣдующаго засѣданія.

Засѣданіе закрыто въ 10 час. 40 мин. вечера.

Засѣданіе 11 ноября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 15 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя С. А. Муромцева, при Секретарѣ В. В. Пржевальскомъ, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. М. Александрова, А. А. Влинова, М. И. Вруна, С. Н. Булгакова, В. В. Выховскаго, В. Г. Вѣльскаго, П. И. Вѣляева, Г. Л. Вербловскаго, В. И. Витковскаго, Н. А. Вокача, А. Е. Вормса, В. Ф. Гартунга, М. С. Гольденвейзера, И. Н. Граната, А. Г. Гусакова, Д. Н. Загоскина, О. О. Кокошкина, В. І. Кружовскаго, М. А. Лебедева, С. А. Лилина, П. Н. Лухманова, Н. В. Мандельштама, А. К. фонъ-Меккъ, князя О. В. Мещерскаго, А. А. Переслѣгина, С. Н. Пуриць, А. А. Раевского, И. Н. Сахарова, В. В. Сиротинина, А. И. Урьясова, И. И. Флоринскаго, А. Э. Штейнфинкель и Члена-Корреспондента А. Л. Рубиновскаго.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 23 сентября 1896 г.

II. Предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные Члены *Николай Павловичъ Коломійцевъ*, бывшій адъюнктъ-профессоръ Петровской Сельскохозяйственной Академіи, завѣдующій метеорологическою

сѣтью Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства,—А. И. Чупровымъ и В. В. Пржевальскимъ.

III. Секретарь доложилъ о поступившихъ въ Общество книгахъ.

IV. Избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества *Владиміръ Петровичъ Преображенскій*.

V. Дѣйствительный членъ *М. С. Гольденвейзеръ* прочелъ докладъ: «Гражданское уложеніе для Германской Имперіи, его составленіе, система, характеръ».

М. И. Брунъ находилъ, что референтъ приписываетъ ему такія положенія, какихъ онъ никогда и не высказывалъ. Въ докладѣ замѣчаются и неточности, и нападки, какъ на оппонента, такъ и на германскихъ социаль-демократовъ. Мотивы къ уложенію, вопреки утвержденію докладчика, совершенно самостоятельны, а не суть извлеченія изъ протоколовъ комиссіи и въ этой послѣдней не обсуждались. Критики, а въ частности и Гирке, возражали не только противъ перваго проекта; всѣ же практики были согласны принять и первый проектъ. Сопоставленіе статей германскаго уложенія со статьями Code civil (напр., ст. о шиканѣ со ст. о правѣ собственности) тоже неточно. Оппонента считаютъ принципиальнымъ противникомъ уложенія лишь вслѣдствіе недоразумѣнія. Code civil писался въ ту эпоху, когда на него могло вліять лишь одно третье сословіе, германское же уложеніе составлялось тогда, когда сочетаніе общественныхъ силъ измѣнилось, когда третьему сословію пришлось считаться съ четвертымъ. Поэтому-то идеи равенства и свободы и потускнѣли въ германскомъ уложеніи, сравнительно съ code civil, гдѣ онѣ ясны какъ кристалль. Такъ, напр., при урегулированіи системы приобрѣтенія правъ юридическаго лица корпораціями, германское уложеніе ввело различія между гражданами по политическимъ и религіознымъ воззрѣніямъ. Здѣсь идетъ рѣчь, конечно, не о свободѣ политической, а о свободѣ собственности и договоровъ. Благодаря социальной борьбѣ, въ окончательную редакцію уложенія вошли многія постановленія въ пользу четвертаго сословія. Референтъ не указалъ на тѣ ограниченія свободы договора, которыя существуютъ въ уложеніи относительно, напр., найма, — ограниченія, иногда весьма желательныя, но отсутствующія въ Code civil, такъ какъ этотъ послѣдній объ интересахъ четвертаго сословія не заботился. Обвиненіе докладчикомъ социаль-демократовъ въ обструкціонизмѣ несправедливо, ибо изъ доклада же видно, что обструкціонистской политики держались, напр., и аграріи въ вопросѣ о зайцахъ, клерикалы — въ вопросѣ о гражданскомъ бракѣ. Въ парламентѣ обсуждались вопросы, не имѣющіе политической окраски,—о личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, о

незаконныхъ дѣтяхъ и т. п., причемъ въ этихъ преніяхъ принимали участіе такіе вожаки социаль-демократовъ, какъ Бебель. Социаль-демократы участвовали и въ парламентской комиссіи и представляли тамъ и положительные проекты, которые отчасти были приняты комиссіею, напр., въ вопросѣ о незаконныхъ дѣтяхъ. Книга Менгера очень содержательна и заслуживаетъ болѣе объективнаго разбора. Въ своей критикѣ проекта оппонентъ не шелъ за Менгеромъ, а старался быть объективнымъ.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* объявилъ, что вопросъ о германскомъ уложеніи остается для Общества еще открытымъ и что тому изъ Гг. Членовъ, кто заявитъ желаніе высказаться по этому предмету, будетъ предоставлено слово въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 15 м. вечера.

Засѣданіе 18 ноября 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. вечера Предсѣдателемъ *С. А. Муромцевымъ*, при Секретарѣ *В. В. Пржевальскомъ*, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: *Д. С. Варшева, П. М. Богаевского, М. И. Вруна, С. Н. Вудгакова, В. Г. Вѣльскаго, П. И. Вѣльева, А. Э. Вормса, В. А. Долячко, М. В. Духовскаго, С. А. Жигарева, В. О. Ильина, графа Л. А. Камаровскаго, Ө. Ө Боконкина, В. І. Круковского, М. А. Лебедева, С. А. Лилина, князя Ө. В. Мещерскаго, А. Я. Перельмана, А. А. Переслѣгина, В. В. Сиротинина, Н. М. Тэриана* и Члена-корреспондента *А. Л. Рубиновскаго*.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 28 октября 1896 г.

II. Библіотекаремъ *А. Э. Вормсомъ* доложено о поступившей въ Общество отъ *С. М. Нерсесовой* книгѣ: «Проф. *Н. І. Нерсесовъ*. Торговое право. Посмертное изданіе, исправленное и дополненное *А. Г. Гусаковымъ*».

По предложенію Г. Предсѣдателя, единогласно постановлено: выразить *С. М. Нерсесовой* благодарность Общества за присылку книги.

III. Избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества *Николай Павловичъ Коломійцевъ*.

IV. Дѣйствительный Членъ *графъ Л. А. Камаровскій* прочелъ докладъ: «Международно-парламентскія конференціи 1889—95 гг.» (напечатанъ въ «Русской Мысли», 1896, декабрь, стр. 74—92).

П. М. Богаевскій замѣтилъ, что за послѣдніе два года доклады *гр. Л. А. Камаровскаго* подчеркиваютъ то практическое направле-

ніе, которое теперь принимаетъ въ Европѣ пропаганда идеи мира. Образованіе Бюро мира въ Бернѣ содѣйствовало концентраціи силъ обществъ и друзей мира. Изъ доклада видно, что 1800 парламентскихъ представителей смѣло стали на защиту идеаловъ, дотогѣ упоминавшихся лишь въ учебникахъ международного права. Въ докладѣ интересны двѣ стороны: указанія на большое практическое значеніе пропаганды идеи мира и изложеніе академическихъ рефератовъ по крупнымъ вопросамъ международного права на конференціи. Архивъ Бюро будетъ представлять собою драгоценный матеріалъ. Вопросъ объ уніи для изданія трактатовъ не новъ; было бы желательно, чтобы въ архивѣ мы нашли указанія причинъ непринятія этой мысли Института международного права. На дняхъ заключена такая унія по вопросамъ процессуальнаго права.

П. И. Блaевъ полагалъ, что идея постоянного международного третейскаго суда, безспорно, глубоко симпатичная, представляетъ собою мостъ, черезъ который можно создать постоянную санкцію актовъ международного права. Доводы докладчика въ пользу такого суда солидны, но есть доводы и противъ него. Всякій третейскій судъ носить характеръ конкретный, индивидуальный, характеръ довѣрія къ избираемымъ судьямъ. При выборѣ судей играетъ большую роль элементъ авторитетности, сообщаемой и рѣшеніямъ. Разъ судъ постояненъ, то всѣ эти элементы, играющіе большую роль въ современныхъ международныхъ судахъ, теряютъ свою силу: компетентность уже, не всегда есть довѣріе судящихся къ даннымъ судьямъ, не всегда у судей достаточно и авторитетности. Третейскіе суды въ частномъ правѣ въ теченіе всей ихъ исторіи не стремятся быть постоянными; быть можетъ, въ основѣ ихъ лежатъ не принципы формальные, а принципы нравственности. Римскіе *arbitri* возникли въ силу того, что въ земельныхъ спорахъ важны показанія старожилловъ; кругъ ихъ дѣятельности очень суженъ; они находятся подъ контролемъ власти претора. Постоянный третейскій судъ лишень контроля, который могъ бы исправлять его ошибки. Первичные суды иногда носятъ какъ бы третейскій характеръ. Исторія и практика не говорятъ за практичность постоянного третейскаго суда.

Ө. Ө. Кокоткинъ находилъ, что докладъ врядъ ли можетъ вызвать принципиальныя возраженія. Національное самосознаніе, стремленіе особенно сильно проявляются въ наши дни и не могутъ не отразиться на отдѣльныхъ лицахъ: объ этомъ свидѣлствуетъ самъ докладъ. Всегда можетъ встрѣтиться такой конфликтъ національныхъ интересовъ, гдѣ судъ окажется, даже безсознательно, не безпристрастнымъ. Трудно обезпечить постоянно безпристрастный

составъ суда. Индивидуальный третейскій судъ даетъ больше гарантіи непристрастія.

Гр. Л. А. Камаровскій возразилъ, что высокая авторитетность современныхъ третейскихъ судей,—обыкновенно, главъ государства, имѣетъ и оборотную сторону. Самое ихъ положеніе часто препятствуетъ привятію ими званія третейскаго судьи. Главы государствъ чрезчуръ заинтересованы въ политическихъ дѣлахъ, чтобы быть всегда непристрастными. Практически лучше обращаться къ другимъ лицамъ; третейскія рѣшенія главъ государствъ обыкновенно вырабатываются ихъ совѣтниками, а ими самими лишь скрѣпляются. Пусть лучше судьи работаютъ явно и будутъ отвѣтственными. Изучая международную практику, мы видимъ, что силою вещей третейскій судъ становится все болѣе постояннымъ. Онъ прикрѣпляется къ извѣстнымъ юридическимъ отношеніямъ, а затѣмъ и ко всѣмъ спорамъ на извѣстный срокъ. При теперешней неорганизованной формѣ суда контроля нѣтъ. По постановленію же Брюссельской конференціи устанавливается двоякій контроль: общественнаго мнѣнія и правительствъ, обращающихся въ судъ; кромѣ того, создается апелляція во вторую инстанцію, состоящую изъ другихъ лицъ. Идея эта весьма практична; явится сословіе лицъ, которыя пройдутъ извѣстную школу; непристрастны не судьи случайные, а подготовленные къ своей дѣятельности. По проекту, судъ не обязателенъ для государствъ, которыя могутъ обращаться къ инымъ судамъ, *ad hoc* созданнымъ. Члены, назначенные замѣшанными въ данномъ спорѣ государствами, не засѣдаютъ по этому дѣлу. Правительства имѣютъ право отводить судей.

На вопросъ С. А. Муромцева, гр. Л. А. Камаровскій объяснилъ, что за послѣднія 20 лѣтъ все чаще и чаще назначаются третейскими судьями частныя лица. Все чаще созываются коллективные суды: Алабамскій—5 членовъ, о котиковомъ промыслѣ—7 членовъ и т. д. Между Англіею и С.-Американскими Штатами теперь заключенъ договоръ о постоянномъ третейскомъ судѣ: по два члена отъ высшихъ судовъ, избирающіе посредника (король Швеціи).

Предсѣдатель С. А. Муромцевъ, указавъ, что ни за одною областю правовѣдѣнія Общество не слѣдитъ такъ внимательно какъ за правомъ международнымъ, благодаря докладамъ гр. Л. А. Камаровскаго, выразилъ докладчику благодарность Общества за сдѣланное сообщеніе.

V. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что отъ d-r F. Meyer'a изъ Берлина получено письмо съ выраженіемъ его глубокой благодарности за избраніе въ Члены Общества.

VI. Предсѣдатель доложилъ Обществу, что Бюро Общества

12 ноября утвердило составъ VII тома «Сборника Правовѣдѣнія», который и выйдетъ въ свѣтъ въ самомъ началѣ 1897 года.

VII. Предсѣдатель предложилъ Гг. Членамъ высказаться о формахъ, въ которыхъ можетъ выразиться общеніе Московскаго Юридическаго Общества съ С.-Петербургскимъ, и доложилъ слѣдующія правила такого общенія, выработанныя Бюро Общества въ его засѣданіи 12 ноября:

1. Члены С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, находясь въ Москвѣ, и Члены Московскаго Юридическаго Общества, находясь въ С.-Петербургѣ, пользуются въ засѣданіяхъ мѣстнаго Общества, въ отношеніи къ чтенію и обсужденію докладовъ, правами его Членовъ.

2. Общества обмѣниваются своими изданіями и отчетами.

3. Общества обмѣниваются періодическими краткими свѣдѣніями о своей дѣятельности.

4. Члены одного Общества, удостовѣрившіе свое право на получение его изданій, могутъ получать и изданія другого Общества по установленной для Членовъ сего послѣдняго льготной цѣнѣ.

Общество единогласно *постановило*: одобрить эти правила и поручить Предсѣдателю вступить на почвѣ ихъ въ переговоры съ С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ.

Засѣданіе 9 декабря 1896 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ С. А. Муромцева, при Секретарѣ В. В. Пржевальскомъ, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: В. Г. Вѣльскаго, П. И. Вѣльева, А. Э. Вормса, М. С. Гольденвейзера, В. О. Ильина, гр. Л. А. Камааровскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, А. М. Краевскаго, И. В. Мандельштама, В. И. Розенблюма, Ѳ. А. Савей-Могилевича, В. В. Сиротинина, Н. Н. Таганцева, Н. М. Тэріана, А. И. Урьясова, Г. С. Фельдштейна, Н. Я. Фрейнда, и Члена-Корреспондента А. Л. Рубиновскаго.

I. Предсѣдатель сообщилъ о кончинѣ Почетнаго Члена Общества *Эрнста Энгля*, знаменитаго статистика, и предложилъ почтить память усопшаго вставаніемъ.

Сдѣланное предложеніе было единогласно принято Обществомъ и приведено въ исполненіе.

II. Дѣйствительный Членъ *М. С. Гольденвейзеръ* прочелъ докладъ: «Нѣкоторыя особенности германскаго судопроизводства (по поводу процесса Леккерта и Люцова)».

Изложивъ въ общихъ чертахъ ходъ процесса противъ журнали-

стовъ Леккерта и Люцова и отмѣтивъ важнѣйшіе эпизоды его развитія, придавшіе ему драматическій интересъ, независимо отъ огромнаго политическаго его значенія, докладчикъ обратился къ юридической сторонѣ дѣла и старался показать на этомъ живомъ примѣрѣ изъ практики германскаго суда различіе между уголовнымъ судопроизводствомъ у насъ и на западѣ Европы.

Германскій уголовный процессъ существенно отличается отъ нашего лишь въ своей подготовительной стадіи, т.-е. въ предписаніяхъ закона о предварительномъ слѣдствіи. Въ этомъ отношеніи германскій процессъ выгодно отличается отъ нашего въ слѣдующемъ: а) привлеченіе кого-либо къ уголовной отвѣтственности обставлено въ Германіи бѣльшими гарантіями въ пользу обвиняемаго. У насъ для этого достаточно постановленія судебнаго слѣдователя. Въ Германіи предварительное слѣдствіе начинается по особому постановленію суда, которое можетъ послѣдовать лишь вслѣдствіе официальнаго предъявленія точно сформулированнаго обвиненія со стороны прокуратуры (*Erhebung der oeffentlichen Klage*), или со стороны частнаго обвинителя (въ дѣлахъ, подлежащихъ прекращенію миромъ); б) защита допускается въ Германіи уже при предварительномъ слѣдствіи, при чемъ защитники, при отсутствіи защиты по соглашенію, назначаются судомъ и получаютъ вознагражденіе изъ казны по особому таксу. Защитникъ, по избранію обвиняемаго, допускается и изъ лицъ, не принадлежащихъ къ присяжной адвокатурѣ, но лишь изъ числа близкихъ родственниковъ обвиняемаго; такому защитнику назначается отъ суда въ помощь присяжный адвокатъ; в) за всѣмъ тѣмъ предварительное слѣдствіе въ Германіи служитъ только подготовленіемъ къ судебному слѣдствію, которое всегда ведется самостоятельно и свободно и никогда не сводится къ простой провѣркѣ данныхъ предварительнаго слѣдствія. Въ этомъ устномъ и гласномъ производствѣ на судѣ сосредоточены всѣ силы германскаго процесса, и это значеніе отмѣчено въ самомъ названіи судебного слѣдствія, которое именуется «главнымъ производствомъ» (*Hauptverfahren*).

Обращаясь къ особенностямъ этого «главнаго производства» и къ сравненію его съ нашимъ «судебнымъ слѣдствіемъ», докладчикъ высказалъ, что особенности германскаго и вообще западнаго уголовного процесса заключаются гораздо менѣе въ отличіяхъ нашего закона отъ западнаго, чѣмъ въ способахъ его примѣненія. И нашъ законъ вполне отмѣтилъ существенныя свойства и важнѣйшую цѣль уголовного процесса, которыя, по мнѣнію докладчика, заключаются въ слѣдующемъ: всѣ предписанія закона, соблюденіе которыхъ обязательно для суда, преподаны въ огражденіе правосудія, то-есть интересовъ истины, съ одной стороны, и правъ защиты—

съ другой. Исключительная цѣль здѣсь не форма, а содержаніе. Содержаніе же заключается въ томъ, чтобы тотъ житейскій эпизодъ, тотъ уголокъ дѣйствительности, который захваченъ уголовнымъ процессомъ, былъ воспроизведенъ на судѣ наиболѣе близко къ реальной правдѣ. Для этого суду необходима широкая свобода дѣйствовать по своему усмотрѣнію, подъ единственнымъ условіемъ соблюденія предѣловъ, очерченныхъ закономъ. Общій принципъ здѣсь тотъ, что суду дозволено все то, что закономъ не воспрещено или что не противорѣчитъ прямымъ предписаніямъ закона. Соблюденіе этого принципа какъ нельзя яснѣе иллюстрируется берлинскимъ процессомъ, при производствѣ котораго получились столь неожиданные и потрясающіе результаты, пролившіе свѣтъ въ бездну темныхъ политическихъ интригъ и очистившіе отъ всякихъ злостныхъ нареканий личность министра иностранныхъ дѣлъ, который не побоялся обратиться къ суду, дабы сорвать маску съ своихъ политическихъ противниковъ, и достойнымъ образомъ вознагражденъ былъ за это довѣріе предъ лицомъ своего государя и всего народа. Само собою разумѣется, что суду и въ Германіи лишь очень рѣдко приходится разбирать такого рода дѣла. Но именно потому, что уголовный процессъ, установленный по закону, есть только рамка, а содержаніе дается жизнью въ ея безконечномъ разнообразіи, рамка должна всегда сохранять свою гибкость и способность къ расширенію. Но когда предписанныя закономъ формальности принимаются какъ обязательный къ исполненію обрядъ, который есть самъ для себя цѣль, тогда исполненіе этого обряда становится на первый планъ, содержаніе заслоняется формой и живое дѣло правосудія умерщвляется формализмомъ.

Въ нашемъ процессѣ двѣ причины способствуютъ отклоненію уголовного процесса въ сторону формализма: во-первыхъ, предъявленіе обвиненія въ формѣ канцелярски составленнаго письменнаго обвинительнаго акта, и, во-вторыхъ, устраненіе подробнаго допроса обвиняемаго предсѣдателемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый отвѣчаетъ отрицательно на предлагаемый ему послѣ прочтенія обвинительнаго акта вопросъ о виновности. Первая причина исходитъ изъ прямого предписанія закона, но вторая, думаетъ докладчикъ, есть послѣдствіе укоренившагося въ нашей судебной практикѣ невѣрнаго пониманія закона. Чтеніе обвинительнаго акта въ началѣ нашего судебного слѣдствія замѣняется во всей остальной Европѣ устнымъ изложеніемъ обвиненія представителемъ прокуратуры, за которымъ непременно слѣдуетъ подробный и тщательный допросъ обвиняемаго по поводу предъявленнаго обвиненія, независимо отъ того, признаетъ ли онъ, или не признаетъ себя виновнымъ. Вопросъ о виновности ни-

гдѣ, впрочемъ, и не предлагается подсудимому, за исключеніемъ Англіи, гдѣ вопросъ этотъ необходимъ потому, что, при сознаніи подсудимымъ своей вины, судебное разслѣдованіе и участіе присяжныхъ въ постановленіи рѣшенія упраздняется, и судья прямо приступаетъ къ составленію приговора о наказаніи. Устраненіе допроса обвиняемаго послѣ отрицательнаго его отвѣта на вопросъ о виновности вовсе не вытекаетъ изъ истиннаго смысла ст. 680 уст. угол. суд., которая лишь неудачно редижирована и потому породила это вредное недоразумѣніе. Устное и живое изложеніе обвиненія и столь же живое возраженіе на него подсудимаго драгоцѣнны потому, что только этимъ устанавливается сразу программа всего, что подлежитъ дальнѣйшей провѣркѣ. Сверхъ того, интересъ присяжныхъ къ дѣлу какъ нельзя лучше возбуждается именно такою естественною и живою постановкой вопроса между обвиненіемъ и защитой, тогда какъ интересъ этотъ весьма часто безвозвратно усыпляется монотоннымъ чтеніемъ обвинительнаго акта, на который подсудимый въ большинствѣ случаевъ не предъявляетъ какого-либо общаго и связнаго возраженія.

Далѣе докладчикъ указалъ на строгость, съ которою германское правосудіе относится къ правдивости свидѣтелей на судѣ, а также на тотъ преобладающій среди германской присяжной адвокатуры взглядъ на задачу защитника, по которому достиженіе истины составляетъ и его главную обязанность.

Въ заключеніе референтъ напомнилъ, что въ докладѣ, прочитанномъ имъ въ 1891 году, указанныя задачи защиты были формулированы въ слѣдующемъ тезисѣ:

«Имѣя въ виду, что содѣйствіе къ раскрытію истины на судѣ есть непреложный нравственный законъ, слѣдуетъ признать, что солидарность защиты съ обвиняемымъ не можетъ простирается до сознательнаго сокрытія или извращенія объективной истины».

П. И. Блаетъ указалъ на то, что, по мнѣнію докладчика, къ числу недостатковъ нашего суда относится связанность предсѣдателя формальными приѣмами при допросѣ подсудимаго и веденіи судебного засѣданія. Съ другой стороны, дискреціонная власть французскаго предсѣдателя опасна, по словамъ референта. Въ уголовномъ процессѣ государство такой же истецъ, какіе бываютъ и въ гражданскомъ процессѣ. Представитель государства, прокуроръ, часто стремится къ безусловному обвиненію; предсѣдатель—тоже органъ государства и можетъ сильно вліять на судебныя пренія и вообще на ходъ процесса и въ сторону обвиненія. Въ живомъ разговорѣ съ подсудимымъ предсѣдатель, обладая юридическими познаніями, легко можетъ поставить подсудимаго въ тупикъ; веденіемъ допроса подсу-

димаго председатель может произвести на присяжных впечатлѣніе въ ту или другую сторону. Факты, впервые сообщаемые или раскрываемые на самомъ судѣ, врядъ ли могутъ служить объективнымъ средствомъ для раскрытія истины. Судебный слѣдователь собраннымъ даннымъ группируетъ, продумываетъ, сопоставляетъ, а на судѣ эти данные отрывочны, случайны. На судѣ присяжныхъ главное производство должно носить характеръ скорѣе провѣрочный. Нельзя ставить германскому суду въ достоинство того, что тамъ часто возбуждаются дѣла по обвиненію въ клятвопреступленіи и въ судебныхъ засѣданіяхъ производятся аресты свидѣтелей.

И. Б. Мандельштамъ вынесъ изъ своей практики то впечатлѣніе, что наши Судебные уставы проникнуты доктринаризмомъ, чего нѣтъ на западѣ. Новеллы къ Судебнымъ уставамъ даютъ право суду и министру закрывать двери и тѣмъ подрываютъ успѣшность правосудія. На западѣ на свидѣтеля, вводящаго судъ въ заблужденіе, смотрятъ строго потому, что судъ считается тамъ дѣломъ очень важнымъ. У насъ судьи черезчуръ склонны къ формализму.

В. В. Пржевальскій замѣтилъ, что между первою частью доклада—изложеніемъ хода процесса Люцова—и второю его частью—описаніемъ особенностей германскаго уголовнаго судопроизводства—нѣтъ никакой связи. Въ представленномъ докладчикомъ очеркѣ процесса Леккерта и Люцова совершенно не отмѣчены такіа судебныя дѣйствія и процессуальныя черты, которыя во второй части доклада признаются за характерныя и полезныя особенности германскаго уголовнаго судопроизводства. Докладчикъ указываетъ, напр., какъ на особенности, очень будто бы рельефно выступившія въ процессѣ Люцова, на необходимость постановленія суда для начатія предварительнаго слѣдствія, на допустимость защиты съ самаго начала его, на то, что обвинительный актъ въ судебномъ засѣданіи не читается и т. д.; на самомъ же дѣлѣ ни объ одной изъ этихъ чертъ процесса въ первой части доклада не говорится. По германскому уставу, дѣйствительно, производство предварительнаго слѣдствія по обвиненію противъ опредѣленнаго лица можетъ быть начато лишь по постановленію суда, но зато прокуратура имѣетъ право производить по собственной инициативѣ всѣ слѣдственныя дѣйствія, кромѣ допроса подъ присягою, поскольку они необходимы для разслѣдованія обстоятельствъ дѣла: производить осмотры, допросы, поручать полиціи дознанія и т. п. Въ случаѣ же необходимости допроса подъ присягою, прокуратура обращается къ участковому судѣ, который и обязанъ этотъ допросъ совершить. Понятіе предварительнаго слѣдствія въ Германіи уже, чѣмъ у насъ: тамъ оно допускается судомъ лишь противъ опредѣленнаго лица и по обвиненію въ опредѣленномъ пре-

ступленіи. «Дѣйствительная» подготовка къ судебному слѣдствію имѣется и у насъ въ формѣ предварительнаго слѣдствія. Въ главномъ производствѣ у насъ тоже нѣтъ излишняго формализма, и обвинительные акты далеко не всегда пишутся «канцелярскимъ тономъ». Нельзя говорить презрительно, подобно докладчику, объ обрядахъ судопроизводства, установленныхъ закономъ. Извѣстныя формы процессуальныя установлены главнымъ образомъ въ интересахъ отдѣльныхъ гражданъ, служа прочными гарантіями для обвиняемыхъ. Въ уголовномъ процессѣ одною изъ борящихся сторонъ является всемогущее государство, Левіаѳанъ, а другою — одинокій, слабый гражданинъ. Правдивость свидѣтелей обусловливается сознаніемъ долга и солидарности всѣхъ гражданъ въ борьбѣ съ преступленіемъ, а не каторгою и не арестомъ на судѣ, — какъ это думаетъ референтъ. Въ этомъ вопросѣ докладчикъ самъ себя противорѣчитъ, утверждая, что даже одно «упоминаніе о Сибири», дѣлаемое нашими предсѣдателями, повергаетъ свидѣтелей въ страхъ, связываетъ имъ уста, а съ другой стороны, рекомендуя за лжеприсягу каторжныя работы, какъ нормальное наказаніе, и немедленное, въ самой залѣ суда, взятіе подъ стражу сомнительныхъ свидѣтелей.

Б. О. Ильинъ полагалъ, что докладчикъ слишкомъ обобщилъ то, что вывелъ изъ сенсационнаго процесса Леккерта. И въ Германіи очень рѣдки процессы, гдѣ въ качествѣ свидѣтелей участвовали бы министры, къ услугамъ суда для немедленнаго доставленія свидѣтелей въ засѣданіе предлагались бы коляски канцлера и т. д. Вовсе не общее правило, что обвинительные акты пишутся у насъ канцелярскимъ слогомъ. Въ обвинительномъ актѣ приводятся обстоятельства, какъ уличающія, такъ и оправдывающія обвиняемаго. Нашъ уставъ отнюдь не воспрещаетъ предсѣдателю разрѣшить обвиняемому, не признавшему себя виновнымъ, давать объясненія. Докладчикъ черезчуръ сильно подчеркнул недостатки нашего процесса и черезчуръ ярко изобразилъ достоинства германскаго.

А. М. Краевскій находилъ особенно симпатичнымъ въ германскихъ судебныхъ порядкахъ тотъ фактъ, что процессъ Леккерта производился при открытыхъ дверяхъ. Духъ нашего устава уголовного судопроизводства не формальный, въ немъ дается лишь абрисъ процесса. Формализмъ созданъ кассационною практикой. Часто подсудимый, не чувствуя себя виновнымъ, хочетъ излить свои мысли, а его заставляютъ отвѣчать на другіе вопросы. Часто онъ не успѣваетъ даже сказать того, что считаетъ нужнымъ для своего оправданія. Часто молчаніе подсудимаго спасаетъ его. У насъ есть ст. 216 у. у. с., подобная французской, но она рѣдко примѣняется.

М. С. Гольденвейзеръ объяснилъ, что онъ недостаточно ясно

формулировалъ свои сопоставленія нашего процесса съ германскимъ. Существенныя различія имѣются лишь въ стадіи предварительнаго слѣдствія, а въ главномъ производствѣ все зависитъ отъ практики. Неправильно толкованіе, данное ею ст. 625 у. у. с., но законъ не лишаетъ подсудимаго права давать объясненія и въ этомъ случаѣ. Обвинительный актъ въ германскомъ и во французскомъ процессѣ не читается. Это чтеніе производитъ мертвящее вліяніе на судъ, особенно на присяжныхъ засѣдателей. Нашъ уставъ имѣетъ всѣ данныя, чтобы быть основаніемъ гуманному процессу, но практика Запада въ этомъ отношеніи много совершеннѣе нашей. Процессъ Леккерта, изъ ряда вонъ выходящій, лучше всего показываетъ, что живо осуществленные обряды даютъ возможность самаго разносторонняго воспроизведенія жизненныхъ явленій на судѣ. Передъ излишнею строгостью преслѣдованія лжеприсяги не слѣдуетъ преклоняться, но у насъ ужъ очень рѣдко за нее преслѣдуютъ. Не государство, а прокуроръ выступаетъ въ уголовномъ процессѣ, и у подсудимаго есть защитникъ, а потому сдѣланное г. Пржевальскимъ противопоставленіе не такъ страшно.

В. В. Пржевальскій возразилъ, что обвинителемъ въ уголовномъ процессѣ является само государство, а прокуроръ есть лишь его органъ, его представитель; это обуславливается самою природою государства, какъ лица юридическаго.

С. А. Муромцевъ замѣтилъ, что часто спорящія стороны одинаково симпатизируютъ идеямъ, но каждая по своему понимаютъ практическое ихъ осуществленіе. Въ сегодняшнихъ преніяхъ всѣ согласны, напр., въ нежелательности канцелярской формы предварительнаго слѣдствія, плохого чтенія обвинительныхъ актовъ и т. п., но рѣдко членъ суда или предсѣдатель сами читаютъ обвинительный актъ. Предсѣдатель можетъ, и это часто бываетъ на практикѣ, послѣ каждаго свидѣтельскаго показанія спрашивать подсудимаго, не желаетъ ли онъ дать объясненія. Представляется очень полезнымъ по тому или другому поводу возвращаться къ подобнымъ крупнымъ вопросамъ уголовного и гражданскаго права; форма при частомъ примѣненіи втягиваетъ въ себя, а потому надо вспоминать ея живое содержаніе.

III. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 4 ноября 1896 года.

IV. Секретаремъ доложено о поступившихъ въ общество книгахъ.

V. Предложенъ въ дѣйствительные члены общества *Леонтій Александровичъ Кирилловъ*, кандидатъ правъ, бывший статистикъ Ярославскаго губернскаго земства, — *А. И. Чупровымъ* и *В. Н. Григорьевымъ*.

VI. Предсѣдателемъ доложено подписанное пятью дѣйствитель-

ными членами общества: С. Н. Булгаковымъ, П. И. Бѣляевымъ, А. Э. Воржсомъ, О. О. Кокошкинымъ и В. В. Пржевальскимъ, заявление о возобновленіи дѣятельности коммиссіи 1879 года, слѣдующаго содержанія: «Считая необходимымъ предварительное обсужденіе докладовъ по исторіи и теоріи права и общественнымъ наукамъ въ особой коммиссіи, нижеподписавшіеся предлагаютъ Обществу: учредить для этой цѣли такую коммиссію примѣнительно къ правиламъ для коммиссіи, утвержденнымъ 15 марта 1879 года; предоставить вновь образованной коммиссіи выработать планъ занятій и порядокъ дѣлопроизводства и внести ихъ на утвержденіе общества».

Общество единогласно постановило: 1) Общество избираетъ изъ среды себя коммиссію для обсужденія докладовъ по исторіи и теоріи права и общественнымъ наукамъ, примѣнительно къ правиламъ для коммиссіи, учрежденной постановленіемъ общества отъ 15 марта 1879 года. 2) Коммиссіи предоставляется выработать проектъ особаго постановленія объ ея устройствѣ и порядкѣ дѣлопроизводства и внести таковой, чрезъ бюро Общества, въ годичное засѣданіе общества.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. 20 минутъ.

Засѣданіе 20 января 1897 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя С. А. Муромцева при секретарѣ В. В. Пржевальскомъ, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Н. А. Вазанова, А. А. Влинова, В. В. Выховского, Г. Л. Вербловскаго, А. Э. Воржса, В. Ф. Гартунга, М. С. Гольденвейзера, Д. Н. Загоскина, І. Н. Иллустрова, В. О. Ильина, С. А. Дилина, Н. В. Мандельштама, Л. Е. Мандельштама, А. В. Розенблюма, В. В. Сироткина, И. М. Тѣріана и Г. С. Фельдштейна, члена-корреспондента А. Л. Рубиновскаго.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 11 ноября 1896 г.

II. Избранъ въ дѣйствительные члены общества *Леонтій Александровичъ Кирилловъ*.

III. Предсѣдатель доложилъ отношеніе Предсѣдателя Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ отъ 24 декабря 1896 года за № 116, слѣдующаго содержанія: «Совѣтъ Юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, разсмотрѣвъ правила, проектированныя бюро Московскаго Юридическаго Общества въ интересахъ сближенія между нимъ и С.-Петербургскимъ юридическимъ обществомъ, и признавая эти правила вполнѣ отвѣчающими ихъ цѣли, постановилъ принять ихъ къ исполненію, о чемъ увѣдомить бюро Московскаго Юридическаго Об-

щества, присовокупивъ, что всѣ свѣдѣнія о дѣятельности Московскаго общества, по желанію его, будутъ печататься въ «Журналѣ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества», въ отдѣлѣ хроники юридическихъ обществъ».

Общество единогласно постановило: принять къ исполненію правила общенія Московскаго Юридическаго Общества съ С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ, одобренныя Обществомъ въ засѣданіи 18 ноября 1896 года.

IV. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія общества, что комиссія для обсужденія докладовъ по исторіи и теоріи права и общественнымъ наукамъ, на предварительномъ совѣщаніи, рѣшила не вносить измѣненій въ правила 5 марта 1879 года, и обратился къ гг. членамъ Общества, желающимъ вступить въ эту комиссію, съ просьбою заявить ему объ этомъ до будущаго засѣданія 27 января, когда имъ будетъ представленъ на утвержденіе Общества составъ комиссіи.

V. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены общества: *графъ Эммануилъ Павловичъ Беннисенъ*, младшій кандидатъ на судебныя должности при Московской Судебной Палатѣ,—А. К. фонъ-Меккъ и В. В. Пржевальскимъ; *Григорій Николаевичъ Шмелевъ*, преподаватель Серпуховской женской гимназій,—В. В. Сиротининымъ и В. В. Пржевальскимъ, и *Николай Николаевичъ Харузинъ*, приватъ-доцентъ Московскаго университета,—А. Э. Вормсомъ и В. В. Пржевальскимъ.

VI. Приняты въ члены-корреспонденты Общества, по предложенію А. Э. Вормса и В. В. Пржевальскаго: *Михаилъ Михайловичъ Хвостовъ*, оставленный при Московскомъ университетѣ по кафедрѣ всеобщей исторіи, *Степанъ Федоровичъ Fortunatovъ*, приватъ-доцентъ Московскаго университета, *Федоръ Александровичъ Смирновъ*, кандидатъ филологій, преподаватель среднеучебныхъ заведеній, *Михаилъ Николаевичъ Покровский*, оставленный при Московскомъ университетѣ по кафедрѣ русской исторіи, *Владиміръ Николаевичъ Ивановскій*, кандидатъ филологій, *Александръ Александровичъ Кизеветтеръ*, приватъ-доцентъ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, *Сергій Павловичъ Моравскій*, кандидатъ филологій, преподаватель среднеучебныхъ заведеній, и *Дмитрій Моисеевичъ Петрушевскій*, приватъ-доцентъ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ.

VII. Дѣйствительный членъ В. В. Быховскій прочелъ докладъ „О вызовѣ свидѣтелей на уголовный судъ по закону 18 марта 1896 года“. (Изд. отдѣльною брошюрой „Обвиненіе и защита при законѣ 18 марта 1896 года“, М. 1897).

В. В. Пржевальскій находилъ, что новымъ закономъ принципы равноправности сторонъ и состязательности теоретически поколеблены

въ извѣстной мѣрѣ, но для правильной оцѣнки этой новеллы у насъ еще нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Норма процессуальная можетъ быть оцѣнена, понята во всей полнотѣ ея общественнаго значенія лишь въ тѣснѣйшей связи съ самою судебною жизнью. Положеніе докладчика о существованіи въ нашей судебной практикѣ *favor accusationis* ничѣмъ не доказано. Еще болѣе бездоказательно его утвержденіе, что подобнаго рода отношеніе къ обвиняемому лежитъ будто бы въ природѣ судейской дѣятельности. Сохраненіе извѣстнаго срока для ходатайствъ передъ судомъ о вызовѣ свидѣтелей желательно въ тѣхъ видахъ, чтобы дѣла постоянно не откладывались. Коррективомъ къ новой редакціи ст. 575 у. у. с. служить ст. 576-ая, предоставляющая участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ право вызывать свидѣтелей въ судебное засѣданіе на свой счетъ черезъ судъ или по добровольному съ ними соглашенію. Вызовъ свидѣтелей на счетъ просителя вовсе уже не въ такой мѣрѣ самъ по себѣ увеличиваетъ права лишь состоятельныхъ подсудимыхъ, какъ это говорится въ докладѣ. Здѣсь возможно помочь тѣмъ, что включить въ нашъ уставъ, по образцу § 219 германскаго, постановленіе, коимъ суду давалось бы право, признавъ по допросѣ свидѣтеля, вызваннаго на счетъ стороны, его показанія полезными для разъясненія дѣла, принять расходы по вызову его на счетъ казны. По мнѣнію докладчика, судъ, предварительно выясняя себѣ значеніе для дѣла показанія каждаго свидѣтеля, о допросѣ коего возбуждено ходатайство, беретъ на себя бремя непосильной работы. Въ дѣйствительности же, при иномъ порядкѣ, допросъ массы излишнихъ свидѣтелей въ судебномъ засѣданіи былъ бы не меньшимъ, если не большимъ бременемъ.

А. Б. Розенблюмъ считалъ вполне отрицательное отношеніе докладчика къ новеллѣ правильнымъ. Намъ нельзя ссылаться на судебные порядки запада. У насъ судящіеся не такъ развиты, крестьяне часто боятся суда, судебного слѣдователя; на предварительномъ слѣдствіи, при отсутствіи защиты, слѣдователь сплошь и рядомъ вызываетъ свидѣтелей односторонне, а обвиняемый не понимаетъ значенія уликъ, противъ него выставляемыхъ, и часто не спрашиваетъ свидѣтеля о томъ, что важно для дѣла. Самый крупный недостатокъ новеллы заключается въ томъ, что свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи, поставлены въ менѣе благоприятное для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ положеніе, чѣмъ новыя, не допрошенные на предварительномъ слѣдствіи свидѣтели. Правило, разрѣшающее обвиняемому самому, на свой счетъ, приводить свидѣтелей, должно быть исключено изъ закона, ибо подобныя свидѣтели являются дополнительными защитниками. Новелла ухудшаетъ положеніе защиты и не будетъ парализована ст. 576 у. у. с.

М. С. Гольденвейзеръ отмѣтилъ черезчуръ пессимистическое отношеніе докладчика къ новеллѣ. Мы не знаемъ, что вызвало этотъ законъ, не знаемъ, есть ли это лишь обломокъ болѣе обширной реформы. Намъ приходится гадать по тексту, истолкованному докладчикомъ слишкомъ узко, односторонне. Новеллою отмѣнено безусловное право подсудимаго вызывать всѣхъ свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, но во многомъ права подсудимаго ею расширены. Прокурорскій надзоръ не настолько одностороненъ, чтобы злоупотреблять своимъ правомъ ст. 573 у. у. с. Въ новой редакціи ст. 575-ой говорится лишь, что обстоятельства, о коихъ можетъ показать свидѣтель, должны имѣть „значеніе для дѣла“, а прежде эта статья требовала наличности „важныхъ причинъ“. Теперь судъ обязанъ свой отказъ мотивировать, чего не было прежде. Значить, можно такъ или иначе обжаловать это опредѣленіе суда въ кассационную инстанцію. Не зная мотивовъ закона, мы должны ждать указаній практическаго опыта. Нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы сношеніе обвиняемаго со свидѣтелемъ о явкѣ въ судъ бросало тѣнь на свидѣтеля.

В. В. Быховскій находилъ мнѣніе, что ст. 576 компенсируетъ новеллу, неосновательнымъ. Разъ измѣняли порядокъ вызова свидѣтелей, надо было прямо сказать, что ст. 576 не мертворожденная. Судъ можетъ отказать въ вызовѣ и по 576 ст. Новая редакція ст. 576 опасна; она не даетъ суду указаній, что считать существеннымъ обстоятельствомъ, формула ея очень широка. Сенатъ и прежде входилъ въ разсмотрѣніе отказовъ въ вызовѣ свидѣтелей. Пессимистическій взглядъ докладчика на новеллу основанъ на наблюденіи практической жизни.

С. А. Муромцевъ полагалъ что новый законъ не только теоретически, но и практически ограничиваетъ права защиты. Прокурорскій надзоръ не всегда одинаково пользуется ст. 578; обвинительная тенденція мѣстами сильнѣе, мѣстами слабѣе въ Россіи. При старомъ порядкѣ для темныхъ обвиняемыхъ существовала та льгота, что была категорія свидѣтелей, коихъ можно было вызывать безъ мотивировки. Основаніе вызова свидѣтелей въ новомъ законѣ шире, свободнѣе. По новой редакціи статьи, краткій немотивированный отказъ суда незаконенъ: судъ долженъ приводить теперь фактическія основанія къ отказу. Сенатъ теперь долженъ уважить жалобы на недостаточность мотивировки. Допустить свидѣтелей судъ можетъ безъ мотивировки, а это—на руку подсудимому. Въ новомъ законѣ есть другой психологическій регуляторъ. Сложилось мнѣніе, что есть категорія нормальныхъ свидѣтелей, а другіе свидѣтели—своего рода роскошь, требующая, для своего допущенія, мотивировки. Теперь же

всякій свидѣтель одинаковъ въ глазахъ суда, и это даетъ надежду на благоприятное примѣненіе и вліяніе новеллы.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 10 мин. вечера.

Засѣданіе 27 января 1897 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 20 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Г. Л. Вербловскаго при секретарѣ В. В. Пржевальскомъ, въ присутствіи почетнаго члена С. А. Муромцева и гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: П. М. Богаевского, С. Н. Булгакова, В. В. Выховскаго, П. И. Бѣляева, В. В. Валицкаго, А. Э. Вормса, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гусакова, В. А. Долячко, С. А. Жигарева, Н. А. Зачинскаго, Д. Н. Загоскина, В. О. Ильина, В. І. Круговскаго, Л. Е. Мандельштама, А. Е. фонъ-Меккъ, Л. Н. Раевского, В. В. Сиротинина и В. Н. Сторожева.

I. Приняты въ члены-корреспонденты Общества: *Николай Николаевичъ Шамонинъ*, кандидатъ филологін, преподаватель средне-учебныхъ заведеній, *Михаилъ Осиповичъ Гершензонъ*, кандидатъ филологін, *Михаилъ Михайловичъ Боюсловскій*, магистрантъ русской исторіи,—по предложенію П. И. Бѣляева и А. Э. Вормса, и *Юлій Исаевичъ Айхенвальдъ*, секретарь редакціи журнала „Вопросы философіи и психологін“, по предложенію А. Э. Вормса и С. Н. Булгакова.

II. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 18 ноября 1896 г.

III. Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *Графъ Эммануилъ Павловичъ Беннисенъ*, *Григорій Николаевичъ Шмелевъ* и *Николай Николаевичъ Харузинъ*.

IV. Библіотекаремъ доложено о поступившихъ въ Общество книгахъ.

V. Обществомъ утвержденъ слѣдующій составъ коммиссіи для обсужденія докладовъ по исторіи и теоріи права и общественнымъ наукамъ: Предсѣдатель Общества С. А. Муромцевъ, Товарищъ Предсѣдателя Общества Г. Л. Вербловскій, дѣйствительные члены Общества: И. А. Базановъ, П. М. Богаевскій, С. Н. Булгаковъ, П. И. Бѣляевъ, А. Э. Вормсъ, Ю. С. Гамбаровъ, А. В. Горбуновъ, В. Э. Денъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, С. П. Мокринскій, П. И. Новгородцевъ, В. В. Пржевальскій, А. А. Раевскій, В. В. Рождественскій, А. Б. Розенблюмъ, В. Н. Сторожевъ, Г. С. Фельдштейнъ, Н. Н. Харузинъ, и члены-корреспонденты: Ю. С. Айхенвальдъ, М. М. Богословскій, М. О. Гершензонъ, В. Н. Ивановскій, А. А. Кизеветтеръ, С. П. Моравскій, Д. М. Петрушевскій, М. Н. Покровскій, Ф. А. Смирновъ, С. Ф. Фортунатовъ, М. М. Хвостовъ и Н. Н. Шамонинъ.

VI. Дѣйствительный членъ П. И. Бѣляевъ прочелъ докладъ „Спеціальное назначеніе судей и судебная грамота въ древнемъ рус-

скомъ процессѣ“ (напечатанъ въ VIII т. „Сборника правовѣдѣнія“, стр. 1—16.)

А. Э. Вормсъ замѣтилъ, что самый приѣмъ изслѣдованія докладчика существенно отличается отъ приѣма, примѣняемаго въ другихъ работахъ на ту же тему. Другіе изслѣдователи ограничиваются описаніемъ процесса, но никто изъ нихъ не обобщаетъ явленій процесса, не выводитъ общихъ принциповъ. Большинство писателей говоритъ, что древнерусскій процессъ былъ хаотическій, а судьи руководились лишь фискальными соображеніями. Таково мнѣніе даже проф. Дмитріева. Оно неправильно уже à priori, ибо всякій процессъ есть сложный цѣлесообразно построенный организмъ. Докладчикъ поступилъ правильно, избравъ исходною точкой древній процессъ и съ нимъ сравнивая русскій, но ограничивается сопоставленіемъ, а не сравниваетъ институты, не указываетъ потребностей, ихъ вызвавшихъ, и цѣлей, ими преслѣдовавшихся. Назначеніе судьи и даваніе грамоты знаменуютъ собою переходъ отъ обычнаго права къ писанному. Относительно французскаго процесса каролингской эпохи и норманскаго права—это несомнѣнно. Это судъ болѣе по справедливости, менѣе формальный, чѣмъ судъ народа. Референтъ не только не остановился на потребностяхъ, вызвавшихъ римскіе институты, но и бралъ ихъ изъ различныхъ эпохъ. Въ докладѣ, наконецъ, опредѣлены далеко не всѣ термины, такъ, напр., не указано, какъ надо понимать „судью“ въ древнемъ процессѣ.

П. И. Бѣляевъ, признавая наличность пробѣловъ въ докладѣ, указалъ на то, что исторія русскаго процесса—terra incognita, и потому, съ какой стороны за нее ни возьмись, все-таки натолкнешься на темныя мѣста. За рѣшеніе вопроса о потребностяхъ, вызвавшихъ институты, надо браться съ большимъ научнымъ багажемъ, чѣмъ тотъ, какимъ обладаютъ наши историки права. Что королевскій судъ проводилъ aequitas въ каролингскомъ процессѣ,—такое мнѣніе существуетъ. Но что такое тогдашняя aequitas? Княжескимъ судомъ дорожили въ древности, но нельзя говорить, что эта такая справедливость, которая творитъ новыя формы процесса въ нашемъ правѣ. Историкъ, который имѣетъ дѣло не съ пособіями, а съ источниками, долженъ ограничиваться конъектурами. Чтобы и „судьи“ были спеціальнымъ терминомъ, это Дмитріевымъ не доказано. Роль присяжныхъ есть дифференціація одного изъ свойствъ судебной власти; присяжные работаютъ лишь въ одной стадіи процесса. При краткости доклада трудно излагать подробно римскій процессъ.

Ю. С. Гамбаровъ находилъ, что было бы лучше, если бы грамоты были не только прочитаны въ докладѣ, но и проанализированы, а то доказательность ихъ для насъ осталась неясной. Основное по-

ложеніе доклада доказывалось матеріалами изъ исторіи права и соображеніями общаго характера. Въ докладѣ больше сопоставленій, чѣмъ сравненій; въ одну кучу сбиты институты различные и разныхъ эпохъ. Начатіе процесса посредствомъ королевскаго приказа составляло въ каролингскомъ и меровингскомъ процессахъ исключеніе: для дѣлъ казны, монастырей и т. п. Компетенція королевскаго суда была ограничена, и онъ проводилъ *aequitas*, остальные же дѣла разбирались народнымъ судомъ. Вопросъ о раздѣленіи у насъ процесса на *graeatatoria* и рѣшеніе дѣла по существу не можетъ быть разрѣшенъ утвердительно въ силу одного того соображенія, что всякій процессъ начинается актомъ двустороннимъ; это не такъ: двусторонніе акты предшествуютъ суду. Само одностороннее обращеніе въ судъ съ жалобой есть уже начало процесса. Разрѣшеніе вопроса о о наличности всѣхъ условій, необходимыхъ для установленія процессуальнаго отношенія, есть уже процессъ, ибо нѣтъ такого разрѣшенія подобнаго вопроса, которое было бы безразлично для процесса. Тутъ разграниченіе лишь логическое; разъ судъ совершаетъ судебныя дѣйствія, процессъ уже начался. Процессъ въ Римѣ происходилъ и *in iure*,—съ чѣмъ докладчикъ согласенъ,—а въ Россіи, въ соотвѣтствующій моментъ, по мнѣнію докладчика, процессъ еще не начинался. Что назначеніе судьи у насъ не было делегациею, которая въ Римѣ и въ германскомъ процессѣ носила приватный характеръ,—это невѣрно. Всякій судъ, кромѣ эпохи частной мести и современнаго третейскаго, носить государственный, публичный характеръ. Въ средневѣковой Германіи *scabini* были назначаемы изъ постояннаго контингента лицъ, уже занимавшихъ государственный должности. Въ судебной делегациі нельзя отмѣтить приватнаго характера, если, конечно, не говорить о самомъ названіи.

П. И. Бяляевъ объяснилъ, что несоблюденіе исторической перспективы въ докладѣ вызвано тѣмъ, что сравнительная часть и безъ того занимаетъ половину его. Въ рефератѣ говорилось только, что судебная грамота лишь возбуждаетъ судебную дѣятельность. Докладчикъ говорилъ, что и въ германскомъ процессѣ бывали судьями частныя лица, какъ и у насъ. Философски связывать начало процесса съ двустороннимъ актомъ неправильно, но въ литературѣ различается начало судебныхъ дѣйствій отъ начала процесса, *Kriegsbefestigung*. Такъ было и въ римскомъ процессѣ, даже въ императорскую эпоху. Это вопросъ терминологіи: начало процесса въ широкомъ смыслѣ надо отличать отъ начала процесса, *Processbeginn*, влекущаго матеріальныя послѣдствія. Самое понятіе *mandatum*'а, *delegatio* взято не изъ государственнаго права; это не есть лишь вопросъ названія. На дѣятельность судьи въ римскомъ и германскомъ процессѣ вліяли правила *mandatum*'а.

Ю. С. Гамбаровъ полагалъ, что *litis contestatio* надо относить къ стадіи *in iure*, которая констатаціею и оканчивалась. Матеріальныя послѣдствія связывались только съ *litis contestatio*. *Litis contestatio* и заключалась въ рѣшеніи вопроса о томъ, можно ли начинать процессъ, а не въ рѣшеніи дѣла по существу.

В. В. Бытовскій замѣтилъ, что въ нашемъ процессѣ есть цѣлый рядъ преступленій (напр., государственныхъ), для разбора коихъ судья назначается Государемъ. Назначеніе судей въ международныхъ спорахъ, порученіе осмотровъ судомъ члену суда есть ли это тоже делегація?

П. И. Бяляевъ находилъ, что членъ коллегіи судебной или вся коллегія въ подобномъ случаѣ одно и то же: всѣ дѣйствія члена суть дѣйствія коллегіи. Относительно международныхъ судей вопросъ спорный.

А. Э. Вормсъ объяснилъ, что онъ говорилъ не объ условіяхъ общественнаго быта, вызвавшихъ ту или иную организацію суда, а о тѣхъ юридическихъ явленіяхъ, которыя вызвали ту или иную форму суда (напр., въ Англіи въ нѣкоторыхъ дѣлахъ обязательствъ судъ верховной власти). Вездѣ ли была грамота въ русскомъ процессѣ? Никакого сходства между теперешнимъ назначеніемъ верховнаго уголовного суда, порученіемъ палатой суду допроса свидѣтелей и т. п. съ одной стороны, и древнерусскимъ даваніемъ судей, съ другой, нѣтъ.

Г. Л. Вербловскій указалъ, что у насъ мало литературныхъ пособій по исторіи древнерусскаго гражданскаго процесса. Историкосравнительный методъ, примѣненный въ докладѣ, плодотворенъ. Смѣшеніе гражданскаго и уголовного процесса, обыкновенно, мѣшаетъ выясненію того, каковъ былъ древній судъ. Нельзя утверждать, что обращеніе къ князю за судьею не было началомъ процесса, ибо невозможно не считать цѣлый рядъ дѣйствій началомъ процесса. Инициатива процесса исходила не отъ князя, а отъ тяжущагося. Князь давалъ судью тогда, когда матеріалъ былъ уже собранъ, т. е. *litis contestatio* здѣсь уже имѣла мѣсто. У насъ теперь *litis contestatio* наступаетъ со времени врученія отвѣтчику копии искового прошенія. Съ этого момента исчисляются проценты, начинается недобросовѣстность и т. п.

По выраженіи г. Предсѣдательствующимъ благодарности докладчику за сообщеніе, засѣданіе закрыто въ 11 час. вечера.

ПО ПОВОДУ ДѢЛА ДЕ-КАЦМАНЪ.

(Практическая замѣтка по гражданскому судопроизводству).

Процессъ объ убійствѣ Диманта, возбуждая множество вопросовъ юридическо-соціального характера, вмѣстѣ съ тѣмъ наводитъ и на размышленія о нашихъ процессуальныхъ порядкахъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Незабвенный Монархъ даровалъ намъ подъ именемъ Судебныхъ Уставовъ глубоко продуманный кодексъ, гдѣ каждое законоположеніе, каждое установленіе скрѣплялось въ общей системѣ съ другими живой, неразрывной связью, образуя органическое цѣлое. Но когда вдохновенные зодчіе, великіе творцы этого произведенія, отошли отъ него, къ нему приступили простые мастеровые и взялись за передѣлку его на всѣ лады, каждый по своему. Быстро, быстро стало преобразовываться дивное зданіе, теряя съ каждою передѣлкой и свой вѣншній величавый обликъ, и внутреннее разумное построеніе. Какъ справедливо было сказано однажды, эти передѣлки являются только убогими заплатами на изящномъ и дорогомъ платьѣ *). Но, кажется, ни одна передѣлка Судебныхъ Уставовъ не имѣла такихъ обильныхъ и такихъ тяжелыхъ послѣдствій, какъ измѣненія въ Уставѣ гражданского судопроизводства въ разд. V, касающемся исполненія судебныхъ рѣшеній. Составители Уставовъ поставили себѣ цѣлью устранить всѣ препятствія, которыя обыкновенно изыскиваетъ и противопоставляетъ истцу обвиненная сторона и установить такіа правила, которыя, съ одной стороны, обезпечивали бы право стороны выигравшей, а съ другой—охраняли бы проигравшаго дѣло отъ всякаго насилія и злоупотребленія. И правила разд. V

*) См. мои „Практич. замѣтки о свойствахъ состязательнаго начала въ гражд. судопроизводствѣ“. Спб. 1897. Тип. Стасюлевича.

Судебныхъ Уставовъ блестяще разрѣшаютъ эту трудную задачу, не смотря на нѣкоторые недочеты и неясности чисто редакціоннаго свойства. По этимъ правиламъ приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній предоставлено особымъ, состоящимъ при судѣ, органамъ—судебнымъ приставамъ, избирающимъ изъ среды своей совѣтъ судебныхъ приставовъ, являющийся такимъ образомъ ближайшей начальственной властью, въ высшей степени компетентной въ вопросахъ исполнительныхъ дѣйствій и вмѣстѣ съ тѣмъ товарищески сочувственной къ подчиненнымъ и, конечно, самой умѣренной въ своихъ требованіяхъ и самой доступной для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. На ряду съ совѣтомъ предоставляется судебнымъ приставамъ образовывать между собою товарищество съ круговою другъ за друга отвѣтственностью. Какъ совѣтъ, такъ и товарищество состоятъ при судебной палатѣ даннаго судебного округа, распространяя такимъ образомъ свои дѣйствія на весь судебный округъ палаты; независимо совѣта, за дѣйствіями судебного пристава, исполняющаго рѣшеніе, наблюдаетъ предсѣдатель того суда, въ вѣдѣніи котораго исполняется рѣшеніе, а самая законность ихъ по всѣмъ обстоятельствамъ, вызывающимъ сомнѣніе, можетъ быть провѣрена судебнымъ разсмотрѣніемъ по жалобамъ сторонъ на ихъ распоряженія. Такая организація судебныхъ приставовъ, съ оттѣнкомъ сословнаго характера, вполне способна дать имъ большую самостоятельность въ ихъ дѣйствіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ въ нихъ ни малѣйшаго произвола, въ виду тройственнаго надъ ними контроля: со стороны своихъ же товарищей—въ лицѣ совѣта, непосредственнаго начальства—въ лицѣ предсѣдателя суда и, наконецъ, самаго суда.

Производство по исполнительнымъ дѣйствіямъ подчинено тому же состязательному началу, какъ и весь гражданскій процессъ: и здѣсь вся инициатива какъ въ выборѣ способовъ исполненія рѣшенія, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ предоставлена сторонѣ ищущей, но съ правомъ для другой стороны дѣлать возраженія почти по каждому ея требованію; взыскателю предоставляется присутствовать при всѣхъ дѣйствіяхъ судебного пристава, но съ тѣмъ, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ самое исполненіе и не въ правѣ дѣлать отъ себя какія-либо распоряженія; всѣ дѣйствія пристава записываются въ журналъ, выписки изъ котораго могутъ получать обѣ стороны. Присутствіе сторонъ и даже постороннихъ лицъ, по ихъ приглашенію, и веденіе журнала представляютъ собою новыя гарантіи безпристрастности и правильности дѣйствія приставовъ.

Организовавъ прочно судебно-исполнительную власть, предоставивъ необходимый просторъ для дѣятельности при исполненіи рѣшенія взыскателю, законодатель однако ясно сознавалъ, что во мно-

гихъ случаяхъ участіе въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ лишь двухъ этихъ факторовъ бываетъ весьма недостаточнымъ, что для достиженія желанной цѣли необходимо привлечь еще и самого виновника возбужденнаго процесса, заставивъ и его содѣйствовать общему стремленію—осуществить постановленное судомъ рѣшеніе. Въ сихъ видахъ, указавъ способы исполненія рѣшеній и нормировавъ ихъ весьма подробными и почти всегда практически-мудрыми правилами, законодатель на тотъ случай, когда у отвѣтчика не оказывается имущества, достаточнаго для покрытія взысканія, и онъ не указываетъ способа исполненія рѣшенія, установилъ еще и личное задержаніе должника. Мѣра эта, по мысли законодателя, имѣетъ значеніе только понужденія недобросовѣстнаго отвѣтчика, уклоняющагося незаконными путями отъ исполненія постановленнаго противъ него судебнаго рѣшенія, и далека отъ того, чтобы предоставлять несчастнаго должника въ жертву мести или жестокости взыскателя. Въ обезпеченіе его отъ такой возможности, вопросъ о личномъ задержаніи предоставленъ рѣшенію суда, при чемъ, по основной мысли закона, судъ можетъ допустить эту мѣру лишь только въ случаѣ признанія въ томъ необходимости, въ виду нежеланія отвѣтчика подчиниться рѣшенію, — такъ, напр., если должникъ скрылъ свое имущество, или передалъ его въ другія руки, желая пользоваться имъ во вредъ своихъ кредиторовъ, или вообще допустилъ такое неблаговидное дѣйствіе, которое убѣждаетъ судъ въ томъ, что является необходимость прибѣгнуть къ крутой мѣрѣ принужденія. И вотъ такимъ путемъ самъ должникъ, движимый страхомъ лишенія свободы, приневольивается къ тому, чтобы приняться за изысканіе мѣръ къ удовлетворенію присужденнаго съ него долга. И конечно, при нѣкоторой его состоятельности и при необходимой долѣ снисходительности со стороны кредитора, цѣль правосудія почти всегда достигается безъ примѣненія самой карательной мѣры, въ виду только одной ея возможности.

При такомъ положеніи кредитору незачѣмъ вступать съ должникомъ въ яростную борьбу за каждый предметъ изъ его имущества, не для чего вести съ нимъ какое-то подобіе войны съ нечаянными нашествіями на его домъ, съ хитрыми захватами его имущества и всѣми другими прелестями, практикуемыми нынѣ при исполненіи судебныхъ рѣшеній; должникъ же никогда не можетъ упустить изъ вида, что его противоудѣйствія взысканію и всякія неблаговидныя мѣры къ освобожденію отъ взысканія своего имущества могутъ въ концѣ-концовъ тяжело отразиться лично на немъ самомъ—и потому не станетъ раздражать кредитора, а лучше постарается такъ или иначе съ нимъ сойтись—на мировую.

Имѣя такое за собой обезпеченіе, въ свою очередь и кредиторъ, конечно, станетъ примѣнять всѣ обычныя мѣры взысканія легко и, стало-быть, не подастъ повода должнику къ слишкомъ крайнему противъ себя раздраженію.

Такимъ образомъ, личное задержаніе, какъ оно было установлено Судебными Уставами въ первоначальномъ ихъ изданіи, съ распространеніемъ его не только на крупныхъ, но и на мелкихъ должниковъ, начиная отъ 100 р., являлось мѣрою чрезвычайно разумною и даже прямо необходимою.

Устанавливающая ее статья 1223, нынѣ отмѣненная, редактирована была неправильно, несогласно съ 115 ст. Основн. Положен. гражданскаго судопроизводства, но при примѣненіи ея на практикѣ она могла быть истолкована въ ея настоящемъ смыслѣ, для чего могли служить превосходные мотивы къ этой статьѣ, содержащіяся въ изданіи Судебныхъ Уставовъ государственной канцеляріи.

Изъ этихъ мотивовъ видно, что первоначально было предположено редактировать упоминаемую статью такимъ образомъ: судъ постановляетъ опредѣленіе о личномъ задержаніи должника, если окажется, что онъ передалъ свое имущество, или какую-либо часть его, въ другія руки, или скрываетъ оное, желая пользоваться имъ во вредъ своихъ кредиторовъ; продолжительность заключенія опредѣляется судомъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, обнаруживающимъ недобросовѣстность дѣйствій должника, и по количеству неуплаченного взысканія. Къ глубокому сожалѣнію, внесеніе въ уставъ этого правила въ такомъ видѣ при окончательномъ его обсужденіи отложено до пересмотра устава о несостоятельности, а до времени принята редакція бывшей 1223 ст. Тѣмъ не менѣе ничто не препятствовало судебной практикѣ примѣнять эту статью въ духѣ приведеннаго правила, и если бы она не была отмѣнена, несомнѣнно, она получила бы такое толкованіе.

Независимо отъ сказаннаго, для того, чтобы наложить узду на кредиторское рвеніе томить въ заключеніи своихъ должниковъ, приняты два въ высшей степени разумныхъ положенія: 1-е, что отбѣтѣмъ точно опредѣленнаго закономъ срока заключенія должникъ погашаетъ сполна свой долгъ, и 2-е, что кредиторъ обязанъ представлять деньги на содержаніе должника въ заключеніи. Очевидно, что къ крутой мѣрѣ личнаго задержанія должника кредиторъ могъ обращаться, только испробовавъ всѣ иныя средства и только въ томъ случаѣ, когда онъ знаетъ, что должникъ имѣетъ какую-нибудь возможность съ нимъ разсчитаться.

И даже рѣшившись на эту мѣру съ такимъ пожертвованіемъ собственнаго интереса, взыскатель имѣлъ сильное побужденіе со-

кращать срокъ заключенія должника, дабы къ принесенной жертвѣ не прибавлять еще и большихъ издержекъ на его содержаніе въ заключеніи.

Такъ мудро этими законоположеніями уравновѣшивались интересы кредиторовъ, должниковъ и самого общества, заинтересованнаго въ охранѣ свободы и доброй нравственности своихъ сочленовъ. Если къ сказанному прибавить, что, допуская личное задержаніе, законъ при этомъ установилъ многія его ограниченія, во вниманіе къ полу, возрасту, здоровью и семейнымъ обстоятельствамъ должниковъ, то окажется, что закону этому нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека ни съ какой стороны. И если можно указать во всей установленной въ Судебныхъ Уставахъ системѣ личнаго задержанія на какой-либо недостатокъ, такъ развѣ только на тотъ, что не было учреждено власти, посредничающей между взыскателемъ и должникомъ, примиряющей ихъ взаимную борьбу и регистрирующей ихъ соглашенія, если таковыя сторонамъ удавалось достигнуть,—не установлено, словомъ, такого мирового судьи, который склонялъ бы къ миру тяжущихся не только во время самой тяжбы, но и послѣ нея, при осуществленіи состоявшагося рѣшенія. А установленіе подобной власти представляетъ такую видимую необходимость, что о томъ, кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній.

Наиболѣе обыкновенный вопросъ при взысканіяхъ—это вопросъ о разсрочкахъ, допускаемыхъ взыскателемъ для постепеннаго погашенія должникомъ присужденнаго съ него взысканія. Теперь для рѣшеній, постановляемыхъ окружными судами и судебными палатами, т.-е. для рѣшеній по крупнымъ дѣламъ, нѣтъ такой власти, которая могла бы стать между требованіями кредитора и возможностью должника ихъ исполнить въ данное время, или даже въ данный періодъ времени: должникъ предоставляется собственной изворотливости и умѣнью отбояриваться отъ настойчивости взыскателя, а взыскатель выставляется на рискъ за довѣрчивость свою къ обѣщаніямъ должника, которыя, не получая характера чего-либо обязательнаго, всегда остаются въ зависимости только отъ доброй его воли. Между тѣмъ, если бы существовала власть, посредствующая между нами, напр., если бы исполненіе рѣшеній производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ одного изъ членовъ окружнаго суда, то несомнѣнно, что многіе возникающіе при этомъ вопросы разрѣшались бы миролюбивымъ соглашеніемъ сторонъ. Вотъ такого миротворца и не создано Судебными Уставами; но для того, чтобы сознать эту необходимость, нуженъ былъ опытъ трехъ десятиковъ лѣтъ, безъ котораго слишкомъ трудно было угадать такую потребность.

Разрушеніе стройной системы исполненія судебныхъ рѣшеній, созданной Уставами, началось съ того, что во всѣхъ судебныхъ округахъ, за исключеніемъ одного, не были учреждены совѣты судебныхъ приставовъ и не учреждены ихъ товарищества на томъ основаніи, что законъ предоставилъ это ихъ собственному усмотрѣнію, а они не пожелали. Дѣйствуя же въ одиночку и состоя исключительно подъ единоличной властью предсѣдателя суда, они очень скоро, несмотря на свой VIII классъ и на свои обширныя полномочія по исполнительнымъ дѣйствіямъ, превратились въ полицейскихъ чиновниковъ при судѣ съ значеніемъ не выше околоточнаго надзирателя, а взиманіе платы за каждое свое движеніе, и въ особенности собраніе четвертаковъ и полтинниковъ за повѣстки, окончательно уронило ихъ въ общественномъ мнѣніи, а больше всего въ собственныхъ глазахъ. Безусловная зависимость отъ предсѣдателя суда, стоящаго притомъ весьма далеко отъ нихъ и отъ ихъ дѣйствій, постоянное нахожденіе въ трудномъ положеніи между двумя огнями— между интересами истца и закономъ, неимѣніе нигдѣ никакой опоры и помощи себѣ ни въ чемъ: ни въ рѣшеніяхъ окружнаго суда, ибо они авторитетомъ не пользуются, какъ легко отмѣняемые несогласными съ ними рѣшеніями судебной палаты; ни въ рѣшеніяхъ сената, ибо дѣла ихъ рѣдко до него доходятъ, а если и доходятъ, то сенатъ замѣчательно уклончиво ихъ разъясняетъ; ни равно въ установившихся обычаяхъ практики, ибо каждый судебный приставъ практикуетъ по-своему, такъ сказать — за свой собственный счетъ и страхъ,—привело судебныхъ приставовъ, въ виду ихъ маленькаго оклада, всего 600 р., и непомѣрно высокой таксы ихъ вознагражденія, къ тому, что имъ не осталось ничего другого, какъ только при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ заботиться объ одномъ, дабы доходы ихъ кассы, по этой таксѣ собираемые, елико возможно болѣе прибывали. А такъ какъ поступленіе этихъ доходовъ прежде всего обезпечиваетъ такой истецъ, у котораго имѣется хорошее взысканіе, то отсюда совершенно понятна та угодливость судебного пристава истцу, имѣющему хорошее взысканіе, какую мы видѣли въ дѣлѣ Диманта съ Буцми де-Кацманами. Отсюда же, естественно, вытекаетъ и то, что судебные пристава въ дѣятельности своей то проявляютъ необыкновенную энергію и горячность, то, напротивъ,—изумительную неподвижность и бездѣтельность.

Надзора близкаго за ними нѣтъ; предсѣдательскій надзоръ относится больше къ внѣшнему порядку и къ формальной сторонѣ, которую обставить нетрудно, а судебная провѣрка ихъ дѣйствій, по жалобамъ, требуетъ доказательствъ неправильности, которыми запастись не такъ-то легко. Отсюда и родился тотъ страш-

ный произволъ, какой царить нынѣ при исполненіи судебныхъ рѣшеній.

Затѣмъ, взаимнѣ отмѣненнаго личнаго задержанія, въ дѣйствіе введены правила 7 марта 1879 г. Правила эти удивительно отражаютъ въ себѣ характеръ своей эпохи: въ нихъ нѣтъ ничего прямо ведущаго къ цѣли, ничего рѣшающаго, во всемъ какое-то колебаніе изъ стороны въ сторону: съ одной стороны видно желаніе облегчить участь должника, съ другой—нежеланіе огорчить взыскателя,—и въ результатъ выходитъ какой-то изморъ для должника и раздраженіе для взыскателя. Правила 7 марта, это—какая-то загадочная формула, состоящая изъ цѣпи плюсовъ и минусовъ, безъ всякаго вывода въ концѣ. Должникъ, по этимъ правиламъ, то обязуется подпиской о невыѣздѣ, то вслѣдъ засимъ подписка эта уничтожается; то должникъ обязуется явиться въ окружный судъ для указанія своихъ средствъ, то можетъ не являться, приславъ протоколъ о своей явкѣ къ мѣстному мировому судѣ, и т. д. Словомъ, кредитору дается право мучить должника, но такъ, чтобъ изъ этихъ мученій ровно ничего не выходило. Въ концѣ же имѣются правила о признаніи должниковъ неторговаго званія несостоятельными, которыхъ еще никто не могъ какъ слѣдуетъ понять и примѣнить и которые замѣчательны тѣмъ, что, будучи созданными въ отмѣну личнаго задержанія, въ концѣ-концовъ все-таки приводятъ къ тому же личному задержанію, но только послѣ признанія должника *неосторожнымъ*. Но такъ какъ ни одинъ кредиторъ не въ силахъ вынести нравственной муки и матеріальныхъ затратъ на безконечную процедуру, предшествующую признанію неторговаго должника *неосторожнымъ*, то фактически личное задержаніе за долги оказалось отмѣненнымъ вовсе.

Съ его же отмѣною явилось вотъ что: должникъ отдѣлался отъ страха той угрозы, которая прежде тяготѣла надъ нимъ неизмѣнно, пока онъ такъ или иначе не сходилъ съ своимъ взыскателемъ, и потому теперь онъ уже пересталъ думать объ изысканіи средствъ къ удовлетворенію долга, а сталъ изыскивать средства для другой цѣли—оставить кредитора съ его взысканіемъ, что называется, на мели. Отсюда и пошли въ ходъ всякія ухищренія, передачи и перекрѣпленія имущества, сокрытія, подмѣны и многіе другіе плоды противозаконной изобрѣтательности. Какъ бы жестоко должникъ ни обманулъ взыскателя, онъ никогда не рискуетъ поплатиться за свою продѣлку и потому смѣло сталъ пускаться на всякіе фокусы. И фокусы эти теперь стали столь распространенными, что самые солидные люди не стѣсняются къ нимъ прибѣгать, предпочитая ихъ соглашенію съ взыскателемъ, въ виду того, что они даютъ возмож-

ность вовсе избавиться отъ платежа, тогда какъ отъ взыскателя можно ожидать лишь облегченія въ способахъ исполненія рѣшенія, не болѣе. Уклоненіе должника и его фокусы побуждаютъ съ другой стороны и взыскателя преслѣдовать его, что называется, по пятамъ: ловить его за руку, когда онъ совершаетъ фиктивную передачу, хватать его имущество, когда онъ его увозить, ломать его замки, когда онъ прячетъ свое достояніе, обшаривать безпощадно самыя сокровенныя его помѣщенія, какъ важнаго уголовного преступника, налетать на его домъ въ видѣ хищнаго коршуна во всякое время и всякій часъ, когда вздумается взыскателю, и производить въ немъ опустошенія и разгромъ, воспроизводя въ своихъ дѣйствіяхъ картины набѣга дикаго непріятеля на мирное жилище. И вотъ такимъ путемъ между взыскателемъ и должникомъ завязывается борьба: съ одной стороны, идутъ продѣлки и ухищренія, съ другой—травля и опустошенія. Трудно представить себѣ что-нибудь отвратительнѣе характера этой борьбы. Ея придирчивость и мелочность доходятъ часто до невозможнаго безобразія: взыскатель, страшась безрезультатности своихъ усилій, боится упустить мельчайшее обстоятельство, могущее послужить ему въ пользу, а должникъ, вознамѣрившійся выпустить въ трубу взыскателя, не хочетъ сдѣлать ему ни въ чемъ ни малѣйшей уступки—и завязывается безконечное препирательство изъ-за каждаго клочка, изъ-за мельчайшаго кусочка, ничего не стоящаго, изъ имущества, подвергаемаго взысканію, и все это—на почвѣ самаго неразумнаго, самаго пристрастнаго толкованія закона, безтолковаго переворачиванія каждаго его слова, каждой буквы, даже каждаго знака препинанія. Взыскатель, встрѣчая несомнѣнный обманъ со стороны должника и видя въ немъ окончательную погубель своего взысканія, до крайности негодуетъ на его продѣлки и силится всѣми способами отстоять дѣйствительную правду; должникъ, закрываясь фиктивными положеніями закона, понимаемыми имъ по-своему, выходитъ изъ себя, защищая „законную правду“. И между ними нѣтъ посредствующей власти; лишенный всякаго руководства и чьего бы то ни было совѣта, судебный приставъ рѣшаетъ подобныя споры по личнымъ соображеніямъ: чѣмъ больше описанныхъ предметовъ и чѣмъ выше сумма ихъ, тѣмъ больше и вознагражденіе приставу, а поэтому во всякомъ „хорошемъ дѣлѣ“, т.-е. значительномъ по суммѣ, онъ держитъ сторону истца, а въ дѣлѣ пустячномъ становится на сторону отвѣтника. И крайне несправедливо было бы упрекать за то судебныхъ приставовъ: не имѣя нигдѣ опоры для себя въ тѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, какіе имъ представляются на каждомъ шагѣ въ ихъ дѣятельности, они не могутъ дѣйствовать иначе. Единственнымъ для нихъ оправданіемъ и

защитою отъ всякихъ нареканій служить требованіи истца, на которыя они обыкновенно и ссылаются при всякомъ сомнительномъ случаѣ.

Всѣ здѣсь сказанное необыкновенно отчетливо отразилось на дѣлѣ Диманта съ де-Кацманами. Еще не успѣвали у Кацмановъ сжать пшеницу, какъ дрожавшій за присужденныя ему деньги Димантъ—уже спѣшилъ ее арестовывать, хорошо понимая, что, упустивъ хлѣбъ, онъ уже не найдетъ никакого другого средства заставить де-Кацмановъ заплатить ему присужденныя деньги. Предвидя это, де-Кацманъ фактивно сдалъ весь хлѣбъ въ аренду; но взыскатель Димантъ не хочетъ и слышать ни о какихъ правахъ третьяго лица и требуетъ ареста пшеницы: тогда начинается споръ о томъ, слѣдуетъ ли эту пшеницу считать сжатою или несжатою, такъ какъ значительная часть ея еще стоитъ на корню, а та, что сжата, еще не связана въ снопы; потомъ начинаютъ возникать одинъ за другимъ такіе вопросы: чтó слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „снопы“, чтó значитъ „скирдь“ и многое т. п., не имѣющее въ сущности никакого смысла, но для спорящихъ сторонъ представляющее самый жизненный интересъ, отъ котораго зависитъ исходъ ихъ борьбы и успѣхъ всего дѣла. Еще не кончивъ со снопами, Димантъ увидалъ кабріолетъ, запряженный парой, и тотчасъ же бросается къ нему, требуя и его подвергнуть аресту, не обращая, разумѣется, вниманія на то, что лишить сельскаго хозяина послѣднихъ выѣздныхъ лошадей значитъ связать его по рукамъ и ногамъ и бросить на дорогѣ. И должникъ такъ глубоко былъ пораженъ этимъ ударомъ, что перемѣнилъ тонъ и снисшелъ до просьбы; но Димантъ былъ неумолимъ. Тогда снова пошли пререканія о правильности отмѣтокъ въ описи, о правѣ истца описывать эти предметы, о невѣрномъ обозначеніи пола описанныхъ лошадей. Раздраженіе сторонъ все усиливалось; пререканія ихъ превратились въ грубости, грубости въ прямую ссору; температура горячности споровъ возвышалась все болѣе и болѣе, и наконецъ, побѣжденный своимъ противникомъ, де-Кацманъ, разбитый имъ при помощи судебного пристава на всѣхъ пунктахъ, теряетъ всякую власть надъ собою и забывается до того, что стрѣляетъ въ своего мучителя,—стрѣляетъ, не помня даже о томъ, что выстрѣлъ въ спину—не только преступленіе, но и позоръ, котораго не смоешь съ него даже и оправданіе суда присяжныхъ.

То, чтó произошло въ дѣлѣ де-Кацманъ, происходитъ ежедневно во всѣхъ другихъ дѣлахъ, только не такъ ярко, не такъ громко, безъ драматическаго конца, но зато съ безконечной волокитой по судамъ въ видѣ разныхъ жалобъ на судебного пристава и исковъ подставныхъ третьихъ лицъ объ исключеніи изъ описи описаннаго имущества по непринадлежности его должнику.

Вотъ какъ тяжело отражаются на общественной жизни всѣ эти наскоро изготовленныя передѣлки и поправки закона, который по своему глубокому пониманію жизни и по стройности созданной имъ системы могъ бы принести много добра и благополучія тому самому обществу, которое теперь такъ мучительно переживаетъ послѣдствія его отмѣны. Предпринятый нынѣ пересмотръ Судебныхъ Уставовъ даетъ возможность исправить сдѣланную ошибку и вернуться къ тому, что такъ умѣло было ими создано. Конечно, нѣкоторыя незначительныя исправленія, въ особенности что касается редакціи нѣкоторыхъ статей,—необходимы; но въ существѣ весь V раздѣлъ Устава гражданского судопроизводства и гл. I разд. IX общ. Учрежден. судебныхъ установленій должны быть сохранены и въ будущемъ Уставѣ, и, напротивъ, передѣлки Судебныхъ Уставовъ, такія, какъ правила 7 марта, должны быть уничтожены и даже, если возможно, совсѣмъ забыты.

Личное задержаніе за долги хотя и представляетъ собою, можно сказать, страшное слово, но въ сущности, при правильномъ пониманіи цѣли и духа закона, не заключаетъ въ себѣ ничего другого, какъ только то самое наказаніе за ослушаніе закона, какое устанавливается и въ уголовномъ правѣ, только что здѣсь оно допускается въ защиту совсѣмъ частнаго интереса, охраненіе котораго законъ беретъ подъ свое покровительство. Падая только на ослушниковъ закона, на лиходѣевъ, продѣлывателей всякихъ фокусовъ въ обходъ и уклоненіе отъ требованій закона, и не поражая ни сколько дѣйствительно неимущихъ людей, оно не представляетъ собою никакой несправедливости, а, напротивъ, даже является прямою потребностью гражданского быта въ огражденіе его отъ развитія въ немъ обмановъ, поддѣлокъ, противозаконныхъ изворотовъ и для утвержденія въ немъ уваженія къ закону и укрѣпленія силы судебныхъ рѣшеній. Нигдѣ не дорожать болѣе личною свободой гражданъ, какъ въ Англіи, однакоже и тамъ установлено даже прямо тюремное заключеніе для уклоняющихся упорно отъ подчиненія судебному рѣшенію, если оно постановлено такъ-называемымъ судомъ справедливости. Составители нашихъ Судебныхъ Уставовъ, допуская личное задержаніе должниковъ, какъ и англійскіе законодатели, уступали силѣ необходимости въ немъ, удостовѣренной не отвлеченными соображеніями, а практикою живой дѣйствительности, требованія которой они умѣли уловить и оцѣнить, въ томъ ясномъ сознаніи, что „одно признаніе правъ тяжущихся судебнымъ мѣстомъ, безъ возстановленія оныхъ на самомъ дѣлѣ, не составляетъ еще правосудія“.

А. М. Краевскій,
дѣйствительный членъ
Московского Юридическаго Общества.

ПАМЯТИ С. А. БЕРШАДСКАГО ¹⁾.

(† 21 февраля 1896 года).

С. А. Бершадскій былъ идеалистомъ-ученымъ, беззавѣтно любившимъ молодежь и въ свою очередь пользовавшимся ея любовью; совѣсть же его была чиста и чужда сдѣлокъ съ кумирами современной дѣйствительности. Родился онъ 18 марта 1850 года въ городѣ Бердянскѣ, Таврической губерніи. Прадѣдъ его по отцу былъ православнымъ священникомъ въ мѣстечкѣ Бершади Подольской губерніи, откуда въ концѣ XVIII в. переселился въ лѣвобережную Украину; прадѣдъ же по матери, Ковалевскій, былъ куреннымъ запорожскимъ атаманомъ. Образование С. А. получилъ въ керченскомъ уѣздномъ училищѣ и гимназіи и на юридическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета, на которомъ онъ кончилъ курсъ со степенью кандидата за диссертацию „О кредитныхъ учрежденіяхъ въ Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II“. Въ 1874 году переселился онъ въ С.-Петербургъ, а въ 1883 году приобрѣлъ степень магистра въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ уже съ 1878 года читалъ лекціи по исторіи философіи права. Кромѣ того, онъ преподавалъ въ военно-юридической академіи (съ 1877 г.) ²⁾ и въ Александровскомъ лицѣѣ (съ 1885 г.)

¹⁾ Матеріалами для этой замѣтки послужили статьи о С. А. Бершадскомъ гг. *Вальденберга* (Вопросы философіи и психологіи, 1896 г., III), *Гольмстена* (Историческій Вѣстникъ, 1896 г., IV), *Дебольскаго* (Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, 1896 г., IV), *Жиркевича* (Историческій Вѣстникъ, 1897 г., V) и *Пташицкаго* (Журналъ Мѣнистерства Народнаго Провсѣщенія, 1896 г., V), а также личныя воспоминанія автора и письма къ нему покойнаго.

²⁾ Объ отношеніяхъ С. А.—ча къ слушателямъ академіи см. вышеупомянутую статью г. Жиркевича.

и два года (1885—1887 гг.) служилъ въ Литовской метрикѣ, работалъ же онъ въ ней, а равно и въ другихъ архивахъ и библіотекахъ С.-Петербурга, Вильны, Варшавы и Кіева чуть ли не съ самаго окончанія университетскаго курса. Состоялъ онъ и членомъ с.-петербургскаго историческаго общества и общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.

Научные взгляды и убѣжденія С. А. Бершадскаго сложились, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ профессоровъ Градовскаго, Леонтовича и Пригары ³⁾, и такимъ образомъ являлся онъ сторонникомъ идеи эволюціи. Затѣмъ насъ невольно поражаетъ и энциклопедичность дѣятельности С. А.—ча, при чемъ, конечно, центральное мѣсто въ ней занимаютъ работы историческаго характера и, прежде всего, по темной исторіи евреевъ въ Западномъ краѣ съ ихъ изумительными обособленностью и солидарностью. Къ изученію этой исторіи С. А. пришелъ вполне естественнымъ путемъ. Вдумчивый человѣкъ, проведшій свои юные годы въ мѣстахъ, изобилующихъ еврейскимъ населеніемъ, и своими глазами видѣвшій происходившіе въ Одессѣ еврейскіе погромы, онъ и занялся изслѣдованіемъ вопроса о евреяхъ въ Россіи. Плодомъ этой работы была его магистерская диссертация „Литовскіе евреи 1388 — 1569 гг.“ Къ послѣдней примыкаетъ и масса мелкихъ работъ С. А. по исторіи русскихъ евреевъ, которыя напечатаны въ „Еврейской Библіотекѣ“, „Восходѣ“ и „Кіевской Старинѣ“.

Но затѣмъ работы надъ исторіей евреевъ привели его естественно и къ работамъ по исторіи литовскаго права вообще. Дѣятельность его въ этой темной и неизученной области выразилась, главнымъ образомъ, въ рецензіяхъ на разныя книги въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“, въ „Журналѣ Уголовнаго Права“ и въ „Чтеніяхъ Моск. Общества Исторіи и Древностей“. Готовилъ С. А. къ печати и обширный и важный трудъ по исторіи внутренняго устройства Литвы, но послѣдніе годы сложное и запутанное дѣло о наслѣдствѣ послѣ графа Манузи, въ которое С. А. вмѣшался самъ на свой рискъ, какъ ученый, во имя интересовъ науки, а также въ защиту „болѣе слабого и праваго“, презирая личный расчетъ, увлекло его въ сторону изученія не государственнаго, а гражданскаго литовскаго права, тоже очень мало изслѣдованнаго и запутаннаго. Плодами этихъ послѣднихъ работъ явились книги С. А. Бершадскаго „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву“ (Спб., 1892 г.)

³⁾ Мнѣніе г. Вальденберга на счетъ гегеліанства С. А. Бершадскаго нѣсколько противорѣчитъ тому, что мы лично слышали отъ покойнаго. Поэтому здѣсь его не повторяемъ.

и „Литовскій статутъ и польскія конституціи“ (Спб., 1893 г.) ⁴⁾. По сравнительной исторіи наслѣдственного права готовилъ онъ еще одну большую работу, но судьба не дала ему ее закончить.

Конструктивныя и критическія работы С. А. Бершадскаго по исторіи права по ихъ научнымъ результатамъ очень важны и цѣнны ⁵⁾. Не менѣе, если не болѣе, важна и цѣнна въ научномъ отношеніи и издательская дѣятельность его ⁶⁾. Такъ, уже въ 1883 г. онъ выпустилъ образцовое изданіе „Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ“ въ двухъ томахъ, какъ дополненіе къ своей магистерской диссертациі. Послѣдніе же годы С. А. работалъ надъ обширнымъ изданіемъ актовъ литовской метрики, по исторіи внутреннихъ отношеній литовскаго государства. Но эти издательскія работы причинили ему много непріятностей, такъ какъ, не говоря уже о губительно дѣйствующей на здоровье архивной пыли и о холодѣ и сквознякахъ архивныхъ помѣщеній, очень повліяло на С. А.—ча то, что администрація девяностыхъ годовъ одного изъ архивовъ, въ которомъ находилось большинство нужныхъ для работъ С. А.—ча актовъ, стала почему-то чинить ему всевозможныя препятствія въ полученіи копій съ нихъ. И не разъ по этому поводу С. А. горько жаловался своимъ друзьямъ и товарищамъ на „дикія vires majores“, становящіяся на пути русскаго работника въ его общественной и научной дѣятельности. Но, несмотря на все это, изданіе близилось къ концу, и С. А. подумывалъ уже о послѣдней корректурѣ актовъ и объ указателяхъ къ нимъ, когда смерть неожиданно прервала эту работу.

Но исторія литовскаго права, какъ это ни странно, не входитъ еще у насъ въ кругъ обязательнаго университетскаго преподаванія.

⁴⁾ Подробное перечисленіе трудовъ С. А. Бершадскаго можно найти въ вышеупомянутой статьѣ, г. Пташицкаго. Что же касается критическаго разбора ихъ въ этой статьѣ, то онъ слишкомъ одностороненъ и пристрастенъ, чтобы можно было рекомендовать его читателямъ. Вышеназванная замѣтка г. Дебольскаго, хотя и правильно оцѣниваетъ научную дѣятельность С. А., но, къ сожалѣнію, очень кратка.

⁵⁾ Это вынужденъ признать самъ г. Пташицкій, несмотря на то, что въ общемъ къ трудамъ С. А. онъ относится очень неблагопріятно и пристрастно. См. также отзывы о трудахъ и изданіяхъ С. А. гг. *Владимірскаго-Буданова* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1884 г., I) *Леонтовича* и *Любавскаго*.

⁶⁾ Кстати, послѣдняя и сблизила насъ съ С. А.—чемъ, хотя, конечно, помогъ этому сближенію и курсъ исторіи философіи права, который мы прослушали у покойнаго весной 1890 года. Наши занятія литовскимъ правомъ покойный всегда поощрялъ и живо ими интересовался. Плодомъ этихъ занятій были наши статьи въ „Книговѣднѣ“ (1894 г., VIII) и въ „Сборникѣ Правовѣднѣ“ (1896 г., VI томъ).

Поэтому, С. А. Бершадскій могъ объявлять по литовскому праву лишь частные университетскіе курсы; для того же, чтобы устроиться при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ официальнаго преподавателя и добыть себѣ и своей семьѣ кусокъ хлѣба, ему пришлось брать на себя преподаваніе предметовъ, къ которымъ онъ не чувствовалъ особеннаго призванія, хотя и въ эту область онъ вносилъ свойственную ему добросовѣстность. Именно, въ лицѣ въ 1885 — 1888 гг. читалъ онъ полицейское право и лишь послѣдніе годы — исторію права, но общерусскаго, а не литовскаго. Въ университетѣ же и въ военно-юридической академіи онъ читалъ исторію философіи права и энциклопедію права, при чемъ замѣчательно, что какъ въ историческихъ трудахъ С. А. Бершадскаго стройность и логичность ихъ сразу показывала, что авторъ ихъ философъ, такъ и исторію философіи права онъ, какъ историкъ, всегда излагалъ въ связи съ исторіей культуры и исторіей положительнаго права. Эти качества и сообщаютъ особую цѣну и особую привлекательность очеркамъ С. А.—ча по исторіи философіи права, изданнымъ въ 1892 году ⁷⁾. Особенно же замѣчательна и оригинальна въ нихъ глава о субъективномъ раціонализмѣ въ его приложеніи къ ученію о правѣ (139—161).

Но не одни научныя и архивныя занятія интересовали С. А.: фотографія и живопись тоже отнимали у него не мало времени; интересовали его и драматическое искусство и поэзія. Впрочемъ, въ концѣ-концовъ, какъ самъ онъ говорилъ, „книжка взяла верхъ“. Но и въ его научныхъ работахъ виднѣнъ живописецъ и фотографъ по силѣ и образности ихъ языка.

Однако эта постоянно напряженная и разносторонняя дѣятельность, соединенная съ огорченіями и непріятностями ⁸⁾, должна была рано, или поздно сломить и такого атлета, какъ С. А. Бершадскій. И дѣйствительно, уже въ концѣ 1894 г. онъ сталъ жаловаться на переутомленіе. Лѣтомъ же 1895 года онъ серьезно заболѣлъ, при чемъ насчетъ его болѣзни врачи были разнаго мнѣнія: одни находили у него болѣзнь почекъ, другіе — туберкулезный процессъ легкихъ, хотя объективныхъ признаковъ ни того, ни другого налицо не было. Непосредственной опасности для его жизни врачи не усматривали, но даже поѣздка въ Крымъ пользы не принесла. Въ октябрѣ

⁷⁾ См. также рецензію г. *Радлова* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1893 г., I).

⁸⁾ Наиболѣе же ускорили смерть С. А.—ча работы въ архивахъ, злосчастное дѣло Манузи, о которомъ см. подробнѣе въ статьѣ г. Жиркевича, и петербургскій климатъ. Незадолго до смерти С. А. жаловался, что по цѣлымъ мѣсяцамъ не видитъ „завѣтнаго для южанина солнышка“.

1895 года С. А. жаловался, что онъ „сталъ тѣнью самого себя“. Въ декабрѣ онъ еще могъ выходить для прогулки и въ это время жилъ въ Царскомъ селѣ, въ январѣ же 1896 года онъ долженъ былъ уже оставаться въ комнатѣ, а въ февралѣ уже не могъ вставать съ постели.

Страдалъ С. А. долго и невыносимо; за недѣлю до смерти онъ едва говорилъ. У него былъ плевритъ, и образовавшійся при этомъ экссудатъ не всасывался. Когда врачи назначили день для третьяго прокола, С. А. умеръ въ ихъ присутствіи предъ самою операциею въ среду, 21 февраля 1896 года, вечеромъ. Во время болѣзни С. А. все думалъ, что поправится. Мысль о смерти была отъ него далека, и онъ думалъ не о ней, а о поѣздкѣ въ Краковъ для архивныхъ работъ и объ окончаніи изданія своихъ актовъ.

Такова была жизнь и дѣятельность покойнаго, но нашъ очеркъ ея не будетъ полнымъ, если мы немного не остановимся на личныхъ его качествахъ. Какъ мы уже видѣли, вся жизнь С. А.—ча отъ школьной скамьи до могилы представляла рядъ волненій, увлеченій, порывовъ до самозабвенія. Натура же его была поразительно воспримчивой, все окружающее такъ сильно воспринималось имъ, что поглощало и проникало его всего. Особенно же его волновало все уклоняющееся отъ правды, въ торжество которой онъ всю свою жизнь глубоко вѣрилъ. А если кто пострадалъ незаслуженно, то С. А. весь уходилъ въ его интересы и дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы утѣшить и ободрить пострадавшаго и облегчить его участь.

Затѣмъ, какъ преподаватель, С. А. дѣйствовалъ прежде всего на слушателей уже тѣмъ, что лекціи его были вдохновенными импровизаціями, исходившими всегда изъ фактовъ окружающей обыденной жизни, выливающимися изъ сердца и поражающими мастерскою группировкой матеріала, силою памяти лектора и смѣлостью его выводовъ. Горячая вѣра С. А. въ истину, въ торжество правды, въ нравственный ростъ и совершенствованіе человѣческой личности проникали и его лекціи. Къ своимъ слушателямъ онъ не снисходилъ покровительственно, а поднималъ ихъ до себя, былъ доступенъ имъ, обмѣнивался съ ними мыслями, пробуждалъ ихъ сознаніе, ронялъ въ молодые сердца вѣчныя сѣмена правды, добра и сочувствія къ ближнему. Говорили они съ нимъ безбоязненно и сразу забывали разницу въ общественномъ положеніи и въ образованіи. О томъ же, какимъ надежнымъ заступникомъ былъ покойный за своихъ слушателей на экзаменахъ и въ совѣтахъ высшихъ учебныхъ заведеній, и говорить нечего.

Отличался С. А. и въ качествѣ общественнаго дѣятеля своею

отзывчивостью, простотою въ обращеніи, уваженіемъ къ чужому мнѣнію, гуманностью и отвращеніемъ и ненавистью ко всему, что онъ мѣтко называлъ „тюфячествомъ“ ^{*)}). Крайне обаятельно дѣйствовалъ на сталкивавшихся съ нимъ лицъ и его живой и воспріимчивый умъ, художественно воспитанная и творческая натура, живая и образная рѣчь, мягкость характера и сердечныя отношенія къ людямъ.

Да, человекъ онъ былъ... Миръ праху твоему, дорогой учитель, и да вкусишь ты хоть въ могилѣ покой, какого никогда не зналъ въ жизни. Твой же идеально чистый, возвышенный, чуждый служебнаго карьеризма, всецѣло отдавшій себя наукѣ и добру, любящій ближняго образъ останется навѣки неизгладимымъ въ сердцахъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье знать тебя при жизни!..

Сергій Шумановъ,
Дѣйствительный членъ
Московского Юридическаго Общества.

^{*)} Особенно С. А. негодовалъ на плохія диссертации, представляемыя молодыми учеными на соисканіе ученыхъ степеней. Этимъ крайне строгимъ отношеніемъ къ своей научной дѣятельности объясняется и то, что С. А., несмотря на всю свою талантливость и эрудицію, кончилъ жизнь лишь магистромъ.

О КОНКУРСѢ НА ПРЕМІЮ.

„Берлинскій международный союзъ для сравнительнаго изученія права и народнаго хозяйства“ назначилъ при содѣйствіи германскаго Имперскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и германскаго колоніальнаго общества премію въ 1,600 мар. (= 2,000 фр.) за лучшую работу на слѣдующую тему: „Сравнительное изложеніе принциповъ, примѣненныхъ важнѣйшими государствами въ ихъ колоніяхъ по вопросамъ пріобрѣтенія недвижимости и водворенія поселенцевъ, и экономическія послѣдствія этого примѣненія“.

Условія полученія вышеозначенной преміи сводятся къ слѣдующему: 1) работы на упомянутую тему должны не позже 1 апрѣля 1898 г. быть доставлены главному секретарю „Союза“ д-ру Кронекеру. (1. Schriftführer der Vereinigung Kammergerichtsrat Dr. Kronacker, Berlin. W. Kurfürstendamm, 241); 2) онѣ должны быть написаны на одномъ изъ трехъ слѣдующихъ языковъ: на нѣмецкомъ, французскомъ или англійскомъ; при этомъ нѣмецкія рукописи должны быть написаны латинскими буквами и въ высшей степени было бы желательно, чтобы всѣ представленныя рукописи были переписаны машиннымъ способомъ; 3) на работахъ не должно быть выставлено имени автора, но долженъ быть эпиграфъ; вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть доставленъ запечатанный конвертъ, на которомъ былъ бы изображенъ тотъ же эпиграфъ, что и соотвѣтственной рукописи, и внутри котораго была бы вложена записка съ именемъ и адресомъ автора; 4) коллегію, присуждающую премію, образуютъ собою слѣдующіе члены „Союза“: въ *Германіи*: Его Высочество герцогъ Іоаннъ Альбрехтъ Мекленбургскій—предсѣдатель германскаго колоніальнаго общества; д—ръ Кайзеръ—б. директоръ колоніальнаго отдѣленія германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾ и д—ръ Карлъ Штен-

¹⁾ Нынѣ уже скончался.

гель—профессоръ въ Мюнхенѣ; въ *Англіи*: Джемсъ Бройсъ, бывшій министръ; во *Франціи*: д-ръ Шарль Ліонъ-Канъ—профессоръ, членъ института; въ *Италіи*: д-ръ Аттіліо Бруніанти — проф. Римскаго университета; въ *Голландіи*: д-ръ Ванъ-деръ-Литъ—проф. и ректоръ Лейденскаго университета; въ *Австро-Венгріи*: д-ръ Евгеній Ѳилипповичъ-фонъ-Ѳилиппсбергъ—проф. Вѣнскаго университета; въ *Россіи*: Ѳедоръ Ѳедоровичъ Мартенсъ—проф. Петербургскаго университета; въ *Испаніи* б. профес. маркизъ де-Дальмо де-Оливаръ; въ *Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки*: Вильямъ Джемсъ Аслей—проф. Гарвардскаго университета. На тотъ конецъ, если кто-либо изъ перечисленныхъ лицъ выступить изъ коллегіи до присужденія преміи, то остальные члены коллегіи уполномочены избрать ему замѣстителя. Коллегія, присуждающая премію, сама устанавливаетъ правила, по которымъ она будетъ функционировать. Объявленіе приговора коллегіи должно, по возможности, послѣдовать еще до 1 апрѣля 1899 г. по нов. ст.—Премія можетъ быть раздѣлена между нѣсколькими соискателями, если работы ихъ будутъ признаны одинаково достойными, и работа, увѣнчанная премією, будетъ напечатана „Союзомъ“.—Опубликованіе работы, представляемой на премію, или одной или нѣсколькихъ ея частей до объявленія приговора о ней вышеупомянутою коллегіей будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ устраненіе работы отъ конкурса безъ дальнѣйшаго ея обсужденія.

Коллегія, присуждающая премію, открываетъ изъ конвертовъ, приложенныхъ къ рукописямъ, то только тѣ, которые сопровождають работы, признанныя заслуживающими преміи. Работы, не увѣнчанныя премією, должны въ теченіе года послѣ возвѣщенія приговора коллегіи быть потребованы обратно ихъ авторами; въ противномъ случаѣ онѣ становятся собственностью „Союза“, который сохраняетъ за собою право или напечатать ихъ анонимно, или предать ихъ уничтоженію. Въ случаѣ требованія рукописи обратно и при томъ тогда, когда не будетъ возможности установить правъ требующаго на данную рукопись какимъ-нибудь другимъ путемъ, допускается вскрытіе конверта, приложеннаго къ ней. Каждый соискатель можетъ уже при представленіи рукописи указать тотъ адресъ, по которому ему было бы желательно въ свое время получить рукопись обратно. Съ уплатою преміи, литературная собственность на работу, увѣнчанную премією, въ особенности права на ея опубликованіе и переводъ, переходятъ къ берлинскому международному союзу для сравнительнаго изученія права и народнаго хозяйства.

„ГЕРМАНСКОЕ ТОРГОВОЕ ПРАВО“,

учебн. проф. Кёнигсб. Унив., К. ГАРЕЙСА.

Выпускъ 2-й, ТОРГОВЫЯ СДѢЛКИ.

Пер. съ 4 нѣм. изданія Н. И. Ржондиовскій, членъ Тверскаго окружнаго суда, подъ ред. пр.-доц. моск. унив. А. Г. Гусакова.

Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Т-во тип. А. И. Мамонтова, Леонтьевскій пер.,
д. Мамонтова.

Вып. 2-й и 1-й (ЛИЦА въ ТОРГОВОМЪ ПРАВѢ)

продаются также въ книжн. маг. Стасюлевича, „Русск.
Мысли“, „Нов. Вр.“ и др.

Годъ IV.

Въ 1898 году

Годъ IV.

„Журналъ Министерства Юстиціи“

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа,
книгами въ объемѣ около 20-и листовъ. Подписной годъ начи-
нается съ января 1898 г.

Программа Журнала заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

- I. Узаконенія и распоряженія Правительства.
- II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министер-
ства Юстиціи.
- III. Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи.
- IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше учрежденной Комиссіи по пересмотру
законоположеній по судебной части.
- V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи, преиму-
щественно въ области судоустройства, уголовного права и судопроиз-
водства, гражданского права и судопроизводства, торговаго права и
судопроизводства, а также по межевому дѣлу.
- VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положе-
нія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.

СБОРНИКЪ ПРАВОВѢДАНІЯ, т. III.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

- VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библиографическій указатель юридической литературы русской и иностранной.
- VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.
- IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ 1894—1897 гг. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ: — Е. Н. Анненкова, Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, А. А. Башмакова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Вобищова-Пушкина, А. Л. Боровиковскаго, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васильевскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, В. Ю. Витте, кн. В. А. Волковскаго, А. Е. Вульфберта, Н. Н. Галикина-Врасскаго, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Горлова, Я. К. Городысскаго, Д. Д. Гримма, М. О. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. О. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, Д. А. Дриля, М. А. Дьяконова, Я. Е. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, В. Л. Исаченко, П. А. Йоланда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, І. И. Карницкаго, Л. А. Кассо, А. О. Коня, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, О. И. Леонтовича, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И. Лихачева, Н. А. Логанова, М. А. Лозина-Лозинскаго, А. И. Лыкошина, И. Н. Миллашевскаго, Р. Р. Минилова, П. М. Минца, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, Е. З. Постовскаго, Н. Г. Принца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. фонъ-Резона, Г. К. Рѣпинскаго, Н. Ф. Селянова, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, В. И. Срезневскаго, М. С. Студентскаго, Е. Н. Тарновскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофеева, С. Н. Трегубова, П. А. Тулуба, Н. А. Тура, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича, И. Е. Энгельмана и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкой и пересылкою. За границу 10 рублей. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложений—по 1 рублю, съ приложениями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также **студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣденія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.**

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, Спб., Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ, съ платою по разсчету 30 коп. за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЖУРНАЛЬ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

ВЪ 1898 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ подъ редакцію проф. В. Н. Латкина. Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи; 2) хроника русскаго законодательства; 3) гражданскаго и уголовнаго суда; 4) экономическое и земское обозрѣнія; 5) критика и библиографія; 6) замѣтки и извѣстія; 7) приложенія.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ Спб. безъ доставки 8 р.
Съ доставкою 8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . 9 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, рѣшенія кассационныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою и съ пересылкою 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала—4. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся (студенты университетовъ и воспитанники другихъ высшихъ учебныхъ заведеній), пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассационными рѣшеніями.

Такимъ же правомъ получать журналъ за половинную цѣну пользуются члены Петербургскаго и Московскаго юридическихъ обществъ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новосаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Въ теченіе 1897 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: В. Прижевальскаго—Проектъ уголовного уложенія и современная наука уголовного права; А. Волиова—Новое гражданское уложеніе для Германской имперіи; Н. Дружинина—Честь, судъ и поединокъ; В. Спасовича—Памяти Н. А. Неклюдова; О. Верта—Къ пересмотру судебныхъ уставовъ; В. Волмина—Порядокъ вызова свидѣтелей и экспертовъ въ судъ по уголовнымъ дѣламъ; И. Гофштеттера—Непримѣнимый законъ; Е. Ривлина—О договорѣ товарищества; И. Запревскаго—Уголовная антропология на женевскомъ конгрессѣ; О. Грузенберга—Изъ отчета судебного дѣятеля (по поводу книги А. Θ. Кони); А. Веронова—Объ отношеніи проекта уголовного уложенія къ его западно-европейскимъ образцамъ; В. Баралева—О недостаткахъ организаціи каторги на Сахалинѣ; В. Дена—Къ вопросу о прямомъ обложеніи; Э. Немировскаго—Преюдиціальныя вопросы въ уголовномъ процессѣ; Н. Полетаева—Предѣлы встречнаго иска; М. Дьячкова-Тарасова—Правомѣрность и цѣль уголовной кары; В. Свиричевскаго—Ходатаи; В. Федотова-Чеховскаго—Къ вопросу объ улучшеніи положенія слѣдственной части; Проф. В. Удинцева—Право на залегающія въ нѣдрахъ ископаемыя; С. Познышева—Къ вопросу о правѣ наказанія; М. Левитскаго—По поводу закона 1891 г. объ узаконеніи и усыновленіи дѣтей; Проф. А. Филиппова—Объ „экспрессіи“ сенаторъ и о російскомъ сенатѣ; В. Свиричевскаго—О личномъ задержаніи; Н. Дворжицкаго—Преслѣдованіе за преступленіе по совокупности;

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

В. Волжина—Ревизионный порядок отмены приговоровъ волостной юстиціи; **В. Каткова**—Собственность и секретъ частной корреспонденціи; **Я. Затворничаго**—Неосторожныя тѣлесныя поврежденія; **Проф. В. Латкина**—Новый трактатъ по византійскому праву; **И. Высоцкаго**—Объ участіи духовныхъ лицъ въ дѣлахъ гражданскихъ; **А. Пиленко**—Защита промышленной собственности въ Россіи; **В. Волжина**—Объ обезпеченіи исковъ въ волостныхъ судахъ; **Н. Грошеваго**—Дуэль по русскому праву; **Е. Ривлина**—О симулятивныхъ сдѣлкахъ; **Проф. В. Ивановскаго**—Нѣкоторыя общія начала въ структурѣ современныхъ государствъ; **В. Шамокина**—О желательныхъ измѣненіяхъ въ производствѣ судебно-межевыхъ дѣлъ; **Я. Затворничаго**—Необходимъ ли общій наказъ судебнымъ установленіямъ; **В. Волжина**—Порядокъ измѣненія подсудности; **П. Стаматова**—Судебные слѣдователи и участковые судьи; **А. Башмакова**—Опытъ критической оцѣнки института обязательной доли; **К. Дворничаго**—Частное обвиненіе; **Проф. В. Латкина**—Памяти рѣдкаго человека; **В. Каткова**—Право на имя; **Н. Мансимова**—Народный судъ у киргизовъ; **М. Слобожанина**—Обычное право; **О. Верта**—СПБ. городское самоуправленіе; **А. Лонгинова**—Столкновеніе правъ залогодержателя и личныхъ кредиторовъ при несостоявшемся торгѣ на имѣніе должника; **В. Волжина**—Ограниченіе родительской власти по 190 ст. ул. о нак.; **Н. Розина**—Похищеніе электричества; **А. Леонтьева**—Кодификація въ Черногоріи въ связи съ кодификаціею обычного права; **А. Башмакова**—Институтъ родовыхъ вѣщностей наравнѣ своей отиѣны; **Н. Распопова**—Новое гражданское уголовное и старый университетъ въ Германіи—и мн. др.

Редакторъ-профессоръ **В. Латкинъ**.

1898 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1898 г.

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„Сборника Рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационнаго Департаментовъ и Общаго собранія Правительствующаго Сената“
и „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства“.

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ *)

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкой и пересылкой 7 рублѣй.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и нѣ 1-му апрѣля—остальные 3 руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія, а также должностныя лица этихъ учрежденій, въ правѣ подписываться въ кредитъ, но при условіи, чтобы: а) требованія были заявлены на бланкѣ присутствія, съ указаніемъ числа, мѣсяца, года и №; б) при требованіи были высланы два рубля, и в) въ требовательномъ бланкѣ опредѣленъ былъ срокъ, къ которому должны быть доставлены въ редакцію остальныя подписныя деньги (5 р.) за газету, при чемъ учрежденіе принимаетъ на себя ответственность за своевременную присылку остальныхъ денегъ (5 р.) до истеченія года, на который сдѣлана подписка.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Программа: Передовыя статьи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательства.—Статьи и замѣтки специально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. правит.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительств. Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностихъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вѣсть съ этимъ подписчикъ, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ какъ судебныхъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редація принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условий:

§ 1. Сообщение въ „Юридической Газетѣ“ въ отдѣлѣ „Почтоваго ящика“, справокъ о резолюціяхъ Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписнаго года, дѣлается бесплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассационныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ, кромѣ двухъ рублей, и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассационныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится писменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету“; б) когда и гдѣ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія остаются безъ движенія, такъ какъ порученія, предусмотрѣнные § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія, указанные въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнные въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъяснить согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи „Юридической Газеты“ также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

* Въ дни Рождества Христова, равно на сырной, страстной и пасхальной недѣляхъ, а также въ двѣдцатіе мѣсяца (съ 15 іюня по 15 августа) газета выходитъ по одному разу въ недѣлю.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ИЗВѢСТІЯ
МОСКОВСКАГО
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА

годъ IV (1898).

Извѣстія выходятъ **четырьмя** книгами въ годъ, составляющими не менѣе 35 листовъ текста in 8.

ПРОГРАММА ИЗВѢСТІЙ:

Официальный отдѣлъ.

- I. Правительственныя распоряженія, касающія М. С. Х. Института.
- II. Постановленіе Совѣта Института и относящіяся къ нимъ приложенія:
а) программы и планы лекцій и практическихъ занятій въ Институтѣ;
б) отчеты объ экскурсіяхъ, ежегодно совершаемыхъ студентами Института подъ руководствомъ профессоровъ, преподавателей и пр.;
в) работы комиссій, назначаемыхъ Совѣтомъ Института для разслѣдованій различныхъ вопросовъ и г) отчеты о командировкахъ членовъ совѣта и другихъ лицъ, служащихъ въ Институтѣ.
- III. Нѣкоторые изъ журналовъ засѣданій Сельскохозяйственнаго комитета, состоящаго при Институтѣ, а именно тѣ, которые имѣютъ особенное значеніе для учебной и ученой дѣятельности Института.
- IV. Годишный отчетъ о состояніи Института.
- V. Каталоги и описанія библіотеки, разнообразныхъ коллекцій и учебныхъ пособій, находящихся при Институтѣ.

Неофициальный отдѣлъ.

- I. Труды профессоровъ, преподавателей, ассистентовъ, студентовъ Института и постороннихъ лицъ (сюда входятъ какъ отдѣльныя самостоятельныя изслѣдованія, такъ и совмѣстныя работы, исполненныя въ лабораторіяхъ, кабинетахъ, на опытномъ полѣ, или на преподаваемой опытной станціи, пасѣкѣ, въ лѣсной дачѣ, огородѣ, питомникѣ и пр.).
- II. Критическія и библіографическія статьи о выдающихся произведеніяхъ сельскохозяйственной и естественнoисторической литературы.
- III. Метеорологическія наблюденія, произведенныя на обсерваторіи Института.

Работы могутъ сопровождаться рисунками, таблицами, чертежами, диаграммами и пл. и по желанію автора, краткимъ резюме на какомъ-либо иностранномъ языкѣ (резюме должно быть составлено самимъ авторомъ и прислано въ редакцію одновременно со статьею). Оглавленіе каждой книги Извѣстія, кромѣ русскаго языка, печатается еще на французскомъ языкѣ.

Подписка принимается въ канцеляріи Московск. Сельскохозяйств. Института.

Подписная цѣна въ годъ за четыре книги, 5 р.; для студентовъ высшихъ заведеній 2 р. 50 к.; цѣна отдѣльной книги 1 р. 50 к.

Редакторы { С. И. Ростовцевъ.
 { Д. Н. Прянишниковъ.

14

О. П. З. Г.

